МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ КЫРГЫЗСТАН
РОССИЙСКИЙ ДОМ НАУКИ И КУЛЬТУРЫ В БИШКЕКЕ
ИНСТИТУТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ (г. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)
ВОЕННЫЙ ИНСТИТУТ (ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ) ВА МТО
им. генерала армии А.В. ХРУЛЕВА
ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. А.С. ПУШКИНА
КЫРГЫЗСКО-ТУРЕЦКИЙ УНИВЕРСИТЕТ «МАНАС»
РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ЛИНГВИСТОВ-КОГНИТОЛОГОВ
СИБИРСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ
МЕЖДУНАРОДНАЯ РАСПРЕДЕЛЕННАЯ ЛАБОРАТОРИЯ
КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ И КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ–КЕМЕРОВО–СЕВАСТОПОЛЬ–
СТАВРОПОЛЬ–АРМАВИР–АЛМА-АТА–БИШКЕК–ПАВЛОДАР)

СЕРИЯ «КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ И ЛИНГВАЛЬНЫЙ МИРЫ»

ВЫПУСК 12

ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, ЭТНОС

Бишкек – Санкт-Петербург 2017

УДК 811.161.1' 1(082)
ББК Ш 10я43
Я 41

Я-41 **Язык, культура, этнос**: к 65-летнему юбилею профессора Замиры Касымбековны Дербишевой / отв. соред. О.Н. Морозова, М.В. Пименова. – Бишкек – Санкт-Петербург, 2017. – 490 с. (Серия «Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 12).
ISBN 978-5-7310-3855-3

Двенадцатый выпуск из научной серии «Концептуальный и лингвальный миры» представляет собой сборник научных статей, озвученных в виде докладов на международном Симпозиуме, состоявшемся 17-18 апреля 2017 года в Киргизско-Турецком университете «Манас», посвященном 65-летнему юбилею известного когнитолога Киргизстана – доктора филологических наук, профессора Замиры Касымбековны Дербишевой.

В состав сборника включены статьи по разделам «Теоретические аспекты когнитивной лингвистики и лингвокультурологии», «Концептуальные исследования», «Языковая картина мира», «Политическая лингвистика», «Индивидуально-авторская картина мира», «Дискурсивные исследования», «Прикладные аспекты концептуальных исследований».

Сборник статей предназначен для филологов, лингвистов, культурологов, историков и всех, кто интересуется вопросами языка и культуры.

ББК Ш 10я43

ISBN 978-5-7310-3855-3

© Морозова О.Н., Пименова М.В., 2017
© Авторы статей, 2017

Друзья, коллеги, ученики и ученики учеников
от всего сердца поздравляют
доктора филологических наук, профессора
Замиру Касымбековну Дербишеву с 65-летним юбилеем!

Слова о юбиляре

4 апреля 2017 года доктору филологических наук, профессору Кыргызско-Турецкого университета «Манас» Замире Касымбековне Дербишевой исполняется 65 лет. Обычно говорят, что у профессора нет возраста. Наверно, это так.

С Замирой Касымбековной Дербишевой мы познакомились на XIV международной Летней научной Школе, которая была организована и проведена на берегу Иссык-Куля – жемчужины Кыргызстана в конце июня – начале июля 2014 г., в которой приняли участие слушатели из пяти стран – России, Киргизии, Казахстана, Белоруссии, Украины. На Иссык-Куль приехали тогда преподаватели, аспиранты и докторанты вузов от Якутии и до Астрахани в России, из городов Семей, Актюбинск, Чимкент, Павлодар, Алма-Ата, Усть-Каменогорск и Астана в Казахстане, из Бишкека в Кыргызстане.

Замира Касымбековна Дербишева тогда выступила в качестве лектора на этой школе. Ее лекции о киргизской лингвокультуре, об индивидуально-авторской картине мира Чингиза Айтматова, о кыргызских национальных концептах вдохновили многих слушателей школы на поиски в своих областх научного знания. Но самым важным моментом оказалось то, что 2014 год стал серьезной вехой в жизни самой Замиры Касымбековны – она подхватила начинание и стала сопредседателем последующих Летних школ на Иссык-Куле, которые прошли в 2015 и 2016 годах.

В качестве лектора Замира Касымбековна выступила на XXIII Международной Зимней научной Школе «Когнитивная лингвистика и концептуальные исследования», посвященной 75-летнему юбилею Казахского университета международных отношений и мировых языков им. Абылай хана (г. Алма-Ата), которая состоялась в декабре прошлого года. Международное признание трудов Замиры Касымбековны, высокий научных уровень ее лекций показывает востребованность ученого в научных кругах разных стран.

Многие ученые присоединяются к словам поздравления в адрес юбиляра. Доктор филологических наук, профессор Кубанского государственного технологического университета **Сергей Григорьевич Воркачев**: «Как ветеран русистики и начинающий тюрколог рад возможности поздравить замечательного учёного-лингвиста и организатора науки Замиру Касымбековну Дербишеву со знаменательной полукруглой датой. Хочу пожелать ей дальнейших филологических свершений, талантливых и благодарных учеников, благополучия и, конечно, здоровья, которое, как сказал поэт, "для дальнего пути главнейшее условие"».

Доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой английской филологии Волгоградского государственного социально-педагогического университета **Владимир Ильич Карасик** высказал свои слова-поздравления юбиляру: «С большим интересом читаю работы З.К. Дерби-

шевой о характеристиках кыргызской картины мира. Лингвокультурные концепты, о которых она пишет, воплощают в себе мудрость народа, отразившего в своем языке красоту окружающего мира и богатство человеческих отношений. Рад, что лично знаком с Замирой Касымбековной. Желаю ей новых творческих успехов, талантливых учеников и всего самого доброго!».

Доктор филологических наук, профессор ИЯ им.А.Байтурсынова (Алматы, Казахстан) **Багдан Катаевна Момынова**: «Дорогая Замира Касымбековна! С юбилеем Вас! Вы, занимаясь когнитивной лингвистикой, трудитесь в деле всестороннего анализа словарного богатства кыргызского языка. Желаю успехов в Вашей повседневной исследовательской и преподавательской деятельности, новых импульсов творческого развития. Ярких впечатлений Вам и успехов в жизни!».

Доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой английской филологии Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина **Ольга Николаевна Морозова**: «С Замирой Касымбековной Дербишевой мы встретились на Зимней школе в Алма-Ате в декабре 2016 года. Покорила ее интеллегентность, терпение, умение захватывающе рассказывать о киргизской картине мира. Творческих Вам успехов и новых открытий, уважаемая Замира Касымбековна!».

Доктор филологических наук, профессор, зав. каф. межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного Уральского государственного педагогического университета **Анатолий Прокопьевич Чудинов**: «Я по существу лишь один раз в жизни слушал выступление Замиры Касымбековны, но она рассказала мне о национальных культурных концептах киргизов намного больше, чем я слышал от многих других ученых».

Кандидат филологических наук, доцент Западно-Казахстанского государственного университета им. Утемисова **Карлыга Таскалиевна Утегенова**: «Основательные лекции профессора З.К. Дербишевой на Зимней школе в Алма-Ате заставили призадуматься о глубинном сходстве казахской и киргизской культуры. Изящество изложения, нюансы, замеченные Замирой Касымбековной, позволили по-новому взглянуть на мир и на свой язык. С юбилеем Вас, уважаемая Замира Касымбековна!».

Необычайно отзывчивая, тонкая, глубоко чувствующая язык и культуру Замира Касымбековна празднует свой юбилей в кругу учеников, друзей, почитателей своего таланта. Этот сборник – подарок Замире Касымбековне от тех, кто идет с ней по жизни рядом. Мы любим Вас, ценим, дорожим Вашей дружбой, дорогая Замира Касымбековна! Спасибо Вам за Ваш труд, помощь и поддержку во всех наших начинаниях!

Доктор филологических наук, профессор, чл.-корр. САН ВШ, почетный доктор ВА МТО, директор центра РКИ Института иностранных языков, зав. каф. иностранных и русского языков Военного института (инженерно-технического) ВА МТО **Марина Владимировна Пименова**

ЗАМИРА КАСЫМБЕКОВНА ДЕРБИШЕВА

Ученьем и знаньем достигнешь высот
И два этих блага приносят почёт.
Ж. Баласагын

Эти замечательные слова великого нашего предка Ж. Баласагына по праву относятся к Замире Касымбековне Дербишевой.

Замира Касымбековна Дербишева является крупнейшим ученым-лингвистом. Она стояла у истоков зарождения когнитивной лингвистики в Кыргызстане, сравнительно-сопоставительной когнитивной лингвистики.

Наверное, это было предопределено мощной теоретической базой, которую она получила во время обучения в старейшем вузе России – в Воронежском университете и в аспирантуре в МГУ по специальности «Славянские языки».

В 1982 году в МГУ им. М.В. Ломоносова защитила диссертацию по сравнительной грамматике русского, чешского и польского языков. Уже в зрелом возрасте, изучив турецкий язык, она написала монографию по сравнительной грамматике русского и турецкого языков. Её по праву следует назвать ведущим лингвистом Кыргызстана.

В последние десятилетия научные интересы З.К. Дербишевой лежат в области когнитивной лингвистики, сравнительной грамматики русского, кыргызского, турецкого языков. Читаемые ею курсы по когнитивной лингвистике на летних школах на Иссык-Куле всегда отличаются яркостью, богатыми теоретическими и практическими материалами, тесной связью с реальной языковой действительностью и менталитетом кыргызов.

Она олицетворяет собой ярчайший образ руководителя XXI века, креативного, творческого. Масштабное видение З.К. Дербишевой позволило ей на заре становления рыночных отношений в Кыргызстане создать Центр лингвистики и межкультурной коммуникации (ЦЛМК) в КНУ им. Ж. Баласагына, вырастить целую плеяду лингвистов-славистов, владеющих чешским, польским языками, в ЦЛМК она первая открыла специальность «Лингвистика (китайский язык)». Обладая тонким чутьем и интуицией, она заключила договора с Польшей и Чешской Республикой, чтобы открыть кабинеты польского и чешского языков и культуры в КНУ им. Ж.Баласагына.

Ею подготовлено более 150 научных работ, из них 6 монографий, учебно-методические пособия по изучению кыргызского, русского языков, по научному редактированию и др. Будучи директором Высшей школы иностранных языков в Кыргызско-турецком университете «Манас» Замира Касымбековна Дербишева являлась председателем, зам.председателя диссертационного совета по теории языка и сравнительно-историческому, типологическому, сопоставительному языкознанию, где под ее руководством подготовлены и успешно защищены диссертации на соискание ученых степеней кандидата и докторов филологических наук. Много лет она была членом диссертационного совета в Казахском университете международных отношений и мировых языков имени Абылай Хана в Алматы. З. К.

Дербишева умело совмещает научно-педагогическую, административную и общественную работу. Благодаря ее усилиям было создано Общество кыргызстанских преподавателей русского языка и литературы (ОКПРЯЛ).

Её всегда отличает высокая ответственность за порученное дело, стремление идти в ногу с теми изменениями, которые происходят в Кыргызской Республике в системе образования. Она являлась заместителем Председателя Общественного наблюдательного совета при Министерстве образования и науки в 2015-2017 гг. Её яркие, доказательные выступления в ОНС освещались в прессе. Она радела за систему образования, за качество школьного образования. Являясь специалистом по русской лингвистике, деканом факультета русской филологии, она, тем не менее, выступала за распространение кыргызского языка, анализировала языковую ситуацию в Кыргызстане, изучала языковую палитру КР, докладывала о языковой ситуации в республике на Конгрессах МАПРЯЛ.

Итоги осмысления базовых вопросов взаимосвязи языка и менталитета были подведены в нескольких монографиях З.К.Дербишевой: «Ключевые концепты кыргызской лингвокультуры» (2012); «Кыргызский этнос в зеркале языка» (2012); «Лингвокультурные концепты в когнитивном восприятии» (2012). В них представлено национальное «видение» мира кыргызами, своеобразие их житейских представлений; исследование кыргызского менталитета, культуры кыргызов, специфики восприятия кыргызами общечеловеческих ценностей и категорий. Анализируя кыргызский менталитет, ученый детально описывает особенности кыргызской ментальности через призму языка.

Не перестаешь удивляться тому объему работы, который она успевает сделать – всегда на самом высоком уровне и всегда в срок. Ее трудолюбие, высокая требовательность к себе, готовность к восприятию нового, умение генерировать научные идеи и щедро делиться ими с аспирантами и коллегами – вот те черты, которые формируют настоящего щедрого ученого – Замиру Касымбековну Дербишеву. Опять бы хотелось закончить словами нашего соотечественника Ж.Баласагына:

Наука – влекущий богатства магнит,
А ум – тот чертог, что богатства хранит.

Дорогая Замира Касымбековна, Вы молоды, молодость кончается только тогда, когда личность теряет способность улавливать тенденции будущего развития науки, когда она перестает излучать энтузиазм и заражать им других. Пусть этот юбилей будет не итогом научных открытий, а новой вехой в фонтанировании идей, пусть ваш ум – чертог будет открыт для всех, желающих попасть в храм науки Ваших идей, изысканий.

Доктор педагогических наук, профессор языкознания, и.о. заведующий межфакультетской кафедрой русского языка факультета русской и славянской филологии КНУ им. Ж. Баласагына **Ахметова Нурлан Алымкуловна**.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

УДК 81'27

З.К. Ахметжанова, Л.Ю. Мирзоева
Университет имени Сулеймана Демиреля, Казахстан

О КОНЦЕПЦИИ РЕВИТАЛИЗАЦИИ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ

Аннотация. *Общеизвестное положение, кочующее из одной работы в другую, о том, что эпоха глобализации несет угрозу для малочисленных народов и малых государственных образований (исчезновение, ассимиляция, утрата этнической идентичности, политической самостоятельности и др.) зачастую создает у человека ощущение безысходности, невозможности изменить данную ситуацию, неверие в собственные силы. Однако мы должны знать, что прослеживается закономерность, общая для языков и культур не только малочисленных этносов, но и народов, являющихся основой крупных, экономически сильных, независимых государств. Эту закономерность можно определить как лингвокультурная эрозия, проявляющаяся в постепенном размывании внутренней формы слова, фразеологизма, пословицы, поговорки, выветривании, деформации контуров синтаксических конструкций, недопонимании этнической логики мышления, опрощении образно-эмоционального строя языка, непонимании символического компонента языковых единиц и т.д. В основе концепции ревитализации языка и культуры лежит мысль о том, что пока мы в своем процессе дисперсии не достигли точки невозврата, критической точки, после перехода которой не может быть возвращения к исходному состоянию, всегда есть возможность усилить жизнеспособность языка и культуры, возможность ревитализации.*

Ключевые слова: *ревитализация, забвение внутренней формы, лингвокультурный комментарий, этническая логика мышления, опрощение образно-эмоционального строя языка.*

Сведения об авторах: *Ахметжанова Зауреш Канашовна, доктор филологических наук, профессор, зав. лаборатории «Язык.*

Z.K. Akhmetzhanova, L.Yu. Mirzoeva
Suleyman Demirel University, Kazakhstan

ABOUT THE CONCEPTION OF REVITALIZATION OF LANGUAGE AND CULTURE

Abstract. *A well-known statement, coming from one scientific work to another, that the era of globalization threatens the indigenous peoples and small social entities (such kind of treatments as disappearance, assimilation, loss of ethnic identity, political independence, etc.) makes person to experience feeling of hopelessness, inability to change the situation, disbelief in his/her own abilities. However, we need to know that now we face to the tendency which is common not only to minor languages and cultures but also to large, economically strong and independent countries. This tendency can be defined as the linguistic and cultural erosion, consisting in the gradual erosion of the inner form of speech, idioms, proverbs, sayings; in deformations of syntactic patterns, lack of understanding of the national logics of thinking; in simplification of emotional structure of the language; in the lack of understanding of symbolic component of language units, etc. The theory of language\culture revitalization is based on the idea that being in the process of dispersion we have not reached the point of no return yet , we always have an opportunity to strengthen the vitality of language and culture, the possibility of their revitalization.*

Key words: *revitalization, the oblivion of the internal form, linguistic and cultural commentary, ethnic logic of thinking, simplification of emotional structure of the language.*

About the authors*: Akhmetzhanova Zauresh, Doctor of Philology, Professor, Chair of "Language. Culture. Communi-*

Культура. Коммуникация». Место работы: Университет имени Сулеймана Демиреля.

Мирзоева Лейла Юрьевна, доктор филологических наук. Место работы: Университет имени Сулеймана Демиреля.

cation" Scientific Laboratory. Suleyman Demirel Univertisy

Mirzoyeva Leila, Doctor on Philology. Suleyman Demirel Univertisy.

Контактная информация: *1/1 Абылай хана, Каскелен, Алматы, Казахстан 040900, dinaratlezhanova@gmail.com*

Общеизвестное положение, кочующее из одной работы в другую, о том, что эпоха глобализации несет угрозу для малочисленных народов и малых государственных образований (исчезновение, ассимиляция, утрата этнической идентичности, политической самостоятельности и др.) зачастую создает у человека ощущение безысходности, невозможности изменить данную ситуацию, неверие в собственные силы. Однако мы должны знать, что прослеживается закономерность, общая для языков и культур не только малочисленных этносов, но и народов, являющихся основой крупных, экономически сильных, независимых государств. Эту закономерность можно определить как лингвокультурная эрозия, проявляющаяся в постепенном размывании внутренней формы слова, фразеологизма, пословицы, поговорки, выветривании, деформации контуров синтаксических конструкций, недопонимании этнической логики мышления, опрощении образно-эмоционального строя языка, непонимании символического компонента языковых единиц и т.д. Все эти процессы связаны не только с влиянием глобализации, но и с естественным развитием современного мира, с усилением темпов, скорости изменения жизни, в силу чего человек старается не хранить в памяти лишнюю, на его взгляд, информацию. Это, в свою очередь постепенно приводит к лингвокультурной эрозии, когда носитель языка начинает относиться к языку почти как к техническому средству приема и передачи информации, а весь огромный культурный пласт, подпитывающий язык, дающий ему силу и связывающий его с нашей древней историей и культурой, связывающий язык с этносом, уходит в небытие.

Ярким примером подмены компонента фразеологизма, осуществленным в силу недостаточности апперцепционной базы, может послужить восприятие современным подростком ФЕ "уйти к праотцам". Компонент "к праотцам" был заменен на более простое и понятное " к братцам", но возникло непонимание семантики, т.к. "братцы" при общем понимании ФЕ и знании его семантики ("уйти из жизни") не соответствовали представленной во фразеологизме ситуации. Таким образом, забвение внутренней формы ФЕ может привести к размыванию ассоциативного шлейфа, к обеднению апперцепционной базы и к формированию ложного, упрощенного поля ассоциаций типа "народной этимологии".

О том, что молодые люди 18-20 лет (как те, для которых русский язык является не родным, а вторым, так и носители русского языка), не мо-

гут верно декодировать значения многих фразеологизмов, и, следовательно, утрачивают доступ к целому пласту когнитивно и эмотивно значимой информации, свидетельствуют следующие случаи: – ФЕ *желтый дом* – воспринят как бедный, некрасивый и пр. либо, наоборот, как яркий, солнечный, но не как не лечебница для душевнобольных; ФЕ *барашек в бумажке* воспринимается как невинный, беззащитный человек, но не как взятка, *рыцарь зеленого поля* трактуется как спортсмен либо как благородный человек, но не как игрок. Все это свидетельствует о размывании определенного глубинного пласта восприятия языка, об "овнешнении" и утрате ряда не только прагматических, но и семантических связей.

Возникает вопрос: можем ли мы, лингвисты, ученые-исследователи, за чьими плечами знания и опыт, хоть как-то противостоять этому процессу?

Основой сформулировавшейся в лаборатории «Язык. Культура. Коммуникация» университета им. Сулеймана Демиреля (Казахстан, г. Каскелен) концепции ревитализации языка и культуры лежит мысль о том, что пока мы в своем процессе дисперсии не достигли точки невозврата, критической точки, после перехода которой не может быть возвращения к исходному состоянию, всегда есть возможность усилить жизнеспособность языка и культуры, возможность ревитализации. Ревитализация – ре... приставка, обозначающая: 1) возобновление или повторность действия, 2) противоположное действие или противодействие [1]. Витальность языка [от лат.vitalis – жизненный] жизнеспособность, выживаемость, устойчивость, способность языка к выживанию и развитию [2]. Авторы словаря социолингвистических терминов выделяют следующие параметры, определяющие витальность языка:

1. Социально-политические параметры (языковая политика: статусное и корпусное планирование, наличие государственных программ поддержки и развития языка; наличие разветвленной социальной инфраструктур полноценного функционирования языка: образование, СМИ, книгоиздание и т.п.);
2. Социально-демографические параметры (количество носителей данного языка в сравнении с другими языковыми коллективами в государстве, количество носителей данного языка как родного среди младшего поколения, соотношение количества билингвов и монолингвов (носителей данного языка), степень двуязычия среди носителей данного языка и др.)
3. Собственно лингвистические параметры, в том числе наличие литературного языка, языковых норм, внутриструктурные параметры (скорость распространения языковых инноваций, динамика развития лексикона, устойчивость языка к иноязычному влиянию, развитие отраслевых терминологий и др.);

4. Социально-функциональные параметры [социальные функции языка и интенсивность его использования в наиболее важных сферах жизни общества];
5. Национально-культурные параметры.

В концепции ревитализации основной акцент ставится на третий и пятый параметры витальности. При этом основное внимание уделяется когнитивно-культурологическому аспекту, содержательно-логическому плану языковых единиц. Связка «языковая единица в формальном аспекте его выражения» + «внутренняя форма» (по А. Потебне), дополненная лингвокультурологическим и когнитивным комментарием, имеющим познавательную направленность, формирующем образно-ассоциативные связи языковой единицы, способствует более прочному и сознательному усвоению семантики языковой единицы, так и пониманию менталитета народа-носителя языка. Так, в казахской паремиологии существует популярная пословица *қоянды қамыс, ерді намыс өлтіреді*. В устной беседе с З.К. Ахметжановой академик А.Т. Кайдар рассказывал о том, как немецкие тюркологи ломали голову над этой пословицей и обратились к нему с вопросом: "А причем тут заяц? Какая связь между ситуацией, когда человек во имя защиты своей чести, либо чести народа жертвует жизнью, и смертью зайца?" В двучастной структуре пословицы значение второй части *ерді намыс өлтіреді* понятно любому носителю языка и культуры, в то время как семантика первой затемнена и неясна. В таких случаях только лингвокультурологический комментарий способен помочь выявить ассоциативную связь между событиями обеих частей. Академик А.Т. Кайдар следующим образом поясняет данную пословицу «Аңшылар аулайтын аңдардың бірі – дала қояны. Оны ұстаудың қалыптасқан бір тәсілі – қыстың суығында мұзбен бірге қатып қалатын көл, не көлшік жердегі сояулап (ұшын қияқтап кесіп, үшкір, өткір етіп қиып) тастаған қамыс сабақтарына қуып барып, араңдату. Қамыс сояуларынан қаңсырап, жүре алмай қалған қояндарды ұстап алу қиын емес» [3].

Приведенный комментарий выявляет характер ассоциативной связи между содержанием обеих частей пословицы, но и тут дополнительно необходимо знание концепта *намыс. Намыс* – это желание, стремление человека в полной мере соответствовать высоким критериям, предъявляемым обществом к каждому человеку. Соответствие высоким критериям формирует как высокую самооценку и самоуважение самого человека, как и объективную оценку его качествам, действиям, всей жизни человека со стороны его окружающих, общества в целом. *Намыс* для казаха стоит на самой вершине иерархии национальных ценностей, защита *намыс* для казаха дороже жизни. Иначе говоря общее семантическое основание для возникновения ассоциативной сравнительной связи является семантика смерти. Но если в ситуации с зайцем смерть вызвана инстинктом

самосохранения, в случае с человеком смерть вызвана осознанным желанием человека защитить свою честь, честь этноса даже ценой жизни.

Приведем еще один пример. Внутренняя форма фразеологизма «Қылауына қыл түспеген» в значении «совершенно новый, никем не тронутый», «не бывший в использовании», становится более ясной и осознанной, если привлечь комментарий А.Т. Кайдара, приведенный им в «Казахско-русском фразеологическом словаре» с этнолингвистическими пояснениями. «Фразеологизм ... первоначально возник в среде мастеров-оружейников. ... в прежние времена оружейные мастера, вручную изготавливавшие все виды боевого оружия – сабли, шашки, кинжалы и др., проверяли остроту стальных лезвий, набрасывая на них конский волос. Если наточенное лезвие без труда перерезало наброшенный конский волос, это было признаком высокого качества изделия.

Своеобразный прием проверки качества лезвия (через *қылау* и *қыл*) послужил мотивом образования фразеологизма, который в своем дальнейшем семантическом развитии приобрел обобщенное переносное значение и стал обозначать новый, только что изготовленный, никем еще не опробованный предмет, новый вид социальных отношений» [4, с. 238].

Одной из вызывающих наиболее острое неприятие и обеспокоенность лингвокультурологов, специалистов по философии культуры, педагогов является наблюдаемая в определенных социальных группах тенденция к недопониманию традиционных ценностей этноса и постепенная замена их ценностями потребительского характера: индивидуализм, гедонизм, стремление к удовлетворению только личных потребностей, обеспокоенность только личным комфортом, желание жить легко, не утруждая себя интенсивной работой как физического, так и интеллектуального характера. Справедливости ради отметим, что эта тенденция характеризует развитие многих этносов. Следовательно, указанная проблема имеет универсальный характер.

В данном аспекте хотим высказать следующие соображения. Один из авторов данный статьи – З.К. Ахметжанова – разработала свою лингвокультурологическую классификацию, согласно которой выделяется четыре вида лингвокультурологических единиц:

- лингвокультуремы, отражающие материальную культуру народа;
- лингвокультуремы аксиологические, отражающие духовные ценности народа;
- лингвокультуремы, отражающие коммуникативную культуру народа;
- обрядово-ритуальные лингвокультуремы.

Поскольку каждый из указанных видов лингвокультурем достаточно хорошо исследован и описан в серии трудов З.К.Ахметжановой и ее учеников, укажем на некоторые работы, поскольку они могут быть полезными как для теоретиков-исследователей в области

лингвокультурологии, так и для педагогов-практиков, связанных с учебным процессом в сфере школьного и вузовского образования [5; 6; 7].

Из этих видов лингвокультурем в аспекте ревитализации наиболее важны аксиологические и обрядово-ритуальные лингвокультуремы. Аксиологические лингвокультуремы отражают аксиологическую картину мира конкретного этноса, национально-культурную маркированность ценностных ориентиров, запечатленных в языковых единицах. Сюде же мы относим архетипы, мифологемы, символы и стереотипы. Аксиологические лингвокультуремы хорошо реализуются в базовых концептах, отражающих ментальность этноса, т.е. обозначающих важные, значимые для жизни этноса понятия. Так, для казахской лингвокультуры такими концептами выступают *намыс, қанағат, обал, тектілік, ұрпақ, адам, ағайындық, дастархан* и др. Часть этих концептов является эндемичными, поэтому требуют особого культурологического комментария.

Часть концептов описана в работе З.К. Ахметжановой «Очерки по национальной концептологии», часть концептов исследована в трудах А.Байгутовой, Г.Омарбековой, Н.Уалиева, Ж.Джамбаевой, А.Оналбаевой и др. Работа по изучению концептосферы казахской лингвокультуры продолжается. На наш взгляд, особое внимание должно быть уделено концептам – регулятивам (по В.И. Карасику), в которых заключен морально-нравственный кодекс этноса: что хорошо, что плохо, что можно, что нельзя. При этом в аксиологических концептах максимально конкретизировано содержание понятия, лежащего в основе концепта. Если нельзя, то указывается, какие действия по отношению к кому-чему либо в какое время, в каком месте недопустимы и почему. Так, одним из компонентов концепта «нельзя» выступают «*тыйым*» (запрет) и «*ырым*» (приметы).

Недопонимание либо искаженное восприятие культурной информации, заложенной в лингвокультуремах, приводит к неверной оценке языка и культуры, а порой и к отрицанию их ценности. Легкомысленное отрицание ценности той или иной лингвокультуремы – это шаг к разрыву преемственности поколений. Это особенно наглядно видно, когда речь идет об обрядово-ритуальной культуре.

Обрядово-ритуальная культура - это совокупность традиционных обрядов, основывающаяся на древних представлениях этноса об мироустройстве, о связях людей и богов, и отражающая миропонимание и мироощущение наших предков.

Этническое самосознание в качестве одной из важнейших составляющих включает систему ценностей, постижение и осмысление которой возможно только через символы. Мир ценностей отражен в обычаях, традициях и ритуалах.

Обрядово-ритуальная культура выполняет несколько функций:

1. Функция передачи знаний (наивных, донаучных) от пополнения к поколению в рамках этноса, что обеспечивает преемственность поколений;
2. Функция объединения разных по социальному статусу, по образовательно-демографическому параметру, по территориальной принадлежности представителей этноса в единое целов;
3. Функция воспитания в членах своего социума чувства этнической идентичности, принадлежности к конкретному этносу.
4. Функция формирования этнического менталитета.

В зависимости от того, кто или что выступает в обряде основным объектов, выделяем несколько типов обрядов.

1. Обряды, направленные на выделение и празднование определенных этапов социализации человека. Эта группа обрядов самая значительная по количеству и самая значимая по своей важности для казахского этноса.
2. Обряды, направленные на установление, поддержание и развитие контактов между людьми.
3. Обряды, оставшиеся как напоминание о скотоводческо-кочевом образе жизни казахов.
4. Обряды, являющиеся отражением космоцентрических воззрений о мире, об устройстве Вселенной.

В аспекте ревитализации данный тип культуры крайне необходим в силу того, что они, во-первых, основаны на этнических культурных ценностях, но их-то обычно не раскрывают, т.е. это закрытый культурный код, во-вторых, компоненты обрядов характеризуются высокой символичностью, к сожалению, семантика символов также не раскрывается, т.е. это еще один закрытый культурный код.

Посколью целью статьи было дать общее представление о концепции ревитализации, разработкой которой занимаются в университете им. Сулеймана Демиреля, то на вопрос, поставленный в начале статьи: можем ли мы, лингвисты, ученые-исследователи, за чьими плечами знания и опыт, противостоять процессу лингвокультурологической эрозии? мы отвечаем: можем. Но для этого, во-первых, следует ввести в учебный процесс школьного и высшего образования курс лингвокультурологии, во-вторых, максимально обогатить лингвокультурологическим содержанием курсы практического, спецакадемического и профессионально ориентированного казахского; в-третьих, усилить объяснительную силу филологических дисциплин, то есть докапываться до первопричин, мотивов, первосмыслов языковых единиц. В этом направлении сотрудники лаборатории активно работают над реализацией концепции ревитализации языка и культуры: создан учебник «Ұлттық құндылықтарға негізделген қазақ тілі» (Ахметжанова З.К., Жолшаева М.С., Нұрманова Г.З.), Алматы, 2016. Идет работа по созданию учебного пособия «Семиотика казахской

лингвокультуры» (Ахметжанова З.К., Ордабекова Х.А., Оналбаева А.Т.) на русском и казахском языках, «Лингвокультурологический аспект художественного перевода» (Мирзоева Л.Ю., Сюрмен О.) на русском языке, Лингвокультурологическая ценность семейного дискурса (Кудеринова К., Тлежанова Д.) на казахском языке.

Литература

1. Современный словарь иностранных слов. – СПб.: Дуэт, 1994. – С. 512.
2. Сулейменова Э.Д., Шаймерденова Н.Ж., Смагулова Ж.С., Аканова Д.Х. Словарь социолингвистических терминов. – Изд. 2. – Алматы: Қазақ университеті, 2007. – С. 37.
3. Қайдар Ә. Халық даналығы (қазақ мақал-мәтелдерінің түсіндірме сөздігі және зерттеу). – Алматы: Тоғанай Т. Баспасы, 2004. – 409 б.
4. Кайдар А. Тысяча метких и образных выражений. (Казахско-русский фразеологический словарь с этнолингвистическими пояснениями). – Астана: Білге, 2003. – С. 238.
5. Ахметжанова З.К., Ерназарова З.Ш. Казахская лингвокультура: язык, человек, этнос. Монография. – Алматы: Елтаным баспасы, 2016. – 288 с.
6. Ахметжанова З.К. Очерки по национальной концептологии. – Алматы: Елтаным, 2012.
7. Ахметжанова З.К., Оналбаева А.Т., Умирзакова З.А. Культура в зеркале языка. – Алматы: Елтаным, 2014.

References

1. Sovremennyj slovar' inostrannyh slov. – SPb.: Dueht, 1994. – S. 512.
2. Sulejmenova EH.D., SHajmerdenova N.ZH., Smagulova ZH.S., Akanova D.H. Slovar' sociolingvisticheskih terminov. – Izd. 2. – Almaty: Қazaқ universiteti, 2007. – S. 37.
3. Қajdar Ә. Halyқ danalyғy (қazaқ maқal-mətelderinің tүsindirme sөzdigi zhəne zertteu). – Almaty: Toғanaj T. Baspasy, 2004. – 409 b.
4. Kajdar A. Tysyacha metkih i obraznyh vyrazhenij. (Kazahsko-russkij frazeologicheskij slovar' s ehtnolingvisticheskimi poyasneniyami). – Astana: Bilge, 2003. – S. 238.
5. Ahmetzhanova Z.K., Ernazarova Z.SH. Kazahskaya lingvokul'tura: yazyk, chelovek, ehtnos. Monografiya. – Almaty: Eltanym baspasy, 2016. – 288 s.
6. Ahmetzhanova Z.K. Ocherki po nacional'noj konceptologii. – Almaty: Eltanym, 2012.
7. Ahmetzhanova Z.K., Onalbaeva A.T., Umirzakova Z.A. Kul'tura v zerkale yazyka. – Almaty: Eltanym, 2014.

УДК 811.161.1

Ж. Бокошов
Бишкек, Кыргызстан

ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ ЗНАНИЯ

Аннотация. *Рассматриваются некоторые методологические вопросы концептуальной реконструкции знания, которая представлена как особая стратегия понимания текста, где ключевым понятием является «концепт». В философско-методологическом анализе акцент делается на онтологических аспектах. При этом различаются предметное содержание знания и его культурно-знаковое существование. В он-*

J. Bokoshov
Bishkek, Kyrgyzstan

ONTOLOGICAL PROBLEMS OF CONCEPTUAL RECONSTRUCTION OF KNOWLEDGE

Abstract. *Some methodological questions of the conceptual reconstruction of knowledge are considered, which is presented as a special strategy for understanding the text, where the key word is the "concept". The emphasis is on ontological aspects in philosophical and methodological analysis. The subject content of knowledge and its cul-*

тологическом измерении обсуждается вопрос о соотношении имплицитных и эксплицитных компонентов текстуально данного знания. Подчеркивается значимость концептуальной реконструкции в теоретическом осмыслении социокультурной детерминации познания.

tural-symbolic existence differ at the same time. The importance of conceptual reconstruction in theoretical comprehension of sociocultural determination of knowledge is underlined.

Ключевые слова: *концепт, концептуальная реконструкция, знание, имплицитное, эксплицитное, онтологические проблемы.*

Key words: *concept, conceptual reconstruction, knowledge, implicit, explicit, ontological problems.*

Сведения об авторе: *Бокошов Жамгырбек, доктор философских наук, профессор, зав. отделением философии.*

Место работы: Кыргызско-Турецкий Университет Манас.

About the author: *Bokoshov Zhamgyrbek, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of philosophy.Place of employment: Kyrgyz-Turkish University of Manas.*

Контактная информация: *e-mail: bokoshovj@gmail.com. Моб.тел. 0772 544254*

В попытках обойти дебри теоретической дискуссии о точности и аутентичности дефиниции терминов, которые являются ключевыми для данной работы, мы хотели бы следующим образом предварительно определить предмет нашего исследования. Есть известного рода знания (научные, традиционные, технологические, повседневные и т.д.), вербально выраженные, текстуально оформленные и существующие в пространстве социальной коммуникации. Наряду с пониманием и интерпретацией тех или иных знаний, существует особая форма работы с текстами, которая обозначена как концептуальная реконструкция и которая имеет свои специфические проблемы (методологические, инструментальные, герменевтические и т.д.). Важным направлением исследования концептуальных реконструкций знания может быть выявление и теоретическое осмысление онтологических измерений данной формы обращения со знаниями. Разумеется, это не означает абсолютное игнорирование проблемы дефиниции научных терминов.

Концептуальная реконструкция – это особая стратегия определения и усвоения знания, направленная на выявление и осмысление взаимосвязанных концептов, с помощью которых данное знание получило свое культурно-языковое воплощение. В результате концептуальной реконструкции определяются концептуальный каркас и порядок знания, его содержательно-смысловые структуры и границы. В философском плане близкими к «концепту» понятиями являются «идея» (в смысле платоновской традиции) и «понятие». «Концепт» имеет особый онтологический статус и отличается особым соотношением своих имплицитных и эксплицитных компонентов.

Любое знание есть результат познавательной деятельности, растянутой во времени и в пространстве, имеющей культурно-историческое топологическое измерение. Поэтому понимание и интерпретация знания возможны тогда, когда возможна реконструкция тех когнитивных, концептуальных образований, в контексте которых и формировалось и текстуально воплотилось данное знание. Концептуальная реконструкция – это воссозда-

ние истории мысли, её «биографии», выявление ее содержательно-смысловых предпосылок и оснований, приблизительное восстановление того смыслового пространство, где родилась рассматриваемая мысль.

Объектом или непосредственным материалом концептуальной реконструкции является текст, под которым мы понимаем книгу, статью, научный доклад, сообщение, записки и дневники ученых, письма, отчеты и т.д. Исходя из данного текста или совокупности текстов, мы реконструируем то содержание, которое реально стоит за ними. И такая реконструкция предполагает учет диалектики эксплицитного – выраженного и имплицитного – подразумеваемого, скрытого содержания, значения.

В известном смысле теория понимания есть теория имплицитного, есть методология и методика определения и осмысления подразумеваемых, неявных, имплицитных компонентов, элементов речи, текста. Для осмысления, понимания открыто сказанного, явно выраженного, эксплицитно данного не требуются особые интеллектуальные усилия, процедуры, способности, и часто не это главное. Поэтому понимание эксплицитного называется в литературе поверхностным пониманием. На уровне эксплицитного обычно не возникает разночтение. Основное в интерпретации – это имплицитное, подразумеваемое, неявное, молчаливое (подтекст, фон, смысл). Именно на этом уровне осознается проблематичность понимания и интерпретации. При изучении проблемы имплицитного возникает одна интересная ситуация. Г.А. Брутян считает, что вопросительное предложение «Который час?» эксплицитно не выражает никакого суждения, однако оно предполагает несколько импликативных суждений. Например, «лицо, к которому я обращаюсь, знает время», «он понимает мой язык», «он ответит на мой вопрос» и т.д. «Все эти мысли здесь подразумеваются имплицитно», – пишет Г.А. Брутян. Далее: «…подтекстные мысли (суждения), предполагаемые предложением «Который час?», не находятся в одной плоскости, можно идти все глубже и выявить новые предполагаемые мысли. Это зависит и от рассматриваемого предположения, и от его интерпретатора» [3, с.8].

На основе смыслового анализа вопроса «Который час?» можно выявить следующие имплицитные мысли (принадлежащие задавшему вопрос человеку): «другой» услышит меня; он, наверное, знает мой язык, он знает, что такое «часы»; он должен понять, что мне действительно хочется знать, сколько времени, а не хочу придраться (может быть, я – карманник, хулиган и т.д. если, допустим, мы стоим или встретились на безлюдной, темной улице); не собираюсь шутить (может быть, что это мой хороший знакомый, он меня не замечает, и я выбрал такой способ привлечь его внимания к своей персоне). Такого рода мысли могут быть контекстом вопроса «Который час?», условиями его возможности. Но для коммуниканта может оказаться значимой одна единственная мысль – «сколько сейчас времени». В этом смысле никакой подтекстной, импликативной мысли в этом вопросе нет.

Следует различать коммуникативную установку, когда импликативное утверждение, предполагаемая, неявная мысль выявляется в системе коммуникативной деятельности, когда адресат, эксплицитно выражая одну мысль (одни мысли), намекает на другую, осознанно или неосознанно подсказывает, рассчитывает на знание, опыт, воображение, ум и т.д. адресата. В этом плане границы, рамки выявления смысла ограничены, определены. И проблема соотношения, взаимосвязи имплицитного и эксплицитного здесь носит конкретно-практический характер, «исследовательскую аналитическую» установку, когда высказывание (тот же вопрос «Который час?») выступает как основа (повод) выявления возможных утверждений, которые непосредственно или косвенно связано с данным высказыванием. И вряд ли целесообразно рассматривать все эти имплицитные, т.е. не выраженные словесно, явно, открыто в данном тексте элементы, но выявляемые на его основе положения как подтекст. Вполне возможно, что для них подходящим является понятие «затекст». Это – все те знания, мысли, которые эксплицитно не выражены данном тексте, но составляют его возможное когнитивное окружение, контекст его существования. Подтекст же – это то имплицитное знание, которое специально рассчитано на понимание адресата или которое таковым считается адресатом. В данном отношении границы, рамки имплицитного определены целью, задачами «исследования», «анализа». Далеко не всегда мы полны решимостью выявить все возможные имплицитные знания, связанные с данным высказыванием. Наша интерпретационная деятельность всегда конкретна и целенаправленна.

Поэтому необходим дифференцированный подход к анализу имплицитного. На наш взгляд, имеет смысл специфицировать такие понятия, как «подтекст», «предполагаемое» (знание), «подразумеваемое», «скрытое», «контекст», «затекст», «имение в виду» и т.п. Проблема взаимоотношения имплицитного и эксплицитного возникает в контексте обсуждения вопроса о взаимосвязи сознания, языка и реальности, мысли и текста (см.: [1; 6]). «…Имплицитное существует так же реально, как и эксплицитное, но существует не на поверхности, а в глубине языка, как нижний, скрытый слой содержания», – отмечает В.Х. Багдасарян [2, с. 6]. Вне сомнения, имплицитное существует реально. Однако, каково конкретное содержание понятия «реально» в данном контексте – вопрос сложный и важный. Имплицитное существует в смысловом пространстве общения, в интерпретации текста, в восприятии речи. Бытие имплицитного сопряжено с эксплицитным. Последнее существует реально в том смысле, что оно явно выражено словами (или другими знаками), дано феноменально, фактически, если можно так сказать. Реальность же существования имплицитного носит несколько иной характер. Содержание, структура, объем имплицитного определяются знаниями адресата – читателя, слушателя, его «картиной мира» и т.д. Если содержание текста как результат его понимания и интерпретации представим в образе айсберга и если смысловая надводная часть (т.е. эксплицитное)

воспринимается нами примерно одинаково, то подводная часть смысла (т.е. имплицитное), его структура и объем существенно зависят от нашего воображения, знаний, опыта, установки и т.д. Поэтому реальность имплицитного далеко не то же самое, что реальность эксплицитного.

Кроме того, «геометрическое» представление соотношения эксплицитного и имплицитного («поверхность», «нижний слой») вполне может быть не самым удачным и продуктивным путем концептуализации данной проблемы. Вполне возможно, что для методологического анализа проблемы «эксплицитное – имплицитное» необходима совершенно другая категоризация смысловой реальности.

Текст есть условие и продукт познавательно-интеллектуальной деятельности, форма существования ее результата – знания. Однако в тексте выражается не все то, что имело отношение – прямое и косвенное – к процессу осмысления и обсуждения предмета мысли. И при этом соотношение эксплицитного и имплицитного в тексте связано с такой имманентной чертой познания, как предпосылочность.

Познание всегда предпосылочно. Оно исходит из определенных идей, взглядов, принципов, допущений, которое для познающего субъекта обычно представляются очевидными, естественными, само собой разумеющимися, общеизвестными и общепринятыми. И в силу этого предпосылочное знание, содержательно-смысловые предпосылки познания выражаются в тексте неявно, имплицитно; они «имеются в виду», «подразумеваются», но носят скрытый, подспудный характер. «Фактически методолог занимается толкованием научных текстов, совершенствуя при этом свои представления как об их формальной структуре, так и о содержательных предпосылках и понимании (осмысленности). Возникающий здесь круг, по существу, ничем не отличается от герменевтического и «разрывается» благодаря смешению исследования то на один, то на другой аспект текста», – отмечает Б.И. Пружинин [6, с. 16].

Таким образом, способ методологического анализа – это, прежде всего, смысловой анализ научного текста. Действительно, одна из задач методологии заключается в выявлении содержательных предпосылок знания, выраженного в данном тексте. При этом понимание текста предполагает понимание его содержательных предпосылок. Но определение предпосылок, их содержательно-смысловая трактовка, выяснение их отношение к данному знанию возможны в том лишь случае, если научный текст подвергнут в известной мере смысловому анализу. Так что здесь получается настоящий «герменевтический круг». Выход же из него, на наш взгляд, связан с выходом на более широкий концептуальный контекст – общенаучный, методологический, философско-мировоззренческий, социокультурный.

Концептуальные предпосылки, будучи фундаментом, опорой научного познания и объяснения, не являются частями этого объяснения. Они остаются имплицитными структурами и компонентами научной коммуни-

кации. Более того, имплицитными они могут оказаться не только по отношению к читателям, но и по отношению к самому автору текста. По-видимому, наряду с авторским имплицитным знанием, составляющим основание его рассуждений, существует имплицитное знание научного сообщества и эпохи в целом. Т.е. такие знания, которые для людей данной исторической эпохи являются общепринятыми, очевидными, естественными. Именно они составляют содержательно-смысловую основу общения и взаимопонимания современников. «Можно предположить, – пишет Л.А. Микешина, – что диалектика рефлексивного и нерефлексивного, имплицитного и эксплицитного непосредственно зависит от профессионального консенсуса» [4, с. 76]. Согласованность в научном сообществе относительно когнитивных стандартов, онтологических предпосылок, методологических оснований и т.д. непосредственно отражается в смысловой структуре научной коммуникации.

Действительно, путь от наличного, существующего знания к его концептуальным предпосылкам, к его исходным пунктам очень сложен и неоднозначен. Сложность концептуальной реконструкции и интерпретации предпосылок познания заключается в том, что осуществляя это дело, мы сами исходим из определенных предпосылок. Наше понимание, оценка и определение предпосылочного знания того или иного научно-познавательного опыта принципиально определены теми знаниями, которые составляют основу нашего методологического сознания, исследовательской рефлексии, теоретических предпочтений. Предпосылки, которые лежали в основе данного научного исследования, и предпосылки, которые нами реконструированы – не одни и те же. У нас нет возможности полностью отбросить весь груз последующего познавательного опыта и вернуться к той ситуации, где между предпосылочными знаниями и видением, пониманием изучаемого предмета имелись конкретные реальные детерминационные связи. Конечно, одна из функций методологической рефлексии состоит как раз в более «чистой» реконструкции концептуальных предпосылок, в «очищении» нашей интерпретации от влияния «чужеродных» образований, поздних, последующих идей и толкований. Тем не менее, полное достижение этой цели – идеал методологического анализа.

Однако невозможность и нереальность «абсолютного возврата назад» не может быть причиной методологического пессимизма. Понимание и оценка роли содержательных предпосылок возможны именно в свете последующего познавательного опыта. Сами эти предпосылки выступают в таком качестве именно по отношению к новому знанию, которое обусловлено теми знаниями, названными задним числом предпосылочными. Т.е. реальный акт научно-познавательной деятельности превращает возможность в действительность. А реализованная возможность, хотя бы временно, закрывает путь для реализации других возможностей. Место уже занято.

Перефразируя М. Полани, можно сказать, что мы можем знать из текста нечто такое, что не мог бы высказать автор. Это – своеобразная асимметрия коммуникации («коммуникативная асимметрия»). Из того, что знает автор, выражена текстуально только определенная часть, а другая осталась не выраженной. Читатель на основе вербализованного содержания понимает текст, воспринимает его содержание в несколько другом плане. В его понимании имеет место и нечто такое (смысловые элементы), что словесно в тексте не выражено, следовательно, приписывать их автору данного текста, по крайней мере, проблематично, иногда нет достаточного основания. Но автором этого «нового» не является и читатель в прямом смысле слова.

Таким образом, как со стороны порождения текста, так и со стороны понимания текста, имеется определенное соотношение между выраженным и невыраженным (эксплицитным и имплицитным, явным и неявным и т.д.). Изучение диалектики текста и подтекста имеет немаловажное методологическое значение в понимании особенностей научной коммуникации.

Изучая проблемы концептуальной реконструкции, сталкиваемся со следующей трудностью: можно ли однозначно считать, что параллелизм и аналогия в содержании различных духовно-интеллектуальных образований (науки, искусства, философии и т.д.) свидетельствуют об их родстве или детерминационной обусловленности? Ведь возможны просто случайное совпадение, отделенная общность, а иногда и натяжка в сравнении. Об этом свидетельствуют, в частности, интересные исследования З. К. Дербишевой в области концептов кыргызской ментальной культуры [4; 5].

Разумеется, если существуют явные «свидетельства» о продолжении, преемственности, то не возникает вопрос о содержательно-смысловом родстве тех или иных идей, концепций. Если автор сам об этом говорит или есть прямая ссылка. Но иногда (а может быть, в большинстве случаев) приходится восстанавливать «биографию идей» буквально по «исчезнувшим следам». Реконструировать тот духовно интеллектуальный контекст, от которого мало что осталось в наличном тексте, в эксплицитно выраженном содержании. На первый план в исследовательской деятельности в таком случае выходят догадка, воображение, предположение, контекстное знание. Параллелизм в содержании различных культурных явлений есть выражение единства мировосприятия, проявление общих шаблонов, навыков осмысления, единого стиля мышления. Проблема имплицитного – это, прежде всего, проблема смысла, проблема смысловой реальности. Потому что смысл и есть то, что остается невыраженным или недостаточно выраженным.

Литература

1. Арутюнова, Н. Д. (отв. ред.). Логический анализ языка. Культурные концепты. – Москва, 1991.

2. Багдасарян, В. Х. Проблема имплицитного (ложно-методологический анализ). – Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1983.

3. Брутян, Г.А. Трансформационная логика. – Ереван: АН Арм. ССР, 1983.

4. Дербишева, З. К. Кыргызский этнос в зеркале языка. – Бишкек. 2012.
5. Дербишева, З. К. Ключевые концепты кыргызской лингвокультуры. –Бишкек. 2012.
6. Лакофф, Дж. Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении. – Москва, 2004.
7. Микешина, Л. А. Имплицитные компоненты в структуре научного познания // Философские науки. – 1987, №7.
8. Полани, М. Личностное знание. – М., 1985.
9. Пружинин, Б.И. Рациональность и историческое единство научного знания. – М.: Наука, 1986.

References

1. Arutyunova, N. D. (otv. red.). Logicheskij analiz yazyka. Kul'turnye koncepty. – M., 1991.
2. Bagdasaryan, V. H. Problema implicitnogo (lozhno-metodologicheskij analiz). – Erevan: Izd-vo AN Arm. SSR, 1983.
3. Brutyan, G.A. Transformacionnaya logika. – Erevan: AN Arm. SSR, 1983.
4. Derbisheva, Z. K. Kyrgyzskij ehtnos v zerkale yazyka. – Bishkek. 2012.
5. Derbisheva, Z. K. Klyuchevye koncepty kyrgyzskoj lingvokul'tury. –Bishkek. 2012.
6. Lakoff, Dzh. ZHenshchiny, ogon' i opasnye veshchi. CHto kategorii yazyka govoryat nam o myshlenii. – Moskva, 2004.
7. Mikeshina, L. A. Implicitnye komponenty v strukture nauchnogo poznaniya // Filosofskie nauki. – 1987, №7.
8. Polani, M. Lichnostnoe znanie. – M., 1985.
9. Pruzhinin, B.I. Racional'nost' i istoricheskoe edinstvo nauchnogo znaniya. – M.: Nauka, 1986.

УДК 811.161.1’37

С.Г. Воркачев
Краснодар, Россия

ИНТЕЛЛЕКТ В ИГРОВОЙ ГАММЕ ДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ АФОРИСТИКИ)

Аннотация. *На материале афористических высказываний исследуются игровые функции лексических показателей познавательной способности. Устанавливается, что в игровой тональности дискурса функционально выделяются два основных подвида: тональность «увеселительная», направленная на то, чтобы развлечь себя или получателя речи, и тональность «восхитительная», направленная на то, чтобы вызвать у получателей речи удивление и восхищение.*

Ключевые слова: *познавательная способность; игровой дискурс; тональность дискурса; интеллект; ум; глупость; мудрость; хитрость.*

S.G. Vorkachev
Krasnodar, Russia

INTELLIGENCE IN PLAY GAMUT OF DISCOURSE

Abstract. *Play functions of lexical units are studied on the material of aphoristic sentences. It is shown that two functional subspecies are singled out in the play tonality of discourse: joyful one directed to amuse and cheer up listener and admiring one directed to provoke his delight and admiration.*

Key words: *intelligence; humorous discourse; discourse tonality; intellect; wits; stupidity; wisdom; cunning.*

Сведения об авторе: *Воркачев Сергей Григорьевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры научно-технического перевода.*

Место работы: Кубанский государственный технологический университет.

About the author: *Vorkachev Sergey Grigorievich, Doctor of Philology, Professor of the Department of Science-tech Translation.*

Place of employment: Kuban State Technological University.

***Контактная информация: 350020**, Краснодар, ул. Красная, 136, каб. К-177.*
e-mail: svork@mail.ru.

Наиболее значимой и объемной разновидностью игрового дискурса с прагмалингвистической точки зрения выступает дискурс юмористический (комический), который в «чистом виде» реализуется в таких литературных и речевых жанрах, первичных и вторичных, как анекдот, эпиграмма, частушка, эстрадная шутка, пародия, юмористический и сатирический рассказ, роман и пр. Помимо этого игровое начало может присутствовать в виде «коммуникативной тональности» [7, с. 304] практически в любом виде неигрового дискурса, за исключением, конечно, судебных приговоров, технических инструкций и прочих текстов, не допускающих разночтения.

Игровая тональность дискурса создается при помощи самых разнообразных языковых средств и риторических приемов, формальных и семантических: иронии и самоиронии, насмешки и самонасмешки, сарказма, гротеска, парадокса, различных форм «языковой игры» (см. подробнее: [2, с. 173–177]). Ее целевая установка реализуется в таких частных социокультурных функциях, как стремление развлечь и развлечься, привлечь к себе внимание, самовыразиться, снять напряжение, поднять свой дух и дух окружающих, поднять свой социальный статус, замаскировать назидательность сентенции и пр. (см. подробнее: [9, с. 26–30; 3, с. 220–221]).

В игровой тональности дискурса функционально выделяются два основных подвида: тональность «увеселительная» (шутливая, юмористическая), направленная на то, чтобы развеселить себя или получателя речи, и тональность, которую à faute de mieux можно назвать «восхитительной», направленная на то, чтобы вызвать у получателей речи удивление и восхищение, что можно с той или иной степенью приближения сопоставить со «стремлением развлечь себя и собеседника» и «стремлением к самоутверждению» (см.: [9, с. 27]).

Анализ и толкование юмористических высказываний – в высшей степени неблагодарное занятие для того, кто этим занимается, поскольку, как заметил еще Вольтер, «разъясненная шутка престает быть смешной; любой комментатор остроты – просто глупец». В случае шутливых афоризмов к этому добавляется и трудность разведения игровых функций дискурсных тональностей в силу неизбежного субъективизма, обусловленного как совпадением формальных средств их передачи в языке, так и синкретическим характером их присутствия в высказывании – они отнюдь не исключают друг друга. Предварительно, в тенденции можно принять, что «увеселительная» функция игровой тональности афоризма ориентирована, скорее, на его языковую форму в самом широком понимании, в то время как его «восхитительная» функция ориентирована преимущественно на его содержание – «игру смыслов». «Увеселительная» тональность афористических высказываний создается, главным образом, за счет обыгрывания системно-языковых (синонимии, омонимии, полисемии, пресуппозиций, сочетаемо-

сти и др.) и лингвокультурных (прецедентности) связей присутствующих в них лексических единиц, а сами эти высказывания выглядят как каламбур – «самый демократичный вид языковой шутки» [9, с. 513], в основе которого лежит совмещение в одном контексте обычно несовместимых либо маловероятных смыслов.

Нередко для создания «увеселительной» тональности афоризмов используются такие свойства языкового знака, как антонимия («Иногда даже с умным трудно *потерять* то, что *нашел* с дураком» – Гжещик; «Гораздо легче *стать* умным, чем *перестать* быть дураком» – Ключевский) и синонимия («*Умных* значительно больше, чем *мыслящих*» – Крылатов). Реже обыгрываются словообразование («Можно было подумать, что в его голове несколько *мозжечков*» – Лец) и синтаксис («Сильный действует *рукой*, мудрый – *умом,* а хитрый – *кем-то еще*» – Гжегорчик).

Регулярно в этих целях используется прием деметафоризации метафор – «выпрямления» переносных значений, превращения их в прямые: «И у *светил науки* бывают затмения ума» – Севрус; «В *глупости* человек *сохраняется*, как шуба в нафталине» – Кроткий; «Он *проглотил* много *мудрости*, но все это словно *попало* ему *не в то горло*» – Лихтенберг; «Где *копи мудрости*? Обычно там, где она *погребена*» – Лец).

Почти столь же регулярно здесь используются лексические пресуппозиции предикатов и дискурсных слов, вокруг которых организуется семантика афористического высказывания: «”Вы что, *считаете* меня идиотом?” – “Нет, но я ведь *могу ошибаться”*» (Бернар); «Кто больше *знает* – мудрец или глупец? Конечно, – глупец: мудрец во всем *сомневается*, а глупец – нет» (NN); «Даже разумному человеку иногда *кажется*, что он умен» (Лауб); «Глупый *думал*, что мудрость придет к нему с годами» (Крайнов-Рытов); «А голые женщины *тоже* умны?» (Лец); «Женщины любят нас за наши недостатки. Если этих недостатков изрядное количество, они готовы все нам простить, *даже* ум» (Уайльд).

Регулярно используются ассоциативные связи лексем, наполняющих афористические высказывания, с прецедентными явлениями – прецедентными текстами, прецедентными высказываниями и прецедентными ситуациями (см.: [6, с. 26–29; 8, с. 72–173]): «*Голиаф* не был умен. Ему это было не нужно» – Лауб; «*Стену* можно *пробить* только *головой*. Все остальное – только орудия» (Кумор); «О том, кто умнее, *спорят* только *дураки*» (Севрус); «*Дуракам везет*? Не такие уж они дураки» (Ягодзиньский); «Мудрец – *один в поле воин*, дураки – народное ополчение» (Севрус); «Так сильно хочется выглядеть *умным*, что все чаще предпочитаю *молчать*» (Калинин).

Для придания же большей части афоризмов «увеселительной» тональности «субстратом» служат фразеологизмы различной степени связанности и идиоматизированности, начиная от виноградовских (см.: [1, с. 22–27]) «фразеологических сращений» – идиом – и заканчивая «фразеологическими сочетаниями» – речевыми штампами: «А дураков, *каких мало*, – оказывается-то

много!» (NN); «*Ахиллесова пята* нередко укрыта в *голове*» (Кумор); «Беда может *научить уму-разуму*, но мудрости – никогда» (Гжегорчик); «Чтобы *попасть в глупое положение*, иногда достаточно сказать что-то умное» (Ломанный); «Только умный *чувствует себя* время от времени *полным дураком*» (Крайнов-Рытов); «Дурак замечает первым, как *много умных развелось*» (Малкин); «О нем нельзя было сказать, что он *живет чужим умом*. Он жил своей глупостью» (Кроткий).

Более того, эта тональность может создаваться объединением в одном высказывании нескольких фразеологизмов: «*Жить* иногда имеет смысл *чужим умом*, но *полагаться* можно только на *свой*» (Свифт); «Мудрость – это когда уже не *считаешь себя умнее всех*, а стараешься *быть не глупее других*» (Крутиер); «Что у женщины *на уме*, у мужчины даже *в голове не укладывается*» (Крутиер).

«Увеселительная» тональность афористики создается также буквализацией фразеологизмов, когда переносное значение метафоры истолковывается как прямое: «Презирал весь мир. О земле говорил: "*Круглая* дура"» (Кроткий); «Дурак никогда не *заходит в тупик*, потому что там полно умных» (NN); «Глупость никогда не *переходит границ*. Куда ступит, там и есть ее территория» (Лец); «Мудрость не всегда *приходит с годами*. Иногда годы *приходят* одни» (Уилсон); «В любви *теряют рассудок*, в браке замечают потерю» (Сафир); «Что может быть вместительнее *пустых голов*?» (Лец); «Мудрецы и зубные врачи *смотрят в корень*» (Кроткий).

И, наконец, в афористических высказываниях о познавательной способности «увеселительная» тональность может создаваться непроизвольно, даже вопреки коммуникативным намерениям говорящего, что называется, почерномырдински (ср.: «Все те вопросы, которые были поставлены, мы их все соберем *в одно место*» – [10, с. 96]): «Мы эту проблему решили в узком кругу *ограниченных людей*» (Лукашенко).

Как уже отмечалось, в общем афористическом корпусе количество единиц, отмеченных интеллектуальной игрой и «акробатикой смысла», где «мысль исполняет пируэт» (Ж. де Брюйн), превышает число единиц, отмеченных сугубо языковой игрой, почти в пять раз. Тем не менее, даже в них «восхитительная» функция игровой тональности на фоне других функций афоризма в достаточной мере вторична: она лишь сопровождает маскировочную, разоблачительную, терапевтическую и другие функции, связанные с потребностями речевого воздействия.

«Игровой» афористике познавательной способности человека, естественно, присущи и общие свойства афористических единиц: антитезисность и антонимичность («*Глупец* думает, что он действительно *умен*, а *мудрец* знает, что он *глуп*» – Шекспир; «За человека большого *ума* слывет тот, кто был бы лишь *глупцом*, если бы не был министром» – Гельвеций), метафоризированность («*Мудрость* – это чужеземное и редкое растение, возделывание которого мы любим видеть, но только в чужом поле» – Дюбе;

«*Умные* люди – это те же пахучие цветы: один приятен, а от целого букета болит голова» – Авербах) и парадоксальность («У меня хватило *ума* прожить жизнь *глупо*» – Раневская; «*Ум* – сравнительно самый приятный их всех *пороков*» – Эррио). Особую значимость, конечно, здесь имеет парадоксальность, иногда приближающаяся к, можно сказать, «катахрезности» и абсурду («разум/мудрость глупцов», «избыток ума»): «Глупец тот, кого губит *избыток ума*» – Грасиан; «За умное мы принимаем только то, с чем соглашаемся. Так что у *глупцов* есть своя *мудрость* и спорить с ней бессмысленно» – Калинин).

Если «игра» в афоризмах «увеселительной» дискурсной тональности основана преимущественно на речевой многозначности входящих в них лексических единиц (см.: [9, с. 490]), то «игра» в афоризмах тональности «восхитительной» основывается, главным образом, уже на силлогистике – выводном знании: неожиданных импликациях и инференциях, прагматических пресуппозициях, когнитивных метафорах, построенных на переносе периферийных признаков, «экзотических» реминисценциях, и пр.

Когнитивная (она же концептуальная) метафора, позволяющая увидеть невидимое, в случае интеллекта проявляется, прежде всего, в его персонификации – уподоблении человеческому существу: «Любовь не спрашивает мнения *разума*, но обычно заставляет его платить» (Кумор); «Не доверяйте в страсти голосу *разума. Разум* достаточно разумен, чтобы перекинуться на сторону сильнейшего – на сторону страсти» (Берне); «*Разум* – это в лучшем случае наша жена: мы действительно часто слышим, только редко задумываемся над тем, что он говорит» (Честерфилд); «Серьезность – это *глупость* с высшим образованием» (О'Рурк); «*Хитрость* в сравнении с *мудростью* – то же, что обезьяна в сравнении с человеком» (Пенн). В этих же целях интеллект также уподобляется инструменту или какому-то прибору («*Разум* – это зажигательное стекло, которое, воспламеняя, само остается холодным» – Декарт; «Воистину, тончайший юмор заключен в том, что бог дал человечеству *разум*, а как им пользоваться не пояснил» – Галямин; «Язвительный *ум*, как острый нож, нередко ранит того, кто им пользуется» – NN), либо реифицируется – уподобляется природному объекту или артефакту («У *ума*, как у проселочной дороги, есть своя проторенная колея» – Бальзак; «Бывают люди с *умом* сияющим и люди с *умом* сверкающим: первые просветляют, последние же ослепляют» – Эбнер-Эшенбах; «*Идиот* подобен не тому автомобилю, у которого не хватает какой-либо важной части, а тому, у которого все гайки завинчены так крепко, что он двигаться не может» – Любищев).

Умозаключения относительно познавательной способности, иногда могут быть представлены в афористике в полном виде, эксплицитно: «Умные иногда смеются над *глупостями.* Глупые часто находят смешным *умное*. Юмор, похоже, не имеет отношения к *разуму*» (Калинин); «*Глупость* чаще бывает полезна, чем вредна. Потому то самые *хитрые* выставляют себя *дура-*

ками» (Граф). Чаще же одна из посылок опускается: «*Разумный* человек приспосабливается к миру, *неразумный* приспосабливает мир к себе. Поэтому весь прогресс зависит только от людей *неразумных*» (Б. Шоу) – опущена посылка «Прогресс состоит в изменении мира»; «Более умный всегда уступает – какая великая мысль! Она объясняет, почему в мире господствует *глупость*» (Эшенбах) – опущена посылка «Глупый всегда побеждает»; «Те, кто достаточно умен, чтобы не лезть в политику, наказываются тем, что ими правят люди *глупее* их самих» (Платон) – опущена посылка «В политику лезут глупые»; «Анекдоты о *сумасшедших*, рассказанные ими самими, внушают беспокойство – слишком уж они *разумны* (Лец) – опущена посылка «Сумасшедшие не могут высказывать разумные вещи»; «За человека большого *ума* слывет тот, кто был бы лишь *глупцом*, если бы не был министром» (Гельвеций) – опущена посылка «Должность придает человеку ума»; «*Мудрости* должно быть вдоволь, ведь ею мало кто пользуется» (Лец) – опущена посылка «Всегда в избытке то, что никому не нужно».

Во многих эллиптированных умозаключениях в качестве опущенной бóльшей посылки – суждения общего характера – выступают прагматические пресуппозиции, представленные (якобы) общеизвестными истинами (idées reçues), «шаблонами мысли»: «*Умная* женщина сама понимает, что *дура*» (Малкин); «Женщина должна выглядеть настолько *умной*, чтобы ее *глупость* оказалась приятным сюрпризом» (Краус) – пресуппозиция: «Женщины – глупы»; «У меня хватило *ума* прожить жизнь *глупо*» (Раневская); «Как я завидую *безмозглым*!» (Раневская) – пресуппозиция: «Дураки счастливы»; «Чем больше *ума,* тем меньше средств к существованию» (Унаина) – пресуппозиция: «Умные – люди бедные»; «Самая *глупая* женщина может сладить с *умным* мужчиной, но с *дураком* сладит лишь самая *умная*» (Киплинг) – пресуппозиция: «Дураки непредсказуемы»; «*Умный* человек не только не скажет ничего *глупого*, но даже никогда и не услышит ничего *глупого*» (Берне) – пресуппозиция: «Умный человек тактичен»; «*Умный* человек способен не только выполнять *глупые* приказы, но и доказывать, что они *умные*, и с этого жить» (Лауб) – пресуппозиция: «Умный человек использует глупость в своих интересах»; «Красивые женщины в старости бывают очень *глупы* только потому, что в молодости были очень красивы» (Ключевский); «Он *глуп* оттого, что так красив, и не был бы так красив, если бы был менее *глуп*» (Ключевский) – пресуппозиция: «Красота несовместима с умом»; «Трудно считать *дураком* человека, который восхищается нами» (Эбнер-Эшенбах) – пресуппозиция: «Нами восхищаются только умные люди»; «Чтобы прослыть *дураком*, не обязательно кем-то руководить» (Малкин) – пресуппозиция: «Все начальники – дураки»; «*Мудрость* – это не морщины, а извилины» (Жемчужников) – пресуппозиция: «Мудрость не зависит от возраста»; «Не ходи за советом к *мудрому*. Беги за советом к *хитрому*» (Вяземка) – пресуппозиция: «В жизни хитрость лучше мудрости».

В основе некоторых афоризмов интеллектуально-игровой тонально-

сти лежат достаточно отдаленные и тонкие реминисценции с когда-то кем-то уже изреченными мыслями: «Бывает, что усердие превозмогает и *рассудок*» (Козьма Прутков) – Labor omnia vincit improbus – «Все побеждает упорный труд» Вергилия; «Недостаточно быть *умным*. Необходимо быть достаточно *умным*, чтобы не позволить себе стать *умным* сверх меры» (Моруа); «В избытке даже *разум* не всегда желателен, и люди почти всегда лучше приспосабливаются к середине, чем к крайностям» (Монтескье) – Aurea mediocritas – «золотая середина» – добродетель как среднее между двумя крайностями Аристотеля; «Действительно возвышенные *умы* равнодушны к счастью, особенно к счастью других людей» (Рассел) – Nous avons tous assez de forces pour supporter les maux d'autrui – «У нас у всех хватает сил, чтобы пережить несчастья ближнего» Ларошфуко; «*Дураков* плодят *умные* профессии» (Круглов); «Нельзя стать узким специалистом, не став, в строгом смысле, *болваном*» (Б. Шоу) – «Специалист подобен флюсу: полнота его односторонняя» Козьмы Пруткова; «Другие не *дураки,* просто они не ты» (Таранов); «Дурак – это просто инакомыслящий» (А. и Б. Стругацкие) – Imbéciles: ceux qui ne pensent pas comme vous – «Дураки: те, которые думают не так, как Вы» из «Словаря прописных истин» (Dictionnaire des idées reçues) Гюстава Флобера.

Карнавализация как «игровое» обращение ценностных смыслов (см.: [4, с. 34–35)] в афоризмах о познавательной способности осуществляется, главным образом, через «заземление», принижение статуса положительного члена ценностных оппозиций (ума и мудрости) и возвышение их отрицательного члена (глупости и хитрости), как это происходит, например, со справедливостью и несправедливостью (см.: [4, с. 34–35; 5, с. 6]).

В этих афоризмах отрицается могущество и всесилие разума («При помощи *разума* редко удается сделать что-нибудь *разумное. Разум* – это пружина, которая портится так же легко, как и всякая другая, и даже легче» – Ламетри; «Человек *рассудительный* не может верить в *рассудок*» – Лауб; «Недостаточно быть *умным*. Необходимо быть достаточно *умным*, чтобы не позволить себе стать *умным* сверх меры» – Моруа), утверждается его вторичность на фоне чувства («*Разум* дан человеку, чтобы он понял: жить одним *разумом* нельзя. Люди живут чувствами, а для чувств безразлично, кто прав» – Ремарк), отмечается, что интеллект отнюдь не служит помехой глупости («*Ум* служит нам порою лишь для того, чтобы смело делать *глупости*» – Ларошфуко; «*Разум* есть способность живого существа совершать *бессмысленные и нерациональные* поступки» – А. Стругацкий; «Количество *глупостей*, совершаемых по велению *рассудка*, гораздо больше, чем количество *глупостей*, совершаемых по *глупости*» – Чаплин; «Человек извлек пользу из своего *интеллекта*: он изобрел *глупость*» – Гурмон). С грустью констатируется, что «Отсутствие *здравого смысла* мешает мыслить, присутствие – жить» (Крутиер) и «Люди всегда против *разума*, когда *разум* против них» (Гельвеций).

В то же самое время глупость называется Божьим даром («*Глупость* –

дар Божий, но не следует злоупотреблять этим даром» – Бисмарк), ей приписывается статус основы бытия («Все – смех, все – прах, все – ничтожество: источник всего сущего – *глупость*» – Гликон), правовой гарантии («Право на *глупость* – одна из гарантий свободного развития личности» – Марк Твен) и палочки-выручалочки в трудных жизненных ситуациях («Бывают случаи в жизни, выпутаться из которых может помочь только *глупость*» – Ларошфуко). Отмечается ее превосходство над умом («В этой компании на каждого *дурака* приходилось десять *умных*, так что силы были примерно равны» – Казаков), незаменимость в борьбе с лишениями («*Глупость* и хорошее пищеварение – незаменимые качества для борьбы с лишениями» – Карлейль), ее способность обеспечивать человеку счастливую жизнь («Не может быть двух более счастливых свойств, чем быть немножко *глупым* и не слишком честным» – Ф. Бэкон) и ее богоугодность («По настоящему угодны богу только *дураки*, поэтому они везде процветают» – Эразм Роттердамский).

В свою очередь мудрость не так уж далека от глупости («*Мудрость* – умение выбрать наименьшую *глупость*» – Войнар; «Человеку свойственно рассуждать *мудро*, а поступать *глупо*» – Франс; «Тот, кто не совершает каких-либо *глупостей*, не настолько *мудр*, как он думает» – Ларошфуко) и в жизни «Лучше *глупцом* быть вместе со всеми, чем *мудрецом* в одиночку» (Грасиан). Она не способна смягчить страдания («Знай, читатель, что *мудрость* уменьшает жалобы, а не страдания!» – Козьма Прутков) и превращает людей в пьяниц и самоубийц («Есть только два рода *мудрецов*; одни кончают с собой, другие пьют, чтобы заглушить голос мысли» – Марк Твен).

А для выживания хитрость полезнее и ума, и мудрости («В деле *хитрости глупый* человек проводит более *умных*» – Л. Толстой; «Не ходи за советом к *мудрому*. Беги за советом к *хитрому*» – Вяземка).

Как представляется, существенное увеличение доли развлекательно-игровых единиц в корпусе русской игровой афористики объясняется, с одной стороны, литературной модой, когда после 18-го века открытое морализирование сентенций и максим стало вызывать раздражение и насмешку, а авторы назидательных афоризмов стали маскировать назидательность с помощью языковой игры (см.: [9, с. 28–29]), с другой же стороны, расширенное распространение получил каламбур как в силу своей доступности и «демократизма», так и в силу того, что в настоящее время любой желающий продемонстрировать свое остроумие легко может это сделать, выставив плоды своей языковой креативности в Интернете без всякой цензуры и самоцензуры.

Таким образом, наблюдения над вербализацией глупости и ума в игровом дискурсе позволяют прийти к следующим заключениям.

Игровая тональность дискурса создается при помощи самых разнообразных языковых средств и риторических приемов, формальных и семантических, ее целевая установка реализуется в таких частных социокультурных

функциях, как стремление развлечь и развлечься, привлечь к себе внимание, самовыразиться, снять напряжение, поднять свой дух и дух окружающих, поднять свой социальный статус, замаскировать назидательность сентенции и пр. В ней функционально выделяются два основных подвида: тональность «увеселительная», направленная на то, чтобы развеселить себя или получателя речи, и тональность «восхитительная», направленная на то, чтобы вызвать у получателей речи удивление и восхищение.

«Увеселительная» функция игровой тональности афоризма ориентирована скорее на его языковую форму, в то время как его «восхитительная» функция ориентирована преимущественно на его содержание – «игру смыслов». «Увеселительная» тональность афористических высказываний создается, главным образом, за счет обыгрывания системно-языковых и лингвокультурных связей присутствующих в них лексических единиц, а сами эти высказывания выглядят как каламбур.

Карнавализация как «игровое» обращение ценностей в афоризмах о познавательной способности осуществляется, главным образом, через «заземление», принижение статуса положительного члена ценностных оппозиций (ума и мудрости) и возвышение их отрицательного члена (глупости и хитрости).

Существенное увеличение доли развлекательно-игровых единиц в корпусе русской игровой афористики на фоне общего корпуса игровых афористических единиц объясняется тем, что открытое морализирование стало вызывать раздражение и авторы назидательных афоризмов стали маскировать назидательность с помощью языковой игры.

Литература

1. Виноградов, В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове) / В. В. Виноградов. – М.-Л. : Учпедгиз, 1947. – 784 с.
2. Воркачев, С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт / С. Г. Воркачев. – М. : Гнозис, 2004. – 236 с.
3. Воркачев, С. Г. Любовь как лингвокультурный концепт / С. Г. Воркачев. – М. : Гнозис, 2007. – 284 с.
4. Воркачев, С. Г. Правды ищи: идея справедливости в русской лингвокультуре / С. Г. Воркачев. – Волгоград : Парадигма, 2009. – 190 с.
5. Воркачев, С. Г. «Для большинства из нас так оно, пожалуй, и лучше»: карнавализация идеи справедливости / С. Г. Воркачев // Ментальность народа и его язык; отв. ред. М.В. Пименова. – СПб.-Севастополь : Рибэст, 2009. – С. 5–9. (Серия «Славянский мир». Вып. 3).
6. Гудков, Д. Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности / Д. Б. Гудков. – М. : МГУ, 1999. – 152 с.
7. Карасик, В. И. Языковые ключи / В. И. Карасик. – М.: Гнозис, 2009. – 406 с.
8. Красных, В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В. В. Красных. – М.: Гнозис, 2003. – 375 с.
9. Санников, В. З. Русский язык в зеркале языковой игры / В. З. Санников. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 544 с.
10. Так говорил Черномырдин: о себе, о жизни, о России. – М. : Эксмо, 2011. – 176 с.

References

1. Vinogradov, V. V. Russkij jazyk (grammaticheskoe uchenie o slove) / V. V. Vinogradov. – M.-L. : Uchpedgiz , 1947. – 784 s.
2. Vorkachev, S. G. Schast'e kak lingvokul'turnyj koncept / S. G. Vorkachev. – M. : Gnozis, 2004. – 236 s.
3. Vorkachev, S. G. Ljubov' kak lingvokul'turnyj koncept / S. G. Vorkachev. – M. : Gnozis, 2007. – 284 s.
4. Vorkachev, S. G. Pravdy ishchi: ideja spravedlivosti v russkoj lingvokul'ture / S. G. Vorkachev. – Volgograd: Paradigma, 2009. – 190 s.
5. Vorkachev, S. G. «Dlja bol'shinstva iz nas tak ono, pozhaluj, i luchshe»: karnavalizacija idei spravedlivosti / S. G. Vorkachev // Mental'nost' naroda i ego jazyk$ otv.red. M.V. Pimenova. – SPb.-Sevastopol': Ribjest, 2009. – S. 5–9. (Seriya “Slavyanskij mir”. Vyp. 3).
6. Gudkov, D. B. Precedentnoe imja i problemy precedentnosti / D. B. Gudkov. – M. : MGU, 1999. – 152 s.
7. Karasik, V. I. Jazykovye kljuchi / V. I. Karasik. – M. : Gnozis, 2009. – 406 s.
8. Krasnyh, V. V. «Svoj» sredi «chuzhih»: mif ili real'nost'? / V. V. Krasnyh. – M. : Gnozis, 2003. – 375 s.
9. Sannikov, V. Z. Russkij jazyk v zerkale jazykovoj igry / V. Z. Sannikov. – M. : Jazyki russkoj kul'tury, 1999. – 544 s.
10. Tak govoril Chernomyrdin: o sebe, o zhizni, o Rossii. – M.: Eksmo, 2011. – 176 s.

УДК 81'1-027.21

Л.К. Жаналина

Алматы, Казахстан

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ГРАММАТИКА: ТОЧКИ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ С КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКОЙ

Аннотация. *В статье выявляются связи функциональных грамматик с когнитивной лингвистикой, обусловленные их обращением к ряду общих проблем. К их числу относятся понятия глубинная и поверхностная структуры, когнитивные категории, знание, познание, концепты, категоризация и концептуализация. В работе также отражены преемственные связи функциональных грамматик с системно-структурными.*

Ключевые слова: *функциональная грамматика, когнитивная лингвистика, знание, познание, концепты, категории, категоризация.*

L.K. Zhanalina

Almaty, Kazakhstan

FUNCTIONAL GRAMMAR: INTERSECTIONS WITH COGNITIVE LINGUISTICS

Abstract. *The article identifies the links between functional grammars with cognitive linguistics which emerge due to common issues the two share. The latter include the concepts of deep and surface structures, cognitive categories, knowledge, cognition, concepts, categorization and conceptualization. The paper also reflects on continuity connection between fictional and systemic-structural grammars.*

Keywords: *functional grammar, cognitive linguistics, knowledge, cognition, concepts, categories, categorization.*

Сведения об авторе: *Жаналина Лаззат Кабылдашевна, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания.*

Место работы: *Казахский университет международных отношений и мировых языков имени Абылай хана.*

Author: *Prof. Lazzat Zhanalina, Department of Theoretical and Applied Linguistics.*

Place of employment: *Kazakh University of International Relations and World Languages named after Abylai Khan.*

Контактная информация: *050022, КазУМОиМЯ, Алматы, ул. Муратбаева, 200* .
e-mail: *zhanalina@gmail.com*

Современная лингвистика характеризуется отчетливой грамматикоцентрированностью, которой способствует функциональные, когнитивные и дискурсивные исследования, которые объединяют интерес к семантической стороне языка, в которой грамматика интегрируется и взаимодействует с другими языковыми уровнями.

Лингвистический функционализм вырос, используя результаты традиционного языкознания. Он представляет языкознание XX в. и связан с выдвижением на первый план, наряду с понятием *структура*, понятие *функция*. Как наука функциональная лингвистика является знанием о языке, отражающем попытки ученых реконструировать естественное знание языка носителями, что определяет его высокую прикладную значимость. Подобная квалификация подтверждается словами В.З. Демьянкова, характеризующего пражский функционализм как «прототипический».

Связи образуемой функциональными теориями парадигмы с другими научными парадигмами (системно-структурной, когнитивной, антропоцентрической и др.) обусловлены синтезом функционального принципа с другими принципами – системным, когнитивным, антропоцентрическим и т.д. Результатом взаимодействия разрабатываемых на их основе концепций является функциональный плюрализм и отсутствие доминирующей доктрины, которые не препятствуют их объединению в функциональную парадигму на основе функционального подхода, диктующего рассмотрение языка и его единиц как инструментов для выполнения функций, образующих иерархию с главенством коммуникативной функции. Последняя делает центром функциональной лингвистики грамматические исследования.

Пересечение функциональных грамматик с когнитивными неизбежно, так как основано на онтологии объекта. Когнитивные процессы в языке активизируются при его функционировании.

1. Одно наложение обеспечивает общая идея, восходящая к генеративной (порождающей) грамматике Н. Хомского, согласно которой в языке выделяются *глубинная* и *поверхностная структуры*. Эта идея вдохновляет авторов многих функциональных и когнитивных грамматик, концепций. К ним относятся теория «Смысл Текст» А.К. Жолковского, И.А. Мельчука, интегральная теория семантики Ю.Д. Апресяна, падежная (ролевая) грамматика Ч. Филлмора, функциональный синтаксис А. Мустайоки и др. Звучит она и в когнитивно-дискурсивной теории Е.С. Кубряковой.

2. Функциональные грамматики сближают с когнитивными исследованиями общие понятия. Такое понятие выражает термин *категория*. Как известно, когнитивная категория и категоризация являются объектом когнитивной семантики. В функциональных грамматиках А.В. Бондарко [2], М.В. Всеволодовой [3] понятийные и семантические категории объединяют гетерогенные языковые единицы – морфологические, лексические, словообразовательные, синтаксические и их комбинации, демонстрируя таким образом их готовность к выбору при построении высказываний в речевой деятельности.

3. Функциональный и когнитивные аспекты выступают в единстве в коммуникативном синтаксисе Г.А. Золотовой [8] и логико-синтаксической теории Н.Д. Арутюновой [1]. Синтаксические единицы коммуникативного синтаксиса, начиная с синтаксем и заканчивая текстами, при употреблении и построении участвуют в отражении действительности (например, описание, изобразительный регистр текста), в передаче знаний о действительности (повествование, информативный регистр), в передаче *знаний о знаниях* (рассуждение, генеритивный регистр). Свою типологию значений лексем и предложений Н.Д. Арутюнова строит с учетом обращенности языка одной стороной к действительности, другой – к мышлению. Первую соотнесенность имеют языковые единицы, значения которых содержат образы материальных объектов, событий действительности (идентифицирующее, событийное значения). При второй соотнесенности коррелятами слов и предложений выступают логические понятия, пропозиции, относящиеся к идеальным образованиям мышления (предикатное и фактообразующее значения). Когнитивная лингвистика также занимается исследованием знания о действительности и ее и познания, так что разграничение когнитивных единиц и процессов отражает степень присутствия в них мышления и мира. Реакциями на нее являются типы концептов: концепт-картинка, концепт-схема, понятие, гештальт, пропозиция, фрейм, сценарий, а также в процессы концептуализации и категоризации. Акцент на мире или на мысли отличают концептуализацию – создание концептов от категоризации - объединения концептов [9, с. 305-311].

4. Механизмы мышления, процессы и результаты в виде познания и знания, по мнению Е.С. Кубряковой, являются главным объектом когнитивной лингвистики. Они же входят в терминосистемы номинативных теорий, интегративной лингвистики Л.К. Жаналиной [7] и вариативной грамматики В.Г. Гака [4].

Точки соприкосновения между теорией номинации и когнитивной лингвистикой обусловлены тем, что первая присваивает языковые формы всем результатам познания, а когнитивная лингвистика выявляет наличие у языковых форм когнитивных аналогов в виде знаний.

Интегративная лингвистика разделяет познавательную и информативную деятельность, которые выступают как внутренние стороны двух форм речевой деятельности – номинативной и коммуникативной. Основанием для дифференциации последних служат различные функции. Номинативная деятельность связывается с познанием, коммуникативная деятельность – со знанием [6].

Вариативная грамматика – теория преобразований описывает организацию сообщения на основе правил выбора формы выражения для плана содержания. Правила представляют собой языковые преобразования, вызванные асимметрией между означающими и означаемыми и регулируемые нормами. Грамматика преобразований – процесс построения высказываний (полных зна-

ков) из слов (частичных знаков) и обслуживает, в частности, переводческую деятельность.

Полный знак – высказывание. Он является законченным продуктом семиозиса с выходом на уровень коммуникации. Он однозначен (имеет референт), указывает на ситуацию (обладает предикативностью), объективен. Частичный знак – элемент полного знака, с позиций общения он выступает как «полуфабрикат», с ситуацией соотносится не непосредственно, а путем включения в полный знак, многозначен, референт демонстрирует результат условного членения внутри данной знаковой системы Асимметричность частичного знака, проявляющаяся в его многозначности, вступает в противоречие с однозначностью полного знака. Снятие такого противоречия между частичными и полными знаками происходит в преобразованиях.

Преобразования, или транспозиции, заключаются в перемещении, замене или изменении числа элементов за счет их опущения из высказывания или добавления в него. Они могут быть количественными и качественными. При количественном преобразовании устраняются либо добавляются элементы структуры целого. При качественном преобразовании происходит замена одного элемента другим. Спецификой языковых преобразований является то, что в них качественное преобразование часто связано с количественным, например, слово может заменяться не только словом иной категории, но и словосочетанием, в связи с чем изменяется число формальных элементов структуры. На логической основе выделяются четыре основных типа преобразований: 1) транспозиция грамматических категорий (числа, времени, наклонения и т.п.); 2) транспозиция частей речи; 3) лексико-синтаксические трансформации (единственной чисто синтаксической трансформацией является изменение порядка слов: все остальные преобразования в сфере синтаксиса связаны с той или иной лексической или морфологической заменой); 4) лексико-семантические преобразования.

Преобразования экономят языковые знаки или создают их избыточность при описании ситуации. Они охватывают три аспекта языковых знаков (структуру, лексику, грамматику). По аспектам знаков, вовлеченным в процесс изменений, среди трансформаций разграничиваются: 1) *структурная трансформация* – замена слова словосочетанием; 2) *семантическая трансформация* – изменение семантики слова при сохранении количества слов и их функций; 3) *структурно-семантическая трансформация* – преобразование одновременно структурное и семантическое.

Так как трансформации происходят с частичными знаками в структуре полного знака, то именно слово является основной единицей вариативной грамматики преобразования [3].

В данной теории выход на когнитивный уровень проявляется опосредованно через понятия частичного и полного знаков, через имена типов трансформаций, через логические типы преобразований, которые влияют на содержание высказываний.

Когнитивная составляющая в функциональных грамматиках отражает их устремленность к постижению языка в естественной форме его существования – к языку-деятельности, к результату деятельности – к тексту, к языку в «рабочем состоянии», и это отличает их от традиционного описательного языкознания, исследующего языковую систему и выступающего в виде пассивной грамматики. Пассивная и активная грамматики (Л.В. Щерба) связаны друг с другом, представляя позиции слушающего и говорящего, и моделируют знания, используемые при осуществлении рече-мыслительной деятельности. Если выходящей на нее активной функциональной грамматике легче эксплицироваться благодаря вербальному воплощению, то пассивная грамматика, хранящаяся в памяти и имеющая только идеальный системный способ существования, описывается, как правило, в отвлечении от слушающего и аудирования. При этом по изучаемому языку те и другие являются частными. Несмотря на «асимметрию» обе грамматики не просто дополняют друг друга, но и взаимодействуют.

История разработки грамматик свидетельствует о последовательности их создания, отражающей их преемственность. Функциональные описания отдельных языков опираются на достижения системных грамматик.

Все более усиливающийся запрос на полиязычие свидетельствует об актуализации сопоставления грамматик разных языков с позиций системно-структурного и функционального подходов, тем более что именно на грамматике фокусируется современная лингвистика, демонстрируя еще одно проявление наступления генеративизма. Весьма успешным и своевременным откликом на данный социальный и научный заказ является первый фундаментальный учебник «Сравнительная грамматика русского и турецкого языков» [5] известного киргизского ученого З.К. Дербишевой. Книга дает наиболее полное системное описание двух языков с охватом морфемики, словообразования, морфологии, которые сравниваются с позиций типологической таксономии. Сопоставление, дополненное рассуждениями о функционировании, позволило автору обогатить представления о системах сравниваемых языков. Особенно ценными являются наблюдения ученого относительно дискутируемых языковых фактов и явлений. К их числу, как известно относится категория безличности. Особое ее положение «на перекрестке» морфологии и синтаксиса, системы и функционирования языков обостряют борьбу между допущением и недопущением неполной корреляции между структурой предложения и суждения. По мнению З.К. Дербишевой, глагольная категория безличности в русском и турецком языках создает односоставные предложения в системе языка, а при его функционировании, в деятельности говорящего, она действует только на формальном уровне, так как на семантическом уровне вербализуются суждения, сохраняющие в своем составе субъект [5, с. 185-188]. Таким образом, важными достижениями ученого являются полное системное описание двух языков, их сопоставление и экскурсы на их функциональные аспекты.

Рассмотрение функциональных грамматик показывает их преемственные связи с системными грамматиками и точки их интегративного пересечения с когнитивной лингвистикой.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры. – 2-е изд.испр. 1999. I-XV. – 896 с.
2. Бондарко А.В. (отв. ред.) Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. – Л.: Наука, 1987. – 348 с.
3. Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка. – М.: МГУ, 2000. – 656 с.
4. Гак В.Г. Языковые преобразования. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 768 с.
5. Дербищева З.К. Сравнительная грамматика русского и турецкого языков. – М.: Флинта, Наука, 2015. – 296 с.
6. Жаналина Л.К. Две формы речевой деятельности: соотношение номинации и коммуникации // Вестник Кемеровского государственного университета. Журнал теоретических и прикладных исследований. Филология. 2015, № 4 (64), Т.4. – Кемерово. – С. 74-80.
7. Жаналина Л.К. Интегративное словообразование: монография. – Алматы: Ұлағат, КазНПУ им. Абая, 2011. – 492 с.
8. Золотова Г.А. Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. – М.: Наука, 2004. – 544 с.
9. Кубрякова Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 556 с.

References

1. Arutjunova N.D. Jazyk i mir cheloveka. – M.: Jazyki russkoj kul'tury. – 2-e izd.ispr., 1999. I-XV. – 896 s.
2. Bondarko A.V. (otv. red.) Teorija funkcional'noj grammatiki: Vvedenie. Aspektual'nost'. Vremennaja lokalizovannost'. Taksis. – L.: Nauka, 1987. – 348 s.
3. Vsevolodova M.V. Teorija funkcional'no-kommunikativnogo sintaksisa. Fragment prikladnoj (pedagogicheskoj) modeli jazyka. – M.: MGU, 2000. – 656 s.
4. Gak V.G. Jazykovye preobrazovanija. – M., 1998.
5. Derbishheva Z.K. Sravnitel'naja grammatika russkogo i tureckogo jazykov. – M.: Flinta, Nauka, 2015. 296 s.
6. Zhanalina L.K. Dve formy rechevoj dejatel'nosti: sootnoshenie nominacii i kommunikacii // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Zhurnal teoreticheskih i prikladnyh issledovanij. Filologija. 2015, № 4 (64), t.4. – Kemerovo. – S. 74-80.
7. Zhanalina L.K. Integrativnoe slovoobrazovanie: Monografija. – Almaty: Ұlağat, KazNPU im. Abaja, 2011. – 492 s.
8. Zolotova G.A. Onipenko N.K., Sidorova M.Ju. Kommunikativnaja grammatika russkogo jazyka. – M.: Nauka, 2004. – 544 s.
9. Kubrjakova E.S. Jazyk i znanie. Na puti poluchenija znanij o jazyke: chasti rechi s kognitivnoj tochki zrenija. Rol' jazyka v poznanii mira. – M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2004. – 556 s.

УДК 81

А.А. Камалова
Ольштын, Польша

О НАИВНОЙ ЭПИСТЕМОЛОГИИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ ПОСЛОВИЦ)

Аннотация. *В статье рассматривается образ человека в языковой картине мира. Данная работа посвящена интеллектуальной деятельности.*

Ключевые слова: *интеллект, ум, разум, мыслительные структуры.*

Сведения об авторе: *Камалова Алла Алексеевна, доктор филологических наук, профессор.*

Место работы: Варминско-Мазурский университет в Ольштыне.

Контактная информация: *10-687 Polska, Olsztyn, Tęczowy Las 3/40.*
e-mail: aaka46@rambler.ru.

A.A. Kamalova
Olsztyn, Poland

ABOUT NATIVE EPISTEMOLOGY (ON THE MATERIAL OF RUSSIAN PROVERBS

Abstract. *The article deals with the image of a person in the language picture of the world. This work is analyzed the intellectual activity.*

Key words: *Intellect, mind, reason, cognitive structure.*

About the author*: Kamalova Alla Alekseevna, Doctor of Philology, Professor.*

Place of employment*: University of Warmia and Mazury in Olsztyn.*

Крупные успехи науки о языке будут зависеть от того, что она сможет дать для понимания умственных процессов и структур, которые они отражают и которыми оперируют.
Н. Хомский

Мир человека – уникальный объект познания. Физиология, психология, философия, а также религиозно-мифологические, народно-поэтические, художественные и обыденные воззрения обобщают и интерпретируют эту реальность, и каждый − по-своему. Современная лингвистика также вносит свой вклад в изучение человека, обращаясь к лексико-грамматическим единицам, к текстам различных жанров, стремясь моделировать образ человека в языковой картине мира. Однако сложность предмета изучения заставляет обращаться к частным вопросам, а именно: к строению человека по данным языка, к эмоциям и чувствам человека и т.д. Данная работа посвящена интеллектуальной деятельности.

Интеллектуальная деятельность, как свидетельствуют психологические, социально-правовые работы, понимается неоднозначно. Так, например, в правовых источниках интеллектуальная деятельность соотносится с творческим трудом, с созданием качественно новых продуктов – научных, инженерных, художественных, соответственно с понятием интеллектуальной собственности. Психолог по данному вопросу рассуждает так: «Словосочетание «интеллектуальная деятельность» на обыденном уровне кажется вполне понятным – это деятельность человека, предполагающая использование им своего интеллекта, следствием получения некоторого интеллектуального по своей природе продукта» [3, с.35]. И далее автор размышляет о необходимости соотнесения этого понятия с другими, близкими − «мышление», «умственные действия», «процесс решения задач». В российской пси-

хологии актуальны были исследования интеллектуальной деятельности людей разного образовательного ценза, проживающих в различных климатических зонах, относящихся к разным культурам.

Нас интересует следующее: «Что может быть известно об интеллектуальной деятельности обыденному сознанию представителя русской культуры?». При этом актуален интерес не к творческому мышлению и его результату, а к обыденному представлению об умственных способностях, возможностях познания. Это значит, что в данном случае речь идет не только о семантике слова *ум*, а о возможных ситуациях, сценах, сценариях, где ум описывается, оценивается, сравнивается и под. Результатом такого подхода должна стать модель концепта ‘ум’, точнее, его традиционно-архаического ядра, поскольку материал исследования − народные пословицы и поговорки. Интерпретация результатов описания концепта ‘ум’ требует определенной базы, на основе которой будут оцениваться, характеризоваться обыденные знания об интеллектуальной деятельности. В качестве такой базы избрана эпистемология.

Развитие человеческого познания и его механизмов представляют интерес для многих современных научных дисциплин, но, прежде всего, для эволюционной эпистемологии – нового, быстро развивающегося направления теории познания. Эволюционная эпистемология своим возникновением и успехам обязана эволюционной биологии, генетике человека, когнитивной психологии и теории информации. В конце XX в. в рамках данной дисциплины сформировались две исследовательские программы: одна из программ изучает эволюцию когнитивных механизмов, исследование когнитивной системы живых существ и, в особенности, человеческих познавательных способностей; другая – эволюцию научных теорий [7]. Нас интересует первая программа, ее идея об умственных способностях человека, способах решения житейских задач.

В современной лингвистике есть утверждения о существовании в языковой картине мира наивной физиологии, наивной педагогики и под. Логично предполагать, что существует и наивная эпистемология, т.е. некая совокупность знаний о человеческих интеллектуальных способностях, знаний, сформированных на основе многовековых наблюдений, длительной практики. В связи с этим ставится следующая цель: выявить, как систематизируются и оцениваются познавательные способности и интеллектуальные возможности человека в русской языковой картине мира (об интеллектуальной жизни человека см.: [2, с. 536-537]). Далее встают собственно вопросы исследовательского характера: «Какой материал необходимо привлечь для достижения цели?» и «В рамках какой лингвистической теории следует его изучать». Обратимся к обсуждению поставленных вопросов.

1. Исследования, осуществляемые в рамках теории «языковая картина мира», как правило, опираются на понятия «концепт» и «концептуализация».

Объем статьи не позволяет описать концепт ‘ум’ достаточно глубоко. Поэтому обращаемся только к самым общим сведениям об интеллектуальных способностях человека, к тому, что можно назвать понятийным ядром концепта ‘ум’. Оригинальным материалом для исследования понятийного ядра концепта ‘ум’ являются пословицы: основные свойства пословиц – лаконичность, устойчивость (способность к воспроизводству); благодаря структуре, пословицы обладают высокой степенью информативности и обобщенности; по причине «большой устойчивости общерусского корпуса пословиц, наследуемости пословиц в поколениях» они содержат информацию общенационального характера [1, с. 167].

2. Обратимся ко второй проблеме. Сформулированная выше цель исследования относится к разряду когнитивных проблем, естественно в связи с этим воспользоваться методами когнитивной лингвистики. Представляется, что для решения наших задач возможно использовать приемы фреймовой семантики и интерпретационный метод. Термин «фреймовая семантика» является общим названием разных типов формализованного описания деятельности человека в контексте ситуации. Единицей фреймовой семантики является фрейм. Единого определения и понимания для этой сложной, комплексной единицы не существует. В данном случае фрейм понимается как единица знаний, организованная вокруг некоторого понятия; в отличие от ассоциаций она содержит данные о существенном, типичном и возможном для этого понятия. По мнению Ч. Филлмора, одного из основателей folk theory, некоторые слова существуют именно для того, чтобы обеспечить доступ к знанию фреймов. Но поскольку фрейм – это когнитивная модель, сложная единица, он структурируется в соответствии с мотивирующим контекстом. Мотивирующий контекст – это структура практик или история социальных установлений, или тексты, описывающие эти практики и установления, на фоне которых постигается создание конкретной категории в истории языкового коллектива (О фрейме и фреймовой семантике см. [5, с. 187-191]). Таким мотивирующим контекстом в данной работе являются пословицы, соотносимые с понятием «ум».

На первом этапе исследования создается некая контурная схема. В данном исследовании согласно методике, разработанной М. Минским, контурная схема выстраивается с помощью вопросов [6]. На втором этапе, когда узлы (слоты) схемы заполнены, полученные данные интерпретируются в соответствии поставленной задачей (установкой).

Однако следует сказать, что общая установка описания весьма уязвима, так как предмет исследования непосредственно не наблюдаем. В качестве эксперимента воспользуемся стандартными вопросами, которые можно задать по поводу любого предмета.

1. Что (кто) выступает субъектом высказываний?
2. Как оценивается субъект?

3. Какие имеет свойства?
4. Как и в чем проявляются указанные свойства?
5. В каких случаях используется?
6. С чем сравнивается? и под.

В данной статье исследовательская методика не описывается детально, излагаются результаты и их интерпретация.

1. Мотивирующий контекст создается за счет специфических субъектов, в качестве таковых выступают *ум, голова, мозг (мозговина), слова, речи, умный* или типизированное имя собственное (*Авдей, Аксён, Иван, Семен, Фома, Ерема*) – *Всяк Аксен про себя умен.* Все названные субъекты (за исключением имен собственных, которые играют роль типизированного образа) сценически связаны с категориальным понятием – умом. Ум проявляется через речи, слова, поведение, действие человека, его вместилищем является голова. *Голова* функционирует во многих пословицах, где обыгрывается ситуация, по поводу которой возможен вопрос «Большая голова – это много ума?»: *Голова, что чан, а ума ни на капустный кочан; Мозговина (голова) с короб, а ума с орех; Голова с пивной котел, а ума ни ложки.* И, напротив: *Голова не колышек, не шапку на ней вешать; Голова научит, руки сделают; У каждого свой царь в голове.* Главная характеристика – *Голова без ума, что фонарь без свечи; Голова всему начало.*

2. При оценке ум сравнивается с деньгами, богатством: *Ум дороже богатства.* По разумению народному, ум – это хорошо, еще лучше, когда их два: *Ум – добро, а два – и лучше того; Ум хорошо, а два лучше.* Оценка, свойства ума чаще всего осуществляется путем противопоставления ума глупости, человека умного – глупому, умных речей – глупым: *Умные речи и дурень поймет; Глупым словам – глупое ухо.*

3. В пословицах подчеркивается сила и большие возможности ума: *Ум горы рушит; И сила уму уступает.* Ум, умная голова ассоциируются с достатком, большими человеческими возможностями: *Свой умок, скопи домок; Был бы ум, будет и рубль, не будет ума, не будет и рубля; Умная голова сто голов кормит, а глупая и себя не прокорми* и под. Глупость ассоциируется с неоправданным, с точки зрения практической деятельности и народной этики, поведением: *Умен, как поп Семен, книги продал, а карты купил.*

4. В пословицах ум предстает в образе активной деятельной сущности, которая может капризничать, отказываться служить человеку, или, напротив, быть хорошим помощником, обладать быстрой реакцией, в противном случае – *Всяк задним умом крепок.*

5. Нами не обнаружены пословицы, в которых хоть в какой-то мере указывалось на то, что такое ум, как он понимается (в пословицах ум характеризуется или характеризуется человек по качеству ума). Однако наше внимание привлек тот факт, что в пословицах *ум* противопоставляется *мудрости, догадке, разуму*. Например: *Ум без разума беда* или *Ум хорошо,*

а догадка лучше. Почему же догадка лучше, и что такое догадка? Анализ пословиц, в которых встречаются слова *ум*, *мудрость, разум, догадка* выстраивает следующую систему смыслов.

Ум – это врожденная (данная богом) способность логически и последовательно мыслить, путем такого мышления решаются разнообразные задачи, результат может достигаться быстро, оригинальным путем – о таком уме скажут: *быстрый ум, хороший ум, много ума*. Слово *ум* в результате метонимического переноса может обозначать знания человека, приобретенные с помощью ума, наличие ума предполагает и наличие знаний. Первая часть пословицы (голова) может содержать высказывания типа *ума палата, ума выше крыши* (хорошо), но если ум не используется по назначению, не направлен на благое дело, то *ума выше крыше, а дом без крыши.* Поэтому ум должен управляться и направляться. По разумению народному таким правителем выступает *разум*, по всей вероятности – интуиция, внутреннее чутье: *Девка ничего не знает, но все разумеет* (предположительно о женской интуиции). Таким образом, человек может иметь ум, но не иметь разума, и напротив, иметь разум, но не иметь достаточно ума.

Самую высокую оценку в русских пословицах получает *мудрость*: *Мудрость города берет; Мудрость честнее старости. Мудрость* следует понимать как житейский опыт, мудрость наживают, но она также может быть дана свыше: *Мудрость от бога.*

Догадка означает внезапное озарение, некий интеллектуальный взрыв (*догадка пришла, озарила*), по своему значению она ближе всего к слову *мысль*, но это мысль внезапная. Догадка – это одно из проявлений ума, и оценивается высоко, например: *Ум хорошо, а догадка лучше.*

6. Понимание интеллектуальных способностей человека в русских пословицах вполне укладывается, как представляется, в рамки теории эволюционной эпистемологии. Так, например, представление о догадке как проявлении интеллектуальных способностей соответствует научным знаниям о нелинейном мышлении в познании. Синергетика выявляет, что действия человека могут быть обречены на неудачу, если не согласуются с тенденциями развития сложной системы: в пословице эта ситуация представлена так: *Не умничай: умнее тебя в тюрьме сидят.* Эволюционная эпистемология уделяет серьезное внимание таким проблемам, как временная протяженность, взаимосвязь временных и пространственных отношений. Для архитектуры фрейма «ум» также характерна временная протяженность: *Была пора – так не было ума, а ушла пора – не надо и ума.* Идея топологии воздействий в эволюционной эпистемологии обнаруживает, что управляющее воздействие должно быть не энергетически мощным, а правильно топологически организованным, этот случай резюмируется русской пословицей *И дурак может умного научить.* Данный фрейм соотносится, по нашему мнению, с идеей о

топологии воздействия в синергетике: «Сложные структуры очень чувствительны и демонстрируют сильные ответные реакции» [4, с. 227-230], что можно проиллюстрировать очень емкой, очень точной по мысли, но жестокой и безысходной по смыслу пословицей*: Родился мал, вырос пьян, помер глуп*.

Итак, была выявлена совокупность знаний об уме, его свойствах, оценках, проявлениях, что составляет ядро концепта ‘ум’.

Отдельные характеристики, наблюдения над проявлениями ума не противоречат частным установкам теории эволюционной эпистемологии. Можно, таким образом, говорить о глубине знаний, которые несут пословицы о данном объекте. Мы осознаем, что, несмотря на все попытки описать пословицы в рамках конкретного метода, результаты, тем не менее, достаточно субъективны. Нас в данном случае более интересовал сам эксперимент, идея соотнести наивные представления об интеллектуальной деятельности человека с научными знаниями. Мы также осознаем также, что данный концепт должен отражать, говоря словами В.И. Даля, не только народную премудрость, но и народную глупость, не только истину, но и ложь, в этом случае мы получим именно то, что есть в реальном мире.

Литература

1. Благова Г.Ф. Пословица и жизнь: Личный фонд русских пословиц в историко-фольклористической ретроспективе. – М., 2000.
2. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). – М., 1997.
3. Воронин А.Н. Интеллектуальная деятельность : проявление интеллекта и креативности в реальном взаимодействии. // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2006. – Т. 3, № 3. – С. 35-58.
4. Князева Е.Н. Эволюция. Язык. Познание. – М., 2000. – С. 227-250.
5. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. – М., 1996.
6. Минский М. Фреймы для представления знаний. – М., 1979.
7. Эволюция. Язык. Познание. – М., 2000.

References

1. Blagova G.F. Poslovica i zhizn': Lichnyj fond russkih poslovic v istoriko-fol'kloristicheskoj retrospektive. – M., 2000.
2. Bulygina T.V., Shmelev A.D. Yazykovaya konceptualizaciya mira (na materiale russkoj grammatiki). – M., 1997.
3. Voronin A.N. Intellektual'naya deyatel'nost': proyavlenie intellekta i kreativnosti v real'nom vzaimodejstvii. // Psihologiya. Zhurnal Vysshej shkoly ehkonomiki. – 2006. – T. 3, № 3. – S. 35-58.
4. Knyazeva E.N. Ehvolyuciya. Yazyk. Poznanie. – M., 2000. – S. 227-250.
5. Kubryakova E.S., Dem'yankov V.Z., Pankrac Yu.G., Luzina L.G. Kratkij slovar' kognitivnyh terminov. – M., 1996.
6. Minskij M. Frejmy dlya predstavleniya znanij. – M., 1979.
7. Ehvolyuciya. Yazyk. Poznanie. – M., 2000.

УДК 81’27

В.И. Карасик
Волгоград, Россия

ИЛЛЮЗИЯ КАК ОСНОВА ТЕАТРАЛЬНОГО ДИСКУРСА

Аннотация. *Рассматривается театральный дискурс – особый тип институционального общения, цель которого состоит в развлечении публики и оказания воздействия на аудиторию с помощью построения иллюзий, в концентрированном виде выражающих определенные ценности посредством сценических образов. Доказывается тезис о понимании театральной иллюзии как переживания сверхреальной действительности, позволяющей выйти на более высокий по сравнению с обыденным мировосприятием уровень мироощущения, дающий людям радость. Описаны лингвистически релевантные отношения к театральному дискурсу со стороны актеров и публики, показана экспансия сценического поведения в другие типы дискурса.*

Ключевые слова: *театральный дискурс, иллюзия, воздействие, ценности, актер, публика.*

V.I. Karasik
Volgograd, Russia

ILLUSION AS THE BASIS OF THEATRICAL DISCOURSE

Abstract. *The paper deals with theatrical discourse treated as a special type of institutional communication aimed at entertaining and influencing the audience by means of creating illusions – images of super-reality with concentrated values in them. I argue that theatrical illusions make it possible for the audience to feel the significance of participation in the events more important than our habitual existence. Two types of attitude to theatrical illusions are characterized in the paper – those depicting behavior and self-presentation of actors, on the one hand, and those revealing actors’ view of the public, on the other hand. Theatrical discourse in its wider sense is often found in other types of communication.*

Key words: *theatrical discourse, illusion, impact, values, actor, public*.

Сведения об авторе: *Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой теории английского языка.*

Место работы: Волгоградский государственный социально-педагогический университет.

About the author: *Karasik, Vladimir Ilyich, Doctor of Philology, Professor and Chair, Department of the English Language Theory.*

Place of employment: Volgograd State Pedagogical University.

Контактная информация: *400066, Волгоград, пр. Ленина, 27.*
e-mail: vkarasik@yandex.ru.

Картина мира, отраженная в нашем сознании и коммуникативном поведении, обусловлена различными факторами, среди которых ведущую роль играет система этнокультурных установок восприятия и оценки действительности [4]. Эти установки специфичны применительно к разным коммуникативным ситуациям и типам дискурса. В этом плане весьма интересен для изучения театральный дискурс, важность которого для понимания культуры несомненна, но который еще недостаточно осмыслен в лингвистической литературе.

Иллюзия представляет собой воображаемую реализацию конструируемой действительности. Внутренняя форма слова, обозначающего это состояние, отражает его суть: вхождение в игру (лат. ludus – игра, забава, шутка), хотя уже в латыни illusio осмысливается как насмешка и обман. Иг-

ровое перевоплощение лежит в основе театральных представлений и сценического дискурса, относящегося к общению актеров между собой на сцене для развлечения зрителей и – в более широком смысле – к общению любых коммуникантов, осознающих, что они разыгрывают определённые роли с разными целями.

В рамках лингвокогнитивного подхода к изучению дискурса [3; 6; 7; 10] необходимо определить тип дискурса, который можно квалифицировать как театральный (сценический), т.е. установить его цель, типовых участников, хронотоп, его ценности, основные коммуникативные стратегии, жанры и дискурсивные формулы. Существующие подходы к типологизации дискурса дают возможность выделить объектное (тематическое), субъектное (агентивное), модально-характеризующее (тональное) и акциональное (перформативное) измерения любой разновидности общения. Применительно к театральному дискурсу тематический подход – это описание, повествование и рассуждение о театральном представлении. Такой дискурс может вестись любыми участниками общения, относящимися и не относящимися к сфере театра. В тематическом ключе театральный дискурс анализируется А.С. Шевченко, который выделяет в рамках этого типа общения театральное представление, театральный брэнд, театральный PR-дискурс, театральный журналистский и рекламный дискурс [17: 11].

Агентивный подход к рассматриваемому дискурсу позволяет выделить смыслообразующую цель такой коммуникации – построение иллюзии, которая предназначена для развлечения публики. Соответственно, противопоставляются актёры и зрители как основные участники этого общения. Актёры должны очаровать аудиторию, балансируя на грани воображаемого и реального миров, а зрители должны поверить в иллюзию, помня, однако, что перед ними – разыгрываемое представление. Примерами перехода зрителей в иллюзорный мир сцены являются известные факты стрельбы кубинских кинозрителей в экран во время просмотра заключительной сцены кинофильма «Чапаев». Хронотоп театрального дискурса – типичное сочетание его времени и места – определяется длительностью представления и местом его осуществления. Особенность театрального дискурса состоит в его частом метафорическом расширительном переосмыслении (вспомним известную фразу Шекспира «Весь мир – театр…»). В этом смысле драматургическое осуществление общения представляет собой одну из ипостасей любого социального действия, по Ю. Хабермасу, а именно – самопрезентацию коммуниканта перед адресатом.

Основные ценности театрального дискурса могут быть сформулированы в виде следующих предписаний: 1) иллюзии должны волновать зрителя, 2) актёр должен уметь эмоционально заряжать партнёров и публику, 3) актёр должен чувствовать меру в балансе между воображаемым и реальным мирами (нельзя переигрывать), 4) публика должна быть готова поддаться

иллюзии. Если эти условия не выполняются, театральный дискурс невозможен.

Важнейшей отличительной чертой коммуникативных стратегий театрального дискурса являются требования захватить и удержать внимание зрителя и вызвать эмоциональный отклик и таким образом создать особую атмосферу праздничного бытия, и поэтому можно выделить аттрактивную, эмоциогенную и адмиративную коммуникативные стратегии как базовые проективные установки рассматриваемого типа общения. Аттрактивная сценическая стратегия обеспечивается костюмами, антуражем, декорациями, завязкой и интригой разыгрываемого сюжета, но прежде всего – мастерством актёров, эмоциогенная стратегия – содержанием и формой спектакля (и любого сценического презентационного действия), его актуальностью для публики, адмиративная стратегия – всей совокупностью приёмов оказания воздействия на адресатов, включая суггестивные способы воздействия.

Жанры сценического дискурса соответствуют исторически сложившимся форматам развлечения публики и делятся на цирковые и театральные, вербальные и невербальные, комические и трагические, сюжетно запрограммированные и развивающиеся спонтанно (хэппенинги).

Жанровым основанием рассматриваемого дискурса является мимесис – игровое перевоплощение субъекта в кого-то другого, основанное на подражании и вживании в новую роль. Так играют дети в дочки-матери и т.д. Мимесис представляет собой эмоционально переживаемое освоение опыта других людей, какими их себе представляет имитатор. В дальнейшем цели имитации усложняются и варьируются: это может быть ритуальное вживание в образ, свойственное первобытным охотникам и шаманам, поддразнивание и пародирование, конструирование придуманного мира ради развлечения, участие в игре с распределенными ролями и собственно сценическое коммуникативное поведение. Амплуа агентов сценического дискурса весьма вариативны – это иллюзионисты, актёры, конферансье, режиссёры, сценаристы, организаторы и участники шоу.

Тональность как манера осуществления коммуникации позволяет осмыслить различные виды общения, объединяемые модально-характеризующим сценическим поведением. Подобно юмористической или идеологически маркированной тональности сценическая тональность характеризуется особой манерой реализации дискурса – его двуплановостью, при этом такая двуплановость не манипулятивна, когда адресат не догадывается об истинных целях отправителя речи, но имеет осознанную природу. Психологически игровая тональность общения соотносится с близкими типами поведения – флиртом, обменом шутливыми оскорблениями, обрядовыми поведенческими формулами.

В обычном естественном общении наречие «театрально» имеет отрицательную коннотацию, подразумевая неестественность, наигранность, не-

искренность: «театрально заламывая руки», «театрально пустив слезу», «театрально распахнуть объятия». Осуждается неискреннее поведение, которое обычно выражено в подчеркнуто преувеличенной демонстрации чувств. При этом театральность может относиться и к демонстрации наигранного равнодушия. Обратим внимание на то, что в этом случае ни у кого иллюзий нет.

Вместе с тем иллюзия как уход в воображаемый мир пересекается с другими дискурсообразующими концептами – мечтой, гипнозом и наваждением.

Сопоставляя иллюзию и мечту, мы видим, что эти две сущности объединены тем, что они противоположны реальности, различие между ними состоит в том, что иллюзия – это добровольный уход в воображаемый мир, а мечта – помимовольное состояние, сходное с волшебным сном. Гипнотическое состояние характеризуется полной потерей самоконтроля и зависимостью от гипнотизёра, наваждение ещё в большей мере охватывает психику человека и подчиняет ее себе. Иллюзии часто сводятся к обману восприятия – таковы, например, оптические иллюзии.

Театральность как презентационность в широком смысле привлекала внимание исследователей [12]. Политический дискурс в этом плане, по-видимому, в наибольшей мере подобен театральному представлению. Соответственно, когнитивная театральная метафора широко распространена в этом типе общения [2].

Иллюзию можно рассмотреть в когнитивном аспекте как концепт, т.е. квант переживаемого знания, имеющий понятийное, образное и ценностное измерения.

Понятийный аспект концепта раскрывается в словарных определениях. В толковом словаре русского языка приводится следующая дефиниция: иллюзия 1) искаженное восприятие действительности, основанное на обмане чувств; принятие кажущегося, мнимого за действительное. *Оптические иллюзии* || видимость, подобие, 2) нечто несбыточное, мечта. *Предаваться иллюзиям* (БТС). В толковом словаре английского языка находим подобное определение: illusion 1) an idea or opinion that is wrong, especially about yourself. *They suffer from the illusion that they cannot solve their problems*. 2) something that seems to be different from the way it really is. *The mirrors of the room gave an illusion of greater space* (LDCE). В русском лексикографическом источнике выделяются признаки искаженного восприятия и несбыточности, в английском словаре – признаки ошибочного мнения и его несоответствия реальности. Ближайшие смысловые корреляты слова «иллюзия» в русском языке – видимость и мечта, при этом акцентируются идеи несоответствия действительности (кажущийся, мнимый, воображаемый) и привлекательности (мечта, грёза). В английском смысловом поле ошибочного мнения противопоставляются слова delusion (заблуждение), illusion (иллюзия), hallucination (галлюцинация), mirage (мираж), в значении перво-

го слова подчеркивается самообман, второе слово осмысливается как приписывание заведомо нереальному объекту статуса истинного, в третьем случае подчеркивается нарушение чувственного восприятия, четвертое слово в расширительном смысле толкуется как неверный ориентир.

В психологии иллюзия трактуется как неадекватное отражение воспринимаемого предмета и его свойств [13]. Вместе с тем иллюзии рассматриваются как нормальные реакции людей, подчиняющиеся постоянным правилам и противопоставляемые галлюцинациям, которые специфичны у разных людей, и бреду как ошибочному убеждению [14]. Разграничиваются иллюзии восприятия (зрительные, слуховые, физиологические), иллюзии личностные (обусловленные эгоцентризмом и психической защитой) и иллюзии культурные (формируемые предрассудками и пропагандой). В философии иллюзия – «представление, находящееся в плену собственной точки зрения. … Если ошибка есть лишь недостаток знания (в силу чего она является ничем и уничтожается истиной), то иллюзия характеризуется скорее избытком веры, воображения или субъективизма: это мысль, которая объясняет себя не известной мне реальностью, а той реальностью, каковой являюсь я сам. … Иллюзия – это доверчивое желание [9]. Подчеркивается, что «в обыденном плане понятие «иллюзия» употребляется как синоним надежд и мечтаний (как правило, нереальных), утешающего и облегчающего жизнь самообмана или полета творческой фантазии. С философской точки зрения, стремление к иллюзорному восприятию действительности является неотъемлемой чертой человеческого сознания, ищущего в нем отдохновения от «суровой действительности», надежды или удовольствия. … Немецкий философ К. Ланге объяснял происхождение искусства именно потребностью в иллюзиях» [16]. Нельзя не отметить идеологическое понимание иллюзии в работах философов-материалистов: религия – иллюзорный взгляд на мир, предполагающий существование господствующих над человеком сверхъестественных сил. Не менее категоричны и сторонники последовательно идеалистического миропонимания, эта позиция основана на вере в иллюзорность физически воспринимаемой реальности. В индийской религиозно-философской традиции разработано понятие «майя» (санскр. «иллюзия, видимость») – особая сила, или энергия, одновременно скрывающая истинную природу мира и помогающая этому миру проявиться во всем своем многообразии [5]. Философы отмечают, что иллюзия укоренена во всех проявлениях жизнедеятельности человека – в художественном отражении мира, в социальных мифах, в субъективных картинах мира [1].

Таким образом, психологическое, философское и религиозное сознание осмысливает иллюзию как естественное человеческое мировосприятие, обусловленное стремлением уйти от трудностей реального мира, но неразрывно связанное с пониманием того, что реальный мир существует. В этом плане обиходное сознание акцентирует негативную сторону иллюзий, а

специализированное сознание признает их объективную неизбежность в процессе освоения мира. Творческое осмысление действительности предполагает право человека на фантазию, на построение моделей сверхреальности, компонентом которых является иллюзия.

Образный аспект концепта представляет собой уточнение его характеристик в высказываниях, описывающих соответствующее ментальное образование. Приведу примеры из корпуса русского языка «Библиотека лексикографа» (сост. А.А. Бурыкин).

В прямом смысле иллюзия иллюстрируется в действиях фокусника-иллюзиониста:

Бросил балалайку – и ушел в цирк. – Что вы говорите! Чем же вы занимаетесь в цирке? – Иллюзией… Достаю из воздуха разные чашки, ложки… (Э. Радзинский).

Зрители понимают, что фокусник с помощью определенных манипуляций производит действия, которые построены на обмане нашего восприятия, но такой обман всем нравится.

На иллюзии построена игра актёров:

Таким образом, воображение в связи с полной иллюзией действительности создает для артиста подлинную, правдивую и правдоподобную жизнь на сцене; можно искренно верить ее подлинной правде; можно доверять ее правдоподобию, можно верить, если не самой сценической жизни, то ее вероятию, возможности осуществления в подлинной действительности (К. Станиславский).

Великий отечественный режиссер, создатель оригинальной системы подготовки артистов, говорит том, что театральное представление реализуется только в том случае, когда зрители готовы включить свое воображение, а актёры создают подлинную, правдивую и правдоподобную жизнь на сцене.

Важнейшим условием иллюзии является готовность человека поверить во что-то вопреки рациональным доводам:

Не могу глаз оторвать от иллюминатора. Знаю, что иллюзия, знаю, что не на самом деле, а зачарован (В. Розов).

Иллюзии дают нам особое чувство преодоления реальности. Это чувство и привлекает публику в театр.

Поиск истины составляет смыслообразующую цель науки. Вместе с тем существует множество непонятных сфер действительности, которые объяснить научно невозможно. Это положение дел с улыбкой комментирует современный писатель:

Лженаука не так плоха, как кажется. Во-первых, она обходится дешевле, чем обычная наука, не требует больших затрат, установок, аппаратуры; во-вторых, она не стареет. Лженаука может существовать столетиями, поскольку она почти неопровержима. В конце концов, ничего страшного, она производит мечты, иллюзии, будущее. Я встречался с уз-

ким специалистом по лженауке, его специальностью были привидения (Д. Гранин).

С приведенными аргументами можно поспорить, но приходится признать, что людям свойственно создавать иллюзии, поскольку иллюзии в определенной мере примиряют нас с реальностью.

Проанализированный материал свидетельствует о том, что большей частью акцентируются негативные стороны иллюзий, но вместе с тем отрыв от реальности даёт людям силы, чтобы справиться с судьбой:

С иллюзиями человек не может быть защищен, от жизни у таких одни кровоподтеки. – Без кровоподтеков не проживешь… А тут хоть что-то имеешь, кроме кровоподтеков… Что-то хорошее, Павел! (В. Тендряков).

В приведенном диалоге прямо сказано о ценности иллюзий.

В текстовых примерах конкретизируются предметные области иллюзий. Это иллюзия дома, сообщества по-настоящему близких людей:

Старость эта была абсолютно бесприютной, только летом «в будке», уродливой литфондовской даче, появлялась иллюзия дома, да, к счастью, ленинградские юнцы-поэты – Бродский, Найман и еще какие-то – не бросали ее, ездили на дачу, дружили с ней и всё для нее делали (Н. Мандельштам).

В воспоминаниях об Анне Ахматовой говорится о ее горькой старости, иллюзия дома противопоставлена реальности – уродливому дачному строению, «будке», хотя молодые поэты того времени в какой-то мере пытались ей помочь.

Иллюзией бывает дружба:

Марина многих в жизни называла своими друзьями; дружба внезапно обрывалась, и Марина расставалась с очередной иллюзией (И. Эренбург).

Иллюзорная дружба, в отличие от настоящей, не может быть продолжительной.

Иллюзорным оказывается и единство людей, каждый из которых на самом деле недоброжелательно относится к соседям:

Ни у кого никакой личной жизни, каждый стремится заполнить свою пустоту жизнью соседа!.. Всем до всех есть дело, и возникает иллюзия единения… (Л. Филатов).

Иллюзия неразрывно связана с неприятной реальностью как своим антиподом. В приведенном примере говорится о том, что демонстрируемый интерес к жизни ближних порой является прикрытием для беспардонного вторжения в чужую жизнь.

Весьма часто иллюзорной оказывается политическая власть:

…после некоторой паузы, он несколько неожиданно стал говорить о том, насколько предвыборные соображения господствуют в США над всеми другими интересами, насколько политически коррумпирован Вашингтон, где нет настоящих человеческих отношений, а идет постоянное

подсиживание друг друга, беспощадная борьба за власть или иллюзию власти (А. Добрынин).

Мысль о том, что в сфере политики нет человеческих отношений, не нова. Обратим внимание на то, что граница между реальной и разыгрываемой властью весьма подвижна.

Более категорично по этому поводу высказался классик русской литературы:

А что такое человеческая порода? Иллюзия, мираж… Деспоты всегда были иллюзионистами (А. Чехов).

Манипуляторы знают, что людям хочется быть обманутыми.

Вместе с тем противопоставление подлинной и мнимой природы человека может быть осмыслено как иллюзорное политическое противоборство и настоящее раскрытие души:

Но на самом деле история человека – не политическая история с ее утопическими претензиями и иллюзиями, а история духа, история человеческого возрастания в полную меру совершенства… (Г. Флоровский).

Подобные высказывания характерны для людей с непоколебимой верой в духовное преображение человечества.

Интересен пример необычного осмысления иллюзии:

И я еще иногда тешу себя иллюзиями, будто это я пишу дневник, а не Дневник пишет меня (С. Есин).

Соотношение воли человека и внешних обстоятельств, усилий и судьбы всегда привлекало к себе внимание мыслителей и деятелей. Такое соотношение многомерно:

й и мировых языков им. Абылай хана (г. Алмашего: «Уверенность – чаще всего иллюзия, и покой – не судьба человека» (В. Познер).

В этой сентенции говорится о важности рациональной критической оценки не только внешних обстоятельств, но и собственных действий, с одной стороны, и необходимости прилагать усилия для того, чтобы жить достойно, с другой стороны.

В текстовых примерах наблюдается синонимическое уточнение концепта «иллюзия»:

Вот пусть это станет ясно до конца – пусть больше не будет никаких иллюзий, никакого обмана на свой счет (В. Шукшин).

Преодоление иллюзий редко делает людей счастливыми, но пребывание в иллюзорном мире может привести к гибели:

Прощание с иллюзиями – процесс болезненный, ведь эти иллюзии для нас своего рода наркотики. Они меняют наше восприятие действительности – иногда чуть-чуть, наподобие марихуаны и кокаина, иногда радикально, как героин и ЛСД. Мы привыкаем к этим иллюзиям, не можем без них обходиться, ведь они украшают нашу жизнь. Но когда реальность все-таки прорывается к нам, когда иллюзии больше не работают – что то-

гда? Как справиться? Как быть, если случилась передозировка? Выходит, иллюзии могут убить не хуже наркотика… (В. Познер).

Иллюзии сравниваются с наркотиками. Если человек живет только в воображаемом мире, реальность может оказаться очень жестокой.

Впрочем, отмечено, что трезвые скептики тоже порой терпят поражение:

...ведьма-действительность не пожалела ни иллюзий, ни смелости и одинаково расправилась с мечтателями и скептиками... (В. Тан-Богораз).

В приведенном примере можно установить неявно выраженную параллель между скептическим отношением к реальности и смелостью скептиков, но трудно согласиться с тем, что мечтатели в таком противопоставлении – это люди с недостаточной смелостью.

Заслуживает внимания пример переосмысления иллюзии – доказательства того, что идеалы могут воплощаться в действительность:

Трудно выполнимое, часто нереальное, это условие – отдать драгоценные «карточки» тем, кто их утерял, – вместе с тем неизменно включалось блокадниками в понятие о чести. Разумеется, не все могли решиться на такой поступок. ... и казавшееся иллюзорным понятие о чести стало непреложной реальностью (С. Яров).

История блокадного Ленинграда продемонстрировала всем, что в нечеловеческих условиях жизни в людях проявлялись лучшие человеческие качества, которые мы часто считаем иллюзорными.

Текстовые примеры показывают, что концепт «иллюзия» осмысливается как амбивалентное образование: с одной стороны, иллюзии могут отрывать людей от реальности и тем самым причинять им вред, и поэтому необходимо бороться с иллюзорным миропониманием, особенно в том случае, если оно навязывается сознательно с манипулятивными целями, но, с другой стороны, иллюзия окрыляет человека, придает ему силы и в особых ситуациях превращается в сверхреальность. Именно второе осмысление иллюзии образует основу театрального дискурса.

Содержание концепта «иллюзия» включает оценку как семантический компонент этого ментального образования, поскольку квалификация чего-либо с позиций соответствия воображаемого реальному предполагает двойственное восприятие реального и его антипода – положительное и отрицательное по отношению к тому и другому. В пословицах иллюзии не осмысливаются, в обиходно-практической жизни вместо иллюзий фигурируют мечты. Концепт «мечта» привлекал к себе внимание исследователей [8; 11; 15]. Установлено, что основанием этого концепта является идея нереальности, сопряженная в русской культуре с идеализацией желаемого недостижимого положения дел, а в американской – с достижением личного благополучия и верой в себя. В паремиологии подчеркивается важность мечты: «*Без мечты не проживёшь*» (рус.), «*Мечта – крылья, не знающие усталости*» (казах.), «*Каждый, кто успешен, должен о чём-то мечтать*» (амер.),

но отмечается и непродуктивность мечтаний: «*Мечты – капитал банкротов*» (араб.), «*Мечты – пена*» (нем.), «*Чтобы приготовить плов, мечты о плове мало*» (узбек.). Можно заметить, что амбивалентное отношение к мечте совпадает с таким же отношением к иллюзии: иллюзии нужны, но нужны не только иллюзии.

В афористике мы находим развернутое подтверждение этого положения дел: «*Иллюзия так же нужна для нашего счастья, как и действительность*» (К. Бови), «*Иллюзия – первая из всех утех*» (Ф. Вольтер), «*Наш опыт заключается скорее в утраченных иллюзиях, нежели в обретенной мудрости*» (Ж. Ру), «*Иллюзии – это розовые очки, без которых невозможно взирать на многочисленные уродства мира и человека*» (Э. Севрус), «*Удовольствие может основываться на иллюзии, но счастье покоится на реальности*» (Н. Шамфор), «*Пока сердце еще питают желания, ум сохраняет иллюзии*» (Ф. Шатобриан). «*Лучше запрашивать или требовать луну, которой не существует, чем жить в безлунном мире*» (Л. Льюисон). Вместе с тем можно найти уточнение отношения к иллюзиям: «*И фокусники нередко оказываются в плену иллюзий*» (Л. Леонидов), «*За иллюзии расплачиваются действительностью*» (Л. Кумор), «*Сколько бы мы ни платили за свои прекрасные иллюзии, мы не остаёмся в убытке*» (М. Эбнер-Эшенбах). Эти наблюдения подтверждают силу иллюзий как важнейшего ориентира поведения. Генеративная сила театральной иллюзии заставляет зрителей поверить в то, что разыгрываемое перед ними представление не просто отражает жизнь, но является концентрированным выражением ее сущности. В афоризмах о театре эта идея четко выражена:

«*Всё, что чувствует наша душа в виде смутных неясных ощущений, театр преподносит нам в громких словах и ярких образах, сила которых поражает нас*» (Ф. Шиллер), «*Сценичность я понимаю совсем не в нагромождении эффектов, а в том, чтобы происходящее на сцене трогало и вызывало сердечное участие зрителей*» (П. Чайковский), «*Театр поучает так, как этого не сделать толстой книге*» (Ф. Вольтер). Театральное представление дает возможность зрителям пережить иную реальность, которая скрыта от нас в повседневном существовании. Это особое чувство подлинности бытия, сопричастности главному в нашей жизни.

Театр диалогичен по своей природе, и поэтому нарушения его смыслообразующих иллюзий недопустимы. Это касается как зрителей, так и актёров: «*Лучше играть перед пустыми креслами, чем перед пустыми лицами*» (А. Гиннесс), «*Играй так, чтобы я не видел, что заучено*» (М. Щепкин), «*Чтобы театр мог воздействовать на жизнь, он должен быть сильнее, интенсивнее повседневной жизни. При стрельбе нужно целиться выше цели*» (Ф. Кафка), «*Актер должен научиться трудное сделать привычным, привычное легким и легкое прекрасным*» (К. Станиславский). От зрителя требуется готовность к соучастию, от актёров – вдохновение и умение воздействовать на публику.

Заслушивает внимания анонимное изречение о требованиях к актёру: «*Любительское представление: шанс для людей, лишенных таланта, доказать это всем*» (Анон.). Сентенции об актёрах упрекают этих людей в стремлении блистать: «*Не путайте: актеры гибнут от недохваленности, настоящие люди – от недолюбленности*» (Ф. Ницше), «*На лицах актеров можно прочесть все не сыгранные ими роли*» (М. Шарган), «*Актёр – это человек, который не слушает, если говорят не о нём*» (М. Брандо). Актёры кланяются публике, благодарят её за аплодисменты, но часто в душе презирают её: «*Успех театра зависит от качества публики*» (Т. Судзуки), «*Театральная публика хочет, чтобы ее удивили, – но чем-то привычным*» (Т. Бернар), «*Злословие и насмешка – вот что пользуется у публики неизменным спросом*» (Дж. Аддисон), «*Публика на удивление терпима: она прощает все, кроме гениальности*» (О. Уайльд). Впрочем, встречаются и самокритичные оценки: «*Когда близко видишь людей, которые вам аплодируют, то начинает казаться, что люди, освистывающие вас, может быть, не так глупы*» (Э. Гонкур); «*Когда наконец завоевываешь уважение публики, давно уже не уважаешь ни её, ни себя*» (Ж. Ростан).

Мы видим, что непременным условием актёрского искусства является талант, основным недостатком представителей этой профессии считается тщеславие, публику упрекают в отсутствии хорошего вкуса и посредственности. В этом оценочном позиционировании видны позиция публики по отношению к актёру и актёра по отношению к публике. Более полно спектр отношений к театру и иллюзии как его смыслопорождающей основе раскрывается в мемуарах актёров и режиссёров и в художественных произведениях, героями которых выступают артисты.

Известный актёр М. Козаков так описывает свою встречу с легендарным режиссёром Н.П. Охлопковым:

- Ну, давай Чацкого.

Читаю довольно грамотно, темпераментно, обличаю старух зловещих, стариков, дряхлеющих над выдумками, вздором… Останавливает меня мягким, пластичным жестом.

— Слушай, начни еще раз. Только вот что, давай сыграй мне такой этюд. Там ведь как: Чацкий сначала слышит объяснение Софьи с Молчалиным. Из него он узнает правду обо всем. И вот представь себе, что он, слушая их разговор, пьет рюмку за рюмкой. … Так вот, он пьет и слушает, слушает и пьет. Вот представь себе. Главное, не торопись. Накопи и из этого состояния начни. И не торопись начинать. Так тихо, тихо… – уже шепчет Охлопков, выпятив толстые губы…

А у меня откуда-то слезы на глазах:

– Не образумлюсь, виноват… И слушаю, не понимаю… Как будто все еще мне объяснить хотят… Растерян мыслями… чего-то ожидаю. – И дальше меня повело в живое чувство.

Он остановил, довольный.

– Вот видишь, это уже иначе. Этюды – великая вещь. (М. Козаков. Актерская книга).

Корифей театра объясняет юноше, как нужно построить образ героя, т.е. создать иллюзию вхождения в судьбу другого человека, который в минуту горького откровения говорит о том, что его мучит. Центральный момент этого повествования – «меня повело в живое чувство», и это состояние порождает ответную реакцию публики в лице режиссёра.

В романе С. Моэма «Театр» следующим образом описана сцена знакомства известной актрисы Джулии Ламберт с молодым человеком, который является одним из почитателей ее таланта:

- Мне бы очень хотелось пойти еще раз, – горячо сказал юноша. – Я видел спектакль уже три раза.

- Неужели? – изумленно воскликнула Джулия, хотя она прекрасно помнила, что Майкл ей об этом говорил. – Конечно, пьеска эта не так плоха, она вполне отвечает своему назначению, но я не представляю, чтобы кому-нибудь захотелось трижды смотреть ее.

- Я не столько ради пьесы, сколько ради вашей игры.

«Все-таки я вытянула из него это», – подумала Джулия и добавила вслух:

- Когда мы читали пьесу, Майкл еще сомневался. Ему не очень понравилась моя роль. Вы знаете, по сути, это – не для ведущей актрисы. Но я решила, что сумею кое-что из нее сделать. Понятно, на репетициях вторую женскую роль пришлось сильно сократить. (С. Моэм. Театр).

Поведение примадонны вне сцены является дополнением к ее сценической – подлинной – жизни: она играет великую актрису в любой ситуации. Молодой человек ей откровенно льстит, он тоже ведёт себя в соответствии со сценарием, предписывающим при встрече с актрисой восхищаться ее талантом. Сценическая иллюзия переходит за грани сцены.

Такая ситуация иронично показана в миниатюре Ф. Кривина:

Простак, Убийца и Король, играя без подсказки, со временем входили в роль и привыкали к маске.

И даже кончив свой спектакль и сняв колпак бумажный, держался простаком Простак, Убийца – крови жаждал, Скупой – копил, транжирил – Мот, Обжора – плотно ужинал, Любовник – все никак не мог вернуться к роли мужа…

И не поймешь в конце концов – где правда, а где сказка. Где настоящее лицо, а где – всего лишь маска (Ф. Кривин. Комедия масок).

Сила театральной иллюзии так велика, что не только зрители, но и сами актёры ведут себя в соответствии с требованиями роли, даже когда представление окончено.

Резюмирую. Театральный дискурс является особым типом институционального общения, его цель состоит в развлечении публики и оказании воздействия на зрителей с помощью построения иллюзий – сверхреальной

действительности, в которой в концентрированном виде выражены определенные ценности посредством сценических образов. Важнейшими характеристиками театральной иллюзии выступают ее миметическая двуплановость и эмоциогенность. В отличие от обиходного понимания иллюзия в театральном коммуникативном пространстве осмысливается как необходимое условие выхода на более высокий по сравнению с обыденным уровень мироощущения, дающий людям радость. Для создания иллюзии требуется талант и умение актера и готовность публики поддаться очарованию воображаемой и разыгрываемой реальности. Сила театральной иллюзии состоит в экспансии сценического поведения в другие типы общения.

Литература

1. Байков А.А. Способность к созданию иллюзии как атрибутивное свойство человека: автореф. дис. … канд. филос. наук. – М., 2014. – 26 с.
2. Будаев Э.В. Метафорический образ России в современном мире. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2009. – 305 с.
3. Демьянков В.З. Текст и дискурс как термины и как слова обыденного языка // Язык. Личность. Текст: сборник к 70-летию Т.М. Николаевой. М.: Языки славянских культур, 2005. – С.34-55.
4. Дербишева З.К. Кыргызский этнос в зеркале языка: монография. – Бишкек: «Plus», 2012. – 404 с.
5. Исаева Н.В. Майя // // Новая философская энциклопедия. В 4 т. / Ин-т философии РАН. – М.: Мысль, 2010. – Т.2. – С.477.
6. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
7. Кибрик А.А. Когнитивные исследования по дискурсу // Вопросы языкознания. – 1994. №5. – С.126-139.
8. Коновалова Ж.Г. «Американская мечта» в художественно-документальной литературе США второй половины XX века: автореф. дис. … канд.филол.наук.– Казань, 2009.– 25 с.
9. Конт-Спонвиль А. Философский словарь. ЛитРес, 2015 [Электронный ресурс] https://www.litres.ru/andre-kont-sponvil/filosofskiy-slovar-9362050
10. Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования. – М.: Знак, 2012. – 208 с.
11. Логинов А.Л. Концепт «The American dream» в творчестве Уолта Уитмена: автореф. дис. … канд. филол. наук. – Нижний Новгород, 2013. – 21 с.
12. Олянич А.В., Распаев А.А. Лингвосемиотика театральности в англоязычном политическом общении: монография. – Волгоград: ВГАУ, 2015. – 212 с.
13. Психология. Словарь / под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. – М.: Политиздат, 1990. – 494 с.
14. Ребер А. Большой толковый психологический словарь. Пер. с англ. – М.: Вече, АСТ, 2000. – Т. 1. – 592 с.
15. Сергеев С.А. Особенности объективации концепта *мечта* в русской языковой картине мира: автореф. дис. … канд. филол. наук. – Новосибирск, 2005. – 20 с.
16. Суворов О.В. Иллюзия // Новая философская энциклопедия. В 4 т. / Ин-т философии РАН. – М.: Мысль, 2010. – Т.2. – С.95.
17. Шевченко А.С. Театральный дискурс: структура, жанры, особенности лингвистической репрезентации (на материале русского, английского, бурятского языков): автореф. дис. … канд. филол. наук. – СПб., 2012. – 20 с.

References
1. Bajkov A.A. Sposobnost' k sozdaniyu illyuzii kak atributivnoe svojstvo cheloveka: avtoref. dis. … kand. filos. nauk. – M., 2014. – 26 s.
2. Budaev EH.V. Metaforicheskij obraz Rossii v sovremennom mire. – Ekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t, 2009. – 305 s.
3. Dem'yankov V.Z. Tekst i diskurs kak terminy i kak slova obydennogo yazyka // YAzyk. Lichnost'. Tekst: Sbornik k 70-letiyu T.M. Nikolaevoj. – M.: YAzyki slavyanskih kul'tur, 2005. – S.34-55.
4. Derbisheva Z.K. Kyrgyzskij ehtnos v zerkale yazyka: monografiya. – Bishkek: Plus, 2012. – 404 c.
5. Isaeva N.V. Majya // // Novaya filosofskaya ehnciklopediya. V 4 t. / In-t filosofii RAN. – M.: Mysl', 2010. – T.2. – S.477.
6. Karasik V.I. YAzykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs. – Volgograd: Peremena, 2002. – 477 s.
7. Kibrik A.A. Kognitivnye issledovaniya po diskursu // Voprosy yazykoznaniya. – 1994. №5. – S.126-139.
8. Konovalova ZH.G. «Amerikanskaya mechta» v hudozhestvenno-dokumental'noj literature SSHA vtoroj poloviny HKH veka: avtoref. dis. … kand. filol. nauk. – Kazan', 2009. – 25 s.
9. Kont-Sponvil' A. Filosofskij slovar'. LitRes, 2015 [EHlek-tronnyj resurs] https://www.litres.ru/andre-kont-sponvil/filosofskiy-slovar-9362050
10. Kubryakova E.S. V poiskah sushchnosti yazyka: Kognitivnye issledovaniya. – M.: Znak, 2012. – 208 s.
11. Loginov A.L. Koncept «the American dream»v tvorchestve Uolta Uitmena: avtoref. dis. … kand. filol. nauk. – Nizhnij Novgorod, 2013. – 21 s.
12. Olyanich A.V., Raspaev A.A. Lingvosemiotika teatral'nosti v angloyazychnom politicheskom obshchenii: monografiya. – Volgograd: Izd-vo VGAU, 2015. – 212 s.
13. Psihologiya. Slovar' / pod obshch. red. A.V. Petrovskogo, M.G. YAroshevskogo. – M.: Politizdat, 1990. – 494 s.
14. Reber A. Bol'shoj tolkovyj psihologicheskij slovar'. Per. s angl. – M.: Veche, AST, 2000. – T.1. – 592 s.
15. Sergeev S.A. Osobennosti ob"ektivacii koncepta mechta v rus-skoj yazykovoj kartine mira: avtoref. dis. … kand. filol. nauk. – Novosibirsk, 2005. – 20 s.
16. Suvorov O.V. Illyuziya // Novaya filosofskaya ehnciklopediya. V 4 t. / In-t filosofii RAN. M.: Mysl', 2010. T.2. S.95.
17. Shevchenko A.S. Teatral'nyj diskurs: struktura, zhanry, osobennosti lingvisticheskoj reprezentacii (na materiale russkogo, anglijskogo, buryatskogo yazykov): avtoref. dis. … kand. filol. nauk. – SPb., 2012. – 20 s.

УДК 811

Б.К. Момынова, У. Анесова
Алматы, Казахстан

СЕМАНТИКА И СИМВОЛИЧЕСКИЙ СМЫСЛ ПРОКСЕМИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ В КАЗАХСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. *Место проксемики с семиотической точки зрения заслуживает отдельного анализа. В статье рассматривается размер (близость, расстояние, объем) личного пространства, которое зависит от коммуникативной культуры человека, его*

B.K. Momynova, W. Anesova
Almaty, Kazakhstan

SEMANTICS AND THE SYMBOLIC MEANING OF THE PROXY APPROACH IN THE KAZAKH LANGUAGE

Abstract. *The place of proxyemia from the semiotic point of view deserves a separate analysis. The article considers the size (proximity, distance, volume) of personal space, which depends on the communicative culture of a person, his emo-*

эмоционального состояния, от сформированных социальной средой привычек.

Ключевые слова: *паралингвистика, мимика, жесты, звуки.*

tional state, and habits formed by the social environment.

Key words: *Paralinguistics, facial expressions, gestures, sounds.*

Сведения об авторах: *Момынова Багдан Катаевна, доктор филологических наук, профессор. Умит Анесова, доктор PhD, старший преподаватель.*

Место работы: Институт языкознания им. А. Байтурсынова НАН; Казахский национальный университет им.аль-Фараби.

e-mail: momynova_b@mail.ru.

About the author: *Momynova Bagdan Kataevna, doctor of philological sciences, professor. Umit Anesova, Dr. PhD, Senior Lecturer.*

Place of employment: Institute of Linguistics. A. Baytursynov National Academy of Sciences; Kazakh National University named after al-Farabi.

Рассматриваемая в статье группа бейвербальных средств относится к оптическим знакам, среди которых выделяется «проксемика» (от латинского proximus – «ближайший» «приближаюсь», «пришел», образовано от слова «proximo»). Проксемика может быть использована в качестве коммуникационного пространства личностей, сохранения личного пространства во время делового общения и значения, придаваемого этому.

Часть окружающего мира, которая принадлежит одному человеку, называется личным пространством. И его размер (близость, расстояние, объем) зависит от коммуникативной культуры человека, его эмоционального состояния, от сформированных социальной средой привычек.

Различают три типа проксемики.

1. Фиксированное расстояние и пространство.

Фиксированное расстояние ограничено стационарными объектами. Это может быть внутренность комнаты, стены комнаты, пространство возле окна и т.д. Например: *Абайдың көңіліне Смағұлдың жаман сөзі зілдей тиді. Өз анасына жаны біртүрлі қатты ашып, үлкен бөлменің тап ортасында тапжылмай қатып, тұрып қалды* (М. Ауэзов. 20-томник, том 3,106 с.).Расстроенные чувства Абая передаются через описание его настроения путем размещения в пространстве: *застыл в центре большой комнаты.*

Қонақтар ***төрге жайғасты.*** *Ауыл иелері, орта жасты қара сақалдылар мен селдір сұйық мұртты жігіттер,* ***қонақтардың төменгі жақтарын ала екі шеттен, сүйек төсектің алдарынан отырысты*** (М. Ауэзов. 20-томник, том 3, с. 192). Здесь фиксированное расстояние передается через описание четырех стен дома и двери. Поскольку расположение входной двери не может быть изменено, напротив него всегда располагается төр. Понятие «төр» в казахской культуре обозначает почетное место, его символическое значение несет в себе особый смысл для казаха. В казахском языке частотны такие выражения, как *қақ төр, тура төр, төр ортасы.* Следующие примеры показывают пути пространственного размещения относительно почетного места төр.

Қыздар кіргенде ... *Оны мен серіктеріне Мұсабайдың келіншегі және Мұсабайдың өзі мен Нұртаза, Өтегелді сияқты ауыл иелері, Әбішпен қатар* ***тез тұрысып, төрге қарай шығуға жол берісті.***

...Ол сәнді салмақпен баяу басып, алтынды шолпысы өте жіңішке, биязы үнмен шылдырлай келіп, ***Мұсабайдың дәл жоғарғы жағынан отырды****. Қалған қыздардың жастары бұдан кішірек еді. Олар төрге* ***жоғарылауға именіп, екі жаққа бөлінді.*** *Бәрі де Нұртаза мен Мұсабайдан* ***төмен отырды.***

Солардың артынан үйге, үш-төрт орта жасты жеңгелер, аналар кеп кірді. Бұларға, ***төрде отырған қонақтар, орындарынан тұрып, қағылысып, қатардан орын беріскен*** (М. Ауэзов. 20-томник, том 5, с. 195).

Әзір скрипканы жалғыз тартқан Әбіш. Ол мынандай бөтен, сый ауылда түрегеп тұрып тартуды ыңғайсыз көріп, ***төрден тұрып келіп, оң жақтағы биік төсекке сүйеніп тартады*** (М. Ауэзов. 20-томник, том 5, с. 194).

– Жоғары шық, Әбіш, отыр! Жұртқа қызмет етем деп шаршадың ғой! – деп, Мұсабай ***өз қасынан орын босата беріп еді,*** *қонаққа үлкен аға жасаған ілтипатын, іштей қостаған Мағрипа да,* ***Мұсабай жаққа қозғала түсіп, Әбішке өз орнын берді.*** *Әбіш бұл қозғалысты ыңғайсыз көріп, қыздың алдына келіп:*

– Жо-жоқ... сіз қозғалмаңыз, рахмет! ... Мен Мұсабай ***қасынан төмен-ақ отырамын!*** *– деп еді* (М. Ауэзов. 20-томник, том 5, с. 198).

Кроме того, в данных примерах показано место людей в пространственном размещении относительно почетного места в соответствии с их возрастом.Описано свойственное казахской культуре особое уважительное отношение к девушкам, отличающееся от других национальных культур. В трилогии «Золотая Орда» дается понятие «Расположение в правой части очага или справа от хозяина дома в древней монгольской культуре традиционно считается почетным местом», связанное с проксемикой ***оң жақтан орын беру.*** В книге описывается, как Ұлақшы испытал внутренний подъем и гордость от того, что отец посадил его справа от себя: ***Әкесі өзіне оң жағынан орын бергенде*** *Ұлақшы іштей көтеріліп қалды* (И. Есенберлин. Золотая Орда, с. 16).

Символом дружбы и согласия является тот факт, когда дают рядом с собой место, отодвигаясь дальше: ***Қасынан орын беріп, өзі әрі қарай ығысты*** (Каназов М. Қияндағы, с. 8).

Выражение уважения к гостям со стороны женщин показывается следующими проксемическими подходами: *Әбіштер кіргенде, сол отауда дөңгелек стол жаюлы, үлкен шам жанып тұр.* ***Төрде қонақтарға жайылған көрпе бар***. ***Мағрипа мен жеңгесі оң жақтағы биік сүйек төсекке тақау түрегеп тұр екен*** (М. Ауэзов. 20-томник, том 5, с. 308). Это показано через описание *көрпе*и высокой постели на правой стороне помещения, на которую опирались Магрипа и ее сноха. Наличие

полуфиксированного пространства связано с тем, что при последующей коммуникации в соответствии с изменением места коммуникативной ситуации хозяева дома могут передвинуться влево.

2. Поэтому пространственное расположение в доме мебели и другой домашней обстановки считается полупостоянным местом, а определяемое ими пространство называется полуфиксированным.

Освобождение пространства, выход из негопроисходит для того, чтобы не причинить неудобства другим: *Бөлмеде отырған Кәкітай, Дәрмен, Құмаш үшеуі Павловтың ыңғайын байқап, Абаймен оңаша сөзі барын сезіп**, ауыз бөлмеге шығысты*** (М. Ауэзов. 20-томник, том 6, с. 405). В этом примере – *ауыз бөлмеге ығысу* – показано средство перехода в социальное расстояние, а размер европейского социального пространства может составлять до 3-7 метров. Мы не можем утверждать, что это расстояние характерно и для казахов, но переход в соседнюю комнату является фиксированным расстоянием и составляет около 4-х и более метров.

Атекем деген опырық шалдың отыратын дағдылы орнына мен отырып қалған екем. Шал басын қақшитып алған бойы тура маған келіп тірелді де, тұрып қалды. Мен төмен ығысып орын босаттым (Г. Мусрепов. Избр. рассказы,с. 30). Данный пример показывает формирование фиксированного собственного пространства в зависимости от статуса человека, от занимаемого им в обществе места, возраста.

3. Персональное или интимное пространство называется неформальным расстоянием и относится к интимной территории человека, которое наблюдается при общении коммуникантов лицом к лицу, при физическом контакте. Такое уменьшение расстояния используется при общении самых близких людей, выражает их доверие друг к другу, а для окружающих такое расстояние между коммуникантами говорит о близости между ними: *...Ол бірге туған ағаңыз істеген қиянат, жыртқыштық болғандықтан, сіз ұялып та қиналасыз. Іштен тынасыз, үнсіз уайымдайсыз. Ал, менің айтайын дегенім, – деп, Абайға қарай **жабыса жақындай түсті*** (М. Ауэзов. 20-томник, том 5, с. 72).

*– Ол біздің халқымыздың ең жақын тұрған, ең жауыз дұшпаны! – деп, Павлов Абайға қарай **бойын тақап** қатты сыбырлап, басқаша бір күшпен айтты* (М. Ауэзов. 20-томник, том 6, с. 403).

Желание нашедших общий язык и имеющих сходство интересов людей скрыть от других предмет беседы не увенчивается успехом, поскольку их выдает неформальное расстояние между ними, например, соприкосновение друг с другом головой или плечом. Аналогичное уменьшение расстояния между людьми или расположение тела в пространстве может свидетельствовать и о близости отношений между друзьями, и об общности интересов между деловыми партнерами: *Жорғабек пен Тыпаң ымы-жымы бір кісіше бастары тиісіп, күбірлесіп,*

күлісіп, бірдеңе айтып отырды (Ж. Аймауытов. Избр. романы, с. 227). Такое расстояние составляет примерно от 0,20 до 0,30 см. и может исчезнуть при соприкосновении локтями и головой в пылу беседы. Тогда коммуникация с тесным контактом приобретает форму интимного соприкосновения.

Публичное расстояние начинается с 4 метров и используется при выступлении перед различными аудиториями.

В традициях казахского народа наблюдается строгое соблюдение поддерживания определенного расстояния с уважаемыми людьми, которых почитает народ; так, например, нельзя было обходить коня батыра, иными словами, обгонять коня героя. Такое расстояние – аттың мойнын *кейін қалдырып отыру*, атының *мойнын оздырмау* – составляет примерно от 0,50 сантиметров до 1 метра дистанции. Однако это расстояние поддерживается не всегда, порой суетливо, в спешке человек вырывается вперед, оставляя позади уважаемого человека, но это не приветствуется остальными коммуникантами: *«Ең алдымен, өзгелерден оқ бойы шығандап жалқы келе жатқан жүргіншінің астындағы керген төстіктей көк қасқа шұлғып тастап, сумаң-сумаң аяңдағанда өрлі-еңіске бірдей сумаңдайды. ...»*

Келген адамды, сыйлы қонақты есік алдында тұрып қарсы алу – сыйластықтың көрінісі:Қамбар өз ордасына жақындай бергенде әлдебіреу хабар берсе керек, ***тамам қалмақ жапырлап, есік алдына шыққан*** (К. Сегізбайулы. Беласкан, с. 93). Так, выражение *есік алдына шығу* можно считать публичным расстоянием в соответствии с казахской ментальностью и мировоззрением.

Первым подойти к незнакомому человеку, поздороваться с ним – это, скорее, не показатель скромности и учтивости уважающего себя человека, төре, а демонстрация смирения, поэтому расстояние от 1 до 1,5 м. при приветствии является знаком самоуважения: *Он шақты кісінің алдына қой бастаған серкедей киімімен де, жүріс-тұрысымен де салтанаты оқшау, ерекшелене көрінген кісінің Ошыржаптың өзі екенін білсе де, бұрын-соңды көрмеген адамы болған соң, бұл да қонақтарына* ***бірер қадам жақын келіп тоқтаған*** (К. Сегізбайұлы Беласкан). ***Бірер қадам жақын келіп тоқтау*** составляет примерно 1,5 – 2 метра.

Тұсау тастам жерге жақындай бере *«Ассалау-ма-ға-лей-кум-дерін!» жарыстырып, қолдарын кеуделеріне қоя бастарын иді* (М. Есламгалиулы. Айтеке би, с. 440). С учетом расстояния в 1 метр в представлении народа о ***тұсау*** определяется эта дистанция.

Алтын Орда ханын Бұхар даруғашысы қаптағай келген ұзын бойлы арық, қауға қара сақалды, персияндықтарға ұқсас Мұсабек өзінің салтанатты нөкерлерімен шаһардың ***батыс жақтағы қақпасының көш жерінен,*** *сырнай-кернейлетіп қарсы алды* (И. Есенберлин. Алтын Орда, с. 89). Расстояние кочевья составляет 20 километров. Так определялось

социальное пространство в течение длительного времени, показывающее уважительное отношение, согласие между кочевьями.

Қара үзу – может быть от 1 до 1,5 километров. Например, проводы гостей на такое расстояние означает показ истинного уважения: *Олар әлгіде ғана қияннан көрінген* ***көкжиекке сүңгіп, көзден біржолата қара үзгеніше*** *шығарып салушылар орындарынан тапжылмады* (М.Есләмғалиұлы. Әйтеке би, 503-б.).

– Кір, кіре беріңдер.

– Сәлем, көке!

– Сәлем, Әйеке!

Екеуі бұған ***қол созым жақын келіп*** *тізе бүкті* (М. Есламгалуұлы. Айтеке би, с. 520). *Қол созым жер* – относится к интимному расстоянию и составляет до 0,5 метров.

Следующим видом пространства в казахской культуре является – *дауыс салым жер.* Однако звуки, раздающиеся утром, в полдень и вечером, слышатся с различной дистанции. Тем не менее, промежуточное расстояние *дауыс салым қашықтық* будет около 10 метров – расстояние, охватывающее дистанцию, при котором говорят тихим, умеренным голосом, а не кричат. Такая дистанция является знаком уважения. И, безусловно, в проксемике относится к типу социального расстояния: *Бұлар солай сөз қыдырыстырып тұрғанда, бейтаныс меймандар* ***дауыс салым жерге жақындай бере,*** *сыпырыла аттан түсіп, тізгіндерін қолдарына алысты* (М. Есламгалиулы М. Айтеке би, с. 522); *Әжем озып, мен қалып қойдым.* ***Дауыс жетер жерде*** *ілесіп келемін* (М. Каназов. Қияндағы, с. 137).

Расстояние, когда голос едва слышен, – более 10 метров: *Жұмыртқадай тізілген сарала үзікті ақ ордалар,****олардан дауыс әрең жетер жерге барып ірге тепкен*** *қараша үйлер мен қостар, қатар-қатар тартылған желілер, онда ағаш шелектерін қарына іліп алып жүрген әйелдер – бәрі де қазақ аулынан айнысайшы* (К. Сегизбайулы. Беласкан, с. 28).

Следующее пространство – *тас лақтырым жер* – длится от 10 до 15 метров и также относится к социальному расстоянию: *Қонақтар* ***ордаға тас лақтырым жер қалғанда*** *қатар-қатар иық тіресе тігілген үш үйдің алдындағы жиылып қалған бірқыдыру жігіт-желең, қатын-қалаш ортасынан қақ жарылды да, березе жағалы қызыл шапан киген әркенді, орта бойлы, төртбақтау келген кісі алға оза берген* (К. Сегізбайұлы. Беласкан, с. 32).

Меймандар бұларға ***отыз-қырық қадамдай қалғанда,*** *осы ауылдың нақ күтуші сыпақай жігіттері алдарынан шығып, тізгіндерін өз қолдарына алды* (М. Есламгалиұлы. Айтеке би, с. 522). Эти расстояния являются знаком уважения.

Бұлар ***ауылға оқ бойы қалған кезде*** *топ қарсы қозғалды. Шашу шашыла бастады* (С. Бакбергенов. Борте, с. 194). В этом примере слово

«пуля» означает не саму пулю в общепринятом значении, а расстояние, равное полету стрелы из лука, т.е. около 20-25 метров.

Екеуі де үнсіз барып, ***қарсыма-қарсы орындыққа отырысты*** (Г. Сланов. 6-том. избр. соч., с. 29). *Қарама-қарсы отыру* – интимное расстояние до 1 метра, одним из видов которого является «идти навстречу», «быть возле»: *Абай* ***есіктен шапшаң аттап кіргенде, Әйгерім қарсы басып, қасына келіп қалған екен*** (М. Ауезов. 20-ти том., 5-т., с. 290).

Таким образом, в коммуникологии любое расстояние имеет свое значение. Любое невыполнение или сохранение дистанции осуществляется в соответствии с определенной целью. Безусловно, соблюдение расстояния в пространственном отношении в соответствии с этикетом основывается на знании культуры народа.

Литература

1. Аймауытов Ж. Шығармалар. Романдар, повестер, әңгімелер, пьесалар. – Алматы: Жазушы,1989. – 560б.
2. Әуезов М. Жиырма томдық шығармаларының жинағы. 5-й т. Абай. Роман-эпопея. – Алматы: Жазушы, 1980. – 422 б.
3. Әуезов М. Жиырма томдық шығармаларының жинағы. 6-й т. Абай. Роман-эпопея. – Алматы: Жазушы, 1980. – 458 б.
4. Есенберлин І. Алтын Орда. Тарихи трилогия. 1-кітап. – Алма-ты: Жазушы, 1982. – 264 б.
5. Есләмғалиұлы М. Әйтекеби. Тарихи-философиялық дилогия. – Алматы: Жазушы, 2007. – 560 б.
6. Қаназов М. Қияндағы күн нұры. – Алматы: Балауса, 1998. – 256 б.
7. Мүсірепов Ғ. Таңдамалы әңгімелер. – Алматы: Мектеп, 1979. – 205-б.
8. Сегізбайұлы К. Беласқан. Таңдамалы шығармалар. Роман хикаят. 3-й т. – Алматы: «Жалынбаспасы», 2009. – 320 б.
9. Сланов Ғ. Алты томдық шығармалар жинағы. 5-й т. – Алматы: Жазушы, 1981. – 444 б.

УДК 81’27

М.В. Пименова
Санкт-Петербург, Россия

ЛЕБЕДЬ: СЛОВО & СИМВОЛ

Аннотация. *В статье рассматривается концепт* лебедь *в русской языковой картине мира. Данный концепт анализируется пошагово от группы мотивирующих через понятийные до группы символических признаков. Концепт* лебедь *– один из важных фольклорных концептов русской лингвокультуры.*

Ключевые слова: *концепт, языковая картина мира, фольклорный концепт.*

Сведения об авторе: *Пименова Марина Владимировна, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой иностранных и русского языков.*

M.V. Pimenova
Saint-Petersburg, Russia

SWAN: WORD & SYMBOL

Abstract. *The article considers the* swan *concept in the Russian language picture of the world. This concept is analyzed step by step from the group of motivating to the group of symbolic signs. The* swan *concept is one of the important folklore concepts of Russian linguoculture.*

Key words: *concept, language picture of the world, folklore concept..*

About the author: *Pimenova Marina Vladimirovna, Doctor of Philology, Professor, Head of the Foreign and Russian languages Department.*

Место работы: Военный институт (инженерно-технический) ВА МТО.

Place of employment: Military Institute (engineering and technical) MA MTS.

Контактная информация: *каб. 358, Захарьевская ул., 22, Санкт-Петербург, 191123.*

e-mail: MVPimenova@yandex.ru.

Белый лебедь, лебедь чистый,
Сны твои всегда безмолвны,
Безмятежно-серебристый,
Ты скользишь, рождая волны.
Константин Бальмонт

Фольклорная картина мира все чаще начинает привлекать внимание исследователей с позиций изучения значимых концептов лингвокультуры, именно они создают фундамент языковой картины мира. *Языковая картина мира* – это совокупность знаний о мире, которые отражены в языке, а также способы получения и интерпретации новых знаний [3, с. 9]. При таком подходе язык рассматривается как определенная концептуальная система и как средство оформления концептуальной системы знаний о мире.

Языковая картина мира – многоступенчатое образование. Человек способен понимать мир и самого себя благодаря языку, в котором закрепляется общественно-исторический опыт – как общечеловеческий, так и национальный. Последний и определяет специфические особенности языка на всех его уровнях. Фольклор, культура, наука – те три кита, которые отображают ментальность народа.

В данной статье внимание обращено к концепту *лебедь*. Под концептом понимается совокупность когнитивных признаков, которые используются для описания фрагмента мира или части такого фрагмента. Концепт – это некое представление о фрагменте мира или части такого фрагмента, имеющее сложную структуру, выраженную разными группами признаков, реализуемых разнообразными языковыми способами и средствами.

Описание концепта заключается в определении его структуры. Анализ концепта *лебедь* начнем с определения мотивирующего признака его репрезентанта.

Древнерусское слово *лебедь* известно с XI в. Оно «ведет свое происхождение от индоевропейской основы lebedь в значении “белый”. Во многих славянских языках встречается в форме, близкой к индоевропейской основе» [11]. Ср. также латинское albus «белый».

Забвение внутренней формы слова приводит к тому, что сочетание *белая лебедь* уже не воспринимается так тавтология. Хотя признак ‘белизны’ изначально заключён в самом слове *лебедь*.

В сознании современного человека сталкиваются две различные исторические традиции. Первая отражает ценности, идеалы и представления людей, сложившиеся как формы исторического опыта бытия в мире и образующие ядро сознания человека, т. к. именно это ядро и есть *концептуальная картина мира*, которую человек осваивает с языком. Другая историче-

ская традиция обусловлена системой научного знания, которая не появилась одномоментно, а развивалась в течение всего периода становления народа. Система научного знания осваивается сознательно, именно это знание человеку дается со школьной скамьи, а *концептуальная система* скрывается в недрах языка, познается стихийно, неосознанно, ее усвоение происходит с момента рождения. Человек, не задумываясь, употребляет те или иные формы языка, потому что так принято.

Научная картина мира представляет лебедя через систему биологических знаний: согласно классификации, лебедь относится к отряду гусеобразных семейства утиных: «ЛЕ́БЕДЬ, -я, мн. -и, -ей, муж. и (устар. и в народной словесности) -и, мн. -и, -ей, жен. Большая водоплавающая птица семейства утиных с длинной, красиво изогнутой шеей. Белый л.» [7]. В России живут 2 вида лебедей: лебедь-кликун (белый лебедь, издающий звучные клики) и лебедь-шипун (самый крупный белый лебедь, издающий шипящие звуки). Редко встречается и лебедь необычного окраса – чёрного. Именно этот факт служит обоснованием уточнения цвета лебедя в соответствующих сочетаниях.

В современном русском языке слово *лебедь* означает: «красивая белая водоплавающая птица с длинной шеей» [11]. В группу понятийных признаков, таким образом, входят сохранившийся мотивирующий признак (‘белый’), зооморфный признак (‘(водоплавающая) птица’), соматический признак (‘с (длинной) шеей’) и оценочный признак (‘красивая’).

Несмотря на древность концепта, на изменение религиозных верований в обществе, оценочный признаки его сохранили позитивное значение, не потеряв за долгий путь истории народа первоначальный сакральный смысл. На это указывают соответствующие эпитеты: *белогрудый, белокрылый, белопенный* (устар. поэт.), *белоснежный, белый, благородный, важный, величавый, величественный, горделивый, гордый, одинокий, светлый, статный* [10]; ср. также: *Лебединая стая. Лебяжий пух. Лебединая поступь* (перен.: плавная). *Лебединая песня* (перен.: последнее проявление таланта) [2]. Поэты и писатели чтут эту традицию: *лебедь* безмятежно-серебристый (Бальмонт); белая (Блок, Брюсов, Шумахер); белый (Плещеев, Белый); белогрудый (Жуковский); белокрылый (Жуковский, Мельн.-Печерский); белоснежный (Мельн-Печерский, Пушкин, Эртель); величавый (Жуковский, Батюшков); нежный (Мельн.-Печерский); стройный (Рылеев); царственный (Чюмина) [7].

Во всех мифологических традициях птицы символизируют верхний мир – небо. Этот символ относится и к лебедю: ср. басню Крылова «Лебедь, щука и рак», где лебедь рвался в облака.

Небо – место обитания богов. Отсюда соответствующая символика лебедя: возрождение, чистота, целомудрие, гордое одиночество, благородство, мудрость, пророческие способности, поэзия и мужество, совершенство. Лебедь воплощает амбивалентный образ птицы жизни и смерти, соче-

тая в себе две стихии: воздуха и воды (ср. противопоставление в мифах и сказках белого и черного лебедей, олицетворяющих жизнь – смерть, добро – зло).

Славянская мифология относит лебедей к «святым» птицам. До сих пор существует негласный запрет убивать лебедей. В сказках лебедей подавали только на стол правителей – тех, кто воплощал в себе силу тотема. Такая особенность описания основывается на мифологических и исторических корнях существования у русского народа тотемов – птиц[1]. Тотемами выступали гуси-лебеди, соколы, орлы (в русских сказках гуси-лебеди – атрибут Бабы Яги, в имени которой, скорее всего, скрывается образ Богини-матери или ее жрицы. Баба Яга, по всей вероятности, связана с культом предков). Этот вывод подтверждается ещё и теми языковыми и фольклорными фактами, что добры молодцы называются *орлами, соколами, соколиками*, красны девицы – *Царевнами-лебедями, лебёдушками*, ср.: женская походка – *идёт, будто лебедь белая плывёт*; шея у женщины – длинная, *лебединая*, что является эталоном красоты. *Лебёдка, лебёдушка, лебедь* (народн.-поэт.) «Ласковое название молодой девушки, женщины» [8, II: с. 167]. Действия врагов до сих пор сравниваются с действиями коршунов и воронов (*налетели, навалились будто коршуны/ вороны*). Женщин ласково называют *голубка, голубушка, голубица,* мужчин *голубчик, голуба, голубок, голубь.* Отрицательную смысловую нагрузку несут слова, именующие женщин *ворона, кукушка, курица*, именующие мужчин *коршун, ястреб, гусь*. [5, с. 68].

На Севере России лебедь почитается выше других птиц, что подтверждает сказочный сюжет о выборе царя птиц, которым становится белый лебедь (а не орел, как в других традициях). Красота этой птицы породила множество легенд о девах-лебедях (ср. немецкую легенду о Лебедином озере). Девы-лебеди владеют тайной напитка бессмертия: сказочная Белая Лебедь – обладательница живой воды и молодильных яблок (о ней будет сказано дальше). В «Повести временных лет» рассказывается об основании Киева тремя братьями: Кием, Щеком, Хоривом и сестрой их Лыбедью, поселившимися на крутых горах Днепра. Кий – старший брат – дал имя городу, двое других – горам Щекавице и Хоривице и народам – чехам и хорватам, а имя сестры было дано реке, впадающей в Днепр.

В русском фольклоре есть особенный персонаж – Дева-Лебедь, Царевна-Лебедь, в народных сказках эта царевна превращается в лебедя, берет в мужья царевича. Сюжет брака человека с животным или птицей широко распространен у разных народов. К этому же сюжету восходит сказка о Царевне-Лебеди.

---

[1] Якуты вели своё происхождение от девицы-лебедя, бурятские роды Шарят и Харят – от брака шамана с девицей-лебедью, небесный владыка австралийских аборигенов Байаме происходил от рода чёрных лебедей. Думается, что эти мифы восходят к одному источнику – преданию о космическом яйце и появлению из него мира. Ср. также древнегреческий космогонический миф о Зевсе (Юпитере), который в образе лебедя предстал перед Ледой, от этого союза с ним Леда родила яйцо, из которого появилась Елена Прекрасная.

Царевна-Лебедь, 1900. Картина М.А. Врубеля.

Сказочный персонаж, который предстает в сказках то в «птичьем», то в антропоморфном облике – Царевна-Лебедь. У этой девы-лебедя луна (месяц) под косой блестит, а во лбу звезда горит[2]. Луна и звезды – символы неба – верхнего мира. Перед нами Небесная Богиня. Месяц под косой и звезды на челе – символы верховной – божественной – власти Великой Богини или Царицы Небесной. Женщины на Руси носили венцы, формой напоминающие перевернутую луну, или кику – в форме луны рогами вверх[3].

В античной и средневековой традициях было распространено мнение, что душа странствует по небу в виде лебедя. *Душа*-лебедь – символ, пришедший из мифологии: «эта символика в своей основе связана и с представлением о способности души странствовать по небу в образе лебедя, выступающего как символ возрождения, чистоты, целомудрия, гордого одиночества, мудрости, пророческих способностей, поэзии и мужества, совершенства, но и смерти» [9, с. 41]. Звезда на челе царевны-лебедя тоже объяснима: по смерти душа в славянских поверьях превращается в звезду [5, с. 67-68], при этом Царевна-Лебедь сама из верхнего – небесного мира – Бо-

[2] *Смотрят – что ж? княгиня-диво:* ***Под косой луна блестит****, А во лбу звезда горит; А сама-то величава, Выступает, будто пава, И свекровь свою ведет.* Пушкин. *Сказка о царе Салтане; «Да на свете, Говорят, царевна есть, Что не можно глаз отвесть. Днем свет божий затмевает, Ночью землю освещает –* ***Месяц под косой блестит****, А во лбу звезда горит. А сама-то величава, Выступает, будто пава; Сладку речь-то говорит, Будто реченька журчит*. Пушкин. Сказка о царе Салтане.

[3] Луна – традиционный символ женского начала мироздания. А.С. Пушкин обыгрывает в своих сказках славянский образ девы-лебедя, перенося ее признаки на луну (*Чуть слышится ручей, бегущий в сень дубравы, Чуть дышит ветерок, уснувший на листах, И* ***тихая луна****,* ***как лебедь величавый****,* ***Плывет в серебристых облаках****.* Пушкин. Воспоминания в Царском Селе.

гиня. В мужья выбирает себе царевича – будущего правителя царства земного.

Образ и функции демиурга, творца и управителя выявляется в ярком персонаже русского фольклора – Царевна-Лебедь. Существительное *лебедь* ныне в современном русском языке имеет вариантные родовые формы, которые «противопоставлены друг другу как нормативная и ненормативная, современная и устаревшая, нейтральная и просторечная... Существительные, нормально употребляющиеся в одном роде – преимущественно в мужском, в разговорной речи могут иметь формы другого рода: *лебедь, лебедя* (муж. р.) и нар.-поэт. *лебедь, лебеди* (жен. р.)» [6, I: с. 470]. Для русского фольклора слову *лебедь* свойственна форма женского рода (*белая лебедь*). Родовое имя *птица* (*птаха*) в русской культуре закреплено за женским родом; что определяет род многих птиц, как *голубка, ласточка, лебедь, утка, кукушка*; метафоры этих лексем употребляются для называния женщин, где три первые имеют положительные коннотации, две последних – отрицательные. Все указанные птицы в славянской мифологии могут выступать в качестве женщин (принцип оборотничества). Мифология славян подтверждает основания для выделения именно женского рода у подобных слов. В сказках «женщина оборачивается в белую лебедь, изображается колдуньей и называется *еретницею*» [1, с. 241–242].

В русских сказках встречается образ женщины-воительницы по имени Белая Лебедь Захарьевна[4]. Странно, но именно она владеет необходимыми

[4] **Сказка о молодце-удальце, молодильных яблоках и живой воде** (вариант сказки 4). *Русская народная сказка*. Жил да был царь; у царя было три сына: Федор, Егор да Иван; Иван был не совсем умен. Посылает царь старшего сына по живую воду, по сладкие моложавые яблоки; он поехал и доезжает до росстанья. Тут столб стоит, на столбе роспись: вправо идти — попить да поесть, влево идти — головушку погубить; он поехал вправо и приезжает к дому; заходит в избу, а тут девица говорит ему: «Федор-царевич! Ложись со мной спать». Он лег; она взяла да и спихнула его неведомо куда. Царь, не дождавшись его долго, другого сына посылает. Этот поехал и до того же места приезжает; входит в избу. Девица и этого так же уходила. Царь посылает третьего сына: «Поезжай ты!»

Младший сын поехал, доезжает до того же росстанья и говорит: «Для отца поеду голову губить!» — и поехал влево; доезжает до избушки, входит туда, а в избушке ягишна — сидит за пряслицей, прядет шелкову кудельку на золотое веретенце и говорит: «Куда, русска коска Иван-царевич, поехал?» Он отвечает: «Напой-накорми, тожно все расспроси». Она напоила-накормила и спрашивает; он говорит: «Я поехал по живую воду, по сладкие моложавые яблоки — туда, где живет Белая Лебедь Захарьевна». Ягишна говорит: «Едва ли достанешь! Разве я помогу», — и дает ему своего коня. Он сел и поехал; доезжает до другой сестры ягишны. Взошел в избу, она ему говорит: «Фу-фу, русской коски слыхом было не слыхать, видом не видать, а ныне сама на двор пришла; куда, Иван-царевич, поехал?» Он отвечает: «Прежде напой-накорми, тожно расспроси». Она напоила-накормила его; он и говорит: «Я поехал добывать живую воду, сладкие моложавые яблоки — туда, где живет Белая Лебедь Захарьевна». — «Едва ли достанешь!» — сказала баба и дала ему своего коня.

Царевич поехал до третьей ягишны; входит в избу, та говорит: «Фу-фу, русской коски слыхом было не слыхать, видом не видать, ныне русская коска сама на двор пришла; куда, Иван-царевич, поехал?» — «Прежде напой-накорми, тожно расспроси». Она напоила-накормила его; он и говорит: «Я поехал по живую воду, по сладкие моложавые яблоки». — «Трудно, царевич! Едва ли достанешь». Потом дает ему своего коня, семисотную палицу и наказывает: «Когда станешь подъезжать к городу, то ударь коня палицей, чтобы он перескочил за симу». Так он и сделал: перескочил за симу, поставил своего коня к столбу и идет в палаты Белой Лебеди Захарьевны. Слуги его не пускают; а он сквозь пробивается: «Я, — говорит, — Белой Лебеди записку несу». Добился до покоев Белой Лебеди Захарьевны; в то время она крепко спала, на пуховой на постели разметалася, а живая вода стояла у ней под зголовьем. Он взял воды, поцеловал девицу и пошутил с ней негораздо; потом, набравши моложавых яблоков, поехал назад. Конь его скочил

царевичу Ивану для отца-царя волшебными предметами: «Я поехал по живую воду, по сладкие моложавые яблоки – туда, где живет Белая Лебедь Захарьевна». Белая Лебедь живет за городской стеной (симой) в палатах, караулят ее покои слуги.

В сказке у царя три сына. Иван – младший, наивный. Отправляет царь сыновей за молодильными (моложавыми, по сказке) яблоками и за живой водой. Поручение выполняет только младший сын.

Все сыновья выбирают на распутье свой путь. А двойной выбор написан на столбе: на росстанье «столб стоит, на столбе роспись: вправо идти – попить да поесть, влево идти – головушку погубить».

Иван выбирает дорогу, приведшую его к трём сёстрам-ягишнам. Именно они помогают герою добраться до царства Белой Лебеди. Ивана убивают братья, а конь помогает ему воскреснуть: «Конь Ивана-царевича собрал его косточки в одно место, вспрыснул живою водой; у него коска с коской, суставчик с суставчиком срослися». В этом тоже видится третий

чрез симу и задел за край. Вдруг зазвенели все колокольчики, все прозвончики, весь город пробудился. Белая Лебедь Захарьевна забегалась — ту няньку бьет, другую колотит, кричит: «Вставайте! Кто-то в доме был, воды испил, колодезь не закрыл».

Между тем царевич пригнал к первой ягишне, переменил лошадь; а Лебедь Захарьевна за ним гонится, приехала к той ягишне, у которой царевич только что коня сменил, и спрашивает: «Куда ты ездила? У тебя лошадь потна». Та отвечает: «Ездила в поле скота выгонять». Иван-царевич переменил у второй ягишны коня; а Лебедь Захарьевна вслед за ним приезжает и говорит: «Куда, ягишна, ездила? У тебя лошадь потна». — «Я ездила в поле скота выгонять, оттого у меня лошадь спотела». Иван-царевич доехал до последней ягишны, переменил лошадь; а Лебедь Захарьевна все гонится, приезжает после него, спрашивает ягишну: «Что у тебя лошадь потна?» Та отвечает: «В поле ездила скота выгонять».

Отселе она домой воротилась; а Иван-царевич поехал к братьям. Приходит к дому, где они были; девица выскочила на крыльцо, говорит: «Добро пожаловать!» Потом зовет его спать с собою. Царевич говорит: «Напой-накорми, тожно спать клади». Она напоила-накормила и опять говорит: «Ложись со мной!» Отвечает царевич: «Наперед ты ложись!» Она легла наперед, он ее и спихнул; девица полетела неведомо куда. Иван-царевич думает: «Ну-ка вскрою эту западню; не там ли мои братья?» Вскрыл — они тут и сидят; говорит им: «Выходите, братья! Что вы тут делаете? Не стыдно ли вам?» Собрались и поехали все вместе домой к отцу. Вот дорогою старшие братья вздумали убить младшего; Иван-царевич узнал их думу и говорит: «Не бейте меня; я вам все отдам!» Они на то не согласилися, убили его и косточки разбросали по чистому полю. Конь Ивана-царевича собрал его косточки в одно место, вспрыснул живою водой; у него коска с коской, суставчик с суставчиком срослися; царевич ожил и говорит: «Долго я спал, да скоро встал!» Приходит к своему отцу в чежелке; отец, увидавши, говорит ему: «Ты куда ходил? Поди нужные места очищать».

Между тем выезжает Белая Лебедь Захарьевна на заповедные луга царские и посылает к царю письмо, чтобы он выдал ей виноватого. Царь посылает старшего сына. Детки Белой Лебеди, завидя его, кричат: «Вон наш батюшка идет! Чем мы будем его потчевать?» А мать говорит: «Нет, это не отец, а дядюшка ваш; потчуйте его тем, что у вас в руках». А у них было по дубинке; они так ему бока навохрили (наколотили), что едва дошел до дому. Потом царь посылает второго сына; этот идет, детки обрадовались и кричат: «Вон наш батюшка идет!» А мать говорит: «Нет, это ваш дядюшка». — «Чем же мы его будем потчевать?» — «А что у вас в руках, тем и потчуйте!» Они так же ему бока навохрили, как и старшему брату. Тожно посылает Белая Лебедь Захарьевна к царю сказать, чтобы выслал виноватого. Царь, наконец, посылает младшего сына; он бредет — на нем лаптишки худые, чежелко худое. Дети кричат: «Вон нищий какой-то идет!» А мать говорит: «Нет, это ваш батюшка». — «Чем мы будем его потчевать?» — «А чем бог послал!» Когда Иван-царевич пришел, она надела на него хорошую лопоть (одежду), и поехали они к царю. По приезде Иван-царевич рассказал отцу свое похождение: как он из ловушки братьев добыл и как они убили его. Отец рассердился, взял их разжаловал и приставил к низким должностям, а младшего сына взял к себе в наследники. (Сказка о молодце-удальце, молодильных яблоках и живой воде // Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. — М.: Наука, 1984—1985. — (Лит. памятники). Т. 1. — 1984. — С. 349—374).

обряд мужской инициации, который был трансформирован из женского третьего этапа инициации, необходимый к исполнению перед тем, как испытуемый вставал во главе государства.

Здесь мы встречаем уже патриархальный сюжет. Иван наследует царство отца, Лебедь Белая Захарьевна с сыновьями Ивана имеет свое царство, где она вырастила детей.

По сравнению с образами богатырей образ женщины-богатырки схематичнее. В сказке мы не находим описания ее богатырской силы, сцен поединков, говорится только о результатах боев. Богатырши живут в необычных городах, мы бы сейчас сказали, с сигнализацией. Они часто пользуются волшебством, как и Иван-царевич, наученный старушками-помощницами. Как видим, современные стереотипы о женских и мужских занятиях рушатся о стену сказок. Как мужчины, так и женщины наделялись богатырской силой, дрались на поединках и защищали свои земли.

Лебеди сохранили чистоту своего образа в русской лингвокультуре. Это стало возможным благодаря тем качествам, которыми они наделяются: красота и верность [5, с. 87-88], чистота, грация, гордость, совершенство.

Таким образом, структуру исследуемого концепта образуют мотивирующий признак (‘белый’), понятийные признаки: зооморфный признак (‘(водоплавающая) птица’), соматический признак (‘с (длинной) шеей’) и оценочный признак (‘красивая’), символическими признаками анализируемого фольклорного концепта оказались амбивалентные признаки ‘доброжелательность’, ‘оборотничество’, ‘Богиня/ демиург’ (восходящие к образу Царевны-Лебеди) и ‘богатырка, наделенная силой’, ‘управительница своего царства’, ‘хранительница молодильных яблок и живой воды’, ‘мать, самостоятельно вырастившая сыновей’ (восходящие к образу Белой Лебеди).

Вероятно, символические признаки Царевны-Лебеди первоначально были образными, связанными с верованиями в оборотничество и магию. А соответствующие образы появились на основе метонимического переноса – что восходит к обрядовой практике. Символические признаки богатырки Белой Лебеди Захарьевны воссоздают физический облик сильной женщины, возглавляющей свою страну, самостоятельно воспитывающей своих детей, владеющей чудесными молодильными яблоками и живой водой, мудро восстанавливающей справедливость в государстве своего мужа.

.

Литература

1. Буслаев Ф.И. Преподавание отечественного языка. – М., 1992.
2. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь. 1949-1992. http://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/96770/%D0%9B%D0%95%D0%91%D0%95%D0%94%D0%AC
3. Пименова М.В. Этногерменевтика языковой наивной картины внутреннего мира человека: монография / М.В. Пименова. – Кемерово: Кузбассвузиздат, Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 1999. – 262 с. – С. 9. (Серия «Этногерменевтика и этнориторика». Вып. 5).

4. Пименова, М.В. Концепт *сердце*: образ, понятие, символ: монография / М. В. Пименова. – Кемерово, 2007. – 500 с. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 9).
5. Пименова М.В. Фольклорные концепты // Концепт и дискурс: коллективная монография; отв. соред. Г.Н. Кенжебалина, М.В. Пименова. – Павлодар-Кемерово-Киев-Витебск: Кереку, 2012. – 178 с. – С. 63-102. (Серия «Поликультурное пространство языка в Казахстане». Вып. 2).
6. РГ-80: Русская грамматика; гл. ред. Н.Ю. Шведова. – М., 1980. – Т.1.
7. Словарь эпитетов русского языка. 2006. http://epithets.academic.ru/454/%D0%BB%D0%B5%D0%B1%D0%B5%D0%B4%D1%8C
8. Словарь русского языка: в 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус, яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981-1984. – Т. 2.
9. Топоров В.Н. Лебедь // Мифы народов мира: в 2 т. – М., 1988. – Т. II. – С. 40-41.
10. Эпитеты литературной русской речи. – М: Поставщик двора Его Величества – товарищество "Скоропечатни А. А. Левенсон, А. Л. Зеленецкий", 1913.
11. Этимологический словарь русского языка. М.: Русский язык от А до Я. Издательство <ЮНВЕС>. Москва. 2003. http://semenov.academic.ru/691/%D0%BB%D0%B5%D0%B1%D0%B5%D0%B4%D1%8C

References

1. Buslaev F.I. Prepodavanie otechestvennogo yazyka. – M., 1992.
2. Ozhegov S.I., SHvedova N.YU. Tolkovyj slovar'. 1949-1992. http://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/96770/%D0%9B%D0%95%D0%91%D0%95%D0%94%D0%AC
3. Pimenova M.V. EHtnogermenevtika yazykovoj naivnoj kartiny vnutrennego mira cheloveka: monografiya / M.V. Pimenova. – Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 1999. – 262 s. – S. 9. (Seriya «Ehtnogermenevtika i ehtnoritorika». Vyp. 5).
4. Pimenova, M.V. Koncept serdce: obraz, ponyatie, simvol: monografiya / M. V. Pimenova. – Kemerovo, 2007. – 500 s. (Seriya «Konceptual'nye issledovaniya». Vyp. 9).
5. Pimenova M.V. Fol'klornye koncepty // Koncept i diskurs: kollektivnaya monografiya; otv. sored. G.N. Kenzhebalina, M.V. Pimenova. – Pavlodar-Kemerovo-Kiev-Vitebsk: Kereku, 2012. – 178 s. – S. 63-102. (Seriya «Polikul'turnoe prostranstvo yazyka v Kazahstane». Vyp. 2).
6. RG-80: Russkaya grammatika; gl. red. N.YU. SHvedova. – M., 1980. – T.1.
7. Slovar' ehpitetov russkogo yazyka. 2006. http://epithets.academic.ru/454/%D0%BB%D0%B5%D0%B1%D0%B5%D0%B4%D1%8C
8. Slovar' russkogo yazyka: v 4-h t. / AN SSSR, In-t rus, yaz.; Pod red. A.P. Evgen'evoj. – 2-e izd., ispr. i dop. – M.: Russkij yazyk, 1981-1984. – T. 2.
9. Toporov V.N. Lebed' // Mify narodov mira: v 2 t. – M., 1988. – T. II. – S. 40-41.
10. Epitety literaturnoj russkoj rechi. – M: Postavshchik dvora Ego Velichestva – tovarishchestvo "Skoropechatni A. A. Levenson, A. L. Zeleneckij", 1913.
11. Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka. M.: Russkij yazyk ot A do YA. Izdatel'stvo <YUNVES>. Moskva. 2003. http://semenov.academic.ru/691/%D0%BB%D0%B5%D0%B1%D0%B5%D0%B4%D1%8C

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 81

С.А. Алаева
Бишкек, Кыргызстан

КОНЦЕПТ БИЙЛИК//ВЛАСТЬ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ КЫРГЫЗСКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. *В статье рассматрены признаки концепта бийлик//власть в кыргызской и русской лингвокультурах. На примере множества разнообразных языковых материалов (пословиц, поговорок, эпоса "Манас", материалов из совр. кыргызской литературы и публицистики) рассмотрены понятийные, образные и ценностные характеристики данного концепта. Проведен анализ данных этимологических словарей и выявлены специфичные признаки концепта бийлик//власть в кыргызском и русском языках.*

Ключевые понятия: *концепт, власть, концептуальное поле, понятийное, образное и смысловое составляющее концепта.*

S.A. Alaeva
Bishkek, Kyrgyzstan

CONCEPT *POWER* THROUGH THE PRISM OF KYRGYZ LANGUAGE

Abstracrt. *The article considers features of power concept in Kyrgyz and Russian linguistic cultures. For example, a variety of different language materials (proverbs, epic "Manas", the materials of modern Kyrgyz literature and journalism) addressed conceptual, figurative and value characteristics of this concept. There was conducted analysis of etymological dictionaries data and specific signs of power concept revealed in Kyrgyz and Russian languages.*

Key concepts: *the concept, power, conceptual field, conceptual, figurative and semantic components of the concept.*

Сведения об авторе: *Алаева Сагынбубу Адамалиевна, старший преподаватель.*
Место работы: Кыргызско-Турецкий Университет Манас.

About the author: *Alaeva Sagynbubu Adamalievna, senior lecturer.*
Place of employment: Kyrgyz-Turkish Manas University.

Контактная информация: *7200015, г.Бишкек. мкр.Джал. Кампус им. Ч.Т.Айтматова. Факультет Коммуникации, ком.408. e-mail: ala-sagyn@yandex.ru*

Существует множество различных трактовок в определении концепта, и как бы его ни толковали – все сводится к постижению культуры, ценностной системы народа через его язык. В целом, принято рассматривать два подхода в изучении данного вопроса: лингвокогнитивный и лингвокультурный.

С позиций когнитивного подхода (Е. С. Кубрякова, З. Д. Попова, И. А. Стернин и др.) под концептом понимается "некая цельная оперативная единица нашего сознания, которой человек оперириует как гештальтом (т.е. готовым пучком признаков, обьединенных мыслью в одно целое) в процессе мышления, а также речевой деятельности" [1, с.236], "глобальная мыслительная единица, которая представляет из себя квант структурированного знания» [2, с.30], некая идеальная сущность, формирующаяся в сознании человека. Лингвисты отмечают, что "концепт рождается как образ, но, появившись в сознании человека, этот образ способен продвигаться по ступеням абстракции. С увеличением уровня последней концепт постепенно превращается из чувственного образа в собственно мыслительный" [там же, с.4-5], и проявляются в языке через лексемы, словосочетания, фразеологизмы, предложения и тексты. Языковые выражения концептов позволяют

представить содержание, внутреннюю структуру, отношение и оценку говорящих к рассматриваемой единице.

Представители лингвокультурного подхода: Ю.С. Степанов, В.И. Карасик, В.В. Красных и В.А. Маслова и др. определяют концепт как единицу культуры, которая имеет понятийное, образное и ценностное составляющее. Так, В.В. Карасик рассматривает концепты как “ментальные образования, которые представляют собой хранящиеся в памяти человека значимые осознаваемые типизируемые фрагменты опыта. Типизируемость этих единиц закрепляет представления в виде различных стереотипов, их осознаваемость дает возможность передать информацию о них другим людям, их значимость закрепляет в индивидуальном и коллективном опыте важные (и поэтому эмоционально переживаемые) характеристики действительности. Эти характеристики концептов передают их образно-перцептивную, понятийную и ценностную стороны” [3, с.27]. Итак, если с позиции когнитивной лингвистики концепт представляет из себя “индивидуальные содержательные ментальные образования, структурирующие и реконструрирующие окружающую действительность”, то культурные концепты – это “коллективные содержательные ментальные образования, фиксирующие своеобразие соответствующей культуры” [4, с.35]. Однако не все ученые поддерживают такое разделении в подходах в определении концепта. Например, С.Г. Воркачев считает, что “разногласия по поводу лингвокогнитивного и лингвокультурологического подходов к изучению концепта напоминают споры лилипутов о том, с какого конца нужно разбивать яйцо” [5, с.12].

Как бы там ни было, однозначно, что язык является одним из ключей доступа к сознанию человека, общества как носителя коллективного сознания (национального, к.-л. социальной группы, объединенной по признаку возраста/ пола/ социальной принадлежности и.т.п.), и в этом плане концепты есть единицы сознания, имеющие вербальную оболочку – “тело”, и невербализованную часть – “душу”, которая гораздо глубже, шире и масштабнее.

Рассмотрим, что из себя представляет концепт БИЙЛИК//ВЛАСТЬ.

Как ментальное образование концепт ВЛАСТЬ включен в сферу исследования политологии, социологии, философии, истории и других направлений науки. Однако, какие бы науки не занимались исследованием феномена власти, изучение вопроса будет оставаться фрагментарным ибо, “...не хватит ни Маркса, ни Фрейда, чтобы помочь нам распознать эту столь загадочную вещь, одновременно и видимую и невидимую, присутствующую и скрытую, инвестированную повсюду, которую мы называем властью” [6, с.75].

Слово ВЛАСТЬ в энциклопедических словарях описывается так: “способность, возможность оказывать определяющее воздействие на деятельность, поведение людей с помощью каких-либо средств – воли,

авторитета, права, насилия (родительская власть, государственная, экономическая и др.), политическое господство, система государственных органов” [7, с.269].

Тема репрезентация концепта Власть в русской лингвокультуре достаточно изучена. Этой теме посвящены немало исследований. Так, в работе Е.И. Шейгал данный обьект рассматривает и как концепт, и как катеория дискурса [8]; в диссертационной работе А.А. Шабановой концепт Власть анализируется с точки зрения русской и американской культуры [9] и т.д.

Концепт БИЙЛИК//ВЛАСТЬ в кыргызском языке с точки зрения когнитивистики – тема малоизученная. Данный концепт репрезентуется в кыргызском языке лексическими единицами: *бийлик//власть; башчы//букв. “тот, который находится во главе”, руководитель*; *чоң – разг. //букв. “тот, который достиг большего, “человек, имеющий власть”, “начальник”,* а также их производными. Анализ семантики слова *бийлик* осуществлен на основе данных словарей (толковых, этимологических, двуязычных, энциклопедических), а также материалов художественной литературы и публицистики.

Посмотрим, как раскрываются значения слова Бийлик//Власть в словарных дефинициях. В кыргызско-русском словаре “власть” // “б**ийлик” определяется следующим образом:** 1. Власть; ***Совет бийлиги*** Советская власть; *өз бийлиги менен* своей властью; *шаардык бийликтер* городские власти; 2. уст. Диктатура; 3. Положение или должность *бия*; бийлик ал – ист. Взимать плату за судебное разбирательство” [10, с.133]. Далее следуют однокорневые слова **бийлөөчү** – 1. повелитель; 2. диктатор; бийлөөчүлүк – администрирование.

В толковом словаре кыргызского языка (1969) **бийлик** – сущ. 1. Право управлять государством, политическое превосходство. *Советская власть. Двоевластие. Взять власть*; 2. Перен. Сила, мощь, превосходство. 3. Перен. уз. Подать, взымаемая для положения человека, обладающего правами бия: *Бийлиги деп Шабдандын, Түтүнгө тегиз бир койдон – Для власти Шабдана – с каждого двора по барану* (Тоголок Молдо).

4. Управление, превосходство, право подчинять и быть хозяином: *С возрастом власть в доме уходит с моих рук* («Ала-Тоо*»)* [11].

Как видно из определений, по двуязычным и энциклопедическим словарям за интересующим нас концептом закреплены следующие признаки, общие для русского и кыргызского языков: 1. Право управлять; 2. Сила, мощь, превосходство; 3. положение или должность; 4. Право подчинять и быть хозяином [12].

Данные этимологического словаря кыргызского языка позволяют нам подчеркнуть еще один существенный дифференцирующий смысловой признак слова *бийлик*, связанный со значением “суд”, “справедливость”. Так, в этимологическом словаре кыргызского языка *бийлик* описывается как

слово, образованное от корневого *бий* +лык, где *бий* есть “лицо, исполнявшее обязанности суда у кыргызского и казахского народа до Великой Октябрьской революции”. Происхождение этого слова трактуется как “произошедшее из древнетюркского *бек,* равное по значению русскому “князь”. В современном азербайджанском и турецком языках конечный звук *к* перешел в ***й****: бек-бей*. Эта форма была перенесена в другие тюркские языки и, более того, звук ***э*** был видоизменен в ***и***: бей – бий [13; с.53]. См., например, пословицу: “Бетеге кетет бел калат, бектер кетет эл калат”, где Бек – 1. Крепкий. Крепко; 2. ист. Бек (феодальный властитель, ниже хана); 3. Составная часть личных имен (мужских и женских). От данного смыслового ядерного признака (“лицо, исполнявшее обязанности суда”) вытекают другие околоядерные признаки концепта *бийлик // власть,* такие как “справедливость” (не всегда, но ожидаемая). В кыргызском языке есть такая пословица: *Туура бийде тууган жок// У справедливого бия не бывает родственников.* Основываясь на научных положениях ряда исследователей (Бабушкин А. П., Стернин И. А. Попова З. Д.), которые считают, что концепт – это категория, принимаемая интуитивно, гипероним понятия, представления, схемы, фрейма, гештальта, можно предположить, что семантический признак *справедливость* по отношению к концепту *власть* в кыргызской лингвокультуре особенно четко очерчен, что выражается наличием множества языковых подтверждений.

В русском языке слово *власть* заимствовано из церковнославянского слова и восходит к слову “волость” со значением “область, территория, государство, власть”. В этимологическом онлайн словаре Макса Фасмера приводятся примеры значения старославянского “власть” в болгарском, сербохорватском и словенском языках: “владение”, “собственность”, в чешском и словацком “родина”, в латышском и литовском языках “волость”. Отсюда и “владеть” – 1. Кем-чем. Иметь своей собственностью. В. имуществом. 2. Держать в своей власти, подчинять себе [14].

Таким образом, в словарных дефинициях в кыргызском, а также русском языках представлены следующие общие основные значения слов *бийлик* и *власть*: политическая власть; судебная власть; власть как превосходство в силе, мощи; власть как положение, должность, наличие права управлять; и специфичное для кыргызского языка значение *справедливость*, вытекающее из этимологического корня слова *бийлик//власть* значение “*судья*”.

Концептуальное поле слова бийлик//власть в кыргызском языке в значении “государственная власть” образуют словарные единицы, обозначающие:

- лиц, обладающих государственной властью: хан, датка, бек, падыша, пааша, болуш, раис, төбөл, кеңеш бийлиги//советская власть, президент, министр, депутат, өкмөт и.п.;

- имена собственные: Ормон хан, Алымбек датка, Курманжан датка, Ленин, Сталин, Акаев, Бакиев и др.
- Лиц, обладающих властью вообще: төбөл//1. Имеющий отметину на лбу; 2. Верхушка; бийлөөчү төбөл//господствующая верхушка; чоң//в значении имеющий власть, “большой”, кожоюн,кожо// хозяин;
- предметы или атрибуты власти: ордо//орда, так//трон, таажы//корона, камчы//камча, орун//место (служебное), Ак Үй//Белый дом, кызмат//должность, баш//голова, баш-көз//букв. “голова-глаза” в значении “приглядывать, контролировать”; кол//рука, куш//птица;
- равнозначность **бийлик//** власть с такими понятиями, как оомат//богатство, приходящее вместе с властью, алтын//золото, байлык//богатство; мал//скот, мүлк//имущество, паракорлук//взяточничество;

Признаковые характеристики концепта **бийлик//** власть представлены следующими оппозиционными эпитетами:

Таза-ыплас//чистый – грязный; калыс, акыйкат – алдамчы//справедливый – лживый; күчтүү, кубаттуу – алсыз, кубатсыз//сильный – слабый; толук – жарым жартылай//полный – половинчатый; чоң-кичинекей //маленький – большой; катуу-жумшак //твердый-мягкий; ачык – жабык //открытый – закрытый; качкын бийлик – былк этпеген бийлик//убегающая власть – никуда не двигающаяся власть; чирип бараткан бийлик – таза бийлик – казынаны жеген бийлик// гниющая власть – чистая власть – сожравшая казну власть; ширин бийлик//сладкая власть; ак ордо//белая орда; хан ордо//ханская орда; талаш бийлик//раздирающая власть;

Этим признакам противопоставлены следующие антонимичные корреляты: *бийлик – эл* (власть – народ); бий – кул (власть имущий – раб); башкаруу укугу (право управлять) – башкаруу укугу жок (без права управлять, быть ведомым); күч, кубат, басымдуулук (сила, мощь, превосходство) – алсыздык, баш ийүү (слабость, подчинение); баш ийдирүү, ээлик кылуу укугу (право подчинять и быть хозяином) – кимдир бирөөгө кул болуу, баш ийүү (находиться в положении подчиненного, быть рабом); (салык алуу) взымать подать, налог – (салык төлөө) давать дань, налог.

Данные оппозиционные признаки КВ представлены в следующих примерах пословиц и поговорок:

Бек-эл: Бетеге кетет бел калат, бектер кетет – эл калат. // Трава уходит - остаются горные хребты, власти уходят – остается народ;

Бийлик-кулдук: Бийлик бар жерде, кулдук бар. // Там где есть власть, там есть рабство.

Бийлик-зордук: Бийлик бар жерде зордук бар, зордук бар жерде кордук бар. // Там, где власть, есть насилие, там где насилие, есть страдание.

Бий-журт: Бийиң жакшы болбосо, журт бузулар. – Если власть плохая, народ портится.

Башчы-журт: Башчы дурус болбосо, журт бузулат, соода дурус болбосо, нарк бузулат. // Если плох глава*, портится* народ*, если торговля плоха, портится цена.*

Анализ часто употреблящихся выражений, пословиц и поговорок выявил следующие ассоциациативные признаки КВ в кыргызском языке:

1. Бийлик//власть – нечто, данное человеку богом; это нечто высокое, которое люди хотят достичь:

Кудайга сунган кол жетпейт, Падышага айткан сөз өтпөйт.//; Как протянутая рука не дойдет до бога, так и не дойдут слова до царя.

Бийлик жаратканда, андан кийин элде.// Власть от бога, затем от народа.

Бийлик – асманда айланып учкан куш.//Власть – это птица, парящая в небе.

Бийлик – бул кокустук эмес, Алла Тааланын назары түшкөн адам гана пааша боло алат.//Власть – это не случайность, может быть властителем лишь тот, кто отмечен богом.

2. Бийлик// власть – это объект к которому стремятся, достигают, получают от него удовольствие, энергию, уходят от него: *бийликке умтулуу, бийликке жетүү, бийликтен ырахат алуу, бийликтин кубаты, күчү; бийликтен кетүү/чыгуу – уйти/выйти из власти;*

3. Бийлик//власть – нечто преходящее, не очень ценное и портящее человека: *Байлык менен бийлик колдун кири: жууса кетет, өлсө калат.//Богатство и власть как грязь рук: смоешь – уйдет, умрешь – останется; Байлык, бийлик бир тыйын, Бактыңды табуу эң кыйын. // Цена богатству и власти – копейка, самое трудное – это найти счастье. Бийлик адамды бузат//Власть портит человека.*

4. Бийлик//власть = опасность (опасно ошибиться, оступиться, сказать что-либо неверно): *Хан сарайы – кылычтын мизи, камчынын күчү.// Дворец хана – острие ножа, сила плетки. Кан адашса, калк адашат.//Если ошибается хан – ошибается и народ.*

5. Бийлик/власть = азартная игра: бийлик оюндары//ордо оюндары; бийлик тартыш//так тартыш как “улак тартыш”/”козлодрание”. Так, например: *Ордонун бейбаш оюну* (С.Раев);

6. Власть – вещь неблагодарная: *Эл башы болгуча – суу башы бол;*

7. Бийлик жана байлык// власть и богатство – это то, что всегда находятся в одном ряду. Оно находит свое выражение в названиях некоторых изданий: газета *“Деньги и власть”;* в пословичных выражениях: *“Адамды бузган байлык менен бийлик”// “Власть и деньги портят человека”; Бийдин макасаты – бийлик кылуу, бай максаты – байлык жыйноо// Цель власти – властвовать, цель богача – богатеть.*

Пример метафорического осмысления природы власти можно встретить у кыргызского поэта Э.Эрматова. Размышляя о том, что такое власть, он пишет: *“Бийлик” деген сөздүн маниси эмнеде? Бийлик бир ирикпи?Бийлик бир кийипи? Бийлик чимирилген ийикпи? Же эт бөлүштүргөндө тийген жиликпи?” – “В чем значение слова “власть”? Может быть это жирный баран? А может косуля? Может быть вертящееся веретено?Или устукан (кусок мяса с костями, подаваемый гостям), который достается при раздаче?”* [15; с.18]. Рассмотрение внутренней структуры концепта Бийлик/Власть показывает, что слово бий +лык = бийлик; бий + ык =*бийик* (высокий) имеют общий корень *бий.* Слово *бийик* в кыргызском языке является прямым ассоциатом концепта Бийлик/Власть. Обратимся к этимологии этого слова. По данным этимологических словарей кыргызского и др. тюркских языков, древнетюркский глагол *“бедү”* имеет значение *«бийикте, жогорула»// “набирай высоту”, “возвышайся”* (ДТС, 91). С помощью аффикса *–к-* образовалось слово *“бедик”*. Впоследствии перехода серединного согласного *д* на *й* слово *“бедик”* приняло форму современного слова “бийик”. Несмотря на то, что у большинства современных тюркских языков корневой глагол *бийи* не сохранился, сохранились отглагольные его формы *бийик, бүйүк* в значении *«чоңой, көбөй»* // “расширяйся”, “умножайся”. В тувинском языке глагол *беди* до сих пор употребляется в значении *«жогорула, бийикте»// “набирай высоту”, “возвышайся”,* сохранив в себе и древнее значение, и форму (Тур- İ РС, 139) [16].

Рассмотрение значения и внутренней структуры слова конструирует еще один существенный признак концепта Бийлик/Власть: *“подниматься вверх”, “расти”, “возвышаться”.*

И слово “программирует” поведение людей, управляет их действиями. Так, в кыргызском языке есть пословица: *Сынга толгон баланы хан көтөрүп алалы// Поднимем в ханы того, кто нам нравится.* И действительно, в кыргызской культуре в ханы *“поднимали”,* тогда как в русской культуре “сажали” на трон; Первое находит свое отражение в произведениях устного народного творчества. Так, в эпосе “Манас” друзья Манаса играючи: *“Манастын чатырынын босогосуна көк асаба найзаны сайышты. Ак тердик апкелип, Манасты отурган ордунан көтөрүп үстүнө салышыты. Колтойгон Манасты тердикке чайкап, жигиттери жети тегерене басып чыгышты. Баары орундарынан туруп, күлкү-шаң аралаш: - Кулдугубуз бар, ханым! Жаша Манас! Бар бол, Манас! Манас! Манас! Манас!-деп ураан чакырышты”// У порога палатки Манаса воодрузили копье с синим флагом. Посадили Манаса на ак тердик (белый потник), подняли его огроменного, и сделали семь кругов со словами: Покорны мы тебе, хан наш. Живи Манас! Будь Манас! Манас! Манас! Манас!”, – прославляли они”* [17, с.95].

Власть в кыргызском понимании есть совет. Обратимся к предыстории, как и кем тринадцатилетний Манас был ”поднят” в ханы. Манас в кругу своих друзей предлагает: *“Баарыңар мырза балдарсыңар. Топурашып башы жок жүрө бербей бирөөнү ак тердикке чайкап, хан көтөрүп алсакчы, анан аны улук көрүп, айтканына көнсөкчү”. // Все вы благородные ребята. Чем ходить вот так без головы, может поднимем в ханы кого-нибудь, примем его как старшего, будем следовать его словам”.* “Язык отражает тот способ, с помощью которого человек представляет мир” [18], сама картина сценария “поднятия во власть” отражает опыт восприятия власти, основу которого составляет народ, власть держится на народе. В приведенном отрезке текста более десятка ребят отклоняют выдвижение их кандидатур. И примечательно, что среди выдвиженцев были и молодые люди из Маньчжурии (друг Шакун), что говорит о демократии как традиционной ценности в выдвижении во властные структуры.

Дальнейший анализ внутренней формы слова “бийлик” указывает на сохранении в сознании носителей кыргызского языка наличия его исходного значения “бийик”// “высокий”, “находящийся на верху”, оттого и “зоболоң өссүн”//пусть растет слава, репутация твоя”. Так, благославляя, кыргызы говорят “көтөрүл”, “өс”, “өркүнүң өссүн”// “расти”; “чоң бол”, “чоңой” //”расти, будь большой”. Примечательно, что кыргызская лингвокультура допускает форму “Чоңойоюп жатасыңбы?” //”Растешь ли ты?” как форму приветствия молодых старшими. Так, концептуальное поле слова БИЙЛИК дополняется еще и словом *чоң*.

Чоң *(*кырг.) *büyük* (турецк.) в значении, равном не только слову “большой”, “взрослый”, но и “власть имущий” преимущественно в разговорном дискурсе: *чоңдор* в значении *“начальники”, айыл чоңдору – о главах сельских управ*, *чоңдор келди – начальники пришли* и.т.п.

Кроме того, в кыргызском языке корень слова *бий+лык* многозначен. Так, **Бий** – 1. Танец, пляска; 2. Ист. Бий (кыргызский судья, разбиравший тяжбы между киргизами по обычному праву); *бийлер көбүнчө ишти пара менен бүтүргөн// бии дела вершили большей частью за взятки; бука жокто торпок бий* //*когда нет быка и бычок бий;* Фольк. *Калыс болгон бийи ким? Карды салык байы ким? // Кто у них нелицеприятный бий, кто у них вислобрюхий бай? 3. (в эпосе) властитель, правитель; эки жүз миң бийи бар, жаң-жуң аттуу бийи бар* [18; 133]. Отыменный глагол *бийле* тоже многозначен: 1. танцуй, пляши; 2. управлять, владеть, повелевать; См. погов. *Жаман үйдүн коногу бийлейт// В плохом доме гость распоряжается; аны бир ой бийлеп кетти* //*им овладела одна мысль.*

Итак, в кыргызском языке слово *бийлик* ассоциируется со словами *бий// судья,* основным коннотативным значением которого являются сочетания слов *туура бий//* “справедливый”, “праведный” бий; *бек*//на турецком *бей* означает “силу, мощь, превосходство, имеющего право подчинять, быть хозяином положения, управлять, быть крепким”.

Слово *бек* часто встречается как компонент собственных женских и мужских имен: Алымбек Датка, Камчыбек, Бегайым; *бек* в кыргызском языке имеет значение “высокая должность в управлении племенами”.

Хотя слова *бий* и *бек* все больше отдаляются из сферы употребления и находят все меньшее физическое выражение в современном кыргызском языке, однако как ментальные образования они находятся в единой структурно-содержательной связи с концептом Бийлик/Власть, превнося в языковое сознание современных носителей языка совокупность определенных признаков, не только сходных, но и отличных от других культур, в данном случае, от русской. Итак, анализ семантики внутренней формы слова *бийлик //власть* в кыргызской языковой картине мире показал связь со словом БИЙ//СУДЬЯ и ассоциацию со справедливым управлением: *туура бийде тууган жок//у справедливого бия нет родственников; калыс бий//справедливый бий;* а в русском (и др. славянских языках тоже) внутренняя форма слова связана со значением церковнославянского слова “волость” – 1.“область, территория, государство, власть”; 2. Держать в своей власти, подчинять себе.

Этимология корня кыргызского *бийлик*/власть указывает на сохранение в сознании носителей кыргыского языка значения слова “бий+лик” (как слагаемое корня “Бий”/”Судья и аффикса *-лык*, образующего абстрактное существительное) “субъекта, обладающего, в первую очередь, не “властью” = владением, а правом “судить”, “править”, “управлять”.

Околоядерную зону концепта бийлик//власть занимает концепт Эл/Народ как основа власти, как то, на чем держится власть; бинарная оппозиция: жогорудагылар/төмөнкүлөр (верхи-низы), чоңдор – эл (“большие”, власть имущие – народ), бийлик-кулдук (власть – рабство), байлык –жакырчылык (богатство-бедность) и т.п.

Образно-метафорическая зона концепта бийлик//власть как средство управления отражает бытие социума в разные этапы своего исторического развития, что отражены в лексических единицах, метафорах, паремиях и.т.п.

Литература

1. Кубрякова Е.С. и др. Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: Филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. – 236 с.
2. Попова З.Д., Стернин И.А. Понятие "концепт" в лингвистических исследованиях. – Воронеж, 1999. – 30 с.
3. Карасик В.И. Языковые ключи. – Волгоград. 2007. – 27 с.
4. Там же. С. 35.
5. “Куда же нам плыть?” // Лингвокультурная концептология: современное состояние, проблемы, вектор развития. Язык, коммуникация, социальная среда. – Вып.8. – Воронеж, 2010. – С. 5-27.
6. Фуко М. Власть и знание // Фуко М. Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью. – М., 2002. – 75 с.

7. Иллюстрированный энциклопедический словарь / Сост. А.П. Горкин. – М., 2003. – 269 с.
8. Шейгал Е.И. Власть как концепт и как категория дискурса // Шейгал Е.И. Эссе о социальной власти языка. – Воронеж. 2004. URL: http://www.dissercat.com/content/reprezentatsiya-kontsepta-vlastpower-v-amerikanskoi-i-russkoi-lingvokulturakh#ixzz4BRkj94Bf.
9. Шабанова А.А. “Репрезентация концепта “власть” в американской и русской лингвокультурах”. URL: http://www.dissercat.com/content/reprezentatsiya-kontsepta-vlastpower-v-amerikanskoi-i-russkoi-lingvokulturakh#ixzz4BRkj94Bf.
10. Киргизско-русский словарь / Составитель К.К.Юдахин. – М.: Советская энциклопедия. 1965. – 133 с.
11. Кыргыз тилинин түшүндүрмө сөздүгү. 1969-ж. URL: http://el-sozduk.kg/ru/dictionaries/show45/
12. Кыргызско-русский словарь Юдахина. URL: ttp://www.tamgasoft.kg/dict/index.php?page=main_dic&dic_id=2
13. Сейдакматов К. Краткий этимологический словарь кыргызского языка. – Фрунзе: Издательство Илим, 1988. – С.53.
14. Этимологический словарь он лайн словарь Макса Фасмера. URL: https://vasmer.lexicography.online/.
15. Эрматов Э. Байлык, бийлик, аял жөнүндө эсселер. – Ош. 2006.: 18с.
16.Ашым Жакыпбек. Теңири Манас. – Бишкек, 1995. – 95 с.
18. Лакофф Дж. Лингвистические гештальты. URL: http://www.classes.ru/grammar/155.new-in-linguistics-10/source/worddocuments/_19.htm)
19. Киргизско-русский словарь / Сост. К.К.Юдахин. – М., 1985. – Кн.1. – 133 с.

References

1. Kubryakova E.S. i dr. Kratkij slovar' kognitivnyh terminov. – M.: Filologicheskij fakul'tet MGU im. M. V. Lomonosova, 1997. – 236 s.
2. Popova Z.D., Sternin I.A. Ponyatie "koncept" v lingvisticheskih issledo-vaniyah. – Voro-nezh, 1999. – 30 s.
3. Karasik V.I. YAzykovye klyuchi. Volgograd. 2007. – 27 s.
4. Tam zhe. S. 35.
5. “Kuda zhe nam plyt'?” // Lingvokul'turnaya konceptologiya: sovremennoe sostoyanie, prob-lemy, vektor razvitiya. YAzyk, kommunikaciya, social'naya sreda. – Vyp.8. – Voronezh, 2010. – S. 5-27.
6. Fuko M. Vlast' i znanie // Fuko M. Intellektualy i vlast': izbrannye politicheskie stat'i, vystupleniya i interv'yu. – M., 2002. – 75 s.
7. Illyustrirovannyj ehnciklopedicheskij slovar' / Sost. A.P. Gorkin. – M., 2003. – 269 s.
8. Shejgal E.I. Vlast' kak koncept i kak kategoriya diskursa // SHejgal E.I. EHsse o social'noj vlasti yazyka. – Voronezh. 2004. URL: http://www.dissercat.com/content/reprezentatsiya-kontsepta-vlastpower-v-amerikanskoi-i-russkoi-lingvokulturakh#ixzz4BRkj94Bf.
9. SHabanova A.A. “Reprezentaciya koncepta “vlast”’ v amerikanskoj i russkoj lingvokul'tu-rah”. URL: http://www.dissercat.com/content/reprezentatsiya-kontsepta-vlastpower-v-amerikanskoi-i-russkoi-lingvokulturakh#ixzz4BRkj94Bf.
10. Kirgizsko-russkij slovar' / Sostavitel' K.K.YUdahin. – M.: Sovetskaya ehnciklopediya. 1965. – 133 s.
11. Kyrgyz tilinin tyshyndyrmө sөzdygy. 1969-zh. URL: http://el-sozduk.kg/ru/dictionaries/show45/
12. Kyrgyzsko-russkij slovar' YUdahina. URL: ttp://www.tamgasoft.kg/dict/index.php?page=main_dic&dic_id=2

13. Sejdakmatov K. Kratkij ehtimologicheskij slovar' kyrgyzskogo yazyka. – Frunze: Izdatel'stvo Ilim, 1988. – S.53.
14. EHtimologicheskij slovar' on lajn slovar' Maksa Fasmera. URL: https://vasmer.lexicography.online/.
15. Ehrmatov EH. Bajlyk, bijlik, ayal zhөnүndө ehsseler. – Osh. 2006.: 18s.
16.Ashym ZHakypbek. Teңiri Manas. – Bishkek, 1995. – 95 s.
18. Lakoff Dzh. Lingvisticheskie geshtal't-y. URL: http://www.classes.ru/grammar/155.new-in-linguistics-10/source/worddocuments/_19.htm)
19. Kirgizsko-russkij slovar' / Sost. K.K.Yudahin. – M., 1985. – Kn.1. – 133 s.

УДК 400 / 494.347

Ж.А. Бейшенова
Бишкек, Кыргызстан

АНАЛИЗ КОНЦЕПТА «УСПЕХ» СРЕДИ СТУДЕНТОВ КЫРГЫЗОВ

Аннотация. *В данной статье предоставляется анализ концепта «успех» на основе результатов анкетирования среди студентов Кыргызско-Турецкого университета «Манас». После теоретической части, в котором понятие «успех» обсуждается в контексте лингвокультурных исследований, в статье основное внимание будет уделено конкретным ответам студентов относительно этого концепта.*

Ключевые слова: *лингвокультурология, концепт «успех», ассоциативный эксперимент.*

Zh.A. Beishenova
Bishkek,Kyrgyzstan

AN ANALYSIS OF CONCEPT "SUCCESS" AMONG KYRGYZ STUDENTS

Abstract. *This paper represents an attempt to analyze the concept 'success' based on the results of a questionnaire given to students of Kyrgyz-Turkish Manas University. Following an introduction in which the concept of 'success' is discussed in the context of lingua-cultural studies, this paper will focus on the specific responses students have given regarding this concept.*

Key words: *lingua-culturology, the concept "success", associative experiment.*

Сведения об авторе: *Бейшенова Жылдыз Асановна, аспирант Бишкекского гуманитарного университета им. К. Карасаева, секретарь-референт отделения синхронного перевода.*

Место работы: Кыргызско-Турецкий университет «Манас».

About the author: *Beishenova Zhyldyz Asanovna, graduate student of Bishkek Humanities University, secretary of the Simultaneous Translation Department.*

Place of employment: Kyrgyz-Turkish University "Manas"

Контактная информация: *720027, пр. Мира 56./ мкр. ср. Джал, Кампус им. Ч. Айтматова здание факультет Коммуникации, 105 каб. e-mail: jyzastar@mail.ru*

Одной из важных задач когнитивной лингвистики является выявление процессов восприятия мира, накопление знаний, которые непосредственно связаны с использованием языка. Без языка невозможны никакие виды интеллектуальной и духовной деятельности человека [9, с. 11-12]. Разные типы концептов генерируются в процессе восприятия мира. И здесь язык выявляет то, как увиден мир человеческим разумом [8, с. 57]. Как считают многие исследователи, при культурологическом изучении языка следует осуществить анализ языковых явлений, которые направлены на выявление национально-культурной специфики (Вежбицкая 1996, 1999; Телия 1996;

Маслова 1997; Красавский 2001; Евсюкова 2002). Нам известно, что концептуальные исследования относятся как к когнитивной лингвистике, так и лингвокультурологии. Ю. С. Степанов отмечал, что предметом исследования когнитивной лингвистики является когнитивный концепт, а предметом исследования лингвокультурологии — лингвокультурный или культурный концепт. То есть концепт определяется как сгусток культуры в мышлении человека, это то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И с иной точки зрения, концепт – это то, посредством чего человек сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на неё» [8, с. 40]. Как правильно подчеркивает А. Вежбицкая, «мы можем добраться до мыслей только через слова [никто еще пока не изобрёл другого способа]» [1, с. 293]. Н. Хомский говорил, что слова отображают весь внутренний мир человека. Это носитель наших эмоций, открытий и всего нашего внутреннего и внешнего мира [13, с. 10].

Каждое слово – это определенное понятие, значение. По мнению В.В. Колесова, концепт – это основная единица ментальности в языке. В отличие от понятия он сохраняется устойчиво, постоянно и не зависимо от формы его представления (объективизации) в образе, символе или понятии [6, с. 45]. Каждый концепт требует индивидуального подхода, исследования и анализа.

Из сказанного выше, концепт можно представить как передачу культурных значений и образов в определенном языке.

Как считают многие исследователи, лингвокультурные концепты могут быть выявлены с помощью анализа определений из словарей, ценностно маркированных универсальных высказываний, таких как пословицы, поговорки, а также посредством индивидуальных добавлений к определению концептов посредством различных экспериментов (Красных 1998; Пименова, 2003). По мнению исследователей, при описании отдельных концептов необходимо применение нескольких методик, так как это, в свою очередь, позволит выявить больше признаков концепта. Одним из таких методов описания концептов является экспериментальное исследование, которое может являться достаточно эффективным при изучении структуры концептов в когнитивной лингвистике [Есенова: интернет источник].

В данной статье исследуется когнитивное осмысление концепта «успех» в языковом сознании современных кыргызов. Здесь мы не можем не согласиться со мнением В.И. Карасика, который отмечает, что концепт 'успех' весьма значим для любой культуры, поскольку целесообразное действие предполагает оценку его выполнения [4, с. 118]. Нами был проведен ассоциативный эксперимент для выявления различных признаков, характеристик данного концепта. В настоящее время существует большое множество разновидностей ассоциативного эксперимента (свободный, направленный, *рецептивный* (выделено автором), эксперимент на субъективные дефиниции) и созданы различные типологии ассоциаций, позволяющие полу-

чить конкретные результаты, на материале различных языков изданы словари ассоциативных норм. При формировании концепта, для воссоздания его ассоциативных связей основой выступают особенности культурно-исторического фона нации. У всех народов этот фон, учитывая территориальные, климатические отличия, проявляется по-разному. Эффективность использования методики *ассоциативного эксперимента* в целях исследования лексики доказана рядом авторов (А.А. Леонтьев, Е.С. Кубрякова). Ассоциативный эксперимент помогает определить содержание концепта в сознании носителей языка и выявить различные его признаки [Рыжкина, интернет источник]. Наш эксперимент основан на модели, использованной П.С. Есеновой.

Успех сам по себе – понятие абстрактное. То есть этот образ в голове каждого человека ассоциируется с какими-то событиями, определенными действиями, вещами или человеком. В электронной энциклопедии дается определение таким образом;

Успех – это:

- достижение поставленных целей в задуманном деле;
- положительный результат чего-либо, общественное признание чего-либо или кого-либо;
- удача и достижение чего-либо;
- признание такой удачи со стороны окружающих, общественное одобрение чего-либо, чьих-либо достижений.

Понятие «успех» в кыргызской культуре в большинстве случаев аналогично слову «хороший»/«жакшы», т.е. само слово «успех» / «ийгилик» и происходит от слова *ийги* др. тюрк. *эдгү* [11, с.115]. В турецком этимологическом словаре *ädgü >eygü>eyü>eyi>iyi* [2, с. 444] и в словаре тюркских языков *edgü:lük, edgü* означает «доброжелательность, благодетельность» [5, с.53], *İyi* – это *жакшы*. В современном турецком языке *iyilik – жакшылык – благо, доброта, благое дело* и т.д. Исходя из этого можем сказать, что в нашем менталитете успех ассоциируется с хорошим, благим делом.

В данном ассоциативно-рецептивном эксперименте (под рецептивным экспериментом понимается экспериментальное исследование знания / понимания значения языковой единицы носителями языка) приняло участие 57 студентов носителей кыргызского языка с 1-го по 4 курсы Гуманитарного факультета Кыргызско-Турецкого университета «Манас».

В этом эксперименте фокус-группой стали студенты 17-25 лет: было необходимо выявить представления современной молодёжи о данном концепте. В дальнейших наших исследованиях мы расширим возрастную аудиторию (включая средний и пожилой возраст).

Следуя модели, разработанной П. С. Есеновой, для выявления содержания концепта *успех* мы использовали метод субъективных дефиниций. Посредством данного метода было выявлено реальное содержание значений слова *успех* в сознании молодых студентов. То есть студенты дали свои

определения данному концепту в их понимании [Есенова, инт. ист.]. Эксперимент проводился в семи этапах. Первые три вопроса (1-3) были классическими вопросами анкетирования, т.е. спрашивался возраст, пол и социальный статус анкетируемого, потому что в большинстве случаях возраст и социальный статус очень влияет на мышление индивидуума. В эксперименте участвовало 57 человек, из них 15 студентов и 41 студентка.

Далее

- 4. Испытуемым предлагалось ответить на вопрос: Что является **успехом** для вас? (вкратце)
- 5. Анкетируемые должны были описать зрительный образ, который вызывает слово **успех.**
- 6. Испытуемые называют слово, близкое по значению слову **успех.**
- 7. Испытуемые называют слово, противоположное по значению слову **успех.**

Ниже, предлагаем результаты эксперимента:

- *Что является **успехом** для вас?*

1) достижение (поставленной цели в жизни и в учебе) – 37 студ.
2) карьера – 7 студ.
3) счастье – 4 студ.
4) семья – 3 студ.
5) быть знаменитым – 2 студ.
6) здоровье близких – 1 студ.
7) красный диплом 1 – студ.
8) найти свое место в жизни – 1 студ.
9) уважение – 1 студ.

- *Кого или что вы представляете, когда слышите слово **«успех»**?*

1) результат поставленной цели – 17 студ.
2) работу – 8 студ.
3) богатых и знаменитых людей – 7 студ.
4) Мировую олимпиаду, чемпионов – 6 студ.
5) Чынгыза Айтматова – 5 студ.
6) родителей и близких – 2 студ.
7) кумира – 1 студ.
8) счастливого человека, семью – 2 студ.
9) Билла Гейтса – 2 студ.
10) Темирлана Кубаналиева (школьник, участник и призер международной олимпиады по химии из Кырзызстана) – 1 студ.
11) IPhone – 1 студ.
12) победу – 1 студ.
13) брата – 1 студ.
14) президента – 1 студ.

2 студента оставили без ответа данный вопрос.

- *На следующем этапе студенты находили слово, близкое по значению слову **успех.***

1) достижение – 29 студ.
2) победа – 5 студ.
3) счастье – 4 студ.
4) труд – 3 студ.
5) достигнутая цель – 2 студ.
6) везение – 2 студ.
7) сбывшаяся мечта – 1 студ.
8) нахождение – 1 студ.

6 студентов не ответили на вопрос.

- *И последнее, что должны были сделать испытуемые, это найти антоним слова* ***успех.*** Результаты следующие:

1) неуспешность – 27 студ.
2) потеря – 7 студ.
3) невезение – 4 студ.
4) ленивость – 3 студ.
5) регресс – 2 студ.
6) бесцельность – 2 студ.
7) лузер – 1 студ.
8) несчастный– 1 студ.
9) побежденный человек – 1 студ.

Остальные 9 человек оставили без ответа данный вопрос.

По результатам данного эксперимента, мы можем сделать следующие выводы.

Так как анкета проводилась среди студентов – носителей кыргызского языка, здесь наблюдается, как испытуемые, в большинстве случаев, размышляют и ассоциируют слово «успех» близко к своей культуре. Но всё же молодежь XXI века, века технологии, более продвинута. Мировая паутина охватила весь мир, и это в непосредственном смысле повлияло и на эго человека. Тому служат примеры – результаты, где ассоциацией слова успех дается IPhone и имя Билла Гейтса – американского предпринимателя и общественного деятеля и филантропа, одного из создателей и бывшего крупнейшего акционера компании Microsoft.

В целом, студенты дали определения слова «успех», близкие тем определениям, которые даны в различных словарях. Т.е. как в определениях слова *успех*, большинство опрошенных считают, что это достижение поставленных целей.

Интересен еще тот факт, что для некоторых опрошенных образ брата или счастливой семьи и есть достижение успеха. Не можем пропустить и пример Чингиза Айтматова, нашего выдающегося писателя, который послужил образом успеха для нашей молодежи. И радует еще то, что молодые люди, будь это спортсмен или простой школьник, участвовавший в международной олимпиаде, дают стимул для остальных.

Хотелось бы еще отметить тот факт, что в русском и английском языках синонимами слова «успех/success» считается «удача/luck», в нашем же понятии это определяется одним словом «ийгилик/успех», оно никак не связано со словом «удача/luck». Носителю кыргызского языка самым близким значением слова *успех* является слово *достижение.* И ответы выше доказывают данный показатель.

Мы полагаем, что все синонимичные слова, данные носителями языка, непосредственным образом имеют отношение к содержанию слова *успех.* Следовательно, данные, полученные в результате эксперименталь-

ного исследования, а так же те определения, которые нам выдают толковые словари, можно использовать для формирования структуры и содержания исследуемого концепта.

Литература

1. Вежбицкая, А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая. – М.: 1996. – С. 291-325.
2. Гуленсой, Т. Этимологический словарь турецкого языка / Т. Гуленсой. – А.: TDK, 2007. – Т. 1. – 604 с.
3. Дербишева, З. К. Ключевые концепты кыргызской лингвокультуры / З. К. Дербишева. – Б., 2012. – 175 с.
4. Карасик, В. И. Языковой круг: Личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – В.: Перемена, 2002 – 299 с.
5. Клаусон, Г, Этимологический словарь тюркских языков до тринадцатого века / Г. Клаусон. – А.: Клерендон, 1972. – 989 с.
6. Колесов, В. В., Пименова, М. В. Введение в концептологию / В. В. Колесов, М. В. Пименова. – М.: Наука, Флинта, 2016. - 245 с.
7. Красных, В. В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность Человек, сознание, коммуникация / В.В. Красных. – М.: Диалог МГУ, 1998. – 274 с.
8. Кубрякова, Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
9. Маслова, В. А. Введение в когнитивную лингвистику / В. А. Маслова. – М.: Наука, Флинта, 2011. – 296 с.
10. Пименова, М. В. Концепт *надежда* в русской языковой картине мира // Человек и его язык (К 75-летию проф. В.П. Недялкова) / М. В. Пименова. – К.: Графика, 2003. – С. 47-67. (Серия «Филологический сборник». Вып. 4).
11. Сейдакматов, К. Краткий этимологический словарь кыргызского языка / К. Сейдакматов, Ф.: Илим, 1988 – 393 с.
12. Степанов, Ю. С. Константы: словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. — М.: Академический проект, 2001. С. 14
13. Хомский, Н. Language and Thought / Н. Хомский. – Л.: Gazelle Book Srvıces, 1993. – 95 с.

Электронные ссылки

1. Есенова, П. С. Наименование концепта успех как объект концептуального анализа / http://www.rusnauka.com/20_PRNiT_2007/Philologia/23743.doc.htm
2. Рыжкина, А. А. О методах анализа концепта / http://vestnik.osu.ru/2014_11/23.pdf
3. https://ru.wikipedia.org/

References

1. Vezhbitskaya A. Semanticheskiye universalii i opisaniye yazykov / A. Vezhbitskaya. – M.: 1996. – 291-325 s.
2. Gulensoy, T. Etimologicheskiy slovar' turetskogo yazyka 1 tom/ T. Gulensoy. A.: TDK, 2007. – 604 s.
3. Derbisheva Z. K. Klyuchevyye kontsepty kyrgyzskoy lingvokul'tury / Z. K. Derbisheva. – B. 2012.-175 s.
4. Karasik V. I. Yazykovoy krug: Lichnost', kontsepty, diskurs / V. I. Karasik. – V.: Peremena, 2002 – 299 s.
5. Clauson, G, Etimologicheskiy slovar' tyurkskikh yazykov do trinadtsatogo veka / G. Clauson. – A.: Clerendon, 1972. – 989 s.

6. Kolesov, V. V., Pimenova, M. V. Vvedeniye v kontseptologiyu / V. V. Kolesov, M. V. Pimenova. – M.: Nauka, Flinta, 2016. – 245 s.
7. Krasnykh, V. V. Virtual'naya real'nost' ili real'naya virtual'nost' Chelovek, soznaniye, kommunikatsiya / V.V. Krasnykh. – M.: Dialog MGU, 1998. – 274 s.
8. Kubryakova, Ye. S. Yazyk i znaniye: Na puti polucheniya znaniy o yazyke: Chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira / Ye. S. Kubryakova. – M.: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2004. – 560 s.
9. Maslova, V. A. Vvedeniye v kognitivnuyu lingvistiku / V. A. Maslova. – M.: Nauka, Flinta, 2011. - 296 s.
10. Pimenova, M. V. Kontsept *nadezhda* v russkoy yazykovoy kartine mira /Chelovek i yego yazyk (K 75-letiyu prof. V.P. Nedyalkova) / M. V. Pimenova. – K.: Grafika, 2003. Vyp. 4. S. 47-67.
11. Seydakmatov, K. Kratkiy etimologicheskiy slovar' kyrgyzskogo yazyka / K. Seydakmatov, F.: Ilim, 1988 – 393 s.
12. Stepanov, YU. S. Konstanty: slovar' russkoy kul'tury / YU. S. Stepanov. – M.: Akademicheskiy proyekt, 2001. – S. 14.
13. Chomskiy, N. Language and Thought / N. Chomskiy. – L.: Gazelle Book Srvıces, 1993. – 95 s.

Internet sources

1. Esenova, P. S. Naimenovaniye kontsepta uspekh kak ob"yekt kontseptual'nogo analiza / http://www.rusnauka.com/20_PRNiT_2007/Philologia/23743.doc.htm
2. Ryzhkina, A. A. O metodakh analiza kontsepta / http://vestnik.osu.ru/2014_11/23.pdf
3. https://ru.wikipedia.org/

УДК 81’27

Е.И. Жоламанова
Бишкек, Кыргызстан

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ КОНЦЕПТЫ В РАННИХ ПОВЕСТЯХ Ч. АЙТМАТОВА

Аннотация: *В статье дается анализ художественных произведений Ч. Айтматова с точки зрения лингвокультурных кодов. Рассматривается эмоциональный концепт «радость».*

Ключевые слова: *Эмоциональный концепт, лингвокультурный код, языковые образы, стертые метафоры, художественный дискурс.*

E.I. Jolamanova
Bishkek, Kyrgyzstan

EMOTIONAL CONCEPTS IN THE EARLY NOVELS OF CHINGIZ AITMATOV

Abstract*. The article analyzes the artistic works of Chingiz Aitmatov in terms linguocultural codes. We consider the concept of emotional joy.*

Keywords: *Emotional concept, lingvokulturnyj code, language images, erased metaphors, art discourse.*

Сведения об авторе: *Жоламанова Елена Ильясовна, канд. филол. наук, ст. преподаватель кафедры «Русский язык и литература» гуманитарного факультета.*

Место работы: *Кыргызско-Турецкий университет «Манас».*

About the author: *Jolamanova Elena Ilyasovna, cand.filol., Senior Lecturer.*

Place of Employment*: KTU Manas.*

Контактная информация: *720010, Бишкек, ул. К.Акиева 100, кв. 32.*
e-mail: elena.zholamanova@bk.ru

Описание языка с помощью лингвокультурных кодов берет начало в трудах В.Н. Телия, В.В. Красных, Д.Б. Гудкова, М.Л. Ковшовой и других лингвистов. Коды лингвокультуры помогают заметить в своем родном языке то, что раньше оставалось незамеченным.

В.А. Маслова и М.В. Пименова в книге «Коды культуры в пространстве языка» писали: «Каждую национальную культуру отличают специфические языковые образы, символы, образующие особый код культуры, с его помощью носитель языка описывает окружающий его мир, используя его в интерпретации своего внутреннего мира» [2, с.17]. Далее подчеркивается: «Любой национальный язык неразрывно связан со своей культурой; происходит экспансия культурных кодов в этноязык, а именно в сфере образной лексики, фразеологии и паремиологии» [2, с.26].

Для исследования эмоциональной концептосфры в произведениях Ч. Айтматова мы выбрали ранние повести «Прощай, Гульсары!» и «Белый пароход». В них, как нам представляется, наиболее ярко высвечивается эмоциональная жизнь героев.

Табунщик Танабай Бакасов болел душой за укрепление колхоза, переживал за окот овец, за коня Гульсары. Его активная жизненная позиция не позволяла ему быть равнодушным в работе, в семье, в отношении к другу Чоро. В своей нелёгкой жизни он переживал такие чувства, как радость и любовь, гнев и страх, скорбь и печаль. Титаном духа можно назвать Танабая. Обладая цельным характером, он прошел через жизненные трудности честно и до конца жизни остался верен своим идеалам и принципам.

Мальчик из повести «Белый пароход» отличался богатым внутренним миром и глубоко переживал несправедливость в отношениях между людьми. В его жизни были и радость, и печаль, и страх, и обида. Он не смог смириться со злом, окружавшим его. Таким образом, герои этих повестей переживают сложную гамму чувств, испытывают широкий спектр эмоций, на которых мы хотели бы остановиться.

Какие эмоции преобладают в данных повестях – положительные или отрицательные? Какие эмоциональные концепты встретились в этих произведениях? Какие составляющие формируют состав концепта? Какие лингвокультурные коды чаще используются в художественном дискурсе писателя?

Подсчеты показали, что положительные эмоции представлены концептами «радость» – 143, «любовь» – 33, «удивление» – 20, «удовольствие» – 15, а также другими одиночными примерами; всего 304 словоупотребления. Отрицательные эмоции репрезентируются более широким списком концептов. Это концепты «гнев» – 142, «страх» – 121, «печаль» – 93, «плач» – 59, «стыд» – 48, «обида» – 38, «ненависть» – 23, а также другие единичные примеры – 83; всего 607 словоупотреблений. Таким образом, концептосфера отрицательных эмоций вдвое превышает концептосферу положительных эмоций. Результаты подсчетов отражены в таблице.

Положительные эмоции

№	Эмоции	Кол-во примеров
1	Радость	143
2	Любовь	33
3	Удивление	20
4	Удовольствие	15
5	Другие пол. эмоции	93
		Всего: 304

Отрицательные эмоции

	Эмоции	Кол-во примеров
1	Гнев	142
2	Страх	121
3	Печаль	93
4	Плач, слезы	59
5	Стыд	48
6	Обида	38
7	Ненависть	23
8	Другие отрицательные эмоции	83
		Всего: 607

Среди положительных эмоций наиболее частотным является концепт «радость», среди отрицательных эмоций преобладающее значение по количеству упоминаний получил концепт «гнев».

Концепт «радость» включает в себя 14 составляющих, мы расположили их по количественным показателям в порядке убывания: «радость» – 35, «счастье» – 32, «смех» – 25, «веселье» – 9, «ликование» – 6, «благодарность» – 6, «наслаждение» – 4, «гордость» – 4, «надежда» – 4, «восхищение» – 4, «торжество» – 2, «воодушевление» – 2, «восторг» – 2, «нежность» – 1. Гораздо меньше употреблений насчитывают концепты «любовь» – 33, «удивление» – 20, «удовольствие» – 15 и другие единичные составляющие.

Концепт «гнев» реализуется в 12 составляющих: «злость» – 52, «проявления гнева» – 19, «возмущение» – 18, «ярость» – 15, «раздражение» – 14, «гнев» – 8, «бешенство» – 5, «недовольство» – 3, «зависть» – 2, «неприязнь» – 1, «ожесточение» – 1, «презрение» – 1. К сфере отрицательных эмоций также относится концепт «страх», он – второй по частотности употребления после концепта «гнев». Концепт «страх» включает в себя 12 составляющих: «страх» – 39, «испуг» – 17, «тревога» – 15, «проявления страха» – 11, «беспокойство» – 10, «волнение» – 7, «настороженность» – 6, «опасение» – 5, «робость» – 3, «растерянность» – 2, «ужас» – 1, «боязнь» – 1. На третьем месте по частотности употребления среди отрицательных эмоций – концепт «печаль». Он формируется с помощью 13 составляющих: «жалость» – 24, «горе» – 22, «печаль» – 9, «отчаяние» – 11, «грусть» – 5, «тоска» – 5, «расстройство» – 4, «огорчение» – 4, «скорбь» –

2, «сожаление» – 1, «сочувствие» – 1. На четвертом месте по частотности употребления находится концепт «плач» – 56 словоупотреблений. За ним следует концепт «стыд». Он включает в себя 7 составляющих: «вина» – 21, «стыд» – 18, «смущение» – 5, «стеснение» – 2, «неуверенность» – 1, «неловкость» – 1.

Таким образом, мы пришли к выводу, что в произведениях Ч. Айтматова «Прощай, Гульсары!» и «Белый пароход» в эмоциональной концептосфере героев отрицательные эмоции вдвое превосходят положительные эмоции. Наиболее широко представлены концепты «радость» и «гнев», и далее по убывающим степеням «страх», «печаль», «плач», «стыд» и «ненависть».

Наиболее частотные концепты «радость» и «гнев» представлены широким спектром субконцептов: «радость» – счастье, смех, веселье, ликование, благодарность, наслаждение, гордость, надежда, восхищение, восторг, нежность; «гнев»: злость, возмущение, ярость, раздражение, бешенство, недовольство, неприязнь, зависть, ожесточение, презрение.

В своей работе мы опирались на методику когнитивного анализа, предложенную З.К.Дербишевой: «Концепт зла мы рассматриваем как четырехъярусное образование: на первом уровне концепт анализируется как когнитивная структура, реализованная фреймами, состоящими из слотов, на втором уровне концепт рассматривается через призму культурных кодов, обусловленных авторским сознанием, на третьем уровне концепт представлен вербально-семантическим полем, и четвертый уровень репрезентирован системой когнитивных признаков, формирующих авторский концепт Зло» [1, с. 375].

Концепт – многослойное явление. Одним из слоев концепта «радость» являются лингвокультурные коды, лежащие в его основе. Рассмотрим, какие лингвокультурные коды преимущественно использует автор в этих произведениях. Остановимся на наиболее частотном эмоциональном концепте «радость». Радость определяется в малом академическом словаре как чувство удовольствия, удовлетворения. Это слово употребляется в указанных произведениях в составе фразеологизмов: *в беде и в радостях, заколотилось сердце от радости, от души рад, кровь играет (от радости), вне себя от радости.* Наиболее часто автор обращается к пространственному коду: *... и радости его предела не будет, если сбережет молодняк, если встанут ягнята на ноги и покажут свои хвосты зиме* [3, с.524]. *Велика была радость Танабая, когда однажды утром увидел он в табуне своего иноходца* [3,с.534].

Наряду с этим автор произведений использует природный код. Для Ч. Айтматова радость может сопровождаться такими явлениями природы, от которых человеку становится хорошо. Это солнце, горный ландшафт, водоемы, свет: *У каждого своя судьба. А в ней свои радости, свои горести, как свет и тень на одной и той же горе в одно и то же время* [3,с.401]

Временной код использует автор для выражения мысли о непостоянстве радости: *...увильнуло счастье, которое выдалось ему последний раз в жизни* [3, 432]; *станет счастливым на всю жизнь*[3,448].

Следующим слоем концепта «радость» является его вербально-семантическое поле. Характер языковых средств помогает определить ценностные установки автора, покажет, какую роль играет данный концепт в жизни человека.

Для характеристики вербально-семантического поля нужно выделить круг слов и выражений, характеризующий данный концепт. Лексическая репрезентация концепта «радость» выражается существительными, прилагательными и глаголами. Лексико-семантическое поле существительных со значением «радость» демонстрирует определенные оттенки значения данного концепта. Эмоциональный аспект является многочисленным и реализуется в существительных со значением чувств и эмоций: *веселье, радость, счастье, ликование, торжество, восторг, воодушевление; приступ нежности.* Релятивный аспект концепта отражает отношения между людьми и представлен существительным *благодарность*, а также фразеологизмом *рассыпаться в благодарностях*. Стативный аспект концепта указывает на состояние и реализуется в именах *услада, гордыня.* Динамический аспект концепта «радость» объективируется глаголами, которые характеризуют положительный эмоциональный настрой человека: *радоваться, веселиться, озорничать, поблагодарить, наслаждаться, воодушевившись, повеселеть;* фразеологизированные сочетания *плакать от счастья, сиять от радости, затаить дыхание от восхищения, кружить голову от воодушевления.* Оценочный аспект концепта выражен адъективной лексикой со значением положительного эмоционального состояния. Он передается группой прилагательных: *радостный, обрадованный, счастливый, счастлив, веселый, задорный, ликующий, благодарный, гордый.*

Далее можно перейти к следующему слою концепта – к выделению когнитивного слоя концепта «радость». Этот слой представляет собой авторские интенции, которые декларируют авторскую позицию. Здесь мы выделили следующие когнитивные идеи.

Во-первых, это когнитивная идея «Радость – это вырваться из мира зла». Радость для жителя гор и степей – не такое привычное чувство. В суровой жизни горца оно выдается человеку скупо, «по выдаче»: *Не выпало ей счастья* [3, с.423]. Но если уж счастье посещает человека, он не может скрыть своей радости: *Настроение у них было отличное – погода неплохая, а тут еще откуда ни возьмись, какой-то ушастый сорванец выбегает навстречу каждой машине, ошалев от дикой радости* [3, с.412]; *Суматошный, радостный [мальчик], он просто бежал навстречу каждой машине, немного пробегал наперегонки с ней, потом встречал следующую* [3, с.411]. Для мальчика из отдаленного селения встреча с молодыми людьми

была глотком свежего воздуха. Так хотелось ему вырваться из маленького мирка зла и хотя бы чуточку приблизиться к миру добра.

Во-вторых, это когнитивная идея «Радость – когда у ребенка есть родители». *Но если бы знал кто, как горячо и гулко заколотилось сердце [мальчика] от радости и гордости. Сам Кулубек говорил о нем* [3, с.417]. Для маленького мальчика, которому так не хватало родительской любви, это было большим счастьем. Молодой человек Кулубек мог бы быть его отцом или старшим братом. И тогда никто не смог бы обижать мальчика. Он вспоминал Кулубека перед своим уходом из жизни, вел с ним внутренний диалог в последние минуты. Ребенок не смог смириться с миром зла и решил уйти в ирреальный мир с белым пароходом, папой-матросом, с Рогатой матерью-оленихой. В-третьих, когнитивная идея – «Радость – это борьба за лучшую жизнь». Она воплощается во внутреннем монологе Танабая Бакасова: *И вспомнилось ему [Танабаю], как начинали они когда-то колхоз, как обещали народу счастливую жизнь, какие мечты у всех были* [3, с.510]. Свой труд герой посвятил родному колхозу и партии, без которой не мыслил жизни. Еще одна когнитивная идея «Счастье идет рядом с несчастьем» может быть продемонстрирована в таком высказывании: *Но жизнь не так устроена – рядом со счастьем постоянно подстерегает, вламывается в душу, в жизнь несчастье, неотлучно следующее за тобой, извечное, неотступное* [3, с.400].

Средоточием эмоций и чувств для человека представляется сердце. Этимологию слова *сердце* связывают с серединой, центром чего-либо (ср.: *средостение*). Оно употребляется в исследуемых произведениях в составе фразеологизмов: *сердце бьется от волнения, чует сердце, отлегло от сердца, сердце стучит, заныло сердце, от разрыва сердца (подохнуть), плохо с сердцем, подорвал свое сердце, сердце сжалось, доброе сердце, хорошо было на сердце.*

Употребление слова *сердце* связано со стертыми метафорами. Например, удары сердца сравниваются с канонадой; здесь мы сталкиваемся со сценарием военных действий: *Танабай вздрогнул, встал, оглушенный ударами сердца, и пошел в кабинет под эту несмолкаемую канонаду в ушах* [3, с.548]. Следующий пример также напоминает сценарий военных действий: *сердце кричало, падало, вставало, карабкалось, срывалось вниз и снова пыталось встать* [3, с.548].

Обратимся еще к одной литературной цитате: *Чего только не пережил Танабай, войну прошел с начала и до конца, но не подозревал, что сердце может кричать таким криком, каким оно кричало сейчас. С этим криком, отдававшимся неумолкающей канонадой в ушах, сердце падало, вставало, карабкалось, срывалось вниз и снова пыталось встать, но пули били его в упор* [3, с.550]. Эти два приведенных примера можно отнести к милитарному коду. Для героя повести Танабая Бакасова жизнь – это борь-

ба, и разбор его персонального дела на партсобрании – настоящий бой, как на фронте. Вся его жизнь была боем.

В ткани художественного произведения в одном предложении могут встретиться и два лингвокультурных кода. *Может быть,это мы виноваты? - мысленно сказал мальчик портфелю. Портфель лежал на подоконнике. Сердце мальчика покатилось по полу, вскарабкалось на подоконник, поближе к портфелю, и зашепталось с ним* [3, с.346]. В этой цитате сердце карабкается, шепчется с мальчиком, вообще отделившись от ребенка. Эти метафоры можно отнести к антропоморфному коду. Но если сердце могло еще и покатиться – это предметный код. В приведенных примерах сердце приобретает не только антропоморфные признаки (*сердце вскарабкалось, зашепталось, сердце падало, вставало*), но и приобретает какие-то сюрреалистические черты (*сердце покатилось*).

В других примерах сердце *захлебывается и плещется, как мельничное колесо в водорослях*. Здесь тоже есть признаки человека (*захлебывается*) и предмета (*как колесо*): *Там, в груди коня, захлебываясь, плескалось сердце, как мельничное колесо в водорослях* [3, с. 467].

Рассмотрим еще одну литературную цитату: «*Сердце у него стучало уже в самой голове, оглушительно, срываясь и захлебываясь: тум-там, тум-там, тум... – будто табун убегал в панике от настигавших его преследователей* [3, с.490]. Здесь на антропоморфный код (*сердце срывается, захлебывается*) накладывается лингвокультурная специфика, когда стук сердца сравнивается с табуном лошадей.

Таким образом, мы выявили, что положительных эмоций в исследованных произведениях вдвое меньше, чем отрицательных. Это обусловлено тематикой повестей. Наиболее широко среди положительных эмоций представлен концепт «радость». Анализ концепта «радость» с точки зрения лингвокультурных кодов обнаружил наличие антропоцентрического, милитарного, природного, предметного и других кодов. Анализ концепта «радость» с помощью когнитивных признаков позволил выявить основополагающие интенции автора.

Литература

1. Дербишева З.К. Индивидуально-авторский концепт «зло» в концептосфере Чингиза Айтматова // Вестник МГУ. – 2015, №5. – С.375-381.
2. Маслова В.А., Пименова М.В. Коды лингвокультуры. – М.: Флинта, Наука, 2016. – 180 с.
3. Айтматов Ч. Избранное: роман, повести. – Ф.: Кыргызстан, 1983. – 592 с.

References

1. Derbisheva Z.K. Individual'no-avtorskij koncept «zlo» v konceptosfere CHingiza Ajtmatova // Vestnik MGU. – 2015, №5. – S.375-381.
2. Maslova V.A., Pimenova M.V. Kody lingvokul'tury. – M.: Flinta, Nauka, 2016. – 180 s.
3. Ajtmatov CH. Izbrannoe: roman, povesti. – F.: Kyrgyzstan, 1983. – 592 s.

УДК 81

У.К. Кадыркулова
Каракол, Кыргызстан

ОЦЕНОЧНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КОНЦЕПТА «ТРУД» В ПОСЛОВИЦАХ И ПОГОВОРКАХ В РУССКОМ И КЫРГЫЗСКОМ ЯЗЫКАХ

Аннотация. *В данной статье автор рассматривает концепт «ТРУД» в двух языках, а также сопоставляет оценочную характеристику данного концепта в составе пословиц и поговорок в русском и кыргызском языках.*

Ключевые слова: *концепт, пословица и поговорка, труд, паремия.*

Сведения об авторе: *Кадыркулова Упел Керимбаевна, кандидат филологических наук, доцент, завкафедрой русского языка и литературы.*

Место работы: Иссык-Кульский госуниверситет имени К.Тыныстанова.

Контактная информация: *722200, Каракол, ул. Абдрахманова, 103, каб. 207, email: upel.kadyrkulova@mail.ru.*

U.K. Kadyrkulova
Karakol, Kyrgkyzstan

THE ESTIMATIVE CHARACTERISTIC OF THE CONCEPT "WORK" IN PROVERBS AND SAYINGS IN RUSSIAN AND KYRGYZ LANGUAGES

Abstract. *the author considers the concept of "work" in two languages, as well as compares estimative characteristic of this concept in proverbs and sayings in Russian and Kyrgyz languages in the current article.*

Key words: *concept, proverb and saying, work, paroemia.*

About the author*: Upel Kadyrkulova, candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department on Russian language and Literature, K. Tynystanov Kyrgyz State University. Place of employment: Kyrgyz-Turkish Manas University.*

Человечество всегда относилось к труду особо. В нашем сознании всегда имело место понятие, что труд создал человека. Концепт ТРУД как лингвокультурологическая категория привлекла внимание лингвистов в XIX веке. Несомненно, что концепт «ТРУД» относится к одним из ключевых в языковой картине мира почти всех народов. Культурный концепт «ТРУД» привлекает и далее внимание исследователей, поскольку он занимает особые позиции как в сознании одного человека, так и в целой государственной политике, с ним связана история развития каждого этноса, этапы формирования народностей и т.д. Мощь и сила каждого государства теснейшим образом обусловлена самосознанием всего народа страны и его отношением к труду.

Общую оценку понятию труд можно проследить еще с древних времен, имеющей место и по сегодняшний день в фольклорных произведениях, а в частности пословицах и поговорках как в русской языковой картине мира, так и в кыргызской.

Для выявления оценочной характеристики сравним толкование данного концепта в самых известных словарях в двух языках: Обратимся к знаменитому словарю С.И. Ожегова (70 000 слов) [8; 811].: Труд – 1. Целенаправленная деятельность человека, направленная на создание с помощью орудий производства материальных и духовных ценностей (Умственный труд, физический труд, научный труд); 2. Работа, занятие (тяжелый труд, дневной труд); 3. Усилие, направленное на достижение чего-нибудь

(взять на себя труд); 4. Результат деятельности, работы, произведение (труд всей жизни, список печатных трудов). Осмысление труда, по С.И. Ожегову, подразумевает второе значение «духовной ценности», т.е. в лексическом поле появляется толкование понятия труда не только в «тяжелом, физическом» значении, мы переходим к внутреннему восприятию. Как видим, в вариантах семантичекого значения эта линия прослеживается «умственный труд, научный труд» и т. д.

Рассмотрим толкование концепта «ТРУД» в кыргызском языке и представим репрезентацию данного концепта в кыргызском сознании. В кыргызской науке о языке еще нет полного описания всех концептов. Имеется ряд исследований по когнитивной лингвистике, делаются первые попытки упорядочения лингвокультурологических концептов относительно кыргызского менталита, этноса (см. работы З.К. Дербишевой).

Переводом концепта «ТРУД» в кыргызском языке является концепт «ЭМГЕК». Итак, познакомимся с лексической репрезентацией «ЭМГЕК» в кыргызском языке: Эмгек (труд) – пайда кылуу максатындагы иш-аракет: 1. эркин жана кубанычтуу эмгек (свободный радостный труд) ; жалданма эмгек (наёмный труд); күч эмгеги (физический труд); 1.2. эмгек куралы (орудия труда); 1.3. эмгектин өндүрүмдүүлүгү (производительность труда); 1.4. эмгектин бөлүнүшү (разделение труда); 1.5. эмгекти коргоо (охрана труда); 2. эмгек, мээнет (заботы, хлопоты); бир нерсеге көп эмгек жумшоо, сарп кылуу (вложить на что-либо много труда); оңой эле, анчалык деле эмгек жумшабастан (без особого труда); бир нерсеге көп эмгек кылуу менен жетишүү (большим трудом добиться чего-либо); 3. эмгек (чыгарма) (произведение); басмага басылган эмгек (печатный труд); илимий эмгек (научный труд) [6, с. 187].

Прослеживается тот факт, что в сравнении общих толкований совпадения в основных трех значениях: 1. труд – польза для людей, 2. физический, умственный труд ради удовлетворения материальных потребностей, 3. труд – результат духовного удовлетворения.

В последние годы при репрезентации концепта встречаем понятие «ключевое слово», которое первоначально использовалось для статистической характеристики единиц текста. В работах последних лет (А. Вежбицкая «Понимание культур через посредство ключевых слов», «Русский язык» и др.) оно широко применяется для характеристики особенностей тех или иных культур [2, с.12].

Для ключевых слов характерен простой семный состав значений, обусловливающий широкую общеупотребительность, частотность, свободную сочетаемость. Ключевые слова формируют ядро репрезентаций того или иного концепта. Они первыми приходят на ум, когда возникает необходимость обозначить данный концепт.

Если сравнить «ключевые слова» концепта «ТРУД» в русском и кыргызском языках, то основной лексический состав совпадает:

В русском языке	В кыргызском языке
Труд Работа Деятельность Занятие Напряжение Польза	Эмгек Жумуш Иш Алек болуу Чымырканууу Пайда кылуу

Рассматривая общую оценку концепта «ТРУД» в русском и кыргызском языках в паремиях, можно проследить единую тенденцию характеристики. Паремии отражают совокупность мнений, выработанных народом как лингвокультурной общностью, и дают возможность обнаружить значимые ментальные ценности, отражающие философию и психологию этноса. Термин "паремия" выступает в виде родового термина по отношению к терминам "пословица" и "поговорка".

По совокупности концептов, представленных в пословицах и поговорках, можно судить о картине мира, отражаемой в языке и в сознании носителей языка. Изучение ценностных понятий духовной культуры через призму языковых данных в современной русистике осуществляется активно. В современной лингвистике есть опыт описания семантического поля "труд" в русской паремиологии (в пословицах и поговорках) в сопоставлении с польской (Н.А. Косенко 1993), фразеосемантического поля "труд" в русском языке (Е.В. Ганапольская 1995), лексико-семантическое поле понятия «отношение человека к труду» в русских народных говорах (М.А. Еремина 2003) и некоторых особенностей лексической репрезентации концепта «ТРУД» (Г.В. Токарев 2000), Концепт «труд» в русском языке (на материале пословиц и поговорок» (Л.В. Басова) и т.д. [2, с. 10].

Исследователи русских пословиц определили более 1053 паремии о труде и синонимичных понятий: 1001 паремия зафиксирована в сборниках (197 пословиц с лексемой "труд"; 220 пословиц и поговорок со словом "работа"; 315 паремий со словом "дело"; 269 – с дериватами лексем "трудиться", "работать", "делать"), и 52 пословицы (134 употребления паремий) употреблены в периодической печати [2, с. 8]. Исследования концепта «ТРУД» в кыргызском языке на таком уровне еще отсутствуют. При исследовательской работе над данной статьей нами были изучены 76 пословиц и поговорок о труде в русском языке и 29 пословиц и поговорок о труде в кыргызском языке. Но общая картина оценки и характеристики труда вырисовывается в обоих языках как положительная.

В русских и кыргызских паремиях концепт «ТРУД» предстает как общечеловеческая практическая ценность. Именно по отношению человека к труду оценивается главная ценность – отношение к самому человеку. Примеры из русских пословиц и поговорок: *Кто хорошо трудится, тому есть чем хвалиться. В труде рождаются герои. Кто любит прохлаждаться, тому в хвосте оставаться. Тот ничего не боится, кто честно*

трудится. Для кого труд – радость, для того жизнь – счастье. Благо жизни – в труде. В народе тот не забудется, кто честно трудится. Без учения, без труда и жизнь не годна никуда. За труд не бьют, а награды дают. Если труд – удовольствие, то жизнь – наслаждение. Кто первый в труде, тому слава везде. Где труд, там и счастье.

Примеры из кыргызских пословиц и поговорок: *Эмгексиз жашоо – эрмексиз жашоо (Жизнь без труда, жизнь без удовольствия). Эртелеп эмгектенген эч нерседен кур калбайт (Кто рано встает, тому бог дает). Иштеген – тиштейт (Кто работает, тот и ест). Эл эмгектен эскерет (О человеке помнят благодаря его труду). Эмгеги аздын өнмөгү аз. (Кто мало трудится, роста не добъется). Эмгегинен бакыт тапкан адам – чыныгы сулуу адам. (По-настоящему красив тот человек, кто нашел свое счастье в труде). Эмгек – дайра, билим – кеме.(Труд – это море, а знание – корабль). Эмгек кылсаң жашындан, дөөлөт кетпейт башындан. (Если будешь трудиться с малых лет, всю жизнь проживешь в достатке). Эмгекти көрбөгөн, ыракаттын кадырын билбейт (Не умеющий работать не знает цены удовольствия).*

При выражении положительной оценки в сопоставляемых языках имеются и эквиваленты пословиц и поговорок. Конечно же, нельзя сказать, что все пословицы и поговорки в обоих языках о труде имеют только однотипную положительную оценку. Есть оценивание труда по полу, по возрасту, по социальному статусу и т.д. Редко, но встречается и отрицательная характеристика труда. Но их детальное изучение и обсуждение не вмещается в рамки одной статьи, что открывает горизонты для новых исследований.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Введение к сб. Логический анализ языка. Культурные концепты. – М., 1991.
2. Басова Л.В. Концепт «труд» в русском языке: автореф. дис. … канд. филол. наук. – Тюмень, 2004
3. Даль В.И. Пословицы русского народа (в 3 томах). – М., 1993.
4. Жемчужины мысли. Сборник афоризмов. – Минск, 1991.
5. Жамшитова Г. Кыргызско-русский тематический фразеологический словарь. – Бишкек: Шам, 2000
6. Кобринова. Концепт ТРУД в русской языковой картине мира // Актуальные вопросы русистики: сб. статей. – Тюмень, 2003. – С. 166-171.
7. Кыргызско-русский словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1965. – С. 187.
8. Молотков А.И. Фразеологический словарь русского языка. – М., 1986.
9. Ожегов С.И. Толковый словарь. 70 000 слов // Под редакцией Н.Ю. Шведовой. – М.: Русский язык, 1990. – С. 811.
10. Русские народные пословицы и поговорки. – М., 1965.
11. Токарев Г. В.Теоретические проблемы вербализации концепта "труд" в русском языке. URL: http://www.dslib.net/russkij-jazyk/teoreticheskie-problemy-verbalizacii-koncepta-trud-v-russkom-jazyke.html

References

1. Arutyunova N.D. Vvedenie k sb. Logicheskij analiz yazyka. Kul'turnye koncepty. – M., 1991.
2. Basova L.V. Koncept «trud» v russkom yazyke: avtoref. dis. … kand. filol. nauk. – Tyumen', 2004
3. Dal' V.I. Poslovicy russkogo naroda (v 3 tomah). – M., 1993.
4. ZHemchuzhiny mysli. Sbornik aforizmov. – Minsk, 1991.
5. ZHamshitova G. Kyrgyzsko-russkij tematicheskij frazeologicheskij slovar'. – Bishkek: SHam, 2000
6. Kobrinova. Koncept TRUD v russkoj yazykovoj kartine mira // Aktual'nye voprosy rusistiki: sb. statej. – Tyumen', 2003. – S. 166-171.
7. Kyrgyzsko-russkij slovar'. – M.: Sovetskaya ehnciklopediya, 1965. – S. 187.
8. Molotkov A.I. Frazeologicheskij slovar' russkogo yazyka. – M., 1986.
9. Ozhegov S.I. Tolkovyj slovar'. 70 000 slov // Pod redakciej N.YU. SHvedovoj. – M.: Russkij yazyk, 1990. – S. 811.
10. Russkie narodnye poslovicy i pogovorki. – M., 1965.
11. Tokarev G. V.Teoreticheskie problemy verbalizacii koncepta "trud" v russkom yazyke. URL: http://www.dslib.net/russkij-jazyk/teoreticheskie-problemy-verbalizacii-koncepta-trud-v-russkom-jazyke.html

УДК 81

К.О. Кулалиева

Бишкек, Кыргызстан

КОНЦЕПТ “НАРОД” В ЭПОСЕ “МАНАС”

Аннотация. *В статье исследуется функционирование лексемы “народ” на материале кыргызского героического эпоса “Манас”. Отобраны и проанализированы наиболее частые представления киргизского этнического сознания о народе в героическом эпосе. Также описаны вербализуемые в эпосе основные концептуальные разновидности концепта “народ”. Установлены лексикографические данные и мыслительные структуры, представляющие концепт “народ” (эл) в эпосе “Манас”.*

Ключевые слова: *героический эпос “Манас”, народ (эл), лексико-графия, мыслительные структуры.*

K.O. Kulalieva

Bishkek, Kyrgyzstan

THE CONCEPT “PEOPLE” IN THE “MANAS” EPIC

Abstract. *The article examines the functioning of the lexeme “the people” based on the Kyrgyz Epic of “Manas”. The most frequent representation of the Kyrgyz ethnic consciousness about the people in the heroic epic selected and analyzed in this article. There is also described the main verbalized conceptual varieties of the concept “people” in epic. Moreover, there is given the lexicographic data and mental structures that represent the concept of “the people” (El) in the epic “Manas”.*

Key words: *heroic epos “Manas”, the people (El), lexicography, cognitive structure.*

Сведения об авторе: *Кулалиева Калия Одесовна, кандидат филологических наук, старший преподаватель отделения Синхронного перевода Гуманитарного факультета. Место работы: Кыргызско-Турецкий университет «Манас».*

About the author*: Kulalieva Kalia Odesovna, Candidate of Philological sciences, Senior Instructor of Simultaneous translation Department, Faculty of Letters.*

Place of employment: Kyrgyz-Turkish Manas University.

Контактная информация: *Фак-т Коммуникации, каб.103.Студенческий городок имени Чингиза Айтматова, 720038, мкр. Джал, Бишкек, КЫРГЫЗСТАН.*

e-mail: kalia.kulalieva@gmail.com.

Кыргызстан – страна, богатая народными эпосами. В таких эпосах, как “Манас”, “Семетей”, “Сейтек”, “Эр Тоштюк”, “Коджожаш”, “Эр Табылды”, “Курманбек”, “Сарынджы-Бокой”, “Джаныл Мырза” и др., отражены все стороны жизни древнего народа. Через поэтическое слово, передающееся из поколения в поколение, народ познает сам себя, познает своих предков, их мечты и чаяния, их мысли и чувства. Среди памятников устного народного творчества огромное место отведено эпосу “Манас”, который является культурной энциклопедией кыргызского народа, отражающей все стороны общественного сознания и жизни кыргызов. “Гигантский эпос “Манас” представляет собой трилогию, части которой названы по именам богатырей трех поколений: “Манас”, “Семетей” и “Сейтек” ” [12, с. 4]. Трилогия является неисчерпаемой сокровищницей кыргызской культуры. Она раскрывает всю общественную жизнь кыргызов и соседних народностей. В эпосе отражены мировоззрения, сформировавшиеся в течение веков, отражены суждения об окружающем мире, нравственности, морали и доброте, любви и ненависти и т.д. Также в нем “отражена многовековая самоотверженная борьба киргизского народа за свою честь и свободу, за свое национальное существование” [11, с. 6]. Именно народ выступает творцом и главным героем этого поэтического сказания. Сказители, в данном случае “манасчи”, являются носителями и хранителями народной памяти. Все это требует всестороннего изучения, в том числе и лингвокультурологического.

Известный российский ученый В. А. Маслова совершенно правильно отметила, что «Большая часть информации о мире приходит к человеку по лингвистическому каналу, поэтому человек живет более в мире концептов, созданных им же для интеллектуальных, духовных, социальных потребностей, чем в мире предметов и вещей: огромная доля информации поступает к нему через слово, и успех человека в обществе зависит от того, насколько хорошо он владеет словом, причем не столько даже в плане культуры речи, сколько умения проникнуть в тайны языка [14, с. 4]. Для киргизского народа, который всю свою историю и культуру, всю мудрость поколений сохранял и до сих пор хранит (в век письма и компьютерной технологии) в устном народном творчестве, одним наиболее важным лингвистическим каналом является устное народное творчество, в частности, эпос “Манас”.

В данной статье в качестве предмета исследования был взят концепт «народ», рассматриваемый на материале эпоса “Манас” по варианту Саякбая Каралаева [13, Манас]. Цель нашего исследования состояла в выявлении лингвокультурных особенностей данного концепта, а также рассмотрение понятийной и образной составляющей концепта.

Для достижения цели был использован лингвокультурный анализ, предметом которого был текст эпоса «Манас” и лексикографические источники на русском и киргизском языках. Этот метод позволил нам выявить смысловые структуры текстов, реализующие концепт «народ», а

также идентифицировать ценностные суждения о представляемой с помощью этого концепта действительности. «Концепты, отображенные в национальном языке, становятся своеобразными маркерами социокультурного опыта народа, его мировоззрения. Концептосфера отражает национальный, сословный, классовый, профессиональный, семейный и личный опыт человека. Общеизвестно, что как в культуре, так и в языке каждого народа присутствует универсальное (общечеловеческое) и национально-специфическое», – пишет З.К. Дербишева в предисловии своей монографии «Ключевые концепты кыргызской лингвокультуры» [3, с. 3]. Концепт «народ» – понятие универсальное или еще его причисляют к базовым концептам. С.Г. Воркачев в своих исследованиях использовал термин «слово» или «лингвоидеологема» [2, с. 17].

Как и во всех языках, в киргизской лексикографии у слова “народ” (эл) выделяется несколько лексико-семантических вариантов. В толковом словаре киргизского языка даются такие значения, как:

ЭЛ

Мамлекеттин, өлкөнүн калайык калкы (Народ населяющий государство страну).

Улут, белгилүү бир тилде сүйлөгөн калк (Нация, народ говорящий на одном определенном языке).

Көпчүлүк, коомчулук. (Основная масса, общественность) [7, с. 760].

В кыргызско-русском словаре лексема «народ» (эл) представлена следующим образом:

ЭЛ

1. племенной союз; род; племя; народ;

1) свое племя, свой род;

2) народ, люди;

2. родович (член одного с кем-л. родового союза);

3. мирный житель;

4. страна, государство [9, с. 946].

В словаре синонимов кыргызского языка синонимический ряд слова “эл” (народ), представлен такими лексемами, как: **калк** (население, народ), **калайык** (публика, народ), **журт** (народ), **улут** (нация) [5, с. 338].

Средневековый источник “Словарь тюркских наречий” Махмуда Кашгари дает нам такую информацию о лексеме “народ”: ***йел – эл, журт, аймак.*** Айтышат: “бек ели” – бектин эли, бекке караштуу эл, аймак. – ***йел - народ, народ (родина), аймак (территория)***. Говорят: “бек эли” – народ бека, подчиненные к беку народ, территория [16, с. 125].

Источники на турецком языке дают такое объяснение слову “эл” (народ): ***él*** "halk, ülke, devlet" [Orhun Yazıtları (735)] “народ, страна, государство”; "ulus, kavim" [TDK, Tarama Sözlüğü (1400 yılından önce)] “улус (государство), племя (род)” [17].

“В наши дни “народ” употребляется в значении населяющий страну,

регион, село масса людей, народ. Енисейские кыргызы называли государство термином “эл” (народ). Профессор В.Я. Бутанаев дает такое определение: 1. Народ, который имеет родовую общность с государственным правителем-ханом или управляющими беками. 2. Государство с элитарным управлением или племеной союз”. Во главе древнего кыргызского государства стояли династии, которые считали себя родом из народа Теңир. “Калк” (простой народ) и “эл” (управляющие, элита) взаимодополняли друг-друга. “Во главе народа” стоял каган и держал “весь простой народ” (“калың кара будунду”) в подчинении.” Такая информация представлена о слове “эл” (“народ”) в кыргызском этнографическом словаре [8, с. 516].

В эпосе “Манас” наблюдается почти все лексико-семантические варианты этой лексемы, исключение составляет лексема “нация” (улут). Но когда говорится о разных национальностях: кыргыз, казак, калмак, кытай можно понять, что речь идет об отдельных нациях. Лексемы синонимического ряда “эл”, “калк” и “журт” в эпосе совпадают по семантике и при употреблении в речи полностью взаимозаменимы. Если вникнуть глубже и сделать лингвистический, текстологический анализ, можно заметить, что “калк” (простой народ, не правящая элита, а простой народ, противопоставляемый власти) и “журт”, который больше ассоциируется с родиной, отличаются от слова “эл”. Это тема отдельного исследования. В настоящее время слово **“калк”** чаще употребляется в значении «население” (*калкты тейлөө борбору – центр обслуживания населения, калкты каттоо – перепись населения, калктын өсүшү – рост населения)* и в значении малый народ внутри основного народа (*Кыргызстан калктарынын ассамблеясы – Ассамблея народов Кыргызстана*). В толковом словаре киргизского языка эта лексема представлена следующим образом: **КАЛК** Эл (народ), журт (народ), көпчүлүк (публика, толпа), калайык (люд, народ). *Калктын баары дүңгүрөп, Кан Манас көздөй басты эми.* (*Весь народ толпой, Пошел навстречу к Манасу*). [7, с. 672].

Здесь же дается толкование словосочетанию **КАЛК АТАСЫ** же (или) **ЖУРТ АТАСЫ (**отец народа *букв.***)** 1. Эл бийлеген аксакал, билерман. (Всезнающий, правящий народом аксакал) 2. Жетекчи кызматтагы адам. (Человек на руководящей должности). *“Калк атасы ушу” – деп, Кутубий уулу Карадөө Кан көтөрүп салды эми (“Семетей”).* [7, с. 672]. Надо заметить, что в словаре не дается сочетание “эл атасы”. Это тоже говорит об отличии этих понятий.

В словаре Х. Карасаева “Камус наама” **КАЛК, КАЛАЙЫК** (народ) от арабского означает эл, журт, будун (народ). *Алтынды жыйып таш кылдым, Ушу турган калкыма Тентигенди баш кылдым* (“Манас”) [4, с. 375]. (Карасаев 1996, с. 375) Лексемы *калк* и *калайык* полностью совпадают по семантике. В словаре ““Манас” сөздүгү” лексема *калк*

представляется так: **КАЛК** – Калк жыйылып келгенде. – (ар. халк) (Когда весь народ собравщийся пришел).1. Жаратылуу, жасалуу (сотворенный, сделаный); 2. Калк, адамдар, журт (народ, люди); 3. Макулук. (творение, тварь) (7, с. 138).

«Народ (нация) и родина – понятия смежные, пересекающиеся и даже в определенных обстоятельствах полностью совпадающие. Лексемы «народ» и «родина» производны от одного корня – «род- …», –отмечает С.Г. Воркачев в своей статье «Лингвоидеологема «народ» в русской лексикографии» [2, с. 17]. Точно также в киргизском языке в лексико-семантическом варианте слова **«журт»** (народ) мы наблюдаем значение «родина» с пометом *уст*. **ЖУРТ** 1. народ, подданные; 2. родня, близкие; 3. место, где стояла юрта или стоял аул, пепелище аула, оставленное стойбище; 4. страна; *уст.* родина; 5. *южн.* селение, населенный пункт (Киргизско-русский словарь). В наши дни "журт" чаще употребляется в возвышенном стиле, в художественных произведениях, в публицистике в целях пробудить патриотические чувства у граждан. Достаточно вспомнить стихотворение поэта А. Осмонова "Ата журт" (Отчизна, Родина), которую почти весь киргизский народ знает наизусть.

Вербализация концепта "народ" (эл) в эпосе "Манас" осуществлен многочисленными лексическими номинациями: *журт (родина, народ), калк (народ, население), калайык (публика, народ) эл-журт (народ), уруу (род), букара (подданный, народ), аскер (воин), жан (душа), көч (кочевье), биз (мы), бурут (этноним кыргыз), кыргыз, кытай (китайцы), манжу (манджу)* и др. названия родов и народов. Особенность функционирования лексемы "народ" объясняется жанром эпоса. В героическом эпосе народ-герой, народ-победитель, народ-страдалец, народ-побежденный противопоставляется такому же народу-врагу, народу-победителю, народу-страдальцу, как и он сам (китайцы, калмаки). В героическом эпосе "свой народ" (родные: киргизы и их союзники) противопоставляется "чужому народу" (враги: китайцы и калмыки). Слова ***"эл", "журт", "калк"*** часто употребляются как "своими, кыргызскими" аксакалами, правителями и женами правителей, так и в речи чужих правителей (т.е. в речи врагов). Часто повторяющиеся строки, определяющие значения концепта "народ" в эпосе, употребляются как для описания состояния кыргызов и их союзников, так и для описания и передачи внутреннего и внешнего состояния врагов, когда нужно подчеркнуть их величие и многочисленность или, наоборот, для подчеркивания их бессилия и малочисленности. *Кумурсканы көр, селди көр, Курчап кеткен элди көр (Посмотри на муравья и на наводнение, и увидешь окруживщий нас народ); Кырк үйлүү кыргыз журт эле, Мунун кылайган алы калбады (был сорока племенным народом (сильным), но теперь у него нету силы); Кырк үйлүү кыргыз курган журт (сорока племенной кыргыз несчастный); Кырк үйлүү кыргыз жашыды, Кытай тумён, биз жалгыз.(Сорока племенной*

кыргыз слезою обливается, китайцев много, мы одни); Кара курттай капыр, Бейили кара кытай (Как каракурт неверующий, с черными мыслями китайцы); Кырк уруу кытай бул журттун Бир кандыгын берейин (Отдам одно ханство, этого сорока племенного китайца); Кырк уруу кытай, манжууга Кыр жагынан чалдырбай, Кыжылдаган кытайга Кыл эмесин алдырбай. (Сорока племенному китайцу, манджу, многочисленному китайцу, не отдамся с легкостью).

Эпитетами "своего народа" выступают такие слова и словосочетания, как: *көп эл (многочисленный народ), баш паана берген (приуютивший народ), кырк үйлүү кыргыз (сорока племенной народ), эр эл (храбрый народ), арслан эл, шер эл (сильный, богатырь народ) белгилүү эл (знатный народ), кубары кыргыз (родовитый кыргыз), тутанган эл (приумноженный народ), калың эл (многочисленный народ); бусурман эл (народ мусульманин), ырымы бар эл (народ со своими обрядами* и т.д. – положительного характера; *кайран эл (горемычный народ), азган, тозгон эл (многострадальный народ); шордуу эл (несчастный народ), өлгөн эл (убитый народ), качкан эл (убежавший народ), тентиген эл (бродячий народ), чабылган эл (побежденный народ), чачылган эл (разрозненный народ), курган эл (бездомный народ), аз эл (малый народ), жакыр журт (бедный народ), бир ууч эл (одна горсть-народ, малый) и.т.д.* – отрицательного характера.

"Чужой же народ" представляется, в первую очередь, как народ, отличающийся своей многочисленностью: *көп эл (многочисленный), жайнаган эл, сансыз эл, түмөн эл (безчисленный народ), оңой эмес эл (непростой народ, труднопобедимый), кайнап жаткан эл (кипящий народ), аштык билбес эл (народ, который не знает зерновые), толкуган эл (народ-волна, волнующий), баашалуу эл (царственный народ, т.е. народ имеющий своего царя (падыша), бузук эл (народ с плохими намерениями), миң эл (народ-тысяча), жалгыз кирчү эл эмес (одному не справиться с этим народом), капыр эл (неверующий народ)* и т.д.

Лексический репрезентант концепта "эл" в эпосе "Манас" вызывает ассоциации в виде следующих метафорических образов: концепт реализуется в образных признаках селевого потока, лавины (каптаган сел). Наводнение, селевой поток – это природная стихия, перед которой не могут устоять даже сильные и храбрые, она опасна для жизни, при селевом потоке в считанные минуты могут погибнуть тысячи и тысячи людей, люди бессильны перед этой стихией. Народ представляется в эпосе таким. Многочисленность народа представляется такими метафорами, как: камыш (камыш), чөп (трава), кумурска (муравей), каракурт (кара курт: разновидность паука с сильным укусом). Н.: *Камышты көр, селди көр, каптап жаткан (кеткен) элди көр! (Посмотри на камыша и на сель, увидешь наступающий народ!). Жер жүзүндө чөптү көр, Чөпчөлүк кытай көптү көр. (Посмотри на траву на всей земле, увидешь многочисленных*

китайцев); Кара курттай сел келди, Катыла турган жоо эмес, Каптап кеткен эл келди. (Пришел сель, как каракурт, (Это не враг наступающий, Это народ наступающий). Кумурсканы көр, селди көр Кутубийге асылып, Курчап кеткен элди көр!(Посмотри на муравья и на сель, увидешь народ, который напал на Кутубийя) [13, Манас].

Наиболее часто встречающиеся прототипы: *журт (народ), калк (народ, население), калайык (публика, народ) эл-журт (народ), уруу (род), букара (подданный, народ), аскер (воин), биз (мы), кыргыз, бурут (кыргыз), будун (народ), кытай (китайцы), манжу (манджу).*

Исследуемый концепт реализуется в следующих сочетаниях: *кайран эл (горемычный народ); кырк үйлүү кыргыз жан элек (были мы сорока племеным народом); калың народ (многочисленный кыргыз); көп эл (многочисленный народ) – азган-тозгон аз эл (несчастный малочисленный народ)* (антонимическое представление аз эл – көп эл) *кызырлуу кыргыз эл (народ, сопутствуемый Хизром); атамдан калган мурас (наследство, переданное отцами); корголушу, сакталышы керек болгон эл (народ, который нужно беречь и охранять)*.

Концепт “эл” в эпосе представлен через образы людей (в основном положительных героев): *кырк чоро (сорок сподвижников), аскер (армия), баатырлар, эрлер, шерлер (богатыри, храбрецы), эли-жери үчүн күрөшкөндөр (патриоты, боровщиеся за народ, за родину), Манас, Кошой, Бакай, Чыйырды, Канықей (главные герои)* и.т.д. Почти каждый раз при упоминании слово “эл” (народ) в эпосе встречается слово *“жер” (земля)* в значении *ата журт, мекен (родина, отчизна).*

Концепт “народ” в эпосе “Манас” актуализируется через определённые образы вегетативного мира: *чөп (трава), камыш, дарак (дерево), чынар (горный тополь), чырпык (хворост), токой (лес)* и др.; зооморфные признаки: *кара курт (каракурт), кумурска (муравей), чочко (свинья), ит (собака), каман (кабан)* и др.; природные явления: *сел (сель, наводнение), чагылган (гроза), булут (облако, туча), дождь (жамгыр)*; антропоморфные: *Манас, Коңурбай, аксакалы, простой народ, воины* и др.

Концепт “эл” в эпосе сужается до образа отдельного человека или группы людей, которые представляют гипонимные понятия по отношению к самому концепту: жан (душа, народ) *кабар угуп мынча жан (весть услышал столько народу); Түрлүү-түрлүү жаныбар, Жан көрбөс жандын баары бар*. (*Есть там разные животные, которых еще ни кто не видел);* караан (опора, силуэт) *Белестен караан көрүнөт, Бир карасам миң киши (С отрога виден силуэт, раз посмотрел тысячу человек); Караан да жок, бел да жок (Нет опоры, (караан нет кого-то, кто помог) нет отрока (в смысле опоры);* Также гипонимами к концепту “эл” (народ) выступают понятия: *аксакалы, предки, воины, женщины, мужчины, дети, старики; подданные, мирные люди, беги, ханы, враги* и т.д.

В качестве гиперонимных понятий можно выделить такие ассоциации, как: *жер (земля), мекен (родина), тарых (история)*.

Синонимами репрезентанта концепта “народ” выступают часто употребляемые слова *“калк”, “калайык”, “журт”, “уруу”,* а также этнонимы *кыргыз, казак, кытай, калмак, өзбек, казак и др*. Частотны выражения с лексемами «калк», «калайык», «журт», «уруу» и сочетанием «эл-журт» в значении «народ».

Антонимами репрезентанта исследуемого концепта выступают: *аз эл (малый народ) – көп эл (многочисленный народ); кытай түмөн (китайцев тысяча, много) – мен жалгыз (я один); таалайсыз (несчастный) – таалайлуу (счастливый), баатыр (богатырь, храбрый) – коркок (трусливый), биригүү (соединиться) – бөлүнүү (разделиться), жыргалдуу (благодатный) – азаптуу (многострадальный)* и т.д.

Рассматриваемый концепт как многокомпонентная мыслительная структура в эпосе предстает в виде фрейма. Например: фрейм *“көчүү, кеңеш, аксакалдар”* включает такие составляющие, как *переселение, совет, аксакалы*. Еще одна фреймовая структура *“чакырылгандар, улуттук оюндар, тамак-аш” – “званые гости, национальные игры, еда”*.

Данный концепт может восприниматься в эпосе, как скрипт: *казатка аттануу (отправляться в поход); аш берүү (тризна (Тризна по Кокотею)); ат коюу (дать ребенку имя), түш жоруу (толкование сна), үйлөнүү (женитьба)*.

Пропозиции дают представление об отношении к народу – *эл үчүн жаныбыз курман (отдадим души за народ)*.

“Народ” в эпосе актуализируется через гештальтный образ, связанный с утилитарной оценкой – опора человека, которая помогает и придает силу в трудных ситуациях: *караан, күч (опора, сила)*.

В качестве стереотипа в эпосе представляется сочетание *эл-журт (все люди, весь народ)*.

В оценочном составляющей концепта отмечается непостоянство состояния народа: *бирде азган эл, бирде көпкөн эл (то настрадавшийся народ, то зазнавщийся народ), счастливый народ или несчастный народ, многочисленный народ* или *малочисленный народ*.

Рассматривая употребление концепта “народ” (эл) в эпосе “Манас” (по варианту С. Каралаева), можно сказать, что эпос в образе “народа” отражает общечеловеческие ценности: такие как любовь и преданность к родной земле, защита и мирная жизнь, единство народов. Отвага, храбрость, мужество, великодушие и честь – основные качества кыргызского народа. Лексикографический материал дает до 5 значений слова – основного репрезентанта концепта. Синонимами слова *эл* являются следующие лексемы: “калк”, “журт”, “уруу”.

Концепт “народ” (эл) в эпосе “Манас” представлен различными мыслительными структурами, а именно: образными признаками,

прототипами, гиперонимами, гипонимами, пропозициями, гештальтами, скриптами, фреймами.

Что такое эпос “Манас” для кыргызкого народа? Об этом сказано прямо в эпосе такими строками, самим же народом:

Сказанье древней старины
Живет сегодня, в наши дни.
Рассказ без края и конца
Народ кыргызский создавал,
В наследство сыну от отца
Из уст в уста передавал.
Народом выстраданный сказ,
Пройдя кровавые года,
Как гимн бессмертия, звучал,
В сердцах горячих клокотал,
К свободе и победе звал.
Защитникам земли родной
Был другом верным этот сказ.
Как песню, вбитую в гранит,
Народ в душе своей хранит. [1, с. 25].

“Манас” – духовное богатство кыргызского народа, которое нужно исследовать в разных аспектах.

Литература

1. Байджиев, М. Сказания о Манасе, Семетее и Сейтеке: Поэтическое переложение трилогии кыргызского эпоса «Манас» – Бишкек: Издательство КРСУ, 2011. – 245 с.
2. Воркачев, С.Г. Лингвоидеологема «народ» в русской лексикографии // Восточнославянские языки и литературы в историческом и культурном контекстах: когнитивная лингвистика и концептуальные исследования; отв. ред. М.В. Пименова. – Киев, 2012. – С. 17–23. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 13).
3. Дербишева, З.К. Ключевые концепты кыргызской лингвокультуры. Монография. – Б., 2012. – 176 с.
4. Карасаев, Х. Камус наама. – Б., 1996.
5. Кыргыз тилинин синонимдер сөздүгү. Түз. Ш. Жапаров, К.Сейдакматов, Т.Сыдыкова. – Б.: Бийиктик+, 2015. – 350 б.
6. Кыргыз тилинин түшүндүрмө сөздүгү. 1-бөлүк. – Б., 2015. – 800 б.
7. Кыргыз тилинин түшүндүрмө сөздүгү, 2-бөлүк. – Б., 2015. – 800 б.
8. Кыргыз этнографиясы боюнча сөздүк / түз. О.К. Каратаев, С. Н. Эралиев. – Б., 2005. – 600 б.
9. Кыргызско-русский словарь. Ок. 40000 слов / Сост. К.К. Юдахин. – Б., 2012. – 976 с.
10. Манас сөздүгү. – Б., 2015. – 286 б.
11. Манас. Киргизский эпос. Великий поход / перевод С.Липкина, Л.Пеньковского, М.Тарловского; под. ред. У.Джакишева и др. – Москва, 1946.
12. Манас. Эпизоды из киргизского народного эпоса / перевод С.Липкина, Л. Пеньковского. – М, 1960.
13. Манас: С. Каралаевдин варианты б-ча / түз.: А. Жайнакова, А. Акматалиев; Сөздүктү даярдаган А. Мамытов. Сүрөттөрү Т. Гер-цендики. – Б.: Турар, 2010. – 1006 б.
14. Маслова, В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб, заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. — 208с.
15. Русско-кыргызский словарь: 51 000 слов / под ред. К.К.Юдахина. – Б., 1957. – 992.

16. Түрк тилдеринин сөздүгү. Түзгөн Махмуд Кашгари. – Б.: 2011. – Том I.
17. https://www.etimolojiturkce.com/kelime/el1

References

1. Bajdzhiev, M. Ckazaniya o Manase, Semetee i Sejteke: Poehticheskoe perelozhenie trilogii kyrgyzskogo ehposa «Manas» – Bishkek: Izdatel'stvo KRSU, 2011. – 245 s.
2. Vorkachev, S.G. Lingvoideologema «narod» v russkoj leksikografii // Vostochnoslavyanskie yazyki i literatury v istoricheskom i kul'turnom kontekstah: kognitivnaya lingvistika i konceptual'nye issledovaniya; otv. red. M.V. Pimenova. – Kiev, 2012. – S. 17–23. (Seriya «Konceptual'nye issledovaniya». Vyp. 13).
3. Derbisheva ,Z.K. Klyuchevye koncepty kyrgyzskoj lingvokul'tury. Monografiya. – B., 2012. – 176 s.
4. Karasaev, H. Kamus naama. – B., 1996.
5. Kyrgyz tilinin sinonimder sөzdүgү. Tүz. SH. ZHaparov, K.Sejdakmatov, T.Sydykova. – B.: Bijiktik+, 2015. – 350 b.
6. Kyrgyz tilinin tүshүndүrmө sөzdүgү. 1-bөlүk. – B., 2015. – 800 b.
7. Kyrgyz tilinin tүshүndүrmө sөzdүgү, 2-bөlүk. – B., 2015. – 800 b.
8. Kyrgyz ehtnografiyasy boyuncha sөzdүk / tүz. O.K. Karataev, S. N. EHraliev. – B., 2005. – 600 b.
9. Kyrgyzsko-russkij slovar'. Okolo 40000 slov / Sost. K.K. Yudahin. – B., 2012. – 976 s.
10. Manas sөzdүgү. – B., 2015. – 286 b.
11. Manas. Kirgizskij ehpos. Velikij pohod / perevod S.Lipkina, L.Pen'kovskogo, M.Tarlovskogo; pod. red. U.Dzhakisheva i dr. – Moskva, 1946.
12. Manas. EHpizody iz kirgizskogo narodnogo ehposa / perevod S.Lipkina, L. Pen'kovskogo. – M, 1960.
13. Manas: S. Karalaevdin varianty b-cha / tүz.: A. ZHajnakova, A. Akmataliev; Sөzdүktү dayardagan A. Mamytov. Sүrөttөrү T. Ger-cendiki. – B.: Turar, 2010. – 1006 b.
14. Maslova, V. A. Lingvokul'turologiya: ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ucheb, zavedenij. – M.: Izdatel'skij centr «Akademiya», 2001. — 208s.
15. Russko-kyrgyzskij slovar': 51 000 slov / pod red. K.K.YUdahina. – B., 1957. – 992.
16. Tүrk tilderinin sөzdүgү. Tүzgөn Mahmud Kashgari. – B.: 2011. – Tom I.
17. https://www.etimolojiturkce.com/kelime/el1

УДК 81’373.47

Д.М. Кыдыралиева
Бишкек, Кыргызская Республика

СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА ЭМОЦИОНАЛЬНО ОКРАШЕННОЙ ЛЕКСИКИ КОНЦЕПТА «СОГУШ» («ВОЙНА»)

Аннотация. *На основе сравнительно-сопоставительного анализа эмоционально окрашенной лексики концепта «война» в повести Ч.Т. Айтматова «Лицом к лицу» в переводе с кыргызского языка на русский язык, выделены семантико-ассоциативные структуры концепта. Различия в структуре концепта в рассматриваемых языках обусловлены определёнными способами перевода, т.е. переводческими технологиями.*

D.M. Kydyralieva
Bishkek, the Kyrgyz Republic

TRANSLATION WAYS OF EMOTIONALLY COLOURED LEXIS OF THE “WAR” CONCEPT

Abstract. *On the basis of a comparative analysis of “war” concept’s emotionally coloured lexis in Kyrgyz into Russian translation of Ch.T. Aitmatov’s story “Face to face” the semantic-associative structure of the concept are given. The difference in concept’s structure of considered languages are caused by certain translation transformations.*

***Ключевые слова**: эмоциональность, эмотивность, концепт, война.*

***Key words**: emotionality, emotiveness, concept, war.*

***Сведения об авторе**: Кыдыралиева Диана Мустафаевна, аспирант, старший преподаватель кафедры теории и практики английского языка и межкультурной коммуникации.*

***Место работы**: Кыргызско-Российский Славянский университет.*

e-mail: dk2206@mail.ru

***About the author**: Kydyralieva Diana Mustafaevna, PhD student, senior teacher of the Department of the English language Theory and Practice and Intercultural Communication.*

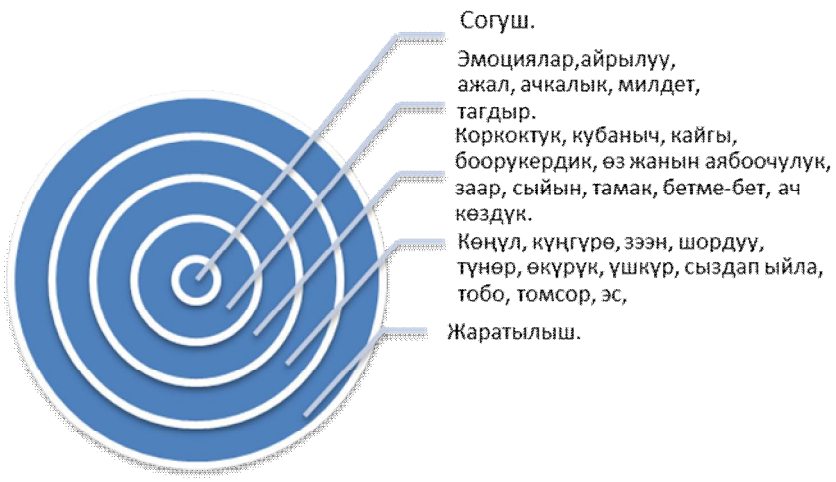
***Place of employment**: Kyrgyz – Russian Slavic University.*

На основе сравнительно-сопоставительного анализа эмоционально окрашенной лексики концепта «согуш» («война») в повести Ч.Т. Айтматова «Лицом к лицу» («Бетме бет»), в переводе с кыргызского языка на русский язык, выделены семантико-ассоциативные структуры концепта.

Художественные произведения являются носителями особой эстетической информации. При этом в них очень ярко представлена также эмоциональная информация, которую невозможно разделить от первой, и мы можем говорить об эмоционально-эстетической информации. Через язык можно познать культуру, быт, менталитет народа. В произведении «Лицом к лицу» («Бетме бет») Ч.Т. Айтматова эмоционально - окрашенная лексика выражает различные эмоции, отражающие различные физические и эмоциональные состояния: разлуки, смерти, голода, печали, горя, сострадания, самоотверженности и др., связанные с сюжетной линией дезертирства главного героя произведения [1, 2; см. также: 3].

Эмоционально окрашенная лексика и ее манифестация и интерпретация, выраженная в концепте «согуш» в кыргызском языке и «война» в русском языке, рассматривается с позиций вербализации концепта в его языковом выражении, и импликации – выражение знания о перцепции. Исследование концепта «война» в сопоставительном аспекте на основе перевода с кыргызского языка на русский язык и сравнение семантики лексических единиц исходного языка и переводного языка на денотативном и коннотативном уровнях показало особенности семантико-ассоциативной структуры концептов «согуш» и «война».

Концепт «согуш» в кыргызском языке и составляющие его лексико-семантические структуры превосходят по количеству периферийных зон по сравнению с текстом перевода. В нижеследующей схеме отражены компоненты, составляющие периферийные зоны концепта:

Семантико - асоциативная структура концепта «война» в переводе на русский язык имеет следующий вид (см. схему). Ядро концепта составляет лексема «война», ближайшую периферию составляют такие понятия как «эмоции», «разлука», «смерть», «голод», «долг», «судьба»; дальнейшую периферию – «трусость», «эгоизм», «печаль», «еда», «горе», «сострадание», «самоотверженность».

В произведении тема войны изображена посредством различных понятий, в первую очередь, сопровождается лексическими единицами, описывающими различные эмоциональные состояния героев повести «Лицом к лицу». Так, например, «плач» в ИЯ имеет различные коннотативные значения: *тымызын ыйлап (досл.: тихо плача) – заплаканные женщины; ыйлап жиберди (досл.: заплакала) – Сейде заплакала; кемпирлер жашын сыгат (досл.: старухи отжимали слезы) – Старухи отжимали слезы с ресниц.*

Преобладают негативные эмоции, такие, как страх, печаль, злость, жадность и др.: *коркот – боится; көбүнчө унчукпай, ындыны өчкөн кишидей үңкүйүп ... казанды качан кайнар экен дегендей кыжырлануу менен тиктеп коюу отурат (долго молчит, не в духе, опустив голову ... смотрит озлобленно на казан в ожидании, когда он вскипит) – ему не по себе, чаще он сидит молча, угрюмый, устало опустив плечи, и с нетерпением поглядывает на кипящий казан; өч алат эле (досл.: зло срывает): – мутно и зло поблескивали его глаза; муң менен (досл.: с печалью) – и печаль, күйүт али (досл.: горе) – горе; Ушул кезде ар ким эле өзүм гана тойсом дейт! (досл.: в такое время каждый думает о том, как самому*

наесться) – Всяк для себя!.. Лишь бы самому нажраться...; аяйт (досл.: жалеет) – жалко и др.

Но можно также выявить и положительные эмоции и чувства: *кубанганынан балактап (досл.: пошатнувшись от радости) – какое счастье, какое нежданное; дагы эле көргөн көзүнө ишенбегендей, мойнунан бекем кучактады (досл.: все еще не веря своим галазам, сильно обняла за шею) – все еще не веря в то, что муж вернулся, Сейде порывисто обняла его, истово прижалась.*

Разлука связана с прощанием и проводами: *Кош! Кайыр кош! Ыйлабагыла! (досл.: Прощай! Прощайте! Не плачьте!) – кричат на прощанье: "Э, полно вам слезы лить!"; узатты (досл.: проводила) – провожают.*

Смерть связана с самоотверженностью и пролитием крови:

Байдалы өзү жүгүрүп барып зымдын үстүнө жыгылыптыр. Байдалы курман болуптур. (досл.: Байдалы сам побежал и прыгнул на проволоку. Байдалы принес себя в жертву) – И вот тогда Байдалы по своему почину бросился на проволоку. Сени аыйрган душман колуңдан өлсүң! (досл.: пусть враг, разлучивший тебя от нас, умрет от твоей руки) - Возвращайся с победой!

Война вызывает разруху и голод:

... кашыктап бөлүштүрүп (досл.: делит по ложечке) – по горсточке делит, бир гана кочуштайын баласынын буламыгына алып коюп (досл.: откладывала по горсточке ребенку на болтушку) – откладывала горсточку на кашу для ребенка; көжө кылып,...ичет (досл.: сделав похлебку ... пьют) – довольствовались дертью.

Война принуждает молодых людей идти на фронт (долг перед Родиной, семьей, родными) и, в основном, сопровождается словосочетанием «бетме бет» («лицом к лицу»), которое является названием произведения: *мына бул бүгүн-эртең ажал менен бетме-бет келчү балдардын (досл.: вот эти парни ни сегодня, завтра встретятся со смертью лицом к лицу) – вот эти парни, которые завтра глянут в глаза смерти; Алар өз башынын эмес, мында калып жаткан журттун эсендигин тилегендерин укканда булар үчүн жаныңды курманга чапкың келет (они не думают о своей голове, а о народе, который желает им остаться в живых, то хочется на это пожертвовать собой за них)- В эти минуты они думали не столько о себе, о своей судьбе, сколько о людях, остающихся в аиле, и желали им на прощание здоровья и счастья; согуштун кызыл чогунда (в красном пламени войны) – в самом пекле войны, фронттон жолугуп калсам (досл.: если встречу на фронте) – встретиться на фронте.*

Война характеризуется не только проявлением храбрости, исполнения гражданского долга, борьбой с врагом, но и проявлениями дезертирства (главный герой Исмаил): *качкын (досл.: сбежавший) – дезертир; ачык келе албайт, түн жамынып, уурданып келет (досл.: воткрытую не*

может прийти, украдкой ночью, приходит как вор) – теперь он приходит в собственный дом украдкой, по ночам.

Для кыргызской лингвокультуры существенно такое понятие, как «тагдыр» («судьба») в широком смысле данного слова. Несмотря на судьбу, люди надеются на лучшее, на возвращение сыновей и мужей, на победу над врагом, и обращаются с просьбами к Создателю в своих молитвах: *сыйынганы жалгыз кудай (досл.: молиться только Богу) – молиться богу; «Яа, жараткан, өзүңө тапшырдым!» (досл.: Создатель, вручаю тебе себя) – «О Создатель, вручаю тебе судьбы наши...»; Кайдан келсин, замананын мындай болуп кетерин ким билиптир; Замана эмне болот, кандай болот?; Шорубуз бар экен, кантели! (досл.: Наше горе горькое, что же делать?) взывание к высшим силам, которые должны дать ответ. – Что ж, судьба наша такая!* В русском языке взывает к смирению, т.е. принятие того, что начертано судьбой.

Особое значение в кыргызской лингвокультуре придается лексеме «көңүл» (досл.: сердце): *жүрөктү элжирете толкундаткан (досл.: вызвало в сердце волнение и сострадание) – хватало за сердце; жүрөгүн ысытып, көңүлүн чалкытты (на сердце стало приятно, появилось безмятежное настроение) – родилась и засияла материнская любовь к ним; ысыган көңүлү муздай түштү, көңүлү бузулуп (радость сменилась печалью) – опущено в ПЯ; жүрөгү да шуу этип, сыздай кетти (досл.: сердце замерло и заныло) – тоскливо сжималось; ыза жүрөгүн өрттөп (досл.: обида загорелась в сердце) – обида душила ее; ичкени аш болбой, Сейде кан жутат (досл.: и пища не в пищу, Сейде в сильном горе) – сердце Сейде сжималось в горячий комок от стыда и жалости; жүрөктү болк эттирип (досл.: сердце вздрогнуло) – беспокойно заныло сердце; жүрөгү ичтеги баладай туйлап (досл.: словно сердце ребенка, толкающегося в утробе матери) – отрывистыми, неровными толчками билось его сердце.*

Эмоциональные состояния героев передаются посредством глаголов, выражающих звуки и действия: *капалуу шыпшынып койду (досл.: печально чмокнула) - глубоко вздыхать; заардуу тиктейт (досл.: пристально смотрит со злостью) – черные точки зрачков поблескивают в щелях век со скрытой жестокостью и яростью; үн чыгарбай отурушту (досл.: сидели, не издав звука) – почтили память земляка молчанием; буркуя калып (досл.: разъярился) – недовольно буркнул; ыйлап жаткан (досл.: плакали) – всплакнули украдкой; Ысмайылдын күңк этип түнөргөнүн 9досл.: тихо буркнув, помрачнел) – куда уж ему тут горевать по другим?; өкүрүктөрү (досл.: громкий плач с причитаниями) – надсадные вопли; кыйкырып ыйлап жибере сактады (досл.: сдержала вырывающийся крик и плач) - хотелось закричать, громко заплакать..*

В произведении описание природы показывает горе и напряженность, связанные с войной: *Кара-Тоонун капчыгайын коюу караңгылык баскан ... станциянын айланасы ого бетер караңгы, көзгө*

сайсаң көрүнгүс (досл.: в ущелье Черной горы наступила темнота ... вокруг станции еще темнее, темно, что хоть глаз выколи) – Темна ночь в ущелье Черной горы. Но еще непроглядней она на маленьком полустанке под горой; Тоо ичи демин тартып, тыптынч (досл.: горы затаили дыхание, покой) – На какую-то минуту звенящая, бездонная тишина сковала горы.

Соотношение периферийных зон и их количества в структуре концепта в рассматриваемых языках обусловлены переводческими стратегиями или способами перевода, которые нашли свое проявление в тексте ПЯ. В процессе переводческого анализа выявлены основные способы перевода эмоционально окрашенной лексики, передающей эмоционально-эстетическую информацию:

1) Модуляция: *сени айырган душман колуңдан өлсүң (досл.: пусть враг, разлучивший тебя от нас, умрет от твоей руки) – Возвращайся с победой! Модуляция привела к доместификации перевода.*

2) Функциональная замена: *ойлуу үшкүрүндү (досл.: задумчиво вздохнула) – с искренним сочувствием.*

3) Функциональный аналог: *Шорубуз бар экен, кантели! (досл.: Наше горе горькое, что же делать?) – Что ж, судьба наша такая!; Көмөч, нан (досл.: лепешка, печенная в золе, хлеб) – лепешка.*

4) Компенсация смысловых потерь: *капыстан таң калып (досл.: неожиданно удивившись) – сказала ... удивилась (даётся в другом предложении).*

5) Опущение: *«как» деген карга,* ***«кук» деген кузгун жок*** *(досл.: ни ворона, ни ворон не каркнет) – ворон не каркнет.*

6) Антонимический перевод: *шашып айтты (досл.: сказал в спешке) – сказал глухо.*

7) Компрессия: *Коштошкондогу жүрөктү ачыштырган күйүт али да күнү бүгүнкүдөй көкүрүгүндө турат (сердце разъедается от горя, в душе стоит тот день, когда прощались, будто бы сегодня) – никогда не забыть того дня, не остыло еще горе разлуки.*

8) Конверсия: *кашыктап бөлүштүрүп (досл.: беря ложкой, делит) – по горсточке делит*, *качкын (досл.: сбежавший) – дезертир.*

9) Отсутствие перевода эмоционально окрашенных лексических единиц (в тексте ПЯ): *ысыган көңүлү муздай түштү, көңүлү бузулуп (досл.: хорошее настроение упало, испортилось).*

Таким образом, компрессия эмоционально-эстетической информации в тексте ПЯ и эмоционально окрашенной лексики концепта, различия в его семантико-ассоциативных структурах, обусловлены использованием определённых способов перевода, т.е. переводческих технологий. В то же время, такое различие выходит уже в область типологических характеристик ИЯ и ПЯ.

Литература
1. Айтматов, Ч.Т. Повести и рассказы: однотомник. – Фрунзе: Молодая гвардия, 1970. – 620 с.
2. Айтматов, Ч.Т. Саманчынын жолу. Бетме-бет. – Бишкек: «Зээн», 2011. – 128 б. – (Окуучунун китепканасы)
3. Дербишева З.К. Вселенная Чингиза Айтматова / сост. З.К. Дербишева. – Бишкек: КТУ «Манас», 2012. – 192 с.

References
1. Aitmatov, Ch.T. Povesti i rasskazy: odnotomnik. – Frunze: Molodaya gvardiya, 1970. – 620s.
2. Aitmatov, Ch.T. Samanchynyn zholu. Betme-bet. – Bishkek: “Zeen”, 2011. – 128b. – (okuuchunun kitepkanasy)
3. Derbisheva Z.K. Vselennaya Chingiza Aitmatova/sost/ Z.K. Derbisheva. – Bishkek: KTU “Manas”, 2012. – 192 s.

УДК 81

Ма Сянфэй
Санкт-Петербургский, Россия

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА О СНЕГЕ: УСТОЙЧИВОЕ И ИНДИВИДУАЛЬНОЕ

Аннотация. *Настоящая статья посвящена исследованию стереотипных представлений о снеге в русском языковом сознании, их классификации и описанию. Анализ проводится на основе данных толковых, семантического и др. словарей, материалов Национального корпуса русского языка.*

Ключевые слова: *снег; стереотипное представление; языковое сознание; значение; Национальный корпус.*

Сведения об авторе: *Ма Сянфэй, аспирант второго курса СПбГУ.*

Место работы: Санкт-Петербургский государственный университет.

Ma Siangfei
St. Petersburg, Russia

REPRESENTATIONS OF SNOW IN RUSSIAN: SUSTAINABLE AND INDIVIDUAL

Abstract. *This article is devoted to stereotypes connected with snow in Russian linguistic consciousness, their classification and description. The analysis is carried out on the basis of definitions in different dictionaries, examples of usage in Russian National Corpus.*

Key words: *stereotype view; linguistic consciousness; meaning; Russian National Corpus.*

About the author*: Ma Siangfei, a second-year post-graduate student of St. Petersburg State University.*

Place of employment: St. Petersburg State University.

Контактная информация: *Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб. д. 7-9. Email: syan.ma@mail.ru.*

Лингвокультурология, одно из самых активно разрабатываемых направлений современной науки, обращена к изучению проявлений, отражения и фиксации культуры в языке и непосредственно связана с изучением национальной картины мира, языкового сознания, особенностей ментально-лингвального комплекса [5, с. 12]. Языковое же сознание является совокупностью ментальных механизмов порождения, понимания речи и хранения языка в сознании [9, с. 45]. В каждой национальной совокупности ментальных механизмов существует и хранится стереотипное пред-

ставление, которое понимается В.В. Красных как репрезентация «фрагмента окружающей действительности, фиксированная ментальная картинка» [5, с. 178]. В этой работе мы будем рассматривать представления носителей русского языка об одном из самых распространенных явлений природы в окружающем нас мире.

Россия велика, ее территория занимает, в отличие от многих иных стран, значительную часть северного полушария; на её территории очень часто идёт снег. Это находит отражение в богатом запасе выражений, именующих это природное явление в русском языке: *снежура, пороша, уброд, чир* [3, с. 411], *глубокоснежье* [10, с. 62]. В русском языке представлен довольно значительный ряд слов – названий явлений природы, так или иначе сопряженных со снегом, например: *метель, вьюга, пурга, буран* (‘снежная буря в степи’), *капель* (‘падение с крыши, веток капель тающего снега’), *позёмка* (‘ветер, поднимающий слой снега с земли’); *мокрый снег* (‘снег с дождем’), *снег крупой, крупчатый* (‘снег пополам с мелкими градинками’), *мартовский ноздреватый снег* и др. [10, с. 62]. Представления о снеге вербализуются и такими языковыми единицами, как устойчивые обороты – сравнения, фразеологизмы: *снег полоть, как снег в голову, заметно как кровь на снеге* и т. д. [1, с. 625]. Все это свидетельствует о важности вербализованного стереотипного представления о снеге в русской языковой картине мира.

Малый академический словарь приводит следующее определение снега: «Твердые атмосферные осадки, выпадающие из облаков в виде белых звездообразных кристалликов или хлопьев, представляющих собой скопление таких кристалликов» [6, с. 163]. Снег, как видим, квалифицируется в первую очередь как относящийся к осадкам (т.е. выпадающим сверху), имеющий белый цвет и особую структуру. Семантический словарь указывает и на связь наличия снега с определенным типом погоды: 3. ‘Выпадение снежных осадков; снежная погода’. *Зимой холод, снег. Задержаться из-за снега* (т.е. из-за снегопада). *С утра ветер, снег. В снег – не проехать* [10, с. 144]. Интересно, что в приведенных в словаре примерах подчеркиваются трудности, вызываемые выпадением обильного снега.

В словарях устойчивых выражений – имеются в виду Большие словари русских сравнений (БСРНС) и русских поговорок (БСРП) – приводятся обороты, основанные на учете говорящими следующих признаков снега.

1. Как мы уже отметили ранее (см., к примеру: 7, с. 38), представления о дожде и граде связаны с признаком «множество». Не составляет исключения и снег: выражение *как снега налетевши* характеризует, по мнению авторов словаря, обилие яблоневого цвета [1, с. 625]. Здесь также акцентируется белая окраска этих цветов на ветках яблони (аналогично: о множестве мелких белых цветков аспарагуса). Аналогичное употребление выражения со значением «много» находим и в некоторых примерах из

Национального корпуса русского языка и материалов Интернета (поисковой системы Google):

Сколько денег нищим ты ни раздашь, а их опять, *как снегу в степи*, к тебе в дом нанесет. [П. И. Мельников-Печерский. В лесах. Книга первая (1871-1875)].

Там, дай бог, в год 2-3 покойника, а ведь в Петербурге кажинный божий день народу намрет, *как снегу в подворотни навьет*. [Г. И. Успенский. Живые цифры (1957)].

Пьяных за выходные навалило *как снега* (заголовок) На территории Шекснинского района с 3 по 7 ноября проводилось профилактическое мероприятие по линии ГИБДД «Нетрезвый водитель». На дорогах было выявлено и отстранено от управления шесть водителей. (http://zwezda.net/article/2016/11/16/pyanyh-za -vyhodnye-navalilo-kak-snega; дата входа: 13.02.2017)

2. Одно из наиболее востребованных представлений о снеге, несмотря на регулярность появления снега каждый год, – это восприятие его как неожиданного. Оборот *как снег в голову* [1, с. 625] приводится практически всеми словарями устойчивых выражений. Ср. также использование его в многочисленных контекстах, демонстрирующих возможности его сочетаемости с наименованиями событий, лиц, явлений и проч.:

Её бывший муж, только что овдовевший, свалился *как снег на голову,* и придётся с ним повозиться, потому что в таком состоянии она не может его оставить одного… [Людмила Улицкая. Путешествие в седьмую сторону света // «Новый Мир», 2000]

Итак, ждём суда месяц, другой, скоро год, и вдруг *как снег на голову:* суд будет через неделю и не в Чернигове, а здесь, у нас [Анатолий Рыбаков. Тяжелый песок (1975-1977)].

— В конце прошлого года вузам *как снег на голову* свалился министерский мониторинг продуктивности деятельности, по итогам которого учреждения высшей школы разделили на две категории. [Людмила Данилкина. По высшему разряду (2013.05.21) // «Новгородские ведомости», 2013].

3. Признак белизны снега лег в основу выражения *белый как снег*, используемого для указания на окраску самых разных предметов и явлений: стен церкви, материи и одежды, меха, соли, мебели, зданий, клубов дыма, цветущих деревьев и проч. Белый цвет – постоянный и основной признак снега [4, с. 11].

Я попросил ее подождать меня минуту, а сам побежал через дорогу в кондитерский магазин и купил большой круглый торт, нетолстый и *белый как снег*. [Константин Воробьев. Вот пришел великан (1971)].

Вскоре они уже пересекли всю холмистую Калифорнию и тогда медленно, будто бы в киношном замедлении, выплыли на *белый как снег*

пляж Кармел [Василий Аксенов. Круглые сутки нон-стоп // «Новый Мир», 1976].

Лихой княжеский конь, *белый, как снег,* разгоряченный и похрапывающий от скачки… [Виталий Губарев. Преданье старины глубокой (1960-1980)].

Но одеяние было странное: подрясник *белый как снег*, но не какой-нибудь небесный, а из земного материала, и я заметил даже, что, кажется, пикейный. [В. Д. Пришвина. Невидимый град (1962)].

Этот оборот активно используется в русской культуре для описания цвета волос (белых, светлых и седых) и цвета лица человека, характеризующего его физическое или психическое состояние (‘О внезапно побледневшем (от страха, нервного шока) человеке’ [1, с. 625]). Ср. в контекстах:

Кто имеет чистый белый цвет волос? Не просто яркий светлый блонд, а *белый как снег*, как сметана. Белый-белый, белее некуда. Как вы достигли этого, как ухаживаете за волосами? (http://www.woman.ru/beauty/hair/thread/4287968/; дата входа: 13.02.2017).

Неужели все-таки Заваруев бросил в чай какую-то гадость? Но если бросил, то только в чашки, а не в заварку, ведь он тоже пил этот чай на наших глазах. Я выбежал на крыльцо. Паша сидел натраве *белый как снег* и глубоко дышал. [Александра Маринина. Черный список (1995)].

Лицо было синее, кончик острого носа – *белый как снег*, один глаз болезненно сощурен, а другой и вовсе закрыт. [Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Дело об убийстве, или Отель «У погибшего альпиниста» (1970)].

При этом нельзя не отметить амбивалентности сопоставления со снегом внешнего вида человека: характеристика белой кожи молодой девушки (иногда – невесты), безусловно, положительна – вне указания на внешние обстоятельства. Противопоставление белой кожи и красных (коралловых) губ – один из типичных стереотипов красоты (Кожа *белая как снег*, Губки как кораллы. То, что я красивей всех, Зеркальце сказало; https://ok.ru/group/52243007275185/topic/62682934460593; дата входа 13.02.2017). Однако контексты употребления этого выражения показывают, что чаще акцентируется именно неестественность белизны и указываются факторы, способствующие ее появлению: страх, шок, предобморочное состояние, болезнь, слабость и т.д.

Белый цвет в русской культуре ассоциируется с чистотой (ср.: *Чистый как снег* [1, с. 625]), но также в переносном смысле – с чистотой нравственной, с невинностью, целомудрием, чистотой помыслов, незапятнанностью репутации и т.д. Ср.:

Николай опустился на колени и жадно стал целовать ее похолодевшие мокрые руки. – Все простится, все омоется любовью. Я грешен гневными мыслями, ты же *чиста как снег*. За что казнишь и себя, и меня? [А. Е. Зарин. Казнь (1902)].

Я выбрал большую правду и переступил через меньшую, но ведь мог ло быть и наоборот. Так, мой тесть, участвовавший в реквизициях, 60 лет спустя говорил мне: «Это был грабеж». То, что льстило его самолюбию гимназиста, в старике вызывало стыд. А сколько дел наделали эти гимназисты – *с чистой, как снег*, совестью! [Г. С. Померанц. Записки гадкого утёнка (1998)].

Хороший воин тот, у кого душа *бела, как снег*, и мысли просты, и своего главного врага – сомнение – он убил еще в начале пути, когда руки его впервые коснулись оружия. [Александр Григоренко. Мэбэт // «Новый мир», 2011].

Устойчивые сравнения, органично входя в общую фразеологическую систему любого языка, в то же время сохраняют «свою собственную образную и функциональную специфику, наделяющую их особой ролью в палитре общей языковой картины мира» [8, с. 47]. Таким образом, мы видим, что большинство значений, отмеченных словарями сравнений, представлены – с большей или меньшей частотой – в современном употреблении.

Приведем также некоторые иные векторы ассоциаций, отмеченные нами в современных контекстах. Со снегом ассоциируется представление о

– мимолетности, невесомости:

На мгновенье она провалилась в сильнейшее детское ощущение несм ываемой грязи секса. <…> Как прекрасно быть монахиней, в белом, в чистом, без всего этого… Но какое счастье всё-таки, что Катя есть…

Марек что-то говорил, говорил, но это *пролетало мимо, как снег*. [Людмила Улицкая. Пиковая дама (1995-2000)];

– привычности, относительной регулярности:

Явно чувствовал себя героем. Майор продолжал: – Только в этом квартале Чурилин отсидел на гауптвахте двадцать шесть суток. Я не говорю о пьянках – это для Чурилина, *как снег зимой.* Я говорю о более серьезных преступлениях, типа драки [Сергей Довлатов. Чемодан (1986)];

– быстроте исчезновения («таянии»):

[ЕВГЕНИЯ ШТЫКИНА, жен.] Проверено. Но сначала пусть огласят весь список причастных банков, пожалуйста! Страна должна знать своих героев. [NELENA NELENA, жен.] Список можно получить в ЦБ, на крайняк, в Агентстве Страхования Вкладов (они над этим списком горючими слезами плачут, дыра-то растет быстрее, деньги *тают как снег под солнцем*…). [коллективный. «Ъ» : В Москве задержан лидер группы, которая вывела из России $46 млрд». Комментарии к статье (2015)].

В огне пожаров, последовавших за этим ударом, поголовье крупных животных *таяло, как снег*. [Александр Грудинкин. Первые люди и последние мегазвери Америки // «Знание – сила», 2010]. Представление о недолговечности снега отразилось и в устойчивом сравнении *растаять как ап-*

рельский снег [1, с. 625], воспринимаемый как поздний, несвоевременный и потому мгновенно исчезающий.

– послушности, управляемости (возможности придания формы):

Мне уже тесно, понимаешь? Я другого хочу и ничего с собой поделать не могу. Мне кажется, что там — реальная жизнь, обаяние, мощь приключения, только оттуда можно жизнь менять, буквы перестали работать. Я хочу *лепить* историю, *как снег*... Видимо, я не прав, сунусь туда и проиграю всем этим акулам [Сергей Шаргунов. Вась-вась (2009)].

Мы не можем претендовать в рамках данной статьи на полноту отражения всех достаточно устойчивых ассоциаций, порождаемых представлением о снеге – как отраженных словарями, так и получающих в речи выражение в форме сравнения, но хотим подчеркнуть, что, с одной стороны, большинство значений, отмеченных словарями сравнений, представлены – с большей или меньшей частотностью – в современном речевом употреблении.

С другой стороны, современный дискурс позволяет увидеть более разнообразную палитру ассоциативного восприятия и осмысления снега – этого привычного для человека явления природы.

Литература

1. БСРНС – Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских народных сравнений / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. – М: Олма, 2008. – 625 с.
2. БСРП – Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. – М: Олма Медиа Групп, 2007. – 784 с.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М., 1978-1980. – Т. 4.
4. Еремина В.И. Образное сравнение в народной лирике // Поэтика и стилистика русской литературы: сб. статьей / отв. ред. М.П. Алексеев. – Л., 1971. – 10-18 с.
5. Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: курс лекций. М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. – 284 с.
6. МАС – Словарь русского языка: в 4-х. / РАН, Институт лингвистических исследований; под ред. А.П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз., Полиграфресурсы, 1999.
7. Ма Сянфэй. Устойчивые выражения русского языка как источник стереотипных представлений о дожде // Современные тенденции в изучении и преподавании русского языка: матер. докл. и сообщ. XXII междунар. науч.-метод. конф. – СПб.: ФГБОУВО «СПБГУПТД», 2017. – 38-41 с.
8. Мокиенко В.М. Устойчивые сравнения в системе фразеологии // Устойчивые сравнения в системе фразеологии: монография / под ред. В.М. Мокиенко — СПб.: Грайфсвальд, 2016. – 278 с.
9. Попова З.Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Москва: АСТ Восток-Запад, 2007. – 314 с.
10. РСС – Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. / РАН. Ин-т рус. яз.; Под общей ред. Н.Ю. Шведовой. Том 3. – М.: Азбуковник, 1998.– 808с.

References

1. BSRNS – Mokiyenko V.M., Nikitina T.G. Bol'shoy slovar' russkikh narodnykh sravneniy / V.M. Mokiyenko, T.G. Nikitina. – M: Olma, 2008. – 625 s.

2. BSRP – Mokiyenko V.M., Nikitina T.G. Bol'shoy slovar' russkikh pogovorok / V.M. Mokiyenko, T.G. Nikitina. – M: Olma Media Grupp, 2007. – 784 s.
3. D – Dal' V.I. Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka. – M., 1978-1980. – T. 4.
4. Yeremina V.I. Obraznoye sravneniye v narodnoy lirike // Poetika i stilistika russkoy literatury: sb. stat'yey / otv. red. M.P. Alekseyev. – L., 1971. 10-18 s.
5. Krasnykh V.V. Etnopsikholingvistika i lingvokul'turologiya: kurs lektsiy. M.: ITDGK «Gnozis», 2002. – 284 s.
6. MAS – Slovar' russkogo yazyka: v 4-kh./RAN, Institut lingvisticheskikh issledovaniy; pod red. A.P. Yevgen'yevoy. – 4-ye izd., ster. – M.: Rus. yaz., Poligrafresursy,1999.
7. Ma Syanfey Ustoychivyye vyrazheniya russkogo yazyka kak istochnik stereotipnykh predstavleniy o dozhde // Sovremennyye tendentsii v izuchenii i prepodavanii russkogo yazyka: mater. dokl. i soobshch. XXII mezhdunar. nauch.-metod. konf. – SPb.: FGBOUVO «SPBGUPTD», 2017. – 459 s.
8. Mokiyenko V.M. Ustoychivyye sravneniya v sisteme frazeologii // Ustoychivyye sravneniya v sisteme frazeologii: monografiya / pod red. V.M. Mokiyenko — SPb.: Grayfsval'd, 2016. – 278 s.
9. Popova Z.D. Kognitivnaya lingvistika [Tekst] / Z.D. Popova, I.A. Sternin. – Moskva: AST Vostok-Zapad, 2007. – 314 s.
10. RSS – Russkiy semanticheskiy slovar'. Tolkovyy slovar', sistematizirovannyy po klassam slov i znacheniy. / RAN. In-t rus. yaz.; Pod obshchey red. N.YU. Shvedovoy. Tom 3. – M.: Azbukovnik, 1998. – 808 s.

УДК 81`27

Б.С. Сагынбаева
Бишкек, Кыргызстан

КОНЦЕПТ “ЖАКШЫЛЫК” (ДОБРО) В КЫРГЫЗСКОМ МИРОВОЗЗРЕНИИ

Аннотация: *Концепт “Жакшылык” является абстрактным понятием. Он включает в себя совокупность всех положительных оценок. В настоящей статье рассматривается вопрос, что кыргызский народ считает “жакшылыком”, таким образом выявляются его признаки. Делается попытка выявить ментальные особенности в кыргызском мировоззрении посредством анализа данного концепта через лингвокультурный метод когнитивной лингвистики.*

Ключевые слова: *когнитивный подход, концепт, добро, кыргызская языковая картина мира.*

Сведения об авторе: *Сагынбаева Бурул Сагынбаевна, доктор филологических наук, доцент, зав. кафедрой тюркологии.*

Место работы: *Кыргызско-Турецкий университет «Манас».*

B.S. Sagynbaeva
Bishkek, Kyrgyzstan

THE CONCEPT OF «ЖАКШЫЛЫК» (GOOD) IN THE KYRGYZ WORLD VIEW

Abstract*. The concept "Jakshylyk" (good) is a broad abstract notion. It includes all positive notions. The paper studies the issue on what concepts the Kyrgyz people consider to be "jakshylyk", as well as it’s meanings are revealed. An attempt is made to reveal mental features in the Kyrgyz worldview based on the analysis of this concept through the linguistic and cultural method of cognitive linguistics.*

Keywords: *cognitive approach, concept, good, Kyrgyz world view.*

About the author: *Sagynbaeva Burul Sagynbaevna, Doctor of Philology, Assoc.Professor and Head of the Department of Turkology.*

Place of Empolyment*: Kyrgyz-Turkish Manas University.*

Контактная информация: Бишкек, микрорайон Джал, кампус им. Чингиз Айтматова, здание факультета экономики, каб. 106.
e-mail: sburul@mail.ru

Жакшылык (добро) – это антоним понятия “жамандык” (зла). Жакшылык и жамандык – это общие понятия, выражающие положительные и отрицательные явления [8, с. 414].

В эпосе «Манас” “Жакшылык” проявляется победой, торжеством над злом. В эпосе “Жакшылык” означает такие признаки добра, как жизнь, свобода, независимость, справедливость. События, составляющие сюжетную основу эпоса, представлены именно таким, например, образом: рождение Манаса, достижение им совершеннолетия, объединение им народа и прибытие в Ала-Тоо, подчинение им врагов, возвращение Семетея на родину и схватка с врагами, приход к власти на своей родине и т.д. В эпосе концепт “Жакшылык” неразрывно связан с интересами, стремлениями, желаниями и надеждами людей [4, с. 303].

В данной статье понятие “Жакшылык” рассматривается в качестве отдельного концепта в кыргызском мировоззрении и анализируется через лингвокультурный метод когнитивной лингвистики. Так как концепт является ментальным понятием, он исследуется через связь языка и культуры, и в результате исследования выявляются особенности мышления, познания, представлений, морально-нравственных взглядов, мировоззрения того или иного народа. Цель когнитивной лингвистики – это полное отражение взятого на исследование концепта через вербальную репрезентацию. Так как мы проводим наше исследование в этом направлении, мы должны обнаружить все языковые средства, участвующие в отражении концепта “Жакшылык”.

Концепт – это сложная структура. Концепт означает понятия, образы, символы. Если взять за основу метод И.А. Стернина и З.Д. Поповой, мы можем условно изобразить его в виде поля. Условно взятое поле состоит из следующих составляющих: основное поле, лексико-семантическое поле, словообразовательное поле, паремиологическое поле и т.д. Мы попытаемся проанализировать концепт “Жакшылык” посредством таких структур в кыргызской языкой картине мира.

I. Основное поле. В основном поле выделены понятия, составляющие стержень концепта. Выявлены основные значения этих понятий, изначальное произношение слов, участвующих в выражении понятий, их формы, подвергшиеся со временем изменению.

В словарях дается значение слова “*жакшылык”*.

Толкование и этимология слова “*жакшылык”*:

Жакшылык – 1. Хорошее отношение, доброе пожелание, доброе дело, польза; 2. Хорошее качество (вежливый, воспитанный) [7, с. 392; 6, с. 285]. *Жакшылык* – 1. добро, благодеяние; 2. хорошее, положительное качество кого-чего л. [5, с. 218].

В енисейских письменных памятниках слово “***жакшылык”*** передавалось через слово ***эдгү*** и обозначало абстрактные понятия “добро”, “успех”: *антлыг адашыма, антсыз да* ***эдгү*** *эшиме адырылдым*

“Расстался я с присягнувшими друзьями, также и с друзьями без присяги” (Усеев[5] 2011: 97). В современном кыргызском языке прежнее значение этого слова “хороший” сохранилось в том же виде, и звуковая форма его изменилась как **эдгү >эзги>ийги** [10, с. 351].

В Древнетюркском словаре “добро” передавалось словом *edgülük’* и употреблялось в значениях “добро”, “доброе дело”, “польза” (ДТС 1969: 163).

В “Благодатном Знании” Юсуфа Баласагунского слово ***эдгү*** употребляется в значениях “добрый”, “доброе дело”, “доброе слово”. Например:

iki neng bile er qarımaz özi bir eđgü qılınçı bir eđgü sözi – человек не старится двумя вещами: одно доброе дело, другое – доброе слово [2; 1, с. 0181].

В словаре Махмуда Кашгарского слово “*добро”* употребляется в виде *edhgü* и используется в значении “хороший”***:*** *kelse kişi atma angar örter küle bakkıl angar edhgülün aġzın küle* “Если придет к тебе кто-то, не бросай ему в лицо горячую золу, улыбнись и посмотри на него с добротой” [Аталай[6] 1986: 46].

Джафероглу[7] говорил, что в древнеуйгурском языке оно означало: *йакмак* – 1. нравиться, подходить, приличествовать; 2. приближаться; 3. разжигать (костер) и от него произошло слово > *йакшы* “хороший”. В то время слово *йакшыджы* имело значение “управляющий” [3, с. 183].

В словаре Тунджера Гюленсоя[8] говорится, что в древнетюркских языках слова *йахши;* в среднетюркский период слова *йакшы, йахшы* использовались в значениях “хороший”, “очень хороший” и что они образованы от глагола *йак-* “зажигать”; “нравиться” и суффиксов *–(ы)ш + –ы* [11, с. 595].

В кыргызском языке понятие “добро” передается словом *жакшылык,* в казахском – *жаксылык,* узбекском – *яхшилик*. В современном кыргызском языке слово *ийгилик,* в узбекском – слово *эзгулик,* в современном турецком языке слово *iyilik* употребляются в значении “добро”. *Ийгилик // iyilik < edgülük < edgü + lük < edgü > eygü > eyyü > eyü > eyi > iyi* [6, с. 16; 8, с. 246].

II. Лексико-семантическое поле. В лексико-семантическом поле выявлены лексические единицы, наименования, слова, близкие по значению, участвующие в выражении концепта, так как концепты реализуются в каждом слове, в каждом словосочетании. Они имеют

[5] Нурдин Усеев. Доктор филологических наук, видный тюрколог, преподаватель, Кыргызско-Турецкий университет “Манас”.
[6] Бесим Аталай. Видный турецкий филолог и исследователь, переводчик Книги о Собрании Тюркских наречий Махмуда Кашгарского.
[7] Ахмет Джафероглу. Видный турецкий филолог и лингвист, тюрколог.
[8] Тунджер Гюленсой. Видный турецкий филолог и лингвист, тюрколог.

скрытые когнитивные смыслы, которые сопровождают основное лексическое значение.

Слово *“жакшылык”* – это совокупность позитивных понятий, правильных действий, качеств. Слово “*жакшылык”*, выражающее хорошее отношение, доброе дело, хорошее качество и, соответственно, включает в себя многие концепты. Можно сказать, что эти концепты формируют концептосферу “Жакшылык”.

Концепты, образующие концептосферу “*жакшылык”*: *человечность, ласковость, этичность, гостеприимность, справедливость, храбрость, совесть, нравственность, степенность.*

Человечность: такие качества человека, как вежливость, доброе отношение, почитание, уважение; гуманность;

- *искренность:* такие качества, как быть добрым, отзывчивым, ласковым, приветливость;
- *воспитанность:* соблюдение этики, этичность, порядочность, вежливость, обходительность;
- *гостеприимность:* радушный прием, потчевание гостей, уважение к ним;
- *справедливость:* объективность, беспристрастность, объективность, равное отношение ко всем;
- *храбрость:* героизм, отвага, мужество, бесстрашие;
- *совесть:* иметь совесть, довольствоваться тем, что имеешь, стыдливость;
- *степенность:* ценный, образцовый.

III. Словообразовательное поле. На этом участке поля указываются пути образования языковых единиц, участвующих в отражении концепта, их структура, система, значение, которое они выражают.

а) образование слова *“жакшылык”* деривативным путем: *жакшылык < жакшы + –ЛЫк:* оно образовано от прилагательного *жакшы* и суффикса

–ЛЫк, образующего имена существительные абстрактного значения.

Жакшылыктуу < жакшы + –ЛЫк + –ЛУУ: содержащий в себе добро; благой, хороший.

б) участие слова “*жакшылык”* в образовании аналитических единиц:

жакшылык кыл-: делать кому-либо добро (доброе дело, правильное дело) по возможности; быть полезным;

жакшылык көр-: 1. видеть добро от кого-либо; испытывать на себе чье-либо доброе отношение; получать помощь; радоваться; 2. быть признательным, благодарить;

жакшылыкка жатпайт-: твое отношение к кому-то неправильно, нехорошо; относиться неправильно; *наносить вред;*

жакшылыкка алып келбейт: к добру не приведет, когда дело, поведение, поступок, отношение оканчивается плохо;

жакшылык көрбөгүр! жакшылык көрбөй кал! (букв.: чтобы ты не видел ничего хорошего) – в значении проклинания кого-либо;

жакшылык көрбөйүн! (букв.: Да чтобы не видеть мне ничего хорошего) – в значении клятвы.

В приведенных сферах концептосферы "Жакшылык" выражены положительные и отрицательные отношения, этические нормы поведения людей. Передано выражение отрицательной оценки говорящих через недовольство их неправильным, нехорошим поступком, поведением, сказанным ими словам, их гнева через проклятие и клятву. В то же время дана положительная оценка добрых дел и действий, достойных благодарения через его признательность.

IV. Паремиологическое поле. В лингвокультурном исследовании паремии в лингвистике принимаются в качестве экспонентов культуры. Паремиям свойственны информативность, сбор и хранение знаний, выразительность, распространение народного опыта и другие свойства. Поэтому исследование концепта не только в области лингвистики, но и философии, культурологии, логики и других наук дает полезный и положительный результат. В особенности содержание пословиц имеет большое значение для раскрытия культурно-исторической памяти этноса.

Жакшылыкка жакшылык– ар адамдын башында, // Добром на добро – каждому по плечу,

Жамандыкка жакшылык – эр адамдын башында. // Добром на зло – смелому по плечу.

Жакшылыкка жакшылык ар адам кылат, // Добром на добро отвечает каждый,

Жакшылыкка жамандык тар адам кылат, // Злом на добро отвечает завистливый,

Жамандыкка жакшылык зор адам кылат, // Добром на добро отвечает великий,

Жамандыкка жамандык кор адам кылат. // Злом на зло отвечает низкий.

Жакшылыгын алса – кут, жамандыгын алса – жут. // Вобрал в себя доброе – счастье, вобрал плохое – мор.

Жакшылык жан эритет, жамандык жан кейитет. // Добро смягчает душу, зло причиняет боль.

Жакшылыкты унуткан жамандыкка жолугат. // Забывший добро встречается со злом.

Жакшылык жолдо калбайт, асыл таш жерде калбайт. // Добро не остается просто так, драгоценный камень не лежит на земле.

Жакшылык-жамандыкты бирдей ойлон. // Думай о хорошем и о плохом одинаково.

Жакшылык ай менен күндөй, бардык элге бирдей, жаралганың чын болсо, пайда кыл карап жүрбөй. // Добро словно луна и солнце, одинаково ко всем людям, если ты действительно живешь, приноси пользу.

Жакшылык өмүр шамы,чөккөн көңүлдү чалкытат, өчкөн отту тамызат. // Добро есть свет жизни, приподнимает настроение, разжигает потухший огонь [12, с. 82-83].

По представлениям кыргызского народа концепт “Жакшылык” имеет широкий спектр признаков. По пословицам можно заметить, что конкретные признаки, обозначающие все основные, добрые дела и деяния в реальности, добрые отношения между людьми, все хорошие качества в человеке соединяясь, объединяются в концептосфере “Жакшылык”. Эти пословицы отражают национальную культуру кыргызского народа, моральную этику этноса, его традиции. Кыргызский народ воспринимал понятие “Жакшылык” как вершину мудрости, эстетического воспитания, нравственного воспитания и т.д. Считалось, что достичь блага, обладать добром нелегко, что добро надо заслужить. В таких пословицах и крылатых словах, как *“Жакшы болуу аста-аста, жаман болуу бир паста”* (Чтобы стать хорошим требуется много времени, а чтобы стать плохим – достаточно одного мига)*, “Кашыктап чогултканды чөмүчтөп чачпа!”* (Не разливай плошкой, что собирал ложкой) говорится, что лишь силой ума, знаний и в результате усердного труда можно достичь блага.

Фразеологическая вербализация концепта “Жакшылык”

В раскрытии концепта “Жакшылык” в кыргызском языке фразеологизмы играют большую роль. В нем присутствуют многие концепты, составляющие концепт “Жакшылык”. Когнитивное содержание концепта составляют следующие когнитивные признаки (КП): “доброе пожелание”, “доброе дело”, “добродетель”, “доброе слово”, “богатство”, которые отражают культуру кыргызского народа, его поведение, моральную этику, традиции и другие ценности.

КП “Доброе пожелание”. В нем переданы позитивные установки в виде пожелания счастливо жениться или выйти замуж, завести ребенка, быть успешным в работе, роста его социальной значимости, авторитета, благодарности, признательности кому-либо за его добро, поздравления кого-либо. В них также выражаются пожелания выздоровления от болезни,недугов, избавления от несчастий.

Например: *Айтканың келсин! // Пусть сбудутся твои слова! Андай аттуу күн кайда // Вот бы сбылись такие дни*, “*Аркаңды мал бассын, алдыңды бала бассын! // Пусть впереди тебя ходит скотина, а за тобой дети! Артын берсин! // Да будет исход благополучным! Аягы жеңил болсун! // Да будет легким конец! Бак даарысын! // Да привалит счастье! Бакыт жылоолосун! // Да будет счастье и удача! Бешик бооң бек болсун! // Да будет крепкой повязка твоей колыбели! Иш илгери! // Бог в помощь! Кудай кут кылсын! // Дай бог счастья! Кут болсун! // Счастливо*

пользоваться! Көшөгөң көгөрсүн! // Да процветает твой занавес! (пожелание новобрачной, которую в первый день сажают за белый занавес). *Ак жолуң ачылсын! // Да будет твой путь открытым! Куш бооң бек болсун! // Да будут крепки путлица твоей ловчей птицы!* (Говорится молодожену, чтобы он держал крепко, оберегал свою невесту) *Өркөнүң өссүн! // Да будет длинным твой род! Теңир жалгасын! (кудай жалгасын) // Да благословит Бог!, Учугуң узарсын! // Да будет длинным твой род!*

КП "Доброе дело". Данные фразеологизмы актуализируют такие когнитивные признаки, как успех дела, продвижение дела, приведение дел в порядок, служение верой и правдой, успех, достигнутый честным трудом, рост авторитета, степени, пользование плодами своего имени и известности и труда, получение результатов своих трудов.

Например: *ак жолу ачылуу* "открытие пути", *ак сүтүн актоо* "оправдать материнское молоко", *ашыгы алчы туруу* "когда дела идут удачно" (*букв. его альчик стал боковой углубленной стороной), базары көтөрүлүү* "когда торговля идет хорошо", *бак конуу* "когда удача сопутствует" *(букв. счастье село на кого-то), башына бак конуу* "когда счастье привалило" *(букв. счастье (птица счастья) село на чью-либо голову), иши оңуна айлануу* "когда дело обернулось успехом", *калчаган чүкөсү алчы конуу* "когда дела идут как по маслу" *(букв. его альчик сел боковой углубленной стороной), куюшканы көтөрүлүү* "его дела идут в гору", *сакасы алчы конуу* "дела идут как надо", *таман-акы, маңдай тер, таман-акы, маңдай тери кайтуу* "получить плату за свой труд, пожинать плоды своих трудов"*, түлкүсү түштө улуу* "удача во всех делах" *(букв. чья-либо лиса воет во сне)* и т.д.

КП "Добродетель". Считается, что добродетели ведут человека к удаче. Положительные качества, выражаемые во фразеологизмах кыргызского языка, следующие: честность, справедливость, добропорядочность, ум, щедрость, гостеприимность, доброжелательность, надежность, признание и т.д.

Например: *ак жолтой* "приносящий счастье", *ак көңүл* "честный", *ак сүйлөө* "говорить правду", *жайыл дасторкон* "щедрый", *жакшы чыкма* "тот, кто далеко пойдет", *май көтөн* "счастливый", *оозго кирүү* "стать известным", *ырыска шерик* "рожденный под счастливой звездой" и т.д.

КП "Доброе слово": *ак сөз* "истина", *ачык айтып, ак сүйлө-* "говорить открыто и правдиво" и т.д.

КП "Богатство". В кыргызском понимании под богатством подразумевается здоровье, семья, рождение детей, доброе дело, свободная жизнь: *күнүн көрүү* "пользоваться благами чего-либо", *очор-бачар болуу* "стать семейным и степенным", *салаасынан май агуу* "жить в достатке"; *(букв. масло течет между чьими-либо пальцами)* и т.д. [9].

Паремиологическая вербализация концепта "Жакшылык". Концепт "Жакшылык" в кыргызской паремиологии можно разделить и

рассмотреть по нижеследующим когнитивным признакам (КП): 1) жакшылык – пир; 2) жакшылык – отношение; 3) жакшылык – доброе дело; 4) жакшылык – счастье; 5) жакшылык – вера и т.д.

КП "Жакшылык – пир". С целью получения благословения от народа кыргызы с добрыми намерениями дают такие пиры, как *жентек той* "угощение по случаю рождения ребенка", *тушоо той* "пир по случаю обрезания пут", *сүннөт той* "пир по случаю обрезания", *үйлөнүү тою* "свадьба", *үй той* "пир по случаю новоселья", *маараке тойлор* "юбилеи" и т.д. Существует пословица: *Жамгыр менен жер көгөрөт, бата менен эл көгөрөт // Дождем зеленеет земля, благословением питается народ*. Обычай собирать народ и получать его благословение с намерением, чтобы добро сопровождалось добром, продолжается с древних времен по сегодняшний день. Поэтому кыргызы высказывают такие пожелания, как "*Да будем встречаться на пирах*, *жакшылыках!* (по радостным поводам)*", "Тапканыбыз жакшылыкка, тойлорго буюрсун! // Пусть заработанное нами тратится на хорошее, на пиры!)".*

КП "Жакшылык – отношение". Уважительное отношение между старшими и младшими, нравственность, человечность, справедливость, доброжелательность и другие положительные качества, особенно хорошее отношение детей к родителям у кыргызского народа считается самой большой ценностью. Такие пословицы, как *Ийилгенге ийилгин, башың жерге тийгиче // Поклоняйся тому, кто поклоняется тебе так, чтобы голова касалась земли. Бирөөнү сыйлаганың – өзүңдү сыйлаганың // Уважаешь другого – уважаешь себя. Ээсин сыйласаң, итине сөөк сал // Уважаешь хозяина – покорми его собаку* дают знать, что уважительное отношение в кыргызской этике занимает особенное место.

КП "Жакшылык – добродетель". Добро есть то, что удерживает мир. Стержень общества – добрый человек. У кыргызского народа есть крылатые фразы, как "*Жакшынын шарапаты тиет, жамандын кесепети тиет" // От хорошего – благородство, от дурного – пакость, "Жакшыга жанаш, жамандан адаш" // Примкни к хорошему, отвернись от дурного.*

КП "Жакшылык – счастье". Как следует из крылатой фразы *Биринчи байлык – ден соолук, экинчи байлык – ак жоолук, үчүнчү байлык – он соолук // Первое богатство – здоровье, второе богатство – добрая жена (букв. белый платок), третье богатство – десять овец* в кыргызском представлении на первом месте здоровье, рождение детей, мудрая жена, а затем материальные блага, дом, скот и т.п.

КП "Жакшылык – вера". У кыргызского народа существует вера в то, что сновидения являются предвестниками добра. Если во сне видишь золото, железо, змею, вошь, дерьмо – то это к богатству, хлопок – счастье, вода – жизнь и другие признаки добра. Женщине обычно не снится тесто, мужчине обычно не снится осел. Если женщине снится тесто, а мужчине – осел, то их дела пойдут в гору, то есть придет удача. Но кыргызы образно

говорят, что у сна шея тонка, если толковать его к дурному, он склонится ко злу, поэтому сон надо толковать лишь к добру [13, с. 66-110].

В результате исследования через вербальные формы – языковые единицы установлено, что выявленные на материале кыргызского языка когнитивные идеи выражают ментальную специфику национального мышления кыргызского народа, его морально-нравственные взгляды.

References

1. Cusup Balasagın. Kuttuu bilim: ARKUS. – Bişkek, 2015.
2. Yusuf Has Hacib 'Kutadgu Bilig'. – Ankara: İzdatelskiy dom Turetskogo İstoriçeskogo Obşestva, 1991.
3. Caferoğlu, Ahmet. Eski Uygur Türkçesi Sözlügü, Stambul, 1993. – 3 izdanie. – S. 183.
4. "Manas" Entsiklopediyası. 1-tom, Natsionalnaya Akademiya Nauk Kırgızskoy Respubliki. – Bişkek, 2015.
5. Kırgızsko-Russkiy Slovar / K.K.Yudahin, 1965. – S. 218.
6. Kırgız tilinin tüşündürmö sözdügü (1) / E.Abduldaev, D. İsaev. – 1983. – S. 285.
7. Kırgız tilinin sözdügü I / Kırgız Uluttuk İlimder Akademiyası. 2010. – S. 392.
8. Kırgız Sovet Entsiklopediyası. – 2 tom, 1977. – S. 414.
9. Kırgız tilinin frazeologiyalık sözdügü / Osmonova, Konkobaev, Japarov. – Bişkek, 2001.
10. Useev N. Yenisey cazma estelikteri I: leksikası cana tekstter. – B.: Turar, 2011. – S. 724.
11. Tuncer Gülensoy. Türkiye Türkçesindeki Türkçe Sözlüklerin Köken Bilgisi Sözlügü. – A.: İzdaniya Turetskogo Lingvistiçeskogo Obşestva, 2007. – S. 595.
12. Seriya «El adabiyatı». Makal-lakaptar. – Bişkek, 2001.
13. Eşmatov R. Adabiy tüştördün körköm tabiyatı (XX kılımdagı kırgız prozası: 50-80-cıldar). – B.: Turar, 2015. – S. 183.

УДК 801.03

Ж.Г. Темирова
Кокшетау, Казахстан

РОЛЬ ХУДОЖЕСТВЕННОГО КОНЦЕПТА В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ КАРТИНЫ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ ТВОРЧЕСТВА РОЛЛАНА СЕЙСЕНБАЕВА)

Аннотация. *Обозначаются основные направления в развитии когнитивной лингвистики, проводится обзор современного состояния концептологии, определяется специфика художественного концепта, рассматривается характер связи между индивидуально-авторской и национальной картинами мира. Актуальность концептологического подхода в исследовании художественных текстов иллюстрируется на примере глубокого по содержанию, остросовременного по проблематике, стилистически оригинального творчества известного казахстанского писателя Роллана Сейсенбаева.*

Ключевые слова: *когнитивная лингвистика, концепт, художественный концепт, кон-*

Zh.G. Temirova
Kokshetau, Kazakhstan

THE ROLE OF LITERARY CONCEPT IN FORMATION OF THE NATIONAL PICTURE OF THE WORLD (BASED ON THE WORKS OF ROLLAN SEYSENBAYEV)

Abstract. *The paper identifies the main trends in the development of cognitive linguistics, gives a short review of the present state of the conceptual science, defines the specificities of literary concept and considers the connection between the author's individual and national pictures of the world. The relevance of the conceptual approach in the study of literary texts is illustrated through the works of Rollan Seysenbayev, a famous Kazakhstani writer, whose novels have a deep content and reveal a range of actual problems.*

Key words: *cognitive linguistics, concept, literary concept, concept sphere,*

цептосфера, индивидуально-авторская картина мира, национальная картина мира.

author's individual picture of the world, national picture of the world.

Сведения об авторе: *Темирова Жанна Германовна, магистр филологических наук, докторант PhD. Место работы: Кокшетауский государственный университет имени Ш.Уалиханова.*

About the author: *Temirova Zhanna Germanovna, Master of Philology, PhD student, 6D020500 –Philology specialty. Workplace: Sh.Ualikhanov Kokshetau State University*

Контактная информация: *020000, Кокшетау, ул. Абая 76, каб.314. e-mail: temirova.zh.@mail.ru*

М.Е. Салтыков-Щедрин, подчеркивая всеобъемлющий характер литературы как вида искусства, называл ее «сокращенной вселенной». Действительно, нет такой сферы жизнедеятельности человека, которая не нашла бы освещения в литературном произведении. Человек в качестве главного предмета литературы был признан со времен «Поэтики» Аристотеля, в связи, с чем закономерно, что антропоцентризм стал основополагающим принципом литературоведения.

В современной филологии широко применяются когнитивный и лингвокультурологический подходы в изучении художественных текстов. Антропоцентрическая парадигма научного знания о языке обращает внимание ученых к непосредственному носителю языка, к его сознанию. Когда в качестве носителя языка и, следовательно, объекта исследования выступает творческая личность, мастер художественного слова, писатель, поэт, покрывающий своим творчеством ограниченный уровень обыденного сознания и частично отражающий безграничный уровень художественного сознания, то перед исследователем стоит ответственная задача – проникнуть в сознание творца художественного текста, путем анализа способов и средств репрезентации тех или иных концептов, которые в совокупности своей представляют концептосферу произведения.

Мы стоим в преддверии большого научного исследования, целью которого является изучение способов вербализации ключевых концептов в творчестве выдающегося современного писателя, драматурга, переводчика, издателя, общественного деятеля Казахстана Роллана Сейсенбаева.

Для последовательного изучения концептосферы произведений Р. Сейсенбаева представляется целесообразным обратиться к теории вопроса.

Благодаря преемственному изучению в рамках ряда самостоятельных отраслей знания (нейрофизиологии, нейролингвистики, психолингвистики и собственно когнитивистики) таких категорий, как «мышление» и «язык», современная наука достигла значительных успехов. Когниция как процесс познания стала предметом всесторонних научных исследований и задала новое направление в развитии научного знания. Так, Е.С. Кубрякова констатирует тот факт, что «уже сложились такие дисциплины, как когнитивная антропология, когнитивная социология и даже когнитивное литературоведение, т.е почти в каждой гуманитарной науке выделилась специ-

альная область, связанная с применением когнитивного подхода и когнитивного анализа к соответствующим объектам данной науки» [7, с.10-11].

В недрах когнитивной лингвистики формируются относительно самостоятельные направления, в число которых И.А. Стернин включает следующие: *культурологическое* (Ю.С. Степанов), *лингвокультурологическое* (В.И.Карасик, С.Г.Воркачев, Г.Г.Слышкин, Г.В.Токарев), *логическое* (Н. Д. Арутюнова, Р. И. Павилёнис), *семантико-когнитивное* (Е.С. Кубрякова, Н.Н. Болдырев, Е.В. Рахилина, Е.В. Лукашевич, А.П. Бабушкин, З.Д. Попова, И.А. Стернин, Г.В. Быкова), *философско-семиотическое* (А.В. Кравченко) [16, с.33-34].

Наиболее широко разработанными отраслями когнитивной лингвистики выступают семантико-когнитивное и лингвокультурологическое. Одним из основных терминов метаязыка данных лингвистических направлений является термин «концепт».

Взаимосвязь языка и мышления облекается в форму концептов, которые в бесчисленном своем многообразии отражают богатство внутренней и внешней жизни человека. Несмотря на сравнительно долгое бытование (со времен Средневековья), причем в разных значениях термин «концепт», широко применяемый в современной лингвистике, имеет попрежнему не менее широкое толкование. Среди многочисленных исследователей нет общепризнанного определения данного термина и единства мнений относительно критериев, определяющих это емкое научное явление.

Свой вклад в становление и развитие лингвоконцептологии, а шире когнитивной лингвистики внесли А. Вежбицкая, Р. Джекендофф, Дж. Лакофф, Р. Лангакер, М. Минский, Э. Рош, Ч. Филлмор, Дж. Фодор, Н. Хомский, У. Чейф, Р. Шенк, В.З. Демьянков, Д.О. Добровольский, Ю.Н. Караулов, А.Е. Кибрик, Е.С. Кубрякова, Д.И. Руденко, Р.М. Фрумкина, С.Х.Ляпин, М.В. Пименова, З.Д. Попова, И.А.Стернин, А.П. Бабушкин и другие учёные.

Метаязык российского, а затем и казахстанского языкознания стал активно оперировать термином «концепт» с начала 1990-х годов (Логический анализ языка. Культурные концепты 1991); лингвокультурологическое бытование данного термина нашло отражение в работах Д. С. Лихачева (Концептосфера русского языка. 1993), В.В. Колесова (Концепт культуры: образ понятие – символ. 1992) и др.

Определяя суть рассматриваемого термина, ведущие русисты разграничивают такие явления, как понятие, значение, смысл, идея, ментальное образование, дискретная единица, ячейка культуры и др.

Так, например, по определению Е.С. Кубряковой, основоположника семантико-когнитивного направления, концепт – это «единица ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека; оперативная содержа-

тельная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга..., всей картины мира, отражённой в человеческой психике» [8]. З.Д. Попова, И.А. Стернин считают, что концепт – это «дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отображаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [13, с. 24].

С точки зрения логико-философских воззрений Н.Д. Арутюнова трактует концепт как понятие практической (обыденной) философии, возникающие «в результате взаимодействия таких факторов, как национальная традиция и фольклор, религия и идеология, жизненный опыт и образы искусства, ощущения и системы ценностей» [2, с.3].

Представитель психолингвистического направления А.А. Залевская считает, что концепт – это «спонтанно функционирующее в познавательной и коммуникативной деятельности индивида базовое перцептивно-когнитивно-аффективное образование динамического характера, подчиняющееся закономерностям психической жизни человека и вследствие этого по ряду параметров отличающееся от понятий и значений как продуктов научного описания с позиции лингвистической теории» [5, с.39].

В «Словаре констант русской культуры» Ю.С. Степанова читаем культурологическое определение концепта: концепт – «это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [15, с.40-41].

В.И. Карасик с позиций лингвокультурологического направления характеризует концепты как «первичные культурные образования, являющиеся выражением объективного содержания слов, имеющие смысл и поэтому транслируемые в различные сферы бытия человека, в частности, в сферы понятийного, образного и деятельностного освоения мира» [6, с. 102].

Концепт трактуется как знание, структурированное во фрейм (Телия 1996); как содержательная единица памяти, представляющая собой кванты структурированного знания (Бабина 1996); как мысленное образование, представление (Аскольдов-Алексеев 1997); как «алгебраическое выражение значения» (Лихачёв 1997); «многомерное идеализированное формообразование» (Ляпин 1997); как базовая когнитивная сущность (Ришар 1998); как ключевое слово культуры (Вежбицкая 1999); как «чистый смысл, первосмысл, первообраз, архетип, константа» (Колесов 2000); как инвариант значения лексемы (Рахилина 2000); как «сгусток культуры в сознании че-

ловека», «пучок» представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний, который сопровождает слово», «основная ячейка культуры в ментальном мире человека» (Степанов 2001); как «ментальная единица, отмеченная лингвокультурной спецификой и имеющая языковое выражение» (Воркачёв 2001); как «когнитивную структуру, погруженную в лингвокультурный контекст, то есть связанную с дискурсом» (Красавский 2001); как «квант знания», «семантический эмбрион», или «смысловой ген» значения языкового знака (Алефиренко 2003); как «представление о фрагменте мира» (Пименова 2004) и т.п. (обзор см. в: Воркачев 2001; Сорокин 2003; Болдырев 2002; Кубрякова 2004; Адонина 2007 и др.).

Все вышеперечисленные определения указывают на динамичный характер развития концептологии, многообразие методов ее изучения.

Это обстоятельство требует от каждого исследователя четкого самоопределения относительно данного научного явления. Релевантным в рамках нашего исследования считаем определение В.А.Масловой: концепт – «семантическое образование, отмеченное лингвокультурной спецификой и характеризующее носителей определенной этнокультуры, которое окружено эмоциональным, экспрессивным, оценочным ореолом» [10, с.36].

Выбирая в качестве предмета научного исследования литературное произведение, мы имеем дело с уникальным явлением – художественным концептом. Впервые подобную разновидность концепта ввел в научный обход и охарактеризовал С.А. Аскольдов-Алексеев. По сути, из совокупности художественных концептов состоит художественный текст. Природа художественного концепта сложна. Как понятие «концепт», так и его художественная разновидность находятся на стадии осмысления.

Приведем несколько точек зрения в трактовке термина «художественный концепт».

О.Е. Беспалов, исследуя концептосферу поэзии Н.С. Гумилева, определяет художественный концепт как единицу сознания писателя, которая «получает свою репрезентацию в художественном произведении или совокупности произведений и выражает индивидуально-авторское осмысление сущности предметов или явлений» [3, с.6].

По мнению ряда ученых (Н.С. Болотнова, Л.О. Бутакова, Н.А. Кузьмина, С.Р. Габдуллиной и др.), художественные концепты являются единицами индивидуально-авторской картины мира литературной личности, отраженной в тексте, они характеризуются эстетической сущностью и образными средствами выражения, обусловленными творческим замыслом создателя.

Художественный концепт, с точки зрения Е.А. Огневой, – «компонент концептосферы художественного текста автора, включающий те ментальные признаки и явления, которые сохранены исторической памятью народа и являются в сознании автора когнитивно-прагматически значимыми для развития сюжета; создают когнитивную ауру произведения и тре-

буют от переводчика определённой межкультурной компетенции» [12, с.3].

Мы разделяем мнение Л.В. Миллера, который определяет художественный концепт как «сложное ментальное образование, принадлежащее не только индивидуальному сознанию, но и... психоментальной сфере определенного этнокультурного сообщества», как «универсальный художественный опыт, зафиксированный в культурной памяти и способный выступать в качестве фермента и строительного материала при формировании новых художественных смыслов» [11, с.41-45].

В нашем понимании художественный концепт – это, прежде всего, ментальное образование, присущее художественному сознанию. Художественное сознание хранит духовный и культурный опыт человечества. Оно подвержено историческому, социальному, философскому, религиозному и др. влиянию, в результате чего складываются определенные типы художественного сознания, характерные для тех или иных эпох (см.: Аверинцев С. С., Андреев М. Л., Гаспаров М. Л., Гринцер П. А., Михайлов А. В.).

Как известно, совокупность художественных концептов произведения или творчества писателя в целом моделирует индивидуально-авторскую картину мира, в которой, безусловно, воплощается субъективное авторское мировосприятие и авторская рефлексия на полученный поток информации и впечатлений. Однако, мы полагаем, что в творчестве писателей, остро осознающих свою этническую принадлежность, ставящих интересы народа превыше личностных, художественные концепты дают не менее полное представление о национальной картине мира.

К такому выводу нас натолкнуло творчество Роллана Сейсенбаева, отличительными особенностями которого являются животрепещущая социальная злободневность, беспощадная историческая правдивость, глубокая философская задумчивость, ярко выраженная национальная самобытность, оригинальность повествования и богатая образность.

Незаурядная, волевая натура этого удивительного человека впечатляет всех, знающих его лично. Так, Максим Кузин называет личность Роллана Сейсенбаева трагической, «потому что он в своей жизни и творчестве именно так и формулирует свое кредо: взять на себя боль Земли, облегчить страдания планеты и всех тех, кто на ней живет». По мнению Р.Сейсенбаева, «настоящий писатель должен иметь силы и мужество для того, чтобы взять всю боль своей земли и народа, вложить ее в себя, в свои произведения. Писатель должен писать так, чтобы этот мир освободился от боли, разочарований и несправедливости, и тогда он станет намного чище и лучше» [9, с.68].

Горячий патриот своей страны – Р.Сейсенбаев, обращаясь к общественности, писал: «О нашей литературе, о нашей культуре мало знает в мире. Нам, казахстанцам, в начале третьего тысячелетия необходимо врываться в мир, со своей литературой, живописью, музыкой. Пусть это будет

началом серьезного прорыва нашей степи в мировую культуру» [14, с.10]. Стремясь сохранить бесценное духовное наследие казахского народа, популяризовать родную культуру, расширить кругозор соотечественников, Роллан Сейсенбаев создал в 1995 году Дом Абая в Лондоне, в 2000 году открыл «Международный клуб Абая» и основал международный литературный журнал «Аманат». Д. Гранин писал, «… насколько я могу судить, проза Р. Сейсенбаева глубоко национальна, в его произведениях живут и действуют герои-казахи, со всеми особенностями национального характера, их труда, традиций» [4, с.5].

На страницах своих романов, повестей и рассказов («Заблудившийся крик», «Если хочешь жить», «Трон сатаны», «Тоска по отцу, или День, когда рухнул мир», «Отчаяние или Мертвые бродят в песках» и мн.др. произведений). Сейсенбаев обращается и к трагичным вехам истории многострадального казахского народа (джунгарское нашествие, колониализация, коллективизация, джут, голод, репрессии, искоренение цвета нации) и к актуальным проблемам недавнего прошлого и современности (экологические катастрофы Семипалатинского ядерного полигона и гибели Арала, бюрократизм и карьеризм чиновников, положение интеллигенции, исковерканные судьбы заключенных, духовное состояние нации в целом и др.).

Концептосфера творческого наследия Сейсенбаева представлена множеством универсальных художественных концептов, таких как *жизнь и смерть, вера и безверие, отчаяние и надежда, любовь и ненависть, история, народ, родина, природа, концепты-архетипы: вода, огонь, воздух*, *земля и мн.др*. Однако даже в общезначимые универсальные концепты автор вкладывает национальное звучание. Таким образом, художественный текст, будучи результатом речемыслительной деятельности автора, становится также формой выражения национальной картины мира того народа, представителем которого является автор. Взаимодействие языка и национальной культуры стало предметом исследования в работах Н.Д. Арутюновой, А.П. Бабушкина, А. Вежбицкой, В.В. Колесова, Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова, Ю.С. Степанова и др. Использование лингвоконцептуального подхода в изучении благодатного материала художественной прозы Роллана Сейсенбаева раскрывает широкие перспективы дальнейшего исследования его творчества.

Литература

1. Аверинцев, С. С., Андреев М. Л., Гаспаров М. Л., Гринцер П. А., Михайлов А. В. Категории поэтики в смене литературных эпох//Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. Сб. статей. – М.: Наследие, 1994. – С. 3-38.
2. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
3. Беспалова, О.Е. Концептосфера поэзии Н.С. Гумилева: автореф. дис. … канд. филол.наук. – СПб., 2002.
4. Гранин, Д. Предисловие // Сейсенбаев Р. Последний снег: Рассказы. – М.: Мол. гвардия, 1978. – 143 с.

5. Залевская, А.А. Психологический подход к проблеме концепта / А.А. Залевская // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж: ВГУ, 2001. – 182 с.
6. Карасик, В.И. О категориях лингвокультурологии / В.И. Карасик // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности. – Волгоград: Перемена, 2001. – С. 3–16.
7. Кубрякова, Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики / Е.С. Кубрякова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. № 1. – С. 6-17.
8. Кубрякова, Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов / Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. / Под общей ред. Е.С. Кубряковой. – М.: МГУ, 1996. – 245 с.
9. Кузин, М. Портрет Ролана // Портрет Роллана: статьи, эссе, стихи. – Алматы, 2012. – 168 с.
10. Маслова, В.А. Поэт и культура: Концептосфера Марины Цветаевой: учеб. пособие / В.А.Маслова. – М.: Флинта, 2004. – 256 с.
11. Миллер, Л.В. Художественный концепт как смысловая и эстетическая категория / Л.В.Миллер // Мир русского слова. – 2000. – №4. – С. 39-45.
12. Огнева, Е.А. Когнитивное моделирование концептосферы художественного текста. – 2-е изд. дополн. – М.: Эдитус, 2013. – 282 с.
13. Пименова, М.В. *Душа* и *дух*: особенности концептуализации: монография. – Кемерово: ИПК «Графика», 2004. – 386 с. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 3).
14. Попова, З.Д., Стернин, И.А. Когнитивная лингвистика. – М.: Восток-Запад, 2007. – С.34.
15. Сейсенбаев, Р.Ш. Дом друзей // Портрет Роллана: статьи, эссе, стихи. – Алматы, 2012. – 168 с.
16. Степанов, Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Школа "Языки русской культуры", 1997. – С. 40-76.
17. Стернин, И.А. Психолингвистика и концептология // Вопросы психолингвистики. – 2005. №5. – С. 33-41.

References

1. Averincev, S. S., Andreev M. L., Gasparov M. L., Grincer P. A., Mihajlov A. V. Kategorii poehtiki v smene literaturnyh ehpoh//Istoricheskaya poehtika. Literaturnye ehpohi i tipy hudozhestvennogo soznaniya. Sb. statej. – M.: Nasledie, 1994. – S. 3-38.
2. Arutyunova, N.D. YAzyk i mir cheloveka / N.D. Arutyunova. – M.: Yazyki russkoj kul'tury, 1999. – 896 s.
3. Bespalova, O.E. Konceptosfera poehzii N.S. Gumileva: avtoref. dis. … kand. fi-lol.nauk. – SPb., 2002.
4. Granin, D. Predislovie // Sejsenbaev R. Poslednij sneg: Rasskazy. – M.: Mol. gvar-diya, 1978. – 143 s.
5. Zalevskaya, A.A. Psihologicheskij podhod k probleme koncepta / A.A. Zalev¬skaya // Metodologicheskie problemy kognitivnoj lingvistiki. – Voronezh: VGU, 2001. – 182 s.
6. Karasik, V.I. O kategoriyah lingvokul'turologii / V.I. Karasik // YAzykovaya lich-nost': problemy kommunikativnoj deyatel'nosti. – Volgograd: Peremena, 2001. – S. 3–16.
7. Kubryakova, E.S. Ob ustanovkah kognitivnoj nauki i aktual'nyh problemah kogni-tivnoj lingvistiki / E.S. Kubryakova // Voprosy kognitivnoj lingvistiki. – 2004. № 1. – S. 6-17.
8. Kubryakova, E.S. Kratkij slovar' kognitivnyh terminov / Kubryakova E.S., Dem'yankov V.Z., Pankrac YU.G., Luzina L.G. / Pod obshchej red. E.S. Kubryakovoj. – M.: MGU, 1996. – 245 s.
9. Kuzin, M. Portret Rolana // Portret Rollana: stat'i, ehsse, stihi. – Almaty, 2012. – 168 s.

10. Maslova, V.A. Poeht i kul'tura: Konceptosfera Mariny Cvetaevoj: ucheb. posobie / V.A.Maslova. – M.: Flinta, 2004. – 256 s.
11. Miller, L.V. Hudozhestvennyj koncept kak smyslovaya i ehsteticheskaya kategoriya / L.V.Miller // Mir russkogo slova. – 2000. – №4. – S. 39-45.
12. Ogneva, E.A. Kognitivnoe modelirovanie konceptosfery hudozhestvennogo tek-sta. – 2-e izd. dopoln. – M.: EHditus, 2013. – 282 s.
13. Pimenova, M.V. *Dusha* i *duh*: osobennosti konceptualizacii: monografiya. – Kemerovo: IPK «Grafika», 2004. – 386 s. (Seriya «Konceptual'nye issledovaniya». Vyp. 3).
14. Popova, Z.D., Sternin, I.A. Kognitivnaya lingvistika. – M.: Vostok-Zapad, 2007. – S.34.
15. Sejsenbaev, R.SH. Dom druzej // Portret Rollana: stat'i, ehsse, stihi. – Almaty, 2012. – 168 s.
16. Stepanov, YU.S. Konstanty: Slovar' russkoj kul'tury. Opyt issledovaniya. – M.: SHkola "YAzyki russkoj kul'tury", 1997. – S. 40-76.
17. Sternin, I.A. Psiholingvistika i konceptologiya // Voprosy psiholingvistiki. – 2005. №5. – S. 33-41.

УДК 81

Э.Т. Толокова
Бишкек, Кыргызстан

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФРЕЙМОВЫХ И СЦЕНАРНЫХ СЛОТОВ КЫРГЫЗСКОГО ЯЗЫКА (НА ПРИМЕРЕ ОБЫЧАЕВ И ОБРЯДОВ КЫРГЫЗСКОГО НАРОДА)

Аннотация. *В данной статье с точки зрения когнитивной лингвистики рассмотрены языковые средства, относящиеся к лексике народных обычаев, обрядов и традиций кыргызов. В частности, рассмотрены отдельные слова и словосочетания в кыргызском языке, связанные с обычаями и обрядами этого народа. Данные слова распределены по слотам фреймов и сценариев в целях определения эксплицитных и имплицитных значений, заложенных в этих языковых средствах.*

Ключевые слова: *обычай, обряд, ритуал, статичное понятие, динамическое понятие, эксплицитное значение слова, имплицитное значение слова, вербальный компонент, невербальный компонент.*

Сведения об авторе: *Толокова Элмира Турдубаевна, кандидат филологических наук, зав. кафедрой кыргызского языка.*

Место работы: Кыргызско-Турецкий университет "Манас".

E. T. Tolokova
Bishkek, Kyrgyzstan

SOME PECULIARITIES OF FRAME AND SCENARIO SLOTS OF THE KYRGYZ LANGUAGE (ON THE EXAMPLE OF CUSTOMS AND CEREMONIES OF THE KYRGYZ PEOPLE)

Abstract. *In this article linguistic means relating to the lexis of Kyrgyz people's customs, ceremonies and traditions are considered from the point of cognitive linguistics. In particular, certain words and word combinations connected with the customs and ceremonies of Kyrgyz people are being studied. These words are divided into the frames and scripts slots in order to determine the explicit and implicit meanings of these language means.*

Key words: *custom, ceremony, ritual, static concept, dynamic concept, explicit meaning of a word, implicit meaning of a word, verbal component, non-verbal component.*

About the author: *PhD Tolokova Elmira Turdubaevna. Kyrgyz Language Department Head.*

Place of employment*: Kyrgyz-Turkish Manas University.*

Контактная информация: *г. Бишкек, проспект Мира, 56, раб. тел: 00 996 (312) 54 19 42-47 // 00 996 (312) 49 27 88 (-11-51); e-mail: elmiratolokova@mail.ru*

Возникновение народных обычаев, обрядов, а также ритуалов объясняется, с одной стороны, необходимостью регулирования социальных отношений между членами одной семьи, между родственниками и между членами общества в целом. И с другой стороны, помимо этих естественных предпосылок генезис культовых церемоний, обрядов, обычаев и традиций непосредственно связан с древними формами религиозных взглядов и поверий, которые основаны на попытках познания и осознания человеком окружающей его реальности. Подобные попытки находили свои выражения не только в одухотворении людьми грозных сил природы, от которых зависело их существование, но и животных, растений и неодушевленных предметов, в приписывании им разума, дееспособности и сверхестественного могущества. Следовательно, к упомянутым выше явлениям природы люди относились с почтением и опаской, совершали в их честь молитвенные обряды, культовые церемонии, возникновение которых обусловлено прежде всего жизненной необходимостью: стремлением предостерегать урожай от засухи, кров от ветров и наводнений, или же семейные обряды, сакральный смысл которых заключался в сохранении жизни всех членов семьи. Что касается языковых средств, посредством которых выражаются понятия, связанные с обрядами, культовыми церемониями и обычаями, то они по сей день хранят ранние мировоззренческие взгляды человека, переплетенные с его мифологическими понятиями и имеют определенное психоэмоциональное, если не сказать магическое, воздействие на сознание человека. Поскольку эти языковые средства обусловливают мышление и в определенных жизненных ситуациях даже управляют деятельностью человека. Ярким тому доказательством служит наличие в любом языке табу и эвфемизмов.

В кыргызском языке языковые средства, относящиеся к лексическому пласту, связанные с народными обычаями и обрядами, выражают разные психоэмоциональные состояния человека. В частности, они могут выражать чувственное отношение человека к определенным жизненным событиям и ситуациям. Как правило, в языковых средствах, относящихся к упомянутой лексике, отражаются ритуальные действия, которые имеют некую логическую последовательность, а также устойчивый характер относительно процесса их совершения. В связи с этим в данной статье нами поставлена задача научного описания рассматриваемых нами языковых средств, согласно фреймовой и сценарной структуре. Для реализации данной задачи нами была определена следующая последовательность действий: 1) выбраны компоненты, характерные обычаям и обрядам, имеющие иерархическую структуру; 2) определены языковые единицы, составляющие фреймовые и сценарные слоты народных обычаев и обрядов; 3) языковые средства, составляющие слоты в рамках фрейма и сценария, рассмотрены как целостная структура, отражающая объективную реальность.

Эти действия были показаны на примере анализа лексики свадебного обряда в кыргызском языке с точки зрения когнитивной лингвистики. Поскольку лексика свадебного обряда имеет свои семантические особенности, связанные, во-первых, с ежедневной жизненной практикой, во-вторых, с психологией человека, и в третьих, с коллективным сознанием.

Концепт имеет разную структуру, относительно которой в когнитивной лингвистике употребляются такие понятия, как фреймовая структура, сценарная структура, схема и гештальт. Как правило, ментальная информация имеет фреймовую и сценарную структуру, именно поэтому нами были выбраны эти формы для описания содержания терминов, относящихся к лингвокультурологии.

Фрейм – это понятие, означающее статичный образ той или иной ситуации, а термин *сценарий* отражает, наоборот, динамичное развитие ситуации в иерархическом порядке.

Фрейм характеризуется как удобная модель, подходящая структура для описания в виде схемы той или иной лингвокультурной ситуации.

Фрагменты, составляющие целостность одной ситуации, выражаются с помощью языковых средств и занимают определенный порядок. К примеру, фрейм «*сүйүнчү» (подарок за сообщение радостной вести)* в кыргызском языке имеет такие слоты, как «радостная весть» и «подарок», поскольку слово «*сүйүнчү»* в сознании носителя кыргызского языка вызывает определенную последовательность ассоциаций. Следовательно, данное слово непосредственно связано с последующими выражениями, как «радостная весть» и «подарок» *(1 табл.)*.

1-таблица, фрейм

Сообщение радостной вести («суйунчу»)

↓

радостная весть (жакшы кабар)

↓

подарок (белек)

Между исследователями существуют противоречивые, взаимоисключающие взгляды относительно природы фрейма: некоторыми учеными фрейм толкуется как понятие, которое имеет динамическую природу, а другие исследователи ограничиваются статичным описанием “стереотипных ситуаций” (например, фрейм *“комната”).*

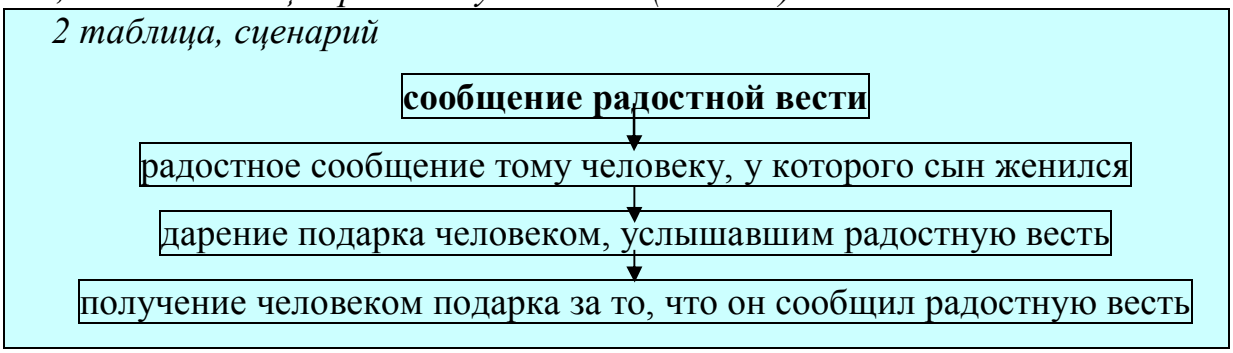
На наш взгляд, понятия динамики и статики следует рассматривать по отдельности в рамках сценарного и фреймового анализов.

От статических понятий, характерных концепту, образуются фреймические, а от динамических, соответственно, сценарные слоты.

В сценарии и его слотах отражается ход определенных событий. К примеру, сценарий «*радостные сообщения тому человеку, у которого сын женился*» имеет следующие динамические слоты: *«сообщить кому-либо, что его сын женился (что он обрёл невестку)»*, *«дарение подарка челове-*

ком, услышавшим радостную весть», «получение человеком подарка за то, что он сообщил радостную весть» (2 табл.):

2 таблица, сценарий

В кыргызском языке нет определенных слов или словосочетаний, которые применялись бы для обозначения некоторых действий, совершаемых во время *суйунчулоо* (сообщение радостной вести). Кыргыз совершает данную народную традицию в произвольной форме, исходя из реальной ситуации, опираясь на свой жизненный опыт.

Сценарные и фреймовые слоты, на первый взгляд, могут показаться похожими, но между ними существует принципиальное различие. В частности, в слотах фрейма, как правило, должны иметь место слова с предметными значениями, а в рамках сценария слоты включают в себя языковые средства, обозначающие разного рода действия. Упомянутые слоты, дополняя друг друга, составляют целую структуру. Из сказанного следует, что сочетание статических и динамических категорий в данной ситуации даёт представление о народной традиции *«суюнчулоо»* (сообщение радостной вести). Для непосвященного человека потребуется определенное время для достижения целостного понимания смысла данной традиции. А в сознании человека кыргызской национальности все действия народной традиции *«суюнчулоо»* (сообщение радостной вести) имеют естественную последовательность, в силу чего он автоматически выполняет то или иное действие согласно условиям рассматриваемой нами традиции.

Характерное различие сценария от фрейма заключается в том, что сценарий зависит от времени, т.е. для реализации отдельного действия потребуется определенный отрезок времени, следовательно, в отличие от фрейма сценарий рассматривается через призму временных понятий. Так, например, такие сценарные действия, как *пойти в кинотеатр, совершить путешествие в другой город или накрывать на стол*, не могут рассматриваться вне темпоральных, т.е. вне временных понятий.

Сценарий может состоять из нескольких актов и эпизодов. В этом смысле он представляет собой динамический вид фрейма, в котором эпизоды имеют свою динамику развития, соответственно и определенную последовательность [4, 37 С.].

За каждой лексической единицей стоит определенное понятие, которое в свою очередь, находит свое отражение в языке через акустические образы в виде концептов. Понятие концепт формировалось в

процессе познания человеком окружающей действительности и имеет сложную структуру. К примеру, в кыргызском языке некоторые денотаты, понятия, связанные с женитьбой, имеют свои названия, а что касается второго составляющего, т.е. ход опредленных ритуалов и церемоний, связанных с данным обрядом в сознании человека, отражаются в виде образных фрагментов и представлений. Для иллюстрации вышесказанных мнений приведем в качестве примера обряд *келин алуу (прибытие невестки в дом будущего мужа) (3 табл):*

3 таблица

Келин алуу
(прибытие невестки в дом будущего мужа)

Фрейм	Сценарий
невестка платок занавес, отделяющий постель новобрачных пир благословение	сопровождать невестку и помочь ей пройти за занавес повязать платок на голову невестки поклон невестки старшим родственникам будущего мужа их благословение невестки за поклон пир по случаю женитьбы общее благословение новобрачных

Как видно из таблицы, обряд ***«келин алуу»*** (прибытие невестки в дом будущего мужа) ассоциируется, в первую очередь, рядом таких статичных образов как «*келин» (невестка), «жоолук» (платок), «кошого» (занавес, отделяющий постель новобрачных), «той» (пир, в современном понимании – свадьба), «бата» (благословение),* которые естественным образом сочетаются с языковыми средствами, приведенными в вышеуказаной таблице в сценарных слотах. Точнее, в упомянутых слотах приведена следующая последовательность действий: *«повязать платок на голову невестки», «поклон невестки родственникам будущего мужа», «пир по случаю женитьбы, свадьба», «совершение обряда благословения гостями», «благословение молодых родителями».* Эти действия являются ритуалами, совершаемыми в традиционной свадьбе у кыргызов. Благодаря этим действиям обряд *келин алуу* (прибытие невестки в дом будущего мужа, женитьба) «оживает», обретая более целостный и динамичный образ. **Таким образом, можно прийти к выводу о том, что статичные понятия в сочетании с компонентами, отражающими их реализацию и динамику, собственно и образуют комплексные понятия как обычай и обряд.**

Как указано в 3-й таблице, сочетание вербальных и невербальных компонентов в рамках одного концепта показывает, что концепт представляет собой более сложную структуру, нежели понятие. Это дает основание

утверждать, что лексика народных обычаев, обрядов и ритуалов включает в себя, кроме лингвистических и экстралингвистических факторов, и компоненты, относящиеся к исторической памяти и коллективному сознанию отдельно взятого народа.

К языковому компоненту, как правило, относятся слова-названия, которые помещены в указанной выше 3 таблице в фреймовых слотах, а компоненты, связанные с действием, соответственно, в сценарных слотах.

В 30-х гг. XX века в США учеными Э. Сепиром и Б. Уорфом в рамках этнолингвистики была разработана гипотеза лингвистической относительности, согласно которой логический строй мышления определяется языком. И что характер познания действительности зависит от языка, на котором мыслит познающий субъект [11, с. 42]. Данная гипотеза находит свое подтверждение в контексте рассматриваемых нами проблем, поскольку вербальные и невербальные компоненты, так или иначе связанные с народными обычаями и обрядами, в конечном счете, обусловливают мышление человека и могут вызывать мотив к определенным действиям. В этой связи можно привести мнение Б.Уорфа о том, что язык представляет собой систему понятий для организации опыта. Навязывая человеку определенное мировоззрение, язык обусловливает нормы его мышления, следовательно, и поведения [11, с. 43].

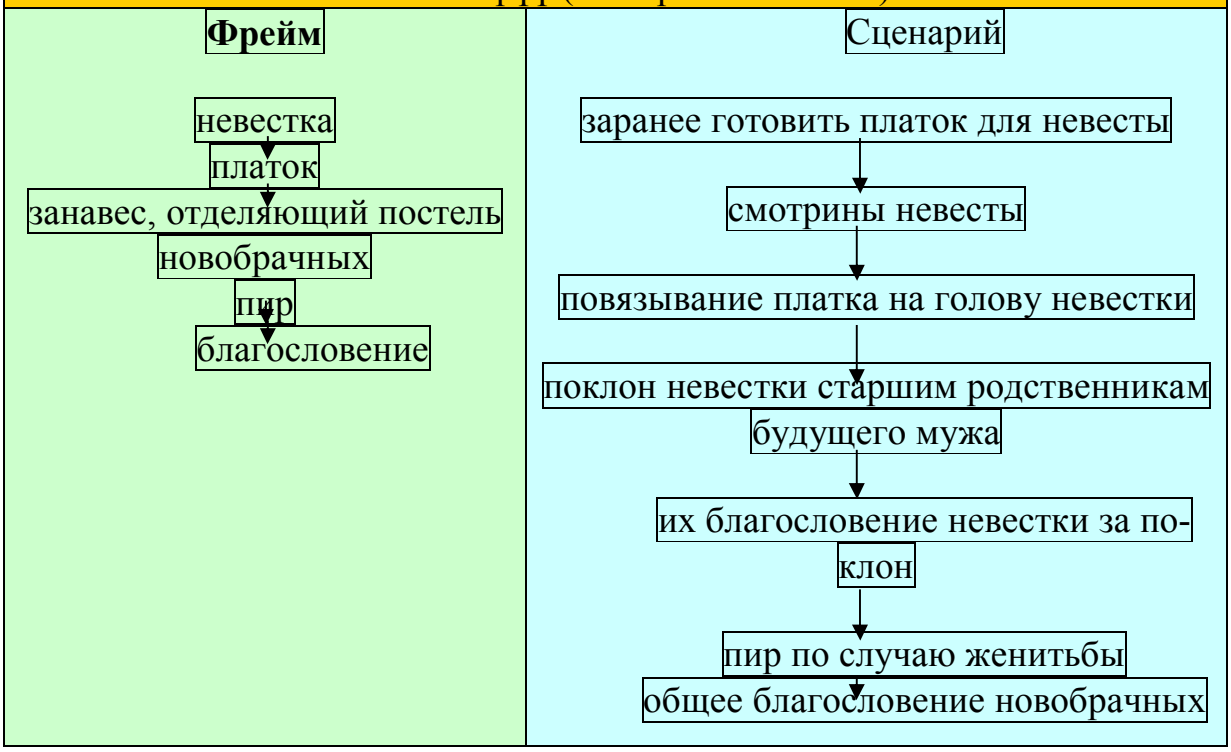
В рамках концепта, понятия связанные с обычаями и обрядами, выражаются в форме вербальных фрагментов, чаще это слова-названия или словосочетания, в которых отражается ход того или иного обряда или ритуала. К примеру, в следующих словосочетаниях, как *келинге жоолук салуу, (повязать платок на голову невестки), кайын-журтка жугунуу (поклон невестки старшим родственникам мужа), жугунгон келинди алкоо (их благословение невестки за поклон), уйлонуу тоюн беруу (справлять свадебный пир), элден бата алуу (получение благословения от народа)*, отражены отдельные фрагменты свадебной церемонии, а целостная картина данного обряда заключена в коллективном сознании народа в имплицитной форме. Это доказывает, что концепт в отличие от понятия имеет масштабный и комплексный характер. Если в понятии заключено денотативное значение, то концепт охватывает не только предметное, имплицитные и эксплицитные значения, но и действие. Так, например, обряд кыргызского народа «*Келин көрүү*» («Смотрины невесты») можно разделить на ключевой фрейм (фрейм-ядро), ключевой сценарий (сценарий-ядро) и на их слоты следующим образом *(4 табл).*

Уйлонуу тоюн беруу (справлять свадебный пир) – согласно традиции кыргызского народа данный обряд проводится родителями жениха, приглашаются гости. А близкие родственники перед свадебным застольем приходят на обряд «*Келин көрүү*» («Смотрины невесты»). Семья жениха справляет *той* (свадебный пир), а молодые получают от народа *бата (благословение, напутствие).* Обряд «*Келин көрүү*» («Смотрины невесты»)

проходит в следующей последовательности: 1) заранее готовится платок для невесты; 2) смотрины невесты; 3) повязывание платка на голову невестки; 4) благословение молодых.

4 таблица

Келин көрүү (Смотрины невесты)

Языковые средства, помещенные в сценарных и фреймовых слотах, отражают ход развития свадебного обряда и нарастающую в нем динамику. Следовательно, предел сценарных и фреймовых слотов зависит от количества и «объема» ритуалов и церемоний, относящихся тому или иному обряду.

В названных выше слотах, помимо других компонентов, имеют место такие языковые средства как *жакшы ниет (доброе намерение), тилек (пожелание), бата (благословение),* в которых заложена и эмоционально-модальная информация. Поскольку подобные языковые средства представляют собой некий «сгусток» значений, ассоциаций, которые имеют прямое или косвенное отношение к сокровенным глубинам мировоззрения, мироощущения и мировосприятия происходит их яркое воплощение через совершение народных обычаев, обрядов, традиций и культовых ритуалов.

Что касается непосредственно языковых средств, относящихся к лексике обычаев и обрядов кыргызского народа, то они в данной статье разделены на фреймовые и сценарные слоты. В частности, слова-названия, употребляемые для обозначения ритуальных действий, были размещены в фреймовых, а словосочетания, обозначающие последовательную реализацию этих действий, в сценарных слотах. Следует отметить, что деление этих языковых средств на вышеназванные слоты носит лишь условный ха-

рактер, так как они составляют одну целостную структуру, отражающую лингвокультурологический аспект обычаев и обрядов кыргызского народа.

Учитывая все рассмотренные нами обстоятельства, можно сделать следующие выводы: а) языковые средства, составляющие фреймовые и сценарные слоты, увеличиваются в количестве по мере нарастания динамики действий, связанных с обычаями и обрядами; б) языковые средства, отражающие ход развития ментальных действий, обретают характер особого механизма согласно порядкам их совершения; в) предел фреймовых и сценарных слотов определяется количеством и «объемом» ритуалов и церемоний, относящихся к тому или иному обряду; г) слова и словосочетания в фреймовых слотах выражают статичный образ той или иной ситуации, а синтаксические единицы в сценарных слотах отражают, наоборот, динамический образ ситуации, определенный порядок совершаемых человеком ритуальных действий.

Из всего сказанного следует, что путем классификации языковых средств, относящихся к лексике народных обычаев, обрядов, культовых церемоний и традиций, можно составить так называемые содержательные карты тех или иных обычаев и обрядов, что, несомненно, облегчит и труд ученых, ведущих исследования в данном направлении.

Конечной целью теоретических исследований, а также практических мероприятий, направленных на изучение языкового компонента народного творчества, является сохранение, передача следующим поколениям народных обычаев, обрядов и традиций, а также популяризация заложенных в них нравственных и философских идей.

Литература

1. АРСЛС – Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике. 2001. – 640 с.
2. Бабаева, Е.В. Лингвокультурологические характеристики русской и немецкой аксиологических картин мира: дис. … д-ра филол. наук. – Волгоград, 2004. − 338 с.
3. Бабушкин, А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. − Воронеж: ВГУ, 1996. − 103 с.
4. Болдырев, Н.Н. Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии. − Тамбов: ТГУ, 2000. – 123 с.
5. Ван Дейк, Т.А. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. − М., 1988. – С. 144-182.
6. Витгенштейн, Л. Логико-философский трактат. − М.: Наука, 1958. − 133 с.
7. Герасимов, В.И. На пути к когнитивной модели языка // Новое в зарубежной лингвистике. − М., 1988. − Вып. 23. − 8-12 с.
8. Минский, М. Фреймы для представления знаний. – М.: Энергия, 1979. – 151 с.
9. Тагаев, М.Ж. Полипарадигмальное описание морфемики и слово-образования (на материале русского и киргизского языков). − Бишкек: КРСУ, 2004. – 282 с.
10. Филлмор, Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. − М., 1988. − Вып. 23. − С. 52-90.
11. Щетинин, Л.М. Слова, имена, вещи. – Ростов н / Д.: Изд-во Ростов. ун-та, 1966. – 219 с.

References

1. ARSLS – Anglo-russkij slovar' po lingvistike i semiotike. 2001. – 640 s.
2. Babaeva, E.V. Lingvokul'turologicheskie harakteristiki russkoj i nemeckoj aksiologicheskih kartin mira: dis. … d-ra filol. nauk. – Volgograd, 2004. − 338 s.
3. Babushkin, A.P. Tipy konceptov v leksiko-frazeologicheskoj semantike yazyka. − Voronezh: VGU, 1996. − 103 s.
4. Boldyrev, N.N. Kognitivnaya semantika: kurs lekcij po anglijskoj filologii. − Tambov: TGU, 2000. – 123 s.
5. Van Dejk, T.A. Strategii ponimaniya svyaznogo teksta // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Vyp. 23. Kognitivnye aspekty yazyka. − M., 1988. – S. 144-182.
6. Vitgenshtejn, L. Logiko-filosofskij traktat. − M.: Nauka, 1958. − 133 s.
7. Gerasimov, V.I. Na puti k kognitivnoj modeli yazyka // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. − M., 1988. − Vyp. 23. – S. 8-12.
8. Minskij, M. Frejmy dlya predstavleniya znanij: per. s angl. – M.: EHnergiya, 1979. – 151 s.
9. Tagaev, M.ZH. Poliparadigmal'noe opisanie morfemiki i slovo-obrazovaniya (na materiale russkogo i kirgizskogo yazykov). − Bishkek: KRSU, 2004. – 282 s.
10. Fillmor, CH. Frejmy i semantika ponimaniya // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. − M., 1988. − Vyp. 23. − S. 52-90.
11. Schcetinin, L.M. Slova, imena, veshchi. – Rostov n / D.: Rostov. un-t, 1966. – 219 s.

УДК 398 (470.57)

Г.Р. Хусаинова
Уфа, Россия

КОНЦЕПТ “СЧАСТЬЕ” В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА БАШКИР (на материале народной волшебной сказки)

Аннотация. *В статье рассматривается концепт “счастье” на материале башкирской волшебной сказки. За примитивным пониманием счастья героем сказки стоит глубокая философия народа. Волшебные предметы или мифологические существа, олицетворяющие счастье, не могут сделать героя счастливым. Лишь совершая добрые дела, герой становится счастливым.*

Ключевые слова: *сказка, волшебная, башкирская, концепт, счастье.*

Сведения об авторе: *Хусаинова Гульнур Равиловна, кандидат филологических наук, доцент, зав. отделом фольклористики.*

Место работы: Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН

Контактная информация: *450054, г. Уфа, пр. Октября, 71. e-mail bashfolk@yandex.ru*

G. R. Khusainova
Ufa, Russia

THE CONCEPT OF "HAPPINESS" IN THE BASHKIR FAIRY TALE

Abstract. *The article discusses the concept of "happiness" on the material of the Bashkir fairy tale. For the primitive understanding of happiness, hero of the tale is the deep philosophy of the people. Magical objects or mythological creatures, symbolizing happiness, can't make the hero happy. Only doing good deeds will get happy.*

Key words: *tale, magic, Bashkir, concept, happiness.*

About the author: *Khusainova Gulnur Ravilovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Head. department of folklore.*

Place of employment: Institute of History, Language and Literature, Ufa Scientific Center RAS

В языковой картине мира башкир одно из центральных мест занимает концепт “счастье”, связанный с морально-нравственной оценкой человека. На материале башкирского фольклора он рассмотрен языковедами Кульсариной (2010), Л.Х. Самситовой (2015), А.М., Ишегуловой А.М. (2015). Исследователь Л.Х. Самситова в своей работе проводит дефиницию концепта “счастье”, выявляет его “концептуально значимые признаки” [5, с. 328].

Г.Г. Кульсарина на материале башкирских народных пословиц рассматривает в концептуальной оппозиции счастье/несчастье и пишет, что “сопоставление счастья и несчастья можно считать как неразрывное целое”: “Бәхетһеҙлектән ҡурҡҡан бәхет күрмәҫ”(*досл.*: Кто боится несчастья, тот не увидит счастья) “они находятся в непосредственной близости друг от друга”: “Бәхет менән бәхетһеҙлек йәнәш йөрөй” (досл.: Счастье и несчастье всегда ходят рядом) [4, с. 960]. Еще автор отмечает: «У башкирского народа “бәхет” как аксиологическая ментальная единица языковой картины мира репрезентирует такие базовые смыслы, как “благосклонность судьбы”, “удача”, “большая радость”, “положительный баланс жизни”, “чувство удовлетворения жизнью”, выступая чувственно-эмоциональной формой идеала» [4, с. 959-960]. Эту же мысль польского философа В. Татаркевича выделяет молодой исследователь А.М. Ишегулова [3, с. 403], которая на материале башкирской народной песни изучает рассматриваемый концепт, и приходит к выводу, что человек может быть счастлив только на своей родине, если живы и здоровы родители и т.п. Спорным является мысль автора: ”Материальный достаток”, “благополучная жизнь” являются критерием, определяющим “бәхет”, положение в обществе, статус человека” [3, с. 404]. Первый автор, на наш взгляд, верно отмечает, что “деньги не являются необходимым атрибутом счастья” [4, с. 960], ибо народ в своих произведениях духовное ставил выше, чем материальное. Поэтому и герой башкирской сказки воспринимает счастье по другому, на первый взгляд, даже примитивно. Для него это какой-то предмет, овладев которым, можно стать счастливым или мифологическое существо как, например, “бәхет ҡошо” (птица счастья) [2, с. 55], “алтын күкәй һала торған өйрәк” (утка, которая носит золотое яйцо) [2, с. 164] и т.д. Поэтому герой сказки мечтает попасть на место, где можно взять счастье: “бәхет ала торған ергә барырға ярҙам ит” (помоги попасть на место, где берут счастье), “бәхет юлын күрһәтегеҙ” (покажите дорогу к счастью) [2, с. 148], “бәхет эҙләп йөрөй” (ищет счастье) [1, с. 289]. Так, в сказке “Бәхет күле” [2, с. 81] (Озеро счастья) три сына старика отправляются искать счастье. По пути всем троим два раза встречаются разные звери, люди и просят о помощи, но только младший сын отзывается. В третий раз они по очереди останавливаются на отдых у одной и той же старушки и если она первых двух братьев кормит как может, то для третьего брата у нее ничего не остается. Каждый раз

старшие братья поступают с выгодой для себя, т.е. не утруждают себя ничем, а младший брат оказывает помощь: застреливает давно хотевшего умереть старого беркута, который в благодарность дарит парню волшебное перо; спасает от дэва ребенка; с помощью пера беркута он кормит и ребенка, и старушку. Когда он доставляет спасенного им от дэва ребенка к его родителям, те не знают как его отблагодарить. Отец спасенного ребенка говорит герою: “Бына беҙҙең янда ғына көмөш һыулы бер күл йәйрәп ятыр. Зәмзәм һыулы бәхет күле ул. Уны ун ике башлы дейеү, кешегә бер тамсы һыуын да бирмәй, өс йөҙ ҙә туҡһан туғыҙ йыл буйы һаҡлаған <...> Бына һиңә бер шешә. Бәхетле булайым тиһәң, бына шуға тултырып шул күлдән бәхет һыуы ал. Беҙҙе шатландырған өсөн мин һиңә шунан да ҙур бүләк бирә алмайым”, - тигән [2, с. 84]. (Рядом с нами есть озеро с серебряной водой. Это озеро счастья с водой Земзем (название священного источника у храма Каабы в Мекке). Двенадцатиглавый дэв триста девяносто девять лет охранял его, никому ни капли воды не дав. Вот тебе бутылка. Набери в нее из озеро воду счастья. За доставленную радость я большего подарка тебе дать не могу). Казалось бы, герой достиг своей цели – добыл счастье – воду из озера счастья. Путь к нему был долгим и нелегким. И вот герои сказки – три брата размышляют. Старший говорит: “Мин ул бәхет тигән нәмәне осрата алманым. Гел генә бәхетһеҙлек: ас бүреме, аслы-туҡлы әҙәм балаһымы – осрап ҡына торҙо” [2, с. 84] (Я не встретил на своем пути счастья. Одно только несчастье встречалось: голодный волк ли, полуголодный человек ли). Средний брат: “Донъя фәҡирҙәр, теләнселәр менән тулы икән. Күпме йөрөнөм, бәхет тигәнде күрмәнем” [2, с. 84] (Оказывается, мир полон нищих, попрошаек. Сколько ходил, а счастья так и не увидел). Младший брат возразил им: “Кешеләргә шәфҡәт ҡулы һуҙмағанһығыҙ, йонсоп йөрөгән януарҙарға ярҙам итмәгәнһегеҙ. Бәхет осрап торған, һеҙ унан ҡасҡанһығыҙ. Мин, ағайҙар, үҙ бәхетемә ирештем. Бынау күл – бәхет күле ул. Кем дә кем уның һыуын эсә, шул бәхетле була икән. Мин шул күлдән бер шешә бәхет һыуы алам да атайым менән әсәйем янына ҡайтам” [2, с. 84] (Людям руку помощи не протягивали, измученным зверям не помогали. Счастье встречалось, но вы убегали от него. Я, братья, достиг своего счастья. Вот это озеро – озеро счастья. Кто попьет его воду, тот будет счастлив. Я возьму воду из этого озера и вернусь к отцу с матерью). Так, устами младшего брата народ дал понять, что счастье – это помогать нуждающимся, т.е делать добро не только для людей, но и для зверей. Значит, по философии народа, счастье, прежде всего – это делать добро. Если вспомнить сказки “Йомғаҡ”, “Үгәй ҡыҙ Гөлбикә” [1, с. 234; 237]. на сюжет АТ 485 А “Мачеха и падчерица” падчерица становится счастливой тоже благодаря своей доброте: помогает пастухам, исполняет все просьбы старухи (моет ее в бане, поит чаем, ищет в ее голове). Делая добрые дела

по дороге к счастью, становится счастливым и герой сказки “Ике малай” [1, с. 327].

В сказке “Кейеҙбай менән батша ҡыҙҙары” (Киизбай и царские дочери) старик отправляет сыновей за конем со словами: “Фәләнһаҙ буйында ат башы саҡлы таш тоҙ бар, ана шул тоҙҙо яларға өс ат йөрөй. Көн дә таң алдынан әле береһе, әле икенсеһе. әле өсөнсөһө килә. Ҡайһығыҙ ана шул аттарҙы тотоп эйәләштерә ала, шул бәхетле була. Ҡайһығыҙ тота алмай, шуның барлы-юҡлы бәхеткенәһе лә ана шул аттар ялаған тоҙ кеүек ирeп бөтөр” [2, с. 123] (Возле такого-то болота есть каменная соль величиной с конскую голову. Лизать ее ходят три коня. Каждый день на рассвете то один, то второй, то третий конь приходит туда. Кто из вас поймает и приручит одного из этих коней, тот будет счастлив. Кто не поймает, у того имеющееся мизерное счастье расстает, как эта соль, которую лижут кони). Подкарауливает и приручает всех трех коней младший сын старика. Кони помогают ему победить на состязаниях и жениться на царевне. Для героя многих сказок женитьба на царевне является целью, а достижение цели – счастьем. Да, герой становится богатым, женившись на царевне, но женится он на ней не из-за денег, а по желанию, по любви. Героя могут сделать счастливым также волшебные предметы типа летающая кошма, шапка-невидимка, сапоги скороходы как в сказке “Сон таза” [2, с. 208].

Хочет счастья своим детям и герой сказки “Сафар”: “бәхетле тормош итеүегеҙҙе теләйем” (хочу, чтобы вы жили счастливо) [1, с. 283] и спрашивает, что им нужно: богатство или ум. Старшие просят богатство, а младший – ум. Тогда отец ему говорит: “Шул аҡылды тотһаң, һәр ваҡыт бәхетле булырһың” (если будешь придерживаться моих советов, всегда будешь счастлив) [1, с. 283].

Таким образом, герой волшебной сказки, по представлениям башкирского народа, по настоящему бывает счастлив, только совершив добрые дела.

Литература

1. Башкирское народное творчество. Сказки. Книга первая / Сост. М.Х. Мингажетдинов И А.И. Харисов. Автор вступит. ст. М.Х. Минһажетдинов. Авторы комментариев Л.Г. Бараг и М.Х. Мингажетдинов. Отв. ред. Н.Т. Зарипов. – Уфа: Башкнигоиздат, 1976. – 376 с. (на башк. яз.).

2. Башкирское народное творчество. Сказки. Книга вторая / Сост. М.Х. Мингажетдинов И А.И. Харисов. Автор вступит. ст. М.Х. Мингажетдинов. Авторы коммент. Л.Г. Бараг и М.Х. Мингажетдинов. Отв. ред. Н.Т. Зарипов. – Уфа: Башкнигоиздат, 1976. – 376 с. (на башк. яз.).

3. Ишегулова А.М. Концепт “бәхет”(счастье) в башкирских народных песнях // Россия и Восток: Взамодействие стран и народов: Труды X Всероссийского съезда востоковедов, посвященного 125-летию со дня рождения выдающегося востоковеда Ахмет-Заки Валиди Тогана. Часть 2. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2015. – С. 403-405.

4. Кульсарина Г.Г. Этические концепты в башкирской языковой картине мира // Вестник Башкирского университета. – 2010. Т. 15. № 3 (1). – С. 958-961.

5. Самситова Л.Х. Концепт “счастье” в башкирской языковой картине мира и его вербализация в романе З. Биишевой “Емеш” // Актуальные проблемы тюркской филологии: Сборник научных трудов, посвященный 75-летию академика М.В. Зайнуллина. – Уфа: БГУ, 2010. – С. 325-330.

References

1. Bashkirskoe narodnoe tvorchestvo. Skazki. Kniga pervaya / Sost. M.H. Mingazhetdi-nov I A.I. Harisov. Avtor vstupit. st. M.H. Minhazhetdinov. Avtory kommentariev L.G. Barag i M.H. Mingazhetdinov. Otv. red. N.T. Zaripov. – Ufa: Bashknigoizdat, 1976. – 376 c. (na bashk. yaz.).
2. Bashkirskoe narodnoe tvorchestvo. Skazki. Kniga vtoraya / Sost. M.H. Mingazhetdinov I A.I. Harisov. Avtor vstupit. st. M.H. Mingazhetdinov. Avtory komment. L.G. Barag i M.H. Mingazhetdinov. Otv. red. N.T. Zaripov. – Ufa: Bashknigoizdat, 1976. – 376 c.
3. Ishegulova A.M. Koncept “bəhet”(schast'e) v bashkirskih narodnyh pesnyah // Rossiya i Vostok: Vzamodejstvie stran i narodov: Trudy H Vserossijskogo s"ezda vostokovedov, posvyashchennogo 125-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya vostokoveda Ahmet-Zaki Validi Togana. Chast' 2. – Ufa: IIYAL UNC RAN, 2015. – S. 403-405.
4. Kul'sarina G.G. EHticheskie koncepty v bashkirskoj yazykovoj kartine mira // Vest-nik Bashkirskogo universiteta. – 2010. T. 15. № 3 (1). – S. 958-961.
5. Samsitova L.H. Koncept “schast'e” v bashkirskoj yazykovoj kartine mira i ego ver-balizaciya v romane Z. Biishevoj “Emesh” // Aktual'nye problemy tyurkskoj filologii: Sbornik nauchnyh trudov, posvyashchennyj 75-letiyu akademika M.V. Zajnullina. – Ufa: BGU, 2010. – S. 325-330.

УДК 81

Н.Ж. Чонмурунова
Бишкек, Кыргызстан

КОНЦЕПТОСФЕРА ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА Ч.Т. АЙТМАТОВА

Аннотация. *В статье рассматривается индивидуально-авторская концептосфера, которая определяет суть индивидуально-авторского видения писателя, в нашем случае – видение Ч. Айтматова. Концептосфера Ч. Айтматова отличается не только глубиной содержания, но общечеловеческим и общефилософским характером, благодаря чему они понятны и близки любому народу (в высшей степени показательно, что произведения Ч. Айтматова были переведены на 170 языков мира). Эти истоки, сформировавшие духовный мир нашего народа, во многом определили природу и содержание художественно-эстетического мира, созданного Ч. Айтматовым и воплощённого в его произведениях.*

Ключевые слова: *концепт; фрейм; слоты; когнитивная лингвистика.*

N.J. Chonmurunova
Bishkek, Kyrgyzstan

CONCEPTOSPHERE LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD CH.T.AYTMATOV'S

Abstract. *The article deals with individual author's conceptosphere that defines the essence of individual author's vision of the writer, in this case – a vision of Chingiz Aitmatov. Aitmatov differs not only in the depth of content, but they are universal and general philosophical nature, so that they are understandable and close to any people (highly significant that the works of Chingiz Aitmatov has been translated into 170 languages of the world). These origins have shaped the spiritual world of our people, largely determined the nature and content of the artistic and aesthetic world created by Aitmatov and embodied in his works.*

Key words: *concept; frame; slots; cognitive linguistics.*

Сведения об авторе: *Чонмурунова Нуржамал Жумагазиевна, преподаватель, Кыр-*

About the author: *N.J. Chonmurunova, Kyrgyzstan State University named after*

гызский Национальный Университет им.Ж.Баласагына, межфакультетская кафедра русского языка.
Место работы: Кыргызский Национальный Университет им.Ж.Баласагына.
J.Balasagyna, the department of languages.
Workplace: Kyrgyzstan State University named after J.Balasagyna.
***Контактная информация:** 720033, Бишкек, ул.Жибек Жолу 394, каб. 227.*
e-mail: n.turahunova@mail.ru

Д.С. Лихачев писал: «Термин "концептосфера" вводится мною по типу терминов В.И. Вернадского: ноосфера, биосфера и пр. Понятие *концептосфера* особенно важно тем, что оно помогает понять, почему язык является не просто способом общения, но и неким концентратом культуры – культуры нации и его воплощение в разных слоях населения вплоть до отдельной личности» [4, с.5,9].

Интересное определение концептосферы даёт В.А. Маслова: «концептосфера – совокупность концептов, из которых, как из мозаичного полотна, складывается миропонимание носителя языка». Богатство языка определяется не только богатством словарного запаса и грамматическими возможностями, но и богатством концептуального мира, концептосферой, в котором формируется национальная языковая личность [7, с.69].

Концепты составляют очень разнообразные сферы, в совокупности, создающие концептосферы национального языка.

С.А. Кошарная также считает, что концептосфера – это различные типы объединения концептов (от бинарных оппозиций до концептуальных рядов и множеств), формирующие концептуальные поля. Объединение полей и составляет концептосферу [6,с.54] .

По словам З.Д. Поповой и И.А. Стернина, источником формирования концептов является познавательная деятельность людей. «Концептосфера – область мыслительных образов, единиц УПК, представляющих собой структурированное знание людей». Кроме того, концептосфера носит достаточно упорядоченный характер. Концепты, образующие концептосферу, по отдельным своим признакам вступают в системные отношения сходства, различия и иерархии с другими концептами [8, с.18].

З.К. Дербишева в монографии «Ключевые концепты кыргызской лингвокультуры» акцентирует внимание на том, что национальная концептосфера представлена определённым набором ключевых слов. Учёный предлагает 25 ключевых слов, которые могут являться репрезентантами такого же количества концептов, представляющих концептосферу кыргызского миропонимания. К ключевым концептам кыргызской культуры исследователь относит: *комуз, юрту, горы, ребенка, коня, слово, женщину, поминание усопших, жизнь, смерть, обычай, родня, совесть, человечность, судьба, согласие, благодать, дух, нереализованное желание, благопожелание* [3, с. 6]. Это доказывает, что концептосферы разных народов,

как показывает изучение семантического пространства разных языков, существенно различаются и по составу концептов, и по принципам их структурирования. Лингвисты установили эти различия, занимаясь теорией перевода, типологией языков мира, контрастивным изучением двух языков в процессе преподавания иностранного языка.

Концептосфера писателя, или индивидуально-авторская концептуальная картина мира, представляет собой совокупность индивидуально-авторских концептов (представление или мысленный образ в авторском индивидуальном сознании, перешедший в результате особенностей концептуализации писателем фрагментов бытия в разряд ключевого, т. е. получивший в авторском восприятии особую культурно-смысловую ценность, и, следовательно, оказывающийся личностно значимым), содержание которых раскрывается через особенности индивидуального стиля писателя.

Чингиз Торокулович является одной из общепризнанных ключевых фигур кыргызской и русской литературы XX века, это один из наиболее оригинальных мастеров слова, выработавший свой стиль и повлиявший на развитие кыргызской литературы и искусства XX – XXI вв.

Каждый концепт имеет свою концептосферу, которая является составным элементом общей концептосферы отдельного человека и всего народа. Именно она (индивидуально-авторская концептосфера) определяет суть индивидуально-авторского видения писателя, в нашем случае – видение Ч. Айтматова. Концептосфера Ч. Айтматова отличается не только глубиной содержания, но общечеловеческим и общефилософским характером, благодаря чему понятны и близки любому народу (в высшей степени показательно, что произведения Ч. Айтматова были переведены на 170 языков мира). Эти истоки, сформировавшие духовный мир наших народов, во многом определили природу и содержание художественно-эстетического мира, созданного Ч. Айтматовым и воплощённого в его произведениях.

Индивидуально-авторская картина мира имеет в тексте отраженный характер, она в большей степени субъективна и несет на себе черты личности ее создателя. «Продуктивным способом описания индивидуально-авторской картины мира является концептуальный анализ, который заключается в выведении из содержания всего текста базового концепта, а также сведений, знаний о концепте, составляющих его концептосферу». Аспекты концептуализации, обусловленные оценочной позицией автора, во многом объясняют «полевую структуру концептосферы, которая зависит от способов языковой репрезентации концепта» [5, с.85].

Поиски общей идеи раскрывают ещё одно отличие писателя. Общая идея – начало начал айтматовского мировоззрения. Его цель – отвечать своими произведениями на самые коренные вопросы человеческого Бытия. Идея ответственности человека перед временем и потомками – главная в эстетике Ч. Айтматова. Как все большие писатели, Чингиз Айтматов со-

здал свой мир. Айтматовский мир – это мир добра и света, любви и человечности, гармонического единства отдельной человеческой судьбы и судьбы общенародной. Мир Айтматова – квинтэссенция времени, эпохи, рубежей, веков [1]. А этот мир формируется вокруг ключевых нравственно-эстетических понятий, составляющих сущность концептосферы, в которой бытует человек как homo sapiens. Именно такой человек способен по-своему, творчески и художественно-образно сформировать для себя и других тот особый мир, который и принято называть концептосферой (о концептосфере Ч. Айтматова, ключевых концептах его художественного мира см.: [3].

Среди ключевых концептов художественного мира Ч. Айтматова особое место занимают концепты «Добро» и «Зло». Исследуя концептосферу писателя, мы обнаруживаем не только особенности его мировидения и мироощущений, но и отражённые в ней особенности национального сознания и культуры.

Это обусловлено индивидуальным опытом писателя, исторической эпохой, в которую он творил, ознаменовавшейся определёнными социально-экономическими, политическими событиями. Поэтому у одного автора ключевыми концептами будут мыслеобразы, связанные с так называемыми «обыденными» представлениями этноса, у другого – с «теоретическими основами» социокультурной жизни нации. Так, взаимосвязанные концепты «Добро» и «Зло» в эпохи политических перемен для любого писателя будут связаны с соответствующими концептами *«война», «мир», «родина*». В относительно спокойное для общества время та же концептуальная пара будет чаще взаимодействовать с концептами *«вера», «добро», «любовь».*

Концептосфера писателя имеет в тексте отражённый характер, она в большей степени субъективна и несёт на себе черты языковой личности её создателя. Продуктивным способом описания индивидуально-авторской картины мира является концептуальный анализ, где из содержания всего текста выводятся базовые концепты, а также сведения и знания о концепте, составляющих его концептосферу. В тексте осуществляется эстетическая концептуализация мира, проявляющаяся и в том, что автор как творческая личность, наряду с общепринятыми знаниями, привносит в представление о мире и свои частные, индивидуальные знания. Аспекты концептуализации обусловлены, во-первых, объективными законами, во-вторых, оценочной позицией автора. Авторское сознание не копирует с помощью языковых средств реальный мир, а выделяет в нем значимые для творческого субъекта события, свойства, качества и пр., своеобразно комбинируя их и создавая индивидуальную модель действительности. В тексте как результат авторского познания действительности осуществляется категоризация мира, т. е. выражаются знания о составляющих его основных компонентах, их обобщения и интерпретация, закреплённые в текстовых содержательных категориях денотативной структуры, времени, пространства.

Содержание концептов, свойственных тому или иному художнику слова, определяется особенностями его авторского мировоззрения, худо-

жественно-образного мировосприятия и индивидуально-авторской картины мира.

Показателями национальной языковой картины мира писателя-билингва в произведениях Ч. Айтматова являются названия животных, обитающих на территории Кыргызстана (в романе «Плаха» (Волки), «И дольше века длится день» (Каранар)», «Когда падают горы» (Жаабарс), «Белый пароход» (Архары, косули).

Описывая определённый фрагмент действительности (уничтожение сайгаков, отношения между человеком и природой), автор использует не просто соответствующие по семантике слова, а слова с усиленным коннотативным макрокомпонентом значения, большим ассоциативным потенциалом, выражающие максимальную интенсивность признаков и обладающие обширным диапазоном прагматики. Приведём пример из романа «Плаха»: *«Саванна платила богам кровавую дань за то, что смела оставаться саванной…. И побоище длилось… Страх достиг апокалипсических размеров, что волчице Акбаре… казалось, что весь мир оглох и онемел, что везде воцарился хаос и само солнце… тоже гонимо вместе с ними в этой бешеной облаве, что оно тоже мечется и ищет спасения…».* При помощи метафор и сравнений автор воссоздаёт яркую и выразительную картину силы человека и беспомощности природы перед её лицом, злом: *«грохочущее над ущельем железное чудовище», «невиданная птица, чудовищно грохочущая»* – вертолёт. Эти средства являются индикаторами концепта «Зло», отражая при этом авторское отношение к описываемому, благодаря ним устанавливается ассоциативная связь техника – уничтожение природы – зло, а значит, и человек – техника – зло. Кровавые картины уничтожения животных дополняются изображением сцен умерщвления: *«Сайгаки падали… Их прирезали на месте подборщики туш, наотмашь полоснув по горлу, и, раскачав за ноги, судорожно дёргающихся, полуживых кидали в кузова грузовиков. Страшно было смотреть на этих людей в облитой кровью с головы до ног одежде».* Человек и техника, действующая в саванне, подвергается метафорическому обобщению: «колоссальная машина истребления», «всесокрушающая механизированная сила». За счёт эпитетов с усиленными семами интенсивности и прагматики, читатель может представить истинный масштаб происходящего. Подбор лексических средств создаёт эффект не просто отрицательного воздействия, а вызывают негодование, презрение к людям, осуждение их действий. В этот момент читатель оказывается на стороне несчастных гонимых животных, обречённых на жестокую расправу человека. Таким образом, целые эпизоды выступают в данном случае индикаторами эмоциональных связей и авторской прагматики, сигнализирующими о концепте «Зло». Отметим также детализацию описания не только кульминационных эпизодов, но и портретных характеристик волков (*«сияющие синие глаза», «необыкновенные глаза»* и др.). При этом большое внимание уделяется волкам, их внешнему виду, характеристике, действиям и переживаниям. Таким образом, на фоне Зла лиричные описания волков дают возможность читателю установить связь живот-

ного мира с концептом «Добро». Наделённые автором именами, волки, тем не менее, не являются сказочными героями. Они умеют думать, тосковать и переживать, но при этом остаются зверями: *«Акбара заглатывала куски ещё горячего, живого мяса… Ташчайнар…сокрушал мощными челюстями сочленения суставов, как варвар мясник»* [2]. Но, несмотря на присутствие звериной жестокости, действия волков не воспринимаются как зло. Неоднократно сам автор оправдывает их поведение: «Волчье предназначение – убить, чтобы жить».

Понимание «Добра» и «Зла» у писателя становится шире, многограннее, выходит за пределы личностных проявлений героев, и наряду с этим поляризация «Добра» и «Зла» стремительно набирает силу. В поздних своих произведениях Ч. Айтматов делает «Зло» главным персонажем своих произведений. При описании «Зла» писателю свойствен максимализм, крайность чувств, доходящих до отчаяния. Писатель целенаправленно стремится создать ощущение вездесущности зла, его изощрённости, его всесилия. Он стремится довести читателей до состояния глубокого потрясения, чтобы воздействие злом довело человека до состояния катарсиса, и чтобы он благодаря этому очищению смог бы встрепенуться, встать, распрямить плечи и изо всех сил сопротивляться силам зла. Это главная идея в творчестве Ч. Айтматова. Исходя из этого полагаем, что концепт «Зло» является одним из ключевых в концептосфере Ч. Айтматова. Ментальной основой концептосферы писателя является индивидуальная концептосфера.

Рассмотрим, каким образом актуализируется концепт «Зло» в произведении «И дольше века длиться день». Лексема **зло** и его дериваты в романе «И дольше века длится» представлены следующими лексемами: **зло**(10) в значении «нечто дурное, вредное»: *«Разве мало **зла** на земле и без этого?» (стр.126),* **злой**(2) в значении «вызванный, пропитанный злобой, злорадством», *«Если бы я имел **злой** умысел, ты бы это почувствовал» (стр.205)*, **злобный**(3) в значении «тот, кто делает зло, совершает преступление», *«…Едигей ужаснулся, когда увидел косматый **злобный** взгляд верблюда и то, как он набегал… (стр. 220),* **назло**(3) в значении «как будто нарочно», «*И в этот раз, как назло, откуда ни возьмись шумная ватага оборванцев примчалась гонять в футбол» (стр.63),* **злодей**(2) в значении «тот, кто делает зло, совершает преступление»: *«От рук отбился, **злодей**, и вот теперь выражал свое недовольство – свирепо разевая зубастую пасть, вопил время от времени…»(стр.29*, **злобно**(1) *«Он все носился, кружил вокруг да около, злобно рыча, ревнуя их неизвестно к кому к чему, разве что к луне…»(стр.219),* **злодеяние**(2) в значение «плохой поступок»: *«Они нашли способ отнимать у рабов их живую память, нанося тем самым человеческой натуре самое тяжкое из всех мыслимых и немыслимых **злодеяний**» (стр.123).*

Структуру концепта «Зло» может быть представлена в виде фреймов.

Фреймы, которые представляют индивидуально-авторское видение Ч. Айтматова в произведении «И дольше века длиться день», составляющие концепт «Зло»: «Смерть», «Война», «Жуаньжуане», «Манкуртизм», «Хайваны».

1) Фрейм «Смерть» в художественном тексте включает в себя слоты: «Горе», «Несчастье», «Беда», «Трагедия», «Боль», «Утрата» и выражается в художественном тексте следующими словосочетаниями: *оглушительная волна беды, чёрное траурное обрамление, горько сетовать, излить природно, плач в голос, сиротская жалоба.*

Смерть – это несчастье, трагедия и зло. Ведь самое тяжёлое, что может пережить каждый из нас — это потеря близкого человека. Горе, постигшее человека, которое несравнимо ни с чем. Чаще всего оно приходит внезапно, когда его не ждут. Когда человек теряет самого близкого человека, земля словно уходит из-под ног, именно это переживает Едигей, при потере самого близкого ему человека Казангапа.

2) Следующий фрейм «Война» в художественном тексте включает в себя слоты: «Горе», «Несчастье», «Беда», «Кровь» выражается в художественном тексте такими словами и словосочетаниями: *горе через край, свирепый ветер времени, холодная война, пропилась кровь, заливая кровью, кровопролитный бой, взрыв.*

Война – это социальное зло. В концептосфере Ч. Айтматова социальное зло охватывает всю совокупность явлений, противоречащих интересам и жизненным потребностям человека и общества. Социальное зло исходит из несовершенства общественного и государственного устройства.

3) Фрейм «Манкуртизм» в концептосфере Ч. Айтматова включает в себя такие слоты как: «Раб-манкурт», «Бессловесная тварь», «Чучело», «Дикая лошадь» и имеет индивидуально-авторскую специфику, вербализуется с помощью следующих выражений: *покушаться на память человека, вытравить память раба, память, разъятая силой, изувеченный пытками разум, когда голову ужимали, как орех, клещами, сокрушённое сознание, раб–манкурт, бессловесная тварь, дикая лошадь, чучело, душераздирающие крики, нечеловеческие муки, утоление чрева, тупое терпение, устрашения духа, ненавистная и ослепшая светила.*

«Манкуртизм» – это абсолютное зло. Под абсолютным злом понимаются действия, которые направлены против человеческого естества и противостоят фундаментальным потребностям человеческого рода.

Фрейм «Манкуртизм» имеет индивидуально-авторскую специфику и вербализуется с помощью следующих выражений: *покушаться на память человека; вытравить память раба; память, разъятая силой; изувеченный пытками разум; когда голову ужимали, как орех, клещами; сокрушенное сознание.*

4) Фрейм «Жуаньжуане» в концептосфере Ч. Айтматова включает в себя такие слоты: «Нелюди», «Хайваны» которые объективируются такими выражениями: *свирепые воины, свирепые пришельцы, приносящие несчастье, жестокие, дикие, вытравляют память раба.*

Жуаньжуаны – жестокое племя, захватившее сарозекские степи. Чудовищная участь ждала тех, кого жуаньжуаны оставляли у себя в рабстве. Они уничтожали память раба страшной пыткой – надеванием на голову жертвы шири – верблюжьего горба, при этом волосы росли вовнутрь головы и впивались в мозг человека. Ч. Айтматов считал, что намного легче уничтожить человека, чем удалить его память и разум, «вырвать корни того, что остается с человеком до его последнего вздоха, оставаясь его единственным обретением, уходящим вместе с ним и не доступным для других». Жуаньжуане придумали самый варварский способ – отнимать живую память Человека, что, по мнению Ч. Айтматова, самое «тяжкое из всех мыслимых и немыслимых злодеяний». Само название кладбища символично – «Ана Бейит» – Материнский упокой. Особый смысл вкладывает в слова, сказанные Найман-Аной в отчаянии (во многом тут проявилась и позиция писателя): *Можно отнять землю, можно отнять богатство, можно отнять и жизнь, но кто придумал, кто смеет покушаться на память человека?! О Господи, если ты есть, как внушил ты такое людям? Разве мало зла на земле и без этого? (стр.123).*

5) Фрейм «Хайваны (Санжар, Шармерден, Тансыкбаев)» в концептосфере Ч.Айтматова включает в себя такие слоты: «Пустышки», «Болтуны никчёмные», «Морально извращённые люди», «Подкаблучники», «Бестия», «Манкурты» и реализующиеся следующей лексикой: *безмозглый, человечек не ахти, бесстыжие глаза, подкаблучник подлый, чертовщину несёт, каркает болтун, кошачьи глаза, тотальный котаклизм, кречетоглазый, враждебный тип.*

Хайван – это оскорбительное слово, которое обозначает человека ведущего, как животное, скотина. В концептосфере Ч. Айтматова хайваны – это пустышки, безмозглые люди, такие как «кречетоглазый» Тансыкбаев.

Таким образом, концепт «Зло» в концептосфере Ч. Айтматова – это многослойное образование. Вербально-семантическое описание концепта «Зло» даёт представление о степени лексико-семантической насыщенности этого концепта в произведениях Ч. Айтматова. Фреймовый анализ позволил выявить различные проявления концепта «Зла» в индивидуально-авторском понимании писателя. Кроме того, фреймовый подход продемонстрировал семантическую сложность структуры концепта «Зло», которая была рассмотрена с помощью слотового наполнения. Анализ концепта «Зло» позволил выявить индивидуально-авторскую образную интерпретацию данного концепта и с помощью когнитивных признаков выявил основные когнитивные идеи, представляющие наиболее важные мысли пи-

сателя о зле, которые он стремился донести до читателя. В заключение можем сказать, что в индивидуально-авторской концептосфере находят своё выражение лингвостилистические особенности идиостиля известного мирового писателя Ч. Айтматова. Перспективы исследования заключаются в изучении индивидуально-авторской концептосферы Ч. Айтматова.

Литература

1. Акматалиев, А. Значение творческой активности Ч. Айтматова в процессе взаимообогащения национальных литератур / А. Акматалиев. – Бишкек,1994. –308 с.
2. Айтматов, Ч.Т. И дольше века длится день; Плаха; Пегий пес бегущий краем моря; Романы, повесть / Ч.Айтматов. – Фрунзе: Кыргызстан, 1988. – 656 с.
3. Дербишева, З. К. «Вселенная Чингиза Айтматова» / Сост.З.К.Дербишева. – Б.: КТУ «Манас», 2012. – 192.
4. Лихачев, Д.С. Концептосфера русского языка / Серия литературы и языка. Т.52. № 1. – М., 1993.
5. Бабенко, Л. Г., Казарин, Ю. В. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика: Учебник; Практикум / Л. Г. Бабенко, Ю. В. Казарин. – 3е-изд. – М.: Флинта; Наука, 2005.
6. Кошарная, С.А. Миф и язык / С.А.Кошарная. – Белгород, 2002. – 287с.
7. Маслова, В.А. Когнитивная лингвистика // учеб. пособие. – Мн.: Тетра Системс, 2004. – 256 с.
8. Попова, З.Д. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях / З.Д.Попова, И.А. Стернин. – Воронеж, 1999. – 30с.

References

1. Akmataliev, A. Znachenie tvorcheskoj aktivnosti CH. Ajtmatova v processe vzaimoobogashcheniya nacional'nyh literatur / A. Akmataliev. – Bishkek,1994. –308 s.
2. Ajtmatov, CH.T. I dol'she veka dlitsya den'; Plaha; Pegij pes begushchij kraem morya; Romany, povest' / CH.Ajtmatov. – Frunze: Kyrgyzstan, 1988. – 656 s.
3. Derbisheva, Z. K. «Vselennaya CHingiza Ajtmatova». Sost.Z.K.Derbisheva. –B.: KTU «Manas», 2012. – 192.
4. Lihachev D.S. Konceptosfera russkogo yazyka / Seriya literatury i yazyka. T.52. № 1. – M., 1993.
5. Babenko, L. G., Kazarin, YU. V. Lingvisticheskij analiz hudozhestvennogo teksta. Teoriya i praktika: Uchebnik; Praktikum / L. G. Babenko, YU. V. Kazarin. – 3e-izd. – M.: Flinta; Nauka, 2005.
6. Kosharnaya, S.A. Mif i yazyk / S.A.Kosharnaya. – Belgorod, 2002. – 287s.
7. Maslova, V.A. Kognitivnaya lingvistika // ucheb. posobie. – Mn.: Tetra Sistems, 2004. – 256 s.
8. Popova, Z.D. Ponyatie «koncept» v lingvisticheskih issledovaniyah / Z.D.Popova, I.A. Sternin. – Voronezh, 1999. – 30s.

УДК 82.0-82-14

Ж.Ж. Чыманова
Бишкек, Кыргызстан

ФРЕЙМ «РЕЧЬ» В АНГЛИЙСКОМ И КЫРГЫЗСКОМ ЯЗЫКАХ

Аннотация. *В статье рассматривается фрейм «речь» и его особенности на*

Zh.Zh. Chymanova
Bishkek, Kyrgyzstan

FRAME “SPEECH” IN THE ENGLISH AND KYRGYZ LANGUAGES

Abstract. *The article is devoted to the frame “speech” based on the verbs of the English*

примере глаголов английского и кыргызского языков. Характеризуя вербальную способность человека, фрейм «речь» дает основные понятия и ситуации о речевой деятельности в целом.

and Kyrgyz languages. The frame "speech" characterizes the verbal ability of human and gives the main notions and situations of the oral activity as a whole.

Ключевые слова: *фрейм, сценарий, речь, субфрейм, ядро, периферия, глагол.*

Key words: *frame, scenario, speech, sub frame, core, periphery, verb.*

Key words: *palindrome, form and content, imagery, image, genre, pathos.*

Сведения об авторе: *Чыманова Жылдыз Женишбековна, кандидат филологических наук, старший преподаватель отделения западных языков (английский язык и литература).*

About the author: *Chymanova Zhyldyz Zhenishbekova, Candidate of Philology, Senior Teacher of Western Languages Department (English Language and Literature).*

Место работы: Кыргызско-Турецкий университет "Манас".

Place of employment: Kyrgyzstan, Bishkek, Jal, Chyngyz Aytmatov Campus.

Контактная информация: *720044, Кыргызстан, Бишкек, Джал, кампус имени Ч.Айтматова, e-mail: jikastar82@mail.ru.*

Contact information: *720025, Bishkek, 4 micro-district, h.15, ap. 28; e-mail: allanarozya@gmail.com.*

Являясь одной из значимых единиц когнитивной лингвистики, термин «фрейм» получает свое широкое применение в языкознании. По своему содержанию фрейм представляет собой многогранную ситуацию из нескольких семантических уровней и подуровней, по этой причине очень трудно характеризовать данный термин единым устойчивым определением.

Фрейм – это ментальная сущность, когнитивная модель, передающая знания и мнения об определенной, часто повторяющейся ситуации, поэтому нередко термин «фрейм» ассоциируют с понятием «сценарий», хотя это представление может быть правильным не во всех случаях. Как известно, scenario англ. «сценарий» – означает: 1) ситуация, которая возможно может случиться; 2) письменное описание о происходящем в спектакле или игре [1]. Сопоставляя эти два термина, можно понаблюдать, что в некоторых случаях «под фреймом понимают совокупность устойчивых представлений о предмете или группе предметов, а под сценарием – совокупность устойчивых представлений о процессе как наборе регулярно воспроизводящихся событий» [2]. Фрейм является некого рода рамкой, внутри которой фукционирует определенная ситуация, каждая рамка включает в свой состав глаголы, имеющие непосредственное отношение к данной ситуации.

По своей структуре у фрейма выделяются ядро и периферия. Верхние уровни фрейма четко определены, поскольку образованы такими понятиями, которые всегда справедливы по отношению к предполагаемой ситуации. На более низких уровнях имеется много особых вершин-терминалов или «ячеек», которые должны быть заполнены характерными

примерами или данными и представляются как субфреймы, или вложенные фреймы [3].

В главном фрейме “речь” активное участие принимает агенс, который имеет определенный мотив и цель, планирует, осуществляет и корректирует ход действия, прогнозирует и оценивает результат. Все эти пункты и составляют фрейм. В состав основного фрейма «речь» входят главные речевые глаголы *to say – деш, to tell – айтуу, to speak – сүйлөө, to talk – сүйлөшүү*, занимающие ядерные позиции данного лексико-семантического поля.

В составе главного фрейма “речь” можно выделить субфреймы “правда”, “ложь”, “предсказание”, “оговор”. Данные субфреймы характеризуют определенный речевой смысл, нежели просто речь, но все же они функционируют внутри общего фрейма “речь” [4].

Например: *Then it occurred to me that I was doing just what she had predicted* [5];

I always tell her the truth, she knows I don’t have affairs [5];

Кыздын көөнү кызылда эмеспи, чынымды айтсам, жанагы төө менен кеткен килемге ичим ачышып эле калды, – дейт [6];

Калп айтканды билбейт [6].

Функционирование всех речевых глаголов английского и кыргызского языков невозможно внутри одного фрейма. Наряду с главным фреймом “речь” выделяются такие ситуационные фреймы, как:

- фрейм «произношение», включающий в свой состав глаголы, характеризующие произношение звуков, слов с помощью голоса и органов речи. Например: *This was the name, not pronounced how in my presence for very many years, of my former wife* [5];

…the pale face of a young woman was raised feebly from the pillow; and a voice imperfectly articulated the words, “Let me see the child and die” [9].

Кара баскан Каракул, сени кайсы кудай уруп жүрөт? – деп кыйкырып сала берди [6];

Кай бирлери – Ледин – деп кайталады [6].

На терминалах фрейма «произношение» располагаются субфреймы, характеризующие произношение особый характер звукового оформления речи: «громкость», «темп», «четкость», «скорость», передающие особый характер звукового оформления речи.

Например: *The magistrates are not called upon to pronounce any opinion on the matter* [7];

Clerk and shopman! – murmured I to myself [8];

In the same unmoved silence I listened to a dozen inrotation, and when the twelfth had concluded with splutter, hiss, and mumble, I solemnly laid down the book [8];

I hop, – stammered Mr. Limbkins [9];

She was sort of crying and wailing in there for a time [5];

No, no, – she whispered, a sort of voiceless whine [5];
Кара баскан Каракул, сени кайсы кудай уруп жүрөт? – деп кыйкырып сала берди [6].

В кыргызском языке глаголы, входящие в состав фрейма “произношение”, имеют так называемый звуковой ономатопический оттенок, т.е. глаголы речи сами характеризуют манеру говорения.
Например : *Уулдаган, чуулдаган. Аңылдаган, даңылдаган* [6]; *Менден чоң ит болгондор да жок эмес экен, – деп бара берейин – деп күңкүлдөдү* [6];
Коркуп калдым, буларыңдан, – деп кышылдады, күшүлдөдү [6];

- фрейм «передача информации», делающий акцент на глаголах, передающих функцию сообщения, основные глаголы в данном фрейме – это глаголы, употребляемые в различных коммуникативных ситуациях. Например: *Without this occupation my Lady frequently declared she should die* [7];
The next morning the public were once more informed that Oliver Twist was again To Let… [9].
Албан кыскача баяндап берди [6];
Буту жеткен жердегилердин бардыгына эчак эле жар салып чыккан [6];
Ал жердегилер аздык кылып алдырып жибергендиктерин Ийгиликке кабар беришет [6];

На терминалах данного фрейма находятся такие субфреймы, как “дезинформация”,“предупреждение”,“рекламирование”,“рекомендация”, характеризующие коммуникативные ситуации.
Например: *I will consult M. Pelet, and the thing shall be settled as your desire* [8];
...аны эңишке түшкөн жигиттин күчү гана билет – дешип, Албанга иштин ошо жагын эскертишти [6].

- фрейм «вопрос», где в качестве доминирующей ситуации выступает ситуация вопросительности. Данный фрейм охватывает все возможные глаголы, употребляемые при запрашивании какой-либо информации. Например: *The parish authorities inquired with dignity of the workhouse authorities* [9];
I’m not asking you to be discreet [5];
Crimsworth had no dignity, and when I sternly demanded an explanation, he gave one in a loud, scolding voice [8];
Чайын ичип болгондон кийин кожоюн жигитке бурулду да, мында ким жибергендигин сурады [6];
Чал мурдагы базар баасына караганда эки эсе кымбат сурады [6];
Кайдан, кандай жумуш менен жүргөндүктөрүн сураштырышты [6];

На терминалах данного фрейма находятся субфреймы “ответ” (фрейм “ответ” функционирует при наличии субфрейма “опрос, опрашивание”, характеризует ответный речевой акт), “согласие”, “несогласие”.

Например: *I had, however, no fancy for his acid German nectar, but I liked coffee, so I responded…* [8];
Rachel, Rachel, please answer [5];
Эч ким эчтеме деп Күмүшкө каршы жооп кайтарышпады [10];
Бектин суроосуна бектер дароо жооп кайтара албай ойлоно калышкандыктан, бек эместер озунуп сөз айталбай баштарын салып жер карашты [10].
Ашыр ырчыга Бермет кыз жооп кайтарды [6].

- фрейм «речевое воздействие» с субфреймами «приказ», включающий в свой состав глаголы повелительного характера.

Например: *…and good Father Hold will instruct you as becomes a gentleman of our name* [7];
As I have explained, I was about to leave London [5];
Mr.Bumble was at once instructed that Oliver Twist and his indentures were to be conveyed… [9];
He might be excused for doing so… [9].
Ылайым эки дүйнөдө кем болбосун, – деген алкыштарды айтып миң башы алакан жайды [6];
Анан казысы бул жердегилерди тааныштыра отурууга өттү [6];
Анан ыраазылык белгиси кылып Албанга алкыш айтты [6].

- фрейм «речевая эмоция» с субфреймами «жалоба», «критика», «обвинение», «оскорбление», “ругань”.

Например: *…my Lord and my Lady quarreled and abused each other so as to make the servants laugh, and frighten the little page on duty* [7];
Oliver promised to obey… [9];
He called my mother names, replied Oliver… [9];
Ооздугун кагып-силкип, өзүнөн кетип жатканын сезбей, аты менен да урушат [6];
Килеми деле сиздики болсун, – деп Албан тамашага бура сүйлөдү [6];
Чайчылардын кожоюну сөгүнүп басып кетти [6];
...тиги жактан ашпоздору ашын мактап айгайлайт [6]; *Чайкананын кожоюну зөөкүрүнө урдурганын айтып даттанды* [6];

- фрейм «разговор», в состав которого входят глаголы, описывающие участие как минимум двух лиц в речевом процессе.

Например: *The board then proceeded to converse among themselves for a few minutes* [9];
…and was returning to the workhouse to communicate the result of his mission… [9];
The smelly person on the doorstep began talking at once very fast, saying things which I could not hear [5];
Үчөө маектеше баштаганда, кара бала бир нан, бир чайнек чайды алдына кое салды [6];
Айтпаса, сен ким менен сүйлөшүп аттың? [11].

На терминалах фрейма “разговор” располагаются субфреймы “дискуссия”, “спор”, “болтовня”.
Например: *I can’t discuss this – there can be no possible communication* [5];
I detest chatter and gossip [5; 1973];
Эмнени келжиреп турасың, соодагерим? – деп чал кедеңдеди [6];
Жөнү жок жөөлүй бербесеңчи, Бермет баатыр! [6].

- фрейм «молитва», в состав которого входят глаголы религиозного воздействия. В кыргызском языке имеется в наличии ряд речевых глаголов, связанных с религиозными особенностями – намаз окуу, куран окуу, жарамазан айтуу, азан чакыруу, кошок айтуу, келме келтирүү.
Например: *...prayed that they would order him back to the dark room…* [9];
Бардыгы алакан жайып бата кылышты [6];
Анан кай бирлери “Я - алла” деп келме келтирди [6];
Бирок, намаз окуп жүрөт деген аты гана бар. Намазда айтыла тургандардын жүздөн онун да оңчулуктуу билишпейт [6];
Кудайга шек келтирбе. Келме келтир [6];

Внутри фрейма “молитва” находится субфрейм “благословение” – to bless – бата берүү.
Например: *Бата-дубаларын айтып бабырашат* [6].
Мээркан өзүнчө бата кылып ийди [11].
Ага удаа баары дуба кылышты [11].
Ар күнү алганына куран багыштап, Алладан жалгызына өмүр тилейт [11].

Рассмотрев дополнительные фреймы и субфреймы общего фрейма “речь”, можно показать функционирование глаголов речи в английском и кыргызском языках в виде одного лексико-семантического поля. В ядре данного ЛСП мы разместили основные речевые глаголы английского и кыргызского языков, которые являются своего рода доминирующими в ЛСП глаголов речи.

В периферии данного поля мы разместили менее используемые глаголы речи или те же субфреймы и все глаголы, входящие в состав того или иного субфрейма. Вследствие полисемности большинства глаголов английского языка и некоторых кыргызских глаголов, один и тот же глагол может входить в состав двух разных фреймов или субфреймов.

Литература

1. Macmillan English Dictionary. – Bloomsbury Publishing Pls, 2002. – 1692 p.
2. Крат, М.В. Структурно-семантическая организация инфинитивных и герундиальных конструкций цели в современном английском языке: дис. ... канд.филол.наук. – Пятигорск, 2005. – 156 с.
3. Минский, М. Фреймы для представления знаний. – М.: Энергия, 1979. – 152 с.
4. Васильев, Л.М. Семантика русского глагола: глаголы речи, звучания и поведения. – Уфа, 1981. – 71 с.
5. Murdock, I. The black prince. – The Viking Press, Inc. New-York, 1973. – 366 p.

6. Убукеев, А. Избранные произведения. – Фрунзе: Кыргызстан, 1975. – 492 б.
7. Thackeray, W.M. The History of Henry Esmond, Esq. – M., 1954. – 595 p.
8. Brontë, Ch. The Professor. – Penguin Books, 1995. – 253 p.
9. Dickens, Ch. Oliver Twist. – Wordsworth Classics, 1992. – 373 p.
10. Жантөшев, К. Каныбек. – Фрунзе: Кыргызстан, 1972. – 610 б.
11. Даникеев, Ө. Көз ирмемдеги өмүр. – Фрунзе: Мектеп, 1981. – 256 б.

References

1. Macmillan English Dictionary. – Bloomsbury Publishing Pls, 2002. – 1692 p.
2. Krat, M.V. Strukturno-semanticheskaya organizaciya infinitivnyh i gerundial'nyh konstrukcij celi v sovremennom anglijskom yazyke: dis. ... kand.filol.nauk. – Pyatigorsk, 2005. – 156 s.
3. Minskij, M. Frejmy dlya predstavleniya znanij. – M.: Energiya, 1979. – 152 s.
4. Vasil'ev, L.M. Semantika russkogo glagola: glagoly rechi, zvuchaniya i povedeniya. – Ufa, 1981. – 71 s.
5. Murdock, I. The black prince. – The Viking Press, Inc. New-York, 1973. – 366 p.
6. Ubukeev, A. Izbrannye proizvedeniya. – Frunze: Kyrgyzstan, 1975. – 492 b.
7. Thackeray, W.M. The History of Henry Esmond, Esq. – M., 1954. – 595 p.
8. Brontë, Ch. The Professor. – Penguin Books, 1995. – 253 p.
9. Dickens, Ch. Oliver Twist. – Wordsworth Classics, 1992. – 373 p.
10. Zhantөshev, K. Kanybek. – Frunze: Kyrgyzstan, 1972. – 610 b.
11. Danikeev, Ө. Көz irmemdegi өmүr. – Frunze: Mektep, 1981. – 256 b.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 811.512

К.З. Зулпукаров
г. Ош, Кыргызстан

ЗАМЕТКИ ПО НОСТРАТИКЕ И ЭТИМОЛОГИИ НАЗВАНИЯ НЕВЕСТКИ В НОСТРАТИЧЕСКИХ ЯЗЫКАХ

Аннотация. *В статье анализируется кыргызский лингвокультурный скрипт «похищение невесты». Установлена последовательность, логическая схема коммуникативных ходов в рамках данного скрипта. Определен алгоритм поведения участников события.*

Ключевые слова: *ностратика, ностратические языки, китайский язык (ханью), киргизский язык, тюркские языки, этимология.*

Сведения об авторе: *Зулпукаров Капар Зулпукарович, доктор филологических наук, профессор, директор центра лингвистических исследований.*

Место работы: Ошский государственный университет.

Контактная информация: *723500, г. Ош, пр. А. Масалиева, 91а, каб. 229.*
e-mail: zulpukarov48@mail.ru.

K.Z. Zulpukarov
Osh, Kyrgyzstan

NOTES ON NOSTRATIKA AND ETYMOLOGY OF THE NAMES OF THE BRIDE IN THE NOSTRATIC LANGUAGES

Abstract. *Целью статьи является рассмотрение происхождения слов со значением «невестка» в североафриканских (семито-хамитских) и евразийских языках. Сравнительное изучение соответствующих фактов позволяет заключить, что праформа номинантов невестки восходит к китайским первичным корням.*

Key words: *Nostratic, nostratic languages, Chinese (hanju), Kyrgyz language, Turkic languages, etymology.*

About the author: *Zulpukarov Kapar Zulpukarovich, doctor of philological sciences, professor, director of linguistic researches.*

Place of employment: Osh State University.

В 60-е годы XX века в компаративистике появилась очень смелая лингвистическая идея. Суть ее заключалась в постулировании генетического родства целого ряда языковых семей Северной Африки и Евразии. К ним относились алтайские, дравидские, индоевропейские, картвельские, семито-хамитские и финно-угорские (уральские) языки. Эти языки стали именоваться ностратическими (по-латыни *noster* «наш»), а направление, изучающее их общие корни – ностратикой.

Ностратика впоследствии становится вполне определенной научной дисциплиной со своим объектом, научно-понятийным аппаратом, методологической базой и процедурами сравнительного анализа и обобщения. Наряду с термином «ностратические языки» используются обозначения «борейские языки», «бореальные языки», «евроазиатские языки», которые не получили распространения. Вполне вероятно вхождение в эту макросемью эскимосо-алеутских, чукотско-камчатских, северо-кавказских, синотибетских и других групп языков.

Генетическое родство ностратических языков обнаруживается в наличии в них обширного корпуса генетически тождественных морфем (свыше 900 общих корневых и аффиксальных морфем). При этом корпус корневых морфем включает в себя корни основного словарного фонда и покрывает круг основных элементарных понятий и реалий (части тела, родственные отношения, прономинативы, названия животных и растений, природные явления, элементарные движения и действия, пространственные отношения, основные качества и чувства). При этом **генетически родственными считаются морфемы языков разных семей, обладающие общими звуковыми и семантическими признаками.**

Возникновению ностратики предшествовал период попарного сравнения языковых семей – уральской и алтайской (В. Шот, М.А. Кастрен, О. Соважо, А.М. Рясенен, К.Г. Менгес), семитской и индоевропейской (Г. Мёллер, А. Кюни), индоевропейской и картвельской (Ф. Бопп), уральской и индоевропейской (Б.Коллиндер) и т.д. Впервые положение о родстве нескольких языковых семей было сформулировано Х. Педерсоном. Им же в 1903 году был предложен термин «ностратические языки» как общее наименование урало-алтайской, индоевропейской и афразийской (семито-хамитский) языковых семей.

В настоящее время под ностратикой понимается учение о макросемье языков, объединяющей алтайские, дравидские, индоевропейские, картвельские, уральские и семито-хамитские языки (В.М. Иллич-Свитыч, А.Б. Долгопольский, В.А. Дыбо, И.И. Пейрос, Н.А. Сыромятников, Е.А. Хелимский, С.А. Старостин и др.). Факты из других языков привлекаются нерегулярно, от случая к случаю. Нам неизвестны исследования по ностратике, в которых бы приводились и подвергались сравнению слова сино-тибетских языков.

Мы считаем, что **сино-тибетские языки должны быть включены в состав ностратических языков.** Для этого есть достаточные основания. Мы пока можем судить только по данным китайско-киргизских соответствий [1, с. 21-25]. В ханью и киргизском языке много таких корневых морфем с общим звуковым обликом и значением, которые позволяют высказать и обосновать гипотезу об отдаленных этногенетических и социокультурных связях соответствующих двух народов. Есть немало фактов, свидетельствующих о том, что материалы ханью обогатят наши представления о ностратических языках и расширят состав и границы бореалистики. В настоящей статье проанализируем рефлексии общеностратического наименования невестки, которое восходит к двум исходным слогам китайского языка.

В.М. Иллич-Свитыч реконструирует ностратическое слово **kalu* «свойственница», усматривая его в семито-хамитском *k.l* «невеста, невестка», в картвельском *kal* «женщина», индоевропейском *alou* «жена брата», уральском *kalu* «свойственница (сестра мужа, жена брата и под.), муж

сестры», дравидском *kal* «жена брата отца, тетка», алтайском *kali(n)* «жена младшего брата или сына, муж сестры». Он приводит следующие конкретные примеры из разных языков:

1. Семито-хамитские языки: общее **kalla-tu* (реконструируемое), мехри *kelon* «невеста», сокотри *kelan* «невеста», шахри *kelint*, геез *taklil* «брак», др.-еврейское *kallā*, аккад. *kallātu*, ассирийск. *kallatu, kallutu* и др.

2. Картвельские: грузин. *kal* «женщина, жена (в диал.)», чанск. *kale* «девушка» (при обращении).

3. Индоевропейские: латин. *glos* «золовка, жена брата», фригийск. *gelapos* «жена брата», греч. *galus* «золовка», русск. *золовка*, шугнан., рушан. и др. иран. яз. *kelin* «невеста, сноха» [2, с. 295-296; 1, с. 21-25, 722-730].

4. Уральские: финн. *käly*, вепс. *kälu* «сестра мужа или жены, жена брата», эстон. *käli* «брат мужа, жена брата мужа», саам. *galo* «жена брата мужа», мордов. (мокшан.) *kel* «жена брата мужа», удмурт. *kali* «сноха», коми *kel* «жена брата», ненец. *sēl* «жены братьев (по отношению друг к другу), мужья сестер (по отношению друг к другу), сестры, вышедшие замуж за братьев; братья, женатые на сестрах». Здесь В.М. Иллич-Свитыч делает замечание: «Перенос названия на мужчину-свойственника …, вероятно, происходил первоначально в ситуации, когда нужно было одновременно охарактеризовать родственные отношения между женами братьев и мужьями сестер в одной семье; это предполагает случаи проживания мужа в семье жены. Стадия подобного переноса названия отражена в ненецком языке» [2, с. 296].

5. Дравидские: курух *khallī* «жена младшего брата отца», малто *qali* «сестра матери», *qalapo* «сын сестры», *qalapi* «дочь сестры».

6. Алтайские: а) в тюркских языках: тувин. *kelin,* карагас. *kelen*, кирг., казах., каракалп. *kelin*, татар. *kélen*, турец., туркм. *gelin*, азерб. *galin* «невестка, жена сына или младшего брата», сары-югур. *kelen* «жена»; б) в тунгусских языках: маньч. *keli*, нанай. *kali*, ульч. *kalin*, эвенк. *kali(n)*, эвен. *kali* «свояк, муж сестры». В.М. Иллич-Свитыч считает, что в тунгусских языках произошел семантический сдвиг: «свойственница» → «свойственник» как в ряде уральских языков.

По мнению ученого, древнее значение «свойственница» (первоначально, вероятно, «женщина другого брачного класса») – одно из восстанавливаемых для ностратики названий свойства (ср. *kuda* «свойственник»). Это значение сохранено в уральских, алтайских, индоевропейских, отчасти дравидских (где название частично перенесено из кровного родственника) и семито-хамитских (с развитием «невестка» → «невеста»), для картвельских языков, вероятно, развитие «женщина-свойственница» → «женщина» ср. сары-югур. *kelen* «жена» [2, с. 296].

Ясно, что во всех ностратических языках есть общее слово *kelin* со значением «невеста, невестка, сноха», с одной стороны, и, с другой, со

значением «муж сестры, зять». В.М. Иллич-Свитыч считает первое значение изначальным, а второе – производным. Однако **факты ханью уточняет такое понимание и вносят ясность в представление о происхождении самого наименования.** В этом языке есть слог-морфема *kè* «гость, посетитель, постоялец, путешественник, чужеземец; приезжий, прохожий, иногородний, пришлый; другой, чужой; останавливаться, гостить, иметь временное пристанище, жить на чужбине». Сочетание архетипа этого слога со слогом *lìn* «сдавать (в наем), давать/отдавать в наем (в аренду); снимать, брать в аренду (напрокат), арендовать, нанимать; наниматься, состоять в найме; плата за наем (за прокат), арендная плата» могло иметь в древности значение «пришлый, принятый (в семью) в аренду, представитель другого рода или семьи, находящийся в данной семье по найму». **Деление вновь принятых (некровных) членов семьи по полу, по-видимому, произошло позднее.** Приведенные китайские примеры объясняют также происхождение общетюркского слова *калың* «калым, плата за невесту», этимологически связанного с прасловом *келин* и, вероятно, происшедшего из сочетания двух названных корневых морфем в результате семантического сдвига и звукового изменения (*калың* < *келин*).

Итак, мы имеем все основания предположить, что в общеностратическом языке был корень *келин* со значением «принятый в семью за плату». В процессе развития языков, вероятно, произошло расщепление этого значения: «представительница чужой семьи, принятая в новую по найму» и «представитель чужой семьи, принятый в новую по найму». Во многих языках закрепилось первое значение, в силу распространенности перехода женщины из родной семьи в чужую по условиям брака. Второе значение сохранилось не во всех языковых семьях: его мы встречаем в тунгусских и самодийских языках, которые относятся соответственно к алтайским и уральским языковым семьям.

Таким образом, тюркские слова *келин* «невеста» и *калың* «плата за невесту» имеют соответствия во многих ностратических языках и с большей долей вероятности могут быть возведены к древним китайским слогам.

Литература

1. Зулпукаров К.З. Введение в китайско-киргизское сравнительное языкознание. – Бишкек, 2016. – 768 с.
2. Иллич-Свитыч В.М. Опыт сравнения ностратических языков. Введение. Сравнительный словарь. – Изд. 2-е, испр. – М., 2003 – 370 с.

References

1. Зулпукаров К.З. Введение в китайско-киргизское сравнительное языкознание. – Бишкек, 2016. – 768 с.
2. Иллич-Свитыч В.М. Опыт сравнения ностратических языков. Введение. Сравнительный словарь. – Изд. 2-е, испр. – М., 2003 – 370 с.

УДК 81

А.А. Касиева, Г.К. Джумалиева
Бишкек, Кыргызстан

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ СКРИПТ «ПОХИЩЕНИЕ НЕВЕСТЫ» НА МАТЕРИАЛЕ ФИЛЬМА «БОЗ САЛКЫН»

Аннотация. *В статье анализируется кыргызский лингвокультурный скрипт «похищение невесты». Установлена последовательность, логическая схема коммуникативных ходов в рамках данного скрипта. Определен алгоритм поведения участников события.*

Ключевые слова: *кыргызская лингвокультура, скрипт, похищение невесты, ритуал, стереотипные действия.*

Сведения об авторе: *Касиева Аида Аскарбековна, кандидат филологических наук, доцент.*
Место работы: Кыргызско-Турецкий университет «Манас».
Джумалиева Гульнура Кабылбековна, доктор филологических наук, доцент.
Место работы: Кыргызско-Турецкий университет «Манас»
Контактная информация: *720042, Бишкек, Кыргызстан, Кампус им.Ч.Айтматова, здание Коммуникации каб. 103.*
e-mail: aida_kasieva@yahoo.com.

A.A. Kasieva, G.K. Dzhumalieva
Bishkek, Kyrgyzstan

LINGUOCULTURAL SCRIPT “BRIDE KIDNAPPING” BASED ON THE MOVIE “BOZ SALKYN”

Abstract. *The article proposes the analysis of the Kyrgyz linguocultural script “bride kidnapping”. Sequences, the logic scheme of communicative development are determined within the script. The behavioral algorithm of the participants is defined.*

Key words: *Kyrgyz linguoculture, script, bride kidnapping, ritual, stereotypical acts.*

About the author: *Kasieva Aida Askarbekovna, Candidate of Philology, Associate Professor;*
Place of employment: Kyrgyz-Turkish Manas University.
Dzhumalieva Gulnura Kabylbekovna, Doctor of Philology, Associate Professor.
Place of employment: Kyrgyz-Turkish Manas University.

Введение. В данном исследовании мы рассматриваем кыргызский лингвокультурный скрипт «ала кучуу – похищение невесты» как один из ценностно маркированных и этнокультурно обусловленных алгоритмов коммуникативного поведения. Вопрос обращения к скрипту как одному из типов (категорий) концепта в лингвокультурологическом плане, а в частности, в рамках культурно-маркированного концепта «ала качуу – похищение невесты», также обусловлено тенденцией всевозрастающего интереса исследователей к выявлению глубинных смыслов, лингвокультурологических особенностей, определяющих коммуникативные речеповеденческие аспекты языковой личности. Здесь нами предпринимается попытка экспликации культурной информации, а точнее, кыргызского ритуала (обряда) «похищение невесты» на материале скриптов, последовательно извлеченных из фильма «Боз салкын». В соответствии с темой данного исследования нами также предпринята попытка проследить не только механизмы вербализации культурного знания, связанного с ритуалом «алакачуу – похищение невесты», содержащихся в лексических единицах кыргызов,

но и эксплицировать коммуникативные поведенческие аспекты участников данного события с помощью скриптов, так как именно лингвокультурный скрипт, по мнению многих ученых, позволяет выявить и объяснить этнокультурную специфику норм общения и поведения того или иного сообщества.

Обзор литературы. Несмотря на тот факт, что современная лингвокультурология располагает рядом работ, выполненных в плане рассмотрения специфики лингвокультурных скриптов традиционного коммуникативного поведения на материале жанров фатической, институциональной и личностной коммуникации, культуры речи отдельно взятых языков и их сопоставлении (Вежбицкая А., Карасик В.И., Моторина Н.В., Абельсон Р.П., Шенк Р.С., Сэнфорд А. и Гаррод С., др.), вопрос описания и интерпретации скриптов в их вербальном в сочетании с невербальным выражением при характеристике отдельно взятых традиций, ритуалов и обрядов, относящихся к конкретно взятому этносу, все еще является недостаточно освещенным в лингвокультурологии.

Интерес к теории схематических представлений в лингвистической науке обусловил появление целого ряда альтернативных, но близких по смыслу терминов, описывающих различные типы схем (*schemata* в зарубежной терминологии) – сценарий (*scenario*), скрипт (*script*), фрейм (*frame*).

Английские психологи А. Сэнфорд и С. Гаррод обозначили когнитивные репрезентации в семантической памяти термином *сценарий* [9], который, по сути, оказался синонимичным термину скрипт, ранее предложенному Р. Шенком и Р. Абельсоном в работе «Scripts, Plans, Goals and Understanding» [10]. По мнению ученых, скрипт – это «предопределенная последовательность стереотипных действий, характеризующая общеизвестную ситуацию» [10, p.41]. Проводя тонкую грань между фреймами и скриптами, ученые отмечают, что «фрейм» в большей степени обладает статическим признаком, в то время как «скрипт» – динамическим, хотя для описания динамических стереотипных структур М. Минским было предложено использование термина «фрейм». Так, для характеристики так называемых динамических фреймов было предложено использовать термины «скрипт» или «сценарий» [8; 10].

Также широко известно, что слово «скрипт» в языкознании вбирает в себя два смысла: 1) вербальная составляющая поликодового текста, так, например, скрипт кинофильма; 2) модель последовательности коммуникативных ходов, подразумевающая нормы культуры, которые обусловливают такую последовательность [6].

При исследовании кыргызского лингвокультурного скрипта «похищение невесты», мы будем опираться на теоретические разработки, предложенные В.И. Карасиком, который предлагает рассматривать лингвокультурные скрипты как единицы дискурса и, следовательно, при описа-

нии скрипта нужно руководствоваться теми же критериями, которые используются при анализе дискурса [4]. Другими словами, скрипт является динамическим воплощением концепта, т.е. скрипт, по мнению В.И. Карасика, является способом репрезентации концепта в дискурсивном сознании индивида. Следовательно, скрипт обладает свойством разворачиваться во времени и пространстве, что и доказывает его динамичность и делает его инструментом для объективации концепта. Весьма ценным для нас при рассмотрении лингвокультурных скриптов оказались предложения В.И. Карасика, в которых он, проводя четкие границы между лингвокультурным скриптом и концептом, подчеркивает, что лингвокультурный скрипт, так как он динамичен, в отличие от концепта, обладает сценарным характером. Однако существуют общие черты концепта и лингвокультурного скрипта, т.е. понятийные, образные и ценностные характеристики, свойственные концепту, в этой же степени приемлемы и для лингвокультурного скрипта. По мнению ученого, лингвокультурный скрипт – это нормативное предписание, определяющее выбор коммуникативного поведения в рамках определенной лингвокультуры и воплощённое в речевых формулах [5]. Скрипт, продолжает ученый, представляет собой детальный сценарий коммуникативного поведения человека, включающий сознательное и подсознательное, построенный в соответствии с нормами культуры и имеющий этнокультурную специфику [5].

Обзор той малочисленной научной литературы, посвященной именно анализу лингвокультурных скриптов в разных языках и их сопоставления, позволяет нам рассмотреть критерии, которые необходимы для анализа конкретного концепта в качестве лингвокультурного скрипта. Согласно данной литературе, чтобы осуществить анализ того или иного скрипта, его структурных особенностей и путей развертывания, необходимо провести анализ тех речевых действий, из которых состоит данный скрипт. Так, описание скрипта, а точнее, рассмотрение тех ситуативных параметров общения, приводит нас к описанию дискурса (Field, Tenor, Mode). Однако, кроме данных параметров, предусмотренных для анализа дискурса, В. И. Карасиком предлагается изучение таких составляющих признаков лингвокультурного скрипта, как: типовые участники скрипта, хронотоп, цели, ценности, коммуникативные стратегии и тактики, жанры, этикетные формулы [4].

В рамках изучения и анализа скрипта, В.И. Карасик также предлагает рассматривать скрипт, точнее культурный скрипт, в качестве интерактивного события, которое обладает тремя признаками: *стереотипность,* т.е. поведение, согласно заданности, *сценарность,* т.е. алгоритма развертывания коммуникации, и *прескриптивность,* т.е. соответствия поведения коммуникативным нормам и ценностям данного лингвокультурного сообщества [5]. Стереотипность скрипта выражается посредством тех формульных выражений, которые, по своей сущности, являются структурной

конкретизацией коммуникативного действия, при выполнении которого коммуниканты (типовые участники) придерживаются норм поведения данного социума и пользуются этикетными формулами и выражениями автоматически, т.е. это, своего рода, совокупность типичных коммуникативных ходов и ролей, где каждый участник осознает, как ему следует вести себя в конкретной ситуации, с учетом тех правил, которые ожидаемы, соответственно, и от других участников скрипта. Сценарность скрипта подразумевает совокупность и последовательность определенных действий. Следовательно, необходим сюжет данного коммуникативного события. Прескриптивность лингвокультурных скриптов выражается в условии, где речевое действие коммуникантов скрипта напрямую зависит от норм и ценностей рассматриваемой культуры, однако не всегда они могут осознаваться коммуникантами, участниками коммуникативного акта. Такое троякое рассмотрение лингвокультурного скрипта предусматривает знание и соблюдение ритуальных составляющих, как коллективного, так и межличностного общения, так как все акты коммуникации могут рассматриваться в ритуальном аспекте. Более того, этот подход позволяет нам установить пути, посредством которых речевые действия коммуникантов функционируют в их сознании и как эти схемы взаимодействуют друг с другом.

Таким образом, как было замечено выше, лингвокультурный скрипт является алгоритмизированной поведенческой культурной нормой, которая формирует узус (типовую ситуацию) для конкретной коммуникативной ситуации, в нашем случае, для коммуникативной ситуации «похищение невесты» в кыргызской этнокультурной общности.

Методология. При рассмотрении кыргызского лингвокультурного скрипта «Похищение невесты» были использованы следующие подходы:

1. Метод протоколированного описания комминикативных событий, связанных с похищением невесты;
2. Определена логическая схема данного коммуникативного события, которые включают в себя обязательные конституенты в их параллели в начале коммуникации и, далее, в их последовательности.

Анализ скрипта. Если рассматривать кыргызский обряд «похищение невесты» в качестве ритуала, то необходимо отметить, что ритуал в качестве лингвокультурного явления является полифункциональным ввиду того, что он одновременно выступает как канал передачи культурного опыта и, в то же время, представляет собой коммуникативный акт.

Наряду с выявлением этнокультурных норм поведения кыргызов, мы преследуем цель определить последовательность коммуникативных ходов в рамках типовой ситуации похищения невесты, которое имеет место быть в кыргызской культуре.

По параметру сферы бытования похищение невесты можно отнести к социальному ритуалу, с точки зрения тональности общения – к неформальному, по количеству участников – к групповому ритуалу. Так как ре-

гистр общения подразделяет ритуалы на церемониально-обрядовые и обиходные, мы полагаем, что похищение невесты можно отнести к первому типу ритуалов. По широте распространения данный ритуал этноспецифичен, так как он практикуется на современном этапе лишь в некоторых культурах. Однако, по степени интимности, он считается и общепринятым внутри отдельно взятых культур, а также и семейным ритуалом. Ритуал похищения невесты вбирает в себя как вербальные, так и невербальные составляющие. Однако в ритуале похищения невесты присутствуют эти оба составляющие, и поэтому данный ритуал можно характеризовать и как речевую, и как акциональную.

По типу ритуалов похищение невесты можно рассматривать как обрядовое действие, которое выражает традиции кыргызского этноса. Хотя существует предложение рассматривать данный ритуал промежуточным, так как он выражает не только обрядовые действия, но и детально структурированные сложные последовательности действий – церемония с жестко закрепленными коммуникативными ходами, которые заведомо тщательно обдумываются и планируются.

Как было отмечено в начале данного исследования, именно теория лингвокультурных скриптов выступает стартовой точкой для описания ритуальных коммуникативных актов, которая была разработана современной когнитивистикой.

Таким образом, как и любой лингвокультурный скрипт, концепт «похищение невесты» имеет свою языковую среду, которая не строго детерминирована, но которая вбирает в себя ряд устойчивых выражений (благопожеланий, советы, упреки, иногда и угрозы), которые и определяют данную коммуникативную ситуацию, т.е. похищение невесты.

Несмотря на тот факт, что ритуал похищения невесты имеет древние корни, начиная с его упоминания даже в Библии, и который практиковался даже у древних римлян, древних славян и в других культурах мира, есть основания считать данный ритуал весьма распространенным и в современном Кыргызстане. Ввиду того, что ритуал похищения невесты предусматривает наличие конкретного сценария, он тщательно планируется и организуется, а также обладает всеми признаками, которые характерны лингвокультурному скрипту. В рамках данного исследования, мы попытаемся привести конкретные доводы в пользу факта, что данный концепт является лингвокультурным скриптом и рассмотрим коммуникативный скрипт «похищение невесты» на примере сценария фильма «Боз салкын», точнее говоря, вычленяя те стереотипные ситуации, которые существуют в эпизодах выбранного фильма.

Итак, начнем со статических параметров коммуникации: хронотопом события является селение, где разворачивается сюжет похищение невесты, а точнее – дом жениха – Сагына, куда привозят похищенную невесту. Участники события: **Y** – игрек, девушка по имени Асыл, которую похити-

ли вместо предполагаемой невесты **Y'**; **Y'** – девушка по имени Анара, предполагаемая невеста, которую должны были похитить; **X** – молодой человек по имени Мурат, который должен был жениться на **Y**; **X'** – молодой человек по имени Сагын, который фактически стал мужем **Y.** Динамической структурой события является предусмотренный алгоритм поведения участников события, в котором каждый из них следует тем поведенческим нормам, которые предписаны ему тем сообществом, в котором он живет: для того чтобы в дальнейшем жениться, **X** – Мурат привозит Асыл – **Y** в село к родителям, чтобы познакомить их друг с другом; другой парень Сагын – **X'**, по настоянию и уговору своих родственников жениться на Анаре – **Y',** едет к ней домой. Однако, согласно сюжету фильма, скрипт «похищение невесты» осуществляется следующим образом: Сагын – **X'** женится на Асыл **Y.**

Как видно из вышеприведенной алгоритмизации, рассматриваемый лингвокультурный скрипт реализуется путем определения конкретных коммуникативных шагов и, соответственно, вбирает в себя именно те компоненты, которые характерны для данного события в их последовательности, принимая во внимание и характеристики поведения каждого конкретно взятого участника коммуникативного акта. Данный скрипт можно представить следующим образом:

Параллелизм коммуникативных ходов, наблюдаемых в скрипте фильма			
Логическая схема коммуникативного события 1		**Логическая схема коммуникативного события 2**	
Алгоритм коммуникативных шагов **X-Y**	**Скрипты коммуникативного события**	**Алгоритм коммуникативных шагов** **X'-Y'**	**Скрипты коммуникативного события**
1. **X** Мурат имеет намерение жениться в будущем на **Y** Асыл.	ЗУУРА – (не обратив внимания на мужа) И ты собираешься жениться на дочери? В кадре Мурат. МУРАТ – (испуганно) Да нет, что вы? .. Ой, простите.. Я хотел сказать не сейчас! Мне еще работу надо найти!	1. **X'** Сагына убеждают жениться на **Y'** Анаре.	ЧАТЫР – Давно уже пора было жениться. Не о себе, так о потомстве рода думать надо! КУДАШ – «Пусть умер отец, но пусть не умирает тот, кто его видел» – говорят в народе. Женить своего сына, долг каждого. Все, что от меня требуется, я готов сделать. Считай, что это твой отец тебя женит.
2. С этой целью **X** Мурат привозит **Y** Асыл в село, чтобы познакомить с родителями.	Асыл робко выходит из машины и виновато здоровается с родителями Мурата. АСЫЛ –Здравствуйте! Те смотрят на нее вытаращенными глазами.	2. Организация вечеринки в честь дня рождения одного из друзей в целях украсть Анару **Y'** для **X'** Сагына**.**	БАКЫТ – Туулган күн атайлап Анараны алып качыш үчүн уюштурулуп жатат. День рождение специально организовывается, чтобы умыкнуть Анару. МУРАТ – (Бакытка) Ал чын

	МУРАТ – Ее зовут Асыл! Я же рассказывал вам о ней! Вот мы и приехали!..		эле эртең үйлөнөйүн деп жатабы? (Бакыту) Он что, действительно завтра женится? БАКЫТ – Аны күчкө салып макул кылышты, эртең Анараны күчкө салып отуругузушат. Анан иштин бүткөнү! Насильно уговорили его, завтра насильно посадят Анару. И дело в шляпе!
3. Дома у родителей **X** Мурата женщины одевают белый платок **Y** Асыл**.** Однако **X** Мурат сам снимает его с головы **У** Асыл, объясняя тем, что они поженятся позже.	Вдруг в комнату вошли трое женщин. В руках Айнаш держала платок и они обступали Асыл приговаривая. АЙНАШ – Алтыным менин! Супсулуу болгон! Мурат менен бактылуу болосуң, көрөсүң го! Золотце, ты мое! Ненаглядная, ты моя! Ты будешь с Муратом счастлива, вот увидишь! СОСЕДКА 1 – Аябай жолдуу экенсиң! жакшы үй-бүлөгө туш болдуң!Тебе повезло, дорогая! В хорошую семью попала! Асыл от неожиданности и отступает к стене. АСЫЛ – Что вы хотите сделать? АЙНАШ – Эми сенин бактың ушул үй менен байланыштуу болот! Теперь твое счастье будет связано с этим домом! (пытается надеть платок на Асыл. Женщины держат ее за руки) АСЫЛ – (испуганно сопротивляясь) Перестаньте! Уберите руки! СОСЕДКА 2 – Таш түшкөн жеринде оор!Камень падает только раз! Появляется Мурат и услышав крики Асыл, подбежав, срывает платок с головы Асыл и бросает прямо в лицо Айнаш. АЙНАШ – Ах глупец! Он сам сорвал с нее платок! Теперь он на ней никогда не женится!	3. На вечеринке **X'** Сагын заводит беседу с **Y'** Анарой о женитьбе на ней, предполагая, что она согласна на брак и можно ее похитить. **Y'**Анара дает знать **X'**Сагыну, что она не согласна на брак, объясняя что ему скорее нужна жена для ведения возяйства.	САГЫН – Постой! Я вспомнил. Выходи за меня замуж! АНАРА – Тебе же не жена нужна, а служанка! Мать больная, за стадом ходить уже не может! А одному в горах трудновато! Я правильно тебя поняла? (не получив ответа) Извини, я не такая дура! (развернувшись, уходит к столу).
4. На вечеринке **Y**	АСЫЛ – Дяденька! По-	4. На вечеринке	Анара пошла и села на свое

Асыл, обнаружив измену **X** Мурата с другой девушкой (Бурма), в истерике покидает вечеринку в поисках транспорта, чтобы уехать в город к родителям в позднее время.	могите! Мне срочно надо в город! Я вам заплачу! Отвезите меня в город! КУДАШ – (взволнованный ответственным моментом, быстро сел за руль, открыл дверь и запустил Асыл на заднее сиденье) Ну конечно подвезу! В город, так в город! (садится за руль и открывает дверь)	разочарованный словами **Y'**Анары, **X'** Сагын растерян.	место и вдруг заметила взгляды Асыл и Бакыта и почувствовала что-то неладное. Сагын покраснел и сел на свое место.
5. **Y** Асыл находит единственный транспорт (автомобиль), на котором было запланировано похитить **Y'**Анару как невесту **X'** Сагына**.** Так, вместо **Y'**Анары увозят **Y** Асыл.	Капар попытался помешать. КАПАР – (дяде Кудашу) Это не она! (Асыл) Тебе нельзя сюда! АСЫЛ –(отталкивая Капара) Отпусти! Я все равно уеду! КУДАШ –Ну быстрее же! Асыл села в машину, откинулась на заднее сиденье и закрыла лицо руками и стала проклинать Мурата. АСЫЛ –Подлец! Подонок! Ничтожество! Кудаш хватает Капара за шкирку и втаскивает в машину и заводит. Из-за рева мотора плохо слышно о чем он пытается сказать Асыл. КАПАР – Ты с ума сошла! Эта машина не едет в город! Но ни Асыл, ни Кудаш не слушали его. КАПАР–Кудаш-байке! Остановите машину! Это совсем другая! Мы не ту везем! КУДАШ – (очумелый) Что ты мелешь! (обращаясь к Асыл) В город мы едем, в город!	5. Осознав реальную картину происходящего, **Y'**Анара украдкой уходит с вечеринки.	Анара встала и пошла в туалет, но, оглянувшись, не следят ли за ней, перепрыгнула через забор и побежала через огороды. Никто этого не заметил.

Сужение коммуникативных ходов, наблюдаемых в скрипте фильма	
Алгоритм коммуникативных шагов **X'- Y**	**Скрипты коммуникативного события**
6. Без ведома **X'**Сагына**, Y** Асыл оказывается на месте **Y'**Анары, где все участники данной сцены принимают ее за предполагаемую невесту **Y'**Анару.	Запорожец на большой скорости въехал во двор Сагына. Увидев машину, к ней бросились женщины. Кудаш сразу освободил сиденье для легкого доступа. Капар же, наоборот, пытался помешать им. ЖЕНЩИНА-1 – Ай, көркүндөн айланайын!

	Ах ты моя ненаглядная! ЖЕНЩИНА-2 – Келчи мага алтыным! Иди ко мне золотце! ЖЕНЩИНА-3 – Кудай сага ушул ыйык үйдөн бакыт айтсын! Пусть Бог даст тебе счастья в этом святом доме! КАПАР –Подождите! Это совсем другая девушка! Это не Анара!
7. Женщины вводят **Y** Асыл в дом. **Y** Асыл, услышав имя **X'** Сагына, с которым она якобы будет счастлива, постепенно стала осознавать происходящее и стала пытаться объяснить женщинам, что это недоразумение.	Ее взяли за руки и повели в дом. Асыл то смотрела на этих странных женщин, то с умоляющим видом оглядывалась на Капара. Капар еще раз попытался остановить процесс, но это было бесполезно. Ее увели в дом. Женщины ввели Асыл в дом и стали пробираться через прихожую, промежуточную комнату к приготовленной комнате с занавесью, где чьи-то руки надели платок. Асыл, услышав имя Сагына, с которым она якобы будет счастлива, постепенно стала осознавать происходящее и стала пытаться объяснить женщинам, что это недоразумение
8. **Y** Асыл пытается сорвать платок. На **Y** Асыл оказывается как физическое, так и моральное давление женщинами остаться в доме в качестве жены **X'**Сагына, желая ей счастья и благополучия в семейной жизни.	Но ее голос потонул в женских благословениях. Тогда она попыталась сорвать платок, но ей это не удалось.
9. **Y** Асыл принимает решение остаться в этом доме и стать женой **X'** Сагына.	После отчаянного сопротивления, вдруг с ней что-то случилось. Она на мгновение успокоилась, закрыла глаза и словно ее прорвало. Обратив свой взгляд куда-то в небо, беспомощно закричала.
10. Мать **X'** Сагына в знак преемственности семьи, а точнее, женского рода семьи, дарит **Y** Асыл семейный реликт (серьги), которые были подарены ей от ее свекрови.	АНИПА – (пройдя в юрту) А теперь я покажу одну очень важную вещь. Анипа открывает только что занесенный сундук. АНИПА – Здесь наша семейная реликвия. (перебирает разную утварь и наконец вынимает маленькую шкатулку). Я сама не знаю, сколько им лет и от какой прабабушки Сагына они остались. Теперь все это твое!.. Анипа открывает шкатулку. Мы видим серебряные украшения.

Из вышеприведенной таблицы можно представить следующий коммуникативный рисунок похищения невесты, а точнее, последовательность коммуникативных ходов, использованных при описании данного скрипта:
- знакомство,
- принятие/отказ от предложения руки и сердца,
- принятие отказа,
- похищение,
-смирение с судьбой.

Для интерпретации коммуникативных событий в качестве лингвокультурного скрипта необходимо рассмотреть подразумеваемый ценностный компонент высказывания участников (X и X') общения, которые направлены на приобретение определенного блага [6, с.34]. В нашем слу-

чае, благом для X и X’ является обзаведение семьей, то есть женой. В данном случае, весьма интересным моментом в менталитете кыргызов выступает тот факт, что жена является хранителем очага и благом (үйдүн куту – «благодать») [3, с.122-127].

Речеповеденческая основа участников коммуникации может быть проиллюстрирована следующим образом: X и X’ имеют интенции жениться на Y и Y’; тетя Y’ на выгодных условиях готова выдать свою племянницу Y’ замуж за X’, чтобы улучшить свое благосостояние, в то время, как X и Y сами намереваются жениться, но в более позднее время, невзирая на согласие родителей X и Y.

Символическими признаками данного коммуникативного события являются использование таких культурных знаков, как белый платок и серьги. Они имеют как аксиологическую, так и семиотическую ценность для кыргызской лингвокультуры. Например, белый платок символизирует целомудрие, чистоту невестки, и в тоже время является знаком согласия на замужество. Серьги, подаренные свекровью новобрачной, также имеют ценностное значение, так как символически означают преемственность поколения, а также выражения полного принятия и доверия невестке.

Заключение. В данной статье нами была предпринята попытка описать этнокультурную специфику ритуала «алакачуу – похищение невесты» в кыргызской культуре посредством механизмов, используемых при анализе скрипта.

Результаты исследования: выявлены механизмы вербализации культурного знания, связанного с данным ритуалом, которые содержатся в лексических единицах кыргызов; эксплицированы коммуникативные поведенческие аспекты и этнокультурная специфика норм общения и поведения участников коммуникативного события; детализирована логическая схема каждого акта определенной записью, которая вбирает в себя как вербальные, так и невербальные действия; проанализирован интенциональный план коммуникативного события (намерения, причины для достижения коммуникативных целей); интерпретирована ценностно-маркированная направленность имплицитности речи участников коммуникативного события.

Литература

1. Абдыжапаров, Э. Боз салкын (Светлая Прохлада). Режиссерский сценарий полнометражного игрового фильма. – Бишкек, 2005.
2. Вежбицкая, А. Русские культурные скрипты и их отражение в языке. – Москва: Рус. словари, 2002. – №2 (4). – С. 6-34.
3. Дербишева, З.К. Ключевые концепты кыргызской лингвокультуры. – Бишкек, 2012.
4. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Москва: Гнозис, 2004.
5. Карасик, В.И. Языковые ключи. – Волгоград, 2007.
6. Моторина, Н. В. Лингвокультурные скрипты традиционного коммуникативного поведения в России и Англии: дис. ... канд. филол. наук / Н. В. Моторина. – Волгоград, 2013. – 184 с.

7. Фильм «Боз салкын». https://www.youtube.com/watch?v=o5_8CosjDuk
8. Abelson, R. Abelson, R.P. Psychological status of script concept / R. Abelson // American Psychologist. 1981. – V. 36. – P. 715–729.
9. Sanford, A.J., Garrod, S.C., 1981. Understanding Written Language. – Vol. Wiley, New York.
10. Schank, R.C., Abelson, R.P. Scripts, Plans, Goals, and understanding: An inquiry into human knowledge structures. Hillsdale (N.J.), 1977. – 248 p.

References

1. Abdyzhaparov, E. Boz salkyn (Svetlaya Prokhlada). Rezhisserskiy stsenariy polnometrazhnogo igrovogo fil'ma. – Bishkek, 2005.
2. Derbisheva, Z.K. Klyuchevyye kontsepty kyrgyzskoy lingvokul'tury. – Bishkek, 2012.
3. Fil'm «Boz salkyn». https://www.youtube.com/watch?v=o5_8CosjDuk
4. Karasik, V.I. YAzykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs. – Moskva : Gnozis, 2004.
5. Karasik, V.I. YAzykovyye klyuchi. – Volgograd, 2007.
6. Motorina, N. V. Lingvokul'turnyye skripty traditsionnogo kommunikativnogo povedeniya v Rossii i Anglii .: dis. ... кand.filol. nauk / Motorina N. V. – Volgograd, 2013, 184 s.
7. Vezhbitskaya, A. Russkiye kul'turnyye skripty i ikh otrazheniye v yazyke / Moskva: Rus. slovari, 2002. – №2 (4). – S.6-34.
8. Abelson, R. Abelson, R.P. Psychological status of script concept / R. Abelson // American Psychologist. 1981. – V. 36. – P. 715–729.
9. Sanford, A.J., Garrod, S.C., 1981. Understanding Written Language. – Wiley, New York.
10. Schank R.C., Abelson, R.P. Scripts, Plans, Goals, and understanding: An inquiry into human knowledge structures. Hillsdale (N.J.), 1977. – 248 p.

УДК 81

Керимжан кызы Камила
Бишкек, Кыргызстан

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ НЕМЕЦКОГО, КЫРГЫЗСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

Аннотация. *В данной статье рассматриваются фразеологизмы немецкого происхождения, которые часто употребляются в русской речи. Фразеологизмы имеют различные пути происхождения и проникновения в другой язык. Чтобы понять истинное значение, необходимо понять культуру того народа, где он возник. В данной статье показывается, в чем и как проявляется национальное своеобразие фразеологических единиц на примере немецкого, кыргызского и русского языков, проследить, в каких тематических группах фразеологизмов эта национальная специфика проявляется наиболее ярко.*

Ключевые слова: *Фразеологические единицы, национально-специфические особенности языков, лингвострановедение.*

Kerimzhan kyzy Kamila
Bishkek, Kyrgyzstan

IDIOM GERMAN, KYRGYZ AND RUSSIAN LANGUAGES

Abstract. *This article is about phraseological units of German origin, which are widely used in the Russian language. Phraseological units have different ways of origin and penetration in another language. In order to understand the real meaning of them one should understand the culture of that nation, where the phraseological units appeared. The research in question presents the way of demonstration of the phraseological units national peculiarity by giving examples from the German, Kyrgyz and Russian languages. Also it considers the question: in which subject groups the tracing of the national peculiarity is shown in the most vivid way.*

Key words: *Phraseological units, national-specific features of language, linguistic country- specific analysis.*

Сведения об авторе: *Керимжан кызы Камила. препод. кафедры немецкого языка. Место работы: КГУ им. Арабаева, Бишкек, Кыргызская Республика.*

About the author*: Kerimzhan kyzy Kamila,Teacher of the Department of German Language. Place of employment: Kyrgyz State University n.a. I. Arabaev, Bishkek.*

Контактная информация: *e-mail: kamila-84@list.ru.*

Каждый народ развивается своим путем, имеет свою историю, его жизнь протекает в определенных природных и климатических условиях, народы различаются образом жизни и верованиями, обычаями и традициями. Все это отражается и в их языках, придавая им национально специфические признаки.

В каждом языке присутствует много коротких, ироничных и образных выражений. Такие выражения называются фразеологизмами. Они, как правило, существуют в языке тысячелетиями, отражая какие-то особенности языка, передавая веселую музыку или же злую насмешку. В художественной литературе, в речи употребление фразеологизмов связано с их выразительными возможностями. Образность и выразительность фразеологических оборотов помогают избежать сухости и шаблонности в речи.

Интенсивное развитие фразеологии за последние десятилетия характеризуется, прежде всего, разнообразием изучаемых проблем. К национально специфическим особенностям языка относится и фразеология. Поэтому заметно возрастает интерес к проблемам национальных ценностей в культуре и языке, к изучению проблем перевода фразеологизмов.

Язык любого народа обладает определенным количеством идиом, которые придают ему особый колорит, но и затрудняют его усвоение. Фразеологические единицы, при уместном их применении, оживляют и украшают речь, и именно они являются важным строительным материалом любого языка. Фразеологизмы различны по своему происхождению: начиная от различных профессий, заканчивая религией.

При обучении студентов иностранному языку большое внимание уделяется расширению их словарного запаса. А одним из действенных средств его обогащения является работа с фразеологизмами. Фразеологизмы немецкого языка представляют интерес в лингвострановедческом плане, так как дают разнообразные сведения об истории, быте, морали, этике немецкого народа. Но именно фразеологические единицы представляют особую сложность, как при изучении иностранного языка, так и при непосредственном общении с носителями языка в процессе межкультурной коммуникации.

Изучение фразеологизмов немецкого языка в лингвострановедческом плане поддерживает у студентов большой интерес к иностранному языку, что очень важно для учебного процесса. Следует отметить, что немецкие фразеологизмы отличаются насыщенностью сведений об особенностях природно-географической среды Германии, о фактах и событиях из исто-

рии страны, о быте, о национально-специфических жестах и др. В немецком языке есть фразеологические единицы, которые имеют эквиваленты в русском языке, и такие, которые их не имеют.

Таким образом, изучение фразеологических единиц – это не только и не столько эффективный способ обогащения словарного запаса, но, несомненно, один из путей знакомства с национально-специфическими компонентами различных уровней, что, в свою очередь, является определяющим фактором для успешного формирования языковой культуры личности студентов.

В русском и немецком языках существуют фразеологизмы, которые указывают на излишнюю худобу и, наоборот, полноту. Например: Weil er nur Haut und Knochen war, sah sein Fuchsgesicht noch spitziger aus. Das Mädchen sah wie Blut und Milch aus. В первом предложении крайняя худоба человека подчеркивается фразеологизмами Haut und Knochen, кожа да кости. Во второй паре предложений мысль о том, что человек обладает хорошим здоровьем, выражена с помощью фразеологизмов в образной форме: на белом, как молоко, лице играет яркий как кровь румянец (Blut und Milch).

Также близки по значению и по образной основе фразеологизмы, обозначающие людей крайне истощенных, лишенных всех жизненных сил: eine wandelnde Leiche – живой труп, ein wandelndes Gerippe – живой скелет. Глагол wandeln значит ходить, бродить, прогуливаться. Дословно эти фразеологизмы переводятся следующим образом: ходячий труп, скелет ходячий. Образная основа этих фразеологизмов в немецком и русском языках близка, но не идентична. Немецкий фразеологизм eine wandelnde Leiche характеризует человека по внешнему виду. Er sieht wie eine wandelnde Leiche aus! (Он выглядит, как живой труп!) Русский фразеологизм «живой труп» имеет также и другое значение: «человек опустившийся, нравственно опустошенный».

Следующий пример фразеологического оборота характеризует и внешность человека и его внутренние качества. В немецком языке существует фразеологизм « wie ein begossener Pudel». Дословно переводится таким образом: пудель, которого облили. Данный образ связан с внешним обликом человека: попал в нелепое положение и выглядит жалким и смешным. В русском языке также существует фразеологический оборот «мокрая курица». В какой-то степени он соответствует немецкому «wie ein begossener Pudel», так как их объединяет оттенок нелепости и жалости, который присутствует в обоих оборотах. Однако русский фразеологизм «мокрая курица» указывает на характер человека: безвольный и бесхарактерный.

Существуют также такие фразеологические единицы, как в русском, так и в кыргызском языке, которые связаны с трудовой деятельностью человека, и выражают:

а) характер трудовых процессов, умение, ловкость: мастер на все руки: колунан коору торулгон «умеющий все делать, искусный во всяком деле» (букв. Из его рук сыпались драгоценные камни).

б) появление (или исчезновение) желания к совершению какого-либо действия: руки горят, опускать руки: колу кычышып турат – руки чешутся, кол тийгизуу –сделать что либо, поработать. (букв. Приложить руку).

в) манеру выполнения действия: приложить руку к чему-либо, на скорую руку: колго алуу – приложить старание, чтобы довести дело до конца (букв.брать в свои руки), колдон отор кылуу – делать что-либо небережно (букв. делать так, чтоб лишь бы с рук прошло).

г) совместное действие, помощь : работать рука об руку, подать руку помощи: кол кармашуу – действовать согласованно, помочь (букв. Брать друг друга за руки), колуна кол, бутуна бут болуу – стать первым помощником (букв. Стать рукое руке, ногою ноге).

д) положительную характеристику человека: большая рука, легкая рука: колу ачык- щедрый (букв. Рука открытая), колунда бар – тот, у кого все в достатке, зажиточный (букв. У него в руках есть),

е) отрицательную характеристику человека: тяжелая рука, нечист на руку: колу оор – неудачлив в начинаниях (букв. Его рука тяжелая).

Таким образом, рассмотрев несколько фразеологических оборотов, мы пришли к выводу, что образная основа немецких и русских фразеологизмов совпадает не всегда. Но в большинстве случаев можно найти эквиваленты в русском и немецком языках. Можно предположить, что это с вязано с тем, что каждый народ дает одинаковую оценку человеку, характеризующую его внешность, несмотря на то, что в речи эта эмоциональная составляющая может выражаться разными словами. Итак, зная фразеологизмы, как русского, так и немецкого языков, и употребляя их, мы можем придать нашей речи больше выразительности и сделать ее ярче и богаче.

Литература

1. Бинович Л. Э. Немецко-русский фразеологический словарь. – М.: Аквариум, 1995. – 383 с.

2.Чернышева И. И. Фразеология современного немецкого языка. – М.: Русский язык, 2000. – 123 с.

3. Resensarten Index [Электронный ресурс]: режим доступа.: http://www.redensartenindex.de/suche.php?suchbegriff=~~den+schwarzen+Peter+haben&suchspalte .

4. Немецкие фразеологизмы [Электронный ресурс]: режим доступа.: http://startdeutsch.ru/poleznoe/chitat/832-nemetskie-frazeologizmy

5. Мальцева Д. Г. Фразеологические единицы немецкого языка в лингвострановедческом аспекте и проблемы перевода (Методическое пособие). – М., 1993. – С. 58.

6. Жамшитова, Г.Ж. Глагольные фразеологизмы кыргызского и русского языков и их лексикографическое описание: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.20 / Г.Ж. Жамшитова. – Бишкек, 2000. – 25 с. – С. 45.

7. Кармышаков, А.О. Соматические фразеологизмы в русском и киргизском языках: автореф. дис…канд.филол.наук: 10.02.01 / А.О. Кармышаков. – Бишкек, 1992. – 25 с.
8.Кыргыз тилинин фразеологиялык сөздүгү / Э.Абдулдаев, Д. Исаев, Б.Орузбаева, Ж.Осмонова. – Фрунзе: Илим, 1980. – 323 б.

References

1. Binovich. Nemezko-frazeologichekij slowarj. – Akwarium, 1995. – 323 c.
2. Chernysheva I. Frazeologia sowremennogo nemezkogo jazyka. – M., 2000. – 123 c.
3. Resensarten Index [Elektronnyi resurs]: http://www.redensartenindex.de/suche.php?suchbegriff=~~den+schwarzen+Peter+haben&suchspalte
4. Nemezkie frazeologismy[Elektronnyi resurs]: режим доступа.:
5. http://startdeutsch.ru/poleznoe/chitat/832-nemetskie-frazeologizmy
6. Malzewa D. Frazeologicheskie edinizy nemezkogo jazyka w lingwostranowedcheskom aspekte I problemy perewoda. (Metodicheskoe posobie. – M., 1993.
7. Dzhamhitova G. Glagoljnye frazeologismy kyrgyzskogo I russkogo jazykov I ih leksikograficheskoe opisanie.Aftoreferat. Dzhamhitova – Бишкек, 2000. – 25 c.
8. Karmyhakov A. somaticheskie frazeologismy v russkom i kyrgyzskom jazykah Aftoreferat 10.02.01 / A.O. Karmyhakov. – Bishkek, 1992. – 25 c.
9. Kyrgyz tilinin frazeologialyk sozdugu Abduldaev E. Iaev, Oruzbaev. – Frunze: Ilim, 1980.

УДК: 81’1

Г.С. Косымова
Алматы, Казахстан

ТЕОРИЯ ЕДИНСТВА ЯЗЫКОВ И КУДАЙБЕРГЕН ЖУБАНОВ

Аннотация. *В этой статье рассматривается роль великого казахского ученого Кудайбергена Жубанова в развитии ностратической теории. Разбираются мысли – взгляды К. Жубанова относительно единства языков. Он анализирует этимологию языковых единиц в сравнительном аспекте. Через заключения К. Жубанова доказывается, что пока не выяснится связь между единством языков, нельзя правильно понять звуковую систему языков, природу слова, построение предложения.*

Ключевые слова: *единства языков, мысли К.Жубанова, этимология, связь, развитие.*

Сведения об авторе: *Гульбану Косымова, доктор филологических наук, профессор. Место работы: Казахский национальный педагогический университет имени Абая.*

Контактная информация: *050010, г.Алматы, пр. Достык, 13. Email: gkosym@inbox.ru.*

G.S. Kosymova
Almaty, Kazakhstan

KUDAIBERGEN ZHUBANOV AND THE THEORY OF THE UNITY OF LANGUAGE

Abstract. *This article examines the role of the great Kazakh scholar Kudaibergen Zhubanov in the development of Nostratic theories. Article gives the explanations of his thoughts relatively to language unity. It also analyzes the etymology of language units in a comparative perspective. After the conclusion made by Zhubanov we understand that until the link between the unity of language is not specified, one can not correctly understand the sound system of language, the nature of the word, to build sentences.*

Key words: *language unity, K.Zhubanov’s statetements, etimology, correlation, development.*

About the author*: Gulbanu Kossymova, Dr of Philological Sciences, professor.*

Place of employment: Kazakh National Pedagogical University named after Abay.

Вопрос рассмотрения теории единства важен по нескольким причинам: во-первых, путем высказывания о распространении языка из одной точки дает возможность определения самых древних мест, приводящих к созданию человечества; во-вторых, показывает общие закономерности в происхождении языковых единств; в-третьих, через этимологию, общую для нескольких языков, основывает мотивировку постановки наименований, ведущих к древним временам, когда мотивируешь постановку наименования. Ясно, что нельзя достичь успехов, не касаясь истории языка в раскрытии этимологии наименований, особенно нужно учитывать достижения ностратической теории. Ностратическое учение тесно связано с этимологией, сравнительной акцентологией и фонетикой языков мира. Ностратическая теория, доказывая распространение языков из одной основы, дает возможность связать их с периодами общего рождения, появления людей в истории человечества. Обиталища возникновения человечества сейчас известны мировой общественности, особенно же весь мир полностью признал то, что пространство Африки – точка зарождения первых людей. Индийские и китайские летописи также пишут, что первые люди произошли в том пространстве и сообщают об их вкладе в мировую цивилизацию. Но не вся мировая общественность знает, что еще одной точкой возникновения первых людей является казахская земля.

Только в начале 2 тысячелетия нашей эры известная английская телекомпания «Би-би-си» показала, что первые люди появились в районах запада, востока, юга Казахстана – на полуострове Мангыстау, горных стойбищах Восточного Казахстана и хребте Каратау, и сообщила об этом миру. Это стало ценным фактом для истории казахского языка, сумевшего сохранить в себе элементы родственных тюркских языков, особенно старого, древнетюркского языка, тюркского народа. О неизмеримости вклада тюркской культуры в цивилизацию человечества можем убедиться через понимание истории языков, через сближение тюркского языка с мировыми языками и через открытие ее связи с древними языками. В формировании и развитии этого взгляда велика роль ностратического учения.

Осмысленное чтение трудов К. Жубанова относительно истории языков ведет к возникновению цепи удивительных мыслей относительно их единства. Ученый, анализируя мнение Фердинанда Соссюра, что «Чтобы быть языку, нужно условие единства времени и места. Потому что язык не делается только в одном периоде ограниченного начала-конца, он проходит многие эпохи» (*построчн. перевод автора*), говорит так: «Убрав фонетику, морфологию, синтаксис, родившиеся из формализма, чтобы все слова группировать по внешней форме (если слово склоняется, будет именем, если спрягается, будет глаголом, если подчиняется обращению в различные родовые символы, признаки, будет прилагательным), мы

должны взять такой «порядок», порядок синтагмы, порядок ассоциации: потомучто при произнесении пусть слога, или пусть когда говоришь слово, предложение, при говорении, мы их произносим по порядку друг за другом. Это – построение синтагмы, говоря точнее, ряд синтагмы. Когда их произносишь, сначала одни (звуки слова: *с, ө, з*), после по своему порядку говорятся остальные. Значит, отсюда прослеживается зависимость синтагматического ряда от времени. Сверх этого нельзя также и менять места объектов в этой цепи» /*авторс. перев./*.

Какие мысли скрываются за этим мнением К.Жубанова? Во-первых, подтверждается необходимость диахронических исследований, чтобы сказать о достижениях языка, во-вторых, показана необходимость открыто говорить о роли синтагмы в образовании слова. Построение синтагматического ряда, то есть порядка звуков, образующих слово, – сколько бы веков не прошло, явление, не меняющееся с течением времени, и общее для всех языков состояние.

Имеет существенный смысл расширение понимания, что язык человечества распространился от одного предка. По словам исследователей, язык человечества возник из подражания звуков трех видов животных, которые племена чтили тотемом. В Китайском летописи «Суй шу» сказано, что у племён районов Китая выше 40°, то есть населявших север, священными животными были волк и собака. Из звукого подражания рычанию волка и собаки этих неоантропов возникли морфемы *ар* и *ур* или ***ыр***. У племён районов ниже 40°, то есть населявших юг, тотемом была змея. От звукого подражания этих неоантропов шипению змеи появились звуки ***с, ш, ч.*** Птицы, птицы испускают звуки из гортани, например, вороны, как нам слышится, произносят звуки: *кар*, утки – *как*, лебеди и гуси – *канг-кан*. Племена, считавшие своим тотемом птицу, подражая им, гласные звуки сопровождали гортанными звуками ***h-x***. На планете Земля этнонимы, начинающиеся звуками ***х,к,к,г,*** восходят к этим тотемам. У этих племён сформировался условный рефлекс озвучивания гласных звуков с гортанным звуком ***h***. Этот рефлекс возник в связи с издаванием звуков, подражая названным птицам.

Помимо тотема волк – собака произносили гласные звуки с морфемами ***ар, ур*** *или* фонемой ***р***. У этих неоантропов сформировался условный рефлекс так произносить гласные звуки.

У племён тотема змеи сформировался условный рефлекс произнесения гласных звуков с фонемами ***с,ш,ч*** или ***т-д***. Тогда язык человечества возник не в осознанном виде, а в рефлексивном виде, из подражания звуковоспроизведению тотемного животного.

Вырывается мысль, что люди выделились среди животных из-за своего большого мозга, и в связи с физиологическими, анатомическими особенностями.

В период, когда с юга племена тотема змеи вступали во взаимоотношения с племенами с севера тотема волк – собака, из-за того что их морфемы ***ар,ур*** остальные фонемы ***р, р*** не озвучивали, звуки *ал, ай, аг, аб,ан, ул, ум, ун, уи, ал,* звук *р* озвучивали по–разному, как ***л, и, г, б, м, н***. Исходя из этого заключают, что были сформированы основы согласных звуков алфавита человечества.

По этой теории, если язык человечества возник в одном месте, тогда гомо сапиенсы появились в моноцентре. Племена бывают двух видов: одни – люди тотема волк – собака, населявшие 40° севера, второй тип – люди тотема змеи и птицы на юге. Северные, в связи с произнесением ими гласных звуков с фонемами ***ар, ер***, имели собственное именование ***ари.*** Если анализировать названия племен древних тюрков, учитывая эти сведения, сможем понять историческую истину, находящуюся в глубине.

Похожую мысль высказывает и К.Жубанов. Его мысли, что «Гласные в первую пору были не означающими суть, у каждого коллектива (слово «коллектив» автор берет в значении племя, род) был клич – сигнал, указывающий из какого он народа. Поэтому говорится, что гласные – знак сообщения (связи). Раньше они не были фонемами. Подобно тамгам древних родов, гласные выполняли такую же функцию обозначения рода», – выводят на теорию происхождение человеческого языка из связи с природой, поддержанием существования, отношений между людьми, жившими коллективно, их миропознания.

«Звук не создан ради слова, он есть испокон веков. Если мы посмотрим книгу грамматики, звуки показаны как кирпичики, составляющие стены языка, это показывает, что не превзошли, не развились дальше от мировоззрения той еще (далекой) греческой культуры, считавшей звук атомом языка, все вещи построены из атомов, отличие вида вещей друг от друга только в построении атомов /. По теории электронов, мы узнали, что и атом расщепляется, что и он меняется, поистине же, в истории языка происхождение звуков, слогов, слов, предложений шло не этим путем» (*авт. перевод*), – такому взгляду ученого мы до сих пор не придаем значение, большинство из нас так и не поняли, что это означает. Автор говорит: «В нынешние дни, когда сторона звучания в языках максимально усовершенствовалась, когда начало каждого отдельного звука открывшись, настолько отделилась друг от друга, что мы не допускаем мысль, что была ведь и пора не открытой их границы, смотря на такие различия звуков, как сегодняшние, думая, и всегда так было – не достаточно, это не правильно» (*авторс. перевод*). Таким образом, он говорит, что в истории письма распознавание индивидуального состояния звуков, зная их в качестве элемента слова, приводит к необходимости обозначать каждый звук специальной буквой. «До сего дня китайский народ не метит отдельные звуки. У них на каждое слово есть один знак. Японцы на каждый слог ставят одну букву. И они не

метят звук. И бывшие самой старой тюркской письменностью Орхон-Енисейские письмена, являясь письменностью, в которой есть начало звука, буква, также отмечала одной буквой, не разделяя пары *«лт», «нт», «нч».* Гласные звуки в большинстве не метились, если предупредить, что согласные звуки получали различные знаки, смотря на твердость-мягкость, открывается, что и в Орхон-Енисейском письме сколько было надписей звуков, столько было и надписей слогов». Вот дивно! Из глубокого иносказательного миропонимания ученого можно уловить множество положений, объединяющих язык человечества. Сколько есть в мире народов, для всех них общая культура – история письменности. Мы еще раз убедились, что признанные во всей мировой науке рисованные письмена, являясь письменностью шумеров, и слоговое письмо не могут обойти тюркскую культуру, что доказывают камни с тамгами на Казахстанской земле и наследие Орхон-Енисейской письменности.

По словам К. Жубанова, не определение промежуточной связки, внутреннего секрета, закона истины языковых единств станет причиной увидеть природу звуков в изнаночном виде. Он подверг критике то, что Индо-европейская лингвистика рассматривает отдельно только звуковую сторону языка, тем самым они скрыли языковые свойства звуков, что углубились только в сторону звучания звука, из-за того, что остались непроверенными социальные, языковые компоненты звуков, что языковые изменения, языковые законы не увесомились социальными обстоятельствами и общей системой обычая – сознания. Разгромил, опираясь на принципы палентологической лингвистики мнения немецкого ученого Штейнталя в книге «Характеристика самого главного персонажа /героя/ человечества в построении языка» и в книге «Про якутский язык» академика Бетлинга, видевших причину сингармонизма народов Орал-Алтая в особенном построении членов предложения, их другое происхождение от народов Европы, не равное с рождения, ущербность их, врожденную «духовную ленность», что такие, высказанные ими мнения, их вперед не продвинут. Дал пояснение термину «Палеонтология» относительно лингвистики. Доказал в своем труде, что язык дает сведения по всей истории человечества, и все события, имевшие место в развитии земли и народа оставляют след в языке, необходимость выяснить общие закономерности, определяя изменения в языке через палентологические разведки. Показал языковые исследования, четче проясняющие элементы, сохранившиеся в современном языке от старой системы. Делая историко-сопоставительный анализ этимологии языковых единств, ознакомил с тем, что можно вернуть в порядок материально-духовные положения носителей языка.

Таким образом, К. Жубанов в своем труде проложил путь обязательств, которые разрешит палентологическая лингвистика: 1) сделав исторический анализ звуков, аффиксов, привела в порядок изначальный

вид индивидуальных архаизмов разного уровня языка; 2) сделав сопоставительный /сравнительный/ анализ родственных языковых единств, приложила силы для определения прародства языков; 3) доказала путем анализа близости слов, что можно возродить (снова) первоначальное состояние языка, древнюю историю, то есть делать палентологию языка человечества.

Как говорил сам ученый, «если рост языка, его развитие вызволить из связывающих рамок, рассматривать в единстве взаимоотношений одной семьи и второй семьи, то можно заметить, что отставший язык может стать, как передовые языки. Не отдаляя друг от друга звуковую систему языка, форму слова, построение предложения, исследовать все во взаимосвязи, увидели бы, что они, проникая друг в друга, взаимозаменялись» (*авт. перев.*).

Литература

1. Жубанов, К. Исследования по казахскому языку. – А.: Институт развития государственного языка, 2010.
2. Жубанов, Кудайберген. – А.: Ғылыми қазына, 2013.
3. Косымова, Г. Этимология исторических названий. – А.: КазНПУ им. Абая, 2010.

References

1. Zhubanov, K. Issledovaniya po kazahskomu yazyku. – A.: Institut razvitiya gosudarstvennogo yazyka, 2010.
2. Zhubanov, Kudajbergen. – A.: Ғylymi қazyna, 2013.
3. Kosymova, G. Ehtimologiya istoricheskih nazvanij. – A.: KazNPU im. Abaya, 2010.

УДК 81:008

Ж.А. Кулалиева
Бишкек, Кыргызстан

КОНЦЕПТ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

Аннотация. *Эта статья посвящена актуальному вопросу современной лингвокультурологии.*

Ключевые слова: *культура, лингвистика, концепт, понятие и представление, культура языка, денотат, человеческая личность.*

Сведения об авторе: *Кулалиева Жазгуль Айыповна, старший преподаватель кафедры лингвистики.*

Место работы: Кыргызский государственный университет имени Ишеналы Арабаева.

Контактная информация: *720026, Бишкек, ул. И.Раззакова 51, корпус5,каб. 312. email:jkulalieva@gmail.com.*

J.K. Kulalieva
Bishkek, Kyrgyzstan

CONCEPT IN MODERN LINGUISTICS

Abstract. *The article is devoted to the investigation of one of the actual issues of to the term "Concept".*

Key words: *culture, linguistics, concept, representation, culture of language, ethnicity, denotation, human person.*

About the author*: Kulalieva Jazgul Ayupovna, senior teacher of the Linguistics Department.*

Place of employment: Ishenaly Arabaev Kyrgyz State University.

В современной лингвистике наблюдается тенденция изучения языка как продуктивного способа интерпретации человеческой культуры. Это

объясняется тем, что язык есть ключ к системе человеческой мысли, к природе человеческой психики, он служит для характеристики нации. По мнению Л. Ельмслева, язык «может открыть дорогу, как к пониманию стиля личности, так и к событиям жизни прошедших поколений». Его ‘призывы’ к исследованию культуры были услышаны отечественными культурантропологами. Анализ работ российских ученых за последние 10-15 лет позволяет заметить в современной отечественной лингвистике всё более отчётливо выраженную тенденцию к интенсивному формированию нового направления – культурологической лингвистики (лингвокультурологии) [8, с.131-256].

В задачи лингвокультурологии входит изучение и описание взаимоотношений языка и культуры, языка и этноса, языка и народного менталитета, она создана, по прогнозу Эмиля Бенвениста, «на основе триады – язык, культура, человеческая личность» и представляет лингвокультуру как «линзу, через которую исследователь может увидеть материальную и духовную самобытность этноса». Основу категориального аппарата лингвокультурологии составляют понятия языковой личности и концепта, гносеологическое становление которых, еще не закончено.

Данная статья посвящена термину «концепт», который является стержневым термином понятийного аппарата культурологической лингвистики. Его фундаментальное, многоаспектное изучение предполагает обязательное обращение учёных к анализу самых разных уровней или ярусов языка посредством применения различных исследовательских методик. Приоритетным признаётся лексико-фразеологический уровень языка, на котором наиболее очевидно фиксируются в знаковой форме факты материальной и, соответственно, духовной культуры человека, в целом отражаются ценностные ориентации того или иного социума, система его моральных, этических и эстетических предпочтений, иллюстрирующая особенности менталитета конкретного лингвокультурногосообщества [3, с.45].

В настоящей статье ставятся следующие задачи:

1. обоснование употребления термина «концепт», его отличие от термина «понятие»
2. описание структуры и составляющих «концепта», критерии необходимые для вычленения концепта из текста
3. различные классификации концепта

В начале статьи, как нам кажется, необходимо вкратце остановиться на истории развития термина «концепт» в отечественной науке. Как это ни странно, но «концепт» был заимствован лингвистами из математической логики. Его применение как термина в нашем языковедении начинается с 1928 г. Однако в силу различных объективных и субъективных причин, одной из которых, была государственная идеология Советского Союза, «концепт» на длительное время исчезает из отечественного

лингвистического лексикона. Можно также предположить, что данный иноязычный термин не смог конкурировать с устоявшимся традиционным, более привычным для научной общественности термином русского языка «понятие», на различии между которыми мы остановимся подробнее далее.

Лишь спустя несколько десятилетий, в нашей стране данным термином начинают оперировать когнитивисты, некоторые из которых работают в парадигме философии языка (например, Р.Й. Павиленис и М.А. Холодная). В их работах приоритетным является изучение базисных подсистем человеческого знания. Вербальные знаки, фиксирующие элементы понятийных систем, как правило, при этом когнитивистами не акцентируются. Это, к сожалению, не способствует глубокому анализу и пониманию сущности языковых концептов, которые переживают этапы своего становления в конкретных исторических условиях, в определенном культурном контексте.

Термин «концепт» переживает эпоху «лингвистического ренессанса» с начала 90х годов XX столетия в первую очередь благодаря научным трудам Д.С. Лихачева и Ю.С. Степанова, реанимировавших его и давших ему свою обстоятельную интерпретацию. Активное употребление данного термина в когнитивной лингвистике, в парадигме лингвистического концептуализма и в лингвокультурологии объясняется необходимостью введения в их категориальный аппарат недостающего когнитивного «звена», в содержание которого помимо понятия входят ассоциативные образные оценки и представления о нем его продуцентов и пользователей [10, с. 280-287].

Вслед за Ю.С. Степановым, мы считаем концепт более объемным мыслительным конструктом человеческого сознания по сравнению с понятием. По выражению Ю.С. Степанова, концепт есть «некое суммарное явление, по своей структуре состоящее из самого понятия и ценностного (нередко образного) представления о нем человека».

Концепт как ментальное образование высокой степени абстрактности связан преимущественно именно со словом. Из этого следует, что он включает в себя помимо предметной отнесенности всю коммуникативно значимую информацию. Прежде всего, это указания на место, занимаемое этим знаком в лексической системе языка: его парадигматические, синтагматические и словообразовательные связи – то, что Ф. де Соссюр называет *«значимостью»* и что, в конечном итоге, отражает «лингвистическую ценность внеязыкового объекта». В семантический состав концепта входит также вся прагматическая информация языкового знака, связанная с его экспрессивной и иллокутивной функциями, что вполне согласуется с «переживаемостью» и «интенсивностью» духовных ценностей, к которым он отправляет. Еще одним высоковероятным компонентом семантики языкового концепта

является когнитивная память слова: смысловые характеристики языкового знака, связанные с его исконным предназначением и системой духовных ценностей носителей языка. Однако концептологически наиболее существенным здесь оказывается так называемый культурно-этнический компонент, определяющий специфику семантики единиц естественного языка и отражающий ‘языковую картину мира’ его носителей.

Концепт, согласно научным дефинициям С.А. Аскольдова, Е.С. Кубряковой, С.Х. Ляпина, О.П. Скидан, – это «многомерный мыслительный конструкт, отражающий процесс познания мира, результаты человеческой деятельности, его опыт и знания о мире, хранящий информацию о нем». М.А. Холодная трактует концепт как «познавательную психическую структуру, особенности организации которой обеспечивают возможность отражения действительности в единстве разнокачественных аспектов». По мнению Р. Павилениса, концепты – это «смыслы, составляющие когнитивно базисные подсистемы мнения и знания» [2, 267-279].

Концепт, как и понятие, – единица когнитивного порядка. Архитектоника концепта как структурно-смыслового образования сложнее архитектоники понятия.

Безусловно, концепт – это «многомерное идеализированное формообразование», однако единства мнений относительно числа семантических параметров, по которым может вестись его изучение, у концептологов нет. Например, С.Х. Ляпин , Ю.С. Степанов и В.И. Карасик говорят о том, что в эти параметры включаются как понятийное, так и образное, ценностное, поведенческое, этимологическое и культурное ‘измерения’, из которых почти каждое может иметь приоритетный статус в исследовании.

Следующую структуру предлагает С.Г. Воркачев. Он выделяет в составе лингвокультурного концепта три составляющие: *понятийную,* отражающую его признаковую и дефиниционную структуру, *образную,* фиксирующую когнитивные метафоры, поддерживающие концепт в языковом сознании, и *значимостную,* определяемую местом, которое занимает имя концепта в лексико-грамматической системе конкретного языка, куда войдут также его этимологические и ассоциативные характеристики [6, с.115-124]. Согласно В.И. Карасику, концепт состоит из трех компонентов – понятийного, образного и ценностного. По образному замечанию С.Х. Ляпина, «в глубине концепта мерцает понятие». Концепт в отличие от понятия не только мыслится, но и переживается. Из этого следует, что его объем шире объема понятия. Концепт включает в себя само понятие, являющееся в свою очередь его обязательным ядерным компонентом [11, с. 11-35].

Методологически важными мы считаем рассуждения о структуре концепта Ю.С. Степанова. Концепт, по его мнению, включает в себя такие

компоненты, как: 1) основной, актуальный признак; 2) дополнительный или несколько дополнительных, пассивных признаков, являющихся уже не актуальными, а историческими; 3) внутреннюю форму, обычно вовсе не осознаваемую, запечатленную во внешней словесной форме». Первый компонент – основной, актуальный признак концепта – значим, «известен» всем носителям того или иного языка, той или иной культуры. Выраженный вербально, он средство коммуникации представителей определенной этнической общности, нации, народа, народности. В отличие от него второй компонент – дополнительный, пассивный признак концепта – обнаруживает свою актуальность далеко не для всего этноса; он доступен для представителей определенной социальной группы, для конкретного микросоциума. И, наконец, третий компонент – этимологический признак или внутренняя форма – является наименее актуальным для языко- и концептоносителей любой культуры, поскольку историей жизни слова занимаются преимущественно специалисты конкретных наук.

Концепты, равно как и понятия, не обязательно должны иметь, по нашему видению, вербализованную форму, хотя, как правило, они материально существуют, т.е. знаково оформлены.

Известно, что концепты входят в область, соотносимую с менталитетом как множеством когнитивных, эмотивных и поведенческих стереотипов нации. Граница, разделяющая ментальность и менталитет – концепты в широком и концепты в узком понимании – в достаточной мере нечетка. Единственным критерием здесь может служить степень массовидности и инвариантности когнитивных и психологических стереотипов, отраженных в лексической семантике языка [9, с.3-16].

Трансформируемые в культурные концепты понятия в их первичной форме существуют в человеческом сознании как некий диффузный, размытый, недостаточно четко схваченный языком «сгусток смысла» (термин Ю.С. Степанова), интуитивно осознаваемый его продуцентом-носителем. Следовательно, их вычленение из текста или дискурса связано с многочисленными сложностями. Эти все еще не до конца оформившиеся, но уже «зачатые» «сгустки смысла». Ю.С. Степанов называет предформами потенциальных понятий, способных в перспективе стать концептами, т.е. понятиями, сопровождаемыми определенными оценками. Рассуждения лингвиста можно представить в виде следующей схемы: концепт, понятие, представление о нем.

По мнению автора, прежде чем предформы понятий будут осмыслены примитивным человеком, станут, так сказать, его интеллектуальным достоянием, они, являясь зародышами потенциальных мыслительных конструктов – впечатлений, ощущений, представлений, – непременно переживаются на уровне бессознательного. По мере превращения архаичного человека в человека цивилизованного постепенно

извлекаются сознанием из области бессознательного. Затем реальные концепты выкристаллизовываются в некие четкие смысловые фрагменты, несущие в себе отражение результатов «проработанных» человеком ощущений и впечатлений как перцептивных образов, исходящих от окружающей среды.

Отвечая на вопрос «как человек может добраться до смысла?», нам вспоминаются слова А. Вежбицкой: «Мы можем добраться до мысли только через слова». И если концепт представляет собой вербально явленный смысл, то собственно языковедческая проблематика в его изучении оказывается связанной с определением области бытования этого смысла и уровнем его коммуникативной реализации: является ли он фактом идиолектного или национального языкового сознания, фактом речи или же языка, фактом ситуационной разовой реализации или единицей словаря, если словаря, то соотносим ли он со словом или же с его лексико-семантическими вариантами.

Концепт соотносим с категориями значения и смысла. Значение имени – это предмет (денотат), носящий данное имя, смысл – концепт этого денотата, информация, благодаря которой становится возможным отнесение имени к данному предмету. В лингвокультурологической трактовке концепт отождествляется с типовым представлением «прототипом, гештальт-структурой» (термины В.Н. Телия) и здесь, как можно видеть, логико-семантические значение и смысл практически меняются местами: концепт денотата – сведения, необходимые и достаточные для выделения класса объектов – замещается собственно денотатом – типовым образом, представляющим класс в нерасчлененной полноте признаков.

Смысл – это, по определению Г.П. Щедровицкого, «общая соотнесенность и связь всех относящихся к ситуации явлений». Он всегда ситуационен, обусловлен контекстом, принадлежит речи и первичен по отношению к значению, которое, в свою очередь, внеконтекстно, неситуационно, принадлежит языку, производно от смысла, социально институционализировано и формулируется, в отличие от смыслов, создаваемых всеми и каждым, исключительно составителями словарей. Суммируя вышесказанное, мы приходим к выводу, что концепт в дихотомии значение-смысл соотносим со значением, так как принадлежит национальному языковому сознанию.

Говоря о классификациях концептов, необходимо подчеркнуть, что в основу классификаций разные ученые кладут различные признаки. Начнем со структурно семантической типологии. Так, А.П. Бабушкин классифицирует концепты на лексические и фразеологические. Со структурно-семантической точки зрения правомерно выделение в самостоятельные типы препозитивных, предложных и других концептов, что и делает Н.А. Красавский.

В основу дискурсной классификации С.А. Аскольдов и В.И. Карасик кладут «принцип способов освоения» мира – научный, художественный и обыденный – и выделяют в отдельный тип научные, художественные и обыденные концепты. Еще одним критерием разграничения лингвокультурных концептов является, очевидно, их принадлежность к сфере знания или сознания, которую они обслуживают. Концепты могут типологизироваться не только структурно-семантически, дискурсно, но и социологически. Так, Д.С. Лихачев все концепты классифицирует на следующие группы; универсальные (например, «смерть», «жизнь»), этнические («отчизна», «интеллигенция»), групповые («сцена» для актера и зрителя), индивидуальные (они полностью зависят от личного опыта, системы ценностей, культурного уровня конкретного человека). Именно от степени владения культурой, т.е. уровня образованности, воспитанности, интеллигентности, зависит концептосфера конкретного человека.

Подводя итог всему вышесказанному о концепте, следует подчеркнуть, что категория концепта получает междисциплинарный статус, так как она используется в двух новых парадигмах: *лингвокогнитологии и лингвокультурологии.*

Представители первого направления (Е.С. Кубрякова, Н.А. Болдырев, И.А. Стернин, А.П. Бабушкин) интерпретируют концепт как единицу оперативного сознания, выступающую как целостное, нерасчлененное отражение факта действительности. Образуясь в процессе мысленного конструирования (концептуализации) предметов и явлений окружающего мира, концепты отражают содержание знаний, опыта, результатов всей деятельности человека и результаты познания им окружающего мира в виде определенных единиц, «квантов» знания [5, с. 50-53].

Представители второго, культурологического направления (А. Вежбицкая, Н.Д Арутюнова, В.И. Карасик, Д.С. Лихачев, Ю.С. Степанов, Л.О. Чейненко, С.Х. Ляпин, В.И. Шаховский, С.Г. Воркачев) рассматривают концепт как ментальное образование, отмеченное в той или иной степени этносемантической спецификой [4, с. 293].

Итак, в лингвистическом понимании концепта наметилось три основных подхода. Во-первых, в самом широком смысле в число концептов включаются лексемы, значения которых составляют содержание национального языкового сознания и формируют ‘наивную картину мира’ носителей языка. Д.С. Лихачев предполагает, что совокупность таких концептов и образует концептосферу языка, в которой концентрируется культура нации. Определяющим в таком подходе является способ концептуализации мира в лексической семантике, основным исследовательским средством – концептуальная модель, с помощью которой выделяются базовые компоненты семантики концепта и выявляются устойчивые связи между ними. Во-вторых, в более узком

понимании к числу концептов Ю.С. Степанов относит семантические образования, отмеченные лингвокультурной спецификой и тем или иным образом характеризующие носителей определенной этнокультуры. Совокупность таких концептов не образует концептосферы как некого целостного и структурированного семантического пространства, но занимает в ней определенную часть – концептуальную область. И, наконец, к числу концептов относят лишь семантические образования, список которых в достаточной мере ограничен и которые являются ключевыми для понимания национального менталитета как специфического отношения к миру его носителей.

Обобщение точек зрения на концепт и его определения в лингвистике позволяет прийти к следующему заключению: **концепт** – *это единица коллективного сознания (отправляющая к высшим духовным ценностям), имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой.*

Литература

1. Апресян, Ю.Д. Избранные труды: в 2-х т. – М., 1995. – 1241 с.
2. Аскольдов, С.А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. – М., 1997. – С. 267-279.
3. Бенвенист, Э. Общая лингвистика. – М., 1974. – С. 45.
4. Вежбицкая, А. Семантические универсалии и описание языка. – М., 1999. – С. 293.
5. Бабушкин, А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. – Воронеж, 1996. – С. 12, 50-53.
6. Воркачев, С.Г. Безразличие как этносемантическая характеристика личности // Вопросы языкознания. – 1997. № 4. – С.115-124.
7. Дорофеева, Н.В. Удивление как эмоциональный концепт (на материале русского и английского языков). – Волгоград, 2002. – С. 6-7.
8. Ельмслев, Л. Пролегомены к теории языка // Новое в лингвистике. – М., 1960. – Вып. 1. – С.131-256.
9. Карасик, В. И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты. – Волгоград-Архангельск, 1996. – С. 3-16.
10. Лихачев, Д.С. Логический анализ языка. Культурные концепты. – М., 1991. – С. 280-287.
11. Ляпин, С. Х. Концептология: к становлению подхода // Концепты. – Архангельск, 1997. – Вып. 1. – С. 11-35.

References

1. Apresyan, Yu.D. Izbrannye trudy: v 2-h t. – M., 1995. – 1241s.
2. Askol'dov, S.A. Koncept i slovo // Russkaya slovesnost'. Ot teorii slovesnosti k strukture teksta. Antologiya. – M., 1997. – S.267-279.
3. Benvenist, EH. Obshchaya lingvistika. – M., 1974. – S.45.
4. Babushkin, A.P. Tipy konceptov v leksiko-frazeologicheskoj semantike yazyka.
5. Vezhbickaya, A. Semanticheskie universalii i opisanie yazyka. – M., 1999. – S. 293.
6. Vorkachev, S.G. Bezrazlichie kak ehtnosemanticheskaya harakteristika lichnosti // Voprosy jazykoznanija. – 1997. – № 4. – S.115-124.
7. Dobrovol'skij, D.O. Nacional'no-kul'turnaya specifika vo frazeologii // Voprosy jazykoznanija. – 1997, № 6. – S.37-48.
8. Dorofeeva, N.V. Udivlenie kak ehmocional'nyj koncept (na materiale russkogo i an-

glijskogo yazykov). – Volgograd, 2002. – S.6-7.
9. El'mslev, L. Prolegomeny k teorii yazyka // Novoe v lingvistike. – M., 1960. – Vyp.1. – S.131-256.
10. Karasik, V. I. Kul'turnye dominanty v yazyke // Yazykovaya lichnost': kul'turnye koncepty. – Volgograd-Arhangel'sk, 1996. – S. 3-16.
11. Lihachev, D.S. Logicheskij analiz yazyka. Kul'turnye koncepty. – M., 1991. – S. 280-287.
12. Lyapin, S. H. Konceptologiya: k stanovleniyu podhoda // Koncepty. – Arhangel'sk, 1997. – Vyp. I. – S. 11-35.

УДК 302.2

С.К. Мамбаева
Бишкек, Кыргызстан

ЦЕННОСТЬ СЕМЬИ И РОДОВОГО КЛАНА У КЫРГЫЗОВ И У АМЕРИКАНСКИХ ИНДЕЙСКИХ ПЛЕМЕН

Аннотация. *Современное общество рассматривает семью как убежище от мира хотя именно мир должен обеспечить мир семье. Семья как убежище, которая поощряет "интимность, любовь и доверие, где люди могут выйти из-под конкуренции нечеловеческих сил современного общества". Семья часто упоминается как убежище, которая обеспечивает любовь и защиту от грубого и вымывающего всё промышленно-развитого мира. Ключевым концептом в области социальных наук и межкультурной коммуникации является семья.*

Ключевые слова: *ревитализация, забвение внутренней культура, концепт семья, ценность, род, клан.*

S.K. Mambaeva
Bishkek, Kyrgyzstan

THE VALUE OF FAMILY AND KINSHIP AMONG KYRGYZ AND AMERICAN INDIAN TRIBES

Abstract. *Contemporary society generally views family as anasylum from the world supplying absolute fulfillment. The family as an asylum encouraging "intimacy, love and trust where individuals may escape the competition of dehumanizing forces in modern society"(Greif, Avner (2005). The family is often referred to as alisyum providing love and protection from the rough and tumble industrialized world. A key concept in the social sciences and intercultural communication is that of the family.*

Key words: *culture, concept of family, value, kinship, clan.*

Сведения об авторах: *Салтанат Канатбековна Мамбаева, доцент, кандидат филолог. наук. Место работы: Кыргызско-Турецкий Университет Манас, Гуманитарный факультет, Отделение синхронного перевода.*

About the authors*: Saltanat Kanatbekovna Mambaeva Assoc.Prof (PhD).*

The place of work: *Kyrgyz Turkish Manas university, Faculty of Humanities, Simultaneous translation dept.*

Контактная информация: *г. Бишкек, пр. Мира 56.*
e-mail: saltanatmambaeva@gmail.com

Семья, как правило, рассматривается как важный социальный институт и локус большей части социальной активности человека. Люди, которые живут в племенах, они ценят свои родовые и семейные кланы. Семья влияет на их психологические, социологические и коммуникативные стороны каждого человека и его жизни. И только в семье человек может получить все знания о своей родословной, его / её родства и племени, в котором жили их предки, и чьи обычаи и традиции в настоящее время и до сих

пор хранится у большинства наций и народностей. Семья это самое ценное в жизни людей, которые живут в обществе и имеют отношение к обществу. Изучая семейные ценности народов, которые практически похожи по своим историческим шагам на наш народ, я убедилась в том, что мой народ прошел не очень легкий путь, для того чтобы сейчас в современное время иметь свою землю, и свое независимое государство, которое нам досталось после развала Советского Союза.

Исторически так сложилось, что кыргызы были кочевниками и до сих пор их считают кочевниками, хотя сейчас многие источники и археологические данные говорят о том, что кыргызы стали кочевниками не по своей воле. До кочевого образа жизни это был вполне оседлый народ, который жил иначе, если судить по предметам, найденным в исторических местах, где стояли в древности города и поселения предков кыргызов. Если бы кыргызы были всегда кочевниками, то невозможно было бы объяснить тот момент, что кыргызы ковали железо и занимались ювелирным искусством, керамикой и многими другими ремеслами, которые имеются в быту современных кыргызов. Откуда это у них?

Все сказанное выше пока ещё полностью не несёт достоверной информации, и моя цель написания данной статьи не касается исторических данных, а только тех данных, которые касаются культуры и семейных ценностей, но без истории семейные устои тоже невозможно рассматривать. Несмотря на то, какой бы образ жизни не вели кыргызы, они всегда сохраняли свои семейно-бытовые отношения такими, которые дошли до наших дней: это семейно-клановое отношение; род и родовые отношения; племя и межплеменные отношения. Если прислушаться к легендам о происхождении кыргызов, то там есть легенда, которая гласит о том, что кыргыз происходит от слова «*кырк*» – «*сорок*» и «*кыз*» – «*девушка*» и «*гыз*» иногда как просто окончание к слову, отсюда можно предполагать, что цифра сорок – как сейчас расшифровывают учёные, относится к количеству племен, которые объединились в одно большое племя, чтобы устоять перед врагами. Также есть предположение, что именно сорок племен и составляют основу кыргызского народа, что подтверждается, когда рассматриваешь семейное древо кыргызского народа. От сорока племён идут малые родовые группы, семейные кланы и семейные ветви.

Почти все народы имеют свои семейно-родовые отношения, просто по прохождению лет и веков они стерлись и наверное эти народы сейчас относятся к индивидуалистской группе культур, такие страны, как Америка, Англия и многие другие европейские государства, хотя они также раньше делились по родству и клановой принадлежности. А те народы, у которых ещё сохранились родо-племенные отношения, они относятся друг к другу как к братьям и сестрам и относятся к коллективистской группе культур. И отношение друг к другу как к сестре или к брату не от религии пришло, здесь предпочтение нужно отдать семейно-родовым отношениям,

издревле существовавшим у племен и родовых кланов. Данное предположение я высказываю потому, что у кыргызов отношение к брату или к сестре сохранилось очень четко и ясно.

Если на улице мы обращаемся к незнакомому человеку, то мы говорим *«байке»* или *«иничек»* – что означает *брат,* первый в отношении к человеку, кто старше того, к кому обращаются, а второе – к молодому человеку, который младше обращающегося. Или к женщине мы обращаемся *«эжеке»* или *«сиңди»,* где первое-это обращение к женщине, которая старше говорящего, а второе обращение к девушке, которая младше обращающегося, но второе обращение касается только женщины к девушке, если же это мужчина обращается, то первое обращение относится ко всем женщинам старше говорящего, а мужчины к девушкам и к женщинам младше себя относятся *«карындаш»* или «*чоң кыз»* – что тоже означает «*девушка»*, но данное обращение принадлежит только мужской половине.

Даже такое деление в языковом плане говорит, насколько семейные отношения влились в общественную жизнь кыргызов. Многим иностранцам, которые начинают изучать кыргызский язык, а соответственно и саму культуру, вначале трудно понять все нюансы языкового разнообразия, но когда они начинают вникать в семейные отношения и семейные ценности кыргызов, они понимают, какое уважение существует в культуре, в использовании всех языковых нюансов, и как они влияют на отношения членов семьи. Какое благородство сохранилось в таком малом народе, который практически составляет всего около 5-ти миллионов человек. Конечно, влияние западной культуры через средства массовой информации сделали свое дело, но современные кыргызы решили заглянуть в глубинку, где многие кыргызы ещё очень строго сохраняют, многие культурные ценности. И я считаю, что обращение народа к своим корням – это не мода, это больше необходимость, в современном общество нет необходимости продолжения копировать малым народам то, что для них неприемлемо. И понятна цель тех молодых людей в нашем обществе, которые пытаются объяснить культурные ценности через телевидение и другие средства массовой информации. Буквально лет 5-6 назад в интернете практически не было материалов по культуре кыргызов, по истории и даже общих географических данных, сейчас же в интернете столько материалов по Кыргызстану, что глаза разбегаются. Там выложены материалы на кыргызском языке,и благо для таких, как я, которые много путешествуют. Существует возможность направить иностранцев на сайты, где они могут познакомиться с культурой и бытом кыргызов. Но и есть материалы которые выложены иностранными гражданами о Кыргызстане, и что самое интересное, многие такие материалы содержат только положительные отзывы, и даже, несмотря на наши скудные условия жизни, почти все иностранные граждане восхищаются выдержкой кыргызского народа и очень удивляются их гостеприимству, культуре, быту и конечно отношению в семьях. Они всегда

удивляются, как кыргызы запоминают всех своих родственников и соплеменников, их такое огромное количество, но это понятно только тем, у кого есть огромное количество родственников.

Наиболее удивительное для тех, кто впервые входит в кыргызскую семью, это то, что в одном доме живут сразу несколько поколений: это сама семья с детьми, их бабушки и дедушки и уже появившиеся внуки и иногда даже правнуки. Престарелые родители обычно не отдаляются от семьи, а постоянно живут с младшим из сыновей или внуком, которым помогают растить детей. И практически такие молодые семьи не пользуются детскими садиками и яслями. Считается позором, если в доме есть бабушка, сдавать ребенка в садик, это значит, что молодые не доверяют детей бабушке, или бабушка не хочет их воспитывать. К счастью, таких примеров практически нет. Многие молодые семьи всегда в начале создания семьи нуждаются в советах и помощи родителей, и если родители живут далеко, то время от времени они приглашают пожить у них своих бабушек и дедушек или родственников со стороны матери или отца.

Я вспоминаю, что в нашем доме, кроме родителей, были всегда родители отца, и иногда гостили родители мамы – и для нас всегда было интересно общаться с ними, так как они могли нам уделить больше внимания и рассказать то, что не всегда знали даже наши родители, и помогали не только советами, но и учили девочек готовить, шить из войлока ковры, кроить из войлока узоры для *шийрдака* /национальный палас/. А дедушка учил братьев что-нибудь мастерить или тому, как резать барана, корову, лошадь, или как приготовить колбасу из конины, сушить мясо или коптить мясо – так как данное приготовление у кыргызов считалось чисто мужским занятием. И благодаря более широкому общению мы и наши сородичи получали больше знаний, именно жизненного опыта, необходимого в семье и для будущего в целом. А в тех семьях, где не было бабушек и дедушек, такие семьи как бы считались немного обделенными, и говорили, если дети из таких семей совершали какой-либо проступок, то родственники про них могли сказать, что «*Они ведь не имели возможности общения со стариками и поэтому делают такие ошибки*». А тех, у кого были дедушки и бабушки называли «*баловнями судьбы*» и практически такие семьи считались благополучными, так как ребенок не только от родителей получил порцию информации, но и от их родителей, что удваивало и утраивало знания ребенка, и до сих пор считается, что человек из такой большой семьи не может совершать неправильные проступки.

Сами родители должны думать, как прокормить свою большую семью, и они зачастую не всегда имеют время для общения с детьми. Эту нехватку общения для детей заполняют многочисленные родственники. Если посмотреть на семейно-бытовые отношения племён американских индейцев, живущих на территории современных Соединённых Штатов и Канады, то семьи составляли несколько поколений, живущих в *Longhouse*

(длинном доме), и отец практически не участвовал в воспитании своих детей. Американские индейские племена до сих пор живут в семейно-родовых кланах, хотя цивилизация и белые американцы отняли их территории, посягнули и на духовные ценности многих племен. Семейно-бытовые отношения они пытаются сохранить такими, какими они были до прихода белых на их территорию. В большей части американские индейцы чтят свои семьи и их целостность. Они – коллективисты, как и кыргызы, и берегут семейно-родственные отношения. И поэтому, как и у кыргызов, одним из первых вопросов друг к другу у них может быть вопрос: «*Из какого ты племени?*», и это нормально воспринимается всеми, кто является представителем племенных народов Америки. А для приезжего из Кыргызстана это было сюрпризом, т.к. такой вопрос задают среди своих кыргызов: «*Кайсы уруудансың*?», а когда к тебе подходят в Америке и спрашивают, это застает человека врасплох, т.к. там кыргыза приняли по внешности за человека одного из северных племен Америки. Таким образом, они выясняют клановую принадлежность друг друга.

Американские племенные народы очень любят совместное времяпровождение и действия, и этим они очень отличаются от белых американцев. Они ценят родство превыше всего, и несмотря на, что они живут в резервациях, они берегут и пытаются помочь каждому члену своего сообщества, и друг друга они первыми начали называть *брат – сестра*. И только потом эти слова стали как жаргонизмы использовать черные американцы.

Современные американцы очень ценят, если у них в крови есть индейская кровь, хотя бы на четверть или еще меньше. И когда проводятся весенние шествия *Pow Wow dancing* они присоединятся к этим шествиям, чтобы почувствовать себя частью этих людей, которые сильны духом и до сих пор не сдаются, а продолжают жить по-своему, за оградой резерваций. Для племенных народов Америки очень важна семья – семья для них самое главное, и они соблюдают все семейные традиции и обычаи, не говоря уже о родстве, это связано с теми временами, когда люди действительно жили в племенах и чтили родство, и в настоящее время эта традиция продолжается, хотя это не совсем понятно для людей современного цивилизованного общества. Индейцы живут в своих родо-племенных сообществах до сих пор.

Почему люди держатся за родо-племенные отношения?

Что они понимают под современным родством?

Что такое реальная ценность семьи?

Эти три вопроса являются основными для исследования в данной статье.

Племя – это группа людей, связанных друг с другом в соответствии с их генетическим отношением. Все люди в племени являются родственниками друг к другу, или они имеют родственные связи между большим ко-

личеством людей, живущих в одном племени. Племя – это небольшое сообщество. Мало кто в современных социальных и смежных науках могут понять богатую историю семейного поведения среди племен американских индейцев. Американские племенные народы в настоящее время требуют права на соблюдение родовых обычаев своих расширенных семей. Наследие, обычай и семья переплетены, племена, например, как правило, определяют семью по трем измерениям:

1) по ведению домашнего хозяйства,

2) расширенные семьи через двоюродных братьев и сестер (дедушки, бабушки, дяди и тёти),

3) членство в клане (принадлежность к тому или иному семейному клану).

Семья в этом контексте является краеугольным камнем для социального и эмоционального благополучия отдельных лиц и всей общины.

Ядерная семья и её модель взята из западных культур и современного технологического общества. Члены расширенных систем семейств, например, следуют за «темой жизни», которая отличается от тех, которые преобладают в системе ядерной семьи. Р. Хорс отмечает, что отношения в расширенных семьях намного крепче, чем в ядерной семье, где детям, например, уделяется намного меньше времени на их воспитание, в большей части в таких семьях дети вырастают эгоистами. Каждый член семьи в ядерной семье несет ответственность за себя и только, а в расширенных семьях американских индейцев есть совместная ответственность, что создает гармонично сбалансированное общество между работой и жизненно важными семейными отношениями. Взаимоотношения ведут взрослых членов общества не на пенсию или переселению в дом престарелых, а наоборот, к жизненно важным делам семейной жизни, и это обретает чувство порядка и гармонии. Старейшины обеспечивают преемственность, помогая постигать мудрость жизни.

Целостность духовности американских индейцев в их семейной системе является силой племени и племенного духа. Духовность представляется как сухожилие социальной ткани, которая связывает семьи и общины, членство в клане, каждый следует своей родословной связи, и всё это организует модели отношений в семьях, устанавливает социальные обязательства, а также служит в качестве социального контроля в племенном обществе. (Совет старейшин у индейцев. *Аксакалдар тобу* – у кыргызов). Как и во всех семейных кланах, вера и религия были основными элементами определенного сообщества, которые непосредственно влияли на атмосферу и социальную сеть внутри клана. Духовность – эта самая высокая и своеобразная черта отличия клановой семьи от ядерной западного типа семьи. Родовой семейный клан включает в себя следующие концепты, которые привносят в сообщество нововведение в исследования такого плана:

-уважение;

-щедрость;

-гармония и духовные аспекты каждого племени и клана;

-кровное родство;

-поклонение матери-земли, космосу, животным и всему тому, что их окружает (родниковая вода, горы, земля, луна и т.д.).

Богатое наследие здорового и гигиенического поведения среди традиционных общин, которые подчеркивают сложность культуры, связанной с заботой о социальном и эмоциональном благополучии членов племени в подавляющем большинстве случаев игнорируется. Расширенные родственные системы, люди и ритуальные общества, организованные в гармоничное содружество, обеспечивающие клановой защитой отдельного человека, семью и сообщества в подавляющем большинстве случаев в настоящее время полностью игнорируются.

Западным культурам и особенно пожилым представителям этих культур очень тяжело думать о старости и обо всех проблемах, связанных со старостью, тогда как старейшины племен – это самые уважаемые люди клана, за ними будут ухаживать и заботиться не только близкие члены семьи, но и родственники, на случай если они останутся одни. То, что было сделано в молодости тем или иным пожилым представителем клана, всегда на несколько поколений остается на устах членов родового клана и племени. И это как цепь, связующая несколько поколений воедино. У племенных народов Америки есть такой же обычай, как и у кыргызов: не называть родственников по имени, данному родителями, им дается другое имя членами племени в детстве или юношестве и оно остается на всю жизнь. Называть старшего по имени – это выражение неуважения. У кыргызов есть такой обычай, связанный с именем ***тергөө*** – что присуще для молодых снох, когда они выходят замуж, они должны придумать специальные имена для всех родственников мужа, и этот обычай существует до сих пор. Придуманное имя оставалось надолго, до самой смерти. В традиции «***тергөө»*** – суть сводится к тому, что замужняя женщина не должна называть вслух по имени никого из родственников своего мужа. Данная традиция имеет место и сейчас, особенно в селах и отдаленных регионах страны, но уже не в столь строгих рамках, в каких она существовала в прошлом. Так, еще совсем недавно жены не имели права назвать по имени даже своего мужа. Сейчас такое обращение к мужу изжило себя ввиду того, что изменились условия заключения брака. Если раньше браки между молодыми заключались их родителями, то теперь – это результат длительных, дружеских отношений на основе возникшей взаимной любви. «Тергөө» – давняя традиция, сохранившаяся в своих основных моментах, хотя и подкорректированная временем, что подтверждает ее востребованность обществом. Американские племенные народы также чтят похожий обычай в своих племенах, и сохраняют его до сих пор: у них тоже, как и иу кыргызов есть и названия для всех родственников, как

состороны отца, так и со стороны матери. Как у и кыргызов, например: ***эже, кайнеже, кайнсиңди, бөлө, жээн, тайке, таажеңе, жээн небере*** и т.д. Мы наблюдаем возрождение у кыргызов Аксакалдар тобу – Совета старейшин. Несмотря на глобализацию во всем мире, люди хотят сохранить свои национальные и культурные традиции и обычаи.

В заключение можно сказать, что в настоящее время под воздействием новых форм человеческой активности в психологии людей происходят значительные изменения, как в лучшую, так и негативную сторону. В то же время наблюдается активное возрождение норм нравственности, в том числе религиозных, не противоречащих идеологии государства, нормам и ценностям социальной культуры кыргызов. Происходит активное привлечение всех слоев населения к общественной и политической жизни общества, что, безусловно, необходимо и своевременно. Многовековая история существования семейных ценностей, как у кыргызов, так и американских индейцев, говорит о том, чтобы сохранить и передать следующим поколениям ценности семьи и родового клана, «рациональное зерно» обычаев и традиций, которые составляют реальную силу в воспитании подрастающих поколений. Для племенных народов Америки сохранить это оказалось сложнее, так как они потеряли слишком много времени и сил, воюя за свои земли с белыми захватчиками, но в настоящее время во многих резервациях пытаются возродить элементы родо-племенных отношений.

Литература

1. Кошбакова, Батма. Семейно-бытовые традиции и обычаи кыргызского народа в современных условиях // Парус. 17.08.2013. [Электронный ресурс]. URL: http://www.paruskg.info/2013/08/17/84875
2. Jery, H. Gill. Native American Worldview. – Humanity books, 2002. – P. 100.
3. John, G. Red Horse eta! Family Behavior of an American Indians // Social Casework. 59 February 1978. – P. 67-72.
4. John, G. Red Horse, John Ledingbom, and Decker James T. American lndian Elders: Perspectives on Culturn. Behavior and Needs // Paper presented at the Annual Meetng of the Society for the Stndy of Social Problems. – Boston, Massachusetts, Summer, 1979.
5. Avner, Greif. A Theory of Endogenous Institutional Change. (With D. Laitin). APSR. 2004.

References

1. Koshbakova, Batma. Semejno-bytovye tradicii i obychai kyrgyzskogo naroda v sovremennyh usloviyah // Parus. 17.08.2013. [Elektronnyj resurs]. URL: http://www.paruskg.info/2013/08/17/84875
2. Jery, H. Gill. Native American Worldview. Humanity books, 2002. – P. 100.
3. John, G. Red Horse eta! Family Behavior of an American Indians // Social Casework. 59 February 1978. – P. 67-72.
4. John, G. Red Horse, John Ledingbom, and Decker James T. American lndian Elders: Perspectives on Culturn. Behavior and Needs // Paper presented at the Annual Meetng of the Society for the Stndy of Social Problems. – Boston, Massachusetts, Summer, 1979.
5. Avner, Greif. A Theory of Endogenous Institutional Change. (With D. Laitin). APSR. 2004.

УДК 81’112

Р.Ш. Мусабаева
Бишкек, Кыргызстан

ОСТРОВНОЕ ДВУЯЗЫЧИЕ, ЕГО СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ РАМКИ И ПОНЯТИЕ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ В ЯЗЫКЕ

Аннотация. *В статье рассматривается проблема языка, который находится далеко от исконной Родины, в окружении других языков и подвергается языковой интерференции. Говорится о старании немцев-колонистов сохранить свой язык; о причинах языковой интерференции; причинах ассимиляции русского языка; проблемах распространения, контактирования и смешения языков; мнениях и определениях ученых лингвистов таких понятий, как «двуязычие (индивидуальное и коллективное)», факторах, которые важны для изучения двуязычие, «многоязычие», «языковой контакт», «смешение языков», «заимствование»; грамматическая интерференция.*

Ключевые слова: *Островное двуязычие, интерференция, языковые острова, чужой язык, культурные особенности, ассимиляция, языковой контакт, смешение языков, индивидуальное, коллективное двуязычие, заимствование, запрет на преподавание.*

Сведения об авторе: *Мусабаева Разия Шаршеновна, доцент кафедры немецкого языка.*

Место работы: Кыргызский государственный университет им. И.Арабаева.

Контактная информация: *720026, Бишкек, ул.Раззакова, 51, корпус1,каб.214 e-mail: razia_60@mail.ru.*

R.Sh. Musabaeva
Bishkek, Kyrgyzstan

THE ISLAND BILINGUALISM, ITS SOCIO-CULTURAL FRAMEWORK AND THE CONCEPT OF INTERFERENCE IN THE LANGUAGE

Abstract. *The problem of language, which is far from the ancestral homeland, surrounded by other languages and subjected to language interference. It is said about the diligence of German colonists to preserve their language; on the causes of language interference; the reasons for the assimilation of the Russian language; Distribution problems, contacting and mixing languages; views and definitions of the concepts scientists linguists as "bilingualism (individual and collective)," the factors that are important for the study of bilingualism, "multilingualism", "language contact", "confusion of tongues", "borrowing"; grammatical interference.*

Key words: *The island bilingualism, interference, language Islands, a foreign language, cultural characteristics, assimilation, language contact, language mixing, individual, collective bilingualism, borrowing, ban on teaching.*

About the author: Musabaeva Razia Sharshenovna, assistant professor of German language department.

Place of employment: Place of work: I.Arabaev, Kyrgyz State University.

Говоря о языке как средстве сохранения национальной идентичности немецких колонистов в Кыргызстане, нужно учитывать то, что соседи немцев говорили на других языках, в основном на кыргызском и русском. И хотя языковые острова жили своей особой этнокультурной жизнью, они оказывались связанными с иноязычным большинством внутри страны, благодаря экономическим, политическим, хозяйственным и социальным отношениям. В результате постепенного овладения языком соседей, сначала индивидуального, а потом и повсеместного двуязычия островной диалект немцев подвергался языковой интерференции. Развитие двуязычия

было вызвано как историко-географическими, так и социокультурными и политическими факторами.

Говоря о немецких колонистах в начале их истории Л. И. Москалюк употребляет такой термин, как монолингвальность, что свидетельствует о том, что, несмотря на иноязычное окружение, материнские и дочерние колонии долгое время оставались в языковом отношении относительно замкнутыми, одноязычными, и мало подвергались внешнему языковому влиянию [5]. А двуязычие, которое имело место, носило скорее индивидуальный характер. В качестве переломного года, когда немецкий язык потерял свою ведущую функцию, Л.И. Москалюк называет 1938 г., после чего началось активное развитие билингвизма среди немцев. В.М. Жирмунский отмечает в качестве основной отличительной черты немецких колоний сильную русификацию молодежи. Ученый пишет, что молодежь говорит на русском, только старшее поколение старалось сохранить свой язык и говорило на нем в кругу семьи [4, с. 277].

О жизни немцев в СССР в послевоенный период, а значит и о языковой ситуации в колониях, долго не было никаких известий. Изучение их языка и культуры было невозможно по политическим причинам.

После начала нового периода в стране и прихода к власти М. С. Горбачева активизировались исследования в области языка и культуры немецких колонистов. О степени владения немецким языком среди этнических немцев в стране есть данные 1988 г., где наглядно демонстрируется степень владения немецким языком в Советском Союзе в зависимости от их возраста. По данным этого исследования видна отчетливая тенденция снижения среди молодого поколения немцев людей, считающих немецкий язык своим родным. Хуже всего владеет немецким языком молодежь, живущая в городе.

При опросах общественного мнения немцы демонстрировали сильное желание сохранять и использовать немецкий язык в своей речи, при общении с родителями использовали немецкий язык, ситуация при общении с супругами уже сильно меняется. Причинами этого являются как смешанные браки, так и не очень хорошее владение немецким языком среди молодого поколения. Однако при общении с детьми старшее поколение использует немецкий язык, стараясь передать им национальные традиции, хотя молодое поколение подвержено очень сильному влиянию русского языка и молодежь, в отличие от старшего поколения, уже не придавала такое большое значение сохранению традиций и языка. «Немецкий язык» как предмет, который велся в школах, не вызывал у них особенного интереса. Отсутствие учебных и методических пособий и преподавателей, имеющих соответствующее образование, приводило к тому, что снижалась заинтересованность в преподавании на немецком языке, как со стороны детей их родителей, так и со стороны самих преподавателей.

Проблема проникновения новых понятий и соответствующих им слов из чужого языка существовала еще в начале колонизации немцев. Если в первые годы немцам хватало привезенного с родины словарного запаса, то со временем, в связи с экономическим и техническим развитием и отсутствием тесной связи с исконной родиной, немцы начали перенимать слова из языка окружения. Расселение немцев по большой территории способствовало также языковой интерференции. Новая страна обладала своими культурными особенностями, не имевшими эквивалентов в немецкой культуре и языке. В результате этого немцы перенимали обозначения незнакомых понятий, новых предметов. Ассимилирующему воздействию русского языка способствовали в первую очередь два фактора – влияние идеологии чужой страны и неуверенность в правильности употребления своего родного языка, вызванная языковой изоляцией от исконной родины.

Немцам в Кыргызстане все же удалось сохранить свой язык, но тенденции последних лет к исчезновению этого языка, ко все большему влиянию русского языка и отсутствию знаний немецкого языка у молодого поколения, вряд ли удастся остановить. Среди причин распространения языков, как правило, называется та или иная (например, военная, политическая, религиозная, культурная, экономическая или просто демографическая) экспансия того народа, который говорит на распространяющемся языке. Эти факторы входят в область исследования историков и этнологов, а лингвисты могут изучать результаты различных исторических процессов, приведших к тому, что некоторые языки вступили в контакт, следствием которого стало их взаимовлияние и смешение. А. И. Домашнев в связи с этим отмечает, что "...хотя языковые острова живут, как правило, своей особой, этнокультурной жизнью, они оказываются тесно связанными благодаря общественно-политическим, административно-деловым, хозяйственным и социальным отношениям с иноязычным большинством данной страны, овладение языком которого приводит к языковой интерференции и влиянию этого языка большинства («соседний» язык, контактирующий язык) на островной диалект" [1, с.46].

В своей статье «О понятии смешения языков» Л.В. Щерба пишет: "...не существует языка, который не был бы смешанным в той или иной степени. По мнению Л.В. Щербы термин «смешение языков» Sprachmischung не стоит путать с термином «языковой контакт», так как первый обозначает процесс, а второй – его результат. Языковой контакт это использование одним и тем же индивидом попеременно то одного языка, то другого" Подобная практика называется *двуязычием* (если в речи используется два языка) или *многоязычием* (если в речи используется несколько языков) [6, с.74].

Термин "двуязычие" может пониматься как в узком, так и в более широком смысле. Под двуязычием в широком смысле понимают любое влияние чужого языка, вне зависимости от того, имеет ли оно коллектив-

ное или индивидуальное проявление, идет ли речь о действительном владении двумя языками, или же только о контакте с чужим языком (например, благодаря изучению языка в школе или же просто пассивному овладению им).

Широкое понимание термина языковой контакт и двуязычие основывается на том, что степень различия языков не влияет на механизмы интерференции и термин двуязычие может быть применим таким образом как к контактирующим кыргызскому и русскому, так и к контактирующим вариантам другого языка.

В более узком понимании говорят о двуязычии индивидуальном и коллективном. *Индивидуальное двуязычие* часто выносится за рамки лингвистического анализа, так как не дает возможности делать более общие выводы, касающиеся развития языка в целом.

В отличие от индивидуального, *коллективное двуязычие*, наоборот, вызывает живой исследовательский интерес. Некоторое лингвисты даже предлагают применять термин "двуязычие" вообще только к этому его виду.

Нас здесь интересуют случаи одновременного владения двумя разными языками. Основная лингвистическая проблема, возникающая в связи с ситуацией двуязычия, заключается в выяснении, в какой степени контактирующие структуры могут сохраниться неизменными и в какой степени они будут влиять друг на друга, изменять друг друга. Описанный выше термин "языковой контакт" обозначает языковые ситуации в целом, он ничего не объясняет в лингвистическом отношении и дает широкое толкование явления. В связи с этим языковым ситуациям противопоставляются возникающие в результате их создания языковые явления, которые называются «интерференция». Явления интерференции как случаи отклонения от норм как одного, так и другого языка, которые встречаются в речи двуязычных людей в качестве результат их владения более чем одним языком, т.е. те, которые являются результатом языкового контакта, а термин "интерференция" "включает в себя переделку структурных схем, которая происходит из-за введения чуждых элементов в наиболее сильно структурированные области языка; к этим областям следует причислять основную часть фонологической системы, большую часть морфологии и синтаксиса и некоторые поля словарного запаса (сфера родственных связей, цвета, погода и т.д.).

Некоторые ученые различают понятия интерференции и заимствования и выступает против их смешения и замены одного понятия другим. Заимствование возможно, по их мнению, только в тех областях языка, которые не являются сильно структурированными (как некоторые области синтаксиса и некоторые области побочного/дополнительного словарного запаса, например, но они не уточняют, какие). Интерференция затрагивает наоборот, наиболее структурированные сферы языка и приводит к целой

последовательности изменений и реорганизации существовавших до сих пор дистинктивных оппозиций. В связи с разделением данных терминов можно вспомнить Л.В. Щербу, где он пишет: "мне кажется, что во взаимном влиянии языков следует различать два совершенно различных процесса – заимствование и смешение языков; первое основывается на двуязычии, как я предложил бы назвать независимое сосуществование двух языков у одного и того же индивида, а второе основывается на смешанном языке с двумя терминами. Само собой разумеется, что в действительности есть всегда промежуточные формы и чаще всего оба процесса перекрещиваются. Но это ни в коем случае не может поколебать сделанное выше существенное различие" [6, с. 72-73].

На явления интерференции могут оказывать влияние также внеязыковые факторы, находящиеся за рамками структурных различий и, в частности, лексических несоответствий. Полный список явлений интерференции в какой-либо ситуации языкового контакта, включая распространение, длительность существования и исчезновение какого-либо явления интерференции, возможен только в том случае, если не будут рассматриваться внеязыковые факторы. Среди неструктурных факторов (они же – внеязыковые) можно перечислять, например, свободу владения языком говорящим и его способность отделять языки друг от друга, относительные языковые успехи в каждом из языков, степень владения (знакомства) каждым отдельным языком, с его идиоматикой и стереотипами. Но нельзя полностью абстрагироваться от внеязыковых аспектов данного явления, так как необходимо учитывать зависимость такого явления, как языковой контакт и, как следствие, интерференция, от исторических, психологических и прочих экстралингвистических факторов. Если говорить об истории немецких колонистов, то на интерферирующее влияние русского языка на немецкий оказывали воздействие такие факторы, как запрет на преподавание в школе на немецком языке, ведение юридической и прочей документации на русском языке, смешанные браки и так далее.

Среди факторов, наиболее важных для изучения двуязычных групп, выделяются следующие:

1) объем двуязычной группы и ее социокультурная гомогенность или отсутствие таковой, подразделение ее на подгруппы, которые используют тот или иной язык в качестве родного, демографические данные, социальные и политические отношения между подобными подгруппами;
2) преобладание в различных подгруппах лиц, владеющих двумя языками и обладающих определенными характеристиками и типом поведения;
3) стереотипное восприятие отдельных языков («престиж» языков); статус языка исконного жителя или эмигранта;
4) отношение к культуре определенных языковых групп;
5) отношение к двуязычию как таковому;

6) терпимость или нетерпимость по отношению к смешению языков и ошибкам в речи того или иного языка;
7) отношение двуязычной группы к отдельным граничащим с ней языковым сообществам.

Эти факторы имеют существенное значение в исследовании языка немецких колонистов, поскольку они жили и живут на территории Кыргызстана, среди кыргызского и русского населения на протяжении нескольких столетий, оставаясь сначала довольно гомогенным, затем же все более разбавленным браками с русскими языковым сообществом. Престиж двух языков – русского и немецкого – постоянно менялся в связи с разной политической ситуацией. До 1990 года русский язык в Кыргызстане был господствующим и кыргызы должны были говорить на нем бегло, без акцента и без ошибок, кто говорил с ошибками, тотн считался безграмотным. Из-за этого, мне кажется, кыргызский язык не мог влиять на язык немецких колонистов. До сих пор я не встречала немца, говорящего на кыргызском языке.

Теория языковой интерференции играет также особую роль в сравнительном описании грамматик различных языков. Существует несколько видов интерференции с точки зрения тех областей языка, в которых она проявляется. Одним из них является грамматическая интерференция. Она возникает тогда, когда правила расстановки, согласования, выбора или обязательного изменения грамматических единиц, входящих в систему одного язык, применяются к примерно таким же цепочкам элементов второго языка, что ведет к нарушению норм второго языка, либо тогда, когда правило, обязательные с точки зрения грамматики второго языка, не срабатывают ввиду их отсутствия в грамматике первого (одного) языка.

Одной из первых попыток целостного рассмотрения грамматических явлений и фактов немецкого языка в сопоставлении с русским стала работа К.Г. Крушельницкой, где анализируются некоторые особенности морфологического строя и ряд явлений синтаксиса обоих языков. С особым вниманием исследованы категории глагола – категории времени, вида, наклонения, модальности.

При рассмотрении грамматики любого языка необходимо учитывать разнородность ее явлений, грамматических категорий. Говоря о грамматических категориях, К.Г. Крушельницкая различает три следующих вида: "а) категории, выражающие отношения действительности (например, падеж, число, лицо, члены предложения); б) категории, выражающие отношение высказываемого к действительности (например, время, наклонение, утверждение и отрицание); в) категории, выражающие отношение говорящего к высказываемому (т.е. к отражаемой в нем действительности, (например, определенность и неопределенность, побуждение и вопрос, предположение, коммуникативная, нагрузка членов предложения)" [4]. Выделяя эти три типа грамматических категорий, К.Г. Крушельницкая от-

мечает, что особого внимания требуют при методическом подходе категории последнего вида, поскольку они спонтанно усваиваются в родном языке и не привлекают внимания при изучении грамматики. Данное замечание подтверждается также результатами наших исследований.

Литература

1. Домашнев А. И. В. М. Жирмунский и изучение немецких диалектов в СССР / А. И. Домашнев // Язык, литература, эпос (к 100-летию со дня рождения академика В. М. Жирмунского). – СПб.: Наука, 2001. – С. 45-55.
2. Жирмунский В. М. Немецкая диалектология. – М.-Л.: АН СССР. Ин-т языкознания, 1956. – 635 с.
3. Жирмунский В. М. Проблемы колониальной диалектологии / В. М. Жирмунский // Язык и литература. – Л., 1929. – Вып. 3. – С. 179220.
4. Крушельницкая К.Г. Очерки по сопоставительной грамматике немецкого и русского языков. – М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1961. – 264 с.
5. Москалюк Л.И. Современное состояние островных немецких диалектов / Л. И. Москалюк. – Барнаул: БГПУ, 2002. – 292 с.
6. Щерба Л. В. О понятии смешения языков (1936) / Л. В. Щерба // Языковая система и речевая деятельность. – М.: УРСС, 2004. – С. 60-74.

References

1. Domashnev A.I., A. Zhirmunsky V. M. und das Studium der deutschen Dialekte in der UdSSR / Domashnev A.I. // Sprache, Literatur, das Epos (für die 100-Jahr-Jubiläum von Akademie VM Zhirmunsky). – SPb.: Wissenschaft, 2001. – S. 45-55.
2. Zhirmunsky V.M. Deutsch dialektologiya. – M. AL: UdSSR Akademie der Wissenschaften. Institut für Linguistik, 1956. – 635 p.
3. Zhirmunsky V.M. Probleme Kolonial Dialektologie / VM Zhirmunsky // Sprache und Literatur. – L., 1929. – Vol. 3. – S. 179-220.
4. Krushel'nickaya K.G. Ocherki po sopostavitel'noj grammatike nemeckogo i russkogo yazykov. – M.: Izdatel'stvo literatury na inostrannyh yazykah, 1961. – 264 s.
5. Moskaliuk L.I. Aktueller Status der Insel deutschen Dialekte / JI. I. Moskaliuk. – Barnaul: Univ. Staatlichen Pädagogischen Universität, 2002. – 292 S..
6. Szczerba L.V. Zum Konzept der Mischsprachen (1936) / LV Szczerba // Sprachsystem und Sprachaktivität. – Moskau: URSS, 2004. – S. 60-74 auf.
Zusammenfassung.

УДК 81

Р.Г. Назарьян
Самарканд, Узбекистан

СРЕДНЕАЗИАТСКАЯ ЛЕКСИКА В РУССКОЙ РЕЧИ ЖИТЕЛЕЙ САМАРКАНДА

Аннотация. *Русское «присутствие» в регионе Средней Азии насчитывает уже полуторавековую историю. В результате многосторонних контактов местного и пришлого этносов за столь долгий период в городской среде возник своеобразный стиль*

R.G. Nazaryan
Samarkand, Uzbekistan

CENTRAL ASIAN LEXIS IN THE RUSSIAN LANGUAGE OF SAMARKAND POPULATION

Abstract. *Russian "presence" in the region of Central Asia has numbered already a hundred and a half century. For such a long period of multilateral contacts, local and newly arrived ethnic groups in the urban environment have*

общения, основой которого стал русский язык, разбавленный довольно значительным пластом заимствований из языков коренных жителей указанного ареала. Первоначально он использовался лишь при контактах русских людей с аборигенами края, плохо или вовсе не владевших языком пришельцев. Но постепенно в речь бывших россиян, даже общавшихся между собой, стали проникать слова и выражения из тюркской или персидской лексики. С годами эти лексические единицы настолько укоренились в русской речи региона, что их чужеродность перестала замечаться. Причем, если в городах с моноэтническим населением ориентальные слова заимствовались лишь из одного местного языка, то в других обогащение русской речи не ограничивалось единым источником. Типичным примером этого может служить Самарканд…

Ключевые слова: *Туркестан, русская экспансия, конфессии, диалог культур, узбеки, таджики, русско-туземные школы, названия блюд.*

created a unique style of communication, the foundation of which was the Russian language, diluted by a significant layer of borrowings from the languages of indigenous people of this area. Initially Russian people used that language only with natives. However, gradually the words and expressions of Turkish or Persian language began to penetrate into the speech of former Russian citizens, even when they communicated with each other. Over the years, these lexical units have been so ingrained in the Russian language in the region that their alienation is no longer seen. Moreover, if in cities with mono-ethnic population, oriental words were borrowed from only one local language, other cities and towns enriched the Russian language by numerous local languages. A typical example of this is Samarkand.

Key words: *Turkestan, Russian expansion, religions, cultures dialogue, Uzbeks, Tajiks,Russian-native schools, names of the dishesю*

Сведения об авторе: *Назарьян Рубен Гамлетович, доктор филологический наук, профессор.*

About the author: *Nazarjan Ruben Gamletovich, Doctor of Philology, Professor.*

Контактная информация: *e-mail: naz-ruben@yandex.com.*

Первые русские поселения в некогда блистательной столице империи Тимура появились во второй половине XIX столетия: в мае 1868 года российский экспедиционный корпус под командованием генерала К.П. фон Кауфмана занял Самарканд и расположился на территории древней крепости. К тому времени город этот уже потерял свое былое величие и представлял собой типично азиатское провинциальное поселение с кривыми улочками и глинобитными строениями, которые резко контрастировали с грандиозными мечетями и другими культовыми сооружениями эпохи Тимуридов.

Военные предназначали Самарканду роль важнейшего военно-стратегического укрепления на границе Российской империи и Бухарского эмирата. И потому решено было приступить к строительству совершенно нового города – «русского» Самарканда, в котором следовало разместить военно-административные и гражданские учреждения, воинские части, ремесленные мастерские, лавки и гостиницы. Было запланировано, естественно, и возведение жилых домов для штатских жителей, которым надлежало осваивать новую землю.

У местных землевладельцев был приобретен солидный участок земли, примыкавший к крепости с запада. По поручению генерал-губернатора Туркестанского края был разработан и утвержден план застройки европейской части Самарканда. К реализации проекта приступили уже в 1871 году: были проложены и шоссированы улицы, создана ирригационная система, высажены деревья и кустарники.

«Русский» Самарканд первоначально был предназначен лишь для лиц православного вероисповедания, которым разрешалось строить дома на выделенных властями участках. Позднее право селиться здесь было предоставлено и российским гражданам иных христианских конфессий – католикам, протестантам, армянам и русским староверам (раскольникам). Коренные жители Самарканда – узбеки, таджики и иранцы – получили возможность торговать здесь мясными и молочными продуктами, фруктами, овощами, зеленью и ремесленными изделиями лишь на правах аренды помещений.

Однако уже к концу XIX столетия обстоятельства вынудили российскую администрацию пойти на компромисс и позволить местным предпринимателям приобретать дома в русской части Самарканда. Пионерами тут стали туземные евреи, которые стали скупать готовые строения у часто сменявших друга офицеров и чиновников, переселявшихся в другие регионы. Их примеру последовали состоятельные таджики и узбеки, быстро освоившие уклад новой действительности.

Вхождение их в капиталистическую экономику европейской империи было невозможно без знания официального – русского – языка, так как в русификации края была кровно заинтересована российская администрация. Потому-то в Самарканде, как и в других городах Туркестана, вскоре были открыты русско-туземные школы и языковые курсы, стали издаваться словари и разговорники. Благодаря этим мерам трудности в общении европейцев и азиатов стали постепенно преодолеваться. Да и пришлые люди – россияне – повседневно имевшие дело с коренными жителями (по служебной или личной надобности), ощущали настоятельную потребность в овладении восточными языками...

По воле судьбы или в силу исторических обстоятельств два крупнейших города (столичная Бухара и Самарканд) тюркоязычного, по преимуществу, Бухарского эмирата были (и остаются ныне) таджикоязычными. Известно, что законы формирования населения городов отличаются от законов формирования сельского населения, всегда более однородного по своему составу. Наибольшую часть сельчан составляют земледельцы и скотоводы – племенная основа всякой нации. В городах же непременно поселяются чужеземные купцы и предприниматели, к которым постепенно притягивается коренная масса местного населения, постепенно усваивая их менталитет и сам образ жизни. Поэтому-то состав жителей городов (особенно крупных) отличается пестротой и неоднородностью.

Этнический состав населения Самарканда сложился из нескольких разнородных пластов, древнейший из которых составляли согдийцы, язык которых относится к иранской группе. Несмотря на то, что город впоследствии многократно завоевывался представителями других этнических групп – арабами, монголами, тюркскими кочевниками, насаждавшими здесь собственные языки, самаркандцы сумели сохранить и отстоять язык своих предков. Не вдаваясь в существо этой неоднозначной проблемы, отмечу лишь, что и в настоящее время коренные самаркандцы широко пользуются в повседневной жизни таджикским (потомком согдийского) языком наряду с государственным языком республики – узбекским.

Языки эти тут настолько переплелись между собой в течение веков, что носители их подчас не замечают использования в таджикской речи узбекских слов и идиом, наоборот, считая их достоянием собственного языка. Кроме того, почти за полуторавековое присутствие славян в регионе в лексику обоих народов вошли сотни слов из русского языка.

...Уже к концу XIX века Самарканд, наряду с Ташкентом, стал крупнейшим русскоязычным городом Туркестанского края. Здесь действовали многочисленные предприятия пищевой, легкой и перерабатывающей промышленности, банки и коммерческие фирмы. Естественным образом в процесс капитализации региона включилось и местное население. На предприятиях города и в сфере обслуживания трудились люди разных национальностей, в неодинаковой степени владевшие русским языком. И потому носителям этого языка в общении с иноязычными коллегами приходилось использовать в своей речи местные – узбекские и таджикские – слова и выражения.

Межнациональное общение значительно усилилось в советское время за счет взаимодействия культур, личных и общественных контактов, браков между людьми различных национальностей, совместного обучения в средней и высшей школе. Дети из самаркандских смешанных семей в одинаковой степени считали родными для себя языками одновременно узбекский, таджикский и русский. Многие горожане славянских кровей на вполне законных основаниях стали считать себя коренными самаркандцами, ибо не только их отцы, но деды и прадеды родились и прожили здесь всю жизнь.

И потому вполне естественно и понятно, что русскоязычное население многонационального Самарканда (включающее в себя, кроме самих русских, украинцев, белорусов и поляков, евреев-ашкенази и армян, немцев, татар и корейцев), в той или иной степени овладевшее местными языками, пользовалось в своей русской речи некоторыми их лексическими единицами. И эти лексические вкрапления настолько прочно и органично вошли в обиходную речь, что инородность их вовсе не замечается и не возникает потребность замены их русскими аналогами.

При этом следует отметить, что существует типично самаркандский говор русского обиходного языка, некоторые слова и выражения которого могут быть непонятны не только россиянам, но и русскоязычным жителям других регионов Узбекистана и Таджикистана. Это обстоятельство объясняется бытованием в среде таджиков и узбеков Самарканда чисто местных реалий и традиций, нехарактерных для соседних областей.

Можно утверждать, что наиболее значительный пласт заимствований составляют названия местных блюд, которые русскоязычные самаркандцы давно уже включили в свой рацион. Если для русских россиян существует только одно понятие «плов», маркирующее собой главное блюдо местного населения, то русскоязычные самаркандцы различают и используют в своей речи и «маис палов» (плов с изюмом), и «постдумба палов» (плов с курдючным жиром), и «сарымсак палов» (плов с чесноком), и «бедана палов» (плов с мясом перепелки), и «казы палов» (плов с конской колбасой), и «ошкавак палов» (плов с тыквой).

Так же привычно и обыденно звучат в их речи такие наименования блюд местной кухни, как «шавля» (рисовая каша), «машкичири» (каша из риса и чечевицы), «гуджа» (каша из джугары), «ширгуруч» (молочная рисовая каша). В меню местных русскоязычных входят и разнообразные супы «восточного» происхождения: «кайнатма шурпа» (из баранины с овощами), «шолгом шурпа» (мясной отвар с репой), «нухат шурпа» (суп с азиатским горохом), «мастава» (рисовый суп с кислым молоком) и т.п.

Популярностью пользуются в их среде и такие деликатесы местной кухни, как «казы» (конская колбаса домашнего приготовления), «кавурдак» (жареное мясо, залитое салом), «яхна гушг» (холодное отварное мясо), «барра тушт» (отварное мясо ягненка), «хасип» (баранья колбаса из сбоя), «калля-поча» (отварные бараньи ножки и головы), «тандыр кабоб» (шашлык, изготовленный в тандыре), «дымлама» (отварные овощи с мясом), «бедана кавурма» (жаркое из перепелок), «чучвара» (особый сорт пельменей).

Часто употребляются в русской речи самаркандцев названия различных сортов лепешек, мучных блюд и выделок – «патыр», «катлама», «самса» (пирожки с разнообразными начинками), «гилминды», «чак-чак» (жареная обсахаренная лапша). Они, подобно коренным жителям, называют сметану «каймак», сливки – «широбча», кислое молоко – «катык», сыр – «пишлок». Знакомы им под собственными названиями и национальные блюда жителей региона – «курт» (высушенные шарики из отцеженного молока), «сумалак» (лакомство из проращенной пшеницы), «нишалла», «айран» или «чалоп» (разведенное холодной водой кислое молоко), каша «атала», «халиса» и «лагман».

Как и другие жители Узбекистана, они именуют глиняный забор словом «дувал», стеганый халат называют «чапан», головной убор – «дуппи», человека, извещающего окружающих о каком-либо мероприятии –

«хабарчи», в быту пользуются «пиалой» и «касой» (глиняная чашка для еды). Узбекское слово «дугона» столь же употребимо, как и русское «подруга», слово «друг» имеет местные эквиваленты – «джура», «дуст». К старшим по возрасту людям обращаются с приставленным после имени словом «ака», к старшим – «бобо», к младшим – «ука».

Русскоязычные горожане – равноправные гости на праздниках («туй», «тантана», «марака») коренных уроженцев Самарканда. Столь же употребимы в русской речи слова «туйбаши» (распорядитель на свадьбах), «душман» (враг), «наша» (наркотик), «фолбин» (гадалка), «ошпаз» (повар), «нонвой» (лепешечник), «савдогар» (торговец), «табиб» (знахарь), «руза» (религиозный пост), «домод» (жених), «джиян» (племянник).

Не требуют перевода и пояснения такие слова, как «гаштак» (мальчишник), «зиефат» (угощение), «даллол» (посредник в сделках), «бахшиш» или «пешкаш» (подарок), «хайвон» (зверь), «ариза» (заявление), «дастархан», «кошма», «ичиги», и вошедшие в обиход в самое последнее время понятия «вилоят» (область) и «туман» (район).

Перечисление узбекских и таджикских слов, вошедших в разговорную речь самаркандцев, можно продолжить, но, думается, что и приведенных выше вполне достаточно для демонстрации самого фактора заимствования. Причем, процесс этот не односторонний – русские слова и выражения обильно насыщают речь узбеков и таджиков, обогащая их лексический состав.

Таким образом, можно констатировать, что язык является существенным инструментом общения в диалоге культур и цивилизаций и во многом способствует решению проблем межкультурной коммуникации в полиэтническом пространстве Узбекистана.

УДК 80’81

Б.Б. Нарынбаева
Бишкек, Кыргызстан

СИМВОЛЫ ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦАХ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. *Символ, закодированный в текст разных культур, имеет в них различный смысл. Наряду с общечеловеческими символами, у каждого народа есть национально специфические символы, отражающие особенности идиоэтнического мировосприятия, об этом и пойдет речь в данной статье.*

Ключевые слова*:символ, культура, знак, специфика, лингвокультура.*

B.B. Narynbaeva
Bichkek, Kyrghyzstan

THE CHARACTERS IN THE IDIOMS OF THE FRENCH LANGUAGE

Abstract*. Any symbol that is encoded in the contexts of different cultures has different meaning. Along with universal symbols, every nation has its nationally specific symbols, which reflect the characteristics of idiomatically ethnic perception of the world. This paper is devoted to discussion of this aspect of the issue.*

Key words*: symbol, culture, sign, specificity, linguistic culture.*

Сведения об авторе: Нарынбаева Бактыгуль Борбиевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры китайского языка и МК. Место работы: Бишкек, Кыргызский Национальный Университет им. Ж.Баласагына.

About the author: Narynbaeva Baktygul Borbievna, PhD, assistant professor of Chinese language and intercultural communication department..
Place of work: Bichkek, Kyrgyz National University named after G.Balasagyn.

Контактная информация: 720033, г. Бишкек, ул. Фрунзе – 547, кор. 4 каб.47.
e-mail: baktygulnarynbaeva@rambler.ru

В словаре иностранных слов современного русского языка Т.В. Егоровой (2014), *символ* от греч. *symbolon* – «знак» имеет несколько значений:

1) предмет для условного обозначения какого-либо отвлеченного понятия; 2) символизм – условное обозначение какой-либо величины в той или иной науке; 3) в вычислительной технике: цифра, условное обозначение, буква в качестве носителей информации (прогр.); 4) условный материальный опознавательный знак в Древней Греции для членов определенной социальной группы, тайного круга и т. д. [5, с.606].

По мнению В.А. Масловой, «важнейшее свойство символа – его образность» [2, с.96], поэтому многие ученые подходят к понятию символа через образ. Наряду с общечеловеческими символами, у каждого народа есть национально специфические символы, отражающие особенности идиоэтического мировосприятия. По мнению В.Н. Телия, «эти отработанные в данной лингвокультурной общности символы и даже мифы служат хранителями информации, существенной для видения мира данным народом» [3, с.45]. Мы присоединяемся к мнению В.Н. Телия и предлагаем проследить, как символы передают специфику того или иного народа, в данном случае французского. Так, например, во французских традиционных эталонных сравнениях **символ *радости*** *– это птица:*

-gai comme un ***merle*** *(букв. веселый как певчий* ***дрозд****);*

- gai comme un ***pinson*** *(букв. веселый как* ***зяблик****);*

- gai comme une ***alouette*** *(букв. веселый как* ***жаворонок****);*

- gai comme un ***oiseau*** *(букв. веселый как* ***птица****).*

И это неслучайно. Известно, что на древе жизни место птицы находится на его вершине. Из рассматриваемых нами примеров видно, что предпочтение отдается конкретным птицам: *дрозд, жаворонок, зяблик*. Эталонное сравнение чувства с птицей отражает одну из особенностей мировидения носителей французского языка.

Символом мужественности во ФЕ французского языка являются *сердце, печень, петух:*

- avoir la ***coeur*** *au* ***ventre*** *(букв.иметь* ***сердце*** *в* ***животе****) – быть смелым, отважным.*

- avoir dans le ***ventre*** *(букв. иметь в* ***животе****) – быть храбрым, смелым.*

На судьбу этих выражений оказали влияние и медицинские представления далёких эпох ФЕ *avoir du coeur au ventre (букв.иметь сердце в животе)* значит быть храбрым. В старое время словом *ventre* обозначались разные полости тела: собственно живот, грудь и даже голова. *Petit ventre (букв. маленький живот)* означало грудь еще в XVII веке [4, с.362]. В дальнейшем связь между животом и сердцем стёрлась, и появились ФЕ *pour se donner du coeur (букв.чтобы отдаться сердцу) – для храбрости, avoir qch dans le ventre (букв. иметь что-либо в животе) – быть смелым* и т.п.

В истории французской культуры ассоциации слова *coeur* изменялись. Как отмечает В.Г. Гак, в Средние века сердце было символом силы духа, военной храбрости*: homme de coeur (мужественный человек), coeur de lion (храбрый, мужественный человек).* Начиная с XIV века происходит важный культурный поворот – от эпопей к рыцарским романам, лирической поэзии, «сердце» становится символом чувств, любви, что отражается во фразеологических единицах, например, *casseur de coeurs, bourreau des coeur (сердцеед)* [1, с.264].

Также во французской лингвокультуре *печень* рассматривалась как символ храбрости, а факт ее обесцвечивания интерпретируется как признак страха: *avoir les **foies** (blancs) (букв. иметь печень (белую) – испугаться,струсить;*

Во французской лингвокультуре нельзя не упомянуть и *петуха*, как символ мужественности:

*- **coq** de paroisse* [6, с.264] *(букв.: это **петух** прихода) – первый парень на деревне*. По латыни *gallus* означает: 1) петух и 2) галльский. Впервые образ петуха был использован в качестве эмблемы Франции на медали в середине XVII века в честь победы Франции над Испанией. На медали изображен французский петух, обращающий в бегство испанского льва. В начале XIX века петух становится официальной эмблемой Франции и появляется на древках военных стягов, а начиная с середины XIX века птицу видно на государственных печатях, а в конце того же столетия – на двадцатифранковых монетах. В XX веке *петух* – официальная эмблема французских спортсменов на международных соревнованиях. Кроме того, петух для французов является символом мужественности и бойцовских качеств.

Символ хитрости во ФЕ французского языка: *malin comme un **singe** (букв. хитрый как **обезьяна**) – хитрый.* Если для англичан и русских обезьяна является исключительно символом ловкости, то во французской лингвокультуре она олицетворяет хитрость и лукавство.

Lis – лилия как символ Франции. Ни в одной культуре цветок лилии не имел такого глубокого символического значения, как во Франции. Говорят, что основатель французской монархии Хлодвиг, будучи ещё язычником, увидел, что проигрывает аллеманнам в сражении при Толбаке, и вознес молитву о победе христианскому Богу. И ему явился ангел с ветвью

лилии, сказав, чтобы отныне он сделал лилию своим оружием и завещал его своим потомкам. Хлодвигу была дарована победа в этой битве, и он со всеми своими франками, их женами и детьми принял крещение. Французские короли избрали лилию своей эмблемой:
-royaume des ***lis*** *(букв. коровевство* ***лилий****) – королевство лилий (о Франции).* Геральдическая лилия изображалась на их знамёнах и гербах и символизировала милосердие, правосудие и сострадание. Королевской лилией правители эпохи Возрождения стали клеймить своих врагов, распутных женщин и предателей. Нежный цветок получил отрицательную символику, попав на плечи преступников, поэтому сейчас в Европе принято приносить белые лилии на похороны. Кстати, именно отсюда берёт начало современная европейская традиция не дарить лилии по праздничным поводам.

Довольно часто символами могут стать *цветообозначения.* Своеобразие цветообозначений наиболее ярко проявляется в фразеологической картине мира в силу способности цветолексем ярко и образно отражать характерные черты мировосприятия народа. Фразеологизмы, содержащие в своём составе компонент цвета, отражают национально-культурные особенности общественной и духовной жизни народа, его мироощущения, быта, психологии, а также специфику исторического, культурного, экономического развития, природно-географической среды, национального фольклора, обрядов и обычаев данного народа. Для того чтобы правильно понять другую культуру, необходимо научиться правильно интерпретировать значения языка цвета, необходимо знать национальные особенности восприятия цвета, а также умело использовать данные знания в реализации межкультурного общения.

Голубой цвет во французской фразеологии символизирует что-то нереальное или несбыточные мечты человека:
-conte ***bleu*** *(букв.* ***голуба****я сказка) – небылицы;*
-petite fleur ***bleu*** *(букв. маленький* ***голубой*** *цветок) – романтическая мечта;*
-oiseau ***bleu*** *(букв.* ***голубая*** *птица) – синяя птица, недосягаемый идеал;*
-sang ***bleu*** *(букв.* ***голубая*** *кровь) – «белая кость» (аристократическое происхождение;* выражение пришло из средневековой Испании, где аристократы, в отличие от простого люда, имели возможность прятаться от солнца в своих роскошных дворцах; их кожа была настолько бледной, что просвечивали вены, придавая голубоватый оттенок;

Для французов хорошая кухня и хорошее угощение – это важнейшая составляющая национальной гордости.

Выражение *Le Cordon bleu (синяя лента)* стало синонимом исключительного искусства в кулинарии. Оно известно с 16-го века, когда Людовик XV вручил орден Синей ленты поварихе мадам Дюбари. С тех пор так называют искусных поваров и хороших хозяек.

Красный – является основным геральдическим цветом во Франции. На знамёнах он символизирует независимость, борьбу, революцию. В 1832г. во Франции знамя красного цвета впервые было употреблено как эмблема революционного движения. Так, красный цвет становится символом борьбы за свободу. Французский фразеологизм *bonnet rouge* (*букв.: шапочка красная) – красный колпак* – метонимический перенос для обозначения якобинцев (буржуазный революционер-демократ) во время Великой Французской революции. Красный канонический колпак, свернутый в верхней части в виде рога наперед, как у греков, был узаконен как символ революционности и стал официальным головным убором членов Конвента, позже был отменен. В настоящее время колпак можно увидеть на государственных печатях, марках, открытках.

Специфика цвета во ФЕ французского языка в том, что по цвету можно различать не только профессии, придворных, солдат, но и приверженцев, как в данном случае, той или иной партии:

*- bonnet **rouge** (букв. **красный** калпак) – красный калпак (о якобинцах);*

*-chemise **rouge** (букв. **красная** рубашка) – красные рубашки (о гарибальдийцах);*

*-cul **rouge** (букв. **красная** задняя часть) – солдат (фрацузские солдаты носили красные шаровары);*

*-habit **rouge** (букв. **красная** одежда) – английский солдат (английские солдаты носили красные мундиры);*

*-maison **rouge** (букв. **красный** дом) – мушкетеры (они носили форму красного цвета).*

Белый – это не только цвет невинности и чистоты, но и символ пустоты. В XVII веке у французов такие понятия, как справедливость, честь, правота, благородство, неизменно ассоциировались с рыцарем и его шпагой, что отразилось и во фразеологии. Например, *se faire blanc de son йрйе (букв. сделаться белым благодаря своей шпаге)* означало 'доказать на поединке свою правоту'. С течением времени шпага как символ правоты утратила свою актуальность. Помета *уст*, которой отмечено данное значение в словарях, свидетельствует о том, что оно не употребляется в современном языке. Но лексема *йрйе f,* используемая в составе того же фразеологизма, обрела новую значимость. Благодаря возникновению интенции выразить значение 'хвастать своим воображаемым могуществом' ситуация «накалить свою шпагу добела» стала восприниматься с иронией и была интерпретирована следующим образом размахивать шпагой значит представлять себя сильным, обладающим властью, что совершенно не соответствует реальности. Другой фразеологизм – *passer une nuit **blanche*** (букв.*провести **белую** ночь*) – провести бессонную ночь, цветовой символ указывает на отсутствие сна.

Чёрный цвет символизирует несчастье, горе, гибель, траур во всех европейских языках. Во французском языке чёрный цвет – это символ все-

го негативного и неприятного, ФЕ такого типа относятся к описанию чувств, эмоциональных, психологических состояний человека. Когда человек огорчен, расстроен, он видит мир в черном цвете. Несомненно, это связано с оптическим воздействием цвета на организм человека и ассоциациями, сложившимися на психическом уровне в результате этого процесса. Абсолютно черный цвет воздействует на человека как нечто безысходное, угнетающее, пессимистичное: *bile* ***noire*** *(букв. желчь* ***черная****) – черная меланхолия; broyer du* ***noir*** *(букв. растирать* ***черную*** *краску) – предаваться мрачным мыслям, хандрить; avoir le/du* ***noir*** *(букв. иметь* ***черный*** *цвет) – быть очень печальным; humeurs* ***noires*** *(букв.* ***черные*** *настроения) – черная меланхолия; mŭlancolie* ***noire*** *(букв.* ***черная*** *меланхолия) – черная меланхолия; avoir des idŭes* ***noires*** *(букв. иметь* ***черные*** *мысли) – быть в мрачном настроении; chagrin* ***noir*** *(букв.* ***черная*** *печаль) – сильное огорчение, глубокая печаль.*

Таким образом, символ – это вещь, награжденная смыслом, которая у каждого народа проявляется по-своему.

Литература

1. Гак, В.Г. Национально-культурная специфика меронимических фразеологизмов // Фразеология в контексте культуры. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 264.
2. Маслова, В. А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб, заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208с.
3. Телия, В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. – М.: Наука, 1986. – С.45.
4. Duneton, C. Le guide du franzais familier. Texte / C. Duneton. P.A.O. Edition du Seuil, 1978. – P.362.

Словари:

5. Словарь иностранных слов современного русского языка / Составитель Т.В. Егорова. – М.: Аделант, 2014. – 800с.
6. Французско-русский фразеологический словарь Текст / Я.И. Рецкер / под ред. Я.И. Рецкера. – М., 1963. – С.264.

References

1. Gak, V.G. Nationalno-kulturnaija specifika meronimitheskij frazeologizmov // Frazeologia v kontexte kultury. – M.: Jazyki russkoi kultury,1999. – S. 264.
2. Maslova, V.A. Lingvokulturologia: Uthebnoe posobie dlja stud. vissh. utheb. zavedenij. – M.: Izdatelskij sentr «Akademia», 2001. – 208 s.
3. Telia, V.N.Konnativnyj aspect semantiki nominativnyh edinits. – M.: Nauka,1986. – C. 362.
4. Duneton, C. Le guide du franzais familier. Texte / C. Duneton. P.A.O. Edition du Seuil, 1978. – P.362.

Slovari:

5. Slovar inostrannyh slov sovremennogo russkogo jazyka / Sostovitel T.V.Egorova. – M.: Adelant, 2014. – 800s.
6. Fransuzsko-russkij frazeologitheskij slovar. Texte / J.I.Retsker / pod redaktciej J.I.Retskera. – M., 1963. – C.264.

УДК 811.82.413.11

Н.М. Рахманова, Ж.С. Таласпаева, Е.В. Сабиева
г. Алматы, г. Петропавловск, Казахстан

ОТРАЖЕНИЕ ИДЕЙНО-ЭСТЕТИЧЕСКИХ И МИФОЛОГИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ В ТОПОНИМАХ СЕВЕРНОГО КАЗАХСТАНА

Аннотация. *В статье анализируются тюркский и славянский мифологические типы номинации топонимов Северного Казахстана, выявляются их специфические особенности. Рассматривается явление «агиотопонимов» и «неотопонимов» в региональных топонимических системах.*

Ключевые слова: *ономастическая номинация; топонимические системы; тюркский тип номинации; славянский тип номинации; агиотопоним.*

N. Rakhmanova, Zh. Talaspaeva, Ye. Sabiyeva
Almaty, Petropavlovsk, Kazakhstan

REFLECTION OF THE IDEOLOGICAL AND THE AESTHETICAL AND MYTHOLOGICAL VALUES IN THE TOPONYMS OF NORTHERN KAZAKHSTAN

Abstract. *The article comprises the analysis of the Turkic and Slavonic mythological types of nominating toponyms of Northern Kazakhstan, identifies their specific characteristics. The phenomenon of "Agiotoponym" and "neotoponyms" in regional toponymic system is also examined.*

Key words: *onomastic nomination; toponymic system; the Turkic type of nomination; Slavyansky type of nomination; Ahithophel.*

Сведения об авторах: *Рахманова Нуржанат Малдыбаевна, доктор филологических наук, профессор, Таласпаева Жанар Серкешевна, кандидат филологических наук, профессор, директор Института языка и литературы. Сабиева Елена Викторовна, кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой русского языка и литературы.*

Место работы: Алматинский университет. г. Алматы; Северо-Казахстанский государственный университет им. М. Козыбаева.

About the authors: *Rakhmanova Nurzhanat Maldybaevna, Doctor of Philological Sciences, Professor; Talaspaeva Zhanar Serkeshevna, Candidate of Philological Sciences, Professor, Director of Institute of Language and Literature; Sabieva Yelena Viktorovna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, the Chair of the Department "Russian Language and Literature".*

Work place: Almaty University, North-Kazakhstan State University named after M. Kozybayev.

Контактная информация: *150000, Казахстан, Северо-Казахстанская область, г. Петропавловск, ул. Пушкина 86.*

e-mail: talaspaeva@inbox.ru.

Contact information*: 150000, Kazakhstan, North Kazakhstan region, Petropavlovsk, 86 Pushkin Street., e-mail: Sabieva1969@mail.ru*

Первобытный человек был беспомощен перед силами природы, не имея возможности противостоять ей, он поклонялся, обожествлял её силы. Пытаясь объяснить непонятные, а потому враждебные в его понимании явления природы, человек представлял природу как живое существо, а все происходящее вокруг него – как действие этого существа. Так зарождалось первобытное мировоззрение человека, первые мифы. С течением времени мировоззрение человека менялось от более простых форм (мифы) к более сложным (религия). На какой бы ступени развития ни

находилось мировоззрение, оно всегда находило отражение в топонимии. «Объективизация связи «слово-денотат», – пишет Е.А. Керимбаев, – объясняемая тождеством (взаимосвязанностью, взаимозависимостью) человека и природы в мифологическом миропонимании, и является основной предпосылкой мифологического типа ономастической номинации, «продуктами» которого явились мифологические имена...» [1, с. 55].

Топонимы религиозного содержания находят свое отражение в лексико-семантических классификациях О.А. Султаньяева, М.А. Даировой, А.А. Камалова, Р.З. Шакурова, Б.К. Бектасовой, Г.Б. Мадиевой, А.Е. Жартырбаева, М.Н. Морозовой и др. К.К. Рысбергенова проводит четкую градацию данных наименований. Все топонимы она делит на те, которые связаны с домусульманскими верованиями, и те, которые связаны с исламской религией [2, с. 11-12].

В топонимии Северного Казахстана не найдены славянские наименования географических объектов, в которых сохранились бы отголоски первобытных верований. Нами не обнаружены славянские онимы, в основу которых были бы положены различные мифологические образы: черти, леший, кикиморы, домовые, лесовики, русалки и другие демонологические образы и дохристианские божества. В славянской топонимике почти нет следов теонимов [3, с. 221-227]. Для тюркской топонимической системы, наоборот, характерной особенностью является употребление в качестве номинации разнообразных мифологических образов. Так, в Северо-Казахстанской области выявлено несколько озер с одноименным названием Шайтаново. Отмечается также вариация в виде Шайтан. Особенностью исследуемого региона является то, что чаще всего данные названия относятся к гидронимам (озерам и болотам). Если взять тюркские топонимические системы других регионов, то чаще всего данные названия относятся к орографическим объектам (скалам, утесам, горам и т.д.). Анализируя топонимическую систему Урала, А.К. Матвеев отмечал, что название Шайтан носят многие скалы на реках и озерах Урала. Это реки Чусовая, Реже, оз. Иткуль и др. Он же отмечал и наличие гидронимов с названием Шайтанка: «…Шайтанка, название многих рек на Урале (притоков Чусовой, Нейвы, Тагила, Межевой Утки, Печоры и т.д.), есть также болото Шайтанское и оз. Шайтанское. Вторичны названия населенных пунктов – Шайтанка, Шайтанский Мыс, Шайтанский Завод» [4, с. 193].

О наличии названий географических объектов, образованных от апеллятива «шайтан», писал в свое время известный ученый-исследователь Сибири и Урала П.С. Паллас. Он отмечал, что в Сибири много ручьев, гор и урочищ, известных под именем Шайтанка или Шайтанская, где местное население занималось идолопоклонничеством [5]. Само по себе слово «шайтан» тюркское, обозначает «злой дух», «черт», оно восходит к арабскому «шайтан» с тем же значением.

Однако в топонимии Северного Казахстана находят отражения мировоззренческие представления более позднего периода. Онимы этого семантического типа можно разделить на две группы. К первой группе относятся топонимы с религиозно-православной тематикой.

Структура верований Северного Казахстана представляет собой сложную картину. Наибольшую распространенность среди верующего населения имеют две религии – ислам (суннитского толка) и христианство (православие). Исповедует ислам тюркоязычное население региона (казахи, татары, башкиры, ингуши, чеченцы). Православие исповедует подавляющая часть русских, украинцев, белорусов, часть поляков др. Часть населения (немцы, поляки и т.д.) придерживается разных направлений верований: католицизма, протестантизма, баптизма и др.

Православие на протяжении тысячелетия, со времен крещения Киевской Руси, было основой духовной жизни россиян и нашло повсеместно, включая и исследуемый нами ареал, широкое отражение в наименованиях географических объектов.

Имя святого в ономастике принято обозначать термином «агионим» от греч. «агио" – святой и «онума» – имя, название. Следовательно, топоним, образованный от агионима; является агиотопонимом [6, с. 49]. Л.В. Горбаневский в работе «Из опыта культурно-исторического анализа топонимии: русские ойконимы и православие» расширяет рамки термина, предлагая включать в это понятие и названия «от апеллятивов и имен собственных религиозного характера». Е.М. Поспелов пошел еще дальше, распространив этот термин и на «... топонимы, имеющие в основе сан или должность священно- и церковнослужителей ... и наименования культовых объектов» [7, с. 136].

Таким образом, агиотопонимы – это онимы, образованные от апеллятивов и имен собственных религиозного характера, куда входят имена святых, названия религиозных праздников, различные саны и должности священно и церковнослужителей, наименования культовых сооружений. Опираясь на данное определение, можно выделить следующие семантические группы агиотопонимов:

- Агиотопонимы от имен святых:

Нп. Ильинка (от Ильи Пророка),
нп. Новопавловка (в честь святого Павла),
нп. Екатериновка (в честь святой Екатерины),
нп. Златоуст (в честь Иоанна Златоуста),
нп. Ново-Никольск (в честь Николая Угодника),
нп. Ново-Георгиевка (в честь Георгия Победоносца),
нп. Всесвятское (Всех святых).

Традиция называть поселение именами святых связана с мировоззрением переселенцев. Строительство новых поселений чаще всего начиналось со строительства церкви, которой присваивалось имя святого. Имя

затем переносилось на все поселение, например, по такой схеме дано название селу Екатериновка, в селе имелась церковь, которая была поставлена в честь святой Екатерины,

- Агиотопонимы от православных праздников:

Нп. Спасовка, нп. Новоспасовка с основой Спас – сокращенное от Спаситель (Иисус Христос). В православии известны три Спаса: Медовый Спас (1-14 августа) соответствует церковному празднику Происхождение (изнесение) честных древ Животворящего Креста Господня, Яблочный Спас (6-19 августа), соответствует празднику Преображения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, и Спас на полотне (16-20 августа) соответствует празднику Перенесения из Едессы в Константинополь Нерукотворного образа Господа Иисуса Христа. Нп. Воскресеновка, нп. Воскресенка восходит к православному празднику Христову Воскресенью, т.е. Пасхе Христовой. Нп. Рождественка посвящена празднику Рождества Христова. Нп. Крещенка назван по православному празднику «Крещение Господне» или «Богоявление». Нп. Старовознесенский, нп. Большевознесенская названы в честь праздника Вознесения Господня. Нп. Троицкое (два села) названы выесть Святой Троицы. Нп. Покровка (два села) названы в честь дня Покрова. Нп. Веденка (правильно Введенка) назван в честь праздника Введения во храм. Нп, Успенка, нп, Ново-Успенка названы в честь праздника Успения.

Агиотопонимы, связанные с чудотворными иконами Божьей матери: Нп. Владимирское получило название не от имени Владимир, а по церкви Владимирской иконы Божией матери.

Село Знаменка, село Знаменское названы в честь «... чудотворной иконы «Знамение», названной в память о знамении («явлении», «чуде») Пресвятой Богородицы, бывшем в Новгороде Великом в 1170 году» [7, с. 143]. В СКО название было «завезено» из России.

Село Казанка названо в честь Казанской иконы Божией матери. «Эта икона была найдена в 1579 году в Казани и по велению Ивана Грозного перевезена в Москву, а по приказу Петра 1 – в Петербург, сначала в Александро-Невский монастырь, а затем в новый собор...». Нп. Иверск назван в честь Иверской иконы Божией матери.

- Агиотопонимы, названные по церковным объектам.

Н.п. Караобинский монастырь (от термина монастырь).

Озеро Церковное севернее села Макарьевка.

- Агиотопонимы, имеющие в основе сан или должность священно- или церковнослужителей.

Нп. Дьяченко (мы считаем, что в этом случае церковный сан опосредован через антропоним (фамилию Дьяченко).

- Агиотопонимы религиозной тематики: *нп. Благодаровский, нп. Архангелка, нп. Боголюбово, нп. Богдановка, нп. Святодуховка, нп. Богодуховское, нп. Веролюбовское* и ряд других.

Ко второй группе топонимов, отражающих мировоззрение народа, мы относим идеологические топонимы, возникшие после Октябрьской революции. Семантика топонимов этой группы обусловлена принципами, взятыми на вооружение основной идеологией нового социалистического строя. В этой группе выделяются названия географических объектов непосредственно идеологического плана: нп. Боевик, *нп. Большевик, нп. Боевой, нп. Верный, нп. Добровольческое, нп. Дружба, нп. Интернациональное, нп. Искра, нп. Комсомольское.*

Топонимы с атрибутивом «красный» в значении «советский»: *нп. Красное, нп. Кразнознаменное, нп. Красный Октябрь, нп. Красный Партизан, нп. Красный Восток, нп. Молодогвардейское, нп. Новая, нп. Новый Быт, нп. Новый Путь, нп. Новый Свет, нп. Ново-Казахский, нп. Образец, нп. Октябрьское, нп. Октябрь, нп. Первомайское, нп. Партизановка, нп. Победа, нп. Пробуждение, нп. Прогресс, нп. Пролетарка, нп. Пулеметовка, нп. Первое Мая, нп. Рассвет, нп. Свет, нп. Социал, нп. Советское, нп. Свободный, нп. Трудовое, нп. Целинное,озеро Майское северо-западнее села Леденево,озеро Новое севернее села Николаевка.*

Мемориальные топонимы Северо-Казахстанской области – это онимы, посвященные выдающимся партийным и государственным деятелям: *нп. Бауманское, нп. Буденное, нп. Ворошиловка, нп. Дзержинское, нп. Тельманово, нп. Туполевское, нп. Ульяновка, нп. Чапаево, нп. Чапаевка, нп. Сталинка, нп. Кировка, озеро Кирово восточнее села Новоалександровка.*

В Северо-Казахстанской области сохранились топонимы, названные в честь выдающихся людей России (писателей, ученых, деятелей культуры и т.д.): *нп. Лермонтовский, нп. Некрасовский, нп. Мичурино, нп. Суворовка, нп. Тимирязево* и т.д.

В советской топонимике имела место так называемая «топонимическая Лениниана». На территории Северо-Казахстанской области зафиксировано четыре ойконима Ленино (в разных районах области), два названия населенного пункта – Ленинское, одно наименование – Ленинка, гидроним Ленинградские плотины 2 км севернее села Ленинградское.

В тюркских топонимах Северного Казахстана распространен идеологический тип номинации. Выделяются наименования географических объектов, в основу которых положены апеллятивы, выражающие абстрактные понятия. Данный вид топонимов появился после революции, это так называемые неотопонимы, например:

нп. Алга «вперед»,
нп. Енбек «труд»,
нп. Бирлик «единство»,
нп.Талапкер «инициативный»,
нп.Ундирис «индустрия»,
нп. Орталык «центральный»,
нп. Маданият «культура»,

нп.Бостандык «свобода»,
нп. Жаналык «новизна»
нп. Жана Жол «новый путь» и др.
Написание данных топонимов дано в русской транскрипции.

Они образуются метафорическим путем, т.е. переносом названия с абстрактных понятий идеологического плана на наименование географического объекта. Это топонимы со значением пожелания, выражением идейно-эстетических ценностей.

Литература

1. Керимбаев, Е.А. Этнокультурные основы номинации и функционирование казахских собственных имен: автореф. дис... докт. филол. наук. – А-А, 1992. – 61 с.
2. Рысбергенова, К.К. Историко-лингвистический анализ топонимов Южно-Казахстанской области: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – А., 1993. – 20с.
3. Зубов, Н.И. Теонимия древнерусская // Русская ономастика и ономастика России. Словарь. – М., 1994. – 288 с.
4. Матвеев, А. К. Географические названия Урала: Краткий топонимический словарь. – Свердловск: 1987. – 208 с.
5. Паллас, П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. – СПб., 1786. – Ч. 2. – Кн. 1,2.
6. Подольская, Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. – М.: Наука, 1988. – 138 с.
7. Поспелов, Е.М. Названия городов и сел. – М.: Наука, 1996. – 149 с.

References

1. Kerimbaev, E.A. EHtnokul'turnye osnovy nominacii i funkcionirovanie kazahskih sobstvennyh imen: avtoref. dis... dokt. filol. nauk. – A-A, 1992. – 61 s.
2. Rysbergenova, K.K. Istoriko-lingvisticheskij analiz toponimov Yuzhno-Kazahstanskoj oblasti: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – A., 1993. – 20s.
3. Zubov, N.I. Teonimiya drevnerusskaya. // Russkaya onomastika i onomastika Rossii. Slovar'. – M., 1994. – 288 s.
4. Matveev, A. K. Geograficheskie nazvaniya Urala: Kratkij toponimicheskij slovar'. – Sverdlovsk: 1987. – 208 s.
5. Pallas, P.S. Puteshestvie po raznym provinciyam Rossijskogo gosudarstva. – SPb., 1786. – CH. 2. – K.1-2.
6. Podol'skaya, N.V. Slovar' russkoj onomasticheskoj terminologii. – M.: Nauka, 1988. – 138 s.
7. Pospelov, E.M. Nazvaniya gorodov i sel. – M.: Nauka, 1996. – 149 s.

УДК 81

Ч.Т. Сыдыкова
Бишкек, Киргизстан

ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В КИРГИЗСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТЕЙ ЧИНГИЗА АЙТМАТОВА)

Аннотация. *Данная статья посвящена изучению особенностей гендерного поведения в киргизской лингвокультуре. Под гендерными образами понимается набор представлений о поведенческих моделях муж-*

Ch.T.Sydykova
Bishkek, Kyrgyz Republic

GENDER STEREOTYPES IN KYRGYZ LINGUISTIC CULTURE (BASED ON THE STORIES BY CHINGIZ AITMATOV)

Abstract. *The article studies the characteristics of gender behaviour in the Kyrgyz linguistic culture. Gender images are perceived as a set of representations about the behavioral models of men and*

чин и женщин. В качестве исследуемого материала нами были рассмотрены ранние повести Чингиза Айтматова. В данных произведениях отразились гендерные стереотипы поведения киргизов, анализ которых позволит понять особенности национального характера и культурных традиций киргизского народа.

Ключевые слова: *лингвокультура, гендер, стереотип, речевое поведение, культурные значения и смыслы; пословицы и поговорки, коммуникация, табу в речи.*

women. The earlier stories by Chingiz Aitmatov served the material for the analysis. The stories reflect gender stereotypes of behavior of the Kyrgyz people, the analysis of which will help understand features of national character and cultural traditions of the Kyrgyz people.

Key words: *cultural linguistics, gender, verbal behavior, ethnic and cultural stereotypes, cultural values and meanings; proverbs and sayings, communication, taboo in speech.*

Сведения об авторе: *Сыдыкова Чолпон Тулегабыловна, кандидат филологических наук, доцент.*

Место работы: Киргизско-Турецкий университет «Манас».

About the author: *Sydykova Cholpon Tulegabylovna, Ph.Dr. Assosiate Professor*

Place of employment: Kyrgyz-Turkish University of Manas

Контактная информация: *720042, Бишкек, Кыргызстан, Кампус им.Ч.Айтматова, здание Коммуникации, каб. 107.*

e-mail: cholpons@inbox.ru

В данной статье гендерные стереотипы рассматривается в аспекте лингвокультурологии как явления языка и культуры. Гендерные стереотипы – это система представлений о том, как должны себя вести мужчина и женщина в обществе. Е.Д. Здравомыслова определяет гендер как конструкт, включающий в себя следующие характеристики: биологический пол, полоролевые стереотипы, нормы мужского и женского поведения и взаимодействия, принятые в данном обществе [2, с.84]. «Гендер – это большой комплекс социальных и психологических процессов, а также культурных установок, порожденных обществом и воздействующих на поведение национальной языковой личности.< …> В гендере происходит сложнейшее переплетение культурных, психологических и социальных аспектов» [5, с.124]. Гендерные отношения фиксируются в языке в виде культурно-обусловленных стереотипов, накладываемых отпечаток на процессы ее языковой социализации [3,с. 9]. Гендерные стереотипы – «культурно и социально обусловленные и прочно закрепленные в общественном сознании мнения о качествах, атрибутах и нормах поведения представителей обоих полов» [4, с.146].

З.Д. Попов и И.А. Стернин определяют национальный менталитет как «национальный способ восприятия и понимания действительности, определяемый совокупностью когнитивных стереотипов нации» [6, с. 41].

В языке закрепились универсальные стереотипы, согласно которым мужчине отводится главенствующая роль в обществе по сравнению с женщиной. Так, в разных культурах мужчина – глава семьи, кормилец, добытчик, а женщина – хранительница очага, заботливая мать, помощница

мужа. Для лингвокультурологии большой интерес представляют национально-специфические гендерные образы положительной и негативной характеристики, выраженные в речевом поведении того или иного народа.

Ценностные ориентации, своеобразный национальный менталитет народа наиболее ярко отражается в его пословицах и поговорках, художественной литературе. Рассмотрим некоторые киргизские пословицы и поговорки, в которых говорится о положительной и отрицательной оценке мужского и женского поведения: *вазир жакшы – хан жакшы, аял жакшы – эр жакшы* (успех, авторитет мужа всецело зависит от жены – верной спутницы мужа, его советницы), *жигитке жетимиш өнөр аздык кылат* (джигиту и семидесяти ремесел недостаточно), *эрди намыс өлтүрөт* (уронить честь для джигита – смерть), *адеби жок жигит жүгөнү жок атка окшош* (невоспитанный юноша, что конь без уздцы), *азаматтын кадырын атасы эмес, эл билет* (не отцу, а народу служит джигит, народ его оценивает), *эр жигит эки айтпайт* (настоящий мужчина стоит на своем слове), *эркектен ийменген катын элине сыйлуу* (букв. женщина, почитающая мужа, достойна уважения), *эркекке жүрөк, аялга жөлөк керек* (мужчине подобает быть смелым, а женщина нуждается в опоре), *эрдин тебетейине карап, зайыбын сына* (по тебетею – головному убору мужчины можно судить о хозяйственности его жены),*эрди жарыткан да аялы, арыткан да аялы* (рачительная жена умножит доход мужа, расточительная – разорит его), *эне адаты кызга үлгү* (поведение матери пример для подражения дочери), *аял – үйдүн куту* (женщина –благодать для семьи) и т.д.

Во многих пословицах и поговорках женщина по сравнению с мужчиной оценивается отрицательно: *чачы узун, акылы кыска (кырг.)// волосы длинные, да ум короткий (рус.); алтын баштуу аялдан бака бака баштуу эр жакшы* (*букв.* мужчина с головой лягушки ценнее женщины, даже если она золотоголовая). Таким образом, положительный образ киргизского мужчины должен соответствовать следующим параметрам: вежливый, почитающий родителей, поддерживающий родство, служащий народу, решительный, смелый, хозяйственный, держащий слово, честный, сдержанный в проявлении эмоций, терпеливый. З.К. Дербишева в своем труде «Киргизский этнос в зеркале языка» выделяет следующие характеристики, оформляющие положительный образ киргизской женщины: хозяйственная, рассудительная, мудрая, сдержанная в проявлении эмоций, немногословная, скромная, покладистая, привлекательная, почитающая мужа, заботливая [1, с.271].

Киргизы, как и многие другие народы, воспитывая сыновей в строгости, пытаются развить в них с детства сильные стороны мужского характера (смелость, стойкость, самостоятельность, решительность). Они осуждают своих детей за проявление слабости в характере (плаксивость, трусость, неуверенность). В киргизском языковом сознании, как и в русском,

женщины с качествами характера, больше присущими мужчинам, оцениваются положительно: *чечкиндүү* (решительная), *эрктүү* (волевая), *кайраттуу* (выносливая)// *в горящую избу войдет, коня на скаку остановит*. Тогда как сравнение мужчин с женским полом и в русской, и в киргизской лингвокультурах носит негативный характер: *кыздай ыйлаак, кыз, кыздай коркок, жоош /баба, плакса, не будь как девочка, не бойся как девочка, не робей как баба*. Даже в качестве одобрения, похвалы в киргизском и русском языках для обоих полов употребляются междометия *Азамат!// Молодец!* (Слово «азамат» в Средней Азии и у тюркских народов Северного Кавказа употреблялось в значении «лихой удалец», «доблестный джигит», эквивалент русского выражения «добрый молодец»). В киргизском языке слово «азамат» может находиться в составе сложного слова «эр-азамат» //«эр-жигит» (настоящий джигит) и являться наивысшей похвалой для мужского пола: *Эр-азамат! Эр-жигит!*

Для дальнейшего лингвокультурологического анализа положительных и отрицательных характеристик мужского и женского поведения рассмотрим ситуации, описанные в ранних повестях Чингиза Айтматова, где очень ярко отразились киргизские гендерные стереотипы поведения.

«Домашним хозяйством обоих дворов занималась моя мать… Согласием и достатком в доме наше большое хозяйство обязано моей матери. Она полновластная хозяйка обоих дворов, хранительница семейного очага. Совсем молоденькой вошла она в семью наших дедов-кочевников и потом свято чтила их память, управляя семьями по всей справедливости. В аиле с ней считались, как с самой почтенной, совестливой и умудренной опытом хозяйкой. Всем в доме ведала мать. Отца, по правде говоря, жители аила не признавали главой семьи. Не раз приходилось слышать, как люди по какому-либо поводу говорили: «Э-э, да ты лучше не иди к устаке, – так почтительно у нас называют мастеровых людей, – он только знает, что свой топор. У них старшая мать всему голова – вот к ней и иди, так оно вернее будет…».

Надо сказать, что я, несмотря на свою молодость, частенько вмешивался в хозяйственные дела. Это было возможно только потому, что старшие братья ушли воевать. И меня чаще в шутку, а порой и серьезно называли джигитом двух семей, защитником и кормильцем. Я гордился этим, и чувство ответственности не покидало меня. К тому же мать поощряла мою самостоятельность. Ей хотелось, чтобы я был хозяйственным и смекалистым, а не таким, как отец, который день-деньской молча строгает и пилит» [7, 439-440].

В авторском описании характера отца Сейита – устаке, перед читателем предстает образ нерешительного, замкнутого человека, который не способен решать даже самые обычные семейно-бытовые проблемы, а значит, такой мужчина в понимании киргизов и не может считаться по-настоящему главой семейства. Напротив, мать Сейита автор наделяет

больше мужскими качествами характера, в результате чего создается положительный образ героини: решительная, хозяйственная, почтенная, волевая женщина, с которой считаются в аиле и признают действительной главой семьи. А самолюбию юного Сейита, от лица которого идет повествование, только льстит обращение взрослых к нему как к *джигиту*.

Героиня Чингиза Айтматова Джамиля из одноименной повести также наделена больше мужскими качествами характера (*напористость, смелость, прямолинейность*), что вызывает у читателя только симпатию к ней. В произведении поведение Джамили сравнивается со стереотипным этикетным поведением киргизских невесток, для которых присущи такие черты, как *стыдливость, немногословность, послушание.*

1. «А вот Джамиля с первых же дней, как пришла к нам, оказалась не такой, какой положено быть невестке. Правда, она уважала старших, слушалась их, но никогда не склоняла перед ними голову, зато и не язвила шепотком, отвернувшись в сторону, как другие молодухи. Она всегда прямо говорила то, что думала, и не боялась высказывать свои суждения» [7,с.443].

2. «Не знаю, чем объяснить, может оттого, что Джамиля с детства гоняла с отцом табуны – она у него была одна и за дочь и за сына, но в характере у нее проявлялись какие-то мужские черты, что-то резкое, а порой даже грубое. И работала Джамиля напористо, с мужской хваткой. С соседками ладить умела, но, если понапрасну задевали, никому не уступала в ругани, и бывали случаи, что и за волосы кое-кого таскала! Соседи не раз приходили жаловаться:

-Что это у вас за невестка такая? Без году неделя как переступила порог, а языком так и молотит! Ни тебе уважения, ни тебе стыдливости!

-Вот и хорошо, что она такая! Отвечала на это мать. – Невестка у нас любит правду в глаза говорить. Это лучше, чем скрытничать, да исподтишка жалить, а такие вот тихони – что протухшие яйца: снаружи чисто да гладко, а внутри – но заткни» [7,с.442-443].

Как видим, свекровь ценила Джамилю за прямолинейность, открытость, бойкость, видя в ней себя в молодости, и «мечтала когда-нибудь поставить ее на свое место, сделать ее такой же властной хозяйкой, такой же байбиче, хранительницей семейного очага». Однако она, как то подобает настоящей свекрови, не забывала и воспитывать свою невестку наставлениями о том, чтобы та берегла свою честь, а также объясняла ей суть женского счастья: *-Благодари аллаха, дочь моя, – поучала мать Джамилю, – ты пришла в крепкий и благословенный дом. Это – твое счастье. Женское счастье – детей рожать да чтобы в семье достаток был. А у тебя, слава богу, останется все, что нажили мы, старики, в могилу ведь с собой не возьмем. Только счастье – оно живет у того, кто честь и совесть свою бережет. Помни об этом, соблюдай себя!.. [7,с. 443].*

Гендерное превосходство мужчин над женщинами в киргизской лингвокультуре можно пронаблюдать в ритуально-стереотипной форме написания письма, который так ярко проиллюстрировал Ч. Айтматов в повести «Джамиля»:

Еще не начав читать, я наперед знал, что написал Садык.<...> Садык постоянно начинал со слов "Послание о здравии" и затем неизменно сообщал: "Посылаю это письмо по почте моим родным, живущим в благоухающем, цветущем Таласе: премного любимому, дорогому отцу Джолчубаю..." Далее шла моя мать, затем его мать, а потом уже все мы в строгой очередности. После этого следовали непременные вопросы о здоровье и благополучии аксакалов рода, близких родственников, и только в самом конце, вроде бы второпях, Садык приписывал: «А также шлю привет моей жене Джамиле...».

Конечно, когда живы отец с матерью, когда здравствуют в аиле аксакалы и близкие родственники, называть жену первой, а тем более писать письма на ее имя просто неудобно, даже неприлично. Так считает не только Садык, но и каждый уважающий себя мужчина [7,с.447].

Анализируя вышеописанную стереотипную для киргизов ситуацию, мы можем судить о существовании специфичной гендерной, родственной и возрастной иерархии в киргизской лингвокультуре. Так, внутри семьи на верхней ступени почитания находится отец, затем мать, далее идут все ближайшие родственники, жене отводится последнее место. О более низком положении женщин в киргизском обществе свидетельствует и факт существования табу (запрет на произнесение прямых имен родственников мужа) и эвфемизмов в их речи (прямые имена родствеников мужа заменяются терминами родства, пола и т.д.). Подтверждением может служить отрывок из произведения Чиңгиза Айтматова «Джамиля»:

Я горячо любил Джамилю. И она любила меня. Мы очень дружили, но не смели друг друга называть по имени. Будь мы из разных семей, я бы, конечно, называл ее Джамиля. Но я называл её «джене», как жену старшего брата, а она меня – «кичине бала» – маленьким мальчиком, хотя я вовсе не был маленьким, и разница у нас в годах совсем невелика. Но так уже заведено в аиле: невестки называют младших братьев мужа «кичине бала» или «мой кайни» [7,с.439].

Применение в речи табу и эвфемизмов является своего рода и средством выражения вежливости (уважения, почтительности, вербального выделения статуса невестки).

Стереотипное женское отношение киргизов к оценке мужского поведения можем пронаблюдать и в следующей ситуации, описанной в повести Чингиза Айтматова «Лицом к лицу»:

«Пусть он дезертир, пусть! – утешает она себя, раскатывая на доске тесто. - Мужчина знает, как ему поступать, – утешает она себя, раскатывая на доске тесто [7,с.403].

Так, в приведенной выше речевой ситуации мы выделили часто употребляющееся в речи женщин выражение: *«эркек кандай кылса өзү билет»/«мужчина сам знает, как ему поступать».* Данное выражение поучает женский пол поддерживать поступок мужчины, не упрекать его, не вмешиваться в мужское решение дела. Вот и героиня повести «Лицом к лицу» Сейде – обычная киргизская женщина из глубинки, любящая и верная жена, которая для успокоения своей совести ищет оправдание дезертирству мужа. В ее понимании поддерживать мужа – значит выполнять свой долг. В другом отрывке приводится калькированная киргизская пословица о высоком положении мужчины в обществе:

Вскоре вернулся Садык. Он, конечно, горевал, хотя и говорил по пьянке Осмону:

- Ушла – туда ей и дорога. Подохнет где-нибудь. А на наш век баб хватит. Даже золотоволосая баба не стоит самого что ни на есть никудышнего парня [7, с.480].

Выделенные нами выражения из произведений Ч.Айтматова являются подтверждением того факта, что у киргизов в обществе (не только в семье) мужчина по отношению к женщине занимает главенствующее положение, соответственно, он должен проявлять такие качества характера, как решительность, храбрость, волю, силу, находчивость.

Лингвокультурологический анализ гендерного речевого поведения на материале повестей Чингиза Айтматова позволил выявить следующие как универсальные, так и специфические стереотипы мышления киргизов: 1) мужской пол должен занимать в обществе более высокое положение, чем женщина; 2) главой семьи должен быть мужчина, женщина – хранительница домашнего очага, советница мужа, должна быть в его тени; должна быть примером для своих детей; должна уважать родственников мужа;3) мужские качества, приписываемые женщинам, чаще положительно характеризуют их, тогда как женские качества, приписываемые мужчинам, всегда являются отрицательной характеристикой мужского пола.

Литература:

1. Дербишева, З.К. Кыргызский этнос в зеркале языка. Монография / З.К. Дербишева. – Бишкек, 2012. – 404.
2. Здравомыслова, Е.А., Темкина, А.А. Социальная конструкция гендера и гендерная система в России / Е.А. Здравомыслова, А.А. Темкина // Материалы Первой Российской летней школы по женским и гендерным исследованиям «ВАЛДАЙ-96». – М., 1997. – С. 84-89.
3. Исмагулова, Г. К. Лингвокультурологический аспект гендерных отношений: сопоставительный аспект (на материале русского, английского и казахского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20/ Исмагулова Г.К. – Тюмень, 2005. – 23 с.
4. Кирилина, А.В. Гендер: лингвистические аспекты. / А.В. Кирилина. – М.: Ин-т социологии РАН, 1999. – С. 146.

5.Маслова, В. А. Лингвокультурология: учебное пособие для студ. высш. учеб.заведений.– 2-е изд., стереотип. / В.А.Маслова. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 208 с.
6.Попова, З.Д., Стернин, И.А. Семантико-когнитивный анализ языка / З.Д.Попова, И.А.Стернин. – Воронеж, 2007. – С.41.
7. Айтматов, Ч. После сказки. (Белый пароход. Материнское поле; Прощай, Гульсары!; Первый учитель; Лицом к лицу; Джамиля; Тополек мой в красной косынке; Верблюжий глаз; Свидание с сыном; Солдатёнок: повести и рассказы / Ч. Айтматов. – Фрунзе: Кыргызстан, 1974. – 620 с.

References

1. Derbisheva, Z.K.Kyrgyzskiy etnos v zerkale yazyka. Monografiya / Z.K.Derbisheva. – Bishkek, 2012. – 404 s.
2. Zdravomyslova, E.A.,Temkina, A.A. Sosyalnaya konstruktsiy agendera I gendernaya sistema v Rossiyi./ E.A. Zdravomyslova, A.A. Temkina // Materialy Pervoy Rossiyskoy letney shkoly po jenskim i gendernym issledovaniyam «VALDAY – 96». – M., 1997. – S.84-89.
3. Ismagulova, G.K. Lingvokulturologicheskiy aspect gendernyh otnosheniy: sopostavitelniy aspect (na materiale russkogo, angliyskogo I kazahskogo yazikov): avtoref. dis…. kand. filol. nauk: 10.02.20 / Ismagulova G.K. – Tumen, 2005. – 23 s.
4. Kirilina, A.V.Gender: lingvisticheskiye aspekty / A.V.Kirilina. – M.: In-t sosiologiyi RAN, 1999. –S.146.
5. Maslova, V.A. Lingvokulturologiya: Uchebnoye posobiye dla stud. vyssh. ucheb. zavedeniy. -2-e izd., stereotip./ V.A.Maslova. –M.: Izdatelskiy sentr «Akademiya» , 2004. - 208 s.
6. Popova, Z.D., Sternin, I.A. Semantiko-kognitivniy analiz yazika. – Nauchnoye izdaniye / Z.D.Popova, I.A.Sternin. – Voronej, 2007. – S. 41.
7. Aytmatov Ch. Posleskazki (Beliyparohod; Lisomklisu; Djamila; Topolyok moy v krasnoy kosynke; Verblujiyglaz; Svidaniye s synom; Soldatenok: povesti i rasskazy / Ch. Aytmatov. – Frunze: Kyrgyzstan, 1974. – 620 s.

УДК 809.43.2 (5К)

Б. Шалабай
Кокшетау, Казахстан

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА КАК НЕКОТОРЫЕ ЧЕРТЫ КАЗАХСКОГО МЕНТАЛИТЕТА В ЯЗЫКОВОМ ВОПЛОЩЕНИИ

***Аннотация**: Культура, этика, нравственность – эти базовые ценности народа выражаются через язык. Фразеологические и паремиологические фонды языка фиксируют культурные установки и стереотипы. Анализ данных языковых единицпозволяет определить специфику национальной картины мира казахского народа.*

Истоки таких качеств казахского народа, как спокойствие духа, уважение к старшим, гостеприимство, толерантность и др.

B. Shalabai
Kokshetau, Kazakhstan

SOME FEATURES OF KAZAKH MENTALITY IN THE LANGUAGE OF THE INCARNATION

***Abstract.** Culture, ethics, morality - these basic values of the people expressed through language. Phraseological and paremiological funds of language fixed cultural attitudes and stereotypes. The analysis of language units of data to determine the specifics of the national picture of the kazakh people of the world*

The origins of the kazakh people qualities as peace of mind, respect for elders, hospitality, tolerance and others.

исходили из исторически сложившихся обстоятельств, трудностей, выпавших на долю казахов, традиций, прочно заложенных в сознание народа.

Given the historical circumstances, the difficulties that have befallen the kazakhs, traditions, firmly embedded in the consciousness of the people.

Ключевые слова: *национальный менталитет, паремиологический фонд языка, культурные установки, уважение старшего, культ предков, гостеприимство.*

Key words: *national mentality, language paremiological fund, cultural attitudes, respect for the senior, the cult of ancestors, hospitality.*

Сведения об авторе: *Шалабай Бердибай, доктор филологических наук профессор кафедры казахской филологии.*

Место работы: Кокшетауский государственный университет им. Ш.Уалиханова.

About the author*: Shalabai Berdibai, doctor of philology, professor of the department of Kazakh philology.*

Place of employment: Kokshetau state university named after Sh.Ualikhanov.

Контактная информация: *0020000, Кокшетау, ул.Абая,76, каб. 320.e-mail: bshal-abai@mail.ru*

Выявление взаимосвязи человека и языка, национального менталитета и культуры является одной из главных задач современной лингвистической науки. Согласно методологической концепции видных современных ученых (Карасик В.И. и др.), в языковом сознании и коммуникативной деятельности человека, национальной общности есть определенные их характеризующие константы, поддающиеся интерпретации посредством лингвистических методов. Среди констант языкового сознания можно установить доминантные признаки, которые определяют то или иное лингвокультурное сообщество и тип личности.

По словам М.В. Пименовой, «Анализ языкового материала позволяет заглянуть глубже в недра национального сознания. Языковое поведение человека детерминировано знаниями, где знания включают в себя не только эмпирические сведения, общефоновые знания (знания о мире), но и культурные знания, в том числе языковые знания (знания о мире, как это запечатлено в языке), знания языка (языковой системы). Другими словами, знания бывают внеязыковыми и собственно языковыми, и изучение структур представления таких типов знания является ключевым вопросом когнитивной лингвистики» [1,с.26].

Далее, говоря о русской ментальности (гуманизм, духовность, душевность, любовь к Родине, святость), и связывая их с базовыми ценностями, к которым относятся культура, этика, нравственность, М.В. Пименова пишет: «Ментальности соответствует своя система ценностей, куда входят светские и религиозные качества и свойства, дошедшие до нас из глубин веков и относительно “молодых” религий» [1, с.26].

Исследование концепта, имеющего в своем составе ценностный компонент, выражающий оценочное отношение человека к миру, обнажает сам механизм мышления, систему приоритетов и оценок общества, отраженную в его языковом сознании, этнокультурную специфику

понимания мира. «Концепты объективизируются на различных уровнях языка и могут быть изучены посредством применения таких основных лингвистических методов, как анализ словарных дефиниций, синонимов и симиляров ключевого слова, обозначающего концепт ценностно маркированных высказываний (пословицы, поговорки, афоризмы), этимологического анализа, ассоциативных экспериментов» [2,с.4-5].

«По общепринятому мнению, – пишет автор Е.А. Дженкова, – фразеологический и паремиологический фонды языка представляют собой его наиболее самобытное явление, фиксируя культурные установки и стереотипы, эталоны и архетипы. Благодаря «кумулятивной функции» образов (В.Н.Телия), являющих собой квинтэссенцию этноспецифических черт народа и закрепленных в паремиях и фразеологизмах, можно говорить о культурно-национальном опыте и традициях того или иного языкового сообщества. Соответственно, анализ данных языковых единиц позволяет выделить наиболее ценностные установки лингвокультуры через призму концепта» [3,с.11]. «Традиционные духовные ценности казахского народа, выработанные социальным укладом жизни и своеобразием кочевой культуры, были более тесно связаны с окружающей действительностью: трудовой и общественной жизнью. В этом и был корень относительной абсолютизации кочевниками традиций и обычаев предков, сохранение и развитие их, а также противопоставление другим духовным и культурным ценностям» [4,с.58].

Истоки основных качеств казахского народа исходили из исторически сложившихся обстоятельств, пережитых народом в трудные времена. В любой тяжелейшей ситуации кочевнический менталитет позволял поколениям сохранять честь и достоинство. Древние легенды утверждают, что каждый раз после очередного разбоя или истребления того или иного племени оставались в живых мальчик «Тенгри» и девочка «Умай». И все начиналось снова. Этому учила историко-философская память народа, которую С. Акатай называет мировоззренческим синкретизмом национальной мысли. Она формировала такие качества казахов, как спокойствие духа, уважение к старшим, толерантность к чужому мнению, уравновешенность, любовь к природе, и, конечно, любовь к родной земле.

Одним из основных требований патриархальных обществ, вытекающих из идеологии культа предков, является нравственный принцип о беспрекословном послушании младших старшим по возрасту людей, которые пользовались традиционным авторитетом, благодаря личным качествам. В кочевом обществе носителями древних традиций и обрядов являлись, прежде всего, старики – кария, аксакалы, абызы.

В казахской семье верховенствоотца или старшего в обществе играла важную роль в жизни. Было положено называть аул в честь почитаемого всеми человека. Например, «аул Асанбая». Его сына называли не своим именем, а именем его отца. Например, «сын Асанбая». Даже отношения

между сыновьями в семье (старшего и младшего) приравнивались к отношению отца и сына. Многие казахские пословицы и поговорки, а также законы отражают эти положения. Например, «әкеге қарап ұл өсер, шешеге қарап қыз өсер» (сын растет, смотря на отца, а дочь растет, смотря на мать); «әкенің ұлы – құл» (сын отца – раб); «ата көрген оқ жонар, шеше көрген тон пішер» (тот, кто знал отца – точит стрелу, тот, кто знал мать – шьет шубу); «әке тұрғанда бала сөйлегеннен без» (когда есть отец – сын безмолствует); «ағасы бардың жағасы бар»(наличие старшего брата сродни защите); «ат тұяғын тай басар»(младший идет по стопам старшего); «атадан бала тусайшы, ата жолын қусайшы» (рожденный сын должен следовать дорогой предков); «әкесі үстінен ұлы арыз айта алмайды» (сын не может винить отца); «әкесі баласын өлтіре де, құлдыққа бере де алады» (отец может убить сына или отдать в рабство) и т.д.

Уважение старшего, его почитание – всё это является законом для казахов. Этот закон лег в основу народной педагогики. Уважительное отношение к старшим берет начало с семейно-бытовых отношений. Оно формирует у молодого поколения скромность и морально-нравственные устои. Уважительное отношение к старшему младшие выражали с помощью особой формы обращения по имени: сохраняя первый слог имени собственного, они добавляли суффиксы –еке, -ке, выражающие почтение. Например, Жумеке (вместо Жумабай), Асеке (вместо Асанбай). Также особое правило распространялось и на молодых снох, вошедших в семью мужа, при обращении к новым родственникам. Они не должны были называть их прямыми именами. Им давалось право выбрать персональное образное имя для каждого из членов семьи: *Мырза жігіт (щедрый джигит), ағеке, қайнаға* и т.д.

Уважая старших, младшие понимали, что, когда они постареют, их тоже будут почитать. Поэтому они старались строго придерживаться законов предков. Пословица «Әкеңе не істесең алдына сол келер» (что сделаешь отцу, то и вернется тебе) четко выражает эти законы.

Культ предков отражает сравнительно сложную ступень общественных отношений. «…Настоящий культ предков в том смысле, что предки являются особыми, которые влияют на всю жизнь человека, и поэтому им регулярно оказывается поклонения в том или ином виде, мы встречаем только у народа сравнительно высокой культуры, мы его находим именно там, где существует патриархальный строй, где глава семьи еще при жизни пользуется особым престижем среди своих детей, где главы семей являются лицами с огромной властью, с правом жизни и смерти над своими детьми и прочими членами своей семьи, и это чувство подчиненности, страха перед главой семьи переносится на него и после смерти» [5,с.347].

По народным представлениям, дух предков витал над живущими и после смерти, поэтому почитание сопровождалось особыми ритуалами. Духи предков им снились или показывались перед глазами и всегда напо-

минали о себе. При этом духи предков поддерживалиих при хороших делах, наказывали – при плохих. Поэтому люди старались не совершать дурных поступков, чтобы не вызывать их гнева.

Люди поверили в аруах (дух) и при столкновении с трудностями призывали их на помощь: «Ия, аруах!» (О, аруах, помоги мне!). Когда в серьезных делах приходится давать клятву, присягали именем предков: «Аруақ атсын!» (Пусть карает меня аруах, если я не прав). И с этими словами проклинали своих врагов.

Место захоронения предков считалось священным местом (Аруақ аттаған оңбас – Перешагнувший могилу – обречен на безумие). Оно всегда охранялось, и поэтому потомки далеко не уезжали от могил предков. Этим и объясняется привязанность казахов к родной земле.

С почитанием духа умерших предков тесно связана идея «тенгрианства». «Среди традиционных духовных ценностей, формировавших национальное самосознание казахского народа, – пишет С. Акатай, – есть культ вселенского космического божества – Тенгри» [4,с.67].

«Тенгри как Бог», – отмечал Ч. Валиханов [6,с.112]. Но Тенгри не столько транснациональное божество казахов и их евразийских предков до исламского времени, сколько утешение природой [4,с.67].

Важной функцией Тенгри явилась ревнивое оберегание заветов предков. В тексте древнетюркских рун мотив верности делам отцов ярко выражен следующими словами Тоньюкук: «Тенгри, Умай, священная земля-вода. Покарает нас, надо думать…» [7]. Тоньюкук, верный идеалам предков, возвращается в степь, оставив китайский город, где он постигал науки. Таким же образом поступает и Культегин, который сознательно противопоставляет наследие предков другой культуре. «Этот момент черезвычайно важен, – пишет Л.Н. Гумилев, – здесь не только борьба государств, но и борьба культур, борьба двух мировозрений и мироощущений. Великая степь манифестом заявила свое право не быть Китаем, а быть только собой, и высокомерие тюрков вытекало из сознания своей миссии – организации степи и строительство оригинальной культуры» [8,с.339].

Культ предков, как патриархальная идеология, получил свое классическое развитие в условиях казахского кочевого общества. В народном представлении даже гостеприимство воспринималось как один из основных заветов первопредка. Гостеприимство (по-казахски «бөлінбеген енші» – неприкосновенная доля, предназначенная для гостей), – якобы завещано праотцом Алаша-ханом. Расходы на гостя считались обратимыми. Казахи верили, что эти затраты могли быть возвращены сверхъестественным путем, благодаря магическому воздействию, притом в большем объеме, нежели затраты на обслуживание гостя. Гостеприимство – один из наиболее главных этических добродетелей. Вот как воспевает его поэт XVIII в. Умбетей-жырау: «Кісі көрсең есікте, Жүгіре шық, кешікпе,Қарсы алмасаң

мейманды,Кесір болар несіпке» – Если увидишь человека у двери своего дома, не медля выбегай и встречай его, не то будет худо твоему благосостоянию.

Гость – особо радостное событие в жизни казаха. Об этом свидетельствует благословение: «Дастархан мол болсын, үйіңнен қонақ үзілмесін!» – Пусть будет богат довольствиями стол, и не покинет гость очага вашего! Благосостояние семьи связывалось с посещаемостью её гостями. Это явление отражает поговорка: «Құтты қонақ келсе, қой егіз табады» – Если придет хороший гость, то овца принесет двойню. «Жомарттық», «қонақжайлық» – щедрость и гостеприимство считались непревзойденными добродетелями, к которым непременно должен стремиться каждый человек. Народная поговорка отражает это явление следующим образом: «Атың барда жер таны, желіп жүріп. Асың барда ел таны, беріп жүріп» – Изведай все земли, покуда у тебя есть конь, будь знаком с людьми, покуда есть у тебя достаток.

В дореволюционное время у казахов существовал обычай «Шүлен тарату» – «одаривание» подарками всех желающих, сопровождаемое угощениями. Разумеется, это могли позволить себе лишь состоятельные семьи.

Институт гостеприимства у казахов имеет древние местные корни, которые уходят в доисламское бытие Казахстана. В казахском «Беташаре» (элемент свадебного обряда) имеются строки, где в форме иносказаний вменяется в обязанности невесты потчевать гостей: «Кісі келсе үйіңе, киізіңді қақ, келін» – Подготовь дом для прихода гостей.

Гостеприимство является формой выражения уважения и почитания человека кем бы он ни был. Никогда гостя не разделяли по возрасту, по полу и расе. Поэтому народная поговорка гласит: «Алты жасар бала келсе, алпыстағы шал келіп салем берер» – Если приедет в гости шестилетний ребенок, то поприветствовать к нему выйдет шестидесятилетний старик.

Гостеприимство казахов отмечается всеми авторами XVIII – начало XX веков. Для казаха оказать гостеприимство – большое благородное дело, и посещение его семьи незнакомыми считалось счастьем. По народному поверию, этот человек может оказаться «Қыдыр» (это – человек, несущий в дом добро и богатство), поэтому в народе говорят: «Қырықтың бірі Қыдыр» – один из сорока, это – Кыдыр. Очевидец началаXX века фиксирует, что «… киргизы, т.е.казахи отличаются чрезвычайным, часто беззаветным гостеприимством. Достаточно путнику войти в киргизскую (казахскую) юрту, как он делается гостем, особой священной персоной, которому хозяева обязаны предоставить кров и пищу. Для гостя киргиз (казах) не задумываясь, принесет в жертву барана, для самого себя он редко решится на это» [9,с.38]. И еще: «Киргизский (казахский) обычай не только вменяет гостеприимство в обязанность, – пишет П.Е. Маковецкий, – но старается странника заставить пользоваться гостеприимством... Если

поэтому кто-нибудь откажет в принятии странника, не накормить, не напоить его, то оскорбленный может жаловаться на это, а суд биев приговаривает виновного к уплате штрафа «аип» – лошадь и халат – «ат-шапан», – увеличивая и уменьшая штраф, смотря по обстоятельствам» [10,с.61].

Суммируя вышеизложенное, можно заключить, что почитание отца у казахов имеет непосредственные генетические связи с культурным опытом предшествующих этапов истории Казахстана. Почитание старцев является результатом сложившихся патриархально-родовых отношений. Среди старейшин избирались вожди и т.п., они были хранителями традиций и идей предшественников. В тоже время в казахских традициях обнаруживаются и демократические тенденции, нашедшие выражение в проявлении чувства гостеприимства. Перед дорогим гостем и самый почитаемый старец готов «склонить седую голову» в знак своего уважения.

Литература

1. Пименова М.В. Стереотипы и их место в языковой картине мира // Стереотипы лингвокультуры. – Киев, 2013. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 18).
2. Красавский Н.А. Введение к книге «Немецкая концептосфера: национальные и индивидуально-авторские концепты. – Волгоград: Парадигма, 2012.
3. Дженкова Е.А. Концепты «стыд» и «вина» в немецкой лингвокультуре // Немецкая концептосфера: национальные и индивидуальные авторские концепты. – Волгоград: Парадигма, 2012.
4. Акатай С. Древние культы и традиционная культура казахского народа. – А., 2001.
5. Штернберг Л.Я. Первобытная религия в свете этнографии. – Л., 1936.
6. Валиханов Ч. Полное собрание сочинений. В 5 томах. – Алма-Ата, 1961. – Т.1.
7. Каруновская Л.Э. Представления алтайцев о вселенной // Советская Энциклопедия. – 1935, № 4-5.
8. Гумилев Л.Н. Древние тюрки. – М., 1967.
9. Беротов Д.Д. Страна свободных земель. – СПб., 1908.
10. Маковецкий П.Е. Материалы для изучения юридических обычаев киргизов. – Омск, 1986.

References

1. Primenova M.V. Stereotypes and their place in the linguistic picture of the world // Stereotypes lingvocultury. – Kiev, 2013. (Serie «Conceptual studies». Issue 18).
2. Krasavsky H. A. Introduction to the book «The end of German and individual copyright concept». – Volgograd: Paradigm, 2001.
3. Zhekenova E.A. The concepts of «shame» and «guilty» in German linguaculture // German conceptosphere: National and individual copyright concepts. – Volgograd: Paradigma, 2012.
4. Aktay S. The ancient rites traditional culture of Kazakh people. – Almaty, 2001.
5. Shternberg L.E. The primitive religion in the light of the ethnography. – L, 1936.
6. Valihanov Sh. Complete Works: in 5 volumes. – Alma-Ata, 1961.
7. Korunovskaya L.E. Representation of the universe Altay // Soviet Encyclopedia. – 1935, №4-5.
8. Gumilev L.N. Jealous Turks. – M, 1967.
9. Beretov D.D. The customs, land of the free land. – SPb., 1908.
10. Makovetsky P.E. Materials for the study of Kyrgyz. – Omsk, 1986.

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА

УДК 81

З.З. Абдуманапова
Каракол, Кыргызстан

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА КАК СОВОКУПНОСТЬ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ НОСИТЕЛЯ ЯЗЫКА ЧЕРЕЗ ИНТЕРНЕТ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ РЕСУРСЫ

***Аннотация**: В статье описываются процессы познания окружающей действительности в сознании носителя языка. В ее формировании принимают участие все стороны психической деятельности человека, начиная с ощущений, восприятий, представлений и заканчивая высшими ее формами – мышлением и самосознанием человека. Появление Интернета колоссально изменило общение между людьми и создало новые платформы для коммуникации.*

***Ключевые слова:** языковая картина мира, культура, техническая лексика, интернет-терминологии, коммуникация.*

***Сведения об авторе:** Абдуманапова Зухра Зайнишевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы. Место работы: Иссык-Кульский государственный университет им. К. Тыныстанова.*

***Контактная информация:** г.Каракол, ул. Ленина 87/4.*
e-mail: abdymanapova@iksu.kg.

Z.Z. Abdumanapova
Karakol, Kyrgyzstan

LINGUISTIC PICTURE OF THE WORLD AS A SET OF IDEAS ABOUT THE REALITY OF NATIVE SPEAKERS THROUGH THE INTERNET AND EDUCATIONAL RESOURCES

***Abstract.** This article describes the process of cognition of reality in the mind of a native speaker. All parties of human mental activity are involved in its formation, starting with the sensations, perceptions, ideas and ending with its higher forms as human thinking and consciousness.*

Internet has tremendously changed the communication between people and created a new platform for communication.

***Key words:** language picture of the world, culture, technical lexis, Internet terminology, communication.*

***About the author**: Abdumanapova Zuhra Zaynishevna Candidate of Philological Sciences cathedra of Russian Language and Literature.*

Place of employment: Issyk-Kul state university.

Каждый ребёнок в детстве через познание системы общественных отношений и системы социально-значимых средств отражает в своем сознании картину мира, которая является средством вербализации окружающей ребенка действительности. В процессе же формирования личности происходит постепенный процесс развития его сознания от элементарных форм отражения до развитых форм сознательного отражения действительности.

Язык отражает не только реальность, но и интерпретирует ее, создавая особую реальность, где человек живет. Это можно назвать «Домом реальности". Рассматривая язык как способ, с помощью которого мы знакомимся с менталитетом народа, с мировоззрением древних людей, их представлениями о мире и обществе.

Известно, что человек становится человеком только тогда, когда он приобретает язык и культуру своего народа. Вся культура нации отражается в языке, который является специфическим и уникальным. Огромная часть информации о мире приходит к человеку через языковой канал, по-

этому человек живет в мире понятий, созданных им для интеллектуальных, духовных и социальных потребностей, а также в мире предметов и вещей. Огромное количество информации приходит к нему через слово, и успех человека в обществе зависит от того, насколько хорошо он владеет языком.

Понятие *картины мира* (включая язык) – основа изучения мировоззрения человека. Если мир является взаимодействием между человеком и окружающей средой, картина мира является результатом обрабатываемой информации в человеке и окружающей среде. Явления и внешние субъекты мира представлены в человеческом сознании в форме внутреннего образа.

Языковая картина мира не сравнима с другими специальными картинами мира (химической, физической, математической).

Языковая картина мира формирует нормы поведения людей в мире и определяет их отношения к миру. Каждый естественный язык отражает способ определения восприятия и организации (концептуализации) мира. Выраженные их чувства принимают форму какой-то единой системы видения.

Интерес к языковой картине мира также можно найти в работах В. фон Гумбольдта, который писал, что «разные языки служат для нации органами их оригинального мышления и восприятия". Мировая картина, в которой можно назвать знанием о мире, лежит на основе индивидуального и общественного сознания. Язык выполняет требования познавательного процесса. Концептуальные картины мира у разных людей могут быть различными, например, у представителей разных эпох, разных социальных, возрастных групп, в различных областях научных знаний и т.д.

Картина мира не просто набор «фотографий» предметов, процессов, свойств и т.д. Отсюда следует, что система национального языка принимает участие в языке проектирования картины мира. Языковая картина мира в целом и в основном совпадает с логическим отражением мира в сознании людей.

Говоря о языковой картине мира как совокупности представлений о действительности носителя языка через интернет и образовательные ресурсы, следует отметить, что на наших глазах формируются новые фрагменты языковой картины мира, относящиеся к общемировому естественнонаучному, точному знанию, не имевшему прототипов и исторических корней в научной мысли многих культур. Эти процессы все больше обнаруживают необходимость межкультурной коммуникации, для которой немаловажным моментом является взаимопонимание сторон. В связи с этим одной из задач эпистемологии и философии науки является исследование специфики восприятия новых научных реалий и ассимиляции научных терминов, выработка технической лексики, компьютерной лексики, явлений, сопровождающих научную, интернет-, смс-коммуникации не только в культурах западного типа, но и в других культурах, обладающих иным ко-

гнитивным стилем. Исследование естественнонаучной и интернет-терминологии может пролить свет на этот вопрос.

Интернет является достаточно новой, к тому же динамично развивающейся сферой передачи и хранения информации, коммуникации, творчества и т.д. Психологи, социологи, философы и лингвисты активно изучают новый коммуникативный феномен, появившийся благодаря сети Интернет [1]. В массовых коммуникациях происходит возврат к архаическому мировоззрению и мировосприятию, «в аудиовизуальный мир одновременных событий и всеобщего сознания» [2,с.43.]. Это наблюдение особенно актуально в эпоху распространения интернет-коммуникаций как преимущественно визуальных форм передачи информации, насыщенных вербальной и изобразительной составляющими. В интернет-среде, где происходит общение, у пользователей также формируются определенные когнитивные особенности, как, например, организация восприятия, внимания, памяти, в интернет-речи вырабатывается своя орфография, грамматика, синтаксис и т.д. Формируется своя лексика, своя терминология, свои коннотации, составляющие новый пласт языковой картины мира. Большой интерес вызывает проблема культурной обусловленности этого фрагмента языковой картины мира как наиболее интернационального и кросскультурного на данный момент времени.

В последнее время очень распространено интернет- и смс-общение, в ходе развития которого возник новый тип коммуникации и новый способ передачи информации. Он включает в себя не только вербальную составляющую, но и визуальную. Это может быть фотография, стоп-кадр из известного фильма, скриншот веб-страницы либо экрана компьютера, в конце концов, эмотиконы (смайлики) различных видов и т.д. Как правило, визуальная составляющая играет в сообщении основную роль, а процент вербальной составляющей минимизирован, но не сведен к нулю, поскольку зачастую изображение само по себе не имеет достаточной выразительной силы для адекватной смыслопередачи. В случае со смайликами наблюдается обратная картина: эмотиконы играют дополняющую роль в вербальном сообщении, однако без них в интернет- и смс-переписке затруднена передача эмоциональной составляющей, присутствующей в обычной повседневной коммуникации и необходимой для адекватного восприятия смысла сообщения. В работах лингвистов тексты такого рода получили название «поликодовых» (Сонин А.Г., Чернявская В.Е., Мичурин Д.С. и др.), что указывает на их особенность – сочетание в себе разных кодов: вербального и визуального[2,с.44]. Такие тексты широко распространены в рекламном бизнесе, в прессе, в комиксах и т.д. Возникновение поликодовых текстов довольно закономерно в ситуации, когда общение происходит большей частью путем обмена символами, через экран, и авторы постов и комментариев зачастую пытаются вложить в свои сообщения определенный смысл вплоть до противоположного (ср. «идиот»). К тому

же доступ к созданию поликодовых текстов сейчас открыт практически любому пользователю, поэтому в интернет-сфере процветает этот вид творчества [3,с.45]. В алфавитных культурах в качестве элементов смайликов используются знаки пунктуации, латинские буквы, цифры, символы @, %, & и т.д.

Наблюдается насыщенность современного интернета и телевидения визуальными образами, проявляющимися, в частности, в стиле общения: краткость, разорванность высказываний, по большей части отсутствие четких, структурированных, законченных диалогов или смысловых единиц [4,с.20]. Чередование перцептивных и вербальных кодов в тексте действительно было отличительной чертой еще египетских папирусов и фресок, в частности египетской книги мертвых, в которой повествование ведется в виде серии изображений, внутри которых расположен иероглифический текст, что дало основание Д.С. Мичурину отнести египетские тексты к поликодовым [3,с.46.]. Сочетание графики и каллиграфии – отличительная черта и китайской живописи, в которой изображение цветка, животного, пейзажа, сцены из какого-либо эпоса часто сопровождается стихотворением либо каким-нибудь высказыванием.

Представленный материал научной и интернет-лексики показывает особую специфику новых фрагментов языковой картины мира, формирующихся в языковой культуре любого этноса. Во всех из рассмотренных фрагментов была отмечена общая черта – стремление к наглядной передаче смыслов как самих терминов, так и процессов. В наиболее современной сфере, затрагивающей не только научные, но и интернет-коммуникации – пространственно- образный тип мышления также достаточно сильно выражен, что проявляется в сочетании латиницы, цифрового письма, иероглифики, пиктографики, иностранных слов и грамматических показателей для формирования новых слов и фраз, понятных лишь при визуальном восприятии. Все это обнаруживает пространственно-образные тенденции когнитивного стиля.

Особенности фонетики дают возможность интернет-пользователям конструировать новый цифровой язык, основанный на фонетическом сходстве со словами-прототипами. Этот язык общедоступен и всем понятен, что говорит о том, что он рожден на базе глубинных культурных основ. Культурная детерминанта проявляет себя и в заимствовании научной лексики. Все это свидетельствует в пользу культурной обусловленности таких феноменов, как восприятие и языковая картина мира.

Литература

1. Богомолова Н.Н. Социальная психология массовой коммуникации. – М., 2010;
2. Влияние Интернета на сознание и структуру знания. – М., 2004.
3. Маклюэн М. Галактика Гутенберга: сотворение человека печатной культуры. – Киев, 2003. – С. 43.

4. Мичурин Д.С. Прецедентный поликодовый текст в вербально-изобразительной коммуникации интернет-сообществ (на материале русскоязычных имидж-форумов): дис. … канд. филол. наук: 10.02.19. – Тверь, 2014. – С. 45-46.
5. Юрьева Л.Н. Формирование киберкультуры: от клинописи к Интернету // Научно-культурологический журнал (электронное издание). – 2011. – № 20.

References

1. Bogomolova N.N. Social'naya psihologiya massovoj kommunikacii. – M., 2010.
2. Vliyanie Interneta na soznanie i strukturu znaniya. – M., 2004.
3. Maklyuehn M. Galaktika Gutenberga: sotvorenie cheloveka pechatnoj kul'tury. – Kiev, 2003. – S. 43.
4. Michurin D.S. Precedentnyj polikodovyj tekst v verbal'no-izobrazitel'noj kommunikacii internet-soobshchestv (na materiale russkoyazychnyh imidzh-forumov): dis. … kand. filol. nauk: 10.02.19. – Tver', 2014. – S. 45-46.
5. Yur'eva L.N. Formirovanie kiberkul'tury: ot klinopisi k Internetu // Nauchno-kul'turologicheskij zhurnal (ehlektronnoe izdanie). – 2011. – № 20.

УДК 82.0:82-121

Нареш Джатоту
Хайдарабад, Индия

КАТЕГОРИЯ ОДУШЕВЛЕННОСТИ И НЕОДУШЕВЛЕННОСТИ ИМЁН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ И В ЯЗЫКЕ ТЕЛУГУ

Аннотация. *Данная работа посвящена сопоставлению категории одушевленности и неодушевленности имен существительных в русском языке и в языке телугу. В статье рассмотрены различные подходы к определению категории одушевленности и неодушевленности в исследуемых языках. Русский язык относится к восточно-славянской подгруппе славянской группы языков индоевропейской семьи, а телугу относится к дравидийской семье.*

Ключевые слова: *русский язык, язык телугу, одушевленное и неодушевленное существительное.*

Сведения об авторе: *Джатоту Нареш, Аспирант кафедры русского языка, Хайдарабад, Индия.*

Naresh Jatothu

CATEGORY OF ANIMATE AND INANIMATE NOUNS IN RUSSIAN AND TELUGU

Abstract. *This paper is devoted to the comparison of the category of animate and inanimate nouns in the Russian and Telugu languages. The article considers various approaches to the definition of the category of animation and inanity in the languages studied. The Russian language belongs to the East Slavic subgroup of the Slavic group of languages of the Indo-European family, and Telugu belongs to the Dravidian family.*

Key words: *Russian language, Telugu language, animate and inanimate noun.*

About the author*: Jatothu Naresh, PhD scholar in Russian Department, Hyderabad, India.*

Контактная информация: *+919505072868, Хайдерабад, Телангана, Индия.*
e-mail: naresh.russky@gmail.com.

Категория одушевленности и неодушевленности имени существительного в русском языке.

“В русском языке одушевленность / неодушевленность – это несловоизменительная (т.е. классификационная) категория имен существитель-

ных, в соответствии с которой все существительные относятся к грамматическому классу одушевленных или же к грамматическому классу неодушевленных существительных".[9]

Одушевленность или неодушевленность – постоянный морфологический признак имени существительного. Одушевленные и неодушевленные существительные обычно четко разграничиваются по характеру значения. Одушевленными существительными обозначаются живые существа: человек, брат, слон, птица, дедушка, актёр, щенок, собака, лошадь, мальчик, студент, кошка, соловей, карась, муха, голубь, комар, пчела, окунь, волк, юноша, токарь, а неодушевленными существительными – не живые существа, а предметы неживой природы и растения, а также события, явления качества, действия, состояния и т. п. : камень, стол, автомобиль, дерево, буря, красота, отдых, город, здание, вода, мыло, смех, дом, толпа, облако, гроза, журнал, небо, снег, море, картофель, озеро, кактус, клён.

Одушевленными являются не только существительные типа сын, мать, сестра, существо (нечто живое), овца, насекомое, животное, конь, слон, муравей, змея, кит, человек, рабочий, сирота, Пушкин, Михаил, дядя, врач, атташе, но и такие, как домовой, водяной, ведьма, русалка, мертвец, покойник, утопленник, ферзь (шахматная фигура), туз (игральная карта), дамка, пешка. К неодушевленным относятся не только существительные типа лес, стол, зонт, институт, слово, молоко, город, озеро, река, журнал, но и такие, как войско, народ, отряд, армия, труп.

"Однако для грамматики важны прежде всего формальные средства выражения категории одушевленности / неодушевленности, которые, как мы помним, бывают парадигматическими (окончания самого существительного) или же синтагматическими (окончания слов, согласующихся с существительным). Для несклоняемых существительных типа конферансье, Дюма, кино, алиби и т. п. данная грамматическая категория выражается только синтагматически, т. е. в грамматической сочетаемости подобных существительных. При этом наиболее отчетливо категория одушевленности / неодушевленности бывает формально выражена во множественном числе".[10] "В форме единственного числа одушевленность / неодушевленность парадигматически, т. е. окончаниями самого существительного, бывает выражена далеко не у всех существительных, а только у существительных мужского рода что склонения с нулевым окончанием в форме И. п. ед. ч. типа студент, дом, а также у существительных типа часовой, выходной (образованных способом субстантивации и поэтому изменяющихся по образцу прилагательных): знаю студента, часового (В. = Р., одушевлен-

[9] Касаткин, Л. Л. Русский язык. Учеб. для студ. высш. пед. учеб. заведений. – М.: Академия, 2001. – С. 516.

[10] Касаткин, Л. Л. Русский Язык. Учеб. для студ. высш. пед. учеб. заведений. – М.: Академия, 2001. – С. 517-518.

ные существительные), но знаю дом, выходной (В. ≠ Р., существительные неодушевленные).

У существительных среднего и женского рода одушевленность / неодушевленность в форме единственного числа не выражена; ср. одинаковые падежные окончания у одушевленных и неодушевленных существительных: люблю сестру и страну; вижу окно и существо. Поэтому для определения грамматической одушевленности / неодушевленности таких существительных нужно рассматривать формы множественного числа: вижу сестер, существ, овец, насекомых (В. = Р. , одушевленные существительные); вижу страны, окна, книги, поля (В. ≠ Р., неодушевленные существительные).

У неизменяемых существительных среднего и женского рода их одушевленность / неодушевленность проявляется в грамматической сочетаемости: вижу новых крупье (В. = Р. существительное одушевленное), но вижу новые пальто (В. ≠ Р., существительное неодушевленное)"[11].

Категория одушевленности / неодушевленности имени существительного в языке телугу:

В языке телугу категория одушевленности / неодушевленности абсолютно не соответствует различению живого / неживого в науках о природе. В языке телугу только существительные, которые обозначают людей и богов, относятся к одушевленным существительным, а все остальные – к неодушевленным существительным. Например, слова అమ్మ (amma) "мать", నాన్న (naanna) "отец", కొడుకు (koDuku) "сын" , కూతురు (kuuturu) "дочь", మామ (maama) "дядя", అత్త (atta) "тётя", మనమడు (manamaDu) "внук", మనమరాలు (manamaraalu) "внучка", అన్న (anna) "старший брат", తమ్ముడు (tammuDu) "младший брат" , బావ (baawa) "зять", బావమరిది (baawamaridi) "шурин", అక్క (akka) "старшая сестра", చెల్లె (celle) "младшая сестра", రాముడు (raamuDu) "имя бога" వడ్రంగి (waDrangi) "плотник", గుమాస్తా (gumaastaa) " мелкий чиновник", రచయిత (racayita) "писатель", కవి (kawi) "поэт", దొంగ (donga) "разбойник", రాజు (raaju) "царь", భటుడు (bhaTuDu) "стражник" относятся к одушевленным существительным.

Все остальные слова, обозначающие животных, предметы, явления, абстрактные понятия и т. д. , относятся к неодушевленным существитель-

[11] Касаткин, Л. Л. Русский язык. Учеб. для студ. высш. пед. учеб. заведений. – М.: Академия,, 2001. – С. 518.

ным. ఎద్దు (eddu) "бык", ఆవు (aawu) "корова" కుక్క (kukka) "собака" పిల్లి (pilli), "кошка", నక్క (nakka) "лиса", సింహం (simham) "лев", సంతోషం (santooSam) "радость", అందం (andam) "красота", పుస్తకం (pustakam) "книга", గోడ (gooDa) "стена", కాగితం (kaagitam) "бумага", పక్షి (pakSi) "птица", అడవి (aDawi) "лес" , నది (nadi) "река" , పర్వతం (parwatam) "гора" , కీటకం (kiiTakam) "насекомое", వాన (waana) "дождь", జ్ఞానం (jnaanam) "знание".

В языке телугу различие одушевленных и неодушевленных существительных может иметь и внешние показатели: в употреблении местоимений в двух формах единственного и множественного числа. В языке телугу у одушевленных существительных в единственном числе употребляется местоимение అతను (atanu) для мужского рода, ఆమె (aame) – женского рода అది (adi) – для среднего рода, т.е. неодушевленных существительных. Во множественном числе у одушевленных существительных употребляются местоимение వారు/వాళ్లు (waaru), у неодушевленных – అవి (awi).

Это значит, что в отличие от русского языка, в языке телугу категория одушевленности /неодушевленности различается при помощи местоимений в форме множественного числа.

Внешними показателями различия одушевленности и неодушевленности имен существительных в языке телугу могут быть также употребления числительных: для одушевленных имен существительных используются числительные ఒకరు (okaru) "один',' ఇద్దరు (iddaru) "два", ముగ్గురు (mugguru) "три"; ఒకటి (okaTi) "один", రెండు (renDu) "два" , మూడు (muuDu) "три" и т. д.

В языке телугу одушевленность и неодушевленность проявляется в глагольных формах множественного числа. Суффикс глагольного спряжения రు (ru) употребляется у одушевленных существительных, суффикс యి (yi) у неодушевленных существительных[12].

Вывод

[12] Виджая Лакшми, Н. Категория рода имён существительных и некоторые особенности проявления одушевлённости / неодушевлённости в русском языке и в языке телугу. – Хайдерабад: Центральный институт английского и иностранных языков, октябрь 1989.

Учитывая все эти особенности различий в категории одушевленности / неодушевленности в русском языке и в языке телугу, преподаватель должен уделять особое внимание различению по родам одушевленных существительных в русском языке. Закрепив понятие категории рода на примере одушевленных существительных, необходимо показать, как форма этой категории распространяется и на неодушевленные существительные, утрачивая при этом свое значение как выражение различия пола. Преподаватель русского языка должен иметь четкое представление о родном языке учащихся. Только в этом случае он может дать студентам полное и ясное представление об изучаемом материале, помочь студентам преодолеть различные трудности, связанные с формированием нового понятия категории рода, которое отсутствует в родном языке учащихся.

Литература

1. Касаткин, Л. Л. Русский язык. Учеб. для студ. высш. пед. учеб. заведений. – М.: Академия, 2001.
2. Валгина, Н. С. Розенталь, Д. Э., Фомина, М. И. Современный русский язык. – М.: Высшая школа, 1971.
3. Буланин, Л. Л. Трудные вопросы морфологии. – М.: Просвещение, 1976.
4. Аникина, А. Б., Калинина, И. К. Современный русский язык: морфология. – М.: МГУ им. Ломоносова, 1983.
5. Мислославский, И.Г. Краткая практическая грамматика русского языка. – М.: Русский язык, 1987.
6. Бабайцева, В.В., Чеснокова, Л. Д. Русский язык теория. 5-9 кл.: учеб. для образоват. учреждений. – 12-е изд. – М.: Дрофа, 2003.
7. Чепасова, А. М. Казачук , И. Г. Существительные в современном русском языке. – М.: Флинта, Наука, 2007.
8. Krishnamurthy, Bh., Gwynn, J. P. L. A Grammar Of Modern Telugu. – Delhi: Oxford University Press, 1985.
9. Виджая Лакшми, Н. Категория рода имён существительных и некоторые особенности проявления одушевлённости / неодушевлённости в русском языке и в языке телугу. – Хайдерабад: Центральный институт английского и иностранных языков, октябрь 1989.

References

1. Kasatkin, L. L. Russkij yazyk. Ucheb. dlya stud. vyssh. ped. ucheb. zavedenij. – M.: Akademiya, 2001.
2. Valgina, N. S. Rozental', D. EH., Fomina, M. I. Sovremennyj russkij yazyk. – M.: Vysshaya shkola, 1971.
3. Bulanin, L. L. Trudnye voprosy morfologii. – M.: Prosveshchenie, 1976.
4. Anikina, A. B., Kalinina, I. K. Sovremennyj russkij yazyk: morfologiya. – M.: MGU im. Lomonosova, 1983.
5. Misloslavskij, I.G. Kratkaya prakticheskaya grammatika russkogo yazyka. – M.: Russkij yazyk, 1987.
6. Babajceva, V.V., CHesnokova, L. D. Russkij yazyk teoriya. 5-9 kl.: ucheb. dlya obrazovat. uchrezhdenij. – 12-e izd. – M.: Drofa, 2003.
7. Chepasova, A. M. Kazachuk , I. G. Sushchestvitel'nye v sovremennom russkom yazyke. – M.: Flinta, Nauka, 2007.

8. Krishnamurthy, Bh., Gwynn, J. P. L. A Grammar Of Modern Telugu. – Delhi: Oxford University Press, 1985.
9. Vidzhaya Lakshmi, N. Kategoriya roda imyon sushchestvitel'nyh i nekotorye osobennosti proyavleniya odushevlyonnosti / neodushevlyonnosti v russkom yazyke i v yazyke telugu. – Hajderabad: Central'nyj institut anglijskogo i inostrannyh yazykov, oktyabr' 1989.

УДК 81’27

М. А. Жунисова
Алматы, Казахстан

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПЕРИОДИЗАЦИЯ КАЗАХСКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. *Предлагается историческая периодизация казахского языка современных тюркологов Казахстана. Научный объект – периодизация казахского языка. Автор указывает на то, что в будущем по материалам письменных памятников тюркского народа комплектуются все лингвистические факты, и планирует предлагать в тюркский научный мир лингвистические периодизации всех тюркских языков.*

Ключевые слова: *период языковой мимики, период коротких слов, период сложных слов, историческая периодизация, лингвистическая периодизация по научной гипотезе: теоретические основы истории перидизации языков.*

Сведения об авторе: *Жунисова Майра Абибуллаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры казахского языка и литературы.*

Место работы: Казахский национальный педагогический университет имени Абая.

Контактная информация: *050000, Алматы, пр. Достык 13, каб. 423. E-mail: zhmaira_71@mail.ru. Contact information: 050000, Almaty, 13, Dostyk Ave., office. 423.*

M. A. Zhunissova
Almaty, Kazakhstan

HYSTORICAL PERIODIZATION OF THE KAZAKH LANGUAGE

Abstract. *The aricle introduces historical periodization of the Kazakh language turkologists modern Kazakhstan. Research object periodization of the Kazakh language. The author also points out that in the future, based on written records of the Turkic peoples, but equipped with all the linguistic facts and plans to offer in the Turkish scientific world linguistic periodization of all Turkic languages.*

Key words: *facial expressions during language, short words during the period of difficult words, historical periodization, linguistic periodization, on a scientific hypothesis: basics in theory of history peridizatsii languages.*

About the author*: Maira Zhunissova Abibullaevna, candidate of philological sciences, associate professor of the Kazakh language and literature. Place of employment: Kazakh nationaltion Pedagogical University named after Abai.*

Kazakh language has like all scolds world, tears to pieces millennium driving away history eats generation consciousness sucks and it world civilization place eats pastures arrives at heritage eats am grounds through Kazakh language state language one time, national language one time place specify clear. So soon Kazakhstan national history memorizes question touching between departments work group extends meeting rises Kazakhstan national history horizon extends only puts, people only what historical ways forms question this article connect deposit abundant.

Scientific article *aim* is the kazakh language historical friend considered Turkic studies before turkic pore and nowadays Turkic language establishes a connection memorizes. The history of language on direction of question living

on easy street scientists of Kazakh K.Zhubanov, S.Amanzholov, Y.Kenesbaev, T.Kordabaev, Y.Zhubanov, R.Syzdykova, S.Isaev, G.Kaliev break a secret labors of scientists. Kazakh literary language is history lives on easy street touching opinion one side, and Kazakh language historical friend is deeply denies. History of language G.Kasymova offered program living on easy street scientist and published textbook.

To write the article scoped like G.Kosymova [1], A.Bakhti [2] a secret scientists and consenting, questions historical living on easy street what scold in a middle and only what epochs of Turkic. The article informs about linguistics credo lean and as lives on easy street world every language divided, what historical pore stands and their theoretic pore taking. The world language character knows for basic role carries out and every stair direction spacious kind introduces and talk Kazakh people language history. Language lives together with society. If it is so, society won't mute, a language not develops without society. The language basic activity arrives at perfection and serves people public historical life dense connection. What pore inherent look is language the use knows as, historical pore presence track writing literature, monument language, etc. historical the states society life about taking is saved. Therefore one comes historically to live on easy street known question living on easy street being due being. For example, consult ideology goes out our necessity book majority. Because introductions, that increased and reason settled to the future, to the idea of communism. Formed and on which pore a man close had children to the innovation the soul comes. Space to master, to master nowadays informative technologies, etc. Nowadays language and society as live, labors, that were nowadays written, exactly can to give spectacle. Development of language science of linguistics live on easy street two by credos. First – what gives historical by pores. Character development second – to look all the time. Coulisse undertaking from a man research of language is androcentric credo, only which epoch tendency in linguistic. Connecting history of language scientifically to investigate so, as live on easy street was XXI on scientific time theory of paradigm century knowable plot.

«Language border hangs, circle fumigates stands, cuts on slices builder and consumer, viz. exact personality – man a language pays attention stands, understand not maybe... you not take» man, though not knew language, arriving at» [3].

Kazakh history of language, that was investigated approach metatheory of language, that materials living on easy street will add deposit to world social to development of linguistics. Those cut on slices look border language of nation is a border world view of nation, that bore [4].

The competence of language cultural owner one time is knowable people composition individuality shows itself language fact – language personality theory develops information source is, living historical pore language development index. *According language knowledge language develops*

conformity to law is such: language sound system and lexical grammar building is development structural development talks. The meaning language development has also expansion of function, it kind development called functional development. It conformities to law development of language. Such to conformities to law two different factor reason. They: *internal meaning* and *external meaning*. It has two processes in a way of developing language. One of them, divide one language with each other, for individual dialects and scold, process division. It called *division* (differentiate) in linguistics. The second – individual dialects, joining language with each other, relationship of languages are called *joining (*integration).

Language to the changes meaning, that is reason, same strong - public process. If economy and social, culture, technique, if strongly develop side science, as a ten and social language of people develops well. There are *computer, monogamy, airplane, rocket, design,* at that on time of reason in last centuries there was a benefit, words compel to come. Language with social connection, develops together with social. To the pores kazakh development of linguistics Kazakh researchers divided: N.Sauranbaev, I.Kenesbaev, S.Amanzholov, K.Zhubanov, A.Yskakov, M.Balakaev, T.Kordabaev, R.Syzdykova, A.Kuryshzhanov, K.Omiraliev, Sh.Sh.Sariev, S.Isaev, Y.Zhanpeisov, M.Tomanov, S.Khasanov, G.Kaliev, Y.Zhubanov, B.Abilkasomv, etc., they statics of language is the melody-*state*, *dynamics* - motion development talked. From east Europe till Siberia and west China has spacious transmigrates 180 million man mother tongue, 210 million man two language finds turkic language group Altai language dynasty lies.

Visible Turkic **N.A.Baskakov** divides the following pores languages of Turkic language, geographic took into account features, history of languages, that was named epoch; gun is an epoch; consenting epoch (V - VI c.) of Turkic; middle epoch of Turkic or basic Turkic tribes pore forming; epoch of Turkic only what or Turkic nation epoch (XVI – XIX c.) and development forming; same only what epoch (XX c.) or languages of turkic to October revolution and epoch of following develop.

The opinion that Kazakh language origin has started since Altai era in Kazakh linguistic, scientist G.Kasymova said that the Kazakh has deeply origin than Altay era, according of all world scientists of Turkic and Kazakh historic, of archeology and philology [1]. It scientific assumption, that was done in result language discussion of exact, extending about history language our Kazakh has larger cognition - concept according to the like S.Kremer, Y.Diakonov, O.Tuna, A.Amanzholov, A.Kaidar, A.Bakhti scientists's work. Science of language has concept «Ural-Altai association of language». It hasn't turned out term, but between scientists are very big dispute.

Scientists divide two pore named epoch: Oral-Altay language general epoch, this is an increases family and tribe language divided pore; wrapped around and as scolds one by one divided pore, this after Turkic, Mongolic, tun-

gus-manchjur and classifies Korean-japon language dividing epoch. Wrapped around and Poltava, that first opinion expressed about linguistics, participated rock, swedish, that was in Siberia for a captive, police **Yogann fon Stralenberg**. He had interesting experienced in many language and divide according relationship between «Tatar» language the following group: 1) uigyr (ugro-phin), 2) Turkic-tatar, 3) samoed, 4) Mongolic and manchzhur, 5) tungus, 6) tribes between Caspian and black sea. All of minded conclusions of error, that Increased, row will scold classification, valuable to lay to one group. It hasn't linguistic minded languages joined to one group. After languages called «Oral-Altay» was not investigated. Passed since a few century Danish linguists Rasmus Rask has start again for this question. The group called «scythian» has group Greland, America, Asia, Europe, Spain and fungus, Mongol, Turkic, ugro-phin, shamed and yeskimos language in Caucasus. XIX in a century especially developed linguistics. In work V.Gumbold has organized the connection of languages «Tatar» and «scythian» and was formed metatheory. Compare with Indo-European languages differentiate is isolated agglutinative by character syngharmonizm. As soon Max Muller are not accepted Siamese, Tibetan south Indian and languages of servant offers what names «Turan languages». At that time this language has not investigated yet and M.Muller was territory looks groups, didn't compare investigates, therefore history the stage leaves quickly.

Matvey-Alexsandr Kastern has finded right road. He knew some languages and it was his differentiate. Limiting number of languages called «Altay languages», and dividing into 5 groups: ugro-phyn, shamed, Turkic, Mongol and languages of tungus. So dividing group of Oral-Altay languages started since Kastren. It has problem entering Japon languages. Kastren has increased another similarity beside agglutination of these languages: not prefix, instead of it suffix, pretext instead of conjugation, not twice consonants etc.

The origin «Oral-Altay» languages in really demonstrated in experiments of **V.Shott**. Lexicography of languages, that was named by him, back investigates morphology. Uraloy (Finnish, ugor, samodi) languages of Ural-Altai – linguistics and and (*turkic, mongol, tungus- manchzhur, japanese, korean*) languages of group industry, that free of charge investigates to go out.

F.Stralenberg languages of Ural-Altai conclusion, said that exit one, offering, named, talk «Ural is a metatheory of Altai», on it linguistics.

VIII century share is the metatheory defender scientist (V.Shott, F.Videman, M.A.Kastran, O.Betlingk, G.Vinkler, V.Tomsen, M.Riasanen, D.Fokosh-Fukus, J.Kiekbaev, B.Bazylkhan, etc.) Ural-Altai language some phonetic, grammatical, lexical likeness takes into account sits, this scolds goes out one talks concludes, south, north, east, west group divides. Ural-Altai language metatheory against scientist (V.Kotvich, J.Klouson, A.M.Sherbak, etc.) this group language meets root word likeness, some grammatical personality accordance this scolds for a long time mutual historical connection is result talks considers. Languages of Ural-Altai scientist, that is supported by a relation,

B.Bazylkhan to according scold, community at first was formed general element (a root is a morpheme), and in motion of what develop evolutional, a singleness was elements (sounds, words, morphological, syntactic special personalities) a benefit. Ural-Altai language evolutional development sign language epoch, comes word epoch, difficult word epoch main excuses, arrives at nowadays personal language level. A sign language epoch main character this the language talks man mutual connection nowadays one, two link root word, viz. first dictionary a resource is found out. The last Name gives a sound on personality of root, him main to nod, a hand waves understood on basis similar motion of body driving to accordance. Number sound of language on personality of root talk as 140- specify scientist. This two different language sound Ural-Altai language word head is saved, and a root is a morpheme names, Ural-Altai language first general root element talks.

«*Come in epoch of word*» one, two links a root was conceived words, first dictionary done resource. Such the words suffix-completion, in type of suggestion come was used.

«*Difficult epoch of word*» – languages of Ural-Altai, personal scold, dividing fully, «*that, on time of epoch, what first-first was distant*», summarized. Needs relation languages of Ural-Altai still investigates to go down [6].

You single national cut on slices on today's stair development language people of Kazakh, cut on slices be national literary. When he different stylistic classify on it day, develop, language, lexicography arrived at perfection husband, grammatical building, wrapping to the language literary, to the language limning ran around. Certainly, language press ferriages of many, that to arrive at such the degree. Investigating historical approach facts of language to know, that conversant to master those cut on slices, importance is superiority.

History of language nowaday melody, secret, though knew not, to know maybe in detail. Kazakh language basic historical associates science one time knows same important thing is forgets, each the language question history that the phenomenon as goes out, development and what main epoch passes talks approach looks is needed, then only melody is know.

Kazakh language turkic language interior takes localization, turkic language together walks passes line, turkic language closeness eats consents language – shumer language character, consent turkic language шумер character, theoretical basis Kazakh language consent turkic element, middle century people language has formed place investigate labour. To explain the hystory of kazakh language (hystory of organize tribes language, national language, people language), firstly organize nation of kazakh and to follow process of nationality.

Hystory of organize kazakh nation connected with early large unions, persons, of them by history on place of Kazakh. One hundred talks habit Kazakh people inferior and historical tradition through marked general Kazakh territory one part settles tribe large association (or unions) names is accepted [7].

Kazakh language goes out and development pore general turkic homogeneous scolds develops epoch unity, that circle takes examines is only understands fully. They are: Schumer is an epoch, Altay epoch, epoch of hun and consent epoch of Turkic, middle century epoch, new and modern epoch of languages of turkic epoch. History of Kazakh historical writing on these epochs monuments stopped it is necessary to touching [1]. Kazakh tribes people are unites, Kazakh people language is formed large tribe union language association, XV - XVI century Kazakh tribes kypshak community, nogay palace divided goes out, mongol occupation after Kazakh earth patriarkh feodal relation become stronger, first Kazakh kings associate is benefit, this process XIX century two half to stretch taken into account necessary.

Kazakh a language tribe, people lives on easy street phonetic, lexical, grammatical structure historical development Kazakh language develops levels associates and typology sign is considered. Author of the article first – M.Kashkary, in motion limning monography, dedicated that «Diuani-Lugat yt-turk» verbal on language of Turkic category, XI will conclude to linguistic in a century, examined by M.A.Zhunissova [8].

Academician A.T. Kaidarov in labour of Kazakh language talks «Kazakh nation formed epoch Kazakh language talks orally language and orally -poetic work language is considered. middlecentury thousands touched Turkic language of literature on territory Middle, Asia and Kazakhstan years the impression. The result Kazakh literary language formed one side general literary tradition keeps, in the second, talks language grammatical and lexical part inculcates activity shows itself.

The epoch language (XVI – XIX c. middle) special bussiness paper organize, literary a book transmigrates, historical composition, old Kazakh writing monument literary language talks having a horse owns. XIX begins half of II c. nowaday Kazakh history language of literary. On of her head wonderful poet, writer are enlightener scientists Abay Kunanbeav and Y.Altynsarin [9].

Academician R.Syzdykova *Periodization of developing Kazakh literary language*. Minded at the begin of Kazakh literary language can divide into 5 group: 1. Kazakh history language of literary from early, consenting begins (G.Musabaev II c., A.Margulan, B.Kenjebaev V c.) epoch of Turkic, from time the state of hun. 2. Kazakh history language of literary XYIII c. begins (K.Zhumaliev, M.Balakaev). 3. since II part of XIX century (K.Zhubanov, N.Sauranbaev, S.Amanzholov, I.Kenesbaev). 4. Kazakh language of literary after October revolution begins. 5. Author, that orally developed issue language of Kazakh literary, in type of poetic pore [10]. Professor S.Ysaev, when will creep: a language literary is formed; Kazakh language of literary formed, epoch lowering of developing; Cut on slices literary on first half century XVIII century leg and XIX; epoch of advice on Kazakh development language of literary. R.Syzdykov creeps: develops motion Kazakh language literary lives on special subdivision: develops motion Kazakh literary language. It is possible dividing

Kazakh language of literary, looks in place opposite of place five to group: 1.Kazakh history language of literary from early, consenting begins (G.Musabaev since II century, A.Margulan, B.Kenjebaev since V century etc.) epoch of Turkic since Hun century. 2.Kazakh history language of literary begins (K.Zhumaliev, M.Balakaev etc.) since XVIII century. 3.XIX begins (K.Zhubanov, N.Sauranbaev, S.Amanzholov, Sh.Kenesbaev) half of II century. 4.Kazakh language of literary after revolution of October begins (T.Kordabaev). 5.Kazakh issue literary language develops orally author poetic kind and people pore, XV – XVI century begins, and old writing monument literary language XVI – XVII a century, only what national writing monument literary language XIX century II half begin (R.Syzdykova, K.Omiraliev, B.Abylkasymov, A.Yskakov, A.Kuryshzhanov etc.) [11].

«**Early Kazakh Literature reading-book**» compilers (B.Kenzhebaev, H.Suinwialiev, M.Zholdasbekov, M.Magauin) divide history literature of Kazakh into 5 epochs: 1.Ancient epoch V - XIV family epoch of people community of -Kazakh. 2.Literature on epoch of Khan XV – XVIII century - literature of issue Kazakh time, first epoch undertaking. 3.XIX literature in a century. 4.XX democratic on head of century (1900-1920) literature. 5.Social literature of epoch [12].

Kazakh soviet encyclopaedia given on article «Literature of Kazakh variants on early», dividing literary of Turkic languages nationality and Kazakh for the following group: 1.IV – XVIII c. – literature on epoch of turkic; 2.IX – XII c. – literature on epoch of muslim; 3.XIII – XIVc. it is Literature on gold epoch of Orda; 4.XV -XVIIIғ. it is Literature on Kazakh king epoch. Divide Kazakh booth literary has other models. Many literary researchers literary are known as «owner Kazakh written literary» that after XV century [13]. «**History of Kazakh literary language**» (1968) (authors – M.Balakaev, R.Syzdykova, Y.Zhanpeisov) like a books has other report of history Kazakh literary language by M.Balakaev's conception so language literary Kazakh motion development examines connection such by pores: 1th pore. XVIII – XIX c. – literary language. 2th pore. XIX c. I part literary language. 3th pore. XIXc.II part of literary language. 4th pore. Literary language at the beginning of XX century. 5th pore. Literary language in years 1920-1930. 6th pore. Literary language since 1940 year. Literary language – people or national culture known one spectacle, and every people do own epoch social-economic, political economy life direct connection. Literary language depend on using people environment and bring up, and aslo connecting with center of education. We divide history development of literary language into main two pores: 1.People of Kazakh to national pore language of literary. II. People of Kazakh language of literary on pore. Literature can divide into 3 group: 1.Compositions of authors, that was the lost name is group of patronymic literature (folklore is standards). 2) Orally authority literature (poetry and eloquence). 3) writing literature models. Their language grounded to turkic tradition writing of monument center Asia. It standard, palace

of king knowing and read intelligentsia on head of ru-tribe [14]. Kazakh issue writing monument literary language first symbol XVI century could be seen begins (for example, genealogy, writing monuments of various office of king, zhalaiyr wrote that dance Kadyrgali, etc.) XVIII-XIX century Kazakh community for considerably large, social, economic, political change and pore. Only what allow to connection from by time fruit of epoch literature of Kazakh works were a benefit. Poetic tradition with school's becoming got down stronger.On present place poetic and some are educate by muslim and appeasing thirst by Turkic writing literature. It is phenomenon literary language further grounded, develop influence of superiority touched. Second epoch begins half of II century XIX. It is national new writing monument language of Kazakh literary opposite by a mestome forming. XIX century II half near looks Kazakh people social political life what one change, news passes, but a language basic character change no thoroughly, true, dictionary goose, grammatical norm tolerant dinner, orthoepy norm keep begin etc. But nobody of them has quality change in language. XIX in a century to break through orally, got down on writing, «Aiman-Sholpan» author first – Zh.A. Zhunissova was to investigate aim [15]. Through break through text an author XIX century language lexical feature detailed discusses walks the language history lives near is warns. History of language on educational manual, at that dedicated written to master students question historical living on books [16]. Authors are known that the problem of periodization history language is solved by periodization of history Turkic people. So, offered developing of periodization Kazakh literary language and notice that it has unsolved problems.

In conclusion, we have minded that the linguistics relooks and periodization linguistic problems in world Turkish monuments should be by control. We notice, that scientists, that was come into question by the articles, and any historically periodization. As monuments of Turkish was general so *periodization linguistically* of history language and believe that it is aim. The history of language through information on writing monuments has new periodization linguistic pore.

References

1. Kasymova, G. Theoretical basis of History language. – A., 2011.
2. Bahti, A. Shumery. Scythian. Kazakhs. – A., 2004.
3. Karaulov, Y.N. Russian and language personality. 1-st. – M.: Education, 1987. 264 p.; 2-nd publ. – M.: УРСС, 2002; 3-rd publ., 2003; 4-th publ., 2004.
4. Gumbold, V. Select labor's on linguistics. – M. 1984. – P. 297.
5. Baskakov, N.A. Languages of the world people // Turkic languages. 2010. – P. 248.
6. Bazylkhan, B. Language Kazakhs of Mongol. – Almaty, 1989.
7. Kazakh history of SSR, II publ. – Almaty, 1983. – 258 p.
8. Zhunissova, M.A. Language history: a verb is a category (M.Kashkari «Diuani Lugat it according to the dictionary of Turkic» (XI c.)). Monograph. – Almaty. 2016. 244 p.
9. Kaidarov, A.T. Kazakh language // World languages. Turkic languages. – Bishkek. 1997.

10. Syzdykova, R. Hystory of Kazakh literary language. – A.: Mother tongue.1993
11. Ysaev, S. History of Kazakh literary language. – A.: Mother tongue,1996
12. Kenzhebaev, B., Suinwaliev, H., Zholdasbekov, M., Magauin, M. Early Kazakh literary reading-book. – Almaty. 1986.
13. Kazakh soviet encyclopaedia. – Almaty, 1984.
14. Balakaev, M., Syzdykova, R., Zhanpeisov, Y. History of Kazakh literary language. – A., 1968.
15. Zhunissova, Zh.A. Language of break through «Ayman – Sholpan». Monograph. – Astana, 2013.
16. Zhunissova, M.A.Historical periodization of Turkic languages. Life Science Journal Volume 11, Issue 6, 2014. Article number 62. – P. 438-444.

УДК 811.161.2’23

О.Н. Гнездечко
Владивосток, Россия

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ЛИМЕРИКОВ

Аннотация. *Раскрывается ключевая роль лингвокреативных механизмов конструирования ассоциативного поля absurd. Путём свободного ассоциативного эксперимента установлены ассоциативные связи слова-стимула. Качественные результаты эксперимента учитывают количественное измерение путем использования методики индексирования частоты ассоциативной связи.*

Ключевые слова: *ассоциативное поле; слово-стимул; ассоциативный эксперимент; ассоциативные связи; индекс частоты.*

O.N. Gnezdechko
Vladivostok, Russia

PSYCHOLINGUISTIC DIMENSIONS OF CONTEMPORARY ENGLISH LIMERICKS

Abstract. *Highlighted here is the key role of the lingual creative mechanisms of the “absurd” associative field formation. The association experiment has been conducted, which resulted in the associative stimulus-response relationship. Qualitative experimental findings allow for their quantitative dimensions by employing indexing techniques of the associative relations frequency.*

Key words: *associative field; stimulus; association experiment; associative relations; frequency index.*

Сведения об авторе: *Гнездечко Оксана Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой межкультурных коммуникаций.*

Место работы: Владивостокский государственный университет экономики и сервиса.

About the author*: Gnezdechko Oksana Nikolayevna, PhD in Philology, Associate Professor and Chair of Intercultural Communication and Translation Department.*

Place of employment: Vladivostok State University of Economics and Service.

Контактная информация: *690014 Владивосток, ул. Гоголя 41, каб. 5517.*
e-mail: Oksana.Gnezdechko@vvsu.ru.

Юмористический дискурс, представленный жанром лимерика, ранее уже служил предметом специального изучения в аспекте жанрообразующих [5; 6] лексико-грамматических и коммуникативно-прагматических [1; 13; 15] особенностей. Между тем, проблема семантизации и конструирования ассоциативной сетки словесных знаков остаётся актуальной. *Ак-*

туальность её обусловлена антропоцентризмом, связанным с рассмотрением лингвистических аспектов юмора как особого вида человеческой лингвокреативной деятельности. В данной статье лимерики анализируются в ракурсе изучения лексикона человека, взаимосвязи грамматики языка, логики мышления и ассоциативной структуры языкового сознания. *Целью* нашего исследования является анализ англоязычных лимериков как вторичных речевых жанров путём раскрытия психолингвистической природы их лингвокреативного формирования. Классические и неоклассические англоязычные лимерики выступают *объектом* изучения в аспекте композиционно-структурного построения и ассоциативной структуры их семантического содержания. *Предметом* исследования служат структурные, семантические и психолингвистические особенности реализации лингвокреативных процессов образования вторичной номинации на материале современных англоязычных лимериков.

В статье уточняется содержание понятия ‘лимерик’, установлены признаки англоязычного лимерика как вторичного жанра. **Лимерик** – *нетипичный текст малого жанра*, имеющий исторически сформированную стереотипную модель обыгрывания бессмыслицы. Характеризуется *автосемантией* абсурдистского содержания, логико-прагматической незавершенностью, рядом типичных структурных, просодических элементов и прагматических интенций. Фабульность, сюжет и название заголовка отсутствуют. Лимерикам не свойственен хронотоп. Одной из самых распространённых является принадлежащая Ленгфорду Риду теория возникновения лимерика как отдельного жанра, согласно которой лимерики импровизировались, пропевались, а не декламировались.

Представленный *нетипичным текстом малого жанра* авторского высказывания лимерик относится к оценочному юмористическому жанру, который имеет устойчивое композиционное построение в форме короткого шуточного пятистишия, написаного анапестом. Состоит из пяти строк со схемой рифмы **AABBA** (1-я, 2- и 5-я строки трёхстопные, а 3-я и 4-я – двухстопные).

Англоязычный лимерик имеет признаки английского юмора: 1) широкий *экстралингвальный контекст*, который обусловливает различные истолкования импликатуры; 2) *парадоксальность* пятистишия – обыгрывание абсурдистского содержания через варьирование формы и содержания; 3) саркастичный, *изобличительный характер* абсурдности жизненных ситуаций; 4) сквозной *амбивалентный характер* – переход из одной формы в другую: то мягкая ирония, тонкий намёк, переходящий в ярко выраженный сарказм, то печаль, многозначительное молчание, то резкий “поворот сюжета”.

Результатом дальнейшего развития классического англоязычного лимерика является видоизменённая неоклассическая форма (см. прим.1-3), в которой стандартная композиционная структура не является устойчивой,

обязательной. Современные неоклассические лимерики написаны анапестом и рифмуются по модели **AAAA** или **AABB**:

(1) *How Fermi could estimate things*!
Like the well-known Olympic ten rings,
And the one-hundred states,
And weeks with ten dates,
And birds that all fly with one... wings.

(2) *For things moving free or at rest*,
Observe what the first law does best.
It defines a key frame,
Inertial by name,
Where the second law then is expressed [8].

Композиционное построение неоклассического лимерика допускает более детальную информацию в первой строке (например, указание на профессию героя):

(3) *Joseph Smith was a sturdy longshoreman*
(And an eminent amateur whoreman).
Just to be sympathetic
He grew peripatetic,
'Till his picketing irked de Vaughan's doorman [14, p.65].

Нетрадиционные виды лимериков по физике, написанные Девидом Морином, профессором из Гарварда [12, p.2], отождествляются с классическими благодаря композиционному построению и глумливому, абсурдистскому содержанию:

(4) *How Fermi could estimate things*!
Like the well-known Olympic ten rings,
And the one-hundred states,
And weeks with ten dates,
And birds that all fly with one ... wings. (ibid.)

Нетрадиционный, неоклассический лимерик способствует пониманию физики с юмористической точки зрения, активируя студенческое восприятие и понимание материала путём его упрощения и подачи в смехотворной форме. При этом студенты задействуют синтетический тип мышления.

При обыгрывании значения слова меньше внимания уделяется смыслу, при этом нестандартное использование слова в силу варьирования формы и содержания впечатляет адресата своей парадоксальностью. Обусловленная эмоциональным интеллектом и пресуппозицией *лингвокреативная функция языка* связана с процессами вторичной номинации, функционированием вторичных образований. В англоязычных лимериках игровая функция реализуется на фонетическом (ассонанс), лексическом (омо-

нимия, парадоксы, апории и др.), синтаксическом (тема-рематическое членение предложения, элипсис) и текстовом (антитеза, анафора) уровнях.

Особого внимания заслуживают мысли о сопряжённости *комического*, *юмористического*, *ироничного* и *саркастического*. При сарказме одновременно актуализируются буквальное и непрямое значение (экспликатура и импликатура), т.е. ироничная двуплановость обязательна для саркастического высказывания. Так, в лимерике Эдварда Лира на передний план выступает *сарказм*:

(5) *There was an Old Man with a gong,*
Who bumped at it all day long;
But they called out, 'O law!
You're a horrid old bore!'
So they smashed that Old Man with a gong [16, p. 6]

Экспликатура "*You're a horrid old bore*" совпадает с импликатурой – "*You are a freaky old man*". Переход от мягкой иронии к ярко выраженному *сарказму* обусловлен намеренным игнорированием постулата Качества как субмаксимы принципа сотрудничества по Г.П.Грайсу. В англоязычных лимериках сарказм, главным образом, преобладает над иронией. Среди лингвокреативных средств формирования вторичных образований в лимериках следует выделить лексико-семантические (омонимия, парадоксы, апории) и стилистические (гипербола, литота, эпитет, персонификация, антитеза, анафора, эпифора).

В отличие от лексико-семантического поля ассоциативное − имеет характерный состав элементов языка и характер взаимосвязей между ними, что не может не оказывать влияние на построение ментального лексикона. Индивид владеет словами с уже закреплёнными значениями, во вторичной номинации появляются смысловые наслоения (коннотации), которые образуются вследствие ассоциативной деятельности сознания [3, с. 12]. Между тем, ассоциации могут не входить в лексическое значение каждого отдельного слова. Важную роль при формировании и функционировании коннотаций играют ассоциативные механизмы, в основе которых лежат устойчивые ассоциативные связи. Следовательно, коннотация не указывает на объективно существующий мир, а словно отсылает к ассоциациям, создавая «невидимый» мир, но сама при этом ассоциацией не является [2, с. 110].

Коннотат является наиболее гибким компонентом обозначаемого знака, который вмещает эмоционально-эстетические наслоения и ассоциации. Они отображают как субъективный, так и коллективный опыт отдельных членов социума. Коллективний коннотат знака '*absurd*'состоит из эмоционально-поэтических оценок и смысловых оттенков, которые становятся источником метафоризации и создания художественных образов. В частности, в лимерике Линды Марш [10] *absurd* (абсурд) становится

поэтичным образом для отображения нелепой, смехотворной ситуации, в которой отец назвал сыновей-близнецов одинаковыми именами:

(6) *When twins came, their father, Dan Dunn,*
Gave Edward as name to each son.
When folks cried, "Absurd!"
He replied, "Ain't you heard
"That two Eds are better than one?" [10].

При этом десигнат и коннотат словесных знаков, включая отображение сигнала (обозначающее), представляют собой совокупность единиц измерений, двух связей (словесных знаков с другими знаками системы языка – *Прим. О.Г.*) – *значимости* и *валентности* [3, с. 12], т.е. синтагматические ассоциации. Для лучшего представления семантического механизма формирования дефиниций у носителей языка мы сравнили значимости и валентности лексемы *absurd* (полученные путём *свободного ассоциативного эксперимента*, проведенного с 17 респондентами в возрасте от 21 до 34 лет с полным средним и высшим образованием) с определениями, приведёнными в ассоциативных словарях [см. 9; 11]. Основную функцию в определении ассоциативного потока выполняет лексема *absurd* (*completely stupid or unreasonable*).

Не смотря на то, что эффективность психолингвистического исследования обусловлена комплексом экспериментальных методик, *свободный ассоциативный эксперимент* известен как наиболее разработанный метод психолингвистического анализа семантики. Ассоциативная методика Кванта-Розанова раскрывает специфику индивидуального языкового сознания, не ограничивая респондентов в выборе вербальных реакций. *Свободный ассоциативный эксперимент* [7, p. 325] выстраивается таким образом, что экспериментатор предлагает респондентам слово-стимул, на который они отвечают первой пришедшей на ум вербальной реакцией. Именно феномен слов на "кончике языка", описанный Р.Брауном и Д.Макнейлом [op,cit., p. 325-326], помогает легко и непринуждённо устанавливать объективное наличие в яыковом знаке воспоминаний, смысловых, формальных и синтагматических ассоциаций (валентностей).

Ассоциативные связи между словами и группами слов выявляются в ходе ассоциативного эксперимента, результаты которого анализируются согласно двум критериям: 1) типу *речевой ассоциативной связи* между словом-стимулом и реакцией, 2) *логической ассоциативной связи.*

Р.Ромметвейт [4, с. 53-56] трактует вызванное стимулом ассоциативное состояние как потенциальные ассоциативные реакции. Их последовательности отображают обусловленный временным фактором индивидуальный выбор среди потенциальных ассоциаций. Проведение эксперимента (свободного и/или направленного) одинаково эффективно как при выделе-

нии сферы референции слова, его ассоциативной структуры, так и при выделении количества синтагматических ассоциаций.

В нашем исследовании речевая ассоциативная связь представлена её *синтагматической* и *парадигматической разновидностями*. Парадигматические (смысловые) ассоциации отображаются словами-реакциями того же грамматического класса, что и слова-стимулы (*limerick – poet, writer, creativity*; *absurd – crasy, silly, batty, nonsense, nutty* и т.п.). Синтагматическая ассоциативная связь существует при наличии синтагматических отношений между словом-стимулом и реакцией: (*absurd – tests, theatre, word* и т.п.).

Согласно результатам ассоциативного эксперимента ассоциативные потоки обозначаемого знака '*absurd*' мы свели в приведенную ниже схему (рис. 1). Ассоциативная методика Кванта-Розанова, использованная нами в ходе эксперимента с носителями английского языка, позволила раскрыть специфику индивидуального языкового сознания. Согласно результатам нашего эксперимента *ассоциативную сетку* словесного знака 'absurd' мы представили в виде ассоциативного поля испытуемых. Ассоциативное поле выстроено нами на *парадигматических* (смысловых), *синтагматических* и *формальных* ассоциативных связях (рис. 2) словесного знака 'absurd'. Обозначение ***парадигматических ассоциаций*** (значимостей): 1 – инвективные ассоциации; 2 – фатальные ассоциации; 3 – смысловое противопоставление; 4 – вульгаризмы, нарушающие принцип политкорректности, '*non-sexist' language*; 5 – негативные парадигматические ассоциации; 6 – формальные ассоциации (рифма). Обозначение ***синтагматических ассоциаций*** (валентностей): I – частотные ассоциативные связи. *Цифры* в скобках*: числитель* – количество носителей языка, актуализировавших слово-реакцию в ассоциативном процессе; *знаменатель* – суммарные данные ассоциативного словаря *Simon Holliday* и *Andy McKinna*.

Полученные в ходе эксперимента показатели позволяют определить степень эксцентричности, нетрадиционности мышления конкретных респондентов. На основе таких данных создаются и кодифицируются фундаментальные словари ассоциативных норм английского языка. Наиболее актуальными среди них являются: ежесекундно обновляемый словарь Саймона Холидея "Wordassosiation" [9] и словарь Энди МакКина "Edinburg Word Association Thesaurus" [11].

Ассоциативный словарь Саймона Холидея обновляется каждый день, каждую секунду. Живой и динамичный он вносит неоценимый вклад в развитие лингвистики. Это свидетельствует о том, что *Standard English* выдвигает на первый план сленг как набор особенных слов или значений уже существующих слов. Сленг мы трактуем как эволюцию языка в профессиональном аспекте.

Associated to ‘*absurd*’			**Associated from** ‘*absurd*’		
1.	ridiculous	medium	11.	ridiculous	medium
2.	theater	weak	22.	crazy	weak
3.	nonsense	weak	33.	silly	v. weak
4.	theatre	weak	44.	weird	v. weak
5.	word	v. weak	55.	stupid	v. weak

Рис. 1. **Ассоциативная сетка словесного знака ‘*absurd*’, согласно словарю Саймона Холидея**

Вслед за Энди МакКином [11] можно привести ассоциации к лексеме *absurd* (количество разных ответов – 12, общее количество ответов – 18):

- ridiculous (7) 0.39
- absurdity (1) 0.06
- facts (1) 0.06
- fantastic (1) 0.06
- idealism (1) 0.06
- lavish (1) 0.06
- professor (1) 0.06
- radical (1) 0.06
- realistic (1) 0.06
- stupid (1) 0.06
- suicide (1) 0.06
- tests (1) 0.06

где первая цифра после слова – количество респондентов, которые ассоциируют его (слово) со знаком *absurd*.; 0.39 = 7 : 18 с округлением до десятичных знаков; 0.39 × 100 − 39% составляет соответствующая ассоциация с лексемой *absurd.*

В нашем эксперименте все респонденты – мужчины с высшим образованием, в возрасте от 21 до 30 лет. Особенную благодарность хочу выразить респонденту из Великобритании Рахиму Манджи, программисту, за предоставление вариативных ассоциативных составляющих. Он единственный, кто посредством своей вербальной реакции угадал ключевое слово *absurd*.

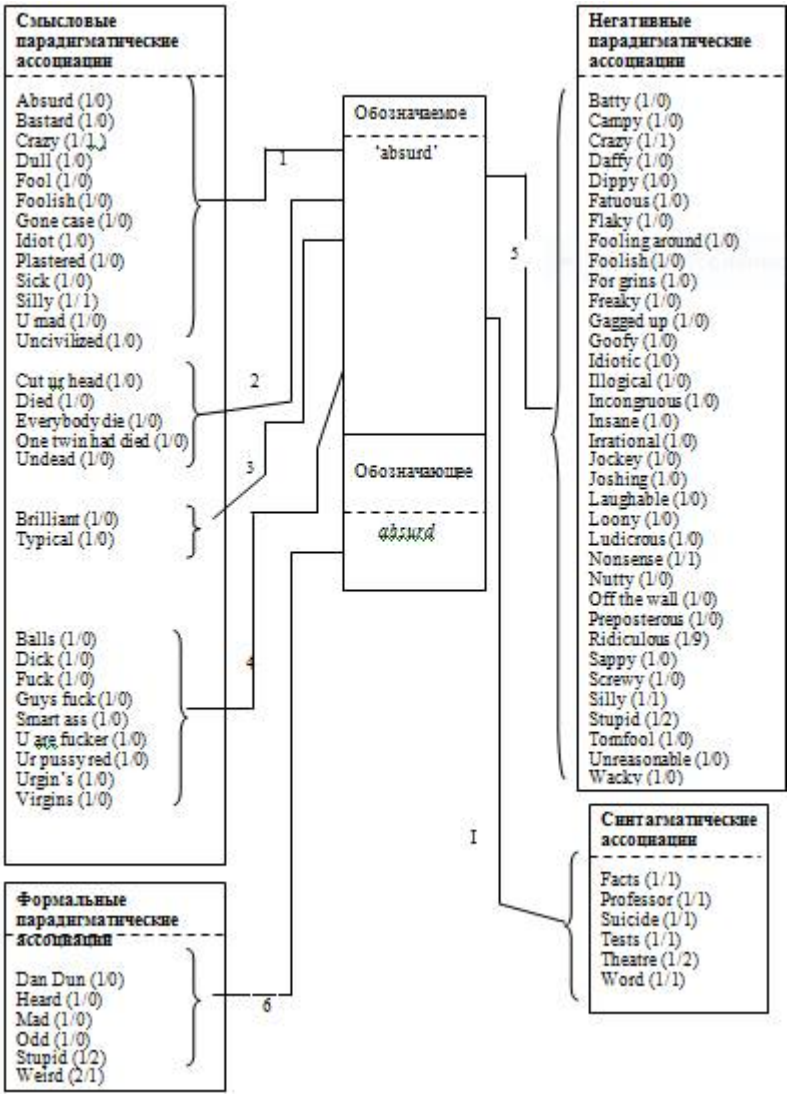

Рис. 2. ***Парадигматические и синтагматические ассоциативные связи***

Одним из самых простых и прямых методов вычисления силы ассоциативной связи между словами является ***индекс частоты ассоциативной связи.*** Для расчёта этого количественного показателя достаточно перечислить свободные ассоциативные реакции на каждое конкретное слово-стимул с показателем количества респондентов, которые ответили на стимул первуй пришедшей на ум вербальной реакцией. Именно соотношение между количеством респондентов, которые предоставили одинаковую вербальную реакцию, и общим количеством участников эксперимента позволяет вычислить *индекс частоты ассоциативной связи*.

Литература

1. Кобякова, І.К. Креативне конструювання вторинних утворень в англомовному художньому дискурсі: Монографія. – Вінниця: Нова Книга, 2007. – 128 с.
2. Маслова, В.А. К построению психолингвистической модели коннотации / В.А. Маслова // Вопросы языкознания. – 1989. – №1. – С. 108-120.
3. Пашковский, В.Э., Пиотровская, В.Р., Пиотровский, Р.Г. Психиатрическая лингвистика. – М.: Книжный дом “Либроком”, 2009. – 168 с.

4. Роммейтвейт, Р. Слова значения и сообщения // Психолингвистика за рубежом: СБ. / [Отв. ред. А.А.Леонтьев и Л.В.Сахарный]. – М.: Наука, 1972. – 184 с.
5. Седов, К.Ф. Антология речевых жанров: Монография. – М.: Лабиринт, 2007. – 320 с.
6. Шаховский, В.И. Эмоциональные культурные концепты: Параллели и контрасты. – Волгоград: Волгоградск. гос. пед. ун-т, 1996. – 18 с.
7. Brown, R. & McNeill, D. "Tip of the Tongue" phenomena // J.Verb. Learn. Verb.Behav. Harvard University, Cambridge, 1966. – Vol. 5. – P. 325-327.
8. Graziosi, Marko. The Limerick: Form and Prehistory. – Mode of Access: http://www.nonsenselit.org/Lear/limerick/limerick.html
9. Holliday, S. Assosiative Dictionary. – Mode of Access: http://www. wordassociation.org/
10. Marsh, Linda. Book of Limericks. – Mode of Access: hardsoft.us/LIM/ sjm.html
11. McKinna, Andy "Edinburgh Word Association Thesaurus". – Mode of Access: http://www.eat.rl.ac.uk/
12. Morin, David. – Physics Limericks. – Cambridge: Harvard University, 1996. – 20 p.
13. Morin, David. Introduction to Classical Mechanics. – Cambridge: Cambridge University Press, 2009. – 350 p.
14. Noakes, Vivien. Selected Letters. – Oxford: Oxford University Press, 2000. – 234 p.
15. Rishel, Mary Ann. Writing Humor: Creativity and the Comic Mind. – Detroit, Michigan: Wayne State University Press, 2002. – 329 p.
16. Vernon Lord, John. The Nonsense Verse of Edvard Lear. – N-York: Harmony books, 1999. – 80 p.

References

1. Kobiakova, I.K. Kreativne konstrujuvannya vtorynnykh utvoren' v anglomovnomu khudozhniomu dyskursi: Monographija. – Vinnytsia: Nova Knyha, 2007. – 128 s.
2. Maslova, V.A. K postrjeniju psikholingvisticheskoj modeli konnotatsiji / V.A. Maslova // Voprosy jazykoznanija. – 1989. – №1. – S.108-120.
3. Pashkovskij, V.E., Piotrovskaja, V.P., Piotrovskij, R.G. Psikhiatricheskaja lingvistika. – M.: Knizhnyi dom "Librokom", 2009. – 168 s.
4. Rommetweit, R. Slova znachenija i soobshchenija // Psikholingvistika za rubezhom: SB. / [Otv. red. A.A.Leontjev i L.V.Sakharnyi]. – M.: Nauka, 1972. – 184 s.
5. Sedov, K.F. Antologija rechevykh zhanrov: Monographija. – M.: Labirint, 2007. – 320 s.
6. Shakhovskij, V.I. Emotsionalnyje kul'turnyje kontsepty: Paralleli i kontrasty. – Volgograd: Volgogradsk. gos. ped. un-t, 1996. – 18 s.
7. Brown, R. & McNeill, D. "Tip of the Tongue" phenomena // J.Verb. Learn. Verb.Behav. Harvard University, Cambridge, 1966. – Vol. 5. – P. 325-327.
8. Graziosi, Marko. The Limerick: Form and Prehistory. – Mode of access: http://www.nonsenselit.org/Lear/limerick/limerick.html
9. Holliday, S. Associative Dictionary. – Mode of Access: http://www. wordassociation.org/
10. Marsh, Linda. Book of Limericks. – Mode of Access: hardsoft.us/LIM/ sjm.html
11. McKinna, Andy "Edinburgh Word Association Thesaurus". – Mode of Access: http://www.eat.rl.ac.uk/
12. Morin, David. – Physics Limericks. – Cambridge: Harvard University, 1996. – 20 p.
13. Morin, David. Introduction to Classical Mechanics. – Cambridge: Cambridge University Press, 2009. – 350 p.
14. Noakes, Vivien. Selected Letters. – Oxford: Oxford University Press, 2000. – 234 p.
15. Rishel, Mary Ann. Writing Humor: Creativity and the Comic Mind. – Detroit, Michigan: Wayne State University Press, 2002. – 329 p.
16. Vernon Lord, John. The Nonsense Verse of Edvard Lear. – New York: Harmony books, 1999. – 80 p.

УДК 81

Р.Ш. Мусабаева
Бишкек, Кыргызстан

К ИСТОРИИ НЕМЦЕВ КЫРГЫЗСТАНА

Аннотация. *В статье рассматривается история немцев, переселившихся из России в Кыргызстан еще в конце XIX века. Описывается причина миграции немцев из России в Кыргызстан. Говорится о первых немцах, которые прибыли на землю кыргызов и их функции; особенности немцев-меннонитов и цели их приезда в Туркестан, в том числе и в Кыргызстан; их старании сохранить самобытность своего этноса, язык и культуру; отказ им остаться в Бухаре; освоение ими земель в Таласской долине.*

Ключевые слова: *Немецкие переселенцы, миграции немцев, Россия, Кыргызстан, реформа российских властей, ограничение свободы немцев-колонистов, императрица Екатерина II, религиозные разногласия в немецких обществах, протестантская секта «меннонитов», трение, политика переселения, воинская повинность, льготы, освобождались от строевой службы и ношения оружия, русификация, опасения потерять себя как этнос, народность, сохранить самобытность своего этноса, Туркестан, Ташкент, Талас, религия, Кеппенталь, Николайполь, Гнаденталь, Чуйская долина, Бергталь (впоследствии Рот-Фронт) и Гринфельд (затем им. Тельмана), посольство Германии, независимость.*

R.Sh. Musabaeva
Bishkek, Kyrgyzstan

ON THE HISTORY OF GERMANS IN KYRGYZSTAN

Abstract. *The article discusses the history of Germans migrated from Russia to Kyrgyzstan in the late XIX century. The reason for the migration of Germans from Russia to Kyrgyzstan. It is a question of the first Germans, who came to the land of the Kyrgyz people and their functions; especially the Germans-Mennonites, and the purpose of their arrival in Turkestan, including in Kyrgyzstan; their efforts to preserve their ethnic identity, language and culture, to deny them to stay in Bukhara; the development of land in the Talas valley.*

Key words: *German immigrants, migration of Germans from Russia, Kyrgyzstan, the reform of the Russian authorities, restrictions on freedom of German colonists, the Empress Catherine II, religious divisions in German society, the Protestant sect "Mennonite" friction, migration policy, military service, benefits, exempted from military service and to bear arms, Rusification, fear of losing themselves as an ethnic group, nation, preserve the identity of their ethnic group, Turkestan, Tashkent, Talas, religion, Keppental, Nikolaypol, Gnadental, Chui valley Bergtal (later Rot Front) and Greenfield (then them. Telman), German embassy, independence.*

Сведения об авторе: *Мусабаева Разия Шаршеновна, доцент кафедры немецкого языка.*

Место работы: Кыргызский государственный университет им.И.Арабаева.

About the author: *Musabaeva Razia Sharshenovna, assistant professor of German language department.*

Place of employment: Place of work: I.Arabaev, Kyrgyz State University.

Контактная информация: 720026*, Бишкек, ул. Раззакова, 51, корпус1,каб.214*
e-mail: razia_60@mail.ru.

Исследования языка и культуры немецких колонистов не могли бы вестись без изучения и исследования его разносторонне и в разных направлениях. Лингвистов интересует диалекты, на которых говорили раньше и говорят сейчас немецкие переселенцы и их потомки, и произошедшие с ними изменения. Литературоведы изучают те литературные произведения, ко-

торые были созданы немцами на новой родине. Фольклористы интересуются наследием, привезенным колонистами из мест их изначального проживания, которое подверглось существенным изменениям в России. Социологи изучают проблемы культурной и социальной адаптации немецких колонистов, историки изучают историческую сторону развития жизни немецких колонистов.

Причиной миграции немцев из России в Кыргызстан были реформы Царской России. К числу первых немцев, приехавших в территорию Кыргызстана принадлежит полковник (затем генерал-майор) И.Э. Циммерман, командующий отделом российских войск в августе 1860 года при взятии Кокандских крепостей Пишпек, Токмак.

Немцем по происхождению был и первый Туркестанский генерал губернатор (1867-1881гг.) Константин Петрович фон Кауфман. Как последний поданный российского трона, он проводил активно колониальную политику в Центральной Азии. К числу первых немцев, наступивших на кыргызскую землю, относится Витгенштейн, командир одного из военных отрядов Царской Армии, участвовавший в Алайском походе. Кроме них в составе Российской Армии были и не менее известные немцы.

Но все это частные случаи, которые порождают вопрос: «Когда же и по какой причине произошла массовая миграция немцев из России в Кыргызстан?»

Естественно, первым ответом будет то, что она была вызвана общими тенденциями социально-экономического и внутриполитического развития страны в 60-х годах XIX века и связанными с ними реформами, проводившимися российскими властями. Это общий и традиционный ответ.

Если конкретизировать эту проблему, то возникают несколько теорий, которые стали предметом споров историков-немцев:

-некоторые историки видят причину миграции в реформе российских властей, направленной ограничению свободы немцев-колонистов, которые были со времен императрицы Екатерины II, например, все немецкие общества должны были подчиниться к земствам;

-некоторые видят в религиозном разногласии в немецких обществах. Особенно, в протестантской секте «меннонитов», в сущности, это было «трение» между бедными и богатыми членами секты. И это трение беспокоило Российскую власть, поэтому она проводит политику переселения немцев, тем более, бедные меннониты были в миграционном настроении;

-третья теория выдвигает причиной переселения немцев в Центральную Азию введения всеобщей воинской повинности 1874 году со стороны Российской империи. До этого немецкие колонисты по религиозным и этническим причинам пользовались льготами, т.е. освобождались от строевой службы и ношения оружия. Поэтому они тяжело воспринимали утрату «льготы», часть меннонитов переселились в Америку (а через год они вернулись, так как невозможно было там жить без оружия), т.е. должны были

мигрировать. Чтобы остановить эмиграцию немцев, в места их проживания в России 1874 году по распоряжению императора был командирован генерал-адъюдант граф Э.К.Тотлебен. 30 апреля 1874 года он пишет министру внутренних дел о подлинной причине выезда части колонистов из России: 1. Распространение слухов о предстоящей русификации колоний, 2. Опасение введения в школах обязательного преподавания всех предметов на русском языке, 3. Соединение русских и немецких селений в одну волость.

Как видим, немцы стали покидать Россию из-за предстоящей русификации, опасения потерять себя как этнос. Причиной эмиграции немцев из России было еще и нежелание выполнять воинскую повинность.

Заинтересованное в быстром заселении новых «обладающих» территорий Российское правительство ввело новые «льготы» переселенцам в Туркестан. (Крестьяне немцы самовольно или с разрешения власти переезжали в Среднюю Азию с 1979-1880гг.). В частности переселенцы были освобождены от уплаты налогов, от воинской повинности и пользовались определенными льготами в получении кредитов. Поэтому Туркестан был открытым для тех, кто хотел как-то улучшить свое положение.

Естественно, народности, которые хотели сохранить самобытность своего этноса сопротивлялись этой политике и одной из форм сопротивления была миграция. Немцы, как и другие народности, которые боялись или опасались потерять себя как этнос, начали мигрировать в Туркестан. 29 сентября 1879 года депутация немцев-меннонитов подала прошение генерал-губернатору Туркестана фон Кауфману. В нем говорилось: 1. О полном освобождении от личной воинской повинности, от всякого участия в отбывании других государственных повинностей, так как они по Закону Божию не имеют права не только нести воинскую службу, но и не должны принимать на себя никаких правительственных должностей, а должны жить в стране только как мирные и терпимые граждане. При этом они готовы платить подати и пошлины, а также исполнять все справедливые требования правительства, 2. О дозволении соразмерной отсрочки, чтобы привести в должный порядок некоторый дела по случаю переселения и освободить на это время юношей от воинской повинности, 3. Об освобождении на известное число лет от всяких податей, ибо переселение в незнакомую область сопряжено со всякого рода расходами и трудностями. Генерал-губернатор К.П. фон Кауфман надеялся, что немецкие переселенцы создадут хозяйство, которые станут примером для остального населения края и дал согласие на их переселение в Туркестан с обещанием, что они там «будут свободны».

До выезда в Среднюю Азию переселенцы направили в Ташкент уполномоченных, после того как уполномоченные сообщили, что вопрос о поселении немцев в Средней Азии с властями Туркестана разрешен, переселенцы стали готовиться к переселению.

В начале 80х годов около 500 меннонитов направляется в Туркестан. Одну из трех групп переселенцев возглавлял руководитель меннонитской

общины (проповедник) священник Клаас Эпп и достигли пределы Ташкента. 1880-1881 годах зиму они зимовали (первая и вторая группы) в Капланбеке и Ташкенте (третья группа). В Ташкенте прожили два года, часть выехала в Америку, остальные попробовали устроиться в Бухарских владениях, но Бухара их не приняла (узбеки сами нуждаются в земле, воде, немцы не знают местного языка, обычаев, не имеют обрабатывать землю).

Часть немцев-меннонитов поселилась в 1882 году близ города Хивы, по каналу Лаудан, и у города Ходжейли.

Другая часть осталась в Сыр-Дарьинской области, позже переехали к подножью Таласского Ала-Тоо. Еще одна причина переселения немцев – меннонитов в Кыргызстан как указывает переселенческий чиновник А.А.Половцев это то, что они искали (с их слов) «более глухого угла», где бы им можно было жить по своим обычаям, в соответствии с нормами своей религии, вдали от «мирских сует». Таким «глухим углом» и была в то время территория Кыргызстана.

Если бы спросить старика-меннонита: почему твои предки из Германии переехали в Россию, а потом и в Кыргызстан, то он, несомненно, ответил бы: «Из-за религии, из-за принципа беззащитности других притеснений на религиозной почве».

В конце апреля 1882 года в долине Талас немцами-меннонитами были основаны три поселка, отстоящие друг от друга на расстоянии до километра: Кеппенталь, Николайполь и Гнаденталь. Старостой всех трех селений был избран старший проповедник Яков *Францевич* Янцен, помощниками его были в верхнем селении-Герман Корнелиусович Эпп, в среднем – Генрих Францевич Янцен, в нижнем – Исаак Исаакович Пеннер. Несколько позднее в 1890 г. жителями четырех немецких селений (вблизи уже созданных) было образовано селение Орлово (Орловка). В 1913 г. в километре к югу от поселка Дмитровский (ныне город Талас) – создано селение Ивановское (Йоханесдорф). В пяти километрах к югу от Иоганесдорфа возникло еще одно селение – Хивинское (Гогендорф).

В 1925 году произошло переселение немцев-меннонитов из Таласской долины в Чуйскую, где они начали обживаться. Их привлекли необыкновенно красивая природа, добрый, приветливый народ, где свободно можно было общаться с многонациональными местными жителями. Так, в 65 километрах к востоку от города Пишпек образовались два немецких поселка – Бергталь (впоследствии Рот-Фронт) и Гринфельд (затем им. Тельмана). В 1928 году в Чуйской долине, у реки Красная, немецкими переселенцами из Кустанайской области было основано село Люксембург, и в тот же период близ него – село Фриденфельд (впоследствии Первое Мая).

Немцы-кыргызстанцы (наряду с российскими немцами) сыграли свою позитивную роль в истории Кыргызстана, в становлении хозяйственной деятельности его населения и общем культурном развитии. Их именами отмечены замечательные достижения в различных областях науки.

По оценкам посольства Германии в Бишкеке всего 20 лет назад на территории Кыргызстана проживало до 120 тыс. этнических немцев.

Когда в конце 1980-х годов Советский Союз начал постепенно открывать свои границы, всем немцам, которые могли подтвердить свое немецкое происхождение, было предложено получить гражданство Германии. Многие ухватились за предложенную возможность. После обретения Кыргызстаном независимости в 1991 году процесс активизировался еще больше.

Литература

1. Крестьянинов, В.Ф. Меннониты. – М., 1967.
2. Кронград, Г. История немцев Кыргызстана в дореволюционный период с 1882 по 1917гг. – Бишкек, 1994.
3. Сулейменов, О. Аз и Я. Эссе, публицистика. Стихи, поэмы. – Алма-Ата: Жалын, 1990.
4. Zeitschrift Globus. VDA. 23Jg. Heft SU, Aug/Sept.,1991.

References

1. Krestyaninov, V.F. Mennonites. – Moscow, 1967.
2. Krongrad, G. The History of Germans in Kyrgyzstan in the pre-revolutionary period from 1882 to 1917gg. – Bishkek, 1994.
3. Suleimenov, O. Az and Ya essay, journalism. Ctihi, poems. – Alma-Ata: Zhalyn, 1990.
4. Zeitschrift Globus. VDA. 23Jg. Heft SU, Aug / Sept., 1991.

УДК 81.1: 39

Г.Ш. Оразгалиева
Караганда, Казахстан

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА НЕКОТОРЫХ КАЗАХСКИХ И РУССКИХ ЗООНИМОВ

Аннотация. *Языковая картина мира не стоит в одном ряду со специальной: химической, лингвистической и т.д., она им предшествует и формирует их, потому что человек способен понимать окружающий мир и самого себя благодаря языку, в котором закрепляется общественно-исторический опыт, общечеловеческий и национальный.*

Национальный опыт задаёт все специфические особенности языка на всех его уровнях. Рассмотренные производные казахские слова чаще имеют объективную мотивацию. Не у всех русских сооотвествий отмечается прозрачная этимология, некоторые из них заимствованы из других языков.

Ключевые слова: *внутренняя форма слов, мотивация, объективный признак, языковая картина мира картина мира, производное слово, сложное слово.*

G.Sh. Orazgaliyeva
Karagandy, Kazakhstan

THE LANGUAGE WORLD IMAGE OF ANYTHING KAZAKH AND RUSSIAN ZOONYMS

Abstract. *The language world image moves at a faster pace than any other human sphere or field. In fact, the former always precedes the latter and even reshapes all human spheres. This occurs due to the fact that a human being can understand both his or her inner and outer world through the language. The language embraces all human spheres as well as it reflects the experience on a community, historic, national and even world scale.*

All specific features of the language are accounted for by the life experience of a certain nation. Examined Kazakh derivative words often have an objective motivation. Not all Russian equivalents have clear etymology; some of them are borrowed from other languages.

Key words: *the internal form of words, motivation, the objective sing, the language's picture of world, the picture of world, the derivative word, the compound word.*

Сведения об авторе: *Оразгалиева*

About the author: *Orazgaliyeva Gulfarida*

Гульфарида Шамсуловна, кандидат филологических наук, профессор кафедры иностранных языков и межкультурной коммуникации.

Место работы: Карагандинская академия «Болашак».

Shamsulovna, candidate of Philology, professor of foreign languages and intercultural communication.

Place of employment: Place of employment: Karaganda "Bolashak" academy.

***Контактная информация:** 100000 г. Караганды, пр. Ленина, 17, каб. 203. e-mail: orazgaliyeva_gulfarida@mail.ru.*

Язык является важнейшим способом формирования и существования знаний человека о мире. Человек фиксирует в слове результаты познания окружающей среды. Ход мыслей человека, объективно отражающих внешний мир, един для всех людей, говорящих на разных языках. Внешние условия жизни, климат, материальная действительность определяют человеческое сознание, поведение людей, формируют картину мира, отображенную в сознании человека. Картина мира представляет собой вторичное существование объективного мира, закрепленное в своеобразной материальной форме. Язык выступает формой овладения единым, объективным миром, формой выражения понятийного (мыслительно-абстрактного) содержания, добытого человеком в процессе деятельности. Каждый язык создает своеобразную картину мира.

Сегодня никто не сомневается в том, что языки отражают действительность по-разному, асимметрично. Языки по-разному членят окружающий мир, различно описывают одни и те же явления и предметы, обращая внимание на разные их признаки. В семантике слов отражено видение мира носителя конкретного языка. Языковая картина мира (ЯКМ) и картина мира (КМ) не могут быть приравнены друг к другу, как не может быть приравнен сам язык мышлению.

Конкретные внешние условия существования отдельного этноса (географические, физико-антропологические особенности, культурно-бытовые традиции и др.) формируют специфические качества и совокупности представлений, определяющие основу национальной концептуальной картины мира и национальной языковой картины мира. Национальный опыт задаёт все специфические особенности языка на всех его уровнях.

Любое явление, любой предмет характеризуется многими объективными признаками.

Рассмотрим некоторые зоонимы русского и казахского языков.

Казахскому слову **инелік** I – «қанаттарында торланған сызықтары бар, өте жіңішке, бунақ денелі жәндік» [1,б.356] соответсвует русское **стрекоза** – «1. Перепончатокрылое насекомое с длинным тонким телом; 2. *разг.* о живом подвижном ребенке, непоседе (обычно о девочке); 3. *прост., шутл.* о вертолёте» [3,с.762]. Это собственно–русское слово «образовано с помощью суф. *–оза* от **стрек**, еще встречающееся в диалектах со значением

«овод, слепень, вообще насекомое». Ср. **Стрекать** – «жалить, колоть, прыгать, скакать» (откуда **дать стрекача** – «убежать» [5,с.428]

Инеліктей -1. Жіп–жіңішке, кішкентай. 2. *ауысп*. Етінен арылған арық; жүдеу ♦ **Инеліктей бұралған [ілмиген, қатқан]** – әбден қатып семген, жүдеген, арыған [1,б.356]

У казахского производного слова **инелік** I (букв. **ине** «иголка» + суф. **лік** «свойственный, присущий») прозрачная этимология, т.е. насекомое напоминает по форме иглу, в русском литературном языке мотивация слова **стрекоза** стёрта. Если в русском языке переносное значение связано с подвижной, живой девочкой, подростком с имплицитными семами «худой», «тонкий», то переносное значение в казахском слове **инеліктей** указывает на худого, истощенного человека без указания на возраст и пол.

Пресмыкающиеся

Возьмём лексемы **кесіртке** и **ящерица. Кесіртке** – терісі ұсақ қабыршақты, құйрығы ұзынша, бауырымен жорғалайтын жәндік [1,б.392] – **ящерица** – небольшое пресмыкающееся с удлиненным телом и длинным хвостом, покрытое мелкой роговой чешуей // уменьш. **ящерка** // прил. *ящеричный* [3, с. 907]. В кратком этимологическом словаре отмечается: «Общепринятой этимологии не имеет. Может быть, образовано как деминутив с суф. *–ица* от **ящеръ** –«ящерица», засвидетельствованного в памятниках XIV в. и, возможно, являющегося производным с первоначально деминутивной приставкой я- (ср. болг. **ядовица** «вдова») от той же основы, но с перегласовкой ole, что и *скора* «шкура» (см. *скорняк)*. В таком случае первоначальное значение – «животное, меняющее кожу, шкуру». Возможно, однако, что сущ. **ящеръ** образовано с помощью приставки *я-* от той же основы, но с перегласовкой (*sker > *щер-*) что и **скорый** (см.). Если это так, то животное получило наименование по свойственной ему быстроте передвижения» [5,с.527]. Мотивацией казахского названия пресмыкающегося выступает свойство быстро отделять хвост от тела (**кес** «отрезать»), ведь когда наступают на хвост ящерицы, то он отделяется, затем снова вырастает.

Мотивацией казахского названия **тасбақа (тас** «камень» + **бақа** «лягушка») является то, что панцирь её очень твердый, как камень, водные черепахи хорошо плавают, у них на лапах имеются кожистые перепонки [5]. **Тасбақа** – *зоол*. Сүйек қабығы бар, қысқа аяқтармен баяу жылжып қозғалатын жәндік. **♦Тасбақа аяң [жүріс]** – шабан қимыл, баяу жүріс. **Тасбақаша**– тасбақаға ұқсап [1,б.786]. В русском языке ему соответствует слово **черепаха** – «медленно двигающееся на коротких конечностях пресмыкающееся (исключая кожистую черепаху) с костным панцирем. **Тащиться (ползти) как черепаха** – *разг., неодобр*. очень медленно // *уменьш*. **черепашка** // прил. *черепаховый суп, черепашьи яйца»* [3,с.868]. Это собственно русское образование «с помощью суф. *–аха* (ср. *рубаха*) от

череп. Название дано по признаку наличия у животного костяного панциря» [5,с.491]

Череп – «у позвоночных животных и человека: кости, образующие твердую основу головы. *Мозговой ч*. (спец.), *Лицевой ч.* (спец.), *Лысый, голый ч.* (о лысой голове) // прил. *черепной*. *Ч. свод* (спец.). *Черепная коробка* [3,с.868]. Общеслав. восходит к *kerp, имеющему индоевр. характер (ср. др.-инд. karpara «череп», скорлупа», др.-прус. kerpetis –тж., др.-в.-нем. Scirbi –«скорлупа» и т.д.); ***к*** перед ***е*** изменилось в **ч**, а сочетание *er* на др.-рус. почве – в *ере*. Первоначальное – «скорлупа» [5,с.491].

Грызуны

Представляет интерес мотивация казахского слова **егеуқұйрық** – *зоол*. Ауылшаруашылығына зиянды, тұмсығы сүйір, құйрығы ұзын сұр тышқан [1,б.216]. Ему соответствует русское слово **крыса** – «вредный грызун сем. мышей. ♦ **Крысы бегут с тонущего корабля** – *перен*., *неодобр*. – о тех, кто бросает общее дело в трудный, опасный момент. ♦ **Канцелярская крыса** – *устар, пренебр*. – мелкий служащий, чиновник // прил. *крысиный»* [3,с.305]. Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. предполагают, что вост.-слав. слово, возможно, «является преобразованием *грыза* – производного от **грызть**. Менее вероятна связь с *крот»* [5,с.223]. Эти опасные вредители с острыми зубами и длинным хвостом всеядны и обжорливы, постоянно едят, портят не только злаки и продукты, они могут есть траву, грызть доски, прогрызать металл, съедают электроизоляцию, разносят инфекцию [6]. В казахском языке **егеуқұйрық** – это сложное слово (**егеу** «пила, напильник» + **құйрық** «хвост»); только она не хвостом перепиливает металл, доски, а острыми, постоянно растущими зубами.

Слово в казахском языке **саршұнақ** образовано сложением основ (**сары** «желтый» + **шұнақ** «маленький, куцый»). Грызун имеет желтый, светло-коричневый окрас, маленькие уши, выбирась из норы, он осматривается, становится на задние лапки (столбиком). **Саршұнақ** – «ашық далалы, шөлейтті жерледе мекендейтін, құлақ қалқаны кішірек, түсі қоныр сары тышқан ♦ **Саршұнақ аяз** – сақылдаған сары аяз, қатты суық» [1,б.712]. В русском языке **суслик** – «небольшое животное сем. беличьих, вредитель посевов, а также мех его // прил. *сусликовые шкурки, сусличья нора»* [3,с.769] – это производное слово образовано «посредством суф. *–икъ* от общеслав. **сусьлъ** – тж., образованного с пом. суф. *–ьлъ* от той же основы звукоподражательного характера, что и ст.-сл. **сусати** – «шипеть» [5,с.433]. При небольшой тени опасности суслики с громким свистом (шипением) прячутся в свои норы, в основу мотивации положено звукоподражание.

Прозрачна этимология слова **көртышқан – «***зоол*. Жер астын мекемендейтін кеміреушілер тобына жататын ұсақ сүтқоректі жыртқыш жәндік» [1,б. 418]. **Көртышқан** в казахском языке состоит из двух корней: **көр** «могила» и **тышқан** «мышь», т.е. «подземная мышь»

Көр I – қайтыс болған адамды жерлеу үшін өазылған жер, қабір ♦ **Көр -аузында**- хал үстінде, өлім халінде. **Көрге тықты** – құртты, жойды. **Көрден шыққандай [тұрғандай]** – түрі адам шршырлық [1,б.416].

Русское его соответствие **крот** – «млекопитающее отряда насекомоядных, живущее в норах под землей, а также мех его. // прил. *кротовый* [3,с.302]. Слово общеславянского происхождения имеет «соответствия только в балт. яз (ср. лит. krutus «подвижный»)» [5,с.221]. Кроты хорошо приспособлены к подземному образу жизни, отлично роют землю, у них плохое зрение, но зато очень развиты обоняние и осязание, питаются червями и другими подземными беспозвоночными, иногда растениями, легко двигаются под землей в любом направлении [6]. Значит, мотивирующим признаком в русском слове послужило подвижность грызуна.

Птицы

Рассмотрим **коршун – қарақұс. Черный коршун –** одна из гнездящихся перелётных хищных птиц в пойменных тугаях р. Или на юго-востоке Казахстана. Пернатые хищники питаются не только падалью, но и отлавливают голубей, ворон, сорок, дроздов, поганок, различных мелких грызунов [7]. В казахском названии птицы есть указание на цвет оперения (**Қара** «чёрный» + **құс** «птица»)

Қарақұс – *зоол*. Жемтікке үйір, ірі келген жыртқыш құс. **Қарақұсша** – қарақұс тәрізденіп, қарақұсқа ұқсап [1,б. 481]. **Коршун** – крупная хищная птица сем ястребиных. ♦ **Коршуном налетать на кого-н. –** Стремительно и злобно // прил. *коршуний* [3,с.293]. «Вост.-слав. Слово образовано с помощью суф. *–ун* (ср. диал. **коршак** того же значения) от основы *кориш-*, родственной авест. karš – «тащить». Буквальное значение – «таскающий, вор» [5], т.е. в основе русской номинации лежит свойство птицы всё таскать.

Очень прозрачная этимология отмечается в казахском названии **қараторғай –** «көктемде жыл сайын ұшып келетін, кішірек келген, қара түсті құсы» [1,б. 483] (**қара** «чёрный» +**торғай** «воробей»), потому что эта небольшая птица имеет блестящее чёрное оперение с прозеленью, с мелкими светлыми вкраплениями, есть указание на отряд воробьиных. **Скворец** – «небольшая перелётная певчая птица отряда воробьиных с тёмным оперением //ласк. *Скворушка*// прил. *Скворцовый, скворечий, скворичный* [3,с.711]. Производные слова **скворечник, скворечня, скворечница** – маленькая деревянная будочка для скворечьего гнезда, укрепляемая на шесте или на дереве недалеко от дома» [3,с.711]. В английском названии **Starling** [2,с.465] имеется указание на вкрапления, которые напоминают звёздочки. Н.М. Шанский отмечает, что слово **скворец** «Общеслав. Образовано с помощью суф. *–ьць* от звукоподражательного слова *сквор* (см. *шкварки*)» [5,с.411] **Шкварки.** «Собств.-русск. Мн. ч. от **шкварка**, производного посредством суф. _*-к-* от *шквара* «вытопка». Последнее возникло в начале как *сквор* в *скворец* (см.). *Шкварить, скварить* – первоначально «трещать, ши-

петь» (при горении), потом – «жарить» (ср. др.-русск. и ст.сл. *скваръ, сквара* – смрад, жар, огонь»)» [5,с.508]. Во всех славянских языках отмечается указание на звук, издаваемый птицей: «укр. *скворець*, болг. *скворец, скорец, шкорец*, сербохорв. *скворац, чворак, шкворак*, словен. *skorəc, škorəs*, словац. *škorec*, *skorzek*, *skorzen*, в-луж., н-луж. *škorc*, *skŭråc* || Праслав. **skvorьcь*, связано чередованием гласных со *skvъr- в блр. *скверцiся, скверуся* «пронзительно кричать», *скверет* «крик», укр. *скверещати* «пронзительно кричать», *сквересть* «птичий крик», сербохорв. *цврκнути*, *цврκнêм* «шипеть, щебетать». По-видимому, звукоподражательное слово, поскольку крик скворца передаётся как *skvär»* [4, Т.3,с.637].

В казахской языковой картине названия **бозторғай** (букв. **боз** ”сизый“+ **торғай** “воробей”) – **жаворонок** отражается классификация птицы, а также есть указание на цвет, т.е. “певчая птичка отряда воробьиных“ [3,с.184]. В английском языке пташка обозначена **skylark** или просто **lark** (букв. **Sky** “небо, небесный”, **lark** “жаворонок”), другим значением слова **lark** выступает “проказничать, забавляться“ [2,с.483]. Ведь эти пернатые целый день могут звонко петь, находясь высоко в небе над полем. В русском языке пташка получила своё название по издаваемому крику «жа< га» [5].

Бозторғай – **жаворонок**. 1. Певчая птица отряда воробьиных; 2. *перен*. Человек, чувствующий себя утром, в первую половину дня бодрее, чем вечером; 3 Сдобная булочка в виде птички (*устар*.) // прил. *жаворонковый* [3,с.184].

В казахском названии самой большой бегающей птицы **түйеқұс** [1, б. 830] – «Ұша алмайтын, бірақ өте жақсы жүгіретін, Африка жерін мекендейтін ең үлкен құс» есть указание на размер птицы (**түйе** «верблюд» + **құс** «птица»). Ведь верблюд – самое крупное животное пустыни, страус также обитает в пустыне, самая крупная птица. Это метафора. В русском и английском соответствии нет указания на мотив. **Страус** – «самая крупная бегающая (не летающая) птица жарких стран с красивым оперением. С. прячет голову под крыло, или в песок // прил. **Страусовый.** *Страусовое перо. Страусовая политика* (*перен*.: трусливое стремление уйти от решений)» [3,с.761] *Страусиная ферма.* «**Страус** заимств. из нем. яз., в котором **Strauss** восходит через посредство лат. яз. к греч. *Srouthos*– «воробей» [5,с.428]. Английское его соответствие **ostrich** [2,с.399].

Дикие животные

Туранские тигры в Казахстане обитали в тростниках Аральского моря, озера Балхаш, р. Чу, в низовьях р. Или (последние следы обнаружены в 1948 г.) и ряде мест Алматинской, Кзыл-ординской областях. Сейчас они уже истреблены (в 1937 г.). Следы тигра видели на левом берегу Сыр-дарьи в районе ст. Соло-Тюбе). Еще сто лет назад в тугайных лесах Центральной Азии можно было слышать тигровый рык. Хищник, обитавший на территории нынешнего Казахстана с доледниковых времен, в этих местах

был обычным объектом и субъектом охоты, потому что охотились на него, охотился и он [8].

Казахское слово **жолбарыс** имеет прозрачную этимологию: **жол** «полосатый», **барыс** «барс», т.е. полосатый барс, указывается, что животное принадлежит семейству крупных кошачьих. **Жолбарыс** – «1. Мысық тұқымдасына жататын, жолақ терілі ірі жыртқыш аң; 2. *ауысп*, ержүрек, батыл, мықты. **Жолбарыстай** – жолбарыс тәрізді батыл, мықты, күшті» [1, б.306]. Ему соответствуе русское слово **тигр** – «самая крупная из больших кошек с короткой рыжей (тёмными поперечными полосами) шерстью в Индии и некоторых районах Азии. *Уссурийский тигр*. ♦ **Наброситься на кого-н. как тигр** – яростно. **Тигр снегов** – почетное звание шерпа-восходителя на горные вершины и проводника» [3,с.786]. Оно «заимствовано из ст.-сл. яз., в котором *тигръ* восходит к греч. tigris – «тигр». Предполагают, что позднее это слово вновь было заимствовано из французского яз. tigre, в котором оно через лат. посредство восходит к тому греч. слову» [5,с.442].

Итак, языковая картина мира зоонимов отражает реальную действительность. Рассмотренные производные казахские слова чаще имеют объективную мотивацию. Не у всех русских сооотвествий отмечается прозрачная этимология, некоторые из них заимствованы из других языков.

Литература

1. Қаз тілінің түсіндірме сөздігі/ Жалпы редакциясын басқарған Т. Жанұзақов. – Алматы: Дайк-Пресс, 2008. – 968 б.
2. Мюллер В.К. Новый русско-английский словарь. – М.: Альта-Пресс, 2005. – 637 с.
3. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / Российская АН, Российский фонд культуры. – 2-е изд., испр. и доп. – М.:Азъ, 1995. – 928 с.
4. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. – М.: Прогресс, 1967. – Т.I-IV.
5. Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка / Под ред. С.Г. Бархударова. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Просвещение, 1975. – 543 с.
6. https://www.google.kz/search?hl=ru&site=imghp&tbm=isch&source=hp&biw=1024& пресмыкающиесяКазахстана
7. https://www.google.kz/search?hl=ru&site=imghp&tbm=isch&source=hp&biw=1024&bih=507&q=gs_l=img.12..0i24k1.15194.36462.0.40544.28.27.1.0.0.0.251.4077.0j12j9.21.0.foo%2Cewh%3D0%2СперелетныептицыКазахстана
8. туранский тигр википедия

References

1. Kazakh třlřnřng tŭsřndřrme sőzdřgř/ Zhalpy redakciyasyn baskarγan Zhanŭzakov. – Almaty: Daik-Press, 2008. – 968 b.
2. Mŭller V.K. Novyi russko-angliyskiy slovar’. – M.: Alta- Press, 2005. – 637 s.
3. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Tolkovyi slovar’ russogo yazyka / Rossiyskaya AN, Rossiyskiy fond kultury. – 2-e izd. Ispr, i dop. – M.: Azъ, 1995. – 928 s.

4. Fasmer M. Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka / Per. s nem. i dop. O.N. Trubachova. – v 4 t. – M.: Progress, 1967. – T. I-IV.
5. Shanskiy N.M., Ivanov V.V., Shanskaya T.V, Kratkiy etimologicheskiy slovsr' russkogo yazyka / Pod red. S.G. Barkhudarova. – 3-e izd. ispr. i dop. – M.: Prosvesheniye, 1975. – 543 s.
6. https://www.google.kz/search?hl=ru&site=imghp&tbm=isch&source=hp&biw=1024& presmykayshiyesiakazakhstana
7. https://www.google.kz/search?hl=ru&site=imghp&tbm=isch&source=hp&biw=1024&bih=507&q=gs_l=img.12..0i24k1.15194.36462.0.40544.28.27.1.0.0.0.251.4077.0j12j9.21.0.foo%2Cewh%3D0%2CpereletnyieptisyKazkhstana
8. Turanskiy tigr vikipedia

УДК 74.261.4

А.Т. Рахимбаева
Алматы, Казахстан

СМЫСЛОВОЙ ОТТЕНОК СРАВНЕНИЯ -ДАЙ, -ДЕЙ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Аннотация. *Предлагается аффиксы -дай, -дей – самые продуктивные средства в языке, которые посредством эпитетов выражают многогранный смысловой оттенок. «Сравнение» является одним из действенных средств, усиливающих картинность и эмоциональность речи. Они используется, чтобы усилить его выразительность, подчеркнуть в предмете один из его признаков. Следовательно, эпитет представляет широкую палитру национальной литературы, художественной системы, эмоционально-оценочные оттенки и особенности художественного мышления. Анализируя представленный материал, можно сказать, что суффиксы – дай, -дей имеют многогранный, изобразительный смысловой тон и являются одними из главных средств художественной выразительности.*

Ключевые слова: *эпитет; национальная литература; художественная система;, эмоционально-оценочные оттенки и художественные мышления; культурные значения и смыслы; духовные и эстетические мировоззрения; интерпретация; логика смыслообразования.*

Сведения об авторе: *Рахимбаева Аклима Тлеумбековна, старший преподаватель.*
Место работы: Казахский национальный медицинский университет имени С.Ж. Асфендиярова.

A.T. Rahimbayeva
Almaty, Kazakhstan

MEANINGFUL COMPARISONS OF NOUNS -DAY, -DEY

Abstract. *Affixes offererred the most productive tools in the language that is expressed by the epithets versatile shade of meaning. The comparison is one of the most effective means of reinforcing the picture and emotional speech. They are used to enhance the expressiveness of his. Epithet is with a broad palette of artistic system of national culture emotionally evaluative nuances and peculiarities of artistic thinking. Analyzing the submitted material we can be said that the suffixes are multificated representational semantic tone.*

Key words: *epithet; national literature; art system; artistic thinking; cultural significance and meanings; spiritual and aesthetic; outlook; the logic of meaning;*

About the author: *Rahimbayeva Aklima Tleumbekovna, senior lecturer.Place of employment: Kazakh National Medical University named after Asfendiyarov.*

Аффиксы –дай, –дей – самые продуктивные средства в языке, которые посредством эпитетов выражают многогранный смысловой оттенок. «Сравнение» как языковая категория является одним из действенных средств, усиливающих картинность и эмоциональность речи. Так называет-

ся слово или несколько слов, приданных к обычному названию предмета для того, чтобы усилить его выразительность, подчеркнуть в предмете один из его признаков – тот, который в данном случае важно выдвинуть на первый план, как бы рекомендовать его особому вниманию читателя. По мнению исследователя Т.Конырова, сравнение является одним из действенных средств, усиливающих картинность и эмоциональность речи. Следовательно, эпитет представляет собой широкую палитру национальной литературы, художественной системы, эмоционально-оценочные оттенки и особенности художественного мышления. Выяснение сущности значения слова, анализ качественных изменений структуры слов в их историческом движении, – является одной из основных задач сравнения.

С помощью суффиксов –дай, –дей ведущая роль в создании сравнения принадлежит прилагательным, существительным, местоимениям и глаголам. Самые распространенные виды простых сравнений и эпитетов – это эпитеты-существительные, на которые мы обращаем особое внимание. Сравнение получает дополнительную эстетическую нагрузку в сочетании с существительными в смысловом и структурном отношении.

В творчестве писателей и поэтов использованы разнообразные структурные средства построения эпитетов, которые представляют собой источник «различных оттенков значений» народного быта, обычаев и традиций и выражают неповторимый стиль эстетически значимых определений предмета, признака или качества.

Например: *Мырзан көсеудей қолдарын жоғары көтерді (Ғ.Мүсрепов). суалған сиырдың желініндей әжім-әжім бет-аузында да бір қылтанақ жоқ (М.Мағауин).*

Ученый К. Сыздыков в своей статье: «Мухтар Ауэзов и начало языка художественной прозы» особо отмечает: «Писатель в своих произведениях широко использует сравнение как один из важных средств словесно-художественного изображения. В самых ранних рассказах М. Ауезова сюжеты взяты из окружающей природы, из повседневной жизни, скотоводства, языка, фольклора и быта» [2, с.30]. Такая особенность характерна для современников М. Ауэзова, которые отличались своеобразной индивидуальностью, многогранностью и меткостью.

Суффиксы –дай, –дей прибавляются к именам существительным, производя относительные прилагательные. Наш язык умело использует сравнение-прилагательные, которые теряют изначальное номинальное значение и используются как слова-осмысления для изображения различных речевых элементов. Например, в словах *дардай, еңгезердей, алпамсадай* суффиксы –дай, –дей слились с корнем слова и отдельно не употребляются. Прилагательные–эпитеты особенно ярко выступают при описании образа, природы, предмета и дают поведенческую, портретную характеристику персонажа.

Например: *Кенет, қос жанар кірпігін қағып-қағып жіберіп еді, моншақтай мөлдір тамшылар атқып-атқыды да, айналадағы көздер ғайып болды (М.Мақатаев).*

Қырда еркін жүріп, ойына алған малдың аппақ қардай семіз, борсықтай жұмсақ етін жеп, сүйегі ағарған арлан зілдей екен (С.Жүнісов).

Из приведенного примера читатель ясно понимает значение слова **тамшы:** *мөлдір тамшы, етті – семіз, жұмсақ ет деп немесе моншақтай, тамшы, аппақ қардай ет*. Использование относительных и качественных прилагательных помогает раскрыть внутренний мир художественного героя, уточняет смысл и усиливает образ.

Мысалы: *Жуадай ащы мысқыл, абажадай зор сандық, өрттей қызыл сәуле, көмірдей қап-қара шаша, періштедей адал әйел, түндей қап-қара ой, айдай сұру арман және т.б.*

Иногда сравнение выражается не одним словом, а целым словосочетанием. В основном сравнение ставится перед причастным оборотом, выполняя функцию определения, создает сложные образы.

Например: *Үйдің жанына бақан құрып, жанат шиеден жасаған үйреншікті қозылар қазаға ұшыраған қазақ ауылындай шулайды (І.Жансүгіров).*

Мұрын тары түйетін келідей, жалпиған аузын төңіректеген еріндері бір-бір кесек ет (С.Мұқанов).

Из приведенного примера видно, что при создании образа принимает участие и предмет (*қазаға ұшыраған қазақ ауылындай, тары түйетін келідей*), но отсутствует знак. Такое сравнение называется «тынымсыз теңеулер». Также после имен существительных с суффиксами *–дай, -дей* ставится глагол. Это показывает выразительность, гибкость и богатство казахского языка, а также его способность выражать тончайшие оттенки мыслей. Например: *Әріректе ақ шағаладай шуласып әйелдер де суға түсіп жатыр (Ғ.Мүсрепов).*

Өздері тіпті бас құрасып, бөрі көрген сиырдай мөңіреседі дейді (М.Әуезов).

В примерах глагол в сочетании с эпитетом создает сложный изобразительный образ.

В целом, сравнение можно разделить на две группы, в зависимости от определяющего слова. В подобных случаях сравнение усиливает значение определяемого слова. Определение, семантически сближаясь с определяемым словом, увеличивает эмоционально-оценочную и смысловую емкость сочетания:

а) сравнение, определяющее имена существительные;

б) сравнение, определяющее глаголы.

В предложениях, где сравнение определяет имя существительное, глагол сохраняет свое значение, а в сравнениях, где определяется глагол, он употребляется в переносном смысле и участвует в создании образа, чаще

всего приобретает переносный, многогранный смысловой оттенок. Например: *Ашыққан жылқы кетпендей тұяғымен қалың қарды бұрқ-бұрқ лақтырды (Ғ.Мүсірепов).*

Жиылыс дабырап тарай бастағанда, омырауы ашылған көк сақалды еңгезердей қара шал ат үстінен сұрау салды (І.Жансүгіров).

В предложениях сравнение определяет имена существительные, поэтому глагол сохраняет свое изначальное самостоятельное значение. Например: *Абай басын қатты тартып, тежеп отырмаса, өршелене түсіп, шаба жөнелгісі кеп оттай жанып келеді (М.Әуезов).*

Алдағы зор иман, зор үміт көз алдыма келіп, жүрек күйіп, қорғасындай еріп кетті (С.Сейфуллин).

Наряду с этим, когда употребляется одно или несколько сравнений, их значения могут быть разнообразными, но в контексте между собой они образуют ряд синонимов.

Например:

Күнін күткен аспандай,
Гүлін күткен даладай,
Қыранын күткен асқардай,
Ұланын күткен анадай,
Күтті ол ақын қабырын,
Жарты ғасыр – елу жыл (С.Мәуленов).

Осы бір жай оны сыңар мүйіз бұғыдай, сынық қанат көбелектекй етіп, көңілін санадан салдыра берді (М.Әуезов).

Олар келіп сүзіскенде дыбысының қаттылығы сондай: күркіреген күндей, көшкен таудай жаңғырды (Қ.Есенжанов).

В приведенных примерах слово «күту» определяется несколькими сравнениями: *күнін күткен аспандай, гүлін күткен даладай, қыранын күткен асқардай, ұланын күткен анадай;* также слово «адам» изображается многообразными сравнениями: *сыңар мүйіз бұғыға, сынық қанат көбелекке, дыбысты күркіреген күнге, көшкен тау.* Кроме того, иногда, чтобы описать разносторонние качества предметов и объектов, используются суффиксы –дай, –дай в именах существительных – однородные члены предложения.

Например: *Үлкендігі тайыншадай, алқымы даладай, екі құлағы тебінгідей, екі көзі қып-қызыл, екі езуі салбыраған, ұзын тұмсық, жүндестеу келген ит екен, даланы иіскеп, қасында жатты (Х.Есенжанов).*

Тәттілігі балдай, салқындығы мұздай қарбыз шырынын қонақтар құмарта сорып жатқанда, Рахмет манағы жымиған қалпын өзгертпестен, қарбыздан бастаған кеңесін жалғастыра жөнелді (С.Мұқанов).

В приведенных примерах создается образ собаки с помощью однородных членов предложения, таких как*: үлкендігі, алқымы, екі құлағы.* Во втором примере «сладость и охлажденность арбузного сока» представлены по отдельности. Такие сравнения в предложениях употребляется как одно-

родные члены предложения, но они между собой не могут быть синонимами.

Антонимы также образуют однородные члены предложения. Если все слова употребляются для определения качеств единого объекта, тогда антонимы образуют антитезу.

Например: *Соның ішінде қаршығадай шағын ғана бойы бар, үйдей үлкен ойы бар, алғыр ақсұр Абай баласы – Мағаш қара үзіп, озып отыр (М.Әуезов).*

Ұқсаймын шалға аққудай,

Ұқсаймын гүлдей сәбиге (С.Мәуленов).

Кейде жібектей жұмсақ болып, кісіні ішке тартып ала қойса, реті келгенде аяздай қысып жібереді (Т.Ахтанов).

Біресе шөлдей,

Өзекті талдырасың.

Біресе көлдей,

Сусынды қандырасың (С.Мәуленов).

В примерах сравнительные словосочетания *қаршығадай шағын ғана бойы бар, үйдей үлкен ойы бар* используются как описание Магаш; *аққудай шал, гүлдей сәби* уточняет персонажа (субъекта), создавая его образ. Кроме того, сложные сравнения, такие как: *жібектей жұмсақ болып кісіні ішке тартып алу, аяздай қысып жіберу, біресе шөлдей өзекті талдыру, біресе көлдей сусынды қандыру,* описывают обобщенный образ. Следовательно, все элементы сравнения создают сложный обобщенный образ, в конечном итоге, образуя антитезу.

Однако, факты языка утверждают, что употребление художественной палитры антонимов не всегда образует антитезу.

Например: *Өзі қолтоқпақтай болғанымен, бейбішесі еңгезердей, – деді Сырбай Байжанға (С. Мұқанов).*

Алпамсадай аю жұдырықтай қоянды ұстап алып, ешбір жазықсыз құлағынан тартып қинады (Қ. Есенжанов).

Присутствие цепочки антонимов в предложениях не определяет реального объекта, антонимы специально подобраны для описания противоположных качеств предмета или явления. То есть употребление антонимов-эпитетов как однородных членов предложения (обобщенная единица), использованных для изображения объектов, не имеет особого значения.

Анализируя суффиксы –дай, –дей имен существительных, можно сказать, что разновидности тропов, таких как гипербола, литота и.т.д., тоже участвует в создании сравнения.

Верно отметил Т. Коныров: «бейнелеу тәсілдерінің барлығы да бастауын осы теңеуден алады».

Например: *Семіз жалпақ бетінде түймедей ғана мұрын, адырайған шай көзі бар (Ғ.Мұстафин).*

Менен оларға тиетін тебен инедей пайда жоқ (М.Әуезов).

В приведенных примерах использованы литоты: *түймедей мұрын, тебен инедей пайда.*

В свою очередь, гипербола также употребляется для создания сравнения. Например: *Ет таудай үйіледі, тұздық көлдей ағады (М.Мағауин).*

Жаңбырдай тері сіркіреп,

Құбылып ойнап жер басты (Батырлар жыры).

Өзіңді дәмеліге санап қойып,

Алдыңа Алатаудай талап қойып (С.Мәуленов).

Здесь используется гипербола: *таудай ет, көлдей тұздық, жаңбырдай тер, Алатаудай талап.* Суффиксы –дай, -дей прибавлены к именам существительным.

Иногда значение сравнение суффиксов –дай, -дей приближено к метафоре. Например: *Кең аспанда еркін самғаған көк қаршығадай осы бір далаға осы бір далаға көз түскенде, көңіл де самғап-самғап алады (Ғ.Мұстафин).*

Оның ойы да осы кез далада құм кешкен арбадай өрде аяңдап, ылдида желіп, ішкі дүниенің ұшығына жете алмай келеді (Ғ.Мұстафин).

Осы бір жай оны сыңар мүйіз бұғыдай, сынық қанат көбелектей етіп, көңілін санадан солдыра беретін (М.Әуезов).

В приведенных примерах особо отмечается область смысловой структуры слова, которая представляет собой источник различных оттенков значений. Кроме того, прибавленные к именам существительным суффикс –дай, –дей не всегда выражает полноценные значение сравнения. Например: *Менің сол жағымда он алтылар шамасындағы інісі ет турап отырып, бармақтай етті кесіп алып, аузына енді салып, шайнай беріп еді (М.Мақатаев).*

Аспандаған арғын, жұлдывздай уақ, қойдай керей, қозыдай қыпшақ (С.Мұқанов).

Суффиксы –дай, –дей после словосочетаний имен существительных и числительных, употребляются в выражении значения – прогноз или примерная численность предмета.

Например: *Қараша бектер шатырға жүз қадамдай қалғанда биік қасты алтынды ерлері күнге шағылысып, күміс жапқан ауыр үзеңгілерін жарқылдата, топырлай аттан түсті (М.Мағауин).*

В этом предложений словосочетание *«шамамен жүз қадам»* используется как определение количества, а не значения слова.

Анализируя представленный материал, можно сказать, что суффиксы –дай, –дей имеют многогранный, изобразительный смысловой тон и являются одними из главных средств художественной выразительности. Представляет каждый из видов тропов – *синоним, антоним, литота, гипербола, метафора,* не только созвучно со временем, но и исходя из своих духовных и эстетических мировоззрений. Мы пришли к выводу, что его содержание требует наиболее углубленного изучения

Литература
1. Қоңыров, Т. Қазақ теңеулері. – Алматы: Мектеп, 1978. – Б. 10, 45-46.
2. Сыздықова, Р. М.Әуезов және көркем проза тілінің басталуы // Сыздық Р. Сөз құдіреті. – Алматы: Санат, 1997. – 25 бет.

References
1. Konyrov, T. Kazakh teneuleri. – Almaty: Mekte, 1978. – P. 10, 45-46.
2. Syzdykova, R. M.Ayezov jane korkem proza tilinin bastalui // Syzdyk R. Soz kudireti. – Almaty: Sanat, 1997. – 25 page.

УДК 81’374

Ж.С. Таласпаева, Ж.Т. Кадыров, И.А. Олькова
Петропавловск, Казахстан

ПРОПОЗИЦИЯ КАК КОГНИТИВНАЯ МОДЕЛЬ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНЫХ ПРЕДИКАТОВ

Аннотация. *В статье рассматриваются вопросы когнитивной семантики оценочных предикатов с точки зрения современного функционального подхода к трактовке семантики языковых единиц, а именно ее расширения от значения к знанию.*

Ключевые слова: *когнитивная семантика, пропозиция, пропозициональная структура, аксиологическое значение, предикат, эмоционально-оценочное прилагательное, аргументная роль.*

Zh.S. Talaspayeva, Zh.T. Kadyrov, I.A. Olkova
Petropavlovsk, Kazakhstan

PROPOSITION AS A COGNITIVE MODEL OF THE SEMANTIC STRUCTURE OF EMOTIONAL-EVALUATION PREDICATES

Abstract. *The article deals with the issues of cognitive semantics of evaluation predicates from the point of view of contemporary functional approach to the interpretation of language units’ semantics, i.e. its broadening from meaning to knowledge.*

Key words: *cognitive semantics, proposition, propositional structure, axiological meaning, predicate, emotional-evaluative adjective, argument role.*

Сведения об авторах: *Таласпаева Жанар Серкешовна, кандидат филологических наук, профессор, директор Института Языка и Литературы. Место работы: Северо-Казахстанский государственный университет им. М. Козыбаева.*

Кадыров Жанбай Тураровић, кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой «Казахская филология». Место работы: Северо-Казахстанский государственный университет им. М. Козыбаева.

Олькова Ирина Александровна, кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой «Иностранные языки». Место работы: Северо-Казахстанский государственный университет им. М. Козыбаева.

About the authors: *Talaspayeva Zhanar Serkeshovna, candidate of philological sciences, Professor and Director of the Institute of Language and Literature. Place of employment: North Kazakhstan State University named after M.Kozybaev.*

Kadyrov Zhanbai Turarovich, candidate of philological sciences, Professor and Chair of the Department of Kazakh Philology. Place of employment: North Kazakhstan State University named after M.Kozybaev.

Olkova Irina Aleksandrovna, candidate of philological sciences, assistant professor and Chair of the Department of Foreign Languages. Place of employment: North Kazakhstan State University named after M.Kozybaev.

Контактная информация: *150000, Казахстан, Петропавловск, ул. Пушкина, 86, Институт Языка и Литературы, тел. 8(7152) 49-33-43 (доб. 1084, 1140) e-mail: talaspaeva@inbox.ru, irina_m_a@mail.ru*

Функционально-семантическое направление, являющееся одним из наиболее разрабатываемых направлений современной лингвистики, выдвигает на передний план когнитивную функцию языка. Вследствие чего, как пишет Ю.Н. Караулов, «в лингвистической науке происходит расширение в направлении от значения к знанию», которое, «оставаясь в основном объектом интереса разных дисциплин философского и психологического циклов, все в большей степени становится и лингвистическим объектом, именно в силу вербального, по преимуществу, своего воплощения и бытования» [1,с.4].

Исследования когнитивной функции языка проводятся как на материале какого-либо одного языка [2], так и на материале двух и более языков. Последние позволяют выявлять когнитивные особенности носителей сопоставляемых языков при помощи анализа самих этих языков. Ведь, как пишет Дж. Лакофф, язык «относится к числу наиболее характерных типов когнитивной деятельности человека» [3].

Категориальная классификация как мыслительный процесс интересует Дж. Лакоффа как с точки зрения особенностей человеческого интеллекта вообще, так и с точки зрения национальных когнитивных особенностей. В своей работе [3] ученый пишет: «Различные народы классифицируют реалии так, что это поражает своей неожиданностью европейцев и ставит в тупик лингвистов и антропологов» [3]. По всей видимости, различия в категоризации у разных народов выявляются не только в классификации реалий, но и признаков этих реалий и, как следствие, оценочных отношений к этим реалиям.

Переход от изучения значения языковых единиц к исследованию знаний, которые в них заключены и форм представления этих знаний определил новую, по сравнению с классическим описанием семантики, тенденцию в анализе значения единиц языка, основной идеей которой можно назвать следующее утверждение: «Иметь сознание – владеть языком. Владеть языком – владеть значением. Значение – есть единица сознания» [4,с.35]. Одной из задач современной когнитивной лингвистики является определение форм, типов представления знаний при помощи анализа семантической структуры языковых единиц. «Семантические структуры понимаются как некие ментальные образы, возникающие между входным сигналом из окружающей среды и действующими принципами в уме» [5,с.8]. Так, например, предикаты, в частности глагол, у Е.С. Кубряковой рассматриваются «как ядра маленькой драмы, в которой есть свои действующие лица и свои обстоятельства действия» [6,с.37] То есть предикат Е.С Кубрякова анализирует как «лингвистический символ ситуации» или пропозицию.

Пропозиция, по К. Льюису, – это терм, приспособленный к обозначению положения дел [7]. Как пишет Н.Д. Арутюнова, понятие пропозиции прошло следующие этапы развития: «1) сначала оно соответствовало целостному суждению, как определенной форме мысли, состоящей из модуса

утверждения и диктума; 2) затем оно было определено как «объективированное содержание мысли, непосредственно соотнесенное с обозначаемым положением дел…»; 3) наконец, термин «пропозиция» был применен к значению той части любого предложения, той семантической структуре, которая способна соединяться с любым «модусом коммуникативной цели», т.е. с глаголами, выражающими целенаправленность речевого акта» [8,с.34]. Претерпевая изменения, понятие «пропозиция», тем не менее, всегда предполагало значение, восходящее к семантике предложения.

Ч. Филлмор [9] одним из первых использовал предикатно-аргументный принцип символической логики в качестве основы для семантической структуры (которую он называет «глубинной структурой ГС»). Пропозиция, по Ч. Филлмору, может быть развернута в формулу, представленную так называемыми глубинными падежами, под которыми понимается семантическое отношение аргумента к предикату [10,с.43]. Ч. Филлмор в своей работе [9] предлагает список из следующих семи глубинных падежей: агентив – одушевленный производитель действия, датив – одушевленный объект, подвергающийся действию, инструменталис – инструмент, фактитив – неодушевленный предмет, возникающий в результате действия, обозначаемого предикатом, объектив – неодушевленный объект, подвергающийся действию, локатив – место, темпоратив – время.

К филлморовской теории тесно примыкает концепция В.Г. Гака [11], который также пользуется термином «глубинная структура» и определяет ее как «лексико-синтаксическую структуру, изоморфную ситуации» [11]. Глубинная структура, по В.Г. Гаку, может включать семь реальных актантов: 1) субъект (отправитель), 2) объект, 3) адресат, 4) субстанция, содействующая или препятствующая осуществлению процесса (инициатор, орудие, причина), 5) пространственный конкретизатор, 6) временной конкретизатор, 7) субстанция, которой принадлежит, или часть, которой составляет субъект или объект [11].

Значение слова так же, как и предложение, представляет собой сложную структуру, организующуюся, по всей видимости, благодаря одной из функциональных характеристик слова, заключающейся в свертке, хранении и воспроизводстве информации. Что, в свою очередь, способствует тому, что «всякое слово позволяет присутствовать в настоящий момент его высказывания, что относится также и ко всему несказанному, с которым оно соотносится» [12,с.529]. Такая трактовка слова характерна для психолингвистической теории значения, в которой слово понимается как «средство доступа к единой информационной базе человека, т.е. к продуктам переработки в памяти многогранного, не только речевого, опыта взаимодействия индивида с окружающим его миром» [13,с.151].

Таким образом, за семантикой слов скрываются целые ситуации, сценарии, разворачивающиеся в сознании человека, высказывающего или воспринимающего то или иное слово. Значение слова тесно взаимосвязано с

миром человеческого мышления и миром действительности, что и составляет в свою очередь базовый тезис современной когнитивной лингвистики, сводимый к следующему: «значение слова является одновременно принадлежностью речи и мышления, и, следовательно, должно анализироваться как единица речи и мышления. В свою очередь, именно когнитивные модели выступают тем звеном, которое объединяет в одной «плоскости» мир, говорящего и язык» [14,с.100]. Когнитивные модели, являясь связующим звеном между миром действительности, миром языка и миром человеческого мышления, представляют собой один из способов изучения когнитивных особенностей носителей того или иного языка. Как указывалось выше, к когнитивным моделям относятся пропозиции, или пропозициональные структуры.

Понимая слово как хранилище знаний и опыта человека, многие ученые считают, что «пропозициональные структуры находят свою реализацию как на синтаксическом, так и на лексическом и словообразовательном уровнях» [14,с.102]. По мнению Ю.Д. Апресяна, «из лексического значения слова вытекают его семантические валентности, которые характеризуют слово как конкретную, отличную от других лексическую единицу. Содержание семантических валентностей или «ролей» (субъект, объект, инструмент, средство, место и т.д.) есть суть части этого лексического значения. Необходимыми компонентами в толковании предикатных слов являются: участники ситуации, их положения, состояния, постоянные и переменные свойства, их взаимоотношения» [15]. Ю.Д. Апресян выделяет 25 типов валентностей: субъект, контрагент, объект, адресат, получатель, посредник, источник, место, начальная точка и т.д. В.В. Богданов [10] выделяет 14 аргументных позиций в пропозиции: агентив, пациентив, бенефициатив, экспериенсив, объектив, перцептив, композитив, инструментатив, медиатив, элементив, ономасиатив, локатив, дескриптив, результатив.

В концепциях ученых, вкратце описанных выше, заметно терминологическое расхождение при определении понятий, обозначающих элементы пропозициональной структуры. Встречаются такие понятия, как «семантический падеж», «валентность», «актант», «аргумент». Г.Г. Гиздатов предлагает разграничить употребление этих понятий следующим образом: «если на синтаксическом уровне предпочтителен термин актант», то на семантическом уровне естественно употребление термина «аргумент» [14,с.113].

Прилагательное, как известно, является предикатом. «Глагол вместе с прилагательным был отнесен к признаковой, характеризующей, предикатной лексике» [16,с.85]. Оценочное прилагательное, в свою очередь, вслед за В.В. Богдановым, можно назвать многоместным предикатом, т.к. «нульместные предикаты обычно описывают атмосферные состояния природы, одноместные могут выражать действия, состояния и свойства, многоместным присуща способность выражать отношения» [10,с.51]. Семантика оценочного прилагательного очерчивает определенную ситуацию, предпола-

гающую своих участников, т.к. в структуре значения прилагательного оценки принято, вслед за Н.Д. Арутюновой [8] и Е.М. Вольф [17], выделять субъект оценки – действующее лицо, основной деятельностью которого в аксиологической ситуации является оценивание; объект оценки, на который это действие направлено, мотив и основание оценки и т.д. Помимо указанных выше членов оценочной ситуации в семантической структуре оценочных прилагательных присутствует указание на возможную эмоциональную реакцию субъекта оценки в процессе аксиологической деятельности, если речь идет об эмоциональной или интеллектуальной оценке, что добавляет в семантическую структуру оценочных прилагательных дополнительные роли. «Оценка есть вербализованный результат квалифицирующей деятельности сознания или деятельности сенсорной (чувственной, эмотивной) сферы человеческой психики» [18,с.24].

Как известно, «смысл слова не является неразложимым целым: он, как правило, состоит из более элементарных смыслов, определенным образом связанных друг с другом, т.е. образующих некоторую структуру» [19,с.34]. В семантической структуре любого оценочного прилагательного имеется сема оценки, которая и представляет собой результат аксиологической деятельности сознания или чувственной сферы человеческой психики. Но помимо оценочной семы в структуре значения прилагательных оценки, как в ее денотативной, так и в коннотативной частях, присутствуют другие семы, которые являются своеобразными «шагами» к этому результату, обрисовывая ситуацию характерную для того или иного типа оценки. Каждая сема соответствует какому-либо компоненту пропозициональной структуры, т.е. наполняет обобщенные компоненты пропозициональной структуры конкретным лексическим содержанием. Следовательно, «пропозициональная и семная структуры соотносятся как абстрактное и конкретное в семантической структуре» [20, с.96] значения прилагательного.

Итак, семантические структуры оценочных прилагательных можно представить в виде пропозициональных структур – «семантических образов ситуации» [14, с.96]. Пропозициональная структура может рассматриваться как универсальная обобщенная формула когнитивных моделей и определена как теоретический аналог, который вычленяет и указывает на связи между элементами знания в процессе категоризации человеческого опыта [14, с.67].

Литература

1. Караулов, Ю.Н., Красильникова Е.В. Языковая личность и задачи ее изучения // Язык и личность. – Москва, 1989. – С. 4-8.

2. Ведерникова, Ю.В. Тезаурусный подход к моделированию английской когнитивно-лингвистической терминологии: (на примере семантического поля термина cognitive grammar (когнитивная грамматика)) // Вектор науки ТГУ. – 2011. – № 3(17). – С. 262-266.

3. Лакофф, Дж. Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. – Москва, 1988. – Вып. 23. – С.58-86.

4. Леонтьев, А.Н. Философия психологии // Из научного наследия. – Москва, 1994. – 257с.
5. Казанцева, Е.А. Когнитивно-сопоставительное описание синонимических парадигм с доминантами *to frighten* и *пугать*: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.20. – Краснодар, 1999. – 26с.
6. Кубрякова, Е.С. Части речи в ономасиологическом освещении. – Москва, 1989. – 247с.
7. Lewis, J. The mind and the word. – London, 1965. – 295p.
8. Арутюнова, Н.Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. – Москва: Наука, 1976. – 383с.
9. Fillmore, Ch.J. The case for case // Universals in linguistic theory. – London-Toronto, 1968. – P.1-88.
10. Богданов, В.В. Семантико-синтаксическая организация предложения. – Ленинград, 1977. – 472с.
11. Гак, В.Г. К проблеме семантической синтагматики // Проблемы структурной лингвистики. – Москва, 1972. – С. 367-395.
12. Гадамер, Х.Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. – Москва, 1988. – 593с.
13. Залевская, А.А. Информационный тезаурус как база речемыслительной деятельности // Исследования речевого мышления в психолингвистике. – Москва, 1985. – С.150-171.
14. Гиздатов, Г.Г. Когнитивные модели в речевой деятельности. – Алматы, 1997. – 176с.
15. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. – Москва, 1974. – 346с.
16. Кубрякова, Е.С. Глаголы действия через их когнитивные характеристики // Логический анализ языка. Модели действия. – Москва, 1992. – С.84-90.
17. Вольф, Е.М. Функциональная семантика оценки. – Москва: Наука, 1985. – 225с.
18. Ляпон, М.В. Оценочная ситуация и словесное моделирование // Язык и личность. – Москва, 1989. – С. 24-34.
19. Катц, Дж. Семантическая теория // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистическая семантика. – Москва,1981. – Вып.10. – С. 27-49.
20 Крылова, Н.Ф. Словообразование прилагательных на –к(ий) в русском языке (синхронно-диахронический аспект): автореф. … канд. филол. наук: 10.02.01. – Алматы, 1999. – 159 с.

References

1. Karaulov, YU.N., Krasil'nikova E.V. Yazykovaya lichnost' i zadachi ee izucheniya // YAzyk i lichnost'. – Moskva, 1989. – S. 4-8.
2. Vedernikova, YU.V. Tezaurusnyj podhod k modelirovaniyu anglijskoj kognitivno-lingvisticheskoj terminologii: (na primere semanticheskogo polya termina cognitive grammar (kognitivnaya grammatika)) // Vektor nauki TGU. – 2011. – № 3(17). – S. 262-266.
3. Lakoff, Dzh. Myshlenie v zerkale klassifikatorov // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. – Moskva, 1988. – Vyp. 23. – S.58-86.
4. Leont'ev, A.N. Filosofiya psihologii // Iz nauchnogo naslediya. – Moskva, 1994. – 257s.
5. Kazanceva, E.A. Kognitivno-sopostavitel'noe opisanie sinonimicheskih paradigm s dominantami to frighten i pugat': avtoref. dis. … kand. filol. nauk: 10.02.20. – Krasnodar, 1999. – 26s.
6. Kubryakova, E.S. CHasti rechi v onomasiologicheskom osveshchenii. – Moskva, 1989. – 247s.
7. Lewis, J. The mind and the word. – London, 1965. – 295p.
8. Arutyunova, N.D. Predlozhenie i ego smysl. Logiko-semanticheskie problemy. – Moskva: Nauka, 1976. – 383s.

9. Fillmore, Ch.J. The case for case // Universals in linguistic theory. – London-Toronto, 1968. – R.1-88.
10. Bogdanov, V.V. Semantiko-sintaksicheskaya organizaciya predlozheniya. – Leningrad, 1977. – 472s.
11. Gak, V.G. K probleme semanticheskoj sintagmatiki // Problemy strukturnoj lingvistiki. – Moskva, 1972. – S. 367-395.
12. Gadamer, H.G. Istina i metod. Osnovy filosofskoj germenevtiki. – Moskva, 1988. – 593s.
13. Zalevskaya, A.A. Informacionnyj tezaurus kak baza rechemyslitel'noj deyatel'nosti // Issledovaniya rechevogo myshleniya v psiholingvistike. – Moskva, 1985. – S.150-171.
14. Gizdatov, G.G. Kognitivnye modeli v rechevoj deyatel'nosti. – Almaty, 1997. – 176s.
15. Apresyan, YU.D. Leksicheskaya semantika. Sinonimicheskie sredstva yazyka. – Moskva, 1974. – 346s.
16. Kubryakova, E.S. Glagoly dejstviya cherez ih kognitivnye harakteristiki // Logicheskij analiz yazyka. Modeli dejstviya. – Moskva, 1992. – S.84-90.
17. Vol'f, E.M. Funkcional'naya semantika ocenki. – Moskva: Nauka, 1985. – 225s.
18. Lyapon, M.V. Ocenochnaya situaciya i slovesnoe modelirovanie // YAzyk i lichnost'. – Moskva, 1989. – S. 24-34.
19. Katc, Dzh. Semanticheskaya teoriya // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Lingvisticheskaya semantika. – Moskva,1981. – Vyp.10. – S. 27-49.
20 Krylova, N.F. Slovoobrazovanie prilagatel'nyh na –k(ij) v russkom yazyke (sinhronno-diahronicheskij aspekt): avtoref. … kand. filol. nauk: 10.02.01. – Almaty, 1999. – 159 s.

УДК 81ʼ367.628(=1.4(.9)

Ч.С. Тулеева
Бишкек, Кыргызстан

К ВОПРОСУ ЯЗЫКОВОГО ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОЦИЙ КАК ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО МЕНТАЛИТЕТА (на материале междометий)

Аннотация. *В статье рассматриваются отдельные вопросы языкового выражения эмоций посредством междометий. Эмоции могут быть универсальными и специфическими, т.е. присущими определенному этносу с определенным национальным менталитетом.*

Эмоциональные междометия, как языковые средства имеют свойство детерминировать национальный менталитет.

Ключевые слова: *эмоции, эмоциональные междометия, менталитет, национальный менталитет.*

Ch. S. Tuleeva
Bishkek, Kyrgyzstan

TO THE QUESTION OF LANGUAGE EXPRESSION OF EMOTIONS AS REFLECTION OF NATIONAL MENTALITY (on material of interjections)

Abstract. *In article is considered single questions of language expression of emotions by means of interjections. Emotions can be universal and specific, i.e. inherent in a certain ethnos with a certain national mentality. Emotional interjections as language mean have property to determine national mentality.*

Key words: *emotions, emotional interjections, mentality, national mentality.*

Сведения об авторе: *Тулеева Чинарбубу Сартаевна, доктор филологических наук, ведущ. спец. Инновационного научно-образовательного центра русского языка.*

Место работы: Кыргызско-Российский Славянский университет.

About the author: *Tuleeva Chinarbubu Sartaevna, Doctor of Philology, leading expert of Innovative Scientific and educational center of Russian.*

Place of employment*: Kyrgyz-Russian Slavic University.*

Контактная информация: *720065 Кыргызстан, Бишкек, пр.Чуй 44 ком.205.*
e-mail: tchbubu25@mail.ru

Человеческий язык является уникальным устройством, ибо в нем отражается окружающая действительность, менталитет народа, его нравы, его психология, его эмоции. Выдающийся немецкий языковед В. фон Гумбольдт отмечал, что в языке фиксируется мировоззрение носителя данного языка, и в зависимости от того, как носитель языка воспринимает окружающую действительность, язык рисует картину мира [1: 45].

Важность проблемы взаимодействия и взаимосвязи языка и национального своеобразия народа были изучены представителями этнолингвистики Э. Сепир и Б. Уорф.

В настоящее время существует исследования по вопросам культура народа и национальная ментальность в тесной взаимосвязи и во взаимодействии с языком. Это работы ученых Н.Д. Арутюновой, А. Вежбицкой, С.Т. Воркачева, В.В. Воробьева, В.В. Колесова, О.А. Корнилова, В.А. Масловой, Л.В. Полубиченко, Ю.С. Степанова и др.

По мнению М.П. Ахиджаковой, «…вербальное значение является одной из определяющих черт менталитета народа, поскольку именно в языке, в системе характерных для него стереотипов, образов, эталонов репрезентировано мировидение и миропонимание носителей языка» [2, с.2].

В специальной литературе существуют два понятия «ментальность» и «менталитет», мы же рассматриваем проблему языкового выражения эмоций в связи с понятием «менталитет», точнее национальный менталитет.

В Большом энциклопедическом словаре «менталитет» (ментальность) определяется как «образ мыслей, совокупность умственных навыков и духовных установок, присущих отдельному человеку или общественной группе» [3, с. 77].

В толковом словаре русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой «менталитет» определяется как «восприятие мира, в первую очередь при помощи образов, которые окрашены ценностными и эмоциональными ориентирами, связаны с обычаями, эмоциями и чувствами» [4, с. 568].

В каждом языке существуют огромное количество разнообразных слов, выражающих эмоциональное состояние человека. В языковой системе на разных уровнях существуют специальные средства для выражения эмоций: на фонетическом уровне это – определенная последовательность звуков, их повторяемость; на грамматическом уровне – «экспрессивная морфология» – способы аффиксации; словоформы – на лексическом; на синтаксическом эмоции выражаются конструкциями предложений, их актуальным членением [5].

На уровне слова это – определенный разряд слов, в семантической структуре которых содержится значение эмоциональности и «оценочности». Для выражения эмоций говорящий производит подбор специальных языковых средств, и таковыми являются, прежде всего, междометия, междометные слова и выражения, частицы, модальные слова и т.д.

В рамках нашей статьи мы рассматриваем эмоционально-оценочные функции междометий, они «работая» на коммуникативном уровне, наиболее выразительно передают эмоциональное состояние говорящего. В.В. Виноградов в определении междометия уясняет, прежде всего, его эмоциональную сущность: «Междометия составляют в современном языке живой и богатый пласт чисто субъективных речевых знаков, именно – знаков, служащих для выражения эмоционно-волевых реакций субъекта на действительность, для непосредственного эмоционального выражения переживаний, ощущений, аффектов, волевых излияний»… «Выражая эмоции, настроения, волевые побуждения, междометия не обозначают и не называют их» [6, с. 745]. В Большом энциклопедическом словаре подчеркивается также, что междометия «употребляются для выражения чувств и волевых побуждений, например «о!», «ах!», «эй!» [3].

Междометие представляет собой уникальное языковое явление по своему семантическому содержанию, структурному оформлению, грамматической природе, фонетической и фонологической мотивированностью, вследствие чего они классифицируются в разнообразные группы. С семантической точки зрения они подразделяются на эмоциональные и императивные междометия. Эмоциональные междометия выражают удивление, гнев, радость, печаль, горе, недоумение и т.д. и они функционируют в каждом языке. Эмоции, зародившись на этапе мышления, выражаются на этапе речевого действия, воплощаясь в определенные словесные единицы или звукоформы как результаты мыслительной деятельности. Человеческое эмоциональное состояние является универсальным явлением, поскольку оно организует человеческое восприятие, мышление, мотивацию, влияют на действия, поступки человека в жизни. Эмоции являются одним из составляющих аспектов человеческой сущности и деятельности. Эмоции проявляются в речевой деятельности, в процессе которой наряду со смысловой информацией человек воспроизводит и свое внутреннее состояние – радость, удивление, гнев, страх и др.

Сторонники когнитивной антропологии отмечают о наличии определенного числа фундаментальных эмоций, которые являются универсалиями, но есть и особый пласт культурных явлений этно-специфицированные эмоции, которые являются культурными образованиями, они различны у разных народов, формируются внутри определенного социума, а не наследуются [7].

В настоящее время насчитывают более пятисот различных эмоций, но чаще всего выделяют 3 класса эмоций: положительные, отрицательные и амбивалентные [8, с.24]. На количественный аспект эмоций подчеркивает и профессор М.В. Пименова: «Эмоциональных состояний великое множество: эти состояния в большинстве своем мимолетны, мгновенны» [8, с.354]. Эмоции, выражаемые междометиями, имеют кратковременный

«мимолетный», «мгновенный» характер. И действительно, междометия в большинстве случаев выражают вдруг, наступившее, сиюминутное чувство.

Так, в русском языке положительные (радость, радостные чувства, восторг) эмоции выражают такие междометия: *Ах! Ого! Ура! Браво!*; отрицательные эмоции (печаль, горе, тоску, сожаление неудовольствие, злость, иронию, презрение, отвращение) выражают такие междометия, как - *Увы! Эх! У-у-у! Э – эх! Фи! Фу! Тьфу! Ай-яй-яй*!; амбилативные (удивление, недоумение, испуг, изумление): *Ох! Ой! Ба!* и др.

В кыргызском языке (сырдык сөздөр) для выражения эмоционального состояние – радости (положительные эмоции) говорящего используются такие междометия: *Ии! Оу! Ошш!;* отрицательные эмоции: *Өх! Ой! Аттиң! Аш!;* амбилативные эмоции: *Ээ! Кой! Апеееей!*

В немецком языке радость, радостные чувства, восторг выражают такие междометия (die Interjektionen): *Ah!, Ach!, Oh!, Hei! Hurra!,*

-печаль, горе, тоску, сожаление: *Ach!, O!, Aua! Au!, Oh weh!, Na!, Oho!* и др.

-удивление, недоумение, испуг, изумление: *Ah!, Ach!, Oh!, Oho!, Ei!, Hoppla!, O lala! и др.*

-неудовольствие, злость, иронию, презрение, отвращение выражают междометия: *Na!, Oho!, Hoho!, Na!, Bah!, Bäh! Papperlapapp!* и др.

-эмоции отвращения в немецком языке междометием – *Ach! „!Ach! sagte die Frau, es ist doch übel, hier immer in dem alten Pott…"*

Междометия современного кыргызского, русского и немецкого языков являются теми языковыми формами, которые функционируют в сфере эмоций. Сопоставительный анализ междометий в данных трех языках показывает выраженность одних эмоций через количественное многообразие междометий. Так, для выражения отрицательных эмоций в русском языке мы насчитали (в рамках нашей статьи) 6 междометий, в немецком языке – 7, в кыргызском языке – 3. Показателями положительных эмоций послужили в русском языке – 4, в кыргызском языке – 3, в немецком – 5. Здесь можно отметить также, что 9 междометий в русском языке, 7 – в кыргызском языке и 21 – в немецком языке выражают различные оттенки негативных эмоций. Проведенный анализ эмоциональных междометий в трех языках дает определенное представление о степени выраженности тех или иных эмоций.

Сравнительные исследования общения русских и немцев (И. Стернин) показывают, что, например, негативные эмоции преобладают в том и другом менталитете. Учёные отмечают склонность немцев к преувеличению всего негативного и, как показано выше (подсчёт), в выражении негативных эмоций отмечается многообразие в немецких междометиях.

Эмоциональные черты немецкого менталитета можно проследить в стихотворении Рудольфа Отто Вимар (Rudolf Otto Wiemer), «Empfindungswörter» «Эмоциональные слова» (пер.Т.Ч).

aha die deutschen – одобрение, согласие
ei die deutschen – нежность
hurra die deutschen – радость
pfui die deutschen – отвращение
ach die deutschen – радость
nanu die deutschen – радость
oho die deutschen – удивление, неожиданность
hm die deutschen – сомнение
nein die deutschen – отказ
ja ja die deutschen – одобрение [10].

Эмоциональные междометия в немецком языке представляют наиболее многочисленную группу разнообразных по форме, по звуковому составу, морфологическому строению, отражая национальный менталитет немцев. Как пишет А.Т. Кривоносов, ссылаясь на Ю. Трабант: «Междометия почти непереводимы, они – настолько своеобразный класс слов, что по междометиям можно определить принадлежность человека к определенной нации» [11, с. 511].

По мнению А. Вежбицкой, русский язык уделяет эмоциям гораздо больше внимания (чем английский) и имеет значительно более богатый репертуар лексических и грамматических выражений для их разграничения [12]. Также, считается, что важнейшая черта русских – *коллективизм (соборность),* поэтому их отличает чувство принадлежности к определенному обществу, теплота и эмоциональность. Эмоции более широки, глубоки, чем какого-либо другого народа, – это и отличает особенность русского менталитета.

На языковое выражение эмоций кыргызов влияют такие черты национального менталитета как толерантность, малословие, эмоциональная сдержанность. Кыргызы считаются менее эмоциональными, особенно в выражении отдельных негативных эмоций: возражения, гнева, недовольства.

Таким образом, междометия как языковые средства выражения эмоций есть реализация коммуникативной установки говорящего, выбирающего определенную данную языковую единицу как способную решить соответствующие коммуникативные задачи. При общении носитель определенного языка выбирает междометие своего языка для выражения внутреннего эмоционального состояния и создает план сообразно своего менталитета.

Изучение междометий как форма проявления эмоций представителями с разным национальным менталитетом предполагает возможность решения многих лингвистических и экстралингвистических задач: в эпоху современного процесса глобализации, в процессе тесных и интенсивных межэтнических, межкультурных связей и контактов на различных уровнях общественной жизни обуславливается «эмоциональное управление» общения.

Литература

1. Гумбольдт, В. Избранные труды по языкознанию. – 2-е изд. – М.: Прогресс, 2000. – 396 с.
2. Ахиджакова, М.П. Семантическое поле отражения ментальности адыгов в языковом пространстве А. Евтыха // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. – 2012. – Вып. 2. – С. 147-153.
3. Большой энциклопедический словарь. – Режим доступа: http//www.vedu. ru/BigEnzDic/37628].
4. Ожегов, С.И., Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 00- слов и фразеологических выражений. – 4-е изд., доп. – М.: ООО «А ТЕМП», 2010. 944 с).
5. Филимонова, О.Е. Категория эмотивность в английском тексте (когнитивные и эмотивные аспекты): дис. … докт. филол. наук. – СПб., 2001).
6. Виноградов, В.В. Русский язык. (грамматическое учение о слове). – Москва-Ленинград: Гос.-учеб.-пед-е изд-во Мин. Просвещ. РСФСР, 1947. – 784 с. – С. 745.
7. Goddard, Cliff. Anger in the Western Desert: A Case in the Cross-Cultural Semantics of Emotion // Man. V. 26, 1991.
8. Пименова, М.В. Категоризация эмоций в наивной картине мира как отражение русской ментальности // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского/ Серия «Филология» Социальные коммуникации». – 2011. – Том 24 (63). – №4. – Часть 2. – С.352-361
9. Ильюшина, Е.С. Эмоции и их выражение в языковой картине мира. В 3ч. // Филология и культура: тезисы 2–ой Международной конференции, 12-14 мая 1999 г.; отв. ред. Н.Н. Болдырев; редколл: Е.С. Кубрякова и др. – Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2007. – Ч.1. – С.48-50.
10. Rudolf Otto Wiemer (доступ на сайте http://gedichte.xbib.de/rudolf+otto+wiemer_gedichte_recherche.htm)
11. Кривоносов, А.Т. Система классов слов как отражение структуры языкового сознания: (Философские основы теоретической грамматики) / А.Т. Кривоносов. – М.; Нью-Йорк, 2001.
12. Вежбицкая, А. Понимание культур через посредство ключевых слов. – М., 2001.
13. Девкин, В.Д. О субстантивном, глагольном, наречном и междометном «стиле» / В.Д. Девкин // Теория и практика описания разговорной речи. – Горький, 1978. – Вып.9. – С. 33-38.
14. DUDEN Deutsches Universalworterbuch/ Hrsg. von der Dudenredaktion. – 5., uberarb. Aufl.– Mannheim; Leipzig; Wien; Zurich : Dudenverlag 2003.
15. Косов, В.Г. Междометия современного немецкого языка как особый разряд слов: дис. … канд. фил. наук. – М., 1963.
16. Айтбаев, А. Менталитет кыргызского народа как объект философского исследования: автореф. дис. … докт. философ. наук. – Бишкек, 2007
17. Moskalskaja, O.I. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache / O.I. Moskalskaja. – 2. Aufl. – M. : Hochschule, 1975. – 366 S.
18. Иманалиев, С. Кыргыз тилиндеги сырдык сөздөр. – Ф.: Мектеп, 1969.

References

1. Gumbol'dt, V. Izbrannye trudy po yazykoznaniyu. – 2-e izd. – M.: Progress, 2000. – 396 s.
2. Ahidzhakova, M.P. Semanticheskoe pole otrazheniya mental'nosti adygov v yazykovom prostranstve A. Evtyha // Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Filologiya i iskusstvovedenie. – 2012. – Vyp. 2. – S. 147-153.

3. Bol'shoj ehnciklopedicheskij slovar'. – Rezhim dostupa: http//www.vedu. ru/BigEnzDic/37628].
4. Ozhegov, S.I., SHvedova, N.YU. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka: 80 00- slov i frazeologicheskih vyrazhenij. – 4-e izd., dop. – M.: OOO «A TEMP», 2010. 944 s).
5. Filimonova, O.E. Kategoriya ehmotivnost' v anglijskom tekste (kognitivnye i ehmotivnye aspekty): dis. … dokt. filol. nauk. – SPb., 2001).
6. Vinogradov, V.V. Russkij yazyk. (grammaticheskoe uchenie o slove). – Moskva-Leningrad: Gos.-ucheb.-ped-e izd-vo Min. Prosveshch. RSFSR, 1947. – 784 s. – S. 745.
7. Goddard, Cliff. Anger in the Western Desert: A Case in the Cross-Cultural Semantics of Emotion // Man. V. 26, 1991.
8. Pimenova, M.V. Kategorizaciya ehmocij v naivnoj kartine mira kak otrazhenie russkoj mental'nosti // Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo/ Seriya «Filologiya» Social'nye kommunikacii». – 2011. – Tom 24 (63). – №4. – CHast' 2. – S.352-361
9. Il'yushina, E.S. EHmocii i ih vyrazhenie v yazykovoj kartine mira. V 3ch. // Filologiya i kul'tura: tezisy 2–oj Mezhdunarodnoj konferencii, 12-14 maya 1999 g.; otv. red. N.N. Boldyrev; redkoll: E.S. Kubryakova i dr. – Tambov: TGU im. G.R. Derzhavina, 2007. – CH.1. – S.48-50.
10. Rudolf Otto Wiemer (dostup na sajte http://gedichte.xbib.de/rudolf+otto+wiemer_gedichte_recherche.htm)
11. Krivonosov, A.T. Sistema klassov slov kak otrazhenie struktury yazykovogo sozna-niya: (Filosofskie osnovy teoreticheskoj grammatiki) / A.T. Krivonosov. – M.; N'yu-Jork, 2001.
12. Vezhbickaya, A. Ponimanie kul'tur cherez posredstvo klyuchevyh slov. – M., 2001.
13. Devkin, V.D. O substantivnom, glagol'nom, narechnom i mezhdometnom «stile» / V.D. Devkin // Teoriya i praktika opisaniya razgovornoj rechi. – Gor'kij, 1978. – Vyp.9. – S. 33-38.
14. DUDEN Deutsches Universalworterbuch/ Hrsg. von der Dudenredaktion. – 5., uberarb. Aufl.– Mannheim; Leipzig; Wien; Zurich : Dudenverlag 2003.
15. Kosov, V.G. Mezhdometiya sovremennogo nemeckogo yazyka kak osobyj razryad slov: dis. … kand. fil. nauk. – M., 1963.
16. Ajtbaev, A. Mentalitet kyrgyzskogo naroda kak ob"ekt filosofskogo issledovaniya: avtoref. dis. … dokt. filosof. nauk. – Bishkek, 2007
17. Moskalskaja, O.I. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache / O.I. Moskalskaja. – 2. Aufl. – M. : Hochschule, 1975. – 366 S.
18. Imanaliev, S. Kyrgyz tilindegi syrdyk sөzdөr. – F.: Mektep, 1969.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

УДК 81’27

Ч.К. Найманова,
А.Т. Тынчтыкбекова
Бишкек, Кыргызстан

ПЕРСУАЗИВНАЯ РОЛЬ ДЕЙКСИСА (НА ПРИМЕРЕ ИНАУГУРАЦИОННОЙ РЕЧИ 45 ПРЕЗИДЕНТА США ДОНАЛЬДА ДЖ. ТРАМПА)

Аннотация. *В статье рассматривается роль дейксиса в персуазии на примере инаугурационной речи 45 президента США Дональда Дж. Трампа. При анализе речи внимание было уделено различным типам дейксиса, их функционирование в речи, а также цель их использования.*

Ключевые слова: *персуазия, дейксис, политический дискурс.*

Сведения об авторах: *Найманова Чолпон Капаровна, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой западных языков; Кыргызско-Турецкий университет «Манас». Тынчтыкбекова Айжан Тынчтыкбековна, студентка 4 курса отделения западных языков (программа английский язык и литература),.*

Место работы: *Кыргызско-Турецкий университет «Манас».*

Ch.K. Naimanova,
A.T. Tynchtykbekova
Bishkek, Kyrgyzstan

PERSUASIVE POWER OF DEIXIS (BASED ON THE 45th US PRESIDENT, DONALD J. TRUMP’S INAUGURAL SPEECH)

Abstract*. This paper aims to analyze the persuasive power of deixes, exactly in the 45th US President, Donald J. Trump’s Inaugural Speech. The speech was analyzed according to different types of deixis, their usage and purpose.*

Keywords: *persuasion, deixis, political discourse.*

About the author: *Naymanova Cholpon Kaparovna, Doctor of Philology, Professor and Head of the Department of Western Languages; Kyrgyz-Turkish Manas University.Tynchtykbekova Ayjan Tynchtykbekovna, 4-year student of the Department of Western Languages (English language and Literature program).*

Place of Empolyment*: Kyrgyz-Turkish Manas University.*

Контактная информация: *Бишкек, микрорайон Джал, кампус им. Чингиз Айтматова, здание факультета экономики, ка. 108.*

e-mail: chnaiman@mail.ru; atynchtykbekova@gmail.com

Once an ancient Greek fabulist and storyteller Aesop said “Persuasion is often more effectual than force”. Through the history we are acquainted with rulers, presidents, khans, pharaohs, politicians and so on who have their own way or method of persuading. One used the power of army, another – power of language.

In this paper we will study the persuasive power of deixis with the examples from Donald Trump’s Inaugural speech. We will focus only on the use of personal, time, place and social deixes.

1. Personal deixis

Donald John Trump is known as a plain dealer, both in his speeches and behavior. His usage and choice of words are more straightforward than USA’s other political leaders and his opponents. The text under analysis is his Inaugural Speech delivered on January 20, 2017. Donald Trump used personal deixis “*we”* more than 45 times. “*We, the citizens of America, are now joined in a great national effort to rebuild our country and to restore its promise for all of our people.” [1].* According to O.L.Mihalyeva the purpose of his repetition of the pronoun “*we”* can be explained as the unity with the audience [2]. In politics, the

best way to persuade the audience is to show your unity with the audience, your position together with the citizens. When *"we"* is used in political speeches, its main function is to create a group where multiple people are involved, instead of referring to one particular individual [3].

*"**We will** face challenges. **We will** confront hardships, but **we will** get the job done". [1].* Here we see one of the famous persuasive strategies ***The Rule of Three,*** which propose that the data given in number three is more effective and influential than in any other number. Therefore, in the examples given above we see the rule of three given with first person deixis "*we"*. Another example: ***we all** bleed the same red blood of patriots, **we all** enjoy the same glorious freedoms, and **we all** salute the same great American Flag"[1].* In the sentences above, Trump signifies himself in the position of a usual citizen, as he doesn't say "*you and I*" dividing himself from the audience instead he strengthens the link between himself and his followers. In such a way, he is enforcing his unity with the citizens of America. In the following sentence, he used first person deixis "*our"* in the rule of three strategies. "*A new national pride will stir **our** souls, lift **our** sights, and heal **our** divisions" [1].* Here the speaker makes it clear that he is together with the audience, he reinforces the notion of being united with the citizens and his followers.

Here is the example of second person deixis, The Rule of Three strategy: "***Your** voice, **you**r hopes, and **your** dreams will define our American destiny" [1].* The usage of the second person deixis in the Rule of Three enables Donald Trump to outline the responsibilities of the audience. Your voice can be explained as your choice of the president, your hopes as your expectations from your president, your dreams as your vision of the future. Thus, he demonstrates that the responsibility fallen on his shoulders as President must be shared with the citizens. In another words he shows that they have a common hope, dream and voice. This very idea was supported also by The Rule of Three with the first person deixis "*our": "We must protect our borders from the ravages of other countries making **our** products, stealing **our** companies, and destroying **our** jobs" [1].* "*Our"* here means mine and yours, thus he shows that everything in this country bellows to them, for American citizens. This very notion was explained in his following sentence: "We will follow two simple rules: buy American and hire American".

Table 1. Personal deixis used in Donald Trump's Inaugural Speech

First person deixis	**We**	**Our**	**I**
	48	46	3
Second person deixis	**You**	**Your**	
	11	11	
Third person deixis	**They**	**Their**	**Themselves**
	5	10	1

According to the table we can notice the fact that Trump used first person plural deixis "*we"* more than any other. We can meet *I* pronoun in the whole

speech only 3 times: *"The oath of office **I** take today is an oath of allegiance to all Americans","**I** will fight for you with every breath in my body- and **I** will never, ever let you down" [1].* Again the shortage of the first person singular only reinforces the notion of unity with the audience, yet demonstrating persuasive and assertive position of Donald Trump: *"I will fight…; I will never…; I take…" [1].*

Based on the analysis of the speech, some deixis were clarified. For instance, "*This is your day. This is your celebration. And **this, the United States of America**, is your country". [1].* Here Donald Trump signifies the importance of the place - the United States of America. **This** couldn't be as expressive as here without clarifying. *"Today's ceremony, however, has very special meaning. Because today we are not merely transferring power from one administration to another, or from one party to another -- but we are transferring power from Washington, D.C. and giving it back to **you, the American People**." [1].* Here Trump emphasizes the importance of the citizens, by clarifying who are exactly "you", displaying his position towards migrants, another countries and societies. Donald Trump repeats the words *USA, Americans, American people, the citizens of America, American family, workers* and so on several times. His usage of the word *American* reveals his position, which he says later: "*We will follow two simple rules: Buy American and hire American", "We must protect our borders from the ravages of other countries making our products, stealing our companies, and destroying our jobs." "**We, the citizens of America**, are …" [1]* the speaker explains who is we (the citizens of America), thus, he enhances the persuasive aim of the pronoun. Without clarifying the term, it can be interpreted differently as for example: *we, the government;* or *we, the Trump organization,* and so on. Yet the relevant clarifying of the deixis makes his speech assertive.

"*…competent handling of deictic perspectives in persuasive texts is essential to its effectiveness. For example, a persuasive text that fails to make clear its intended audience or one that shifts from one addressee to another without explanation can falter in its goal of persuasion. Similarly, a text written by an expert should show sufficient control of deixis to best serve the persuasive goal" [4].*

"Everyone is listening to you now" said Donald Trump during his speech. Here an important thing to display is *"you".* Approaching for the audience in this way he focuses on one of his aims: *"You will never be ignored again" [1].* Here he assertively emphasizes that every citizen will be heard.

2. *Time and Place deixis.* Temporal deixis determines the speech event in time by means of adverbs ('now', 'then') or nouns ('Tuesday', 'April'). Tense inflection on verbs can also be analyzed as temporal deixis as it proposed by Anderson and Keenan (1985).

Donald Trump in his Inaugural speech used time deixes such as "*now"* and *"today"* several times. Now we can analyze the persuasive purpose of the usage of this type of deixis.

*"Everyone is listening to you **now**."* said Donald Trump during his speech. *[1].* Here we see the usage of time deixis "*now",* which is giving the assertive and persuasive manner to the sentence. Another example is "*The time for empty talk is over. **Now** arrives the hour of action" [1].* With this sentence, he reassures the audience in his further actions: the time for useless promises is over. Now arrives the time of action. He persuades the audience that his company "*will no longer accept politicians who are all talk and no action" [1].* The other example of temporal deixis is: "***Today's** ceremony, however, has very special meaning. Because **today** we are not merely transferring power from one administration to another, or from one party to another –but we are transferring power from Washington, D.C and give it back to you, the American People" [1].* Time deixis *"today"* was uttered twice in one paragraph. Repetition of it only reinforces the influence of the paragraph, emphasizing the importance of that ceremony for American people and America. The following sentence can be also supportive for this idea: "*It belongs to everyone gathered **here today** and everyone watching all across America" [1]. T*ime deixis today only strengthens the significance of this Inauguration. In addition, we can find here **Place deixis** *"here".* The usage of time and place deixes together gives a strong influential manner to the sentence; the action is happening right now and right here. Further, we can encounter such supporting examples: "***This** American carnage stops right **here** and right **now**", "That all changes – starting right **here**, right **now**, because **this** moment is your moment: it belongs to you" [1].* Every sentence carries persuasive purpose of reassuring the audience that this moment is decisive.

Table 2. Time and Place deixes used in Donald Trump's Inaugural Speech

Time deixes	**Today**	**Now**
	5	6
Place deixis	**Here**	
	4	

3. Social deixis. Social deixis doesn't concern with previous notions such as person, time or place. It refers to the social characteristics or distinctions between the participants in a discourse. We can encounter social deixis only at the beginning of the speech. *"Chief Justice Roberts, President Carter, President Clinton, President Bush, President Obama, fellow Americans, and people of the world: Thank You" [1].* He mentions the leaders and the citizens to thank them in a relevant manner, he points out every leader individually. Again, he emphasizes the citizens of America separately, thus giving to his speech the sense of national assertiveness. Further, he added, "*Every four years, we gather on these steps to carry out the orderly and peaceful transfer of power, and we are grateful to President Obama and First Lady Michelle Obama for their gracious aid throughout this transition. They have been magnificent*" *[1].* Here he approached exactly to *President* Barak Obama and his wife, thanking for their *"gracious aid throughout this transition".* Again, we can see here the relevant use of social deixis, which gives the speech formality. In his Inaugural speech, he used social deixes: *Presi-*

dent, Chief Justice, and First Lady. The repetition of the deixis *"President*, he used 5 times, only emphasizes the significance of that Inauguration.

Table 3. Social Deixes

Social deixes	**President**	**Chief Justice**	**First Lady**
	5	1	1

During his Inaugural Speech Donald J. Trump in addition criticized the previous government and the politicians of the USA. "*Washington flourished – but the people did not share in its wealth. Politicians prospered – but the jobs left and the factories closed"; "The establishment protected itself, but not the citizens of our country. Their victories have not been your victories; their triumphs have not been your triumphs; and while they celebrated in our nation's capital, there was little to celebrate for struggling families all across our land" [1].* In such a way, he reassures the citizens that the new government will take actions. *"From this day forward, a new vision will govern our land"*, he persuades his followers a bright and brilliant future with actions and no empty talk.

In conclusion, we would like to state that deixis plays a persuasive role in political discourse. As an object we took the 45th US President, Donald J. Trump's Inaugural speech which was delivered on January 20, 2017. We analyzed the speech, exactly the usage and the aim of deixes (personal, time, place and social deixes). We investigated the Rule of Three with the personal deixes, and their impact on the audience. Then we worked on the clarification of the deixis in the sentence and again its influence on the audience, exactly on the persuasive impact of his speech.

Литература

1. US President Donald Trump's Inaugural Speech. (http://mycatbirdseat.com/2017/01/96075-us-president-donald-trump-inauguration-speech/)

2. Михалёва, О. Л. Политический дискурс как сфера реализации манипулятивного воздействия: автореф. дис. ... канд. филол.наук: 10.02.01/ Ольга Леонидовна Михалёва. – Кемерово, 2004. – 21 с

3. Bramley, N. R. Pronouns of Politics: the use of pronouns in the construction of 'self' and 'other' in political interviews. [online] [April 10, 2012], 2001.

4. Deixis in Narrative: A Cognitive Science Perspective. Edited by Judith F. Duchan, Gail A. Bruder. – UK, Hillsdale, New Jersey Hove: Lynne E. Hewitt. Lawrence Erlbaum Associates, Inc., 1995.

References

1. USA President, Donald J. Trump's Inaugural Speech. (http://mycatbirdseat.com/2017/01/96075-us-president-donald-trump-inauguration-speech/)

2. Mihalyova, O. L. Politiçeskiy diskurs kak sfera realizatwii manipulyativnogo vozdeystviya: avtoref. dis. ... kand. filol.nauk: 10.02.01/ Olga Leonidovna Mihalyova. – Kemerovo, 2004. – 21 s

3. Bramley, N. R. Pronouns of Politics: the use of pronouns in the construction of 'self' and 'other' in political interviews. [online] [April 10, 2012], 2001.

4. Deixis in Narrative: A Cognitive Science Perspective. Edited by Judith F. Duchan, Gail A. Bruder. – UK, Hillsdale, New Jersey Hove: Lynne E. Hewitt. Lawrence Erlbaum Associates, Inc., 1995.

УДК 81

Анджу Мехта
Нью Дели, Индия

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ПУБЛИЧНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЯХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЛИДЕРОВ

Аннотация. *Общеизвестное положение, кочующее из одной работы в другую, о том, что эпоха глобализации несет угрозу для малочисленных народов и малых государственных образований (исчезновение, ассимиляция, утрата этнической идентичности, политической самостоятельности и др.) зачастую создает у человека ощущение безысходности, невозможности изменить данную ситуацию, неверие в собственные силы. Однако мы должны знать, что прослеживается закономерность, общая для языков и культур не только малочисленных этносов, но и народов, являющихся основой крупных, экономически сильных, независимых государств. Эту закономерность можно определить как лингвокультурная эрозия, проявляющаяся в постепенном размывании внутренней формы слова, фразеологизма, пословицы, поговорки, выветривании, деформации контуров синтаксических конструкций, недопонимании этнической логики мышления, опрощении образно-эмоционального строя языка, непонимании символического компонента языковых единиц и т.д. В основе концепции ревитализации языка и культуры лежит мысль о том, что пока мы в своем процессе дисперсии не достигли точки невозврата, критической точки, после перехода которой не может быть возвращения к исходному состоянию, всегда есть возможность усилить жизнеспособность языка и культуры, возможность ревитализации.*

Ключевые слова: *ревитализация, забвение внутренней формы, лингвокультурный комментарий, этническая логика мышления, опрощение образно-эмоционального строя языка.*

Сведения об авторе: *Анджу Мехта, преподаватель русского языка. Место работы: Университет имени Джавахарлала Неру, Институт русского языка в Российском Центре Науки и Культуры, Нью Дели.*

Anju Mehta
New Delhi, India

A FEW WORDS ABOUT PUBLIC SPEECHES OF POLITICAL LEADERS

Abstract. *The well-known situation, wandering from one science work to another, that the era of globalization threatens small nations and small state entities (disappearance, assimilation, loss of ethnic identity, political independence, etc.) often creates a feeling of hopelessness in a person , Impossibility to change this situation, disbelief in one's own strength. However, we must know that the law can be traced, common not only for the languages and cultures of small ethnic groups, but also for the peoples that are the basis of large, economically strong, independent states. This regularity can be defined as linguocultural erosion, manifested in the gradual erosion of the internal form of the word, phraseology, proverb, saying, weathering, deformation of the contours of syntactic constructions, misunderstanding of the ethnic logic of thinking, questioning the figurative and emotional structure of the language, misunderstanding of the symbolic component of linguistic units, etc. Ehe idea that while we in our dispersion process have not reached the point of no return, the critical point, after the transition of which there can not be a return to the initial state, there is always the opportunity to strengthen the viability of language and culture, the possibility of revitalization is at the heart of the concept of revitalization of language and culture.*

Key words: *revitalization, the oblivion of the internal form, linguistic and cultural commentary, ethnic logic of thinking, simplification of emotional structure of the language.*

About the author*: Andju Mehta, the teacher of Russian.Place of employment: Jawaharlal Nehru University, Russian Language Institute at the Russian Center for Science and Culture, New Delhi.*

Контактная информация: *Нью Дели, Индия, anju1411@gmail.com*

Поскольку синтаксическая структура взаимосвязана с характером произношения, а само произношение в классической риторике всегда считалось частью «действия-телодвижения», как голос и дыхание – «частью тела», для меня анализ ораторского дара и телодвижений – весьма интересная тема. В продолжение моей кандидатской диссертации в этот раз я решила взять речи В. Путина и нашего премьер-министра Моди. При этом анализу подлежит не только выступления и речи нашего государственного деятеля, но и его поведение, когда он находится на сцене.

История человечества и наша современность знает множество примеров, когда сила ораторского слова, как средство манипуляции, использовалась для того, чтобы установить свою власть, заманить наивную публику. Успех таких «хороших» ораторов всегда оказывался временным, а история всё расставляла на свои места.

Хотя разные люди в разные времена по-разному определяли ораторское искусство, однако все признают, что это талант, которым некоторые люди (лидеры) или одарены от природы, или сами активно и сознательно работают над его развитием. Ораторское искусство – это умение произносить публичные речи убедительно и действенно. Всякому делу можно научиться, но ораторское искусство, как и всякое искусство, связано с *талантом* человека. Чтобы быть подлинным оратором, нужен особенный талант, природное дарование.

Как об этом писал Цицерон: «Первое и важнейшее условие для оратора есть природное дарование… Ведь для красноречия необходима особого рода живость ума и чувства, которая делает в речи нахождение всякого предмета быстрым, развитие и украшение – обильным, запоминание – верным и прочным».

Ведь все мы когда-то в жизни сталкиваемся с ситуациями, когда от нас требуется что-то высказать публично: будь это произношение краткого, самого элементарного поздравления или объяснение какого-либо явления. Одним словом, требуется построить развёрнутую речь, и именно в таких ситуациях проверяются знания, образованность, внутренняя энергия, воля, инициативность, умение найти нужные слова и выразить их в привлекательной форме.

Произношение публичных речей – дело ответственное, где оратор отвечает за каждое произносимое им слово, несмотря на то, что речь его может быть написана профессиональным спичрайтером. От оратора требуется честность, хорошее образование, выучка и опыт, умение установить контакт со слушателями, харизма. Посредством выступлений руководитель страны имеет возможность обратиться как к международному сообществу, так и к гражданам своей страны. Так определяются место страны на международной арене, её взаимоотношения с другими государствами, роль в деятельности мирового сообщества (Моди в ООН).

Обязательным для ораторов всегда считался большой запас знаний. Большой заслугой оратора считается умение говорить экспромтом, для чего требуется жизненный опыт и навык публичных выступлений. Оратор должен владеть нормами литературного языка и умело использовать его богатства. Развитие ораторского таланта предполагает работу над собой, которая состоит в постоянном повышении *знаний и образованности оратора*. Как выразился Цицерон, «Красноречием можно овладеть, лишь сравнявшись в знаниях с образованнейшими людьми». Аудитория не будет слушать того оратора, который плохо знает предмет своей речи и не умеет рассуждать, излагать, выражать свои мысли, свою точку зрения, логически и последовательно, изобретательно и занимательно.

Еще одно требование к хорошему оратору – это *своеобразие его личности*. Всякого оратора ценят, если он обладает своим собственным взглядом на предмет и аргументированно защищает свою философско-профессиональную позицию. Отстаивание позиции не предполагает прямолинейного упрямства, напротив, хороший ритор ведёт себя мудро, тонко и уместно: он умеет не только промолчать, и выслушать оппонента, но и отстоять, в конце концов, свою точку зрения.

Согласно Квинтилиану, «чтобы быть хорошим оратором, надо быть хорошим человеком». Настоящий оратор думает не о временном успехе своей речи, а о том, как его «слово отзовётся» впоследствии. Он размышляет о том, какими будут долговременные последствия его слов.

Нам известно, что каждый политик – это, прежде всего, оратор, думающий и говорящий, пишущий (хотя иногда пишут спичрайтеры), занимающий определенную позицию и отстаивающий ее в словесных единоборствах. Если классические речи создавались одним человеком (например, речи Ленина), то письменную основу речи в XX веке стали готовить помощники оратора – так называемые спичрайтеры или референты, однако невозможно отрицать, что устную речь произносит оратор, ответственный за эту речь, и он вовсе не является некоей «говорящей головой», куклой, марионеткой, которой только подсовывают текст.

Часто этот оратор молчит, «держит паузу», поскольку нет ничего значимее правильной паузы в риторике: «вовремя сказать, вовремя и промолчать», но нет политиков бессловесных. Поэтому умение владеть речью, рассчитывать свои мысли и слова, формировать через стиль своей речи стиль общественной жизни – качества влиятельного политика-оратора. Политика есть общение с народом, служение народу. Всякий политик – оратор.

Анализируя выступления индийского премьер министра Моди (аудио и видеозаписи), можно явно заметить, что произнося свою речь, он помнит, что он обращается к живым людям, а не к бумажке, на которой написан текст его выступления. Если в речах Моди мы сталкиваемся со словами официально-делового стиля, такими, как *реформы, предпринимательство, развитие, международное сотрудничество, патриотизм, инновации*, также

встречаются сравнительно новые термины: *микрофинансирование, «святой подход», путь к истине* и т.д.

Мы заметили элементы «хорошего актера», лидера, держащего руку на «пульсе публики» во время выступлений Моди в его телодвижениях. Недавно в своей новогодней речи, индийский премьер постоянно хвалил индийсих людей, которые, по его словам, вели себя очень достойно, ответственно в недавнем кризисе, когда его же правительство приняло решение о демонетизации, речь шла о процессе, когда все старые купюры по 500 и 1000 рупий были объявлены недействительными, что причинило огромные трудности рядовым индийцам. Моди в своей речи признал неудобства, причинённые людям, поблагодарил и похвалил их за терпение, понимание и поддержку в процессе создания «светлой» Индии, лишенной нечестных коррумпированных чиновников. Он уверял индийский народ, что все «черные деньги», поступившие в банки за последние 2 месяца, будут использованы в целях улучшения качества жизни рядового индийца. Мне, конечно, очень хочется ему поверить, при этом я бы восприняла его слова с небольшим доверием. Я бы сказала, что он не всегда говорит только то, что думает. При этом он всегда думает, что говорит!

Рассматривая публичные выступления политических деятелей, мы пришли к выводу, что торжественность и строгость рассматриваемой ситуации речи требуют от выступающего такой же торжественности, дисциплинированности и соответствия традициям пластического поведения. Следя за телодвижениями наших ораторов, нам казалось, будто российский лидер В.Путин недвижим, стоя на трибуне, но в его неподвижности заключается большая энергетическая сила. Жестикуляция русского оратора скупа, и жест используется только в самых эмоциональных моментах речи.

В отличие от В. Путина, при рассмотрении несколько публичных выступлений Моди мы заметили огромное количество жестов. Его глаза, шея и особенно его руки, пальцы постоянно двигаются. Движение, которое мы больше всего заметили у нашего премьера Моди, это шпилеобразное положение рук. Согласно определению этого жеста, данного Витом Ценёвым, – это один из редких жестов, который часто используется изолированно от других жестов и, таким образом, толковать его нужно очень аккуратно, согласно контексту. Но если обобщать и назвать наиболее характерные закономерности, то шпилеобразное положение рук означает уверенную или же «всезнающую позицию». Этот жест типичен для тех людей, кому часто приходится отдавать приказы и распоряжения. В целом, шпилеобразное положение рук мы можем считать конструктивным жестом, хотя бы в том смысле, что он демонстрирует позицию уверенного и хорошо осведомленного человека, который знает, что он хочет.

Вам, наверное, будет интересно знать, что, в отличие от В.Путина, у нас в стране большинство не верит словам Моди, и он для них является, скорее, источником развлечения. Самым выразительным элементом пла-

стики становятся мимика и более всего глаза говорящего. Выражение лица и взгляд имеют праздничный, радостный и в то же время строго торжественный вид. При этом требуется известное разнообразие эмоций с переходом от серьёзной проблематики к радостной торжественности. Подобно новогодней речи Путина, Моди тоже кончает своё выступление с пожеланиями счастья, здоровья и успехов его людям.

Изучая видеозаписи торжественных речей российских президентов, мы заметили, что и В.В. Путин, и Д.А. Медведев (особенно в День Победы) только читают написанный текст и не устанавливают прямого контакта с публикой, сидящей перед ними. В то же время очевидно, что такой контакт есть!.. Если бы они начали «крутить головой», как американские президенты во время выступлений в ходе предвыборной кампании, и обращаться к присутствующим с риторическими вопросами, создавалось бы ощущение «мельтешения», заискивания перед слушателями. Очевидно, что ответственность за содержание произносимой торжественной речи требует от российских лидеров, чтобы они не совершали лишних отвлекающих движений.

На военном параде, посвящённом 65-летию Великой Отечественной войне, российский президент обращается с речью ко всему народу и странам мира, его взгляд устремлён в многомиллионное пространство. Несмотря на торжественность мероприятия, В.В. Путин не позволяет себе улыбки, в сущности, не отвлекается на сидящих на трибунах зрителей. Таким образом, торжественность и радость выражаемых эмоций достигаются пластической строгостью и сдержанностью. Хотя осанка у него прямая, плечи расправлены, мы не отметили у него ни одного движения руками, тогда как Моди и при выступлениях в ООН, и по поводу дня преподавателей, и на новый год постоянно использует не просто руки, но и указательный палец: то, что может означать несогласие. В то же время их поза «свободна», она так «задумана» оратором (Моди).

Конечно, на мой «иностранный» взгляд, В.Путин должен был хотя бы несколько раз поднять глаза и посмотреть на присутствующих соотечественников и зарубежных гостей – особенно, когда он обращается к представителям государств – союзников. Возможно, это авторское восприятие русского телесного поведения, которое оказывается, на взгляд иностранца, несколько скованным или излишне строгим. Очевидно, что русская пластическая культура требует большей строгости, в то же время эмоция радости выражается бодрым и звучным голосом, ритмом речи, свежим и своеобразным тембром голоса, который, безусловно, имеется у каждого обсуждаемого оратора.

Что касается выражения эмоций, сопутствующих телесному поведению, заметим, что нам было весьма приятно наблюдать за Д.А. Медведевым во время новогоднего выступления, когда он щедро улыбался. У В.В. Путина даже в этой ситуации лицо было неподвижно, без особого выражения,

так что создавалось впечатление, будто у него маска на лице. Однако, нам известно, что, как это ни парадоксально для иностранца, к В.В. Путину и в этом случае всё же больше доверия, поскольку от оратора-президента требуются серьёзность и остроумие, а они передаются, прежде всего, содержанием и стилем речи. Впрочем, возможно, это лишь иностранное восприятие поведения российского лидера во время торжественной речи, а российскую публику такая серьёзность и «неулыбчивость» нисколько не смущают.

При индивидуальном своеобразии можно говорить и об универсальных качествах, которые должны быть присущи оратору. Такие качества оратора всегда обсуждались в риторике, касаясь характера и свойств личности оратора – их принято называть ораторскими нравами. К ним относятся честность, образованность, скромность, предусмотрительность, ответственность, решительность и др.

«Политика есть прежде всего служение, не карьера, не личный жизненный путь, не удовлетворение тщеславия, честолюбия и властолюбия. … Истинное политическое служение имеет в виду весь народ в целом. Истинный политик не раскалывает людей и не натравливает их друг на друга, а напротив, стремится объединить их на том, что им обще. Значит, высказывая свои спорные мнения, политик утверждает органическую солидарность всех со всеми. Политика есть искусство объединять людей» [3,с. 155].

Объединение людей – добавим от себя – возможно только через слово.

Литература

1. Романенко, А.П. Образ ритора в советской словесной культуре: учебное пособие. – М., Флинта: Наука, 2003.-432с.
2. Хазагеров, Г.Г. Политическая риторика. – М.: Никколо-Медиа, 2002.
3. Ильин, И.А. Наши задачи. – М., 1993. – 155 с.
4. Культура русской речи. Энциклопедический словарь-справочник / Под общ. рук. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева. – М., 2003.
5. Ценёв, Вит. Язык политических телодвижений, 2005.

References

1. Romanenko, A.P. Obraz ritora v sovetskoj slovesnoj kul'ture: uchebnoe posobie. – M., Flinta: Nauka, 2003.-432s.
2. Hazagerov, G.G. Politicheskaya ritorika. – M.: Nikkolo-Media, 2002.
3. Il'in, I.A. Nashi zadachi. – M., 1993. – 155 s.
4. Kul'tura russkoj rechi. EHnciklopedicheskij slovar'-spravochnik / Pod obshch. ruk. L.YU. Ivanova, A.P. Skovorodnikova, E.N. SHiryaeva. – M., 2003.
5. Cenyov, Vit. YAzyk politicheskih telodvizhenij, 2005.

ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКАЯ КАРТИНА МИРА

УДК 81

Л.Г. Беликова, И.Н. Ерофеева
Санкт-Петербург, Россия

ОСОБЕННОСТИ РУССКОГО РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ В КОНФЛИКТНОМ ДИАЛОГЕ (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ)

Аннотация. *В статье рассматриваются проблемы анализа диалогов в ситуациях конфликтного общения, их классификации. Рассматриваются особенности поведения русских людей в конфликтных ситуациях. На материале повести Л. Петрушевской «Время ночь» анализируется тексты конфликтного общения в русле теории речевого жанра.*

Ключевые слова: *диалог, особенности речевого поведения, конфликтное общение, речевой жанр.*

Сведения об авторах*: Беликова Любовь Григорьевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания. Место работы: Санкт-Петербургский государственный университет.*

Ерофеева Инна Николаевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания. Место работы: Санкт-Петербургский государственный университет.

Контактная информация: *199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д.11*

e-mail: l.belikova@ spbu.ru i.erofeeva @ spbu.ru

L.G.Belikova, I.N. Erofeeva
St.-Petersburg, Russia

FEATURES OF RUSSIAN VERBAL BEHAVIOUR IN CONFLICT DIALOGUE (ON THE MATERIAL OF MODERN FICTION)

Abstract*. This article is devoted to the problem of communication in conflict situations analysis, classification of conflict dialogues . The behavior of the Russian people in conflict situations is discusses. examines The texts of conflict communication in the story by l. Petrushevskaya "Time is night" are analyzed basing on the theory of speech genre.*

Key words: *dialogue, features of speech behavior, conflict communication, speech genre.*

About the authors*: Belikova Lubov Grigorievna, candidate of pedagogical sciences, Associate Professor at the Department of Russian language and methods of its teaching at St. Petersburg State University. Place of employment: St. Petersburg State University.*

Erofeeva Inna Nickolaevna, candidate of pedagogical sciences,Associate Professor at the Department of Russian language and methods of its teaching at St. Petersburg State University. Place of employment: St. Petersburg State University.

Вопрос особенностей речевого поведения в ситуациях конфликта уже давно изучается социологами, психологами, психолингвистами, лингвистами. Проблемой классификации и анализа споров, ссор занимается сейчас и этнопсихология, предметом которой являются особенности поведения, эмоциональных реакций, психики, характера, а также национальное самосознание и этнические стереотипы. Конфликтное общение стало объектом анализа и при изучении речевого жанра. Данный речедеятельностный феномен дает возможность исследовать конфликт как соединение лингвистических, психологических и социальных проявлений в общении. Художественная литература нашего времени предоставляет достаточный материал

для анализа речевого поведения собеседников в ситуациях, которые можно назвать конфликтными.

В зависимости от интенсивности выражения значения конфронтации конфликтные диалоги в художественных произведениях исследователи предлагают делить на четыре типа:

а) ослабленный конфликт (контекст указывает на наличие конфликта, но в репликах диалога и их разворотах отсутствуют маркеры эмоциональной напряженности);

б) смягченный конфликт, в котором реплика только одного из коммуникантов является эмоционально напряженной, в основном без использования грубых лексических единиц, а реплика второго коммуниканта представлена высказываниями, реализующими тактику уклонения от конфликта;

в) острый конфликт, в котором оба высказывания являются эмоционально напряженными и включают диалогические маркеры конфликтности

г) мнимый конфликт, совпадающий по форме с острым, но отличающийся от него по содержанию (маркеры конфликтности употребляются шуточно) [1] .

Как ведут себя русские люди в ссоре? Зависит ли их поведение от социальной и экономической обстановки в обществе или же полностью регламентируется традиционными правилами поведения? Л.А. Шкатова выделяет на материале русских фольклорных текстов четыре типа основных стратегий конфликтного взаимодействия: уклонение от конфликта («Худой мир лучше доброй ссоры»); компромисс как способ разрешения конфликта к удовлетворению обеих сторон («Лучше мириться, чем браниться»); доминирование, подавление («Мягко стелет, жестко спать»); толерантность, или интегративная стратегия разрешения конфликта, которая предполагает пересмотр или корректировку целей и притязаний конфликтующих («Терпенье и труд все перетрут») [2]. Однако можно добавить и еще один тип поведения в ссоре, нашедший отражение в русских пословицах – непримиримость: « Нашла коса на камень», «Одна задириха, а другая неспустиха», «Остер топор, да и сук зубаст».

Анализируя поведение русских в конфликтных ситуациях, исследователи отмечают способность русских предъявлять друг другу претензии на высоком эмоциональном уровне, желание критиковать, желание доказать свою правоту, заставить принять свою точку зрения, бескомпромиссность. Компромиссный человек считается бесхребетным, бесхарактерным, не способным постоять за себя. Для русского общения также характерна открытость в выражении своего несогласия [3, с.130]. В конфликтной ситуации ярко выражаются эмоции собеседников: в споре эмоциональность поощряется, а ссора без нее не может быть названа ссорой. А ситуация конфликта, так же, как и ситуация взаимопонимания, свойственна русскому обществу и очень частотна.

Под конфликтной ситуацией мы понимаем ситуацию, в которой участники (оппоненты) отстаивают свои, не совпадающие с другими, цели и интересы, касающиеся объекта конфликта. Среди конфликтных ситуаций выделяют: ситуации деятельности; ситуации поведения; ситуации отношений [4]. Мы обращаемся к проблеме анализа речевого конфликта, а «речевой конфликт имеет место тогда, когда одна из сторон в ущерб другой сознательно и активно совершает речевые действия, которые могут выражаться в форме упрека, замечания, возражения, обвинения, угрозы, оскорбления и т.п. Речевые действия субъекта определяют речевое поведение адресата: он, осознавая, что указанные речевые действия направлены против его интересов, предпринимает ответные речевые действия против своего собеседника, выражая отношение к предмету разногласия или собеседнику. Эта противонаправленная интеракция и есть речевой конфликт» [5].

В современной лингвистической науке делаются попытки анализировать тексты конфликтного общения в русле теории речевых жанров. Понятие речевого жанра дает возможность исследовать текст конфликтного общения с точки зрения прагматической, интенциональной, установить связь между элементами, составляющими коммуникативноую ситуацию, и вербальными и невербальными средствами, используемыми коммуникантами в этой ситуации. Следуя теории Т.В. Шмелевой и Н.Д. Арутюновой, основополагающей для классификации речевых жанров необходимо считать коммуникативную цель, а также степень запрограммированности ответных реакций, распределение ролей и коммуникативных интересов, "правовой кодекс", протяженность, структуру, связность, интенциональное состояние собеседников, условия успешности развития диалогических тактик [6]. Тексты конфликтного общения уже исследовались с точки зрения речевого жанра. Так, Т.В. Дубровская выделяет общие прагматические признаки для «осуждения» и «обвинения»: 1) желание изменить самочувствие объекта оценки, 2) желание изменить действия объекта, 3) стремление дать выход отрицательным эмоциям, 4) стремление информировать об отрицательной оценке, 5) попытка найти оправдание своим действиям, защититься от нападок. Реакции на осуждения и обвинения имеют ряд общих типов: оправдание, указание на незначительность проступка, поддержка осуждения/обвинения, молчание как коммуникативно значимый акт. Параллелизм обнаруживается между реакцией на обвинение в виде непризнания вины и несогласием с оценкой как реакцией на осуждение. Специфическими для обвинений реакциями являются ответное обвинение, игнорирование обвинения, попытка запретить обвинение, просьба о прощении, невербальная реакция, прекращение коммуникации, поддержка обвиняемого, выражение неопределенности собственной позиции. Однотипными, по мнению исследователя, являются реакции на осуждение и обвинение: оправдание, указание на незначительность проступка, поддержка осуждения/обвинения, мол-

чание [7]. Для того, чтобы увидеть проявление специфических жанровых характеристик в конфликтном общении, возможно обратиться к текстам художественной литературы. Одним из самых насыщенных конфликтными диалогами произведений можно назвать повесть Л. Петрушевской «Время ночь».

Это повесть о родных людях, живущих в одной квартире, постоянно испытывающих нужду, не понимающих друг друга, не способных устроить свою жизнь достойно. Время, в котором они живут – страшное, жестокое и безликое. Это, скорее всего, 90-е годы – эпоха бедности, злости, социальной несправедливости и социальной незащищенности, когда «неудовлетворенность наших сограждан своей жизнью превратилась в одну из главных характеристик современного российского общества…. Почти две трети населения России находится в состоянии сильной тревоги. Цифры характеризуют катастрофическое сознание населения»[8]**.**

Члены этой семьи – образованные, интеллигентные мать и ее дети – не смогли сплотиться, не поддерживают друг друга. Анна, главная героиня повести, с горечью говорит: «Им не нужна была моя любовь. Вернее, без меня бы они сдохли, но при этом лично я им мешала».

Диалоги Анны Андриановны и ее дочери Алены представляют собой интересный материал для анализа конфликтного общения в однотипных ситуациях, которые могут быть квалифицированы как «Ссора».

1. Ситуация: Мать, дочь и зять что-то делают на кухне. Матери не нравится, как выглядит ее дочь.

– Аленка, – говорю, – я, когда тобой ходила, я себя не теряла. Мужайся, поди помой голову. В чем дело? Что за траур тут? Ты что, первый раз беременна?

Она:

– Дорогой, я говорила уже тебе, что мама круглая дура?

Перед нами – диалог, в котором оба собеседника в своих репликах выражают недовольство друг другом: укор (мать) – оскорбление (Алена). Эмоциональный фон создается при помощи усилительных синтаксических конструкций, вопросительных предложений.

Первая реплика – реализация цели «укорить, дать плохую оценку». Ответная реплика – не оправдание, не несогласие, не просьба о прощении. В высказывании Алены присутствует грубо-просторечная лексика, использованная специально для оскорбления. Цель девушки – обидеть, так же, как мать обидела ее.

2. Дочь вечером заходит в комнату матери. Она не согласна с решением матери не прописывать зятя в квартире:

– Ты что, желаешь мне смерти?

– Чего тебе умирать, живи со своим пащенком будущим, но учти! Если ваша семья состоится только при условии его прописки, тогда я, честно говоря, не знаю, стоит ли такая семейка жертв со стороны Ан-

дрея, которому негде будет приткнуться, и со стороны мамы в психбольнице?

Коммуникативная цель дочери – выразить несогласие с действиями матери. Алена специально приходит к матери, чтобы «выплеснуть» недовольство, показать свое отрицательное отношение к ней.

В ответной реплике матери присутствуют лексические единицы, маркирующие здесь цель обидеть, оскорбить (*пащенок, семейка*). Намерение угрозы и эмоциональное состояние (возмущение) эксплицируется при помощи лексемы « учти» и выражения условия через синтаксическую конструкцию «если…., тогда…»

3. Мать говорит дочери о ее муже.

- Пусть подлец идет работать, едет куда-то в тайгу, я не знаю. Где его папа вкалывал. Все равно тебе сейчас спать с ним нельзя! Я его кормить больше не намерена.

- Этого не будет. Он мой муж. Все. А ты пиши свои графоманские стихи!

Цель матери – выразить свое негативное отношение к зятю – поддерживается лексическими единицами «*подлец*», «*не намерена*». В ответной реплике могло бы предполагаться оправдание, согласие, молчание, в крайнем случае. Но Алена прибегает к тактике отказа и оскорбления («графоманские стихи»; имплицитное содержание «Не лезь не в свое дело» в реплике «*А ты пиши свои графоманские стихи!*»). Итак, перед нами диалог, в котором реализуются цели: выражение негативного мнения – выражение негативного мнения и оскорбление.

4. Мать считает, что дочь Алена недоедает из-за того, что всю еду съедает Аленин муж.

- У мальчишки аппетит? Ешь тогда все мое.

-Не-на-вижу! Господи, не-на-вижу!

- А что такого? Но тебе тоже надо маленького во чреве кормить. Он, кстати, будет вносить деньги на еду или будет пожирать твое? У меня заработки сама знаешь, поэт много не наработает.

- Графомании.

Цель матери – выразить недовольство зятем, но выражает она это при помощи псевдозаботы. При этом саркастически называет Виктора «мальчишкой», который «пожирает» (прост.) еду. Дочь отвечает оскорблением. Ее цель – дать матери понять, что она ее не уважает.

Итак, для всех реплик инициатора в четырех диалогах мы можем дать примерно одинаковые прагматические характеристики: 1) стремление дать выход отрицательным эмоциям; 2) стремление информировать об отрицательной оценке; 3) желание обидеть, оскорбить. Реакцией на данные «нападки» становится: 1) ответное выражение недовольства, стремление дать негативную оценку; 2) желание дать выход негативным эмоциям; 3) желание обидеть, оскорбить.

В каждой из реплик лексические единицы и синтаксические конструкции маркируют намерение говорящего – «выплеснуть» недовольство, обидеть, заставить почувствовать себя хуже, чем сам говорящий. Такой тип поведения реализуется в речевом жанре «нападение», где лексические, синтаксические средства подчинены прагматической установке обоих собеседников – психологически, нравственно ущемить, обидеть собеседника, выразить угрозу. Здесь предконфликтной ситуацией (т.е. условиями, предшествовавшими конфликту и вызвавших его) запрограммировано речевое поведение обоих коммуникантов, регулируемое их взаимными ожиданиями: «Он (собеседник) меня все равно оскорбит».

Итак, диалоги между основными героями повести «Время ночь» можно отнести к типу «острого конфликта», а речевой жанр, который характеризует их общение – «нападением». Здесь в лексическом наполнении, синтаксическом оформлении высказываний проявляется высокая эмоциональность, категоричность высказываний, бескомпромиссность, нежелание уйти от конфликта или решить его.

Конечно, для человеческого общества состояние конфликта – не редкость. В межличностном общении он прежде всего проявляется в периоды социального, экономического и психологического кризиса. Толерантное поведение, к сожалению, не только нарушается, но иногда и не предполагается. В повести «Время ночь» показано именно то, как экономические, социальные факторы влияют на психологическое состояние человека, на его языковое сознание. В то же время произведение Л. Петрушевской – призыв побороть разъединенность, враждебность, понять ценность жизни родных и себя, говорить на языке понимания.

Литература

1. Дадян С. Р. Конфликтный диалог в художественном произведении (на материале англоязычной художественной литературы XX – начала XXI в.): автореф. дис. … канд. филол. наук. – Ростов-на-Дону, 2012. – 22с.
2. Шкатова Л.А. Технологии управления конфликтной ситуацией: лингвистические основания // Культурные практики толерантности в речевой коммуникации Екатеринбург, 2004.
3. Стернин И.А. Проблемы формирования категории толерантности в русском коммуникативном сознании // Культурные практики толерантности в речевой коммуникации. – Екатеринбург, 2004. – С. 130.
4. http://www.studfiles.ru/preview/2623331
5. Речевые конфликты в современном обществе и способы их решения: http://revolution.allbest.ru/languages/00276006_0.html
6. Арутюнова Н.Д. Жанры общения // Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис. – М.: Наука, 1992.
7. Дубровская, Татьяна Викторовна Речевые жанры "осуждение" и "обвинение" в русском и английском речевом общении: автореф. … канд. дис. филол. наук. – Саратов, 2019.

8. Юревич А. Оценка психологического состояния российского общества http://kapital rus.ru/articles/
9. Петрушевская Л. Время ночь. – http://e-libra.ru/read/122005-vremya-noch.html

References

1. Dadjan, Stella Robertovna. Konfliktnyj dialog v hudozhestvennom proizvedenii (na materiale anglojazychnoj hudozhestvennoj literatury XX – nachala XXI v.): avtoref. dis. … kand. filol. Nauk. – Rostov-na-Donu, 2012. – 22s.
2. Shkatova L.A. Tehnologii upravlenija konfliktnoj situaciej: lingvisticheskie osnovanija // Kul'turnye praktiki tolerantnosti v rechevoj kommunikacii. – Ekaterinburg, 2004.
3. Sternin I.A. Problemy formirovanija kategorii tolerantnosti v russkom kommunikativnom soznanii // Kul'turnye praktiki tolerantnosti v rechevoj kommunikacii. – Ekaterinburg, 2004. S. 130.
4. http://www.studfiles.ru/preview/2623331
5. Rechevye konflikty v sovremennom obshhestve i sposoby ih reshenija: http://revolution.allbest.ru/languages/00276006_0.html
6. Arutjunova N.D. Zhanry obshhenija // Chelovecheskij faktor v jazyke: Kommunikacija, modal'nost', dejksis. M.: Nauka, 1992.
7. Dubrovskaja, Tat'jana Viktorovna Rechevye zhanry "osuzhdenie" i "obvinenie" v russkom i anglijskom rechevom obshhenii: avtoref. dis. … kand. filol. nauk. – Saratov, 2019.
8. Jurevich A. Ocenka psihologicheskogo sostojanija rossijskogo obshhestva http://kapital rus.ru/articles/
9. Petrushevskaya L. Vremia noch. – http://e-libra.ru/read/122005-vremya-noch.html

УДК 82.022

Ж.Т. Кадыров, М. Е. Какимова, Ж. С. Таласпаева
Петропавловск, Казахстан

КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД В ИЗУЧЕНИИ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Аннотация. *В статье рассматриваются имена собственные, которые используются в художественных произведениях.*

Ключевые слова*: язык, культура, имена собственные.*

Сведения об авторе: *Кадыров Жанбай Турарович, кандидат филологических наук, профессор, зав. кафедрой «Казахская филология».*
Место работы: Северо-Казахстанский государственный университет им. М. Козыбаева.

J.T. Kadyrov, M.E. Kakimova, Zh. S. Talaspayeva
Petropavlovsk, Kazakhstan

COGNITIVE APPROACH TO THE STUDY OF THE NAMES OF OWN WORKS OF ART

Abstract. *The article deals with proper names, which are used in art works.*

Key words: *language, culture, proper names.*

About the author*: Kadyrov Zhanbay Turarovich, Professor and Chair of the Department of the Kazakh philology.*
Place of employment: North Kazakhstan State University named after M. Kozybayev.
Контактная информация: *150 000, Республика Казахстан, г. Петропавловск, ул. Позолотина 79-52, E-mail: zhkadyrov_777@mail.ru.*

Говоря о современном походе к языку, а именно, с позиции когнитивной точек зрения, т.е. к изучению языка и культуры, а также языка и человека, можно сказать, что имена собственные представляют огромный материал для исследования, поскольку данный пласт лексики является отражением языковой картины мира.

На современном этапе актуальным становится изучение онимической лексики с точки зрения психолингвистики. Данное направление представлено в трудах Н. Д. Голева, Н. В. Голомидовой, Л. М. Дмитриевой, И. С. Карабулатовой, М. Э. Рут и др.

В начале XXI века язык стал изучаться в непосредственной взаимосвязи с человеком, его сознанием и мышлением, что привело к формированию так называемого антропоцентрического подхода. Под антропоцентрической парадигмой понимается переключение интересов исследования с объектов познания на субъект, т. е. анализируется человек в языке и язык в человеке [1, с. 10].

Под когнитивной базой онимической лексики И.С Карабулатова считает «совокупность социокультурных импликаций топонимов и антропонимов, функционирующих в национальных дискурсах. Глубинные феномены мышления, которые «являются» в языковом коде и поддаются реконструкции при лингвистическом и концептуальном анализе, составляют когнитивные основания языковых категорий. В определении когнитивных оснований имен собственных, т.е. совокупности архетипических культурно-обусловленных стереотипов имен, усвоенных в процессе социализации как части социальной мифологии, релевантными являются социолингвистические и психолингвистические аспекты именной семиотики» [2].

В этой связи, казахстанский исследователь в области ономастики, Г.Б. Мадиева, отмечает, что изучение когнитивных структур организации имен собственных во всей их совокупности вполне возможно, поскольку они являются «организованным фрагментом языковой картины мира» и существуют в языковом сознании как отдельной личности, так и целого коллектива... Сложность понятия языкового сознания обусловлена самой природой сознания, представляющего собой, объемную деятельностною систему, сложнейший механизм порождения и восприятия речи» [3, с. 61-62].

Многие ученые лингвисты считает, что процесс анализа литературного произведения можно связать с когнитивными механизмами человеческого мозга. При ознакомлении с литературным произведением читатель имплицитно применяет свои когнитивные навыки, порождая свое прочтение текста. Когнитология занимается проблемами восприятия и познания окружающего мира. Один из видов такого восприятия действительности – интерпретация текста. Значит, нельзя отрицать связь когнитивной теории с анализом текста. Интерпретацию и анализ текста можно считать видами «целенаправленной когнитивной деятельности» [4, с. 21].

Безусловно, нельзя не согласиться с мнениями ученых, что онимы в текстах художественной литературы несут глубокий смысл и значимость для раскрытия авторского замысла, информацию, которая актуализируется в рамках произведения, его толкование даст ключ к пониманию и раскрытию характера его персонажей. Имя в художественном тексте функционирует не только как инструмент номинации персонажа, но и как способ уси-

ления эмоционального впечатления от персонажа и от произведения в целом. Следовательно, выбор имени для персонажа тоже можно рассматривать как путь реализации авторского замысла и форму представленности авторской позиции.

Имена личные в текстах художественного произведения помогают раскрыть образ героя и, вплетаясь в ткань художественного произведения, влияет на понимание текста читателем. Они являются неотъемлемым элементом формы художественного произведения, слагаемым стиля писателя, одним из средств, создающих художественный образ. Помимо назывной, они выполняют дифференцирующую, идентифицирующую избирательную, указательную функции, приобретя тем самым и добавочные: символические, эстетические и эмоционально-оценочные.

Эти особенности онимов позволяют добиться более глубокой рефлексии художественного текста. Читатель, включая когнитивные процессы и опираясь на собственное «ментальное я», может построить свою модель постижения действительности и авторских интенций. При этом каждый реципиент авторских сообщений должен иметь когнитивную установку, направленную на анализ и синтез элементов художественного текста. Выбирая наиболее приемлемый для себя когнитивный стиль, читатель становится катализатором, движущей силой творческого процесса, становясь соавтором произведения. Целенаправленная когнитивная деятельность (когнитивные процедуры, операции, вычисления) могут стать источником художественной информации и помочь в обнаружении атомов смысла в тексте. Использование когнитивного подхода к литературе несет объяснительную, разъяснительную функции, позволяя совершить так называемый экскурс, инсайт, проникновение в художественный мир автора.

Познавая мир, человек опирается на ощущения и ментальные процессы, поэтому нельзя отрицать наличие когнитивно-ассоциативных механизмов в сознании людей. Исследования по соотношению звука и цвета можно найти в трудах Якобсона Р., Есперсена О., Ферса Д., Болинджера Д., Фонадь И., Куриловича Е., Пиаже Р. и др. Согласно их мировоззрениям, в процессе восприятия цвета и звука человек задействует бессознательное, подсознание и сознание, при этом происходит синтез физиологических, ассоциативных, символических реакций.

На наш взгляд, антропонимы в романе О. Уайлда «Портрет Дориана Грея» дают исчерпывающий материал для анализа основных форм представленности авторской позиции, исследования значения имен, их семантика и происхождение, заслуживают особого внимания, исходя из мотивов выбора того или иного имени самим автором, их функциональную и семантическую специфику.

Так, например, значение имени «Дориан» – выходец из племени дорийцев, потомок воина Дороса [5]. Дорийцы – одно из ведущих племен древней Греции. Они создали дорический стиль архитектуры, который от-

личался простотой и элегантностью конструкций. Здания, построенные в этом стиле, – храм Геры в Олимпии, храм Зевса в Афинах, храм Аполлона в Дельфах и храм Афины Паллады на острове Эгине. О. Уайлд проводит параллель между красотой и грацией Дориана и соответствующего стиля зодчества. Подтверждением этому служит слова Лорда Генри, которые он использует, размышляя о Дориане: “Grace was his, and the white purity of boyhood, and beauty such as the old Greek marbles kept for us” [6, с. 124].

Парадоксально, что такое звучное имя, передающее восхищение, сочетается с фамилией «Gray», – звучащей так же, как и английское слово «серый». Данный цвет ассоциируется со скукой, печалью, депрессией, имеет тенденцию к обезличиванию. Серый цвет соединяет в себе два диаметрально противоположных цвета – белый и черный. В герое романа также присутствуют светлые и темные стороны, добро и зло. Вначале произведения персонаж – образец чистоты и непорочности. Его ангельское, одухотворенное лицо не может не восхищать. “All the candour of the youth was there, as well as all youth’s passionate purity. One felt that he had kept himself unspotted from the world” [6, с. 21]. Неудивительно, что Бэзил Холлуорд боготворил молодого человека, но со временем Дориан меняется, превращаясь в дьявола. Пороки, грехи, низменные желания сделали его душу черной. Он стал причиной смерти многих людей, жил во мраке. Серый цвет, находясь на грани, старается соединить противоположности, поэтому он ассоциируется с двойственностью, дисгармонией. Так и персонаж романа ведет двойную жизнь и испытывает внутренние противоречия. Он не может сделать нравственный выбор между добром и злом. Разум подсказывает ему изменить образ жизни и образ мыслей, следовать принципам морали и нравственности, но желания и страсти одерживают верх. Также серый цвет ассоциируется с пассивностью. Дориан часто апатичен, безразличен к судьбам других. Он, оберегая свою психику и душевное спокойствие, склонен забывать неприятности. Доказательством тому является тот факт, что после смерти Сибилы Дориан едет в оперу. Для него она лишь актриса, сыгравшая в его жизни незначительную роль и сошедшая со сцены. Пассивность персонажа еще и в том, что он подвержен чужому влиянию, в частности Лорда Генри. Взгляды на жизнь мистера Уоттона Дориан считает единственно верными и слепо следует им, что впоследствии приводит к трагическим результатам. В Дориане не было внутреннего стержня, именно поэтому он не мог противостоять дурному влиянию. Серый – цвет неопределенности. Дориан после расставания с Сибилой хочет ее вернуть, но не может принять окончательное решение. Дориан не может определиться и при выборе дальнейшего жизненного пути. Он решает измениться и начать жизнь с чистого листа вместе с молодой и непорочной Гетти Мертон, но Лорд Генри убеждает его, что это невозможно. Дориан не может найти успокоения души: считает себя безжалостным и хладнокровным убийцей, но, с другой стороны, ищет оправданий. Бэзил, по мнению Грея, заслужил

смерть, ведь именно он написал злополучный портрет, а Алан Кэмпбел покончил с собой по собственной воле.

Судьба Сибиллы – пророчицы в римской мифологии, предсказывавшие будущее, в частности бедствия, тоже трагична, а потеря любимого для девушки – подобно бедствию, от которого она не смогла оправиться. Они были наполовину людьми, наполовину богинями. Дориан боготворит Сибилу, приравнивает ее к святыне, считая ее божественной и священной. Говоря об этой героине, автор использует эпитеты «divine, sacred». Имя созвучно с готским словом «sibja» (мир) [7, с.301]. Действительно, героиня могла бы внести в жизнь Дориана спокойствие и умиротворение. Тогда его мятежная душа смогла бы противостоять ядовитым теориям лорда Генри, он бы смог противостоять соблазнам и обрел покой. Но Дориан – нарцисс, а они, как правило, не умеют любить другого человека по-настоящему. Известный психолог Фромм Э., исследовавший этот феномен, утверждал, что нарцисс воспринимает любимого человека как собственную тень, почти не осознавая реальность другого человека [8, с.131].

Фамилия героини созвучна с английским словом «vain» – «напрасный, бесполезный, тщетный» [9]. Выбрав эту фамилию, автор показывает читателю, что любовь к Дориану была напрасной и не принесла счастья. Зря героиня полагала, что Прекрасный Принц будет любить ее вечно. Интернет-источник дает другое толкование фамилии: «fein, fayn, fane», которые использовались при обозначении добродушных людей.

Следующий персонаж произведения – Бэзил Холлуорд. Имя Бэзил значит «королевский (royal), величественный». Также существует растение базилик, широко известное своими лекарственными свойствами. Возможно, выбор имени – это намек на то, что Бэзил мог бы излечить Дориана, вернуть утраченную духовность. Арабский вариант имени – «Basilyr» – значит «проницательный» [9].

Фамилия Hallward составлена из двух английских слов – «hall» и «ward» (хранитель, страж). Холлуорда и вправду можно назвать защитником Грея, он до последнего верил в добродетель, ратовал за то, что все грязные сплетни о Дориане – клевета. Бэзил пытался убедить Дориана вернуть хорошую репутацию. И даже увидев изуродованный портрет, он отказывался верить, что картина отражает душу Дориана.

Лорд Генри Уоттон. В произведении используется уменьшительно-ласкательная форма Гарри. Имя произошло от немецкого Heimirich («heim» – дом, «rich» – власть, управляющий) [9]. Фамилия Уоттон восходит к племени англо-саксов. На староанглийском «wudu» – «лес»; «tun» – «поселение» [10].

Известный лингвист Л.П. Прокофьева говорит, что в палитре русского языка встречаются черный, белый, синий и красный цвета, а английские звуки представлены в красно-желто-зеленой гамме. На основании проведенного ею эксперимента был сделан вывод о том, что звуко-цветовые ас-

социации имеют не только индивидуальную, но и национальную обусловленность, звуко-цветовые связи носят универсальный характер, что, в свою очередь, помогает раскрыть авторскую интенции [11].

Например, в имени Dorian (Дориан): D – brown (negative); O – white, orange (positive); R – red (negative); I – white (positive); A – red (negative); N – green, orange (positive). В имени главного героя шесть букв. Анализ показал, что количество положительных и отрицательных цветов одинаково. Даже в имени можно увидеть двойственную натуру Дориана. Личность персонажа балансирует между позитивным и негативным и не может прийти к гармонии, противоположные черты характера нельзя уравновесить.

Basil: B – blue (negative); A – red (negative); S – yellow (positive); I – white (positive); L – yellow (positive). Преобладает положительная характеристика персонажа. Но дважды присутствуют и негативные ассоциации. Возможно, О. Уайлд осуждает художника за бездействие. Видя отрицательное влияние Лорда Генри на Дориана, Бэзил все же оставался сторонним наблюдателем, не пытаясь вразумить Грея, поставить его на правильный путь, он ведет себя пассивно, он настолько боготворит Грея, что находит оправдания его безнравственным поступкам.

Имя следующего персонажа James: J – red, green, yellow (negative, positive); A – red (negative); M – red, blue (negative); E – green, yellow (positive); S – yellow (positive). Три раза встречается негативная характеристика персонажа и трижды позитивная. Отношение писателя к брату Сибил неоднозначно. С одной стороны, он ценит заботу Джеймса. Он как единственный мужчина в семье нес ответственность и за мать, и за сестру. С другой стороны, О. Уайлд осуждает Вейна за то, что он не уберег сестру от злого рока: оставил ее на произвол судьбы, не разобравшись в ситуации. Возможно, его смелости хватило лишь на громкие слова. На деле, даже законными способами Джеймс не смог бы привлечь Дориана к ответственности за убийство. Потому что общество охотнее приняло бы сторону богача Грея.

В имени девушки Sibyl присутствуют лишь положительные цвета: S – yellow; I – white (positive); B – blue; Y – yellow (positive); L – yellow (positive), что полностью соответствует ее доброй душе, светлым помыслам, чистоте.

О. Уайлд умело играет на контрасте, показывая читателю свою любовь к парадоксам, противоречиям. Авторские позиции читателя в большинстве своем выражены имплицитно, писатель призывает читателя к активному мыслетворчеству. Оружие О. Уайлда – слово, в том числе и имена его персонажей, где проявляется его авторское имятворчество, за которым скрывается мысль, чтобы ее уловить реципиенту. Все это позволяет сказать, что выбор автором имени своим героям не случаен, они выполняют не только номинативную функцию, но и отражают отношение автора к персонажу, поэтому для полного раскрытия характера того или иного персонажа необходимо исследование онимической лексики в когнитивном ключе. В

данном случае следует согласиться с мнением о необходимости разработать и упорядочить терминологический аппарат исследований имен собственных с понятийно-терминологическим аппаратом когнитивистики, в первую очередь, терминология должна включать такие понятия, как ономастическая картина мира, когнитивная структура имен, когнитивная база имен, когнитивные основания имен [3, с.68].

Литература

1. Маслова, В. А. Современные направления в лингвистике: учеб. пособие для студ. высш. учеб заведений / В. А. Маслова. – М.: Изд. центр «Академия», 2008. – 272 с.
2. Русская топонимия в этнопсихологичексом аспекте: автореф…д-ра филол. наук: 10.02.19. – Краснодар: Краснод. гос. ун-т, 2002.
3. Мадиева, Г.Б. Имя собственное в контексте познания. – Алматы, 2010. – С.61-62.
4. Демьянков, В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретационного подхода // Вопросы языкознания. – 1994, №4. – С.17-23.
5. http://www/20000-names.com.20.04.15.
6. Wild, O. The picture of Dorian Gray. – London, 1985, 250 p.
7. Yonge, C. History of Christian names. – London, 1984. – 446 p.
8. Фромм, Э. Душа человека. – Москва, 2010. – 251с.
9. https://www.housefnames.com/vain-family-crest. Дата обращения: 20.04.15.
10. https//www.behindthe name.com/name/henry. Дата обращения: 20.04.15.
11. Прокопьева, Л.П. Звукоцветовая ассоциативность в языковом сознании и художественном тексте: универсальный, национальный, индивидуальный аспекты. Выразительные средства языка. – Саратов, 2007. – 280 с.

References

1. Maslova, V. A. Sovremennye napravleniya v lingvistike: ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ucheb zavedenij / V. A. Maslova. – M.: Izd. centr «Akademiya», 2008. – 272 s.
2. Russkaya toponimiya v ehtnopsihologicheksom aspekte: avtoref. … d-ra filol. nauk: 10.02.19. – Krasnodar: Krasnod. gos. un-t, 2002.
3. Madieva, G.B. Imya sobstvennoe v kontekste poznaniya. – Almaty, 2010. – S.61-62.
4. Dem'yankov V.Z. Kognitivnaya lingvistika kak raznovidnost' interpretacionnogo podhoda // Voprosy yazykoznaniya. – 1994, №4. – S.17-23.
5. http://www/20000-names.com.20.04.15.
6. Wild, O. The picture of Dorian Gray. – London, 1985, 250 p.
7. Yonge, C. History of Christian names. – London, 1984. – 446 p.
8. Fromm, EH. Dusha cheloveka. – Moskva, 2010. – 251s.
9. https://www.housefnames.com/vain-family-crest. Data obrashcheniya: 20.04.15.
10. https//www.behindthe name.com/name/henry. Data obrashcheniya: 20.04.15.
11. Prokop'eva, L.P. Zvukocvetovaya associativnost' v yazykovom soznanii i hudozhestvennom tekste: universal'nyj, nacional'nyj, individual'nyj aspekty. Vyrazitel'nye sredstva yazyka. – Saratov, 2007. – 280 s.

УДК 82.0:82-121

А.Г. Нарозя
Бишкек, Кыргызстан

ПОЭТИКА ЗАГЛАВИЙ В ДРАМАТУРГИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ МАРА БАЙДЖИЕВА

Аннотация. *В статье рассматривается заглавие как компонент заголовочного ком-*

A.G. Narozia
Bishkek, Kyrgyzstan

THE POETICS OF TITLES OF DRAMA BY MAR BAIZHIEV

Abstract. *The article examines the title as a component of complex title of the*

плекса рамочного текста литературно-художественного произведения. Акцентируется внимание на том, что заглавие – это «имя» произведения, знак завершенности текста, ключ к его интерпретации, в том числе и переводческой. В связи с этим анализируются заглавия пьес писателя-билингва Мара Байджиева на русском и кыргызском языках в плане соотнесения их с художественным содержанием драматургических произведений автора. В статье используется научная классификация заглавий А.В. Ламзиной, в основу которой положено соотношение заглавия с традиционно вычленяемыми компонентами произведения. Изучение заглавия и его переводческой интерпретации в творчестве писателя-билингва позволяет убедиться в том, насколько глубоко продуманы заглавия в пьесах Мара Байджиева, насколько прочно они связаны со структурными элементами произведений и насколько они важны как разновидности литературной сценичности.

Ключевые слова: *рамочный текст, заглавие, интерпретация, перевод, сценичность.*

framework of literary and artistic works. Attention is drawn to the fact that the title – is the "name" of a work, a sign of a text completion, the key to its interpretation and the key to its translation as well. So the titles of the bilingual writer Mar Baydjiev have been analyzed in the Russian and Kyrgyz languages in terms of their correlating with the artistic content of the author's dramatic works. In the article A. V. Lamzina's scientific classification of titles has been used. The base of the classification is the title's relationship with the traditionally izolited components of a work. Studying the titles and its translation interpretation in the bilingual writer Mar Baydjiev's creation allows us to be convinced in the titles' deep meaning, their strong connection with works' structural elements and their importance as the elements of literary theatrical.

Key words: *framework text, title, interpretation, translation, theatrical.*

Сведения об авторе: *Нарозя Алла Георгиевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель Отделения восточных языков.*

Место работы: Кыргызско-Турецкий университет «Манас».

About the author*: Alla G. Narozya, candidate of philological sciences, senior lecturer of the Department of Oriental Languages.*

Place of employment: Kyrgyz-Turkish Manas University.

Контактная информация: *720073 г. Бишкек, 5 микрорайон, д. 6, кв. 3; e-mail: allanarozya@gmail.com.*

Драматургические произведения известного отечественного писателя Мара Байджиева созданы на двух языках – русском и кыргызском. В полном объёме (девять пьес) и в окончательных редакциях они были опубликованы: на русском языке – в сборнике «На сцене» (2005) [2] на кыргызском языке – в сборнике «Сахнада» (2006) [3]. Цель нашей статьи – проанализировать заглавия пьес в соотнесении их с художественным содержанием произведений.

Заглавие, образно говоря, – это «имя» произведения, знак завершенности текста, ключ к его интерпретации, в том числе и переводческой. «Заглавие – это первый знак текста, дающий читателю целый комплекс представлений о книге, – утверждает современный исследователь. Именно оно более всего формирует у читателя *предпонимание* текста, становится первым шагом к его *интерпретации*» [8, с. 94 – 95]. «Заглавие просвечивает сквозь книгу, как водяной знак, – оно рождается вместе с книгой», – сказал

писатель В.В. Набоков. «В чём зерно пьесы? – задавался вопросом театральный режиссёр В.И. Немирович-Данченко и отвечал: «Как обычно у меня, я ищу его в названии» [1, с. 61]. Универсальным признаком заглавия является его многофункциональность при наличии определённой, бросающейся в глаза функции. Вот почему как бы ни было выразительно само по себе заглавие, в полной мере понять его смысл можно лишь по прочтении произведения, соотнося его с уже усвоенным содержанием [7], [9], [6].

В литературоведении неоднократно предпринимались попытки научной классификации заглавий. Одна из них, наиболее удачная, на наш взгляд, принадлежит литературоведу А.В. Ламзиной. В основу её классификации положено соотношение заглавия с традиционно вычленяемыми компонентами произведения: тематическим составом, проблематикой, сюжетом, составом персонажей, временем и местом действия, деталью. Во всех этих типах заглавий могут встречаться конструкции с усложнённой семантикой: заглавия символические, метафорические, аллюзийные, пословичные, цитатные и т.д. В соответствии с этим А.В. Ламзина вычленяет и характеризует ряд типологически устойчивых заглавий: заглавия, представляющие основную тему или проблему произведения; заглавия, задающие сюжетную перспективу произведения; персонажные заглавия; заглавия, обозначающие время и пространство. Мы воспользуемся этой (естественно, неполной) классификацией с добавлением новых типов заглавий в нашем сопоставительном анализе.

Заглавия, представляющие основную тему или проблему произведения.

Наследники. *Пьеса в трёх действиях.*

Заглавие на кыргызском языке – «Балдар бойго жеткенде» («Когда дети достигли взросления», «Возмужавшие»). Русский вариант названия более точно выражает проблематику произведения, акцентируя внимание не на возрастной, а на социальной принадлежности действующих лиц пьесы.

В русском языке слово «наследник» имеет два значения: в прямом смысле – лицо, получившее наследство; в переносном смысле – продолжатель чьей-нибудь деятельности, преемник. Подзаголовок «пьеса» не даёт дополнительной информации, но следующий за ним список действующих лиц ориентирует нас на то, что речь пойдёт о наследниках как преемниках. Время действия пьесы («конец пятидесятых») позволяет определить демографический статус наследников – первое послевоенное поколение, а место действия (парк с памятником павшим в Отечественной войне) – статус предшественников – военное поколение. Так, оттолкнувшись от заглавия и опираясь на рамочный текст, мы получили исходную информацию для понимания и интерпретации пьесы.

Наследники – собирательный образ, формирующийся из индивидуальных образов пяти выпускников университета накануне их самостоятель-

ной жизни, а также младшего по возрасту ищущего себя юноши и старшего по возрасту аспиранта, оказавшегося на научном распутье. У каждого из них свой характер, свои представления о жизни, а главное – свой нравственный потенциал, к реализации которого они приступают в условиях самостоятельного выбора. Отсюда – разные результаты, формирующие неоднозначное мнение о наследниках у предшественников – ученого Осмона Курманова и его бывшего учителя персонального пенсионера Константина Петровича.

«Что за поколение? – вопрошает Курманов. – Совсем не понимаем друг друга». «Сложные теперь ребята пошли, это верно, – соглашается Константин Петрович. – Ничему не верят, сами хотят до сути добраться, – и тут же парирует. – Разве это плохо? На жизнь они вроде как через бинокль смотрят: далёкое кажется близким, маленькое – большим, а то, что перед носом, теряет контуры, размывается…». «Не знаю, – возражает Курманов. – Мы к родителям относились с уважением. <…> Боялись… Слушались». «Но времена меняются, – не соглашается оппонент. – Дай нынешним разжёванное – выплюнут. С ними надо быть искренним и откровенным во всём. Ханжество, фальшь они чуют издалека». «– Сыты, одеты. Чего им не хватает?» «– Своего места в жизни. Видимо, так вот и ищут. А вы сами?» [2, с. 46].

Полемика не заканчивается: драматург переносит её за пределы пьесы и спектакля. Однако неоспоримым, непреложным фактом для него является святая память о героях Великой Отечественной войны.

Мы – мужчины. *Весёлая притча в двух действиях, пяти картинах.*

Вариант заглавий на кыргызском языке: «Эр намысы» («Мужская честь»), «Эркектердин намысы» («Честь мужчин»).

Пьеса написана в 1969 г. после «Дуэли» (1966), которая принесла М. Байджиеву широкую известность. На этот раз драматург обратился к комедийному жанру. В кыргызском варианте он назвал пьесу комедией, в русском – весёлой притчей, мы же классифицируем её как комедию-притчу.

Заглавие «Мы – мужчины» вводит нас в проблематику пьесы, которая сформулирована автором устами главного героя – Учителя – следующим образом: «… Я вижу, как мельчают мужики, греются на печках, обрастают жиром, ждут, когда их выгонят на пенсию, боятся пожертвовать малейшим своим благополучием. Дрожат над каждой копейкой, дрожат за нагретое место, сплетничают, судятся с женщинами из-за тряпок, начали забывать, что такое мужская честь! И всё это по наследству передается молодому поколению. По улицам бродят нытики, способные только на то, чтобы проедать родительские деньги. Разве такими мы были там, на фронте, перед лицом смерти, и для того ли погибали наши ребята? А мы делаем вид, что ничего не замечаем!» [2, с. 90]. Каким же видится автору идеал настоящего мужчины в его общечеловеческом измерении? «… Мужчина всегда должен

быть борцом за правду и за чистоту души. От нас, от мужчин, зависит судьба семьи, людей, государства, земли!» [2, с. 90].

Заглавие «Мы – мужчины» уже само по себе, без подзаголовка, даёт нам определённое представление о смысловом и эмоциональном содержании пьесы. Этому во многом способствует тире между подлежащим *мы* и сказуемым *мужчины*. Известно, что если подлежащее выражено личным местоимением, а сказуемое – именительным падежом существительного, то тире между ними ставится при логическом подчеркивании сказуемого, что и сделал автор пьесы. «Мы – мужчины» – значит мужчины настоящие, подлинные, образцовые, т. е. представители сильного пола, возведенные в высокую степень нравственных качеств. И концентрированным выражением этих качеств является понятие *мужская честь*.

Сюжетная оригинальность пьесы состоит в том, что байджиевские герои, решающие вопросы мужской чести, пребывают в пенсионном возрасте – им по шестьдесят лет, а способом защиты мужской чести избрана дуэль с применением огнестрельного оружия: у Учителя – снайперская винтовка с оптическим прицелом, из которой он убил в войну шестьдесят фашистов и получил её в качестве именного подарка; у Соперника – охотничья двустволка, подаренная ему Учителем на юбилей. Возникает драматическая ситуация, характерная для комического отражения действительности. Из разных видов комического как эстетической категории М. Байджиев избирает *юмор* как «отношение сознания к объекту, сочетающее внешнюю комическую трактовку с внутренней серьёзностью» [10, с. 521].

Таким образом, смех М. Байджиева в пьесе «Мы – мужчины» – это *юмористический смех*, а его «весёлая притча» – *юмористическая комедия*.

Заглавия, задающие сюжетную перспективу произведения.

Дуэль. *Драматическая новелла в пяти главах.*

Заглавия пьесы на русском и кыргызском языках тождественны: «Дуэль» – «Эрөөл» («Поединок»). Кстати, первоначальное заглавие на кыргызском языке было малоудачным, лишённым образности – «Төрт адам» («Четыре человека», «Четверо»).

В русском языке слово «дуэль» имеет два значения: прямое и переносное. Прямое значение – поединок с использованием оружия между двумя противниками по вызову одного из них на определённых условиях как способ защиты чести; переносное значение – состязание, борьба двух человек или сторон, спор, прения, диспут. Ясно, что М. Байджиев использовал слово «дуэль» в его переносном, т. е. образном, значении. Действительно, это дуэль между нравственными антиподами – морским офицером Азизом и торгашом Искандером, ареной которой становится душа Нази – глубоко порядочной, но нравственно опустошенной женщины.

Образ-мотив дуэли возникает уже в начале пьесы, во время знакомства Нази с Азизом. Когда со стороны моря послышалась песня Искандера, возвращающегося с рыбалки, Нази прерывает разговор: «Вам нужно уйти»,

– но Азиз отшучивается вопросом: «А может быть, остаться и бросить вызов? Сразиться в поединке за прекрасную цыганку?» [2, с. 50]. Однако Нази настаивает на своём: противник Азиза не Отелло – он просто грубиян, поэтому навяжет сопернику банальный кулачный бой. Интеллигент Азиз уступает просьбе Нази.

Дуэль между Азизом и Искандером происходит заочно, в форме своеобразного диспута по жизненно важным вопросам. Самым заинтересованным лицом в нём является Нази. Она задаёт вопросы, выслушивает ответы, делает выводы и проецирует сказанное на свой внутренний мир. О нравственном потенциале и психологической напряжённости дуэли Азиз – Искандер можно судить по их ответам на вопросы Нази. Например, о жертвенности: есть ли смысл в том, что человек добровольно жертвует своей жизнью ради других?

«А з и з. Когда это необходимо, смысл есть. <…> Чтобы доказать, что человек в основе своей добр и прекрасен, и выправить его позвоночник, искривлённый нуждой и рабством» [2, с. 64, 69].

И с к а н д е р. А зачем? <…> Пусть умирают другие. Я-то тут причем?» [2, с. 65].

Заочная дуэль непримиримых противников заканчивается поражением Искандера, который остаётся в одиночестве на берегу Иссык-Куля. Азиз, обреченный на смерть радиационным излучением, улетает на санитарном вертолёте. А Нази, потрясённая множеством драматических событий и предсмертным письмом Азиза, делает первый шаг к своему духовному возрождению – уходит от Искандера в незнаемое.

Жених и невеста. *Лирическая драма с эпилогом вместо пролога.*

Русский вариант заглавия идентичен кыргызскому варианту – «Кыз-күйөө».

Какую информацию даёт нам заглавие само по себе? Во-первых, заглавие ориентирует нас на тематику (проблематику) пьесы – любовь, брак, семья. Во-вторых, называет главных героев – Жениха и Невесту. В-третьих, определяет художественный конфликт: Жених – Невеста.

Подзаголовок как компонент заголовочного комплекса даёт дополнительные сведения – о жанре и композиции пьесы: «лирическая драма с эпилогом вместо пролога». Типологические признаки лирической драмы общеизвестны: лирическое начало как сюжетообразующая категория, сюжет как борьба чувств действующих лиц, образ автора, близкий к образу лирического героя. Эпилог вместо пролога – это, во-первых, тяготение автора к монтажной композиции; во-вторых, особенность художественного мышления автора: процесс важнее результата.

Таким образом, заголовочный комплекс задаёт основные параметры, в результате чего будет сформулирована основная мысль байджиевской пьесы: «Вся пьеса – это притча о том, как возникают любовь и вера и как они могут рухнуть от одного неделикатного прикосновения» [11, с. 10].

Кстати, замечание о притчевости здесь очень уместно, так как М. Байджиев называет героев пьесы именами нарицательными, подчеркивая тем самым их всеобщность.

Пьеса начинается и заканчивается сценой суда, на котором рассматривается заявление Невесты, теперь уже жены, о расторжении её брака с Женихом, теперь уже мужем. Третий участник процесса – мать Жениха, она же Судья. Истец, т. е. Невеста, сразу же вскрывает глубинную суть процесса: «Здесь уголовного дела нет. <…> Никто из нас ни одной буквы закона не нарушил… Мы виноваты друг перед другом…» [2, с. 178].

Кстати, несколько лет назад по пьесе «Жених и невеста» был поставлен спектакль под другим названием – «Старая дева выходит замуж». Сам М. Байджиев признаёт, что этот факт – конъюнктурная дань современной массовой культуре.

Криминальный случай. *Драма в двух частях из жизни провинциальной молодёжи.*

Ярко выраженное сюжетное заглавие из двух слов, несущих богатую смысловую нагрузку: «криминальный» – преступный, уголовный; «случай» – происшествие, преимущественно неожиданное, непредвиденное. В кыргызском варианте («Окуя» – «Происшествие») отсутствие определения «криминальный» значительно обедняет семантику заглавия.

Сюжетная организация действия в пьесе «Криминальный случай» имеет несколько особенностей. Во-первых, основные элементы сюжета оформлены как внутренние заглавия, что вообще не характерно для драматического произведения: «Преступление» (завязка), «Следствие» (развитие действия), «Наказание» (кульминация), «Финал» (развязка). Во-вторых, пьеса начинается со сценического эпизода, имеющего внутреннее заглавие «Финал», наподобие произведений детективного жанра, хотя «Криминальный случай» не является детективом. В-третьих, пьеса изобилует перипетиями – резкими неожиданными переменами в течение действия (внезапное решение Темира расстрелять своего друга Сагына, ложное заявление Сагына о невиновности Темира, непредсказуемое самоубийство Темира и т. д.).

Однако самый сильный сюжетный ход автора пьесы – перевод криминального сюжета в русло нравственной проблематики. Отсюда многоплановость конфликта пьесы, реализуемого на трёх уровнях: межличностном, мировоззренческом и философском.

Заглавия, обозначающие время и пространство.

Художественный мир, подобно миру реальному, существует в пространственно-временных измерениях, которые, вслед за М.М. Бахтиным, принято называть *хронотопом* (в дословном переводе «времяпространство»). «В литературно-художественном хронотопе имеет место слияние пространственных и временны́х примет в осмысленном и конкретном целом, – утверждает М.М. Бахтин. – Время здесь сгущается, уплотняется, становится художественно-зримым; пространство же интенсифицируется, втя-

гивается в движение времени, сюжета, истории. Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем. Этим пересечением рядов и примет характеризуется художественный хронотоп» [4, с. 235]. Координаты художественного хронотопа – время и пространство – часто указываются в заглавиях произведений.

В субботу вечером… . *Трагикомедия в трёх действиях.*

В заглавии пьесы указана первая координата хронотопа – *время действия*. Циклические координаты времени: день недели (суббота) и время суток (вечер). Русский вариант заглавия идентичен кыргызскому варианту – «Алтынчы күнү кечинде», однако в нём отсутствует многоточие, которое в подобных случаях необходимо для обозначения незаконченности высказывания. А суть его состоит в разрешении интриги, состоится или нет «приличная», т. е. богатая, затратная, свадьба Эсена и Асель, деньги на которую добываются неправедными путями – ценой потери совести.

Глубинный смысл заглавия пьесы раскрывается только в финале. Оказывается, «В субботу вечером…» – это цитата из песни, которая сопровождает финал пьесы:

Не забудь, что будет свадьба
В субботу вечером, в субботу вечером!

В оригинале:

Унутпа, дедин той болот, эй!
Алтынчы күнү кечинде!

Сначала эти слова звучат из уст жениха Эсена по телефону, когда он узнаёт от невесты Асель радостную для него весть о том, что его отец уступил ему свою машину для продажи. Затем, после ухода из дома отца и Асель накануне свадьбы, мы слышим этот припев в магнитофонной записи, который лихо подхватывают жена Куручбека Сайраш и тётушка Батыш, ещё не знающие, что свадьба уже расстроилась. Более того, Сайраш обращается к сидящим в зрительном зале, называя несколько человек по именам: «Радостная весть! Сын мой женится! Приходите на свадьбу!» [2, с. 233]. Ей вторит тётушка Батыш: «Пусть праздник не кончается в этом доме!» [2, с. 233]. После этого следует заключительная ремарка:

«Женщины с бокалами в руках, обнявшись, подхватывают магнитофонную запись. “Не забудь, что будет свадьба! Э-ей! В субботу вечером, в субботу вечером!”», – громко поют они» [2, с. 233].

Таков трагикомический финал пьесы «В субботу вечером…», имеющий заглавие с усложнённой семантикой – хронотопическое и цитатное одновременно.

Праздник в каждом доме. *Драма в двух действиях.*

В заглавии пьесы указана вторая координата хронотопа – *место действия*. Заглавия на русском и кыргызском языках тождественны («Ар бир үйдө майрам»).

Из множества домов, в которых отмечается всеобщий праздник – встреча Нового года, автор выбрал дом (квартиру) профессора Азата Султановича. Здесь за праздничным столом собрались члены его семьи (дочь Мадина, зять Сарман) и московский гость профессор Даир Мусаевич – земляк, однокашник и коллега хозяина. Хозяйка отсутствует: она в больнице, и её не отпустили врачи.

Однако праздника в доме Азата Султановича не получилось. В течение двух часов до наступления Нового года произошёл ряд драматических событий: размолвка Даира Мусаевича с Азатом Султановичем, смерть хозяйки дома в больнице, семейный разлад Мадины и Сармана. И главным виновником этих событий оказался сам хозяин дома – эгоист, приспособленец, семейный тиран, который превратил новогодний праздник – день радости, веселья, счастья – в свою противоположность. Отсюда композиционный *принцип контраста*, целенаправленно проводимый М. Байджиевым на всех структурных уровнях пьесы.

Особенно наглядно этот принцип проявляет себя в сценических эпизодах, где драматические переживания персонажей обостряются в атмосфере всеобщего празднества. Например. Сарман, придя из больницы, сообщает Азату Султановичу, что больная в тяжёлом состоянии («Она без сознания»), и тут же слышит, как из кабинета, где находятся Даир Мусаевич и Мадина, доносится её весёлый смех.

По принципу контраста соотносятся между собой закрытое (квартира) и открытое (улица) художественные пространства. Оттуда поступают телефонные звонки с поздравлениями и приглашениями в гости; оттуда приходит московский гость Даир Мусаевич; оттуда приносят корзину с белыми розами и туда же уносят её: ошиблись дверью; туда дважды уходит и дважды возвращается Сарман: первый раз – в больницу к хозяйке дома, второй раз – в качестве блудного сына. Воссоединение двух пространств – закрытого и открытого – происходит только в заключительной ремарке:

«Дверь распахнулась настежь. Весёлые голоса за дверью: “С Новым годом! С Новым счастьем!” В комнату ворвалась шумная ватага соседей в масках. Они пляшут, прыгают, окружили наших героев, не дают вырваться из окружения, сняли со стен портреты, и начался хоровод детских портретов. Дети улыбаются во сне» [2, с. 140].

Поезд дальнего следования. *Драма в трёх действиях.*

Заглавия пьесы на русском и кыргызском языках тождественны («Узак сапардагы поезд»). В первой редакции (1982) пьеса называлась «Последний рейс». По этой редакции был снят кинофильм «Поезд дураков» (1990).

В обеих редакциях время и место действия указаны одинаково: «Действие происходит в наши дни, сперва в купированном вагоне поезда даль-

него следования, а потом в степи» [2, с. 234]. Иными словами, пьеса имеет *хронотопическое* заглавие: место действия – вагон скоростного поезда «Москва – Бишкек» (образ замкнутого пространства) с перенесением действия в безграничную казахстанскую степь (образ открытого пространства), время действия – в течение двух суток после отправления поезда со станции Рязань. Столь безграничные и одновременно ограниченные пространственно-временные координаты пьесы с нарицательными именами действующих лиц (Проводница вагона, Муж проводницы, пассажиры Мужчина, Женщина, Девушка, Лейтенант связи, Полупьяный, буфетчик вагона-ресторана Парень в тюбетейке, Голос Иосифа Кобзона) позволяют драматургу, с одной стороны, реалистически индивидуализировать персонажей, с другой стороны, возводить их в ранг образов-символов.

Семантическое наполнение заглавия «Поезд дальнего следования» более глубокое, чем «Последний рейс». «Куда идёт поезд?» – этот вопрос многократно задаёт пассажирам Полупьяный из соседнего вагона, который оказался в поезде случайно, после сильного психического потрясения. При этом он настойчиво повторяет одну и ту же закавыченную фразу: «Наш паровоз вперёд летит». Это – первая строка припева из популярной революционной песни 1920-х годов «Наш паровоз»:

Наш паровоз, вперёд лети!
В Коммуне остановка.
Иного нет у нас пути –
В руках у нас винтовка!

В то время, когда создавалась пьеса «Последний рейс» (начало 1980-х годов), в Советском Союзе не принято было сомневаться в том, куда летел наш паровоз, поэтому М. Байджиев прибегает к эзопову языку, к умолчанию.

«П о л у п ь я н ы й. Товарищи, а вы случайно не знаете, куда идёт поезд? <…> Вы слышите, поезд, говорю, куда идёт? <…> Аха! Не знаете. А я вот знаю… “Наш паровоз вперёд летит”. А где остановка? А? Во? Но… Тсс! Поняли?» [2, с. 234].

А в то время, когда создавалась вторая редакция пьесы «Последний рейс» под заглавием «Поезд дальнего следования» (первая половина 2000-х годов), необходимость в эзоповом языке, умолчаниях отпала, поэтому Полупьяный произносит такой монолог.

«П о л у п ь я н ы й *(поёт)*. “Наш паровоз вперёд летит…” <…> *(С хитрым видом.)* Товарищи, а вы случайно не знаете, куда идёт поезд? <…> Аха! Не знаете. А я вот знаю… “Наш паровоз вперёд летит”. А где была первая остановка? В коммуне! И что бы мы там делали? А кто нас послал туда, откуда нет возврата? Карл Маркс? Этот еврейчик обманул нас. Чтоб борода его сгорела. А этот второй, как его, Ленин. Оказывается, родной племянник этого Маркса. А он? *(Встал в позу Ленина.)* Верной дорогой

идёте, товарищи! А мы *(стреляет из максимовского пулемёта)*. Та-та-та! А куда теперь несётся наш поезд, а? Поезд несётся. Колёса бегут. А слёзы из глаз текут и текут… *(Заливается смехом.)*» [2, с. 254 – 255].

В связи с изменением заглавия пьесы произошли определённые изменения и в её содержании. Но это уже другая тема, требующая специального разговора.

Заглавие, обозначающее жанр.

Древняя сказка. *Драма в трёх действиях, с хором, пантомимой и классическим балетом (По мотивам народной поэмы «Кожожаш»).*

Заглавия пьесы на русском и кыргызском языках тождественны («Байыркы жомок»).

Сказка – вид фольклорной прозы, один из основных жанров устного народно-поэтического творчества. М. Байджиев, сопровождая этот термин определением *древняя*, обращает наше внимание на архаическую специфику своей сказки, близость её к *мифу*. Генетическая связь «Древней сказки» с мифологией для нас принципиально важна, ибо миф – это не жанр словесности, а определённое представление о мире, базирующееся на *синкретизме* (нерасчленённости) общественного сознания. Синкретизм «в широком толковании – изначальная слитность различных видов культурного творчества, свойственная ранним стадиям его развития; применительно к искусству означает п е р в и ч н у ю нерасчленённость разных его видов, а также – разных видов и жанров поэзии. С усложнением общественного бытия и общественного сознания синкретизм постепенно утрачивает универсальный характер: вычленяются, самостоятельно развиваясь, разные виды искусства и разные роды поэзии. Однако фольклор долгое время сохраняет синкретичность, обретая новые её формы» [5, с. 380]. Именно синкретизм художественного мышления как творческую установку автора имеет в виду М. Байджиев, информируя нас в подзаголовке «Древней сказки», что его пьеса – драма «с хором, пантомимой и классическим балетом», т. е. драматическое произведение, обогащённое художественными возможностями разных видов искусства.

Таким образом, изучение заглавия и его переводческой интерпретации в творчестве писателя-билингва даёт нам возможность убедиться в том, насколько глубоко продуманы заглавия и подзаголовки пьес М. Байджиева, насколько прочно они связаны со структурными элементами произведений и насколько они важны как элементы литературной сценичности.

Литература

1. Бабичева, Ю.В. Поэтика заглавия / Ю.В. Бабичева // Вестн. Томск. ун-та. Сер. Гуманитарные науки (Филология). – Томск, 2000. – Вып. 6’22 2000. – С. 61–64.
2. Байджиев, М. На сцене / М. Байджиев; вступ. ст. Ю. Рыбакова. – Бишкек: Фонд «Седеп», 2005. – 298 с.
3. Байжиев, М. Сахнада / М. Байжиев; Советбек Байгазиевдин баш сөзү. – Бишкек: «Седеп» фондусу, 2006. – 541 б.

4. Бахтин, М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет / М.М. Бахтин – М.: Худож. лит., 1975. – 504 с.
5. Гусев, В.Е. Синкретизм / В.Е. Гусев // Литературный энциклопедический словарь; под общ. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. – М.: Сов. энцикл., 1987. – 752 с. – С. 380.
6. Джанджакова, Е.В. О поэтике заглавий // Лингвистика и поэтика: сб. ст. / Григорьев Виктор Петрович; Институт русского языка. – М: Наука, 1979. – С. 207–214.
7. Кржижановский, С.Д. Поэтика заглавий / С.Д. Кржижановский. – М.: Изд-во Никитинские субботники, 1931. – 32 с.
8. Ламзина, А.В. Заглавие / А.В. Ламзина // Введение в литературоведение. – М., 2006. – С. 94–95.
9. Магазинник Э. Поэтика заглавия и оглавления / Э. Магазинник // Мат-лы 28-й науч. конф. СамГУ. – Самарканд, 1968. – С. 14–15.
10. Пинский, Л.Е. Юмор // Литературный энциклопедический словарь; под общ. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. – М.: Сов. энцикл., 1987. – 752 с. – С. 521.
11. Рыбаков, Ю. Драматургия Мара Байджиева / Ю. Рыбаков // Байджиев М. На сцене. – Бишкек: Фонд «Седеп», 2005. – С. 3–14.

References

1. Babiçeva, Yu.V. Poetika zaglaviya / Yu.V. Babiçeva // Vestn. Tomsk. un-ta. Ser. Gumanitarnıye nauki (Filologiya). – Tomsk, 2000. – Vıp. 6’22 2000. – S. 61–64.
2. Baydjiyev, M. Na stwene / M. Baydjiyev; vstup. st. Yu. Rıbakova. – Bişkek: Fond «Sedep», 2005. – 298 s.
3. Bayjiyev, M. Sahnada / M. Bayjiyev; Sovetbek Baygaziyevdin baş sözü. – Bişkek: «Sedep» fondusu, 2006. – 541 b.
4. Bahtin, M.M. Voprosı literaturı i estetiki. İssledovaniya raznıh let / M.M. Bahtin – M.: Hudoj. lit., 1975. – 504 s.
5. Gusev, V.E. Sinkretizm / V.E. Gusev // Literaturnıy entwiklopediçeskiy slovarq; pod obşw. red. V.M. Kojevnikova, P.A. Nikolayeva. – M.: Sov. entwikl., 1987. – 752 s. – S. 380.
6. Djandjakova, Ye.V. O poetike zaglaviy / Ye.V. Djandjakova // Lingvistika i poetika: sb. st. / Grigorqev Viktor Petroviç; İnstitut russkogo yazıka. – M: Nauka, 1979. – S. 207–214.
7. Krjijanovskiy, S.D. Poetika zaglaviy / S.D. Krjijanovskiy. – M.: İzd-vo Nikitinskiye subbotniki, 1931. – 32 s.
8. Lamzina, A.V. Zaglaviye // Vvedeniye v literaturovedeniye. – M., 2006. – S. 94–95.
9. Magazinnik, E. Poetika zaglaviya i oglavleniya / E. Magazinnik // Mat-lı 28-y nauç. konf. SamGU. – Samarkand, 1968. – S. 14–15.
10. Pinskiy, L.E. Yumor / L.E. Pinskiy // Literaturnıy entwiklopediçeskiy slovarq; pod obşw. red. V.M. Kojevnikova, P.A. Nikolayeva. – M.: Sov. entwikl., 1987. – 752 s. – S. 521.
11. Rıbakov, Yu. Dramaturgiya Mara Baydjiyeva / Yu. Rıbakov // Baydjiyev M. Na stwene. – Bişkek: Fond «Sedep», 2005. – S. 3–14.

УДК 811.512.122`37

С.А. Оданова
Алматы, Казахстан

ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКИХ ИСЛЕДОВАНИЯХ

Аннотация. *В статье рассматриваются значения понятий «индивид», «личность», «человечность» в языкознании, психологии,*

S.A. Odanova
Almaty, Kazakhstan

STUDY OF THE «LANGUAGE PERSON» PROBLEM IN ANTROPOACTUAL RESEARCH

Abstract. *In linguistics today dominates antrhropocentric direction and focus on the human factor. In accordance with this also gives special importance to the system of language and thinking*

философии и социологии. Человек описывается как «индивид», «личность», «субьект», определяется отношение человека к самому себе, обществу и окружающей среде, рассматривается взаимоотношение личности и общества. Описываются разные значения понятий «личности» в энциклопедических, философских, психологических, лингвистических словарях и определяются особенности и сходства. В последние годы в лингвистической литературе личность описывается не как гомогенное, а гетерогенное явление.

Ключевые слова: *человек, личная персона, личность, языковая личность, коммуникация, общество, философия, языковое мышление, этнокультурное сообщество.*

approaches to the effects of human language. The article deals with the meaning of «individual» «personality» «humanity» in linguistics psychology philosophy and sociology. People is described as «individual» «personality» «subjects» and is determined by the relation of man to himself, society and the environment. Because man can not exist outside of society. And the formation of man as a person, as linguistic identity is directly connected with the community. Therefore considered the relationship of the individual and society. Describe the sequence of the different meaning of «person» in encyciopedias, philosophical, psychological, linguistic dictionaries and determined features and skhozhvesta. Stating that, i.e., personality is described not as homogeneous and heterogeneous phenomenon, ie, personality is described from different angles.

Key words: *human, individual person, personality, language personality, society, philosophy, linguistic thinking, ethno-cultural community.*

Сведения об авторе: *Оданова Сагира Амангелдиевна, кандидат филологических наук, ассоц. Профессор. Место работы: Казахский государственный женский педагогический университет.*

About the author*: Odanova Sagira Amangeldievna, candidate of philological sciences, associate professor.Place of employment: Kazakh state women's teacher training university.*

Контактная информация: *e-mail: sagira68@mail.ru.*

Исследования в антропоцентрическом направлении в области языкового знания обновляются и приобретает новый темп. По этой причине, уделяя особое внимание тому, как строятся взаимоотношения между людьми, как обрабатывается информация, как воспринимают и понимают текст, повышается интерес к коммуникативной стороне языковых явлений. Язык, функционируя как средство взаимоотношений между людьми, приобретает общественное значение. Посредством языка человек познает окружающий мир, формируется собственное мировоззрение.

Человек – объект изучения многих наук. Существует множество определений человеку и они очень разнообразны. Человек характеризуется как «индивид» (отдельный человек), «субъект», «образ». Причина его многообразия зависит от того, с какой точки зрения он характеризуется. В зависимости от психологических особенностей, по мере его взаимоотношений с другими людьми человек изучается психологией, его социальные особенности, деятельность в обществе исследуется

социологией, а также изучается философией. Если «В кратком энциклопедическом словаре» индивид (отдельный человек) рассматривается как отдельно взятый человек, обладающий природными и социальными особенностями, то в «Психологическом словаре» понятие *субъект* рассмотрено в значении активно действующего, познающего, обладающего сознанием и волей человека. В «Советском энциклопедическом словаре» дается следующее определение понятию личность: 1. Субъект взаимоотношений, обладающиий познавательной деятельностью. 2. Член общества или общности.

Об индивидуальных особенностях человека Д. Кишибеков и У. Сыдыков отмечают так: «Необходимо учесть, что в человеке существует три степени человеческих способностей: 1) каждый человек – в первую очередь член социума. Все представители человечности вне зависимости от их расовой, национальной, племенной принадлежности, пола, обладают всеми общечеловеческими способностями. Это радость, сострадание, любовь к ребенку, к матери, ненависть к подлости и деспотизму, несправедливости, любовь, ненависть, любовь к справедливости, то есть к ним относятся все духовно-психологические качества. 2) Психологические признаки, возникающие в процессе деятельности высшей нервной системы из физиологических особенностей каждого человека и присущие лично только ему. Это наблюдается в его характере, темпераменте, в действиях и поведениях, в разговоре, в реакциях на внешние воздействия, во взаимоотношениях с посторонними людьми, а также во всей его жизнедеятельности. 3) Человек растет в определенной стране, в историческую эпоху, удовлетворяясь материальными и духовными благам определенного уровня. У него есть определенная социальная (классовая), этническая (национальная) среда. Он получает знания из образовательно-воспитательной системы, сложившейся в той эпохе, исторической среде. Все это в целом оставляет собственный след во внутреннем мире человека. В то же время определившись, обособляясь, становится его *устойчивым духовным качеством.*

А в теории коммуникации уделяется особое внимание способностям человека как оратора, то есть человек характеризуется как *коммуникативная личность*. Для уточнения понятия коммуникативной личности необходимо выяснить, как характеризуется слово *личность* в философии, социологии, психологии, лингвистике (языковая личность). Человек – живое существо, состящее из единства биологических и социальных черт (качеств), находящийся на высшей ступени развития человечества. В учебнике «Философии» написано так: «У человека есть две разных черты: природная (биологическая) и общественная (социальная). Конечно, главное качество человека – его социальная черта. Человек и общество едины. Только в обществе человек может проявить себя как социальное явление. Если говорить, что труд сделал человека человеком, то

в результате труда появилось сознание человека, его язык. Если так, то труд, сознание, язык – общественные явления, имеющие историю формирования, развития» [1, с. 242].

У каждого человека в обществе существует социальный уровень, социальная деятельность. В социологии внимание уделяется взаимоотношениям человека с окружающей средой, с другими людьми, то есть его место в обществе. Особое значение придается собственному «я», самопознаниию и его месту в определенном обществе, сообществе. Место человека в обществе рассматривается в зависимости от познания человека самого себя. А.Н. Леонтьев взяв за основу самооценку, активность, взаимоотношения человека с с окружающим миром, характеризует «я» в качестве проявления важных психологических и социальных особенностей человека [2].

Вопрос взаимосвязи личности изучается и социологией. К характерным особенностям личности можно отнести мировоззрение, ценности, социальные отношения, ответственность, индивидуальность, государственную, общественную деятельность.

Социализация для индивида – это не явление существующее вне, а наоборт, социализация осуществляется через активное включениев социальные отношения, приспосабливаясь к условиям общества, путем постоянных изменений и выора правильного пути. Благодаря этому совершенствуется способность человека оценивать свое поведение, действия, сравнивая свои поступки с такими же поступками других людей, таким образом понимание себя, выражаясь философским языком, проявляется способность к самопознанию [1, с. 234].

В связи с тем, что природа человека сложна и разнообразна, он характеризуется с разных граней: рассматривается с позиции познавательных действий (Ж.Пиаже). нравственного развития (Л.Колберг); с психоаналитической позиции (З.Фрейд, Э.Эриксон); сознательных действий, мировоззрения, личностных особенностей (Л.С.Выготский).

В последнее время в лингвистической литературе личность характеризуется не как гомогенное, а гетерогенное явление, то есть рассмотрим несколько видов его создания. Если язык рассматривать с антропологической позиции, то необходимо обратить особое внимание проблеме языковой личности. В настоящее время языковая личность в языкознании указывается разными терминами. Если конкретизировать, субъект (познаватель мира, изображающий мир в своей речи), индивид, автор текста, информант приверженец языка, актив, пассив информант, говорящий/слушающий, словесный портрет, идиолект, образ автора, интеллектуал, автор образы, свой образ автора и т.д.).

Эти названия получены различными учеными в результате исследований уровня сознания человека. Однако в этом вопросе достаточно разнообразия, поскольку происходит сближение и пересечение разных

областей науки, в поиске развития, пытаясь понять языковую личность с собственной позиции. Ю.Н. Караулов в русском языкознании, определяет природу языковой личности [3, с. 234]. Опираясь на это, считаем, что в основе языковой личности находится комплекс особенностей создающего текст и способности принимающего человека. Это определяется: а) степенью структурно-языковых сложностей; б) глубоким и четким образом настоящего бытия; в) определенной направленностью.

Как указывает В.А. Маслова, в содержание языковой личности включаются следующие компоненты: 1) ценностный, мировоззренческий, компонент содержания воспитания, т.е. система ценностей или жизненных смыслов; 2) культурологический компонент, т.е. уровень освоения культуры как эффективного средства повышения интереса к языку; 3) ценностный, личностный компонент, т.е. то индивидуальное, глубинное, что есть в каждом человеке [4, с. 119].

Так, на сегодняшний день существует множество аспектов изучения языковой личности, определяющих различные статусы ее существования: комплексная и идиолектная (частночеловеческая) личности [В.Г. Нерозняк], этносемантическая личность [С.Г. Воркачев], элитарная [А.Г. Баранов], русскоязычная личность [Ю.Н. Караулов], языковая и речевая личность [Ю.Е. Прохоров, Л.П. Клобукова], языковая личность западной и восточной культур [Т.И.Снитко], словарная языковая личность [В.И.Карасик], эмоциональная языковая личность [В.И.Шаховский]; психолингвистическая [И.А. Бодуэн де Куртенэ], лингводидактическая; философская [В.Виноградов], понятие языковой личности в казахском языке описывается в трудах Ф.Оразбаевой, Н.Уәли, Қ.Жаманбаевой, А.Ислам, О.Жұбаевой, Н.Аитовой, Г.Имашевой, Ж.Ермековой и др. Ислам Айбарша, выстроив в ряд понятия «культурная языковая личность», «языковая личность» называет их «языковой личностью» и дает такое определение: «Языковая личность – обладатель культурно-языковой компетентности, овладевший полной информацией о национальном языке и о национальной культуре. В связи с усвоением информации о национальной, региональной, мировой культуре, она состоит из стадиальных уровней.

Обладатель «языковой культурной компетенции (согласно стадиальному уровню) способен понимать общее значение языковых признаков в национальном оттенке без специальной экспертизы» [5, с. 7].

Общий интеллектуальный уровень человека служит фундаментом этапа формирования языковой личности. Особенно, когнитивная характеристика приобретает руководящую роль в определении разума, знаний. Познавательная позиция языковой личности не всегда заметна в традиционных языковых анализах. «Языковая личность – прототип, поэтому ее когнитивная модель четко показана на уровне концептуальной структуры. Прототип – типовой образ, поэтому он взаимосвязан с языковым содержанием,

объединившись, они составляют основу семантики», – такое определение исследователя Н. Аитовой основано на когнитивной характеристике [6, с. 12]. Г. Имашева считает, что для формирования языковой личности должны быть следующие предпосылки: 1. национальное воспитание (семейное воспитание); 2. Национальные языковые измерения (принятые, непринятые ценности); 3. Культурная информация (традиции, обычаи); 4. духовное сознание (религиозные положения); образы для подражания (Абай, Чокан и др.); 6. передовая образовательная система; 7. Родовой интеллект. Индивид, имеющий в себе эти качества, сможет подняться от сознательного человеческого уровня дальше до уровня языковой личности. Языковая личность имеющий национальный менталитет, способствующий развитию национального языка, общественный интеллект [7, с. 16].

Сформированная, внедренная в соответствии собственной натуре языковой личности форма, умение логично говорить, мысли, взгляд переходя на уровень эталонной формы, становится ядром изучения его языка. Это, безусловно, наблюдается на традиционной вербально-семантическом уровне языковой личности.

Ю.Н. Караулов считает, что языковая личность состоит из трех структурных уровней:

1. Вербально-семантический уровень;
2. Когнитивный уровень;
3. Прагматический (мотивационный) уровень [3, с. 36].

В вербально-семантическом уровне определяется степень владения языковой личности обыденным языком. Данный уровень состоит из стереотипных примеров словосочетаний и предложений. Поскольку данный уровень отображает первоначальный вид познания языковой личности, в некоторых случаях он бывает нулевым, приоритетно будет рассматриваться особенность использования языка языковой личностью. Қ. Жаманбаева в своем труде «Когнитивные основы применения языка» вводит условия языковых эпосов, указанных А. Байтұрсынұлы: 1. Правильность слова; 2. Размышление и составление предложений; 3. Ясность речи; 4. Точность речи; 5. Наглядность речи [8, с. 19].

Этот уровень предполагает отражение языковой модели мира личности, ее тезауруса, культуры. «Данный уровень показывает дискурс личности на основе текста, отбражающих знание, сознание, познание человека. В художественной литературе он осуществляется посредством когнитации, то есть результат взаимосвязи языка и познания, период тезарусного формирования той языковой личности, образованного согласно данной взаимосвязи [7, с. 19]. Третий, прагматический уровень – включает в себя выявление и характеристику мотивов и целей, движущих развитием языковой личности, анализ особеностей.

Здесь можно рассматривать особенности применения языковой личностью устаревших, заимствованных слов, других лексических пластов,

диалектических слов, а также влияние общественного сознания на язык языковой личности [7, с. 14]. Языковая личность в ходе разговора осуществляет несколько видов деятельности. В частности, фактическую, информационную, воздействующую.

Эмоции и волю человека можно заметить в формах воздействия на слушателя. В связи с этим, Ислам Айбарша пишет: «Если говорить о содержании языковой личности, то его составляют системы ценностей, состоящие из мировоззренческих, культурных и личностных компонентов... Природа языковой личности связана напрямую с национально-культурным обликом. Хотим особо указать, что национальная языковая личность не только характеризуется на лексико-семантическом уровне, но и личность, освоившая национально-культурные ценности, национально-культурную (менталитет), национальную психологию и умеющая их передать потомкам» [5, с. 11].

Личность, не достигшая уровня потребителя языка, не сможет оказаться в одном ряду ни с языковой личностью, ни с коммуникативной личностью. Но как бы то ни было человек – потребителем какого-нибудь определенного языка и по отношению к определенному языку он является национальной языковой личностью, следовательно, относительно этого он может быть коммуникативной личностью. Если по отношению к языку личность, обладающая лингвистической компетентностью, для одного языка он будет языковой и личностью (относительно родного языка), а по отношению ко второму он будет являться только в качестве потребителя языка (понимает второй язык, использует на определенном уровне, но не может идеально разговаривать, знать норму, вступать в свободную коммуникацию).

Свойственную потребителю языка и лингвистическую компетентность, и культурно-языковую компетентность, и коммуникативную компетентность человек может осваивает в ходе дискурса в процессе коммуникативных ситуаций [9].

Языковая личность в коммуникации представляется в качестве коммуникативной личности. Коммуникативная личность проявляется во время разговора. Коммуникативная личность – это личность, которая успешно овладела нормами, подобными функциональным особенностям, соответствующими коммуникативному положению языка, с устоявшимися навыками пользования.

Итак, каждый индивид является представителем одного определенного этнолингвокультурного сообщества, носителем этноязыкового познания. Формированием языковой личности является социализация человека через освоение национальной культуры и психологии посредством языка. Каждая языковая личность является представителем определенного этнолингвокультурного сообщества и носителем определенного этноязыкового познания.

Литература

1. Аитова, Н. Қазақ тіліндегі түр-түс атауларының когнитивтік семантикасы: канд. филол. наук... автореф.: 10.02.02. – Алматы, 2005. – 26 с.
2. Жаманбаева, Қ. Тіл қолданысының когнитивтік негіздері: эмоция, символ, тілдік сана. – Алматы: Ғылым, 1998. – 140 с.
3. Имашева, Г. Міржақып Дулатұлы шығармаларындағы «Ғаламның тілдік бейнесі»: канд филол. наук.... автореф.: 10.02.02. – Алматы, 2007.
4. Ислам, А. Ұлттық мәдениет контексіндегі дүниенің тілдік суреті (салыстырмалы - салғастырмалы лингвомәдени сараптама): доктор филол. наук... дис. : 10.02.19. – Алматы, 2004. – 338 с.
5. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – 7-е изд. – Москва: ЛКИ, 2009.
6. Кишибеков, Д., Сыдыков, У. Философия. – Алматы, 2000. – 236 с.
7. Леонтьев, А.А. Общение как объект психолингвистического исследования // Методологические проблемы социальной психологии. – М., 1975. – С. 251-261.
8. Маслова, В.А. Введение в когнитивную лингвистику. – Москва: Флинта, Наука, 2004. – 296 с.
9. Садирова, К. Қазақ тіліндегі көп пропозициялы дискурстың құрылымдық негіздері. – Алматы, 2009. – 157 с.

References

1. Aitova, N. Қazaқ tilindegi tүr-tүs ataularynyң kognitivtik semantikasy: kand. filol. nauk... avtoref.: 10.02.02. – Almaty, 2005. – 26 s.
2. Zhamanbaeva, Қ. Til қoldanysynyң kognitivtik negizderi: ehmociya, simvol, tildik sana. – Almaty: Ғylym, 1998. – 140 s.
3. Imasheva, G. Mirzhaқyp Dulatұly shyғarmalaryndaғy «Ғalamnyң tildik bejnesi»: kand filol. nauk.... avtoref.: 10.02.02. – Almaty, 2007.
4. Islam, A. Ұlttyқ mədeniet konteksindegi dүnienің tildik sureti (salystyrmaly - salғastyrmaly lingvomədeni saraptama): doktor filol. nauk... dis. : 10.02.19. – Almaty, 2004. – 338 s.
5. Karaulov, Yu. N. Russkij yazyk i yazykovaya lichnost'. – 7-e izd. – Moskva: LKI, 2009.
6. Kishibekov, D., Sydykov, U. Filosofiya. – Almaty, 2000. – 236 s.
7. Leont'ev, A.A. Obshchenie kak ob"ekt psiholingvisticheskogo issledovaniya // Metodologicheskie problemy social'noj psihologii. – M., 1975. – S. 251-261.
8. Maslova, V.A. Vvedenie v kognitivnuyu lingvistiku. – M.: Flinta, Nauka, 2004. – 296 s.
9. Sadirova, K. Қazaқ tilindegi kөp propoziciyaly diskurstyң құrylymdyқ negizderi. – Almaty, 2009. – 157 s.

УДК 81’27

Е.И. Селиверстова
Санкт-Петербург, Россия

МОЛОКО И МЕД: ЖИЗНЬ И СУДЬБА ГЕРОЕВ МАРИНЫ СТЕПНОВОЙ СКВОЗЬ ПРИЗМУ СЪЕДОБНОГО

Аннотация: *Рассматриваются вербализаторы используемого писателем пищевого (гастрономического) кода, особенности их вербализации, участие в реализации авторских задач, авторского видения мира. Особенно значимыми представляются образы фруктов (персика, яблока), ассортимента*

E. I. Seliverstova
St. Petersburg, Russia

MILK AND HONEY: LIFE AND DESTINY OF HEROES OF MARINA STEPNOVA THROUGH THE PRISM OF EDIBLE

Abstract*. Verbalizators of the food (gastronomic) code used by the writer, feature of their use, participation in implementation of author's tasks, author's vision of the world are considered. Especially significant images of fruit (a peach, apple), the range of dairy products and sweets, a bible*

молочных продуктов и сладостей, библейский образ молока и меда.

image of milk and honey are represented.

Ключевые слова: *авторское видение мира, лингвокультурный код, вербализатор, сладкий, молочный, библия, три героини.*

Keywords: *author's vision of the world, linguocultural code, verbalizator, sweet, dairy, bible, three heroines.*

Сведения об авторе: *Селиверстова Елена Ивановна, доктор филологических наук, доцент, зав. каф. русского языка для гуманитарных и естественных факультетов.*

Место работы: *Санкт-Петербургский государственный университет.*

About the author: *Seliverstova Elena Ivanovna,*
Doctor of Philology, Associate Professor, Chair of the Department of Russian for humanitarian and natural faculties.

Place of Employment*: St.-Petersburg State University.*

Контактная информация: *selena754@inbox.ru.*

Писатель как носитель языка при создании произведения и реализации своих намерений отталкивается, безусловно, от национальной языковой картины мира, от этномаркированного когнитивного пространства. В противном случае звучание авторского образно-ассоциативного камертона принципиально не совпадало бы с восприятием текста читательской аудиторией и утратило бы всякий смысл. Любые пояснения были бы сколь излишни, столь и бесполезны – по З. Гиппиус, «если надо объяснять, то не надо объяснять».

С другой стороны, в художественном произведении мир предстает преломленным авторским сознанием и нашедшим особое, неповторимо-индивидуальное воплощение. Писатель, вербализуя свое представление о жизни, раскрывая систему характерных для него ценностей и круг привычных ассоциаций, опирается на свое субъективно-индивидуальное видение мира – сквозь призму собственного жизненного опыта. Это характеризует мастера слова как особую языковую личность, с одной стороны, и как члена социокультурного пространства, задаваемого культурными нормами, традициями и обычаями своего народа – с другой [2, с. 109].

Осваивая внешний и внутренний мир, писатели объективируют видимое и переживаемое через использование содержательных единиц языка и целого арсенала лингвокультурных кодов как способов формирования и формулирования мысли [6, с. 894]. Лингвокультурный код понимается нами, вслед за В.И. Карасиком, как «система взаимосвязанных значений, отражающих специфическое, присущее определенному языковому сообществу исторически обусловленное понимание» [10, с. 4]. В области изучения языка писателей, идиостиля журналистов, лингвокультурных типажей и т.д. исследователи обращаются и к индивидуальным и частным схемам осмысления и языковой вербализации определенных предметных областей – см., например, [1, 5, 8, 11, 12, 14] и др.

Среди базовых кодов культуры значимое место – наряду с соматическим, зооморфным, вещным, милитаристским, природно-ландшафтным и др. [12] – занимает пищевой (продуктовый, кулинарный, гастрономический)

код. Подтверждением важности является разработка его в нескольких направлениях. Так, к факторам, способствующим символизации элементов пищевой традиции, обращена диссертация Н.А. Устиновой [15]. Е.В. Капелюшник описывает особенности фрагмента языковой картины мира, связанного с выражением представлений о мире «путем ассоциативно-образного уподобления продуктам питания, кулинарным блюдам, процессам приготовления и поглощения пищи», и выявляет сценарную структуру концептуальной сферы «Еда» [9].

В романе Марины Степновой «Женщины Лазаря» использование пищевого кода представляется особенно ощутимым и значимым. При этом он перекликается и сопрягается с рядом иных культурных кодов – растительным, природным, мифологическим и др., что отражает особенности его функционирования в сфере художественного текста.

Обращаясь к пищевому лингвокультурному коду и вербализующим его единицам, М. Степнова использует разные его возможности. В романе действительно много еды – простой и изысканной, праздничной и повседневной, домашней и рыночной, реальной и воображаемой (особенно при чтении Лидочкой ее любимой поваренной книги). Трапезы за общим столом в добром и любящем доме – знак благополучия, взаимопонимания, приязни и человеческого тепла. Пасхальный поросенок в шумном доме Питоврановых – при прочих не менее вкусных блюдах; степенные домашние обеды в семье Чалдоновых, тщательно продуманные Марусей – «на пять гостей и четыре перемены блюд»; скупленный Линдтом для молодой беременной жены – чуть не целиком – рынок благополучных советских времён: тепличные огурцы, яблоки, угреватые, пористые лимоны, мед, «торжественный, неторопливый, превративший банальную липкую литровую банку в мерцающую изнутри дворцовую светильню». Продуктовый ассортимент, представленный в романе, весьма широк и способен охарактеризовать и эпоху изобилия и доступности еды, и голодный 1918 год и времена эвакуации во время Отечественной войны.

Однако существенно больший интерес представляет – в отличие от экстралингвистической стороны продуктово-пищевого аспекта – знаково-символическая функция отдельных фигурирующих в тексте образов съестного и съедобного. Первые же строки романа М. Степновой «ЖЛ» рисуют образ вкусной, сладкой, даже чуть приторной – такой благополучной обстановки последнего счастливого лета пятилетней Лидочки (она станет третьей женщиной, имеющей отношение к Лазарю Линдту). Мы видим «вспотевший *арбуз, сахарно* хрустнувший под хищным перочинным ножом мирного криворожского пролетария», стаканчики из-под *плодово-ягодного (плодово-выгодного) мороженого*, торговца «запрещенной *сахарной ватой*». И даже маленькие семейные прозвища любимой дочки включают элемент сладкого – «Лида, Лидочка, *Леденец, Барбариска*». Но наиболее ярким образом остановившейся, или несостоявшейся, благополучной жизни становится гро-

мадный ***персик***, которым угостили девочку новые пляжные знакомцы родителей – щекотный, «нежно-шерстяной, горячий, тигрово-розовый от переполнявшего его света», напоминавший саму Лидочку – круглоглазую, ловкую, с шелковыми горячими лопатками…

Автор как будто вскользь обронил несколько слов, намекая на то, что истекают последние счастливые минуты жизни («Это и было счастье — родные, горячие руки, которые никогда тебя не выпустят, не уронят, даже если перевернулся весь мир. Она потом это поняла»).

Когда раздался жуткий, нечеловеческий крик отца, Лидочка поперхнулась и выронила доеденный почти до половины персик, «его тут же облепило крупным песком – прямо по самой лакомой мякоти, уже не отмоешь, на выброс, жалко-то как». Направляясь к воде в толпе любопытных, она продолжала оборачиваться на *упавший и безнадежно испорченный плод*, еще не догадываясь, что так же безнадежно испорчена и вся ее жизнь. Да и сам папа, неожиданно и несправедливо осиротевший, – «весь, как недоеденный Лидочкой персик, облепленный тяжелым бурым песком». Вкус необыкновенного фруктового счастья обратится для Лидочки, ещё липкой от персикового сока, в свой антипод – во вкус необратимой утраты: на всю жизнь у нее останется аллергия на персики.

Таким образом, антитеза «счастье ←→ перевернувшийся мир (несчастье)» выстраивается преимущественно за счет использования образа персика.

В романе широко представлен ***яблочный*** мотив. Пахнет яблоками сентябрьская Москва, вспоминающая осенью своё деревенское происхождение; пироги с яблоками, как, впрочем, и с грибами и другой начинкой, составляют недоступное лакомство маленьких учениц балетного училища; яблоки – привычный фрукт в семье Баталовых, где на примере двух яблок весьма наглядно демонстрируются почти катастрофические последствия успешно складывающейся певческой «карьеры» дочери-школьницы.

Ярким и необычным представляется авторское противопоставление в романе различных «ипостасей» яблочного. Яблоки, яблочный аромат, яблоневый сад – этой фруктовой ассоциацией связаны между собой все «женщины Лазаря». «Очень простой, домашний и немного яблочный запах» Маруси – мучительно любимой чужой жены, вытеснив все иные запахи, заполнил собой для Линдта весь мир, сделав его своим пленником на долгие годы. Одно лишь прикосновение к руке Маруси способно вызвать в воображении героя целую картину – запах нагретой солнцем соломы и спелых яблок заставляет его думать об украдкой сорванных на полуденном чердаке спелых поцелуях и верить в то, что «все ещё наладится» – и именно в этой жизни.

О саде вокруг собственного дома, о фруктовых деревьях – «яблони, груши, непременно парочка слив и даже вишня», без особого кулинарно-прагматического интереса к самим плодам – мечтает младшая из женщин,

внучка Линдта Лидочка. Для нее, не любимой, не знавшей после смерти родителей заботы и внимания, дом с садом, заселяемый мысленно добродушными домашними питомцами, детьми и даже внуками, делает жизнь осмысленной, а угроза потерять эту возможность лишает жизнь всякой надежды и заставляет Лидочку думать об уходе из нее.

Яблочным «звеном» между Марусей и Лидочкой является Галочка – с губами теплыми, гладкими, яркими, как барбарисные леденцы, позже – «стерва» Галина Петровна. «Нежный яблочный ветерок», пронесшийся по коридорам политеха, где Галочка, недобравшая балл для поступления в институт, работала лаборанткой – скорее лишь намёк на яблочный запах, – символизирует полноту счастья молодой взаимной любви Галочки и Николая Ивановича (Николеньки) и окрыляющего ожидания будущего («Она была влюблена – наконец-то. Наконец-то счастлива»). Не Линдту был предназначен и не с ним был связан этот эфемерный яблочный аромат. Как в первом, так и во втором случае.

И Маруся, и Галочка овеяны яблочным ароматом, будучи любимыми своими избранниками: старшая всю свою жизнь влюблена в собственного мужа и не поняла истинной причины преклонения и преданности Линдта, вторая влюблена в застенчивого ассистента кафедры химии Николеньку, а родители уже готовятся к свадьбе – и обе были совершенно счастливы.

Таким образом, запах, эта эфемерная летучая субстанция, приобретает у М. Степновой особый смысл: запах яблок относительно некой «ароматической оси» представляется определенно положительным, романтическим, вселяющим надежду, веру, ожидание чуда. Как справедливо заметила М.А. Епанешникова, «индивидуальность обонятельных ассоциаций» делает их описание способным передать «мельчайшие оттенки характера и настроения», чем во многом и обусловлено использование в литературных произведениях ольфакторных символов [7, с. 32].

Сам же плод – яблоко, со всеми его яркостью, мякотью, соком, хрусткостью, – в отличие от невесомого яблочного запаха, обретает в романе иную символику. В истории знакомства и развития отношений Линдта с его второй и последней любовью, юной Галочкой, яблоку отведена почти райская значимость. Искуситель – маленький сухой старичок, «довольно противный – тощий, морщинистый, весь заросший неопрятной сизо-седой щетиной», с первого взгляда влюбившийся в Галочку, однако осуществляющий «процедуру» искушения – по сути же, страшного запугивания – чужими руками. Если в случае с Марусей Линдт довольствовался «яблочным ароматом», то «плод» галочкиной молодости и красоты, галочкиной жизни он хотел отведать и сделал для этого все возможное. По сути, произошло то, от чего однажды уже уберег Галочку ее отец, не сумевший, увы, сделать это во второй раз – уж очень были не равны силы.

Прежде случайного знакомства Линдта с Галочкой в доме ее родителей состоялся необычный «яблочный» эпизод: слух о перспективной пою-

щей на школьных концертах девочке, красивой и весьма аппетитной, «дошелестел до райкома комсомола», откуда отцу Галочки позвонил услужливый секретарь, пожелавший ею «полакомить собственное руководство». «Мерзавец» получил от отца семейства достойный ответ, а вернувшаяся домой Галочка – наглядный урок. Появление в доме родителей невиданных в Энске ярко-красных, ненормально глянцевых импортных яблок, которые при этом совершенно не пахли, способно уже внушить страх. Автор подчёркивает, что «в воздухе было стерильно и пусто, как в операционной, выжженной стрекочущей бактерицидной лампой», т. е. запах яблок заведомо исключен: речь идет не о любви.

Яблоко становится страшной метафорой: Петр Алексеевич, отец Галочки, не понимающей до времени нависшей над ней угрозы, поясняет ей происходящее на примере двух плодов, из которых один ей предстоит выбрать. Одно из яблок, алое, лаковое, целое – продолжает радовать глаз, отбрасывая розовый блик, в то время как второе, обкусанное, «изуродованное, обслюнявленное, обнажившее истерзанное зеленовато-золотое нутро», лежит рядом на столе как символ того, во что может сама Галочка и вся их жизнь, если она и дальше будет петь в хоре и солировать на концертах. Так отец пытается дать понять дочери о существующей опасности и тем самым как бы прозревает будущее. «Галочка, силясь угадать, собрала на гладком лбу мягкую складку (след будущей взрослой морщины, намек на *грядущую, смертную, нерадостную жизнь.* – выделено нами – Е. С.), потянулась машинально к целому яблоку и вдруг поняла, ахнула и, некрасиво, в голос, заплакав, бросилась в свою комнату».

Таким образом, яблоко порождает в романе несколько ассоциативных векторов: оно становится тем плодом, который, (1) почти по библейской легенде, исключает возможность рая – если последовать предложенной по телефону линии поведения и вкусить запретного плода. Притягательное, глянцево-румяное, яблоко являет собой (2) символ искушения славой и успехом, а обкусанное и изуродованное – (3) символ возможных ужасных последствий: утраты «целостности», невинности, юности. Его допустимо интерпретировать и как косвенный намек на вынесенную в скобки (4) «грядущую нерадостную жизнь».

Отсутствие у яблок аромата можно рассматривать как знак отсутствия любви и неестественности того, что даже в мыслях не допускают ни родители Галочки, ни она сама. Более мотив запаха яблок в романе не появляется, как не появляется более в жизни героини тема любви.

Интересно, что позже, уже после смерти нелюбимого мужа, которой Галочка дожидалась долгие годы, она вдруг осознает, что никто (читай – Линдт) более «не говорил ночью, не просыпаясь: “Солнышко мое”, никто не помнил, что *яблоки она любит твердые, чтоб хрустели*, а груши, наоборот, переспелые». Особенности вкусов героини и здесь, как видим, показаны на примере яблок и груш.

Очевидны переплетения отдельных мотивов, связывающие героинь. Так, например, ***леденцово-карамельно-барбарисная (барбарисовая)*** тема распространяется только на Галочку и Лидочку – вероятно, в силу их возраста, но не имеет отношения к Марусе. При этом леденцы («Взлетные») и барбарисовая карамелька присутствуют в тексте в качестве продукта, в качестве ласковых прозвищ Лидочки (*Леденец, Барбариска*) – и (это позволит и далее – на протяжении многих страниц – некой музыкальной темой, отдельными нотами напоминать о том, что отнюдь не сладкая жизнь выпала на долю Лидочки), используются в качестве образа сравнения (детские сновидения – сладкие, полупрозрачные, радостные, липковатые, «словно *пятикопеечные леденцы на палочке*»; губы Галочки – «*теплые, гладкие, яркие, как барбарисные леденцы*» – на вид и на вкус). И даже улица, мокрая и черная, напоминает Лидочке *облизанный лакричный леденец*, едва освещенная «ледяным и ломким, почти *леденцовым*, фонарным светом». Сладкий ряд дополняется вареньем, мороженым, сладким чаем, сладким запахом духов и т.д.

Съедобное в романе М. Степновой – не только и не обязательно съедаемое: наименованиям многих продуктов, упоминаемых в романе, помимо исключительно номинативной, отводятся автором иные функции. Образ второй любимой женщины и жены Лазаря Линдта сочетает в себе несколько вкусо-цвето-запаховых пищевых ассоциаций.

Так, отдельную концептуализированную предметную область составляют молочные продукты: ***молоко, сливки, сливочное масло***. Если использование этих слов в связи с Марусей реализует свои обычные, словарные семантические параметры (ср.: «День, набирая скорость, обороты, гул, покатил раз и навсегда положенным славным маршрутом – завтрак, *молоко*, возня с упругим охающим тестом»), то в отношении Галочки эти слова вербализуют представление Линдта о теле молодой жены: Галина Петровна, <…> даже на немыслимых своих восьми-с-лишним-месячных сносях, выглядела возмутительно здоровой и соблазнительной: круглая грудь в круглом вырезе мятой сорочки, бликующие в свете ночника *молочные молодые коленки*. <…> Даже огромное выпуклое пузо гармонично вписывалось в этот праздник плодородия, щедро пахнущий свежим потом, яблоками и будущим молоком». «Галина Петровна сидела на кровати — выспавшаяся, яркая, до краев налитая мирным розовым светом. – А вот и наша красавица! – умиленно пропела заведующая, словно самолично вылепила Линдту молодую жену из *нежнейшего, свежайшего, самолучшего сливочного масла*». *Сливочный* можно трактовать в аспекте вкуса («Галина Петровна впервые не вздрогнула, не сжалась, а обернулась, все еще ощущая, как тает на отвыкших губах мягкая, *сливочная на вкус улыбка*»), цвета («Галина Петровна отдернула *тонкий сливочный тюль* – двор был совершенно пуст»), степени качественности – ср. прием создания семантической двуплановости слова *сливки*, используемого для характеристики верхушки энского *общества* –

свежайшие, жирно-желтые, парные, густые настолько, что ложка стоит. Вид, свежесть, жирность, густота – все эти признаки составляют в совокупности знак высочайшего качества партийно-административной элиты, которая, однако, вся вместе взятая, не стоит одного Линдта.

Молочный, молоко, сливочный выступают в тексте в индивидуально-авторском смысле – как характеристика красивого, здорового человека, до некоторой степени – как указание на образ жизни. Совершенно счастливым и безмятежным кажется Галине Петровне увиденный из окна малыш, который, уронив свою няньку и злорадно хохоча, «вбежал в свою лужу, вздымая ледяные волны, словно маленькая кургузая баржа, груженная *килограммами радости, свежей рыночной вырезки и теплого молока*». Это не единственный пример, где упоминание нескольких качественных продуктов участвует в характеристике позитивного эмоционального и физического состояния персонажа. Ср.: «Иностранный корреспондент <…> отправился в самую гущу очереди – все с той же ликующей, придурковатой улыбкой очень молодого и очень здорового человека, который каждое утро ест белый *хлеб со сливочным маслом и розовой, слегка слезящейся ветчиной. Плюс теплое молоко*, разумеется. В тонком голубовато-овальном стакане».

Кулинарные мотивы выполняют и сюжетообразующую функцию. Так, автором проводятся многочисленные параллели между старшей Линдтовой женщиной – Марусей и младшей – внучкой Лидочкой. Маруся с её кулинарной книгой и страстью к засолке огурцов, приготовлению мороженого, варке варенья и прочим кулинарных подвигам, сумела невольно и весьма необычным способом заразить этой страстью маленькую Лиду – через книгу, в которой очень аппетитно были изложены рецепты приготовления различных блюд. Случайно вытянутая с полки в доме бабушки сохраненная Линдтом любимая Марусина книга «Подарок молодым хозяйкам, или Средство к уменьшению расходов в домашнем хозяйстве» – надолго станет лучшим другом и собеседником Лидочки. «Книга сама готовно раскрылась ей навстречу – на излюбленном кем-то, зачитанном и даже немного замасленном месте. «Сливочное мороженое приготовляется следующим образом», – прочитала Лидочка, словно волшебную сказку» и следующие полгода не выпускала книгу из рук, выучив многое на память. Кулинарная книга становится для девочки символом иной жизни, где есть уютный дом, в котором живет семья, где готовят вкусную еду, где можно чувствовать себя нужной, потому что есть кого кормить…

Параллель между Марусей и Лидочкой устанавливается связь и по линии «дом»: внучка Линдта видит свое счастье в обживании дома с яблоневым садом не случайно. Это своего рода «эстафета счастья, семейного благополучия», поскольку именно здесь прожила свои последние годы чета Чалдоновых.

Еще один символ привлекает в романе внимание читателя – это сочетание молока и меда, выступающих как в номинативной функции, т.е. в ка-

честве наименовании продуктов питания, так и в символической. Библейские по происхождению символы – речь в Библии шла о земле, «текущей молоком и медом», т.е. гарантирующей народу Израилеву сытную, обеспеченную, спокойную жизнь [Библия. Ветхий и Новый заветы] – именно в таком сочетании выступают как знак не только благополучной, привольной жизни, но и как аллегория бесконечного счастья. Большая часть Марусиной жизни прошла мимо Линдта в силу разницы в возрасте в 31 год. «На его памяти она только старела – легко, весело, самоотверженно, без мук. Ей был к лицу ее возраст, старый, ***навеки*** *влюбленный муж*, были к лицу эти душные сумерки, текущие *рвотой, молоком и медом***.** Лампа, заботливо прикрытая шалью, сияла неярко, будто дотлевающая *жар-птица*, и свет от нее – мягкий, медный, с шелковыми кистями – играл с Марусиным живым лицом, приглушая седину, нежно сглаживая морщины. Animula vagula blandula… *Моя нечаянная радость*». Несмотря на включение в ряд «благополучного» контрастирующей рвоты (муж Маруси перебрал водки на сорокалетнем юбилее свадьбы), совершенно несомненно бесконечное счастье Маруси, ухаживающей за своим мужем, столь завидное, желанное и стойкое – «текущее молоком и медом» – благополучие этих отношений.

Второй раз образ молока и меда появляется при первой встрече Линдта с Галочкой: «Так вы тоже на лекцию! – заулыбалась Галочка, и Линдт торопливо отвел глаза, боясь ослепнуть или разрыдаться – эти нежные щеки, эти губы с младенческой, четкой, *молочной*, изогнутой полосой. *Сотовый мед каплет из уст твоих, невеста; мед и молоко под языком твоим*! Пить целую ***вечность***, подстанывая от *наслаждения,* не верить своему *счастью*, пока не умрешь». В текст вплетается фрагмент из Ветхого Завета, интерпретируемый в контексте истории любви царя Соломона и девушки Суламиты, характеризующий пробуждающееся чувство Линдта. И здесь упоминание *молока* и *меда* встраивается в ряд слов *счастье, наслаждение*, *вечность*, *ослепнуть или разрыдаться* от избытка чувств.

Витковский, не ответивший на любовь Лидочки, кажется ей молодым богом, сотканным «из *меда, золота и молока*. Из темного меда, теплого золота и топленого молока». И мир, окрашенный его присутствием переливался для Лидочки «*золотом и медом, медом и молоком*», плыл и качался. Таким образом, сила, преображающая для влюбленного и любящего мир и окрашивающая объект любви, показана у М. Степновой во всех трех случаях за счет использования библейского образа молока и меда.

В контексте этих ассоциаций *медовый месяц* молодых Чалдоновых из расхожей метафоры становится обещанием долгого и единственно возможного счастья: «Это был *самый медовый месяц* из всех возможных – длинный и неспешный, как их пароход «Цесаревич Николай». <…> – *Я люблю тебя*. Вот что они слышали друг от друга каждый вечер и каждое утро все шестьдесят лет, с самой своей первой *медовой ночи* на пароходе «Цесаревич

Николай», и каждую ночь так же нежно плескала вода, и плыли по потолку воздушные, кружевные, живые тени…».

Медовая ночь – медовый месяц – «медовая» жизнь, как и многое сладкое (леденцовое, фруктово-плодовое) и молочное (*молоко, сливки, сливочный, масло*), раскрывают в романе не только палитру вкусовых, цветовых и ольфакторных ощущений, но и приобретают статус индикатора счастья и несчастья, благополучия и любви.

Литература

1. Анохина, С.А. Чиновник в русской языковой картине мира по данным словарей // Проблемы истории, филологии, культуры. № 3 (45). – Москва – Магнитогорск – Новосибирск: Магнитогорск. гос. техн. ун-т им. Г.И. Носова, 2014. – С. 100 – 102.
2. Барановская, О.Б., Полянская, Е.Б. Культурные установки как границы индивидуального сознания // Актуальные вопросы филологических наук : матер. Междунар. науч. конф. (г. Чита, ноябрь 2011). – Чита: Молодой ученый, 2011. – С. 109 – 111 с.
3. Библия. Ветхий и Новый заветы. Синоидальный перевод. Библейская энциклопедия. арх. Никифор. 1891; http://dic.academic.ru/dic.nsf/biblerus/ – дата входа: 13.02.2017.
4. Брысина, И.Е., Суханова, Н.И. Лингвокультурный код как совокупность знаний о культуре языковой общности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 6. Ч. 2. С. 34 – 36.
5. Дидковская, В.Г. Лингвокультурный типаж «журналист» в словаре и массовой литературе // Проблемы истории, филологии, культуры. № 3 (45). – Москва – Магнитогорск – Новосибирск: Магнитогорск. гос. техн. ун-т им. Г.И. Носова, 2014. – С. 110 – 112.
6. Дурцева, Е.Ю. Культурные коды в вербальном тексте // Молодой ученый. – 2016. – № 2. – С. 894 – 897.
7. Епанешникова, М.А. Функции запаха как феномена культуры // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2010. № 31 (212). Философия. Социология. Культурология. Вып. 19. С. 31 – 35.
8. Иванова, Н.А. Художественный мир произведений Б.К. Зайцева 1900 – 1922-х годов в аспекте кодовых взаимодействий : автореф. дис. … канд. филол. наук. –Чебоксары, 2014.
9. Капелюшник Е.В. Кулинарный код культуры в семантике образных средств языка : автореф. дис. … канд. филол. наук. – Томск, 2012.
10. Карасик, В.И. Концепт как единица лингвокультурного кода // Известия ВГПУ. – 2009. – Вып. 10. – Т. 44. – С. 4 – 11.
11. Карасик, В.И. Языковые ключи. – Волгоград: «Парадигма», 2007. – 520 с.
12. Ковшова, М.Л. Телесный код русской культуры: материалы к словарю. – М.: Гнозис, 2007. – 288 с.
13. Крысин, Л.П. Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета // Русский язык в научном освещении. – 2001. – №1.– С.90-106.
14. Соловьева, Т.В. Концепт «Любовь» и его лингвистическая репрезентация в лингвокультурном аспекте : автореф. дис. … канд. филол. наук. – Челябинск, 2009.
15. Устинова, Н.А. Пищевой код традиционной культуры Среднего Приобья: автореф. дис. … канд. филол. наук. – Томск, 2011.

References

1. Anohina, S.A. Chinovnik v russkoj jazykovoj kartine mira po dannym slovarej // Problemy istorii, filologii, kul'tury. № 3 (45). – Moskva – Magnitogorsk – Novosibirsk: Magnitogorsk. gos. tehn. un-t im. G.I. Nosova, 2014. – S. 100 – 102.

2. Baranovskaja, O.B., Poljanskaja, E.B. Kul'turnye ustanovki kak granitsy individual'nogo soznanija // Aktual'nye voprosy filologicheskih nauk : mater. Mezhdunar. nauch. konf. (g. Chita, nojabr' 2011). – Chita: Izd-vo «Molodoj uchenyj», 2011. – S. 109 – 111 s.
3. Biblija. Vethij i Novyj zavety. Sinoidal'nyj perevod. Biblejskaja entsiklopedija. arh. Nikifor. 1891; http://dic.academic.ru/dic.nsf/biblerus/ – data vhoda: 13.02.2017.
4. Brysina, I.E., Suhanova, N.I. Lingvokul'turnyj kod kak sovokupnost' znanij o kul'ture jazykovoj obschnosti // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota, 2014. № 6. Ch. 2. S. 34 – 36.
5. Didkovskaja, V.G. Lingvokul'turnyj tipazh «zhurnalist» v slovare i massovoj literature // Problemy istorii, filologii, kul'tury. № 3 (45). – Moskva – Magnitogorsk – Novosibirsk: Magnitogorsk. gos. tehn. un-t im. G.I. Nosova, 2014. – S. 110 – 112.
6. Durtseva, E.Ju. Kul'turnye kody v verbal'nom tekste // Molodoj uchenyj. – 2016. – № 2. – S. 894 – 897.
7. Epaneshnikova, M.A. Funktsii zapaha kak fenomena kul'tury // Vestnik Cheljabinskogo gos. un-ta. 2010. № 31 (212). Filosofija. Sotsiologija. Kul'turologija. Vyp. 19. S. 31 – 35.
8. Ivanova, N.A. Hudozhestvennyj mir proizvedenij B.K. Zajtseva 1900 – 1922-h godov v aspekte kodovyh vzaimodejstvij : avtoref. dis. … kand. filol. nauk. – Cheboksary, 2014.
9. Kapeljushnik E.V. Kulinarnyj kod kul'tury v semantike obraznyh sredstv jazyka : Avtoref. dis. … kand. filol. nauk. – Tomsk, 2012.
10. Karasik, V.I. Kontsept kak edinitsa lingvokul'turnogo koda // Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. – 2009. – Vyp. 10. – T. 44. – S. 4–11.
11. Karasik, V.I. Jazykovye kljuchi. – Volgograd: Paradigma, 2007. – 520 s.
12. Kovshova, M.L. Telesnyj kod russkoj kul'tury: materialy k slovarju. – M.: Gnozis, 2007. – 288 s.
13. Krysin, L.P. Sovremennyj russkij intelligent: popytka rechevogo portreta // Russkij jazyk v nauchnom osveschenii. – 2001. №1. – S.90-106.
14. Solov'eva, T.V. Kontsept «Ljubov'» i ego lingvisticheskaja reprezentatsija v lingvokul'turnom aspekte : avtoref. dis. … kand. filol. nauk. – Cheljabinsk, 2009.
15. Ustinova, N.A. Pischevoj kod traditsionnoj kul'tury Srednego Priob'ja: avtoref. dis. … kand. filol. nauk. – Tomsk, 2011.

УДК 81’27

А.К. Трушев, Б. Б. Кабышев, Г.Т. Карипжанова, Ш.Т. Жумадилова
Павлодар, Республика Казахстан

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК ПОЭТОВ XV-XVII ВЕКОВ

Аннотация. *В статье рассматривается литературный язык поэтов XV-XVII веков. Описываются языковые особенности поэтов того времени, таких как Асан Кайгы, Каз-туган, Шалкииз и т.д. Научное исследование указывает на вклад в литературу и в литературный язык казахского языка поэтов тех времен. Сопоставляются разные взгляды ученых по теме развития казахского литературного языка.*

Ключевые слова: *история литературного языка, языковые особенности поэтов, устная форма литературного языка.*

Trushev A.K. B.B. Kabyshev, G.T. Karipzhanova, Sh.T. Zhumadilova
Pavlodar, Kazakhstan

LITERARY LANGUAGE OF THE XV-XVII CENTURIES POETS

Abstract*. The article discusses the literary language poets XV-XVII centuries. Describes the language features poets of the time such as Asan Kaigy, Kaztugan, Shalkiiz etc. Research indicates a contribution to the literature and the literary language of the Kazakh language poets of the time. Compares the different views of scientists on the development of the Kazakh language.*

Keywords: *history of literary language, linguistic features poets, spoken form of language.*

Сведения об авторе: *Трушев Айтмухамет Касымбаевич, доктор филологических наук, профессор; Карипжанова Гульназ Токеновна, кандидат филологических наук, доцент.*

Место работы: *Павлодарский государственный университет им. С. Торайгырова.*

e-mail: trushev56@mail.ru

About the author: *Trushev Aytmukhamet Kasymbaevich, Professor; Karipzhanova Gulnaz Tokenovna, Candidate of Philology, Associate Professor.*

Place of Empolyment*: Pavlodar State University named after S. Toraigyrov.*

В эпоху культурно-духовной жизни казахского народа в основу языка поэзии, которая существует со времен образования казахского народа и только образовавшегося языка, легла устно развитая литературная речь. Его использовали как художественную литературу, в виде поэзии, так же для проведения устных споров в отраслях власти, ханских приказах и в документах, связанных с заграничными отношениями.

Ряд казахстанских ученых не поддерживает мнение, что в это время существовал литературный язык, поскольку литературный язык показал себя лишь в XVIII веке, начиная с Бухаржырау. По их мнению, у существовавших в то время казахских жырау не было своих жанровых характеристик и стилистических особенностей. В основном встречались дидактически-бытовые опыты, существовавшие в фольклоре, такие, как «арнау», «қоштасу», «өсиет», которые бытовали с давних времен.

Ученый Р. Сыздык считает, что в этот период существовал устно развитый литературный язык [1, с. 112]. К такому выводу автора подтолкнула книга «XY-XYIIIғасырдағы қазақ поэзиясы» (1982),«Ертедегі әдебиет нұсқалары» (1967), «Алдаспан» (1971), «Акберген» (1972) и дополнительные материалы, напечатанные в других сборниках. В эти сборники входят творения Асанкайғы, Қазтуған, Доспанбет, Шалкиіз, Сыпыра жырау, которые передавались из уст в уста.

Если говорить о писменности, то в этой отрасли существует ряд исследований. Такие ученые, как А.Маргулан, К.Жунисбаев, Е.Масанов, Т.Кордабаев, Р.Сыздык, обсуждали вопросы существования древней писменности казахов, творчества Кадыргали Касымулы, который был родом из племени жалайыр. Совместно с этим были версии о текстах официальных бумаг, написанных российским правителям или друг другу и административных указов правивших в это время казахских ханов, султанов и тарханов.

По мнению Р. Сыздык, статус литературного языка на протяжении всех веков нельзя определить, опираясь лишь на письменность. Социальные изменения, художественные нормы определяют развитие языка, который бытовал в определенную эпоху. Исходя из этого, мы находим, что язык памятников является литературным языком.

Из-за того, что в этот период версии литературного языка распространялись устно, их текствовые варианты не были одинаковыми. Например, в произведении Асан Кайгы «Ақ тонынды жамандап, Атлас

қайдан табарсың» слово *атлас* является показателем своего времени. Совместно с этим, в произведениях жырау частно встречаются арабско-персидские слова, такие как «*ақы, ғаріп, мәрмәр, пейіл, мақсұт, пір, надан, хатим ету, ғалым, әзиз».* И это является результатом смешения языков в последние века.

Соответствующие элементы для своей эпохи, лексико-грамматические нормы и структуры художественной композиции сохранили жырау Доспамбет и Шобан, жившие в XVI веке. А так же современники Асана кайгы – Казтуган и Шалкииз. А язык жырау, живших в XVII веке, очень близок языку последующих веков. Присутствуют слова и словосочетания, значения которых являются смутными и сложными. Например, предложение *«Қара ұнымы сұлтандайын жүрістің»* не понятно современным носителям казахского языка.

Или же не известно, что означает эпитет «салп-салпыншақ» в предложений «*Салп-салпыншақ* анау үш өзен», как и последнее слово Шалкииза в предложении «Тал мойныма қол артсаң, күліктен бек *ұнармын*». В произведениях Доспамбета «Көмбідей ару жаларға. *Кірмембес* ауыр қолға бас болып» и Шобана «*Аббар* кешіп, шет қонған, *Балаңқылар* батпаған. *Сырғаласқан* жауды *сықтарға*. *Ісірібі* тоқтасқан» являются так же не понятными.

Исследователь К. Омиралиев считает, что элементы вариантов ногайского цикла не древние, их корни являются родственными инотюркским языкам. Р. Сыздык говорит, что нужно по отдельности рассматривать слова, которые имеют неизвестные или особые значения и грамматические особенности. Значит, если ряд этих слов на ногайском языке, а остальная часть принадлежит племенам, основавшим казахский народ, будет правильно принять их как устаревшие слова или изменившие свое значение. В XV-XVI века казахские племена начали формировать улысы. До этого ногаи и казахские племена жили вместе в составе Алтын Орды. Поэтому, когда ногаи и казахские племена разделились, мастера слов, такие как Асан, Шалкииз, Казтуган, Шобан, были вправе забрать себе то, что считали своим.

Невозможно определить фонетические свойства и описать структуру языка, поскольку литературные образцы этого времени дошли до нас лишь в устной форме и не были перенесены на бумагу. Образцы литературного языка этого времени были подвергнуты изменению со стороны фонетики, грамматики и лексики. Поскольку для ногайско-казахского народа были общие писари, здесь часто можно встретить элементы ногайского языка.

Например, слова которые встречаются у Шалкииза, Допамбета и Шобандара *соңратын, соқта, асмар ету-сымарыш ету, бажа, балаңқы, сықтау нарты, кілең бұз, жарқа, кежігу,и т.п.* более близки к ногайскому языку. А в грамматике и фонетике мы встречаем такие слова, как *бұз (мұз),*

бұзмай, дұшман, менім, атлы, жүрерлер, кешу кешмек, хаңлар, не білейім, бізім [1, с. 98].

Язык темы и описания акынов и жырау, живших в это время, мы группируем таким образом: *Асан кайгы, Казтуган, Шалкииз, Доспамбет, Шобан, Маргаска, Жиембеттер,* которые пели стихами в двух-трех жанрах: первый – дидактические элементы, их тема – пропаганда, второй – просвещенные элементы: тема, в основном, общество, люди, защита страны, третий – песни-портреты. У *Казтугана* и *Доспамбета, Шобана, Маргаска* и *Жиембета* дидактических элементов нет.

Лексику выше названных жырау можно разделить на несколько отраслей.

1. Слова, относящиеся к животным, птицам, ландшафту и природе: заяц, таволга, озеро, журавль, курица, баран, прутняк, ястреб, ястреб, сокол, кулан, тарпан, канав и т.п.

2. Слова, относящиеся к домашним и сельскохозяйственным животным: баран, лошадь, теленок, верблюд и т.п.

3. Слова, относящиеся к социальной структуре и войне: люди, народ, хан, раб, герой, судья, враг, человек, ведомый, враги, друзья, родители, мать, сын, и т.п.

4. Слова, относящиеся к военному делу и оружию: лук, меч, патрон, копье, тяжелый меч, топор, стрела, винтовка и т.д.

5. Неизвестные слова: слава, внимание, советы, добро, зло, одиночество, справедливость, время, лож, стоимость, мужество, сила, секрет, малыш, присяга и т.д.

Казахская устно-литературная речь на тот момент не имела традиции заимствовать слова из русского языка, поскольку базы этому еще не было. Не было политических, экономических отношений, взаимосвязи с русской культурой, русским языком и в целом с русским государством.

О новых словах можно сказать лишь немногое, поскольку мы не можем представить себе лексическое описание языка XV века. Но все же мы можем сказать с уверенностью, что там нет той индивидуальности, присущей только для жырау.

Можно сказать, что в казахском языке этого периода присутствовали грамматические способы, отличающиеся от нынешних. Остановимся на этом.

В области изменения слов. Принцип склонения одинаковый с нынешним, только есть отличия в склонении местоимений. Только в родительном падеже окончания местоимений используются –ого, -его (моего, большого). «Ер өзіндің соңратын... Бұ кеткендің қайтпасаң» (Шалкииз).

Типы глаголов встречаются в двух разных вариантах: первый с суффиксом –у, второй с суффиксом «–мақ»: *мақтанбақ, батыр болмақ, кешу кешмек.*

Повелительное наклонение 2 лица схоже с нормами литературной речи нашего времени: во множественном число добавляется суффикс «–ңыз». Например: Бір болыңыз бәріңіз (Асан қайғы).

Во 2 лице повелительного наклонения встречаются суффиксы «-ғыл, -гіл». Например: Адам әзіз айтар деп, көңілінді *салмағыл*. Нәпсі алдаушы дұшпанның насихатын *алмағыл* (Асан қайғы) [1, 119].

Глаголы, которые передаются в наши дни суффиксами «–ңыз, –ғыз», встречаются с дополнением «–кер». Например: «Масағынан *өткеріп*, Басы қолға *жеткеріп*, Созып тартар күн қайда! (Доспамбет)».

Прошедшую форму глагола можно показать суффиксами «–ғай, –гей». Например: Тұқылдықтан сартылдап «Үзілер *болғай* сол мүйіз (Шалкиіз)»

Настоящее время: в 1 лице вместо «-ма+й+мын» употреблялся суффикс «-ман». Например: «Тоғай қондым – *өкінбен*. Ару сүйдім – *өкінбен* (Доспамбет). Мұныңа, халқым, *шыдаман* (Жиембет).»

Союзы, относящиеся к арабской письменной форме «уа, лекин» и персидский «һәм», встречались лишь в некоторых местах. Например: «Жайынды білген қарындас Ол – қарындас *һәм* жолдас (Шалкиіз)»

Словообразовательная система. Заметно, что эта отрасль продвинулась вперед. Смысл слов, образующихся с помощью суффиксов «-лық, -лік, -лы, -сыз, -дай», такой же, как сейчас. В то время относительные прилагательные образовались с помощью дополнений «-лы». Например: «*алтынды кесе (алтын кесе), айдынды көл (айдын көл)».* А такие дополнения, как *«-шы, (қызметші, жарақшы) -ім (көрінім жер), -шылық (сыпайшылық), -сін (сүйесін, демесін), -шық (сызашық, боташық)»,* употреблялись редко.

К грамматическим особенностям относятся дополнения «-ды, -ді, -ты, -ті». Например: Жауынды күні көп жүрме, Жар жағасы тайғақ-ты (Шалкиіз). Сырым саған түзу-ді (Жиембет).

Были и другие производные прилагательные, употребляемые в это время. Например: ырысымды *сындайын*, Сұлу үнмен *үндейін* (Асан қайғы). Тут сындайын – сынайын, үндейін – сөйлейін.

Несмотря на то, что в этот период казахская литература была схожа с нынешней, все же есть различия. Эти различия, во-первых, произошли из-за того, что древняя письменность изменила значения -ғай,-ман,-дүр, во-вторых, значения изменились из-за способов употребления слов в литературном жанре.

В итоге мы можем сказать что XV-XVII века в Казахской степи устная и письменная формы литературной речи развивались одновременно. В писменной речи процесы лексической нормы не закончены, так как развитие еще в процессе, в этот период времени литературный язык являлся сплоченным. И там употребляются слова огызов и древних уйгуров. Одним из элементов являются слова, заимствованные из арабского и

персидского языков. Второе. Не было в общем употреблении слов, понятных тем, кто знал арабский язык.

Мы можем сказать что в жанрах поэзии и прозы казахской письменности XV-XVII веков грамматические и синтаксические способы не были приведены к общей норме. И все же древний казахский язык употреблялся в разных сферах и стилях. Несмотря на то, что он вобрал в себя многие элементы ногайских и тюркских языков, он сохранил свою особенность. Этому способствовали жившие в это время казахские жырау и летописцы. Если поэзия дошла до нас только в устной форме, то письменные рукописи дошли до нас в летописях и личных документах ханов и султанов.

Литература

1. Сыздык, Р. История казахского литературного языка. – Павлодар: Павлодарский государственный университет имени С. Торайгырова, 2010. – 400 с.
2. Исаев, С. История казахского литературного языка. – Алматы: Ана тілі, 1996. – 301 с.
3. Сыздык, Р. История казахского литературного языка. (XY-XIX вв). – Алматы: Арыс, 2004. – 288 с.
4. Балакаев, М., Сыздыкова, Р., Жанпеисов, Е. История казахского литературного языка. – Алматы: Мектеп, 1968. – 238 с.
5. Поэты пяти веков: Антология казахской поэзии. XV– начала XX вв. в двух томах. – Алматы: Жазушы, 1989. – Т.1. – 384 с.
6. Суиншалиев, Х. История казахского литературного языка. – Алматы, 2001. – 320 с.

References

1. Syzdyk, R. Istoriya kazahskogo literaturnogo yazyka. – Pavlodar: Pavlodarskij gosudarstvennyj universitet imeni S. Torajgyrova, 2010. – 400 c.
2. Isaev, S. Istoriya kazahskogo literaturnogo yazyka. – Almaty: Ana tili, 1996. – 301 c.
3. Syzdyk, R. Istoriya kazahskogo literaturnogo yazyka. (HY-HIH vv). – Almaty: Arys, 2004. – 288 c.
4. Balakaev, M., Syzdykova, R., Zhanpeisov, E. Istoriya kazahskogo literaturnogo yazyka. – Almaty: Mektep, 1968. – 238 c.
5. Poehty pyati vekov: Antologiya kazahskoj poehzii. XV– nachala XX vv. v dvuh tomah. – Almaty: Zhazushy, 1989. – T.1. – 384 c.
6. Suinshaliev, H. Istoriya kazahskogo literaturnogo yazyka. – Almaty, 2001. – 320 c.

ДИСКУРСИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 81

П.К. Кадырбекова
Бишкек, Кыргызстан

РЕЧЕВОЙ АКТ «SICH ENTSCHULDIGEN/КЕЧИРИМ СУРОО" В НЕМЕЦКОМ И КЫРГЫЗСКОМ ЯЗЫКАХ

Аннотация. *В статье анализируется экспрессивный речевой акт ИЗВИНЕНИЕ в немецком и кыргызском языках. Выявляется национально-специфические особенности и лингвопрагматический потенциал данного речевого акта.*

Ключевые слова: *речевой акт, извинение, прагматический потенциал, ликоущемляющие речевые акты, межкультурная коммуникация, иллокутивная сила.*

Сведения об авторе: *Кадырбекова Памира Кадырбековна , доктор филологических наук, профессор, декан факультета иностранных языков Кыргызского Национального университета им. Ж.Баласагына.*

Контакт:*720038 Бишкек, Кыргызстан, ул. Турусбекова 116.каб.203.*
e-mail: pamirakadyrbekova@rambler.ru

P. Kadyrbekova
Bishkek, Kyrgzystan

THE SPEECH ACT "APOLOGY" IN THE GERMAN AND KIRGIZ LANGUAGES

Abstract. *The article is devoted to the face threatening speech act "APOLOGY" in the German and Kirgiz languages. The national specific features and pragmatic potential of this speech acts are described.*

Key words: *speech act, apology, pragmatic potential, face threatening speech act, cross cultural communication, illocutive potency.*

About the author: *Kadyrbekova Pamira, Dr.doctor habil, professor-dean of the Faculty for Foreign languages, of the Kirgiz J. Balasagyn National University.*

ИЗВИНЕНИЕ наряду с другими экспрессивами (благодарность, комплимент, поздравление) относится к РА, регулирующим межличностные отношения. В терминах теории вежливости, извинение – это компенсирующее действие за ликоущемляющий акт [1]. Извинение – экспрессивный РА, который нацелен на ответ ранее произошедшего негативного действия, когда например, адресату было нанесено негативное воздействие (несправедливость, вред, оскорбление, преступление).

Duden: SICH ENTSCHULDIGEN *Erlittenes Unrecht oder Ähnliches den Urheber nicht entgelten lassen, nicht grollend, strafend usw. darauf reagieren; vergeben; Höflichkeitsformeln:*

Извинение – это попытка просить прощения, попытка исправить нарушенные межличностные отношения.

В немецком языке, хотя глаголы *verzeihen* и *vergeben* употребляются синонимично, но относятся к разным речевым актам. Если *verzeihen* выражает извинение за причиненную боль или же совершенную ошибку, то *vergeben* имеет религиозное значение *искупить вину* и употребляется в религиозных учреждениях.

Извинения служат одним из проявлений вежливости. Ср.: *verzeihen Sie bitte! (ich bitte um Entschuldigung (извините пожалуйста!* Я прошу прощения! *Verzeihen, (entschuldigen) Sie bitte die Störung!* Извините, простите

за опоздание! *Verzeihen Sie, können Sie mir sagen, wie spät es ist?* Извините, не могли бы Вы мне сказать, сколько сейчас время?

Ратмайер в своей работе «Прагматика извинений» пишет, что извинения всегда служат повышению имиджа адресата так как, тот, кто извиняется, унижается сам и повышает имидж своего партнера по коммуникации, в чьих руках теперь находится судьба дальнейших отношений [2, с.18].

В личной жизни (в семье) в общественной жизни (в политике) в экономике и деловых отношениях, а также в коммуникации между чужими людьми придается большое значение извинениям.

Чтобы выразить вежливое извинение в немецком языке используют следующие слова и выражения: *ich bitte um Entschuldigung, verzeihen Sie mich bitte, ich bitte um Verzeihung, es tut mir leid, Entschuldigung, Tschuldigung! Verzeihung! Извините!*

Ср.: *"Ja, ich bitte um Entschuldigung, ich komme zu spät, sagte er"* [3,с,114].

- Leider fehlen mir die richtigen Worte, um mein schlechtes Verhalten (von gestern) zu entschuldigen.

- Ich kann nur sagen, es tut mir aufrichtig (sehr, ehrlich) leid (Typisch Deutsch).

- "*Meine liebe Mama, ich bitte um Verzeihung…"* [3, с.290].

В немецком языке для выражения извинения используются также слова «*Sorry», «Pardon». Pardon* в настоящее время очень распространено, но, является небрежной формой выражения вежливости и чаще употребляется в речи у молодого поколения.

Pardon! Простите!

Sorry! *Сожалею!* (подростки и студенты).

Извинения с модальными глаголами:

Ich möchte mich bei dir entschuldigen (für)… Я хотел бы извиниться за...

С предложным объектом:

Ich entschuldige mich für meinen Fehler. Я извиняюсь за ошибку.

Ich entschuldige mich wegen meiner Verspätung. Я извиняюсь за опоздание.

В императивной форме:

Entschuldigen Sie bitte! Извините пожалуйста!

Verzeihen Sie mir bitte! Простите меня пожалуйста!

Vergib mir! Прости! Религиозное значение: отпускать кому-либо грехи).

В кыргызском языке значение КЕЧИРИМ СУРОО, по Акталиеву, определяется так: *кимдир бирөөнүн айыбын, күнөөлүү иштерин кечиргендик, кечкендик, же күнөөмдү кечир деген маанидеги өтүнүч* [4, с.846].

В кыргызском языке имеются следующие формулы извинения:

Кечириңиз! Күнөөмдү кечириңиз!

Просьба: *Кечирчи!*

Повелительная форма:

Кечирип койуңуз!Кечирип кой!

Выражение сожаления:

Кечирим сурайм.Экинчи кайталанбайт!

Объяснение ситуации:
Туура эмес кылган ишим үчүн кечирим сурайм!
С модальным глаголом:
Туура эмес кылган ишим учун кечирим сурагым келет!

Со времен перестройки появилось много вежливых формул также в общественных местах. Например, вместо категоричной надписи в магазинах в обеденный перерыв раньше: *закрыто на обед,* сегодня можно наблюдать вежливую надпись: *извините, у нас обед.*

В продуктовом магазине в Новом Арбате продавщица критиковала надпись около сломанного эскалатора: *Вход на эскалатор категорически запрещается! Надо написать "Эскалатор не работает, извините!" Но эта надпись старая, еще с советской эпохи.*

На что же влияет добавление формул извинения к этим надписям? Конечно, это ничего не меняет в отношении сломанного эскалатора или закрытого магазина вопреки ожиданиям покупателей. Речь идет видимо, о снижении досады возможных покупателей, и показать им, что их разочарование является правильным. Таким образом, РА ИЗВИНЕНИЕ в сегодняшнем обществе по образцу Запада тяготеет к вежливости.

Извинения возможны также при дистанционном общении. В сотовых телефонах сегодня появляется SMS: *Просим извинения за причиненные неудобства.*

В межличностной интеракции извинения выражаются с намерением создать гармонию между партнерами по коммуникации [5,с.104).

В следующем примере показана прагматическая детерминанта извинения:

В Советском Союзе воскресили Маркса и стали показывать ему достижения реального социализма. Осмотрев все, Маркс сказал, что хочет выступить по телевидению. Ему ответили, что из-за общего дефицита ему могут предоставить 30 секунд. "Мне достаточно" – сказал Маркс, и когда включили камеру, произнес: " Пролетарии всех стран, ИЗВИНИТЕ!" [2, с.42].

Немецкий исследователь Майер делит извинения на 5 стратегии.
1. Выражение извинения (an expression of apology);
2. Признание ответственности (an acknowledgment of responsibility);
3. Объяснение ситуации (an explanation of the situation);
4. Предложение исправить ошибку (an offer of repair);
5. Обещание исправления (a promise of forbearance) [6, с.102].

Извинения считаются, как попытка говорящего восстановить нарушенную из-за него гармонию между говорящим и слушающим. Извинения угрожают лицу говорящего, так как он признает, что нарушены социальные нормы, за которые он ответственен.

Ср.: Журнал DUZ [7] приносит извинение своим читателям:

Berlin, 24. Juni, 2011

Liebe duz – Leserinnen, liebe duz – Leser,
Bei der Herstellung des duz MAGAZIN 05.2010 vom 21. April 2011 ist es leider zu einem Fehler gekommen.
Er betrifft den Beitrag „Der Fluch des Geldes“, den Sie in der angegebenen Ausgabe auf Seite 34 finden. Bei dieser Seite handelt es sich nicht um die von der duz – Redaktion zum Druck frei gegebene Endfassung. Dies hatte zur Folge, dass eine umfangreiche Textpassage fehlte.
Die richtige, aktuelle Version der Seite und den dazu gehörenden kompletten Beitrag erhalten Sie deshalb als Nachdruck mit der vor Ihnen liegenden Ausgabe des duzMAGAZINs 07.2011 vom 24. Juni.
Wir bedauern den Irrtum und bitten Sie, mögliche Unannehmlichkeiten zu entschuldigen.
Mit den besten Grüßen aus der duz Redaktion,
Christine Prußky.
- Дорогие читатели DUZ,

При выпуске журнала DUZ 05.2010 21 от апреля 2011 года к сожалению, произошла ошибка. Это касается статьи «Проклятъе денег», которую Вы найдете на стр. 34. На этой странице речь идет о содержании, которая не согласована с редакцией DUZ для публикации. Следствием этого явилось то, что отсутствовал обширный отрывок текста. Правильную, актуальную версию той страницы и относящуюся к этому полную статью, Вы получите как переиздание совместно с выпуском, который лежит перед Вами. Мы очень сожалеем, что произошла эта ошибка и просим извинения за возможные неприятности.
С уважением,
от редакции DUZ, Кристина Пруски (Перевод наш, П.К.).

Извинения выражаются человеком в том случае, если он сделал что-то плохое, либо сказал что-то негативное, отчего ему самому неловко. Следует отметить, что прагматические параметры РА «Извинение» зависят от культурных факторов, которые наблюдаются в разных реакциях на данный речевой акт.

В немецкой лингвокультуре в РА «ИЗВИНЕНИЕ» всегда содержится сожаление и попытка исправить дело. В кыргызской же культуре извинение, не всегда предусматривает сожаление, в особенности, у авторитетных лиц. Также «*готовность исправить дело»* показывает культурно-специфические различия: в немецком языке это обязательно, в кыргызском языке скорее – факультативно, когда речь идет о материальных объектах. Следующее различие состоит в культурной дефиниции «извинения», культурного значения «исправления». Существенное различие немецкого извинения состоит в том, что обоснование и объяснение причин извинения дольше, чем в кыргызском.

Прагматический аспект состоит в различных реакциях на извинение. В немецком языке скорее реагируют с отклонением извинения или игнори-

рованием вины, в то время как в кыргызском языке реакцией на извинения является нравоучение или попытка пристыдить говорящего.

Используя РА извинения, говорящий старается сохранить свое лицо, поскольку как отмечают Браун, Левинсон, извинения являются ЛУА по отношению к самому говорящему: признание ошибки, неблаговидного поведения наносит ущерб его репутации [1].

Для говорящего возможен вариант сохранения лица, если он объяснит причину своего неправильного поступка или попросит прощения, до того, как коммуникативный партнер выразит жалобу и укажет на неправильный поступок с его стороны. За жалобой в обязательном порядке следует извинение. Извинения охватывают рутинные формальные выражения, которые эксплицитно выражают иллокутивную силу извинения.

Таким образом, РА «ИЗВИНЕНИЕ» состоит обычно из серии стратегий, одним из которых является эксплицитное выражение сожаления, либо объяснение причин предосудительного поведения, воспринимаемые как имплицитное сожаление о совершенном ЛУА.

Для выражения извинения в кыргызском языке используется чаще всего слово *«кечиресиз, кечирип коюңуз».*

Ср.: *«…Бекназар аке, көзүмдүн тирүүсүндө кечирим сураганым ушул болсун, кечирип коюңуз*…»[8, с.623].

- *Сиздин жайдак атка жол бербеген, жаактууга жай бербеген чечен адам экениниз дайын эмеспи, уккан болсо, өзү да оозунда сөзү бар неме экен, жаакташып көргөнү жатпайбы болуш – деп аны атайы көтөрө чалып көңүлүн ала сүйлөдү. – курч кези го, кечирип койгойсуз. Кетирип жиберем азыр* [8, с.128].

- *Жо, жо, – деди тиги башын чайкай, мен кетирбейм муну, кетирбейм* [8, с.128].

Синонимом *кечирим суроо* в кыргызском языке является «ырайым кылуу».

Ср.: *Ырайым кылың, Осоке, ырайым кылың….*

А-а! жалдырайт бекенсин?! Ыя! Деп жарпы жазылды болуштун.. А-а?! [8, с.134].

В отличие от кыргызского языка, в немецком языке часто употребляется извинительная форма *Es tut mir leid- (сожалею)*: - *Es tut mir leid, aber unser Band war defekt, und ich muss Sie bitten, noch einmal von vorne mit den Nominativen zu beginnen* [9, с. 20].

Во всяком случае, в повседневной коммуникации можно установить большие культурные различия в выражении извинения и ответной реакции на него. В особенности, к сожалению и попытке исправления ошибки в кыргызской культуре имеется другое отношение. В отличие от немецкого языка, где в каждом извинении имеется выражение сожаления, в кыргызской культуре выражение сожаления в особенности у авторитетных лиц не является конститутивным признаком извинения. Также готовность исправить ошибку показывает культурную специфику: в немецком языке это

обязательно; в кыргызском – скорее факультативно, особенно, если это касается исправления ошибки материального характера. Это различие основывается на общественно-культурной дефиниции извинения и культурном значении исправления ошибки. Существенные различия состоят в том, что цепочки объяснения, обоснования и попытки исправления ошибки, в кыргызской повседневной коммуникации длиннее, чем в немецком языке.

Следующий прагматический аспект относится к различным реакциям на извинения. В немецком языке ответной реакцией на извинение является игнорирование извинения и желание больше не возвращаться к этой теме. Напротив, в кыргызской культуре вместо этого, как реакция на извинение следует моральное нравоучение. Следует отметить, что данный речевой акт в кыргызском языке не часто применяется в отличие от немецкой культуры.

РА ИЗВИНЕНИЕ имеет место у лиц, находящихся по социальному статусу ниже, лицам, по социальному статусу находящихся выше, а не наоборот. В семейном кругу РА ИЗВИНЕНИЕ в кыргызской культуре не выражается, в отличие от немецкого языка.

В межкультурной коммуникации РА «ИЗВИНЕНИЕ» приводит к недоразумениям. В немецком языке РА «ИЗВИНЕНИЕ» сопровождается ответом *bitte! пожалуйста!* либо не придается особого значения извинениям. Имеется целый ряд стратегии извинения, цель которых – избежание конфликтов, поддержание гармоничных отношений. Помимо признания вины к ним относятся выражение сожаления и просьбы о прощении, относятся также объяснение причин совершения ЛУА, обещание не совершать подобных действий вновь, предложение компенсации. Не все стратегии, однако, употребляются одновременно. Их использование зависит от тяжести вины: чем выше степень вины, тем больше различных стратегии должен применить говорящий, чтобы восстановить добрые отношения с собеседником.

Таким образом, прагматическая цель извинений – признание вины, выражение сожаления и просьбы о прощении, а также готовность исправить ошибку. РА «SICH ENTSCHULDIGEN” в немецком языке является устойчивым речевым актом и имеет больше вариантов, чем в кыргызском языке. В кыргызской культуре ответной репликой как реакция на извинение является моральное нравоучение .

Лингвопрагматический потенциал РА «ИЗВИНЕНИЕ» в немецкой лингвокультуре выше, чем в кыргызской. Прагматический аспект состоит в различных реакциях на извинение. В немецком языке скорее реагируют с отклонением извинения или игнорированием вины, в то время как в кыргызском языке реакцией на извинения является нравоучение или попытка пристыдить говорящего. РА извинения, как правило, отвечают принципам вежливости, лежащим в основе отношений сотрудничества. Для восстановления гармоничных межличностных отношений используются различные

стратегии извинения, выбор и средства выражения которых определяются степенью вины говорящего перед слушающим.

Таким образом, экспрессивные РА являются неотъемлемой частью межкультурной коммуникации и играют большую роль в установлении гармоничных отношении в межличностной и межкультурной коммуникации. Для осуществления успешного РА в МК необходимо знать культурную специфику, ценности и существующие в той или другой культуре. Знание лингвопрагматического потенциала РА позволяет ближе знакомиться с концептуальной картиной мира участников коммуникации.

References

1. Brown, Levinson 1999 Brown, P. Politeness: Some Universals in Language Usage / P.Brown, S.Lewinson. – Cambridge. – 1987. – P.61-62.
2. Rathmayer, R. Pragmatik der Entschuldigungen. Vergleichende Untersuchung am Beispiel der russischen Sprache und Kultur (Bausteine zur Slavischen Philologie und Kulturgeschichte / R.Rathmayer // Reihe A: Slavistische Forschungen. – 1996b. – Bd.16.
3. Mann, T.Buddenbrooks. – Fischer Verlag, 1959. – 758 S.
4. Кыргыз тилинин сөздүгү / туз. И.Абдувалиев, А.Акматалиев, К.Кадырмамбетова ж.б. – Бишкек: Avrasya press, 2011. – 1 бөлүк. – 880 б.; 2 бөлүк. – 891 б.
5. Leech 1983:104 Leech, G. N. Principles of Pragmatics / G.N. Leech. – London: Longman, 1983. – 250 p.
6. Meyer, K. Interkulturelle Pragmatik: Aufforderungen, Entschuldigungen und Beschwerden. Eine Untersuchung zur interkulturellen Sprechhandlungskompetenz deutscher Austauschschüler in den USA:Dissertation / K.Meyer. – Berlin, 2007. – 321S.
7. Deutsche Universitätszeitung. 05.2011. Berlin.www.duz.de
8. Касымбеков, Т. Кел кел: тарыхый роман / Т.Касымбеков. – Фрунзе: Кыргызстан, 1986. – 568 б.
9. Böll, H. Doktor Murkes gesammeltes Schweigen und andere Satiren / H.Böll. – Köln: Kiepenheuer. Witsch, 1987. – 432 S.

УДК 81:371.3:03

К.А. Калиева

Бишкек, Кыргызстан

ВИЗУАЛЬНАЯ ПОЭЗИЯ: ПЕРЕВОД ПРОИЗВЕДЕНИЯ «ЛЕБЕДЬ И ТЕНЬ» ДЖОНА ХОЛЛАНДЕРА

Аннотация. *Эта статья дает объяснение некоторых определений и характеристик визуальной поэзии. Термин «визуальная поэзия» часто используется для описания нового жанра свободных стихов в конце 20-го века. Визуальная поэзия тесно связана с классическими авангардистскими стилями. В статье предпринята попытка определить некоторые характеристики визуальной поэзии и техники перевода, используемые в поэме «Лебедь и тень» современного американского поэта Джона Холландера.*

K.A. Kaliyeva

Kyrgyzstan, Bishkek

VISUAL POETRY: TRANSLATION OF "SWAN AND SHADOW" BY JOHN HOLLANDER

Abstract*. This article provides an explanation of some definitions and characteristics of visual poetry. The term "visual poetry" is often used to describe new genre of free verse in the late 20th century. Visual poetry is closely associated with the classical avant-garde styles. This paper made an attempt to identify some characteristics of visual poetry and translation techniques used in a poem "Swan and Shadow" by contemporary American poet John Hollander.*

Ключевые слова: *free verse, iconic, visual poetry, concrete poetry, shape poetry, pattern poetry, translation.*

Key words: *свободный стих, икона, визуальная поэзия, конкретная поэзия, фигурная поэзия, стихотворная поэзия, перевод.*

Сведения об авторах*: Калиева Каникей Акимовна, кандидат филологических наук, доцент, старший преподаватель, отделение западных языков.*

Место работы: КТУ Манас, Гуманитарный факультет.

About the authors*: Kalieva Kanykei Akimovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Senior Lecturer, Department of Western Languages.*

Place of employment*: KTU Manas, Faculty of Humanities.*

Контактная информация: *720044, Кыргызстан, Бишкек, Джал кампус. e-mail: Kanykei5@yahoo.com*

"Painting is silent poetry, and poetry is painting with the gift of speech"
Simonides (556 B.C.-468 B.C.)

Poetry in the 21st century is challenging and appealing. Alongside with the traditional, classic types of poetry new, unique nontraditional forms have come to appear. Traditional form of poetry is characterized by patterns: verse, rhyme, meter and/or syllable. The content fits into the form. Postmodern or open form of poetry is characterized by the lack of pattern. Usually the content creates the form. It includes such types of new poetic texts as visual poetry which is known as experimental, concrete or postmodern poetry. In 2011, during the Scholars Program, Public Affairs Section U.S. Embassy, on American contemporary literature at the Louisville University, KY, I had a great chance to meet postmodernist poets and writers and discuss their works which gives a way to do a research on visual poetry. Visual poetry in American literature is a complex field of art. This new form of art has developed out of many different diverse traditions. Even the term visual poetry can be easily misunderstood by readers and may create confusion. I consider that, due to the ambiguous meanings of the term, any discussion about visual poetry must begin with a clear definition. First of all, I would like to stress out that the term "visual" is not used in the meaning as picture, theater or photography. "Visual" as employed in "postmodern free verse poetry" refers to the rich and complex poetic form and the result of combining two types of activity – poetry (verbal) and graphic (visual) in which words used making a picture. Mainly, postmodern free verse poetry includes new forms of visual or concrete poetry, sound or performance poetry. The terms *concrete* and *visual* poetry are synonymous to each other.

Visual poetry – a phenomenon quite diverse, located at the intersection of literature (poetry) and traditional fine art (painting, drawing, sculpture, photography) [8]. Visual poetry has become one of the "natural" and "transparent" features of most poetry in the twentieth century, including "line-as-breath" or "line-age" (called by Whitman) poets [8]: Ginsberg, William Carlos Williams, Robert Duncan, Robert Creelay, John Hollander, etc. Among the visual poems in the text are George Herbert's "Easter Wings," John Hollander's "Swan and the Shadow," Chen Li's "War Symphony," and Dylan Thomas's "Vision and Prayer", William

Carlos Williams's "Red Wheelbarrow," E. E. Cummings's "Buffalo Bill's Defunct."

Studying contemporary condition of poetry shows that, poems can have all of the traditional qualities of poetry or any of these, and also can be in totally different format and meaningless. In postmodern poetry there is no limitation in creating. This is because poetry is a creative form of expression – one that has unlimited forms and formats depending on the imagination of the creator. As Anthony Robbins quoted, "The only limit to your impact is your imagination and commitment."

However, the growing interest in visual poetry doesn't mean that this type of poetry is appreciated universally, as Mark Carpenter mentioned, "visual poetry is not universally understood nor appreciated. Some critics believe this level of interplay between poetry and art produces awkward hybrids which neither poetry nor art" and do not consider it as poetry, saying that "the use of small letters for capitals, eccentric endings, too little or too much or absence of punctuation, using pictures instead words" make them far from real poetry [3].

Visual Poetry – is primarily an experiment with the form. Today, as the visualization process helps us to understand the world around us, visual poetry has received considerable attention in linguistics and translation. The terms "concrete poetry" and "visual poetry" are used synonymously, although some researchers argue that the concept of "concrete poetry" is much broader and includes several sub-works of this genre: visual poetry, acoustic poetry, graphic and kinetic poetry [6].

Moreover, the list of contemporary visual poetry may also include the following forms: experimental poetry, ads and mass media poetry, visual poetry, graphic poetry, optic poetry, holopoetry, shape poetry, picture poetry, pattern poetry, 'words with world' poetry, "poems for the eyes", iconic, calligrams, sound poetry, figured poetry, abstract poetry, "talk poems", collage poetry, material poetry, altar poetry, hypergraphy, and ekphrastic poetry.

Translation of Visual poetry

Teaching students how to write and translate concrete (visual) poems can be a fascinating activity. The combination of visual elements of letters, words, lines, punctuation, white space, typography, drawings, pictures, abstract visuals lead students to many creative possibilities. So, when the words and the shape of the subject work together to convey the theme, meaning and emotions of the poet, it will benefit student's understanding of the essence of poetry, especially it is useful for the students whose native language is not English.

One way of learning about concrete poetry is its translation. Translation is a challenging activity, because visual poetry is the combination of the form, design, and meaning or idea of a work. Of course form of the work doesn't constitute the meaning of the poem, it influences on the reader's perception increasing aesthetic effect of the poem. To understand more fully how visual poetry communicate meaning we need to think about the poetic devices, and the language of

the poem, taking into consideration its historical, biographical backgrounds and decoding the cultural, philosophical, social, cognitive, psychological, archetypal symbols, codes or norms captured in the work.

A well-known English poet Robert Frost argued that poetry – in its purely aesthetic sense – is precisely what is lost when a translation of a poem is attempted [5]. Certainly it is impossible to produce a true equivalent of a poem in another language. However, American contemporary poet and translator Jerome Rothenberg explains that "translations themselves may create new forms and shapes-of-forms with their own energies and interests". According to his view, translation of poetry may become "an expansion and invention for his own time and place". As Rothenberg noted: "By translating the sounds of the original or visuals of the original work, translator creates a poem of his own, which requires the work of a poet in the first place, and only in the second places the skills of a translator".

Visual poetry is not easy way of creative activity, on the contrary, it complicates the process of creating poems, but it challenges the process and make it more enjoyable. It shows new ways of creative possibility. Students may interpret the poem according to the form, structure and language of the poem. Working with visual poetry we may achieve the main goal of teaching "to be a good reader of poetry".

The main feature of visual poetry is that it considered as iconic poetry, which makes it untranslatable. In *Semiotics*, American philosopher C. S. Peirce defines that icon is a sign that stands for its object mainly by resembling or sharing some features (e.g. shape) with it; such resemblance having a status called iconicity [13]. According to his work, a photograph or diagram of an object is iconic, but the signs of language have a merely conventional or arbitrary relation to their objects. So, although visual poetry is iconic, symbols can be interpreted according to the reader response theory and translated according to its universal image.

Translating visual / concrete poetry has given us many different tools to understand and enjoy the world around us. According to Kopfermann visual or concrete poetry is considered international by its creators: "The language-elements are not tied to the author's mother tongue, reduction and reproduction allows elements of different languages to be combined in the source text" [12].

As Kopfermann states, the concrete poets were "against subjectivity, individuality, expression of personal feeling – against mimetic art, against representation, story (in the realistic sense) – in the field of language, against sequences of text describing story" [12]; however, they try to engage the reader: the concrete poet, "in finding, selecting, and putting down (language) creates 'thought-objects' and leaves the task of association to the reader, who becomes a collaborator and, in a sense, the completer of the poem" [12]. All these qualities create difficulty to a translator, because it is translator's responsibility to create "thought-objects" and reduce words to create the image of the object in order to give the possibility

of reader's receiving impression from the translation. So if a concrete poem in one language can give an impression on the reader, so should do the translation of that poem into another language. And even so readers' cultural and linguistic associations differ, translator should concentrate on creating "thought-object", and translation of the concrete poem should create the same effect as the original.

Translation of concrete poetry allows us to see how language as material and the form of the poem work together in creating image. We also will be able to see how authors write by reducing words to elements and by concentrating language as material. Mainly, what a translator aims for an attempting to translate visual poetry is to produce another text rendering of the original for a different audience. According to Roman Jacobson this translation is called "creative transposition". So, we may say that translation of visual poetry is a challenging activity involving not only personal interpretation, balancing the form and meaning of the text, but also paying attention to textual semantics, structural form and aesthetic, visually observable aspects.

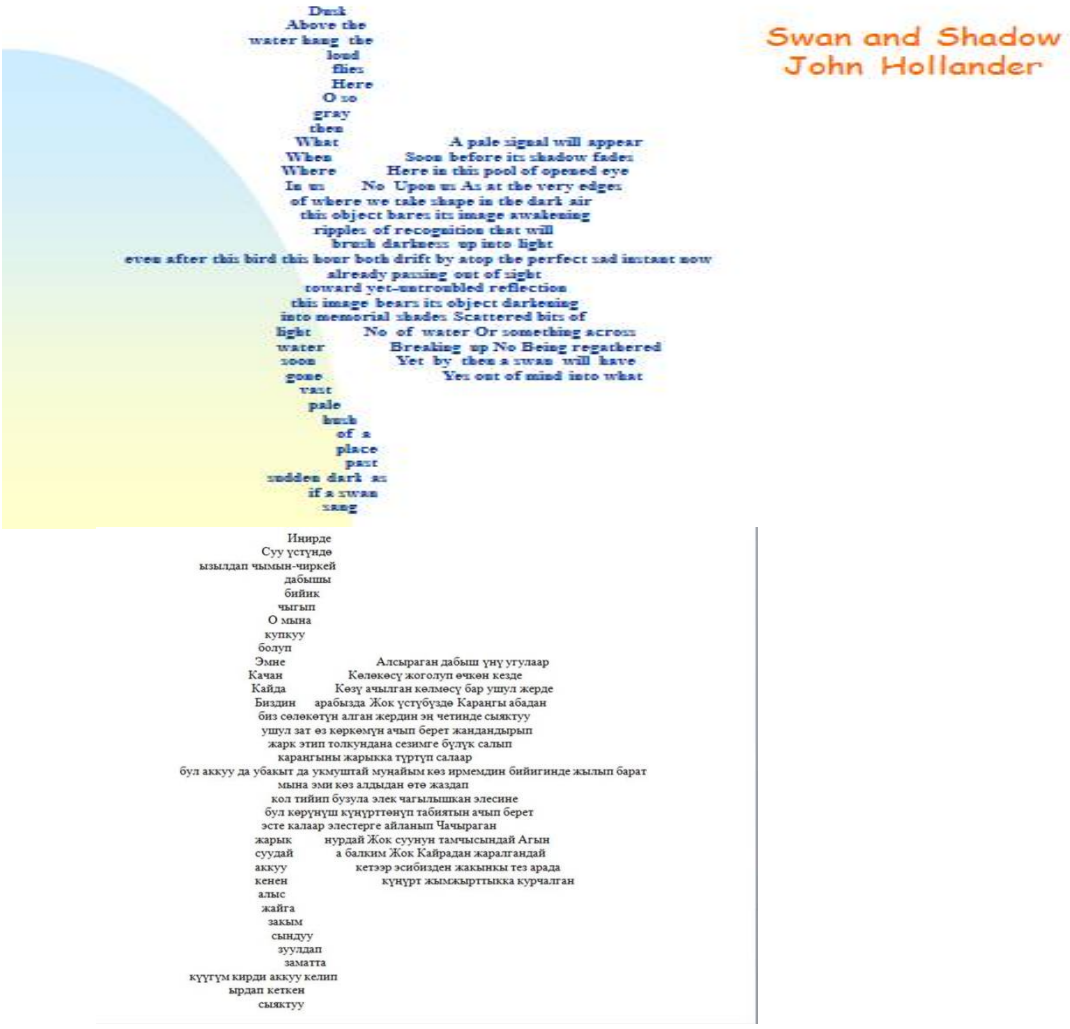
The Translation of "Swan and Shadow" by John Hollander

In order to illustrate the translatability of visual poetry, I have chosen a translation of a poem *"Swan and Shadow"* by contemporary American poet John Hollander [7]. Hollander has spent his life in the academic world, at Yale University, as a teacher of literature and criticism. In the words of J.D. McClatchy, an American poet and literary critic, Hollander is "a formidable presence in American literary life." He notes, that "Hollander's poetry offers itself as a masque of interpretation, his poems provide elegant, demanding parables with a dark moral power" [10]. In John Hollander's collection *Types of Shape* (1969), poems are patterned much like Greek figure poems to resemble their subjects [7]. The importance of hearing poems out loud, because: "A good poem satisfies the ear. It creates a story or picture that grabs you, informs you and entertains you" [2].

One of the most widely-recognized of Hollander's poems is "Swan and Shadow". This poem is considered by scholars and researchers as "strongly iconic" and "the translation will become very difficult, if not impossible" [9]. The poet-linguist Roman Jakobson defines that poetry is by definition untranslatable [11]. The "Swan and Shadow's" Greek translation made by Venetia Kyritsi may serve as an example of untranslatablity of iconic – visual poems [12]. Hilal Erkazanci from Hacettepe University, Turkey, who researched typographical iconicity in poetry, claims that the difficulty in translating 'Swan and Shadow' would stem not only from conveying the actual meaning, but also from the necessity to recreate the actual shape which the poet has intended for the source-text reader to see. He suggests providing the target-language reader with the same effect which the original poem has on its own reader, and then the translator needs to reproduce the actual shape of a swan [4].

However, this paper investigates poetry translation and finds out that translating visual poetry is possible. As the title suggests, the form of a swan and

its shadow constitute the main idea of the poem. In addition to evoking the swan and its shadow verbally, the composition also depicts the swan and its shadow visually. Hollander produced the image of swan to show the moment of time, human mind and memory using line-break and spacing techniques and by creating "a call and response patterns" [6]. *According to dictionary "call and response patterns" relate to a style of singing in which the melody sung by one singer is responded to or echoed by another or others, used in poetry gives the same effect, as in the poem, "When [space] soon before its shadow fades / Where [space] here in this shadow of opened eye". The poem shows how to capture a moment in time in our mind before it "soon…gone". A swan is representative of beauty; the reflection of swan is the shadow of beauty. The moment of time in this poem as a reflection of a swan passes out of sight "soon before its shadow fades".*
Based on Hollander's original we created the following translation:

Swan and Shadow by John Hollander, translated into Kyrgyz by K. Kalieva

The difficulty in translating "Swan and Shadow" from original text into Kyrgyz language is shown in many cases. First of all, we experienced that t*rans-*

lating swan shape poem is an extremely challenge in itself, in the process of translation we practiced that besides conveying the actual meaning of the poem *we need to recreate the shape of the poem as well as to add rhyme, alliteration and rhythm.* The purpose of our translating this poem is to provide the same effect on the reader which the original text has. So, as a translator we need to combine two aspects of visual poetry and do two main tasks as opposed to other translations of poetry: meaning and form.

Translation of this particular type of poetry is considered as impossible, still we did attempt to translate and solve the tasks:

1. The first task of translating is reproducing the same idea. It requires selecting the most appropriate words in order to give the message of the poet. It is necessary to give the connotative meanings of the words in order to represent the main idea and the meaning of the text.
2. The second task is reproducing the same shape of an object. It requires choosing the most appropriate words in order to fit the visual appearance of the poem. Here we need to adjust the shape, size, words to create the same image given in the source text.

To achieve the solution of these two main tasks and to reproduce the aesthetic effect on Kyrgyz reader the following translation activities had been done:

1) Reducing words. As a (suffixial) syllabic language, Kyrgyz text should be accurately constricted, for example, instead of using endings (suffixes), we use noun without ending; or find synonyms or appropriate words and expressions for longer words which do not fit to the size of the poem.
2) Changing the word order. Kyrgyz language does not have strong word order rules, so we may replace the words and change the place of words;
3) Add words and phrases. To give the image of a swan as a universal metaphor for beauty, and create its image, we add some helping words like “ушул”, “эми”.

Translation of visual poetry enables experimentation with other limits of linguistics, literary peculiarities of the text, and it opens to the new ways of exploring creative interplay of visual, semantic, cultural characteristics of the text. To summarize, even though highly iconic poems like “Swan and Shadow” are considered to be impossible to translate, it is worth to attempt to use new strategies of translation. By establishing visual poetry translation from English into Kyrgyz we may argue that the poem is translatable not only linguistically, but *also* topographically. This is probably due to the fact that many monosyllabic words in the English original are replaced by multi syllabic words and flexible word order, and richness of vocabulary in the Kyrgyz translation.

Translational creativity becomes significant in the translation of iconicity of visual poetry, because, translation of concrete poetry allows us to see how language as material and the form of the poem work together in creating image. The creativity of a translator is very important, because the means of the target language are not identical with those of the source language. In these efforts, creativ-

ity plays a prominent role. Creative uses of the target language are the result of the various problem-solving strategies applied to visual poetry. To conclude, it is strongly suggested that the literary translators need to bear in mind their creativity-producing potential in the translations of visual poetry.

References

1. Baldick, Ch. The Concise Oxford Dictionary of Literary Terms. – Oxford University Press, 2001
2. Boynton, C. W. Venerable Poet's Words To a Pop Music Beat // The New York Times, Connecticut and the Region section, February 10, 2008, p. 6
3. Carpenter, M. L. Intersemiotic transposition and the Translation of Visual Poetry. 1997.
4. Erkazanci, H. A Cognitive-Poetic Approach to Translating Typographical Iconicity in Pattern Poems. Edebiyat Fakültesi Dergisi // Journal of Faculty of Letters Cilt/Volume 24 Say›/Number 1 (Haziran /June 2007).
5. Robinson, P. and Gregary J. Quoted in "Poetry & Translation: The Art of the Impossible". – Liverpool University Press: Liverpool, 2010.
6. Hilbert, E. "Without a Net": on Optic, Graphic, Acoustic, and Other Formations // Free Verse in the Contemporary Poetry Review, 2011.
7. Hollander, J. Types of Shape // Atheneum (New York, NY), 1969, expanded edition. – Yale University Press (New Haven, CT), 1991.
8. Hoover, P. Postmodern American Poetry // A Norton Anthology. – Columbia College, Chicago, W.W. Norton & Company, 1994
9. Kadarisman, A. E.. On Poetry Translation: The Impossible, the Difficult, and the Subtle // Universitas Negeri Malang.
10. McClatchy, J. D.. Poets of the Civil War // Series: American poets project. – New York : Library of America, 2005.
11. Jakobson, R. Language in Literature. – Harvard University Press, 1987.
12. Kyritsi, M. Iconicity in Language // Norwich Papers 10. – 2002. – P. 85-100.
13. Peirce, C. S. The Essential Peirce: Selected Philosophical Writings, vol. 1, (ed.) N. Houser and C. Kloesel, Bloomington: Indiana University Press, 1992.

УДК 81'27

Ч.К. Найманова
Бишкек, Кыргызстан

К ВОПРОСУ О КОГНИТИВНОМ ПОДХОДЕ К ДИСКУРСУ

Аннотация. *Рассматривается вопрос о когнитивном подходе к дискурсу, являющимся одним из проблем когнитивной теории языка, коммуникативной прагматики и теории дискурса. Когнитивный подход к дискурсу заключается в использовании говорящим когнитивно-речевых стратегий, таких как обобщение, повтор, контраст, пресуппозиция, импликация, предположение, косвенный речевой акт, использование когнитивных приемов, к которым относятся стилистические приемы, связанные с мыслью или ментальными операциями.*

Ch.K. Naimanova
Bishkek, Kyrgyzstan

THE ISSUE OF COGNITIVE APPROACH TO DISCOURSE

Abstract*. The article studies the issue of cognitive approach to discourse, which is one of the problems of cognitive theory of language, communicative pragmatics and discourse theory. The cognitive approach to discourse is to use cognitive speech strategies, such as generalization, repetition, contrast, presupposition, implication, entailment, an indirect speech act, as well as to use cognitive tools, which include stylistic devices connected with mind or mental activities.*

Ключевые слова: *когнитивный подход, дискурс, прагматика, теория речевых актов, когнитивно-речевые стратегии, когнитивные приемы.*

Keywords: *cognitive approach, discourse, pragmatics, speech act theory, cognitive speech strategies, cognitive tools.*

Сведения об авторе: *Найманова Чолпон Капаровна, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой западных языков.*
Место работы: *Кыргызско-Турецкий университет «Манас».*

About the author: *Naymanova Cholpon Kaparovna, Doctor of Philology, Professor and Head of the Department of Western Languages.*
Place of Empolyment*: Kyrgyz-Turkish Manas University.*

Контактная информация: *Бишкек, микрорайон Джал, кампус им. Чингиз Айтматова, здание факультета экономики, ка. 108. e-mail: chnaiman@mail.ru*

За последнее время в Кыргызстане появилось немало работ в области когнитивной лингвистики, в центре внимания которой оказывается антропологический подход. В рамках антропологического подхода представляет интерес языковой личности политика, его дискурс. Так что же такое дискурс, исследования которого в Кыргызстане еще на стадии становления? В Кыргызско-Турецком университете «Манас» на отделении западных языков (программа «Английский язык и литература») в учебном плане имеется обязательный предмет «Дискурс-анализ», где студентам на английском языке читаются теоретические лекции об основных понятиях и категориях дискурсивного анализа; а также проводятся практические занятия, семинары, на которых преподаватель со студентами проводит дискурсивный анализ политических речей, парламентских дебатов, ток-шоу, рекламы, футбольных репортажей, Интернет чатов, интервью, диалогов и др. не только на материале английского языка, но и, зачастую, с привлечением языковых фактов кыргызского языка. Далее некоторые студенты, по желанию, работают над выпускными квалификационными работами по дискурсивному анализу, используя лексическую и грамматическую когезию, прагматику, теорию речевых актов и др., например, «Дискурсивный анализ политических речей (Discourse Analysis of Political Speech)», «Дискурсивный анализ парламентских дебатов Великобритании и Кыргызстана (Discourse Analysis of Parliamentary Debates /based on Great Britain and Kyrgyzstan/)», «Языковая личность Маргарет Тэтчер (Linguistic Identity of Margaret Thatcher)» и др.

Следует отметить, что существует ряд определений дискурса. Обзор теоретической литературы по дискурсу позволяет определить его как вербализуемый, погруженный в ситуацию общения и неотрывный от нее текст. Дискурс охватывает фразы, предложения, текст, а содержание дискурса обычно концентрируется вокруг некоторого ядерного концепта. Целью субъекта дискурса является изменение интенции аудитории, достичь которой можно при использовании правильной коммуникативной стратегии и тактики дискурса. Если мы говорим о дискурсе, то, естественно, возникает вопрос о том, являются ли дискурс и текст понятиями идентичными или

разными. Если эти понятия являются различными, то каковы критерии их разграничения.

Текст и дискурс можно разграничивать по некоторым критериям. К первому критерию можно отнести разграничение процесса речевой деятельности и его результата, т.е. дискурса и текста, соответственно. [2, с. 17-20]. Если мы говорим о разграничении языка и речи, то оно, по-видимому, приемлемо и к разграничению текста, являющегося единицей языка, и дискурса, являющегося единицей речи [3, с. 8]. К критерию разграничения текста и дискурса можно также отнести взаимосвязь дискурса, характеризующегося нелинейным характером, с экстралингвистическими факторами [2, с. 17; 7, с. 80-90]. Что же касается текста, языковые единицы которого обладают связностью и целостностью, то он носит линейный характер [5, с. 376]. Текст характеризуется своей информативностью, связностью, целостностью и коммуникативной направленностью. Дискурс же характеризуется своими дискурсивными свойствами, к которым можно отнести ситуацию, текст и личность. Текст – явление статическое, дискурс – явление динамическое.

Как было указано выше, дискурс подразделяется на письменный и устный. Дискурс также подразделяется на политический, парламентский, рекламный, медицинский, педагогический, юридический, брачный и др.

Следующий вопрос: каким образом когнитивная лингвистика и дискурс могут коррелировать друг с другом? Каким образом можно определить когнитивный подход к дискурсу?

В ЛЭС в определении дискурса Н.Д. Арутюновой, на наш взгляд, есть ответ на данный вопрос: «дискурс – это связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах)» (подчеркнуто нами) [1, с. 136-137].

Когнитивный подход к анализу дискурса был предложен еще Т. А. ван Дейком в 1989 г., который в своей работе использует понятие «модель» для обозначения специфического вида структурной организации знания в памяти. Т. А. ван Дейк считает, что при создании когнитивной модели человека необходимо учитывать не только абстрактные ментальные знания человека, но также и реальные мнения, потребности, желания, предпочтения, установки, намерения, чувства, эмоции [3, с.68].

По мнению Е. С. Кубряковой, когнитивно-дискурсивный подход к языку предполагает комплексное междисциплинарное исследование с учетом исследования функционирования языка в реальной коммуникации, установлению связи между когнитивными и речевыми явлениями, изучению особенностей «обыденного сознания» [6].

Интересной представляется когнитивная модель политического дискурса, разработанная Д. В. Шапочкиным в монографии «Политический дискурс: когнитивный аспект» (2012). Автор понимает когнитивную модель как абстрактный конструкт ментальных знаний, который ограничен социальной (политической) сферой общения и в котором прослеживается, а также реализуется неограниченное количество имплицитных и эксплицитных интенций коммуникантов. Далее автор пишет, что когнитивная модель политического дискурса должна включать в себя следующие компоненты:

1. Характеристика политического деятеля как языковой личности (толерантность). Характеристика когнитивно-речевых стратегий говорящего.

2. Характеристика коммуникативно- прагматического пространства, или контекста.

3. Характеристика языкового пространства, или текста [9].

Рассмотрим, что же такое языковая личность политического деятеля.

Существует множество определений языковой личности, которые в совокупности имеют много общего. Так, Ю. Н. Караулов определяет языковую личность как «…совокупность способностей и характеристик человека, обусловливающих создание и восприятие им речевых произведений, которые различаются: а) степенью сложности; б) глубиной и точностью отражения действительности; в) определенной целевой направленностью» [4, с.3]. Он предлагает методическую модель языковой личности, в которой выделяются вербально-семантический (или структурно-семантический), лингвокогнитивный (или тезаурусный) и мотивационный уровни [4, с. 69].

Для достижения своих целей политик должен использовать когнитивно-речевые стратегии. Т. А. ван Дейк под когнитивно-речевыми стратегиями понимает обобщение; приведение примера; поправка; усиление; (очевидные) уступки; повтор; контраст; смягчение; сдвиг; уклонение; пресуппозиция, импликация, предположение, косвенный речевой акт [3].

Таким образом, когнитивный подход к дискурсу заключается в использовании говорящим, в том числе, политическим деятелем, когнитивно-речевых стратегий, таких как обобщение, повтор, контраст, пресуппозиция, импликация, предположение, косвенный речевой акт и т.д.

Следующий момент – связанный с когнитивным подходом к дискурсивному анализу. Когнитивный подход к исследованию языковых фактов обусловил новые пути исследования стилистических приемов. Цель использования стилистических приемов – украсить речь и язык. Если ранее стилистические средства изучались как исключительно языковые явления, связанные со словом, то сегодня данные средства могут быть связаны с мыслью или ментальными операциями. Так, если взять такой стилистический прием как метафора, то вернемся в прошлое, где в работах Аристотеля, К. Льюиса, Ф. Ницше, И. Ричардса и др. прослеживается идея о когнитивности метафоры, о том, что мышление метафорично, и что метафора представляет собой основной когнитивный инструмент [8, с. 161–162]. В современных

исследованиях имеется немало работ, рассматривающих концептуальную и когнитивную метафору. Это касается и других стилистических средств. Таким образом, при анализе дискурса все стилистические средства можно рассматривать как когнитивные приемы. Возьмем, к примеру, рекламный дискурс.

При рассмотрении рекламного дискурса можно акцентировать внимание на использовании когнитивных приемов, имеющих прагматический эффект. Для достижения прагматического эффекта рекламный дискурс может использовать разнообразные когнитивные средства.

Язык рекламы в Соединенных Штатах можно охарактеризовать как очень богатый различными когнитивными приемами; почти в каждом рекламном дискурсе можно найти, по крайней мере, один, а зачастую, в одной рекламе содержится даже до четырех или пяти когнитивных средств. Например, в рекламе ирландского виски Джеймсон (Jameson Irish whiskey) содержится четыре когнитивных приема.

1. Анафора: ***Your*** *heart will pound.* ***Your*** *mind will race.* ***Your*** *mouse will click.*
2. Параллелизм – все три предложения имеют одинаковую структуру: Местоимение+ существительное+ вспомогательный глагол to be (в будущем времени) + смысловой глагол.
3. Персонификация: *Your heart will pound. Your mind will race.* ***Your mouse will click.***
4. Метафора: *Your heart will pound.* ***Your mind will race****. Your mouse will click.*

Другим примером является реклама модной брендовой одежды, которая содержит четыре когнитивных средства в двух коротких предложениях: *Smart critiques. Stupid creates.*

1. Ирония – как правило, предполагается, что умные люди создают, а глупые – критикуют.
2. Аллитерация: ***S****mart* ***c****ritiques.* ***S****tupid* ***c****reates.*
3. Параллелизм: Оба предложения имеют одинаковую структуру: прилагательное + глагол (в настоящем неопределенном времени).
4. Антитеза: противопоставление двух антонимичных слов, умные и глупые.

Язык рекламы использует множество когнитивных приемов для достижения своих целей, среди них следующие: метафора, персонификация, аллитерация, ирония, гипербола, антитеза, риторический вопрос, каламбур, аллюзия, эпитет, парадокс, ассонанс, эллипсис, юмор, триколон, тавтология и др.

Как известно, с девятнадцатого века история Кыргызстана была тесно связана с историей России. В течение многих десятилетий Кыргызстан входил в состав Советского Союза. Все это оказало большое влияние на политическую, культурную, социальную и другие аспекты жизни в КР.

Сегодня в КР используются два языка: государственный кыргызский и официальный русский язык. Документация в правительственных и других учреждениях и организациях, и многих отраслей промышленности, включая рекламную индустрию, ведется на кыргызском и русском языках. Обусловленное этими факторами, большинство рекламных агентств в КР создают рекламные объявления, используя оба языка. Двуязычные тексты, как правило, передают одну и ту же информацию на двух языках одновременно. Как известно, язык рекламы должен быть убедительным и привлекательным для достижения своих целей. Но некоторые высказывания, фразы и словосочетания в кыргызском языке не могут быть в равной степени привлекательными и убедительными, как эти же высказывания, фразы и словосочетания на русском языке. В этих случаях мы имеем расхождения в переводе (например, *үйдөдө,сырттада Интернет жанында – Легкий доступ в интернет дома и вне дома. Ийгилик бийиктигинде – На пике совершенства*).

Вышеуказанные рекламные объявления передают почти одну и ту же информацию, но выбирают разные слова и разные структуры, чтобы сохранить текст объявления привлекательным. Кроме того, в некоторых случаях в тексте может содержаться когнитивное средство, которое отсутствует при переводе на другой язык. Например, следующая двуязычная реклама обуви GEOX имеет два параллельных текста:

Обувь которая дышит – русский текст

Жел өткөргөн бут кийим – кыргызский текст.

Русский текст гласит, что рекламируемая обувь дышит, в то время как кыргызский текст утверждает, что обувь является проницаемой. Персонификация, которая присутствует в русском тексте, отсутствует в кыргызском.

Бывают случаи, когда используются буквальные переводы рекламы, что приводит к плохому качеству рекламы. Директор компании «R. K. Translations» М. Разаев, специализирующейся на профессиональных переводах на кыргызский язык, высказал свое мнение о качестве переводимой рекламы на кыргызском языке: “*В Бишкеке большинство рекламной продукции на кыргызском языке выходит с грамматическими или стилистическими ошибками. Почти вся реклама в Бишкеке сначала изготавливается на русском языке, а затем переводится на кыргызский. Но реклама – это особый тип информации, где простой технический перевод недостаточен; для передачи ее основного послания нужно заново формулировать весь смысловой ряд уже на языке перевода. Без этого реклама не будет иметь никакого эффекта».*

В политическом дискурсе также используется множество когнитивных средств. Так, экс-президент США, Барак Обама в своей инагурационной речи 20 января 2009 “The Remaking of America”, наряду с метафорой, использует метонимию, зевгму, инверсию, триколон, аллитерацию и др. Анализ метафор, которая часто встречается в его речи, позволяет сделать

вывод о личности Барака Обамы. В его речи метафоры можно подразделить на метафоры единства всей нации, лидера борца, строителя новой политики, экономики, социального устройства.

Политический дискурс Кыргызстана также представляет большой интерес для исследователей кыргызского языка. С одной стороны, влияние двуязычия на дискурс политиков. Иногда использование прецедентных феноменов не всегда правильно истолковываются слушателем и накаляет сложившуюся ситуацию. Кроме того, в дискурсе есть такой термин *"Failures in discourse" – неудачи, провалы в дискурсе.* Неудачи в дискурсе, вероятно, объясняются языковой личностью политика или спичрайтера.

Таким образом, когнитивный подход к дискурсу является одной из проблем когнитивной теории языка, коммуникативной прагматики и теории дискурса. При дискурсивном анализе выявляется, насколько правильно говорящие и слушающие понимают друг друга, их интенции. Для достижения своих целей говорящий, в том числе политик должен использовать когнитивно-речевые стратегии, такие как обобщение; приведение примера; поправка; усиление; (очевидные) уступки; повтор; контраст; смягчение; сдвиг; уклонение; пресуппозиция, импликация, предположение, косвенный речевой акт. И, наконец, когнитивный подход к исследованию языковых фактов обусловил новые пути исследования стилистических приемов, которые должны изучаться не только как языковые явления, связанные со словом, но и как связанные с мыслью или ментальными операциями.

Мы полагаем, что необходимы дальнейшие исследования в области дискурса с учетом когнитивного подхода. Анализ когнитивных средств в дискурсе, в целом, и политическом дискурсе, в частности, в том числе, в предвыборном дискурсе не только Великобритании и США, но и Кыргызстана как нельзя актуален и является необходимым для обогащения теории и методологии когнитивной науки в целом.

Литература

1. Арутюнова, Н.Д. Дискурс / Н.Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева – М.: Сов. Энциклопедия, 1990. – С. 136–137.
2. Валгина, Н.С. Теория текста: Учебное пособие / Н.С. Валгина – М.: Логос, 2003. – 280 с.
3. Дейк Т.А., ван. Язык. Познание. Коммуникация / Т.А. ван Дейк. – М., 1989.
4. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 264 с.
5. Котюрова М.П. Целостность текста // Стилистический энциклопедический словарь русского языка; под ред. М.Н. Кожиной / М.П. Котюрова. – М.: Наука, 2003. – С. 609-611.
6. Кубрякова, Е.С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональный и структурный аспекты. – М.: 2000. – С. 7-25.
7. Макаров, М.Л. Основы теории дискурса / М.Л. Макаров. – М.: Гнозис, 2003. – 280 с.

8. Шабанова Е. Л. Концептуальная метафора: Направления в исследовании (обзор) // «Реферативный журнал. Языкознание». – 1999. № 1. – С. 158-176.
9. Шапочкин Д. В. Политический дискурс: когнитивный аспект: монография. – Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2012. – 259 с.

References

1. Arutyunova, N.D. Diskurs / N.D. Arutyunova // Lingvisticheskij ehnciklopediche-skij slovar' / gl. red. V.N. Yarceva – M.: Sov. EHnciklopediya, 1990. – S. 136–137.
2. Valgina, N.S. Teoriya teksta: Uchebnoe posobie / N.S. Valgina – M.: Logos, 2003. – 280 s.
3. Dejk T.A., van. Yazyk. Poznanie. Kommunikaciya / T.A. van Dejk. – M., 1989.
4. Karaulov, YU. N. Russkij yazyk i yazykovaya lichnost'. – M.: Editorial URSS, 2002. – 264 s.
5. Kotyurova M.P. Celostnost' teksta // Stilisticheskij ehnciklopedicheskij slovar' russkogo yazyka; pod red. M.N. Kozhinoj / M.P. Kotyurova. – M.: Nauka, 2003. – S. 609-611.
6. Kubryakova, E.S. O ponyatiyah diskursa i diskursivnogo analiza v sovremennoj ling-vistike // Diskurs, rech', rechevaya deyatel'nost': funkcional'nyj i strukturnyj aspekty. – M.: 2000. – S. 7-25.
7. Makarov, M.L. Osnovy teorii diskursa / M.L. Makarov. – M.: Gnozis, 2003. – 280 s.
8. Shabanova E. L. Konceptual'naya metafora: Napravleniya v issledovanii (obzor) // «Referativnyj zhurnal. YAzykoznanie». – 1999. № 1. – S. 158-176.
9. Spapochkin D. V. Politicheskij diskurs: kognitivnyj aspekt: monografiya. – Tyumen': Izdatel'stvo Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta, 2012. – 259 s.

УДК 81

Т.В. Титаренко
Кемерово, Россия

ЭТНОГЕРМЕНЕВТИКА И ЭТНОРИТОРИКА: НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ НЕМЕЦКОЙ РЕЧЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Аннотация. *Рассматривается этнометодология, позволяющая исследовать влияние этнической культуры на коммуникацию. Подчеркивается значимость этногерменевтического подхода к изучению языковых явлений.*

Ключевые слова: *этногерменевтика, этноритрика, речевая коммуникация, аргументация, процесс «вопрос-ответ»*

Сведения об авторе: *Титаренко Тарас Валерьевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры германских и романских языков.*
Место работы: Кемеровский государственный университет.
Контактная информация: 650000, г. Кемерово, ул*. Красная, 6.*
e-mail: taras_t@ru.ru.

T.V.Titarenko
Kemerovo, Russia

ETHNOHERMENEUTIK AND ETHNORHETORIK: SOME FEATURES OF KOMMUNIKATION IN GERMAN

Abstract. *The article introduces to an ethno methodology to research the influence of ethnic culture on communication. It underlines the role of ethnohermeneutik approach to research linguistic phenomenons.*

Key words: *ethnorhetorik, ethnohermeneutik, speech communication, argumentation, question-answer process*

About the author: *Titarenko Taras Valerjevich, Candidate of Philology, assistant professor of the Department of German and Roman languages.*
Place of employment: State University Kemerovo

Еще в 1999 году немецкий ученый Х. Гайснер пришел к выводу о том, что этнориторика и этногерменевтика становятся легитимными в историче-

ски сформированных условиях традиционного общения отдельных этнических групп. Х. Гайснер, на основе коммуникативной функции общения, выделяет пять классов диалогов: 1) фатические диалоги, служащие для поддержания социального контакта в обществе; 2) риторические диалоги, направленные на изменение социально-экономического бытия; 3) эстетические диалоги, позволяющие интерпретировать действительность; 4) терапевтические диалоги, устраняющие функциональные помехи субъектов коммуникации; 5) метакоммуникативные диалоги, позволяющие осуществить рефлексию коммуникативного поведения [1]. Все типы диалогов имеют этноспецифику в построении высказывания и своих стратегиях и тактиках ведения беседы.

В определенном смысле речь интерпретируется как способ выражения сознания (посредническое звено между сознанием и самовыражением), которое позволяет провести границы между различными категориями коммуникантов, выделяя особенности речевой коммуникации для каждой из групп. При таком подходе «риторическая коммуникация» охватывает понятие формы диалога и речи, а понятие «герменевтика» – коммуникативные формы их интерпретации.

Этнометодология открыла новые возможности в изучении саморефлексии за счет учета влияния этнической культуры на коммуникацию. Этноритрика и этногерменевтика, выступая специальным научным методом, в совокупности с методами исследования психологии, социологии и этнографии, позволяют интерпретировать следующие моменты:

1. Личность говорящего.
2. Контекст и значение особенностей конкретной речевой ситуации.
3. Истинные намерения собеседников.

Для достижения своих целей человек использует определенный набор свойственных ему методик логического построения высказываний. При этом не всегда инициатива ведения диалога принадлежит лицу, которое ставит перед собой те или иные цели. Его задача – взять инициативу в свои руки, изменить status quo.

Беседа всегда является своеобразной игрой. Каждый из собеседников ориентирован на получение информации от оппонента, включая действия. Но для достижения своей цели участник диалога должен действовать в рамках коммуникативной ситуации. Он избирает определенную позицию, тактику и стратегию. Одним из способов действия является аргументация, позволяющая обосновать поведение субъекта либо подлинность его намерений.

Рассмотрим значение аргументации на следующем примере:

(А и В (подростки) спорят о том, кто должен открыть дверь гостю)

А – Ich gehe öffnen (я открою).

В – Nein, ich! (нет, я!)

A – Ich-ich! (нет, я!)

B – Du hast gestern geöffnet! (ты вчера открывала!)

A – Gestern kam niemand! Ich öffnete und da stand niemand! (вчера никто не пришел! Я открыла, а там никого не было!)

B – Das ist aber nicht meine Schuld (но это не моя вина).

В начале спора собеседники не желают объяснять и доказывать друг другу, кто из них должен открыть дверь. Видя, что это ни к чему не приведет, В говорит, что он должен открыть дверь сегодня, так как вчера открывала А. А указывает на несостоятельность аргументации В (Я открыла, а там никого не было). Но В стоит на своем – он говорит, что не его вина в том, что никого не было, подчеркивая, что главное в том, что А открывала дверь вчера, а ему следует это сделать сегодня.

Процесс обмена информацией, а часто ее получения, напрямую связан с процессом «вопроса-ответа». Подобно тому, как вопрос непроизвольно рождает ответ, речевое раздражение побуждает организм к вербальному реагированию.

Приведем пример:

A – Wem darf ich weiter das Wort geben? (Кто хочет взять слово?)

B – Meine Herren – …. (Уважаемые господа – ….)

A – Herr Innenminister! (Господин министр внутренних дел!)

Ситуация такова: А (комиссар) во время судебного заседания интересуется, кто хочет взять слово. Вместо ответа В начинает свою речь, после чего комиссар громко заявляет, что говорить будет министр. В данном случае мы имеем конкретный вопрос, но вместо ответа на него имеем реакцию, спровоцированную этим вопросом, которая, кстати сказать, полностью удовлетворяет ожидание спрашивающего.

Процесс «вопроса-ответа» лучше рассматривать в рамках прагматической рецепции, так как она позволяет лучше понять, каким образом коммуниканты понимают друг друга. Установленный прагматический смысл вполне может дополнить языковую активизацию взаимосвязей действий человека.

При этом этногерменевтический подход к изучению языковых явлений играет важную роль, так как он позволяет интерпретировать высказывание не только с позиций прагматической рецепции, но и с позиций этнического восприятия.

Литература

1. Ehlich Konrad. Sprache und sprachliches Handeln. – Berlin: Walter de Gruyter GmbH & Co. KG, 2007. – 489 S.

2. Geißner, K. H. Sprechwissenschaft: Theorie der műndlichen Kommunikation / H. Geissner. – Königsten, 1981. – 235 S.

3. Geissner, K. Helmut. Woher nehmen Ethnorhetorik und Ethnohermeneutik ihre Legitimation? // Этногерменевтика: Фрагменты языковой картины мира / Отв. ред. Пименов Е.А., Пименова М.В. – Кемерово: КемГУ, 1999. – 139 с. (Серия «Этногерменевтика и этноритория». Вып. 3).

4. Этногерменевтика: некоторые подходы к проблеме / Отв. ред. Пименов Е.А., Пименова М.В. – Кемерово: КемГУ, 1999. – 221 с. (Серия «Этногерменевтика и этноритори-ка». Вып. 4).

References

1. Ehlich Konrad. Sprache und sprachliches Handeln. – Berlin: Walter de Gruyter GmbH & Co. KG, 2007. – 489 p.
2. Geißner, K. H. Sprechwissenschaft: Theorie der műndlichen Kommunikation / H. Geissner. – Königsten, 1981. – 235 S.
3. Geissner K.Helmut. Woher nehmen Ethnorhetorik und Ethnohermeneutik ihre Legitimation? / Ethnohermeneutik: The elements of the language picture of the world / Otv. red. Pimenov E.A., Pimenova M.V. – Kemerovo, 1999. – 139 p. (Series of "Ethnogermeneutics and ethnotritorics." Issue 3).
Ethnohermeneutik: Some approaches to the problem / Ch. Red. Pimenov E.A., Pimenova M.V. – Kemerovo, 1999. – 221 p. (Series of "Ethnogermeneutics and ethnotritorics." Issue 4).

УДК 82.0-82-14

Г.Н. Хлыпенко
Бишкек, Кыргызстан

АЛЕКСАНДР НИКИТЕНКО КАК ПОЭТ-ПАЛИНДРОМИСТ

Аннотация. *Палиндро́м(он), или перевёртень, уникальный жанр: слово, стих или фраза, одинаково читаемые по буквам слева направо или справа налево. Этим жанром в совершенстве владел А.И. Никитенко (1948 – 2014) – единственный поэт-палиндромист в русской литературе Кыргызстана. В статье даётся общее представление о его палиндромном творчестве, вершинным достижением которого являются два издания уникальной книги «Переворачиваю мир» (2006 и 2013 гг.).*

Ключевые слова: *палиндром (палиндромон, перевертень, «рачий стих»), палиндромия, форма и содержание, образность, образ, жанр, пафос.*

G.N. Hlypenko
Bishkek, Kyrgyzstan

ALEXANDER NIKITENKO AS A PALINDROMIST POET

Abstract. *A palindrome, a unique genre, is a word, verse or phrase which reads the same backward or forward. A.I. Nikitenko (1948 – 2014) was a master of this genre. He was the only palindromist poet in Russian literature of Kyrgyzstan. The article provides an overview of his palindromic works, top achievements of which are the two editions (ed. 2006, 2013) of the unique book "Turning around the world".*

Key words: *palindrome, form and content, imagery, image, genre, pathos.*

Сведения об авторе: *Хлыпенко Георгий Николаевич, кандидат филологических наук, профессор кафедры истории и теории русской литературы.*

Место работы: Кыргызско-Российский Славянский университет.

About the author: *Georgiy N. Hlypenko, candidate of philological sciences, professor of the Department of the history and theory of Russian literature.*

Place of employment: Kyrgyz-Russian Slavic University.

Контактная информация: *720025 г. Бишкек, 4 микрорайон, д. 15, кв. 28; e-mail: allanarozya@gmail.com.*

Contact information: *720025, Bishkek, 4 micro-district, h.15, ap. 28; e-mail: allanarozya@gmail.com.*

Александр Иванович Никитенко (1948 – 2014) оставил яркий след в истории русской литературы Кыргызстана. Его творческое наследие – ров-

но 20 поэтических книг, выходивших с 1979 г. («Подсолнух») по 2014 г. («Небо в нас самих»). За это время он сформировался как многогранный поэт: поэт-лирик, поэт-публицист и поэт-палиндромист. К сожалению, последняя грань его таланта до сих пор не высветилась в научно-критической литературе с достаточной яркостью, поэтому мы возьмём на себя смелость набросать штрихи к портрету Никитенко-палиндромиста – единственного представителя этого жанра в русской литературе Кыргызстана.

Скажем сразу же, что палиндро́м (палиндромон) – уникальный литературный жанр, который, тем не менее, имеет и свою историю, и свою теорию. ***Палиндром*** (греч. palindromes – движущийся назад, возвращающийся) – «слово, стих или фраза, одинаково читаемая по буквам слева направо или справа налево» [2, с. 190]. Например:

Я иду с мечем судия.
(Г. Державин)

А роза упала на лапу Азора.
(А. Фет)

Я – око покоя,
Я – дали ладья…
(В. Брюсов).

Форма палиндрома как словесного искусства известна с глубокой древности, когда ему зачастую придавался магически-сакральный смысл. Палиндромы регулярно встречаются в текстах латинского средневековья. В европейской литературе они обретают широкую популярность в эпоху барокко. В XVII в. русская поэзия восприняла палиндром как книжный жанр. Расцвет русских палиндромов приходится на период модернизма, а XX век стал для русской поэзии веком эксперимента в данном жанре, хотя официозная советская наука определяла палиндром как «искусственную поэтическую форму, жонглирование словом» [8, с. 257].

В отечественной науке о литературе укоренились два термина, синонимичных палиндрому: *«рачий стих»* (употребляется с XVII в.) и *перевертень* (авторство принадлежит поэту Велимиру Хлебникову). Кроме того, нередко употребляются и другие образные определения: *«двояковыпуклая речь»* (В. Хлебников) и *«стих для глаз»* (теоретик палиндрома А. Бубнов).

Теоретические основы палиндромии можно свести к следующим положениям.

Палиндро́м – жанровая разновидность визуальной поэзии (видеопоэзии), форма игрового словесного искусства. Образность в палиндромии представляет собой чрезвычайно интересное, самостоятельное явление: образ этого типа – в *таком* сочетании семантики, синтаксиса и звука – может возникнуть лишь в стихе-перевертне, но никак не в нормативном стихе. В палиндроме, как правило, не слова подбираются к мысли, а, наоборот, мысль подбирается к словам. Существуют следующие виды палиндромов:

буквенный, слоговой, строчный, а также суперпалиндром. Подлинно эстетическая ценность палиндрома выявляется по тем же критериям, что и в любом художественном произведении. Из-за свойств языков палиндромы в европейской поэзии трудны и редки, но, например, в китайской поэзии хорошо разработаны.

По признанию Александра Никитенко, он увлёкся палиндромией ещё в годы студенческой юности, но первый свой палиндром опубликовал только в четвёртой книге стихов – «Высь» (1988). Он назывался «Перевертень Велимиру», т.е. Велимиру Хлебникову – именитому поэту-палиндромисту.

Он музе безумно
и
лире верил,
учил кличу:
залазь
в омут умов
и разом озари!

О, пел лепо:
«Молод, долом
иди
и дуди!
Вол около колоколов.
Цените детинец!
Я, и над – зори мироздания…».

А лира царила,
а лира парила.
Лирил
массам:
Велимир им и лев.

Ему в уме
шире веришь.
Умер и мир ему [5, с. 38-39].

Мы привели перевертень полностью, чтобы сказать: это зрелое, художественно полноценное произведение 40-летнего поэта. А своеобразным пропуском в магический мир палиндромии для Никитенко была «озорная сказка» «Охотник Кинто́хо», героем которой был персонаж, обнаруживший в себе способность говорить на языке перевертня.

Был, однако, он на редкость
мужичок трудолюбивый,

с тою долей вдохновенья,
что сопутствует таланту.

Только сам не находил он
ничего в себе такого.

Правда, как-то между делом
он заметил эту склонность

многих слов и сочетаний
честься слева и обратно.

И сказал себе Кинто́хо:
– Да ведь ты и есть охотник!

И назвал он перевертнем
это странное явленье.

А однажды, удивившись,
написал он на берёсте:

«А коростель лет сорока
еле-еле
летел,
сел в лес.
А
Охотник Кинтохо
тут как тут.
Дуплет – тел пуд? <…>

А потом он стал потребность
ощущать в такой забаве:

оказалось, невозможно
дня прожить без перевертня!

В ярких словосочетаньях
Вдохновенных озарений

всё, что им же пережито,
рассказать хотелось людям [5, с. 41-43].

Треть века спустя, издавая уникальную книгу палиндромов «Переворачиваю мир» (2006) объёмом в 220 страниц, Александр Никитенко, прототип охотника Кинтохо, в авторском предисловии к ней произнёс зажигательный лирический монолог во славу русского палиндрома, из которого мы процитируем только один абзац, выделяя курсивом наиболее ценные фразы.

«Чем же, собственно, подкупают палиндромоны? На мой взгляд, прежде всего они влекут своим *резким конструктивным отличием* от обиходных поэтических строк, которые пишутся давно и многими. Безграничная благодатная (и благодарная!) вселенная русского языка открывает в своей палиндромонной сути такой *искромётный космос*, который и не снился другим поэтам. Читатель охотно отдаётся во власть яркой нови слов, вошедших в перевертень, *вдруг засверкавший неожиданными гранями смысла или абсурда*, а то и поэтической образности, ёмкости, афористичности. *Эффект такой мгновенной вспышки, озарения пленит читателя магией, колдовством, волшебными чарами*. Приобщение к палиндромону – это чаще всего удивление открытием в родном языке новинок, которых все жаждут. А когда таких новинок масса, то мы начинаем испытывать к нашему “великому и могучему” *благодарность на грани благоговения!* Мы ведь сами не знаем порой глубин собственного достояния!.. И здесь-то и кроется большая доля моего оптимизма насчёт будущего нашего языка: оно не обойдёт нас новыми и новыми большими открытиями и обретениями. Дай Бог! *Нехоженые тропы палиндромона таят немало чудес*» [5, с. 5-6].

Однако ещё до книги «Переворачиваю мир» у Никитенко было множество публикаций: в газете «МСН», где он работал, в журнале «Литературный Кыргызстан» и, наконец, в книге стихов «Некто я» (2005), где впервые появился раздел «Зона палиндромона». Автор данной статьи, рецензируя книгу, сразу же обратил внимание на эту «зону» и пришёл к следующему выводу:

«На мой взгляд, в палиндромии наиболее отчётливо проявляется творческая индивидуальность А. Никитенко как поэта, активно работающего в *слове*. В этой области художественным ориентиром для него является поэт-словотворец Велимир Хлебников, утверждавший, что “сущность поэзии – это жизнь слова в нём самом” и что поэту дозволено всё, что не противоречит духу русского языка. Именно работа в слове вывела А. Никитенко на тот уровень поэтического мастерства, который определяют как артистизм, *виртуозность* [13, с. 156-157].

Выход книги «Переворачиваю мир» буквально ошеломил почитателей таланта Александра Никитенко демонстрацией масштабности и великолепия его «зоны палиндромона».

«Согласитесь, – писал рецензент Вячеслав Тимирбаев, – надо действительно обладать необыкновенным, уникальным даром видения и чувства слова, чтобы напридумывать и собрать под одной обложкой 2514 строк

от “А” до “Я”, 282 палиндромические фразы и целых 22 поэмы. <…> И можно понять гордость и удовлетворённость Никитенко, издавшего этот сборник, заслуживающий места в Книге рекордов Гиннесса» [9].

Другой рецензент, Галина Ким, акцентировала внимание на художественном мастерстве поэта: «Закольцованная конструкция стихотворной строки не позволяет мысли растекаться по древу и почти магически обнажает её суть. Здесь нет второстепенных или лишних слов. Каждое междометие, предлог, частица, союз, органично составляя начало, середину или конец другого слова, исключают вмешательство какой-либо редактуры. И самое, пожалуй, важное. Лаконичность, экономичность, присущая творчеству Никитенко в целом, в палиндромонах проявилась в полной мере» [3].

А молодой филолог Наталья Зубенко, выступившая с научной публикацией «Александр Никитенко – мастер палиндромона», пришла к аргументированному выводу о том, что «книга “Переворачиваю мир” является уникальной не только по объёму, но и по единству формы и содержания. Палиндромон А. Никитенко помогает глубже понять авторскую концепцию мира и человека, а также самого себя» [1, с. 66].

Однако А. Никитенко, «переворачивая мир», не остановился на достигнутом и продолжал активно осваивать «зону палиндромона», включая почти во все новые книги («Пульсар», «Дневная фактура», «SMS» и другие) новые произведения-перевертни. Результатом этой целенаправленной работы стало второе издание книги «Переворачиваю мир» (2013), значительно превосходящую первую: 420 страниц текста и без малого 10 тысяч строк. При этом автор снабдил своё произведение уникальной аннотацией-самооценкой: «По объёму палиндромных строк и поэм, их смысловой и тематической всеохватности эта книга не имеет аналогов в мировой русской поэзии [6, с. 2]. А журналист Александр Тузов, регулярно откликавшийся на книги А. Никитенко и называвший его то «чемпионом палиндромонов» [10], то «магом палиндромонов» [11], нашёл для него ещё одно образное определение – «повелитель перевертней» [12].

Оригинальную, но спорную точку зрения на палиндромию высказал молодой критик Андрей Рябченко в статье «Парадокс жанра», опубликованной в журнале «Литературный Кыргызстан». Воздав должное новой книге поэта («Превосходство Александра Ивановича Никитенко в палиндромическом стихотворчестве во всей русской литературе неоспоримо» [7, с. 179]), он делает неожиданный вывод:

«Вместе с тем видится и возможная неминуемая обречённость данного жанра на смерть, а значит и личная последующая творческая трагедия Александра Никитенко. С развитием современного программного обеспечения уже, похоже, ничего не стоит создать электронный алгоритм, который перебрал бы все слова, выражения и предложения, зафиксированные когда-либо в письме на предмет поиска палиндромонных. <…> То, что вышелушивалось Александром Ивановичем из языковой кладовой на протя-

жении почти 50 лет, может быть получено одним нажатием Enter. Парадокс жанра заключается в том, что, достигнув у нас непревзойдённых высот, палиндромон уходит в небытие» [7, с. 179 – 180].

Конечно, Александр Иванович мудро промолчал на это предсказание и продолжал с прежним усердием «переворачивать мир» своими перевертнями. И раздел «Зона палиндромона» вновь появился в очередной книге – «Небо в нас самих» (2014), которая, к великому сожалению, оказалась для поэта последней.

Запределен не только объём палиндромонных произведений А. Никитенко – запредельна их жанровая многогранность. Основные жанры – стихотворения и поэмы с их многочисленными жанровыми формами. Стихотворения – это послания, посвящения, оды, элегии, пародии и т.д. Поэмы – это сказки, сказы, сказания; поэмы юмористические, сатирические, исторические, философские и т.д. У Никитенко есть даже сонет-палиндром, посвящённый поэту Евгению Колесникову и его жене Амине.

Себе небес

Амина рано как она ранима,
ан, Женя нежен, нежен, я нежна.
А мир зиял и лил ил: я из Рима.
А не жена, мадам, а не жена.

А Женя нежен. Как не Женя, нежа,
но нежен он. Как? Как? Но нежен он.
А же венец? А мама: це, невежа,
но и пион лимонномил, но и пион.

А был улыба, нежа жен, а был улыба.
Абы рыбак-от тут как тут, то кабы рыба!
Себе небес зови, и воз себе небес.

Абы дела да девовед! А дале – дыба.
А был глыбаст (а дама: да, тс… А был глыба!).
Се лес, и темен, нем. Ети: се лес.

26 мая 2007 г. [6, с. 112 – 113].

Чтение, тем более изучение палиндромов – работа трудная, высокоинтеллектуальная. Поэтому А. Никитенко в разделах «Зона палиндромона» (варианты: «Я как я», «И чудит идучи», «Угол слогу»), как правило, наличествуют авторские предисловия, а также комментарии к отдельным произведениям. Пара примеров с минимальным цитированием текста.

Из комментария к стихотворению «Сорос»: «… Недавно нашу страну посетил Джордж Сорос, с приездом которого возобновила трансляцию ТРК

“Пирамида”. Фамилия известного филантропа читается одинаково с двух сторон, что и побудило меня порыться в “домашних заготовках”. И в итоге получилось забавное “свихотворение”, которое публикуется ниже».

Сорос

С тети не реву – суверенитет-с.
Не, не реву, суверенен,
я не реву, уверен я,
а нищ, бо община
как
SOS!

Голод – вина нив – долог.
Дороден недород,
аки путы тупика.
А кара арака?
А казус Сузака?
Кавак
умер и мир ему.

Нахапал, а, паxан? <…>

2004 г. [5, с. 14 – 15].

Из комментария к стихотворению «Пеле нелеп?»: «… Футбольный чемпионат Европы 2004 года <…>. Внимательно следя за бурными событиями на зелёных газонах в Португалии, я по своей давней привычке записывал (или просто запоминал) “рачьи” имена, фамилии, прозвища реальных участников этого еврошоу, которые сами по себе или вместе с другими подходящими словечками обращались в палиндромоны <…>. Так что в моём публикуемом ниже перевертне сплошь знакомые все лица».

Пеле нелеп?

Лоб туфлей ел футбол.
Лам мал.
Во «лирик» Кирилов.

А вот и Титова
и
тени нет.
И… ну, Руни!

У, Зизу!

А ас Саа?
Сапа, на пас. <…>

– Я Илизар (Бразилия).
Отто –
король Лорок!

Пеле нелеп?
Пеле леп! [6, с. 18 –19].

Из приведённых нами примеров нетрудно заключить, что основной пафос произведений-перевертней – комизм (ирония, юмор, сатира).

Завершая краткий разговор о палиндромии А. Никитенко, можно сделать два важных вывода.

1. Целенаправленно стремясь к содержательной форме произведений-палиндромонов, А. Никитенко пересматривает статус палиндрома как игрового словесного искусства, возводя его в ранг изящной словесности.

2. Палиндромы А. Никитенко являются художественным зеркалом современной жизни, создают образную концепцию времени.

Литература

1. Зубенко Н. Александр Никитенко – мастер палиндромона (сборник «Переворачиваю мир») // Русская литература Кыргызстана: состояние и перспективы: Материалы межвузовских студенческих научных чтений (Бишкек, 12 декабря 2006 г.). – Бишкек: КРСУ, 2007.
2. Квятковский А.П. Поэтический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1966.
3. Ким Г. Я рад даря // МСН. – 2007. – 23 февраля.
4. Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В.М. Кожевникова и П.А. Николаева. – М.: Сов. энциклопедия, 1987.
5. Никитенко А. Переворачиваю мир: Палиндромоны. – Бишкек: Просвещение, 2006.
6. Никитенко А. Переворачиваю мир: Палиндромоны. – 2-е изд., доп. – Бишкек: Салам, 2013.
7. Рябченко А. Парадокс жанра // Лит. Кыргызстан. – 2013. – № 3.
8. Словарь литературоведческих терминов / ред.-сост. Л.И. Тимофеев и С.В. Тураев. – М.: Просвещение, 1974.
9. Тимирбаев В. Поэт милостью божьей // МСН. – 2006. – 23 мая.
10. Тузов А. Чемпион палиндромонов // Вечерний Бишкек. – 2007. – 22 января.
11. Тузов А. Маг палиндромонов // Вечерний Бишкек. – 2008. – 10 марта.
12. Тузов А. Повелитель перевертней // Вечерний Бишкек. – 2013. – 20 марта.
13. Хлыпенко Г.Н. «Храните радугу в крылах стрекоз!» // Лит. Кыргызстан. – 2004. – № 5.

References

1. Zubenko N. Aleksandr Nikitenko – master palindromona (sbornik «Perevoraçivayu mir») // Russkaya literatura Kırgızstana: sostoyaniye i perspektivı: Materialı mejvuzovskih studençeskih nauçnıh çteniy (Bişkek, 12 dekabrya 2006 g.). – Bişkek: KRSU, 2007.
2. Kvyatkovskiy A.P. Poetiçeskiy slovarq. – M.: Sov. entwiklopediya, 1966.
3. Kim G. Ya rad darya // MSN. – 2007. – 23 fevralya.

4. Literaturnıy entwiklopediçeskiy slovarq / pod obşw. red. V.M. Kojevnikova i P.A. Nikolayeva. – M.: Sov. entwiklopediya, 1987.
5. Nikitenko A. Perevoraçivayu mir: Palindromonı. – Bişkek: Prosveşweniye, 2006.
6. Nikitenko A. Perevoraçivayu mir: Palindromonı. – 2-e izd., dop. – Bişkek: Salam, 2013.
7. Ryabçenko A. Paradoks janra // Lit. Kırgızstan. – 2013. – № 3.
8. Slovarq literaturovedçeskih terminov / red.-sost. L.İ. Timofeyev i S.V. Turayev. – M.: Prosveşweniye, 1974.
9. Timirbayev V. Poet milostqyu bojqey // MSN. – 2006. – 23 maya.
10. Tuzov A. Çempion palindromonov // Veçerniy Bişkek. – 2007. – 22 yanvarya.
11. Tuzov A. Mag palindromonov // Veçerniy Bişkek. – 2008. – 10 marta.
12. Tuzov A. Povelitelq perevertney // Veçerniy Bişkek. – 2013. – 20 marta.
13. Hlıpenko G.N. Hranite radugu v krılah strekoz! // Lit. Kırgızstan. – 2004. – № 5.

УДК 81

Х.М. Шамбеталиева
Бишкек, Кыргызская Республика

ПАМФЛЕТ КАК ВИД САТИРИЧЕСКОГО ЖАНРА ПУБЛИЦИСТИКИ (на примере газеты «МК-ыргызстан» и веб-сайта akipress.org)

Аннотация. *В предлагаемой статье сделан анализ такого вида сатирической журналистики, как памфлет, его разновидности. На примере одного проекта информационного агентства AKIpress, а также открытых писем президенту КР раскрыты особенности двух модификаций памфлета: открытый (прямой) и косвенный (непрямой). Указаны особенности этих модификаций, а также соотношение вымысла и факта в публикуемых материалах.*

Ключевые слова: *сатирический жанр журналистики, памфлет, политическая публицистика, открытые письма президенту, оппозиционная пресса.*

Сведения об авторе: *Шамбеталиева Хадича Маматбековна, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии и коммуникаций, докторант КНУ им.Ж.Баласагына.*

Место работы: Международный Университет Кыргызской Республики.

Контактная информация: *e-mail: hadichamamatbek@mail.ru*

Kh.M. Shambetalieva
Bishkek, Kyrgyz Republic

PAMPHLET AS A KIND OF SATIRICAL GENRE OF PUBLICISTIC STYLE (On example of the «MK-Kyrgyzstan " newspaper and website akipress.org)

Abstract. *Satire has become, in many respects, one of the prominent features of contemporary journalism not only in Kyrgyzstan but across the globe. Political satire, in particular, has considerably grown in popularity in Kyrgyzstan during the past ten years. Based on the deep review of a single project by an independent news agency AKIpress and the letters addressed to the President of the Kyrgyz Republic, the proposed article presents the analysis of political satire as presented in the form of pamphlets. It specifically analyses two genres of pamphlets – literary and non-literary genres and their characteristics.*

Key words: *satirical journalism, political satire, pamphlets, open letters, oppositional press.*

About the author: *Khadicha Shambetalieva, Ph.D. in Philology, a candidate for the doctorate degree (D.Sc.) at the Kyrgyz National University named after Jusup Balasagyn.*

Workplace: Lecturer at the International University of Kyrgyzstan.

В современных условиях бурного развития и распространения информационных, коммуникационных технологий, все возрастающей роли Интернета и телевидения периодическая печать в Кыргызстане остается не

только востребованной, но в регионах она является одной из главных информационных источников. Обусловлено это целым рядом факторов, влияющих на функционирование СМИ в условиях быстро меняющей информационной среды. И связано это не только с техническими, финансовыми возможностями аудитории, но и с давно сложившейся традицией доверять периодической печати («газетада жазылып журбойбу» – «написано же в газете»).

Начало девяностых годов, распад единой державы, повергнет республику в процесс кадрового, финансового, институционального и, главное, смыслового кризиса. Этот период будет охарактеризован кардинальной структурной перестройкой не только общественно-политической жизни, но и достаточно глубокой деидеологизацией средств массовой информации.

Динамика взаимодействия общества и СМИ начинает быстро меняться в зависимости от политического, экономического, идеологического составляющего. Появятся не только новые темы, но будут заметны изменения отношений между средствами массовой информации и потребителями информации, раскроется в полной мере идейное и политическое многообразие прессы. Монопартийное печатное слово советской эпохи постепенно начнет уступать место новым демократическим лозунгам, демонстрирующим свободу слова, гласность, перестройку. В периодической печати заметно возрастет роль и вес публицистических текстов. Связано это будет, в первую очередь, с происходящими изменениями в политике, экономике, общественной и культурной жизни. Хвалебная тональность печатных материалов, средств массовой информации советского периода начинает терять свои позиции, а иногда даже переходит в диаметрально противоположный диапазон звучания. Открыто заявляет о себе оппозиционная пресса, критически освещающая происходящие перемены.

«*Прежде всего, изменился сам характер политического дискурса, в котором утвердились элементы демократического общения и диалога; установилась разнонаправленность, двустороннее движение политической коммуникации как по горизонтали, так и по вертикали; признаётся равенство и равноправность всех участников политического процесса: государства, общества, журналистов, читателей*», – отмечает исследователь политической публицистики Ю.Н. Веремеенко.

Если в советской журналистике автор публицистического произведения был всего лишь «*обобщенное лицо, уполномоченное государством высказывать мнения, оценки*», то в постсоветской журналистике постепенно начинает меняться позиция автора. Теперь он «*воспринимается как конкретное лицо, излагающее собственную точку зрения на события, которая совпадает с мнением редакции и отвечает требованиям учредителя издания*», – считает Т.Г. Рощектаева. Социальная потребность в честной, открытой позиции не только печатного издания, но и убеждающий голос журналиста, ученого, философа, авторитетных экспертов особенно востребован в

Кыргызстане после известных событий марта 2005 года. Эйфория свержения правления Акаева и приход новой власти к руководству страной быстро сменилась разочарованием.

В это время вновь в периодической печати становится актуальной политическая публицистика. Термин «политическая публицистика» не нов для российской и зарубежной журналистики, и сегодня он активно используется как практиками, так и теоретиками журналистики. Но в Кыргызстане этот вид журналистики до сих пор не исследован, хотя имеет богатую разножанровую представленность. Это и памфлеты, и статьи, и воззвания, и философские эссе, и мн.др.

Отметим, что сатирические жанры публицистики поднимаются на пик востребованности в период громких политических потрясений и привлекают в сферу своего воздействия все больше и больше читателей.

Следует подчеркнуть, что заслуга предыдущей власти в формировании и развитии свободы слова в прессе будет особо заметна в публикациях последующих лет. Появлению памфлетов на страницах газеты, на наш взгляд, предшествовала в первую очередь отмена цензуры, как органа идеологического контроля, гласность, а также многочисленная думающая, читающая аудитория.

В предлагаемой статье мы проанализируем две модификации памфлета: открытые (прямые) и косвенные (непрямые). Известно, что такое разделение памфлета зависит от типа обличения. Примером прямых памфлетов, написанных в форме открытого сатирического письма, послужили письма тогдашнему президенту Кыргызской Республики К.Бакиеву, опубликованные с 2006г. на страницах газеты «МК-Кыргызстан» известным журналистом Е.Агеевой.

Образцом косвенных (непрямых) памфлетов можно с уверенностью назвать уникальный проект «Сказки небесной Бешбармакии» (http://skazki.akipress.org/), который запускается на сайте первого независимого информационного агентства АКИpress с 2002 года.

Известно, что косвенный тип обличения предполагает от автора текста создания целой галереи масок, вымышленных персонажей, за которыми легко угадываются реальные личности и события.

На главной странице проекта предупредительно указано: «*В сказках рассказывается о выдуманных персонажах, живущих в «славной стране Бешбармакии», но некоторые читатели усматривают аналогии с реальными действующими лицами и событиями…*

Все персонажи и имена вымышлены. Любые совпадения случайны».

Особая «сказочная» форма подачи сатирических материалов дает автору (или авторам) большую свободу в изображении политических событий и критике социальных проблем общества. Объектом критики становятся известные в стране политики и конкретные значимые политические события. За выдуманными фамилиями, именами сказочных персонажей легко угады-

ваются реальные прототипы. Автор(ы) памфлетов широко используют иронию, иносказание, гиперболу, гротеск для усиления эффекта воздействия на читателей. Безусловно, журналист, пишущий сатирические памфлеты, должен обладать не только ироничным умом, острым языком, но и должен безупречно разбираться в достаточно сложных политических («дворцовых») интригах. Приведем пример.

Скандально известная аудиозапись, появившаяся в марте 2016 года в Интернете, на которой лидеры Национального оппозиционного движения (бывшие депутаты, государственные служащие) обсуждают организацию массовых беспорядков в областях республики, а чуть позже и план захвата власти в столице, имел свое отражение на странице «Сказок Небесной Бешбармакии»[1]

«*Группа пожилых товарисчей сгрудилась и что-то тихо обсуждала во дворе. Приблизившись можно было услышать, как они свистящим шепотом нестройно поют: «Вихри автомаша веют над нами, темные силы нас злобно гнетут...».*

Кто-то закашлялся – возраст все-таки – и революционная песня оборвалась... Помолчали.

-Надо бы всех перестрелять. – сказал один из них, потирая артрозную коленку – Сначала в коленку будем стрелять! Я лично буду!

-Твари они! – выкрикнул местный чудачок, которого взяли в группу из-за физической накаченности и громкого противного голоса.

-Каждого в топку паровоза, всех сжечь! – прокряхтел 80-летний огнепоклонник.

- Да, да,да! – дружно то ли закивали, то ли поздоровались с Альцгеймером остальные участники революционного кружка.

«А какое у нас кредо?» – вспомнив классиков, решил идеологически подковать группу деревянный дедушка с газетой.

- ВЫХУХОЛЬ и НАХУХОЛЬ! – крикнул местный чудачок. Он тоже был из бывших, как и все участники ревкружка, но когда у него отобрали карьер немножко удивился. Да так и остался удивленным.

Все задумались. Хотелось бури, разгула, крови... Не хотелось безвестности, старости и импотенции. Хотя все это все равно уже было. В иных мирах к этому возрасту появляется ещё и мудрость. Но в этот кружок ее не пустили.

Амбициозные пенсионеры – это вам не мудрость и смирение, это грозная стихия, это неуправляемый остаточный тестотерон, сильно разведенный в эстрогене. Такова уж возрастная биология. Не зря народная мудрость говорит, что сначала мужчина и женщина друг другу муж и жена, потом брат и сестра, а в конце сестра и сестра.

[1] У-у-у, биология, а-а-а, революция. -17 мая 2016. http://skazki.akipress.org/page:1

Для большинства членов кружка этот возраст уже наступил. Но хотелось напомнить о себе. Тем более, заграница обещала помочь. Для начала двумястами баксиков. Звонили давеча зарубежные предводители кружка, они же бывшие работодатели. Обещали, что как только вернут утраченный рай, то восстановят в должностях и даже восстановят молодость по фрагментам тела за казенный счет.

Для начала главное – низвергнуть строй и обрушить хаос.

Вспомнив о миссии все заволновались, стали кричать, у кого-то схватило сердце, кого-то затрясло в припадке пассионарности.

Откуда-то появились санитары в форме тайных стражников, революционеров повязали и завели в здание. Чудаковатый товарищ кричал своим громким противным голосом: «Мировая общественность за нас! Массы возмутятся! Народ нас обожает! Вы пожалеете! Помощь уже идет!»

Помощь к революционерам подоспела утром. К зданию пришли несколько бабушек с узелками провизии и махоркой. Пока ждали, когда откроется окошко для передач, обсуждали между собой, как тяжело стареют мужчины и когда же они, наконец, утихомирятся. К обладателю противного голоса никто не пришел. Жены у него не было».

Использование форм и средств комического позволяют авторам снизить эмоциональный накал и немного смягчить оценку события.

Проект «Сказки Небесной Бешбармакии» просуществовал до 30 мая 2016 года и имел неоднозначную оценку читателей: от гневных, почти истеричных выпадов до обожания и признательности.

«RenataZ 11:41, 13 мая 2016

а по-моему, очень даже круто. Мы все знаем и видим, что все эти сказки про наших любимых политиков, представителей правоохранительных органов и других лиц, которые погрязли в коррупцию и тянут за собой всех, на кого силенок хватает. Это сказки про их умышленные и неумышленные деяния, которые имеют не совсем хороший результат для народа. А так как все вышеперечисленные лица выполняют свои обязанности в интересах государства и народа, но в конечном итоге получается, что полностью для своих личных корыстных целей, то они заслуживают унижения и негативных комментариев. Заметьте, все сказки унижают именно этих лиц, а не бешбармакцев».

«erkin999 08:25, 24 февраля 2016

рубрика "Бешбармакия" самое унизительное, срочно нужно закрыть! хватит унижать кыргызов!»

«Эркин 10:06, 11 февраля 2016

Умение смеяться над собой – лучшее качество характера человека и народа! Давайте без понтов, господа, и люди к нам потянутся. Спасибо Вам, сказочник!».

«Nora777 02:07, 19 апреля 2015

Вашу рубрику, как вы называете "Бешбармакия" нахожу намерено унижающим и оскорбительным для моей национальности и страны. И авторы статей это ясно понимают. (заметьте имена авторов не пишут) "АВТОРА" так и хочется крикнуть и пульнуть моченными яблоками. А может по закону призвать к ответу!?

Вы же любите всех и вся учить закону. Ну тогда по закону ... Что там говорится в законе ...за оскорбление, разжигание, унижение, избиение, хождение и сидение в не положенном месте .. и многое незя..

ну если вы "авторы" Акипресса воображаете себя правдолюбцами и борцами за справедливость то покажите свои ... нет нет не лица, (пока писала комментарий уже посмотреть в глаза не хочется. А вдруг это болезнь?! И она заразная только от взгляда) Будьте настоящими мыслителями, образованными и мужественными. Хотя кому это пишу. Думаю, что просто почитают, посмеются или что н(ибудь) другое. И опять спрячут лицо за Акипресс и Бешбармакию и ее жителей, то есть меня и мне подобных».

Можно предположить, что сарказм и ирония «Сказок..» подготовили другой, еще более беспощадный, пример сатирической публицистики, другую модификацию памфлета.

Особенностью открытых памфлетов является то, что герои (так же зачастую это известные политики) и политические события не вымышлены, не скрываются под псевдонимами или выдуманными персонажами. В таких памфлетах также обязательно указание автора публикации.

Известный поэт Возрождения, великий Данте, а за ним и не менее известный флорентиец Петрарка стояли у истоков такого публицистического жанра, как жанр открытых писем. Такая форма общения и обращения к государственным мужам выполняла особую информационную роль, помогая авторам раскрыть важные социальные, политические проблемы общества. Автором публичных писем мог быть как один автор, так и группа единомышленников.

Ярким примером своеобразного рупора в освещении происходящих социальных перемен, активным средством формирования общественного мнения и распространения общественно-политических идей и позиций становится в 2000-х годах международный еженедельник «Московский Комсомолец – Кыргызстан». Газета не только начинает чутко и оперативно реагировать на происходящие перемены в стране, но главным образом начинает привлекать внимание чиновников разного ранга и уровня, политиков, общественность на перекосы проводимой политики нового президента.

С середины 2006 года на страницах газеты «МК-Кыргызстан» появляется сначала рубрика «Политбюро», где анализируются политические события недели известным журналистом Е.Агеевой. Уже в октябре 2006 года

на второй странице газеты будет опубликовано первое письмо – обращение[2] к президенту страны Бакиеву К.С., которое станет достоянием широкой общественности и сразу привлечет к себе пристальное внимание читателей.

Социальный и политический ракурс проблем, политическая острота, эмоциональность, злободневность анализируемых вопросов, - все это позволило приковать внимание читателей, которые, затаив дыхание, будут ждать следующего номера газеты со следующим памфлетом. Не менее важным явилось то, что объектом иронии памфлетиста стало первое лицо государства.

Открытое обличение социального явления, а также неприкрытое ироническое отношение к самому политику, сатирическое отношение к политическим событиям и саркастические рассуждения позволили журналисту не только расширить круг читателей, но и вызвать широкое обсуждение, сформировать определенные эмоции и критическое отношение к объекту анализа.

В качестве примера приведем отрывок из третьего письма.[3]

«*…Сдается мне, что вы, Курманбек Салиевич, как тот рыцарь, правду видите, но показывать ее народу не желаете. Ложь приятнее и свежее выглядит. И произносить ее куда легче. Но и здесь вы как-то странно себя ведете. Не понимаете, о чем я? А я поясню. Вот, скажем, в конце октября пошли вы «в люди»; проехались по нескольким областям республики, встречались с их жителями. И жители эти, по вашим словам, интересовались, а почему вы, дескать, не распустите парламент, вечно вставляющий палки вам в колеса? И вы ответствовали, что ради сохранения стабильности в стране готовы пойти на роспуск Жогорку Кенеша. Это, напомню, было сказано 25 октября. А спустя всего-то два дня на форуме «Национальный диалог», отвечая на вопросы журналистов относительно того же самого парламента, вы заявили следующее: «В парламенте Кыргызстана много конструктивных сил, умных и мудрых политиков. Почему я должен его распускать?» Хотите, Курманбек Салиевич, я вам опишу, как это смотрится со стороны? В Джалал-Абаде и Баткене вы хотели понравиться местному населению: смотрите, люди, бьют меня, а я крепчаю, и никто и ничто не может вышибить меня из седла – всех победю! А на форуме вы хотели понравиться журналистам: бьют вас, а вы как мудрый политик приемлете хулу и клевету равнодушно – ничего с этими крикунами не поделаешь, приходится терпеть. И такое ваше поведение смахивает на желание заработать «и у ваших, и у наших» дешевый авторитет. Дешевле некуда.*

Или вот вам пример с набившей оскомину конституционной реформой. Вы, уважаемый президент, не раз заявляли, что обеими руками «за»

[2] Агеева Е. Дырка от бублика // МК-Кыргызстан, №36(275). – С.2.
[3] Агеева Е. Господин соврамши // МК-Кыргызстан, №38 (277). – С.2.

ее проведение. Но в том, что ваше желание до сих пор не воплотилось в жизнь, опять обвинили слуг народных.

- В парламенте уже месяц лежат три варианта Конституции, которые депутаты до сих пор не рассмотрели. Вместо того, чтобы обсудить их и дать свои заключения, некоторые депутаты занимаются необоснованной критикой правительства, – пожаловались вы.

Мы не будем опять упирать на то, что именно вы обещали провести конституционную реформу до октября 2005 года, а на носу уже 2007. Отметим лишь, что вы как глава государства должны были вынести на обсуждение парламента СВОЙ проект конституции. Вы этого до сих пор не сделали. И разве парламент в этом виноват? А отговорки, что вы просто не хотели повторять акаевских ошибок, звучат как издевка, потому что именно эти ошибки вы и совершаете: ограничивать президентские полномочия (такая крамольная мысль закрадывается в голову) вам ой как не хочется, и все бы вы оставили как есть, да «пять-шесть выскочек» - депутатов не дают вам этого сделать».

Следует отметить, что наличие политической аргументации, обличительная критика, средства комического (сарказм, ирония) станут самыми важными признаками жанра.

В основе всех опубликованных памфлетов к президенту лежит открытая гражданская позиция журналиста, и возможно позиция всего издания, так как памфлет является средством, прежде всего, политической борьбы.

Подводя итоги анализа функционирования сатирических жанров публицистики Кыргызстана, можно утверждать, что испепеляющий смех и ирония всегда будут своеобразной лакмусовой бумажкой, которая может указывать на наличие или отсутствие свободы слова в обществе.

Напомним, что осенью этого года пройдут очередные президентские выборы, которые продемонстрируют не только зрелость и уровень современной политики, но и качество информационного сопровождения предстоящих политических дискуссий. Представители разных политических взглядов, находящиеся в явной оппозиции попытаются создать свои площадки для обсуждения политических программ. Вполне вероятно, что политическая публицистика (и в том числе сатирические жанры публицистики) будут снова востребованы и актуальны.

Литература

1. Веремеенко Ю.Н. Современная политическая публицистика: Предметно-функциональные и гносеологические характеристики: дис. ... канд. полит. наук: 10.01.10. – Тверь, 2003. – 189 с.

2. Рощектаева Т.Г. Жанрово-стилистические особенности современного путевого очерка: на материале русской публицистики 90-х годов XX века: дис. … канд. филол. наук:10.01.10. – Москва, МГУ, 2007. – 175 с.

3. Агеева Е. Дырка от бублика // МК-Кыргызстан, №36(275). – С.2.

4. Агеева Е. Господин соврамши // МК-Кыргызстан, №38 (277). – С.2.

5. http://skazki.akipress.org/

ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

УДК 81:371.3:03

Т.И. Буряченко
Бишкек, Кыргызстан

РОЛЬ ЯЗЫКА И МЕНТАЛЬНОСТИ В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК НЕРОДНОМУ

Аннотация. *В статье рассматривается взаимосвязь и взаимообусловленность языка и ментальности. В работе раскрыты особенности языка и ментальности при обучении русскому языку как неродному.*

Ключевые слова: *мышление, язык, ментальность, двуязычие, национальность, мыслительный процесс.*

Сведения об авторах*: Буряченко Татьяна Ивановна, доцент межфакультетской кафедры русского языка.*

Место работы: КНУ им. Ж. Баласагына.

Контактная информация: *т. 0550 66 55 20*

e-mail: gkarabanov53@gmail.com

T.I. Buryachenko
Bishkek, Kyrgyzstan

THE ROLE OF LANGUAGE AND CULTURE IN TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Abstract*. The article discusses the relationship and interdependence of language and mentality. The work reveals the features of language and mentality in the study of Russian as a foreign language.*

Key words: *thinking, language, mentality, bilingualism, ethnicity, thought process.*

About the authors*: Buryachenko, Tatyana I., associate Professor of the interfaculty Department of the Russian language.*

Affiliation: KNU them. J. Balasagyn.

Язык есть достояние любого народа. В языке воплощается дух народа. Понятие «народного духа» было введено немецким лингвистом, философом Вильгельмом фон Гумбольдтом. В. фон Гумбольдт понимал под духом народа величину, которая определяет народную уникальность и неповторимость. Народный дух – это угол зрения народа на мир, способ видения, восприятия народом окружающего мира, способ его понимания [1]. На основе понятия народного духа совсем недавно возникло понятие менталитета народа. В. фон Гумбольдт считал народный дух абсолютной, не зависящей ни от чего величиной. Народный дух не определяется ничем и не зависит ни от чего. Он просто существует. Современное понятие «менталитета» – это способ восприятия народом окружающего мира, определяющийся условиями жизни народа.

Менталитет народа, особенность восприятия им окружающего мира находит воплощение в материальной культуре и в языке этого народа, который является частью его духовной культуры.

Язык и человек неразделимы. «Язык не существует вне человека, и человек не существует вне языка. Соответственно, человека нельзя изучать вне языка, и язык нельзя изучать вне человека. Язык отражает для человека окружающий его мир, язык также отражает культуру, созданную человеком, хранит ее и передает от родителей к детям. Язык – орудие познания, с помощью которого человек познает мир и культуру. Наконец, язык — это

орудие культуры: он формирует человека, определяет его поведение, образ жизни, мировоззрение, менталитет, национальный характер, идеологию. Язык – строгий и неподкупный учитель, он навязывает заложенные в нем идеи, представления, модели культурного восприятия и поведения» [2, с.21].

В каком-то смысле человек раб своего родного языка: он с младенчества попадает под влияние и власть языка родителей и вместе с языком усваивает хранящуюся в нем культуру того речевого коллектива, членом которого он совершенно случайно, не имея никакого выбора, оказался.

О соотношении национальной культуры и личности написано много представителями разных наук: психологами, культурологами, социологами. В книге Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова «Язык и культура», давно ставшей классикой для преподавателей русского языка как неродного, об этом говорится так: «Человек не рождается ни русским, ни немцем, ни японцем и т. д., а становится им в результате пребывания в соответствующей национальной общности людей. Воспитание ребенка проходит через воздействие национальной культуры, носителями которой являются окружающие люди» [3, с.53].

Однако нельзя забывать о той огромной роли, которую в воспитании, формировании личности играет язык, неразрывно связанный с культурой. Известный афоризм советского психолога Б. Г. Ананьева, приводимый Е. М. Верещагиным и В. Г. Костомаровым: «личность – это продукт культуры», необходимо уточнить: личность – это продукт языка и культуры.

Человек родился и с первой минуты слышит звуки своего будущего родного языка. Язык знакомит его с окружающим миром, навязывая ему то видение, ту картину, которую «нарисовали» до него и без него. Одновременно через язык человек получает представление о мире и обществе, членом которого он стал, о его культуре, то есть о правилах общежития, о системе ценностей, морали, поведении и т. п.

Язык отражает мир и культуру и формирует носителей языка.

Итак, язык формирует своего носителя. Каждый национальный язык не только отражает, но и формирует национальный характер. Иначе говоря, если язык формирует представителя народа — носителя языка, причем формирует его как личность, то он должен играть такую же конструктивную роль и в формировании национального характера.

Довольно распространенным является мнение о национальном характере, согласно которому это не совокупность специфических, своеобразных, присущих только данному народу черт, но своеобразный набор универсальных общечеловеческих черт.

Первое, что приходит на ум, когда речь заходит о национальном характере того или иного народа, это действительно набор стереотипов, ассоциирующихся с данным народом. Стереотип определяется как «схематический, стандартизированный образ или представление о социальном явлении

или объекте, обычно эмоционально окрашенные и обладающие устойчивостью. Выражает привычное отношение человека к какому-либо явлению, сложившееся под влиянием социальных условий и предшествующего опыта» [4, с.109].

Итак, уже на уровне грамматики язык свидетельствует о повышенной эмоциональности, сентиментальности, сердечности русской души, русского национального характера. Уменьшительно-ласкательные суффиксы русского языка не только отражают повышенную способность русскоязычного человека к выражению любви и доброты, его эмоциональность и чувствительность, но и, несомненно, способствуют формированию этих качеств. Наличие выбора между «ты» и «вы» также дает больше возможностей для передачи оттенков чувств и, следовательно, формирует более высокую эмоциональность. Восклицательный знак и грамматическая категория рода тоже определяют более эмоциональное отношение и к людям, и к окружающему миру.

Таким образом, в формировании личности носителя языка участвуют все средства языка, в том числе грамматические.

Грамматические категории обычно формируются в любом языке как результат длительного обобщения конкретного лексического материала. Многократное повторение определенных отношений создает в голове человека так называемую категорию опыта. По существу это понятийная категория, которая может найти выражение в языке.

Национальные категории создают прочную основу для морфологических категорий языка. Они являются единицами формирования системы и соответствуют базовым признакам любого языка. Очевидно, что категория рода является одной из самых важных категорий в русском языке. Данная категория делит все названия, предметы на 3 группы в соответствии с внешними признаками формы, например, окончаниями. Для носителей русского языка не трудно определять родовую характеристику существительных, в то время как для студентов, окончивших кыргызскую школу, заучивание правил отнесения существительных к тому или иному роду является нелегкой задачей. Это вполне естественно, поскольку различие по родам (женский, мужской и средний) присутствует в языковом сознании русских людей, тогда как студенту, изучающему русский язык как неродной, требуются немалые усилия, чтобы усвоить эту категорию, понять и укоренить ее в своем языковом сознании, а потом применять в речи. Данное свойство является характеристикой всех морфологических категорий независимо от типа языка: они составляют опору языкового сознания.

Сложность русской морфологии, изменяемость слова или иными словами грамматическая оформленность слов окончаниями для студента, окончившего кыргызскую школу совершенно не понятна. Окончания выражают падеж и число имен существительных, согласование прилагательных, причастий и порядковых числительных в словосочетаниях, лицо и число

глаголов настоящего и будущего времени, род и число глаголов прошедшего времени. Русскоязычные студенты этого, конечно, не замечают, т. к. для них естественно и просто говорить то *родина*, то *родины*, то *родине* – в зависимости от роли слова в предложении, от связи его с другими словами, но для носителей языков другой системы – это непривычно и трудно. Или, скажем, любой русский глагол - тоже трудно поддается изучению: Спать: заспать, поспать, проспать, переспать, доспать или молчать: помолчать, замолчать, промолчать, умолчать, смолчать, перемолчать и т. д.). А если в это многообразие глагольных образований привлечем суффиксальные и постфиксальные средства языка: разоспаться, проспаться, просыпаться, выспаться, высыпаться; замалчивать, помалкивать и т. д.».

Студенты теряются, путают приставки и значения слов, и в конечном итоге замолкают в надежде отсидеться на занятии незамеченными, чем опростоволоситься в незнании или неправильном употреблении того или иного глагола. Вот разве есть еще языки, на которых можно составить связной рассказ или сочинение только лишь из одних глаголов? А в русском языке это возможно! Вот пример упражнения, которое вызывает восторг у студентов, изучающих русский язык как неродной:

Очнулась. Взглянула. Обомлела – проспала! Вскочила, стала будить. Буркнул, отвернулся. Растолкала, подняла. Кинулась разогревать, накрывать, накручиваться... Позвала. Молчит. Заглянула — накрылся, храпит. Пощекотала. Лягнул. Рявкнула! Замычал, поднялся, поплёлся... Опоздаю!! Выскочила, помчалась. Отходит! Догнала, уцепилась, повисла. Доехала. Спрыгнула. Звенит! Побежала, ворвалась, отпихнула, проскочила. Отлегло! Поднялась. Уселась. Вскочила, позвонила, напомнила погасить, выключить, причесать, застегнуть, обуть... Бросил. Разложилась, начала работать. Шепчутся... Прислушалась — завезли, расфасовывают, будут давать! Отпросилась, вернулась, продолжила трудиться. Спохватилась, выбежала. Влетела: занимала — отошла! Не пускают. Пристыдила, объяснила, добилась – обхамили. Стоять – не пообедаешь. Встала. Движется! Приободрилась. Подошла. Кричат: не выбивать! Кончилось!! Рыдать хочется. Возмутилась. Обозвали. Поплелась. Поднажала. Помчалась. Прибежала. Плюхнулась, отдышалась. Позвонила. Говорит, задержится. Зашиваются, авралят – врёт! Выскочила. Забежала, обула, одела, потащила. Ласкается, обнимает, подлизывается... Выясняется: полез, опрокинул, разбил! Шлёпнула. Орёт, обзывается. Говорить не умеет – выражаться научился! Придётся отучать. Пришли. Раздела, умыла, вскипятила, отшлёпала, остудила, накормила, прополоскала, отняла, выключила, наказала, почистила, рассказала, протёрла, переодела, подмела, спела, уложила... Присела. Забеспокоилась. Позвонила. Узнала – ушёл, не задерживался! Обнаглел!! Распоясался! Разведусь! Сдёрнула, швырнула, легла. Вскочила. Начала обзванивать. Не был... не заходил... не появлялся... не приводили... не привозили. Сломал? Попал?! Спутался?! Разбился?! Явился... Ухмыляется!

Размахнулась... Не успела – упал. Подтащила, стянула, взвалила. Ушла, уткнулась, разрыдалась. Заплакал... Подбежала, пощупала, подняла, переодела, укутала, подоткнула, застирала, повесила. Легла. Вскочила, накрутилась. Постояла. Поглядела. Вздохнула. Укрыла. Завела. Выключила. Отключилась.

Наши студенты на ура воспринимают этот занимательный рассказ и с удовольствием анализируют, и "переводят" в текст, понятный каждому по построению, и со всеми членами предложения.

Также на занятиях студенты с интересом изучают русские оксюморо-ны, такие как: «звонкая тишина», «горькая радость», «сладкая боль», «прозрачная пыль», «мягкая твердь», «руки не доходят», «ужасно красивая», «безмолвный крик», «красноречивое молчание», «старый новый год», «живой труп» не каждый студент может перевести эти оксюмороны на родной язык и уж тем более, не каждый может найти аналоги в родном языке...

Русский язык вообще очень богат и выразителен, в нем много слов с переносным значением, метафор и аллегорий. В русском языке распространены сложные предложения, с множеством деепричастных и причастных оборотов, однородных членов предложения. Отсюда – сложная пунктуация, которую не всегда могут «одолеть» и носители языка. И в самом построении предложений в русском языке намного больше свободы, чем в кыргызском языке. Например: «Студенты приступили к занятиям», «Приступили к занятиям студенты» или « К занятиям приступили студенты». Более того, в русском языке предложение может быть без сказуемого или без подлежащего. Например, известное стихотворение Афанасия Фета:

Шепот, робкое дыханье,
Трели соловья,
Серебро и колыханье
Сонного ручья,

Свет ночной, ночные тени,
Тени без конца
Ряд волшебных изменений
Милого лица,
В дымных тучках пурпур розы,
Отблеск янтаря,
И лобзания, и слезы,
И заря, заря!..

Язык, как средство выражения мыслей, и мышление, как процесс производства мыслей, теснейшим образом взаимосвязаны и взаимообусловлены. Взаимозависимость языка и мышления проявляется, упрощенно говоря, в том, что мысли отливаются в формы, удобные для их выражения средствами языка, а язык устроен таким образом, чтобы наиболее адекватно

отражать сформировавшиеся мысли. Признавая очевидную взаимосвязь языка и мышления, мы с необходимостью должны признать наличие связи между определенными типами языка и определенными типами мышления, еще конкретнее – взаимосвязь тех или иных особенностей конкретного языка и менталитета его основных (исходных) носителей. «Язык способствует воспроизводству менталитета в каждом новом поколении людей, исподволь навязывая такой способ мышления, который согласуется со структурой языка, а значит и со структурой менталитета. В то же время воспроизводимые при посредстве языка этнические стереотипы мышления способствуют закреплению в языке особенностей, согласующихся с этими стереотипами» [5, с.656].

Однако язык и менталитет, будучи двумя сторонами одной «медали» – единого процесса производства и выражения мыслей, совершенно неравнозначны с точки зрения их доступности для научного анализа, которому конкретный язык (система объективная и определенная) поддается несравненно лучше, чем менталитет (вещь субъективная и трудно определимая). Поэтому имеется заманчивая возможность по особенностям языка реконструировать хотя бы некоторые особенности менталитета.

Подводя итог сказанному, следует сделать вывод. Будучи средством общения людей, язык тесно связан с жизнью общества. Изменения в общественной жизни находят отражение в языке. Наиболее чуток в этом отношении словарный состав языка. Уход из жизни тех или иных понятий, предметов и, наоборот, появление новых вызывает изменение в словарном составе языка. Язык как зеркало культуры отражает все наиболее важные и устойчивые изменения в образе жизни и менталитете народа.

В заключении выразим мнение, явившееся результатом работы над статьей: язык позволяет нам не только общаться. Он, как архитектор, строит нас, словно прекрасное произведение архитектурного искусства, строит наше отношение к разным вещам, наше понимание вещей и всю нашу жизнь. Пусть мы иногда хотим смешать несколько языков, создать своё творение, но мы верим, что наш язык всё равно будет только нашим. Когда мы подвергаем язык изменению, мы не осознаем, какую ошибку делаем. Но одну ошибку мы не сделаем никогда – не уничтожим наш язык, поскольку это будет невосполнимая потеря. По этому вопросу приведем отрывок из статьи Николая Санджиева: «Гибель каждого языка – это гибель целого мира, неповторимого, оригинального, безмерно глубокого и безмерно важного для понимания, как самого человека, так и вселенной вокруг него. Можно сказать, что язык – это ДНК, созданная его носителями культуры. На основе языка, как на основе генов ДНК, можно (хотя мы этого пока не умеем) воссоздать культуру народа как целое» [6, с.60].

Литература

1. Статьи о Ф.И. Буслаеве и М.Н. Задорнове. Интернет-энциклопедия “Википедия”. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ru.wikipedia.org

2. Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур. – М.: Слово, 2008. – С. 20-23.
3. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. – М.: Слово, 2011. – С. 53.
4. Очирова О. Б. Системно о толерантности. Взгляд через призму культуры и цивилизации // Методическое пособие по проведению семинаров и игротренингов, направленных на формирование толерантного сознания / под ред. А. С. Кравцовой, Н. В. Емельяновой. – СПб., 2012. – С. 109–127.
5. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса; пер. с фр. – М.: Прогресс, 1988. – С. 656.
6. Санджиев Н. Общество. Язык – зеркало народа. – СПб., 2015. – С. 60.

References

1. Articles on F. I. Buslaev and M. N. Zadornov. The Internet encyclopedia “Wikipedia”. [Electronic resource]. Mode of access: http://ru.wikipedia.org
2. Ter-Minasova S.G. War and peace of languages and cultures. – M.: Word, 2008. – P. 20-23.
3. Vereshchagin E. M., Kostomarov V. G. Language and culture. – M.: Word, 2011. – P. 53.
4. Ochirov O. B. Systematically about tolerance. Look through the prism of culture and civilization // textbook for the seminars and agrotrading aimed at forming a tolerant consciousness; ed. by A. S. Kravtsova, N. V. Emelianova. – SPb., 2012. – C. 109-127.
5. The Teniers L. basis of structural syntax / per. with FR. – M.: Progress, 1988. – 656 p.
6. Sanjeev N. Society. Language is the mirror of the people. – SPb., 2015. – C. 60.

УДК 802.0:378.1.147

Э. Ф. Герфанова
Кокшетау, Республика Казахстан

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Аннотация. *С увеличением международных контактов, усилением сотрудничества между государствами в различных сферах общественной жизни происходит сближение народов, их межкультурное взаимодействие. Современному обществу необходимы специалисты, способные полноценно участвовать в межкультурных контактах и представлять свою страну и свою культуру на достойном уровне. Эта задача может быть достигнута на основе принципа диалога культур. Обучение иностранному языку должно заключаться не только в изучении лингвистического материала. Оно должно быть направлено на развитие навыков использования иностранного языка как способа постижения мира, приобщения к культуре различных народов, осознания принадлежности не только к своей стране, но и к общепланетарному культурному сообществу. Лингвокультурологический подход в обучении иностранному языку позволяет изучать язык во взаимосвязи с культурой, способствует формированию у обучающихся исследовательских стратегий, направленных на усвое-*

E.F. Gerfanova
Kokshetau, Kazakhstan

LINGUOCULTURAL ASPECT IN TEACHING A FOREIGN LANGUAGE

Abstract. *The increase of international contacts and cooperation between countries in various spheres of social life brings about the convergence of people, their intercultural communication. In contemporary society there is a great need of specialists whose skills to participate in intercultural contacts will be well-developed. The preparation of such specialists can be achieved on the basis of the principle of dialogue of cultures. Teaching a foreign language should not be restricted to teaching a particular language material. It should also be aimed at developing students’ skills to use a foreign language as a means of understanding the world, as a means of familiarizing with the culture of different peoples and identifying themselves not only with their native country but with the global cultural community on the whole. The use of linguocultural approach to teaching a foreign language allows to learn a language in conjunction with culture, contributes to the formation of students’ research strategies aimed at*

ние и расширение знаний в области родной и иностранной культуры, а также стратегий, обеспечивающих развитие навыков адекватного поведения в различных ситуациях межкультурных контактов.

Ключевые слова: *лингвокультурология, обучение иностранному языку, диалог культур.*

the assimilation and expansion of knowledge in the field of native and foreign culture, as well as strategies for the development of skills of adequate behavior in different situations of intercultural communication.

Key words: *linguoculture, teaching a foreign language, dialogue of cultures.*

Сведения об авторе: *Герфанова Эльмира Фиратовна, магистр, PhD докторант Кокшетауского госуниверситета им. Ш. Уалиханова (Республика Казахстан).*

Место работы: Кокшетауский госуниверситет им.Ш.Уалиханова.

About the author*: Gerfanova Elmira Firatovna, Master, PhD student at Sh.Ualikhanov Kokshetau State University (the Republic of Kazakhstan).*

Place of employment: Sh.Ualikhanov Kokshetau State University.

Контактная информация: *e-mail: usel2004@mail.ru.*

В настоящее время лингвокультурологический подход в обучении иностранному языку приобретает все большую актуальность. Это объясняется увеличением международных контактов, усилением сотрудничества между государствами в различных сферах общественной жизни, социально-экономическими и политическими процессами. Вследствие названных причин возрастает необходимость в подготовке специалистов, способных осуществлять успешное, полноценное общение на иностранных языках. Полноценное общение на иностранном языке предполагает знание, как лингвистического, так и экстралингвистического материала, к которому относятся специфические понятия, свойственные культуре определенной общности. Изучать иностранный язык – значит быть способным познавать новый мир, стать открытым другой ментальности [1, с.62].

Каждый народ имеет свою культуру, которая находит отражение в языке. В рассмотрении проблемы связи языка и культуры в современной лингвистической науке наметились три подхода. Суть первого подхода заключается в том, что язык является простым отражением культуры: изменения в национально-культурной картине мира влекут за собой изменения в языке. Гипотеза об обратном воздействии языка на культуру лежит в основе второго подхода. Сторонники этого подхода убеждены, что люди поразному воспринимают мир, сквозь призму родного языка. Исходя из третьего подхода, язык является неотъемлемой частью культуры и основным инструментом её познания и усвоения. В рамках третьего подхода оформилось лингвокультурологическое направление.

Наиболее полно основные положения лингвокультурологии изложены в работе В.В. Воробьева «Лингвокультурология: теория и методы». Исследователь дает следующее определение: «Лингвокультурология – это комплексная научная дисциплина, изучающая взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в его функционировании и отражающая этот про-

цесс как целостную структуру единиц в единстве их языкового и неязыкового (культурного) содержания при помощи системных методов и с ориентацией на современные приоритеты и культурные установления (система норм и общечеловеческих ценностей)» [2, с.36].

Лингвокультура, согласно Т.Н. Снитко, «...особый тип взаимосвязи языка и культуры, проявляющийся как в сфере языка, так и в сфере культуры, и подлежащий выявлению в сопоставлении с другим типом взаимосвязи языка и культуры, то есть в сравнении с другой лингвокультурой» [3, с.14].

Объектами исследования лингвокультурологической науки являются язык, культура и языковая личность, а предметом – языковые единицы, заключающие в себе культурные ценности, свойственные той или иной культуре. Основными единицами лингвокультурологии является лингвокультуремы, представляющие слова, словосочетания, тексты, которые несут в себе культурную ценность для того или иного сообщества.

Одной из важных задач современного образования является формирование поликультурной личности. Как следствие, реализация лингвокультурологического подхода в обучении иностранному языку отличается особой актуальностью, поскольку изучение языков в единстве с культурным содержанием позволяет осуществлять подготовку специалистов, способных функционировать в многонациональной поликультурной среде.

Н.В. Сасина отмечает, что лингвокультурологический подход в обучении заключается в построении процесса овладения иностранным языком с учетом взаимосвязи и взаимодействия культуры и языка в процессе их функционирования и изучение этого взаимодействия в единой системной целостности [4, с.65]. Ольшанский И.Г., Гусева А.Е. также считают, что в преподавании иностранных языков обучение языку должно идти в тесной связи с культурой соответствующего языкового сообщества, что позволит обучающимся в дальнейшем быть полноценными и успешными участниками процесса межкультурной коммуникации [5]. Это особенно важно сейчас, когда наблюдаются интенсивные процессы смешения народов, культур, языков. Становится необходимым воспитывать в подрастающем поколении уважение к чужим культурам, преодоление неприятия других культур.

Однако зачастую знакомство с культурой иностранного языка происходит на занятиях ИЯ без ее сопоставления с явлениями родной культуры. Вследствие такого подхода обучающийся, как правило, демонстрирует хорошие знания о культуре страны изучаемого языка, не обладая при этом достаточными знаниями о культуре своей страны. Решением данной проблемы является лингвокультурологический подход. основанный на принципе диалога культур, который направлен на то, чтобы учащиеся знакомились с фактами культуры страны изучаемого языка через их сравнение с фактами родной культуры.

Принцип диалога культур является основополагающим в теории иноязычного образования. Диалог культур – это взаимоотношения между со-

временными сообществами. Е.И. Пассов отмечает, что он основан на взаимопонимании в контексте межкультурного общения. Исследователь выделяет следующие аспекты, которые в своем единстве способны привести к взаимопониманию культур:

- социологический аспект, который подразумевает осознание зависимости одной культуры от другой;
- социокультурный аспект, при котором каждая сторона общения приобретает социокультурный статус субъекта;
- аксиологический аспект, который заключается в осознании и понимании ценностей других культур;
- психологический аспект, обеспечивающий взаимопонимание, результатом которого является сотрудничество [6, с. 32].

По мнению П.В. Сысоева, обучение в контексте диалога культур будет успешным, если в результате сравнения и сопоставления культур стран родного и иностранного языков обучающиеся научатся:

–видеть как различия, так и сходства в соизучаемых культурах;

–воспринимать различия как норму сосуществования культур в современном мире;

–формировать активную жизненную позицию, направленную против культурного неравенства и культурной дискриминации [7, с. 107].

Использование лингвокультурологического подхода, основанного на принципе диалога культур, направлено на развитие у обучающихся умений успешно осуществлять межкультурное взаимодействие в современном мире. Согласно М.К. Денисову, в результате такого подхода обучающиеся должны научиться:

- различать страноведческую информацию в материалах и текстах учебников, комментировать ее и дополнять;
- семантизировать безэквивалентную лексику в культурном контексте; выбирать культуроведческую информацию и культуроведческий материал в соответствии с особенностями конкретной группы;
- объяснять различия в выражении речевых интенций; раскрывать взаимосвязи соизучаемых культур;
- проявлять интерес к феноменам иной культуры, иного образа жизни и иной ментальности;
- сравнивать феномены родной и иноязычной культуры; понимать культурную обусловленность мыслительных и поведенческих стереотипов и преодолевать предрассудки;
- развивать эффективные ориентировочные, поведенческие и деятельностные стратегии в ситуациях межкультурного общения [8].

Наравне с принципом диалога культур важное значение при реализации лингвокультурологического подхода в обучении иностранному языку имеет принцип культуросообразности. Данный принцип определяет отбор лингвокультурологического материала при разработке культуроведческого

содержания учебного материала. При отборе лингвокультурологического материала нужно учитывать следующие аспекты:

- определение ценностной значимости отбираемых материалов. Материалы должны формировать у обучающихся реальные представления о культуре страны изучаемого языка;
- определение, в какой степени данный лингвокультурологический материал может служить стимулом для ознакомления обучающихся с такими ключевыми понятиями, как «культурное наследие», «культурное сообщество», «культурное многообразие», «культура мира», «поликультурная личность», «диалог культур» и т.п.;
- целесообразность использования конкретного отобранного лингвокультурологического материала в конкретной группе студентов с учетом их возрастных и интеллектуальных возможностей;
- отбор такого лингвокультурологического материала, на основе которого студенты могли бы ознакомиться со способами защиты от культурной агрессии [9].

При изучении иностранного языка происходит развитие вторичного когнитивного сознания, которое служит основой для дальнейшего развития личности до уровня владения языком, соотносимым с уровнем владения носителя этого языка. В процессе приобщения к иной социо- и лингвокультуре формируются вторичные ментальные конструкты языковой личности обучающегося, определяющие его систему координат при взаимодействии с окружающим миром и приобщении к новой лингвокультуре. В результате происходит становление субъекта межкультурной коммуникации, или «медиатора культур» [10].

Лингвокультурологический подход является одним из самых эффективных подходов в обучении иностранных языков. Его применение способствует развитию навыков межкультурного общения путем сопоставления фактов родной и иностранной культур. Данный подход позволяет сформировать достаточно полную картину иноязычной действительности через изучение как языкового, так и внеязыкового материала, отражающего различные сферы культуры. Однако на сегодняшний день соизучение языка и культуры происходит на основе материала, как правило, отражающего реалии культуры страны изучаемого языка. Факты культуры родной страны отходят на второй план, и в дальнейшем это может послужить причиной недостаточной сформированности культурной компетенции обучающегося в отношении родной страны на английском языке. Следует отметить, что «в методической и педагогической литературе недостаточно разработаны конкретные методы, приемы и формы реализации лингвокультурологического подхода на занятиях по иностранному языку. С одной стороны, это представляет собой основную трудность при определении содержания практических занятий, с другой – расширяет перспективу поиска новых способов, в том числе и в плане самостоятельного творчества студентов» [4, с.69].

Литература

1. Щепилова А.В. Теория и методика обучения французскому языку как второму иностранному. – М.: Владос, 2005. – 245с.
2. Воробьев, В.В. Лингвокультурологические принципы презентации учебного материала (Проблемы концентризма) / В.В. Воробьев // Лингвокультурология (теория и методы). – М., 1997. – 331 с.
3. Снитко Т.Н. Предельные понятия в Западной и Восточной лингвокультурах. - Пятигорск: ПГЛУ, 1999. – 157 с.
4. Сасина Н.В. Лингвокультурологический подход в обучении студентов гуманитарного профиля иностранному языку // Педагогические науки. Методика. – 2009, №5. – С.65-69.
5. Ольшанский И.Г., Гусева А.Е. Лексикология. Современный немецкий язык. – М.: Академия, 2005. – 160с.
6. Пассов Е.И. Принципы иноязычного образования, их система и иерархия. Материалы к докладу на XIII Конгрессе МАПРЯЛ (Гранада, Испания, 13-20 сентября 2015 года). – Липецк, 2015. – 143с.
7. Сысоев П.В. Языковое и поликультурное образование в XXI веке. // Язык и культура. – 2009. – №2. – С.96-110
8. Денисов М.К. Значение, перспективы и проблемы использования интеграционного модуля «Иностранный язык + культура» в системе глобального образования // Изучение и преподавание современных языков: проблемы и решения: сб. науч. ст. – Тамбов, 1999.
9. Сафонова В.В. Культуроведение в системе современного языкового образования / В.В. Сафонова // Иностранные языки в школе. – 2001. – № 3. – С. 17-24.
10. Кунанбаева С.С. Теория и практика современного иноязычного образования. – Алматы, 2010. – 344с.

References

1. Schepilova A.V. Teorija i metodika obuchenija frantsuzskomu yaziku kak vtoromu inostrannomu. – M.: Vlados, 2005. – 245s.
2. Vorobijev V.V. Lingvokulturologicheskie principi prezentacii uchebnogo materiala. – M., 1997. – 331s.
3. Snitko T.N. Predelniye ponyatiya v Zapadnoi I Vostochnoi lingvokulturak. – Pyatigorsk: PGLU, 1999. – 157s.
4. Sasina N.V. Lingvokulturologicheskii podhod v obuchenii studentov gumanitarnogo profilya inostrannomu yaziku // Pedagogicheskiye nauki. Metodika. – 2009. – №5. – S.65-69
5. Ol'shanskii I.G., Guseva A.Ye. Leksikologiya. Sovremennii nemetzkii yazik. – M.: Akademiya, 2005. – 160s.
6. Passov Ye.I. Prinzipi inoyazichnogo obrazovaniya, ih sistema i ierarkhiya. – Lipetzk, 2015. – 143s.
7. Sysoyev P.V. Yazikovoe I polikulturnoe obrazovaniye v XXI veke // Yazik i kultura. – 2009. – №2. – C. 96-110
8. Denissov M.K. Znachenije, perspektivi i problimi ispol'zovaniya integrazionnogo modulya „Inostrannii yazik+kultura" v sisteme globalnogo obrazovaniya. – Tambov, 1999.
9. Safonova V.V. Kulturovedenije v sisteme sovremennogo yazikovogo obrazovaniya. // Inistranniye yaziki v shkole. – 2001. – № 3. – S. 17-24.
10. Kunanbayeva S.S. Teoriya i praktika sovremennogo inoyazichnogo obrazovaniya. – Almaty, 2010. – 344s.

УДК 81

З.Ш. Ерназарова
Алматы, Казахстан

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ КОНЦЕПТЫ И ПРОБЛЕМЫ ОБУЧЕНИЯ КАЗАХСКОМУ ЯЗЫКУ

Аннотация*.Проблема значимости языка и этнической культуры в жизни как отдельного человека, так и этноса в целом начинает приобретать особую актуальность в период глобализации. В связи с этим становится ясной необходимость разработки проблем сущности взаимодействия языка и культуры, выявления их роли в жизни человека и общества, определения принципов и особенностей их функционирования, а также важность формирования национальной ментальности через преподавания казахского языка как второго в многонациональном обществе*

Ключевые слова: *обучение казахскому языку,концепт,лингвокультура, национальное мировозрение, национальный менталитет.*

Сведения об авторе: *Ерназарова Зауреш Шаршабековна, доктор филологических наук, координатор программы казахского языка Языкового центра Университета КИМЭП.*

Место работы: Университет КИМЭП.

Контактная информация: г. Алматы, проспект Абая, 4а, каб. 204.

e-mail: e.zauresh@kimep.kz

Z. Yernazarova
Almaty, Kazakhstan

NATIONAL LINGUOCULTURAL CONCEPTS AND PROBLEMS OF TEACHING THE KAZAKH LANGUAGE

Abstract. *The problem of the significance of language and ethnic culture in the life of both the individual and the ethnic group as a whole is beginning to acquire a special urgency in the period of globalization. In this regard, it becomes clear need for developing the essence of the problems of language and culture interaction, revealing their role in human life and society, identifying principles and features of their functioning and the importance of the formation of the national mentality through teaching Kazakh as a second language in a multicultural society.*

Key words: *teaching the Kazakh language, concepts, linguistic culture, national ideology, national mentality.*

About the author: *Yernazarova Zauresh Sharshybekovna, Doctor of Phylology,*

Coordinator of the Kazakh Language Program in KIMEP.

Place of employment: KIMEP.

Contacts: Almaty city, Abay Av., 4a, room #204.

Көпұлтты, сонымен байланысты көптілді Қазақстан қоғамында тіл үйренушілердің этникалық, әлеуметтік-мәдени сипатына сәйкес көптілді тұлғаны қалыптастырудағы қазақ тілін оқытудың әдіснамалық негіздері қоғам мүшелерінің территориялық тұтастығы, тарихи дамуының ортақтығы, сонымен байланысты танымдық, әлеуметтік-мәдени дүниелерінің ортақтығы тұрғысынан толық және жан-жақты бағаланып, екінші тіл ретінде оқыту теориясының компоненттері жан-жақты сипатталмай отыр деп ойлаймыз [1, б.7].

Тілді үйрену арқылы қоғам мүшесі өзгелермен қарым-қатынас жасау құзыретіне ғана ие болып қоймайды. Тіл үйрену екінші ұлттың дүниетаным мәдениетімен танысуға мүмкіндік береді. Оқыту үдерісі тіл үйренушіні тіл иесі ұлттың дүниені тану, бағалау құралдарымен таныстыруы қажет. Шет тілін оқытуда оны мәдениетаралық қарым-қатынас құзыретін

қалыптастыру, екінші ұлттың дүниетаным құндылықтары арқылы тіл үйренуші санасында жинақталған әлемнің тілдік бейнесін кеңейту, өзара түсіністік пен құрмет қарым-қатынасын дамыту деп атайды.

Ал қазақ тілі өз топырағында, табиғи тілдік орта жағдайында , тарихы мен өмір сүру салты ортақ, мәдениеті мен күнделікті өмірі бір - біріне жақын таныс көпұлтты ортада, қазақ тілі мәдениетаралық қарым-қатынасты қалыптастырушы қызметті атқарады деу қаншалықты шындыққа сәйкес келеді?

Тағы бір маңызды мәселе – Н. Назарбаевтың «Болашақ» бағдарламасының 15 жылдық мерейтойында сөйлеген сөзінде интеллектуалды ұлтты, рухы биік,өз ұлтына құрметпен, мақтанышпен қарайтын ұрпақты қалыптастыру туралы теерң ойы әр уақытта қайта-қайта айтылып келеді. Экономикасы жоғары елді қалыптастыратын рухы биік адамдар, ұлт менталитетінің қуаттылығы мен күштілігі екенін адамзат тариыхында талай ұлттың тарихы дәлелдеп берді. Мысалы, дамыған елдер қатарынан ойып орын алатын жапон халқының ұлттық менталитетінде, бизнес әлеміндегі қарым-қатынасты құруда бусидо -самурайлар кодексінің негізгі ұстанымдары жатыр екен. Олардың бизнестегі табыстарының бірден -бір шешуші күші осы кодекстің басқарудың барлық деңгейде жүзеге асуымен түсіндіріледі. Жапон халқының ұлттық менталитетіне тән басты ойлау моделі –жетілдіру, дамыту, жақсарту болып табылады.

Қазақ тілін оқыту тек мәдениетпен, салт- дәстүрмен таныстыру, елтану материалдарын ұсынумен ғана шектелмей, қазақ ұлтының дүниетаным мәдениеті туралы білімді беру арқылы жеке тұлғаның дүниетанымдық концептуалды жүйесін байытуға, рухани дүниесіндегі құндылықтырды жаңа мазмұнмен толықтыруға, қазақ халқының менталитетінде бар дүниені терең танудың, бағалаудың құралдарымен таныстыруға, қаруландыруға бағытталуы керек деп есептейміз. Осыдан 20 жыл бұрын бұл мәселені көтеру ғылыми негізсіз болар еді. Ал қазір қазақ тілі білімінде қазақ ұлтының дүниетаным концептосферасы зерттеліп, жүйеленген жағдайда бұл – жүзеге асыруға болатын жұмыс.

Осы уақытқа дейін қазақ тілін оқытуда елтану бағытында мәдени материалдық құндылықтар мен рухани мәдени құндылықтар ұлтты басқа ұлттан ерекшелейтін белгілер, даралаушы ақпарат ретін танылып келді. Тіл білімінің қазіргі дамуы тіл мен ұлттық ойлау арасындағы, мәдениет арасындағы байланысты түсінуге, тілдік бірлік арқылы берілетін ақпараттарды ашуға немесе жинақтап беруге мүмкіндік береді. Бұл қазақ тілін оқытуда жаңа бағытты дамытуға жол ашады. Оның теориялық негіздемесіне:

1) тіл білімінде антропоцентризм қағидасының жетекші бағытқа айналуы;

2)әлемнің тілдік бейнесі эволюциясын зерттейтін когнитивті лингвистиканың ғылым салыс ретінде қалыпатсуы;

3) тіл мен мәдениеттің өазара байланысын этностың таным мәдениеті тұрғысына зерттейтін лингвомәдниеттанудың ғылым ретінде қалыптасуы;

Оқыту мазмұнын қазақ ұлтының дүниетаным концептосферасымен кеңейту, тіл үйренушінің дүниетаным концептілерінің мазмұнынын байыту қоғам мүшелері арасындағы жағымсыз мәнде айтылатын «қазақ менталитеті», «қазақшылық» деген түсініктердің дұрыс мазмұнда қабылдануына, өз ұлтына нигилистік көзқараста қарайтын адамдар қатарының азаюына, мықты ұлттық менталитеттің бекуіне көмектесетіні айқын.

Әрине, қазақ тілін оқытудың концептілік бағыты пәнаралық байланыс -когнитивтік линвистика, психолинвистика және лингвомәдениеттану ғылымдарының жетістіктерін пайдалану арқылы жүзеге асады.

Біздің дүние туралы түсінігімізді қалыптастыртын тіл мен онда берілген ақпарат. Когнитивті лингвистикада дүние туралы білімнің жинақталған түрі ретінде бағаланатын концепт ұғымы әрі тілдік, әрі тілдік емес білімнің шоғырланған түрі ретінде бағаланады. Концепт әрі білім, әрі әлемді танудың құралы, Концепт мазмұндық құрылымға ие. Оның ядросы және шеткі аймақтары бар. Концептіге әрі тұрақтылық, әрі динамика тән. Концепт дүниені танудың моделінің жинақталған формасы. Адамның дүниені тануы әртүрлі таным модельдері арқылы жүзеге асады.

Когнитивтік парадигма бағытындағы зерттеу жұмыстары лингвамәдени концептілерді қазақ ұлтының дүниетанымдық концептосферасын жүйеледі. Концептология ғылымы жеке сала ретінде іргесін тепті. Бұл туралы З.Қ.Ахметжанованың осы салаға арналған сараптамалық ғылыми зерттеуінде : «Условно можно выделить несколько групп работ концептуальных исследований казахстанских ученых», дей келіп,бірінші топқа халық санасында ауқымды ассоциативті байланысты туғызатын материалдық обьектілерді концепт ретінде қарастыратын еңбектерді жатқызуға болады. жатқызуға болады. Мысалы, *қамшы, домбыра, атамекен*, сонымен қатар халықтың рухани құндылықтарын бецнелейтін, ұлттық менталитетті сипаттайтын тірек концептілері *намыс, қанағаттық, сабырлылық, ағайындық* сияқты концептілерді зерттеуді жатқызады [2, 26-34-б].

Концептіні ұлттық дүниетаным, мәдениетпен байланысты зерттеу ұлттық менталитет туралы түсініктің айқындалып, оның шекарасының нақтылана түсуіне ықпал етті. Мысалы, *қазақылықты қоймаймыз* деген сөздер жиі айтылады. Ал осы қазақылықты таным үдерісінің ұлттық көірінісі тұрғысынан құрылымдарға бөліп көрсету, оның ішкі мазмұндық құрылымын анықтау жасандылық пен нағыз ұлттықты ажыратуға көмектеседі.

Әдетте, ұлттық белгі ретінде тілді, территорияны, психофизиологиялық бейнені атайды. Ұлтты тануда оның менталитетін

тану қазіргі уақытта өте маңызды болып табылады. Өйткені менталитет дүниені тану мен ойлаудың ұлттық моделі ғасырлар бойы қалыптасып, ұлттың адамгершілік, интеелектулады және рухани дүниесінің деңгейінен хабар береді. Ұлттық мінез ұлттың қазіргі қалпы мен болашақ даму үрдісін анықтауға бағалауға мүмкіндік береді. Ұлттың болашақ дамуын анықтайтын да осы менталитет болып табылады [2,с.45-58].

Қазақ тіл біліміндегі когнитивтік және лингвомәдениеттану бағытындағы жүргізілген зерттеулер ұлттық концептосфера жүйесін анықтап жүйеледі деп айтуға болады. Әлемнің тілдік бейнесі, әлемнің концептуалды бейнесі ұлттың әлем туралы білімінің толық базасын жүйелейді және бейнелейді. Әлемнің конуептуалды бейнесі тілдік бейнемен сәйкес келмейді. Ол көпдейгейлі және күрделі мазмұнды. Алғашқы дейгей ғылымға дейінгі білімді сонан соң мәтін деңгейіндегң білімді, ал содан кейін ғылыми білімді құрайды.

Концептуалды жүйе әлемді танудың барлық дейгейлерін қамтитын концетілер жүйесі. Концептуалды жүйе бірнеше жүйелер парадигмасынан тұрады. Олар ғаламдық концептілер жүйесі, ландшафтық концептілер жүйесі, антропоцентрлік концептілер жүйесі,

Концепт дүниенің бір қырылымдық бөлігі туралы білім қоры болып табылады. Білім жиынтығы. Онда тілідк және тілдік емес білім жиынтығы деп қарауға болады. Концепт әлемнің бір бөлігін немесе үзіндісін танудың категориалды және бағалаушытық сипаттамасы туралы білім.

Қазақ тілі біліміндe концептологияның алғашқы деңгейі Н.Ғ. Шаймерденованың «Когнитивная семантика древнетюрских орхонских текстов» тақырыбындағы докторлық диссертациясында қарастырылды. Осы еңбекте ежелгі түріктердің дүниені тану модельдері көне жазба ескерткіштері мәтіндері негізінде реконструкцияланды. Дүниені танудағы категоризациялау,концептілердің құрылымдық сипаттамасы жан жақты сипатталады [3].

Когнитивті лингвистика негізінде пайда болған ұлттық мәдениет пен тілдің өзара байланысын зерттейтін лингвомәдениеттану саласы дүние туралы білім жиынтығы концептілердегі ұлттық дүниетанымммен байланысты мәдени компоненттерді анықтауды мақсат етеді. Осы бағытта жүргізіген ассоциативті эксперименттер қазіргі жастардың дүниетанымында ұлттық менталитетті құрастыртын негізгі концептілер туралы түсініктің толық еместігін байқатты. Ауыз әдебиетінде, тілдік лексикалық қабатында тілдік көрінбейді. Бұл ұлттық менталитеттің қазіргі жастарда толық қалыптаспағандығын байқатады.

Концептология бойыша салыстырмалы зерттеу жұмыстары да ұлттық менталитетке тән ерекшеліктерді тануға көмектеседі.

Қазақ тілі біліміндегі когнитивті лингвистика және лингвокультурология саласы бойынша зерттелген жұмыстар негізінде

қазақ дүниетанымына тән концептосфераны мынадай топтарға бөліп қарастыруға болады:

Төменгі деңгейі тұрмыстық немесе заттық деңгейдегі концептілер:домбыра, жылқы, тары.Келесі деңгейде абстрактілік деңгейдегі концептілер: «атамекен», «әйел», «ұрпақ».

Жоғарғы деңгейдегі концептілер немесе оларды базалық деп атауға болады. Рухани ұстанмдармен байланысты концептілер: «ағдыр»,ар-намыс», «тіл» «өзім -өзге» [2, 65-68б.].

Ұлттық қарым – қатынас мәдениеті тілдік емес қарым- қатынаста да көрінеді.Тіл – адамның мыңдаған жылдар бойы дүниені тануға, өзінің ондағы орнын анықтауға ұмтылған әрекетінің нәтижесі. Осымен байланысты тіл мен мәдениеттің өзара тығыз байланысы айқындалады. Тіл мәдениеттің ішінде дами отырып, оны бейнелейді. Тіл бір мезгілде мәдениеттің өмір сүру формасы әрі оның құрамдас бөлігі бола отырып, мәдениеттің нәтижесі де болып табылады. Адам сыртқы әлемді тіл арқылы мәдениет арқылы таниды. Сондықтан тіл мәдениетті сақтаушы, бейнелеуші әрі оны жеткізуші сол арқылы өзі де өмір сүретін құбылыс болып табылады.Мәдениет адам танымын бейнелейтін форма, тіл де адам танымын бейнелейтін форма.

Қазақ тілін екінші тіл ретінде оқыту уақыты шектеулі болғандықтан, оқу бағдарламасымен сәйкес келетін негізгі тірек концептілерді, дүниетаным модельдерінің прототиптерін жеткізетін концептілерді берген дұрыс деп есептейміз. Бұл кез келген қазақ ұлты өкілінің дүниетанымында бар концептілердің мазмұны мен құрылымы болуы керек.

Бір ұлт өкілдері болғанмен, қазақ тілін өз ана тілдері ретінде көрсеткенмен, орыс тілді қазақтар мен қазақ тілді қазақтардың дүниетанымдық концептілік жүйесінде мазмұндық айырмашылықтардың барын бірнеше концептілер бойынша ассоциативті эксперимент жүргізген Жикеева А.Р. «халық» концептісі бойынша орыс тілді қазақтар мен қазақ тілді қазақтарды, өзге ұлт өкілдерінің реакциясын келтіреді. Қазақ тобында халық концептісі кеңістік, онда қозғалу еркіндігі, жеті ата туралы түсінік бірінші қатарда тұрса, ал орыс тілді қазақтарда және өзге ұлт өкілдерінде «халық концептісі Қазақстан халқы, көпұлтты қазақстан халқы, көптілді ел деген ассоциациялар бәріне де ортақ болған.

Зерттеуші мынадай қорытынды жасайды: «Различие в языковом сознании КК и КР выявленные в процессе анализа ядра языкового сознания рецепиентов, говорят о неодинаковом отражении предметной реальности у русскоязычных и казахоязычных казахов» [4,с.2].

Осы тәжірибеге ұқсас тәжірибені біз де студентермен жүргізіп көрдік

Ассоциативті экспериментке « отбасы « концепітісін алдық. Тәжірибе қазақ топтары мен орыс тілді топтарда жүрді. Зерттеудің басты мақсаты концепт мазмұнының сәйкестігін анықтау, ментальды бейнелерге бірнеше деңгейде сараптама жасау, концептуалды талдау жасаудың

кезеңдерін анықтау, соның негізінде өзара түсіністікте қайшылық туғызуы мүмкін аймақтарды немесе компоненттерді анықтау болып табылды. «Отбасы» сөзімен тіл иелерінің ментальды дүниесінде туындайтын бейнелер ұлттың дүниетаным мәдениетнің көрінісі ретінде бағаланады.

Қазақ тілі оқулықтарында «Отбасы» тақырыбы бойынша берілетін материалдарға көңіл бөлейік. Оқу үдерісінде қазақ ұлттық дүниетамында қалыптасқан отбасы концептісінің мазмұндық компоненттері толық қамтылмайды. Ұсынылатын материалдар ортақ жалпыадамзаттық дүниелерді ғана береді. Ал қазақтың ұлттық түсінігіне сай тілдік материалдар, эмоционалды дүниені жеткізетін материалдар тіпті назардан тыс қалған.

Сауалнама қорытындысы бойынша отбасы концептісімен байланысты туған ассоциацияларды салыстырып қарасақ(бірінші сан қазақ топтарын, ал екінші сан орыс топтарын көрсетеді), отбасы 8/3, бауырлар -5/0, сенміділік -3/0, махаббат 14/7, қуаныш -2/1

Қолдау- 8/7, үй -1/0, жауапкершілік -2/3, түсіністік -2/6, тәрбие -2/1, туыстық -1/0, бақыт -1/2, сыйластық -2/1, береке-3/2, дәстүр-2/0.

Отан -0/2,бала-0/5.

Қазақ топтарындағы «отбасы» сөзіне жиі қайталанған раекция сөзі

Махаббат (14), ата ана (8), қолдау (8), бірлік (7), бауырлар (5), береке (3),түсіністік (2), тәрбие (2), сыйластық (2), дәстүр (1).

Орыс тобында жиі қайталанатын сөз махаббат (8), қолдау (6), түсіністік (6), бала (5),бірлік (4), Жауапкершілік (3), ата-ана (3).

Сонан соң екі топатағы өрістің ядролық компоненттері салыстырылды.

Концептінің орталық ядроларын 10 компонент құрайды. Екі топта сәйкес келетін компоненттер: махаббат, қолдау, ата- ана, бірлік, түсіністік, жауапкершілік

Екі топтағы сәйкес келмейтін компоненттер: қазақ топтарында тірек, туыстық, дәстүр, бауырлар, сенімділік, тірек

Орыс топтары үшін бала, Отан.

Енді осы алынған мәліметтерді семантика – тақырыпттық жағынан талдап көрсек, Бұл концептінің сегементтерін анықтауға мүмкіндік береді. Бұндай сегменттерді анықтау танымның белсенді бөліктерін көрсетеді. Реакция түрлерін белгілі бір сегементтерге топтастыруда пропозиционалды реконструкция әдісі қолданылды,

Қазақ топтарындағы студенттер үшін 1)отбасы мүшелерінің қарым-қатынасы, 2)отбасы мүшелері, отбасының негізгі қызметі, отбасының анықтамасы, отбасының сипаты мен белгілері, отбасының қоғамдағы орны, отбасы проблемалары, отбасы мәселелері,

Қазақ мектебін бітіргендер үшін отбасы тірегі ата – ана дәстүр, тірек, тәрбие,бауырлар, туыстық байланыстар,

Бұдан шығатын қорытынды ұлттық дүниетаным ерекшелігімен таныстырып, қазақы ойлау моделімен таныстыру үшін, жақындату үшін тірек концептілердің құрылымы мен компоненттерін, тілдік бірліктермен берілуін алдын ала анықтап алып, студент дүниетанымында жоқ, қалыптаспаған компоненттерді беруге тырысу керек.

Ол үшін осы бағыттағы зерттеу жұмыстарымен танысып, концепт құрылымын, оны құрастырушы компоненттерді анқытап, алып, оларды оқыту барысында әртүрлі мәтін, сөйлеу әрекетінің түрлері арқылы қамтуды қарастыруды мақсат ету керек. Сонда қазақ тілін оқыту арқылы ұлттық танымдағы тұтастық сиапттаы, өзара құрмет пен түсіністікті дамытуға болады деп есептейміз.

Пайдаланылған әдебиеттер тізімі

1. Құнанбаева С.С. Современное иноязычное образование методология и теории. – А., 2006.
2. Ахметжанова З.Қ. Очерки по национальной концептологии. – Алматы, 2012.
3. Шаймерденова Н.Ғ. Когнитивная семантика древнетюрских орхонских текстов. – Алматы, 2007.
4. Жикеева А.Р.Отражение двуязычия в языковом сознании казахстанцев (на основе анализа реузльтатов ассоциативного эксперимента) // Вестник Челябинского госудпарственного университета. – 2011, №3 (218). Филология, Искусствоведение. – Вып. 50. – С. 52-55.

References

1. Kunanbayeva S. S. Sovremennoe inoyazychnoe obrazovanie metodologii i teorii. – A., 2006.
2. Akhmetzhanova Z. K. Ocherki po natsionalnoi kontseptologii. – Almaty, 2012.
3. Shaimerdenova N. G. Kognitivnaya semantika drevneturkskih orkhonskih tekstov. – Almaty, 2007.
4. Zhikeyev A. R. Otrazhenie dvuyazychiya v yazykovom soznanii kazakhstantsev (na osnove analiza rezultatov assotsiativnogo ekperimenta) // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2011, №3 (218). Philologiya, Iskusstvovedenie. Vyp. 50. – S. 52-55.

УДК 070:808.5

К.У. Есенова
Алматы, Казахстан

ЛИЧНОСТЬ ЖУРНАЛИСТА НА КАЗАХСКОМ РАДИО

Аннотация. *В статье речь идет о личности журналиста казахского радио. В радиовещании речь журналиста меняется в зависимости от текста, от количества участников радиокоммуникации, от жанра передачи. Задачи, возлагаемые на журналиста, определяются на основе текстов диалогов и зависят от приглашенных в студию гостей. В статье рассмотрены языковые и экстралингвистические факторы, влияющие на результат коммуникации.*

K. Yesenova
Almaty, Kazakhstan

PERSONALITY OF A JOURNALIST IN KAZAKH RADIO

Abstract. *The article is about the identity of the journalist of Kazakh radio. In broadcasting the speech of the journalist changes depending on the text, from the number of participants of radio communication, from a transfer genre. The tasks assigned to the journalist are defined on the basis of texts of dialogues and depend on the guests invited in studio. The language and extra linguistic factors influencing result of communication are considered.*

Ключевые слова: *массовая коммуникация, дискурс, радиодискурс, радиотекст, прагматика, коммуникативная компетентность, коммуникант*

Key words: *mass communication, discourse, radio discourse, radio text, pragmatics, communicative competence, communicant*

Сведения об авторе: *Есенова Калбике Умирбаевна, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой общего языкознания. Место работы: Казахский национальный педагогический университет имени Абая.*

About the author: *Yessenova Kalbike, Doctor of Philology, Professor, Head of the General Linguistics Department.*

Place of employment: Kazakh National Pedagogical University named by Abay.

Контактная информация: *050010, Алматы, Проспект Достык, 13.*
e-mail: kalbike_65@mail.ru

В результате проведенного всестороннего анализа языка и стиля СМИ исследователи определяют язык массовой коммуникации как «сферу, в которой тематика используется в синкретном виде элементов универсиального устного и письменного словоупотребления, с полифункциональной стилистикой. То есть в языке электронных СМИ (радио и телевидение) устное и письменное словоупотребление находит свое отражение в различных видах [1, с. 32].

В средствах массовой информации, отражающие реальную действительность в устных и письменных текстах, составляется медиа картина мира. В теории коммуникации СМИ, являясь средством передачи различной информации посредством языка, применяющие различные способы воздействия на массы, требует специального научного исследования. В связи с этим такие лингвистические понятия, как «язык», «речь», «текст», «дискурс» занимают особое место в электронных средствах массовой информации. Обычно звено *язык – речь – текст – дискурс* объясняется как строительный материал и технология.

В данном случае текст является средой, в которой язык и речь применяются вместе. Ее исследователи оценивают как «результат словообразования, осуществляемый в определенных целях» [2, с. 8]. Тексты образуются посредством языковых единиц ии на основании специальных программ, заложенных в языке. К этому процессу привлекаются логические и психологические закономерности, теоретические знания и другие факторы сознания людей. Речь – это процесс, порождающий текст. Речь – это не только речевая деятельность, но и результат этой деятельности также является речевым произведением. С этой позиции понятия текст и речь воответствуют друг другу. Поскольку сама речь, как известно состоит из разнообразных текстов. Поэтому текст принято считать не языковой, а единицей речи. Понятие текста также тесно связано с дискурсом. Исследователи рассматривают его во взаимосвязи с реальной действительностью, жизнью, социальными и психологическими свойствами коммуникантов, с контекстом [2, с. 8].

В дискурсе уделяется внимание всем экстралингвистическим параметрам, оказывающим влияние на применение текста, – утверждает В.В. Славкин [3, с. 17]. Иными словами, дискурс – это «речь в реальной жизни» [4, с. 137]. Основываясь на вышесказанном, под **радиоречью** понимается речевая деятельность, осуществляемая в радиоэфире и ее результат – устный текст (радиотекст).

А экстралингвистические условия, в которых протекает радиокоммуникация, контекст, коммуникативные цели можно назвать одним словом **радиодискурсом**. Радиокоммуникация изображает социокультурные приоритеты, устоявшиеся в обществе, и особенности конкретных коммуникативных ситуаций.

«Радиотекст» является составной частью медиатекста, обладающего некоторыми общими свойствами. В нем посредством языковых единиц отображаются содержательные компоненты по различным сферам общественной жизни (политика, идеология, наука, искусство, литература и т.д.).

В этой связи считаем необходимым подробнее остановиться на языке масс-медиа. Если в широком смысле язык масс-медиа понимается как совокупность всех средств (слово, звук, рисунок), применяемых для передачи мысли в процессе массовой коммуникации, то в узком значении – это вербальный язык, используемый в процессе составления письменных и устных текстов в СМИ.

С одной стороны, медиаречь обозначает процесс применения языка, с другой стороны, является результатом этого процесса. Значение слова «действие», входящего в состав этого понятия, является причиной использования его по отношению к СМИ, распространяемого устно.

Мы посчитали правильным проанализировать данные понятия по отношению к радиокурсу, реализуемому в виде синтеза устных и письменных текстов. В частности, наряду с текстом, транслируемым по радио, большее внимание будет уделено личности журналиста, который составляет этот текст. Таким образом, журналист будет обладать большим прагматическим значением как движущая сила и активный участник радиодискурса. Эта роль будет изображаться **языком**, который отражает уровень его знаний, профессиональное мастерство, теоретические знания, коммуникативную компетенцию. Однако поскольку массовая коммуникация является двусторонним процессом, личность радиожурналиста, стоящего по одну сторону канала связи, не будет раскрыта полностью без фактора адресата, находящегося по другую сторону. Поэтому мы проведем прагмалингвистический анализ коммуникативного звена радиожурналист – радиотекст – слушатель.

Передачи, передаваемые слушателям при помощи радиоволн, по количеству выступающих можно разделить на три вида:

1) один только выступающий, то есть журналист. Он записывает на бумаге собранную из разных источников информацию, готовит письменный текст. При выходе в эфир он путем озвучивания, то есть чтения данного текста, предлагает его вниманию слушателей. С одной стороны, поскольку говорит только один диктор, это общение можно отнести к монологу. Но поскольку данный текст предназначен слушателям, то есть все основания считать его диалогом монологического характера. Поскольку цель данной коммуникации передать информацию массам по определенному вопросу. Новости и обзор радиосообщений, прогноз погоды и другие виды радиопередач можно отнести к информационному типу. Приведем конкретный пример: рассмотрим текст «Обзор зарубежной печати», который был рассмотрен в медицинской сфере, подготовленный Анар Сеиткызы (4.12.09 г. в 22.00 час.). В начале передачи журналист кратко обозначила о чем она будет рассказывать ближайшие пять минут, а также журналист успела пояснить, что материал был взят из интернета.

Журналист начала выпуск со словами: «Ученые научно-исследовательского института из штата Невада США определили вид вируса, находящегося в крови людей с хронической усталостью и быстроутомляемых людей». Также она сообщила, что этот вирус существует в крови животных, но способен обитать и в организме людей. Вызывает сомнение, что прочитанный журналистом записанный на бумаге текст с названием данного вируса (XMRVI – эксэмэрвай), останется в памяти рядового слушателя. Это будет понятно людям, имеющим специальное медицинское или биологическое образование. А также, возможно, что этот термин запомнят люди, свободно владеющие английским языком. Однако для многих слушателей, составляющих целую аудиторию, не важно, как правильно звучит это название и какое значение оно имеет. Значит слушатели могут сделать один вывод: причиной быстрой утомляемости является вирус, и им можно заразиться от животных. Определенный процент слушателей может заинтересоваться данной информацией, самостоятельно изучать данный вопрос. Например, они могут перелопатить интернет, чтобы получить дополнительную информацию об этом вирусе, либо пойти к врачу, чтобы сдать кровь на анализ, что кстати журналистом даже не предполагалось. Он, проводя обзор зарубежной печати в ежедневной рубрике на радио, старается остановиться на вопросах, которые возможно, вызовут интерес у наших слушателей. Отсюда понятно, почему журналист из множества сообщений отобрал именно эту информацию для зрителей, так как сам редко заботится о своем здоровье. Таким образом, главной целью журналиста является обращение внимания слушателей на информацию, которую он читает в данный момент. Следующим моментом данного сообщения является то, что при переводе текстов с русского или другого иностранного языка на казахский, их надоо производить в соответствии с мировосприятием

казахского народа. Например, диктор выражение «хроническая усталость» из оригинала текста перевел как «постоянно уставший человек», также применил фразеологизм казахского языка «сіркесі су көтермей жүретін – букв. блоха воду не поднимет», добавив тем самым, во-первых, изобразительный элемент, во-вторых, подвел слушателей к иллокуции, то есть оказал сильное воздействие. Этот шаг был сделан чисто в прагматических целях. Таким образом, краткому сообщению журналиста Анар Сеиткызы можно дать следующее прагматическое описание:

1) перед тем, как начать читать письменный текст, журналист осведомляет слушателей о том, что в ближайшее время они могут услышать: «вы узнаете о...».

2) после короткой музыкальной паузы (в это время слушатель готовится воспринять следующую информацию) журналист начинает читать письменный текст. В процессе чтения он выделяет интонацией те опорные слова, которые считает наиболее важными. Журналист, который предварительно разделил текст на сегменты, чтобы облегчить слушателю восприятие текста, делает небольшие паузы, а при воспроизведении незнакомых для аудитории слов снижает ритм голоса. Так, при чтении текста о происхождении, распространении вышеуказанного вируса диктор подчеркивает его отношение и к организму человека. Когда журналист произносила текст о том, что «данный вирус, который в основном можно обнаружить в составе крови животных, способен выживать и в организме человека», выделила голосом важные моменты сообщения, сделала акцент на последний слог, применила интонационный прием с большим прагматическим значением. В данном случае сложно утверждать, что коммуникация была осуществлена в полной мере, так как в ней принимала активное участие только одна сторона, то есть журналист, а вторая сторона – аудитория – была лишена такой возможности. Если бы возникла необходимость раскрыть полностью, проанализировать, разъяснить этот вопрос, тогда журналист пригласил бы специалиста, обладающего знаниями в данной сфере, организовал и провел бы передачу в виде интервью. Если бы данный вид речевого общения был проведен в виде диалога или были созданы условия для слушателей, чтобы высказать свое мнение посредством телефона, тогда он был бы проведен в виде полилога.

Далее остановимся на следующем виде речевого общения – нтервью, когда в эфир выходит не один, а несколько участников коммуникации. Интервью журналиста Эльмиры (05.12.09 г. в 15-00 час.) с работником библиотеки села связано с библиотечным делом, являющегося одной из проблем, которая очень знакома многим слушателям. Библиотекарь пожилого возраста, опытный специалист, который на протяжении многих лет трудится в этой сфере. Из ее выступления становится понятным, что она очень хорошо знает все проблемы библиотечного дела, а также ее, как и многих, беспокоит вопрос уровня культуры современной молодежи и

другие социальные проблемы. Однако в ее речи встречаются такие недочеты, как языковые повторения, различные вводные слова, неправильное применение некоторых устойчивых выражений, свойственные спонтанной речи. Но наша цель – выделить роль не библиотекаря, а журналиста. В тот момент, как только библиотекарю было предоставлено слово, она взялась без остановки рассказывать о поддержке Послания Президента РК, увеличении числа слушателей, путях решения проблем сельской библиотеки, повышение уровня культуры молодежи через привлечение их в ряды читателей, так что журналисту пришлось вмешаться в ее речь. Таким образом, когда интервьюируемый немного замешкался, журналист одновременно поставил несвязанные между собой два вопроса: - *Значит в настоящее время библиотечный фонд сколько книг составляет? Каков размер вашего оклада?* Постановка таких вопросов журналистам кроется в следующем: во-первых, взять в свои руки инициативу в качестве ведущего интервью (инициатора); во-вторых, придать конкретизацию слишком затянувшемуся разговору, постановка конкретных вопросов *сколько? и каков?* Позволяют получать наиболее точные и краткие ответы; в-третьих, эта необходимость обучловлена требованием экономии времени. Основной целью ведения репортажа из казахского аула является привлечение молодых специалистов на работу в села, развитию сельской местности. Это можно понять по тому, как журналист, покинув библиотеку, направилась в поликлинику села, и провела интервью с молодым специалистом. Молодой врач, окончивший высшее учебное заведение, пройдя стажировку в поликлинике №8 г.Алматы, приехал работать в село. Он стал рассказывать слушателям о хорошем положении села, пытался показать село в лучшем свете. Несмотря на то, что в эфире не было заметно, все же есть основания полагать, что была проведена предварительная подготовка, которая стала результатом интервью. Ведущий не стал рассказывать о качестве медицинского обслуживания в селе, а предпочел представить все словами врача. Поскольку, как известно, наиболее эффективно, когда слушатели слышат из уст самого интервьюируемого, нежели от других. Слушатели из слов врача понимают, насколько велика разница медицинского обслуживания в городах и селах. В частности, молодой специалист подробно рассказывал о том, что малоимущим и многодетным семьям лекарства выдаются бесплатно либо продаются за полцены и других преимуществах. А журналист контролировал ход беседы, задавая ему конкретные вопросы типа «Какое внимание уделяется вопросам здоровья матери и ребенка?». В данном случае журналист выполняет роль руководящего коммуникативным актом. Таким образом, было выявлено, что речь журналиста по видам текста (письменный, то есть читаемый, устный, то есть проговариваемый), используемые в передачах на радио, по количеству коммуникантов, участвующих в прямой радиокоммуникации, по жанрам передачи, имеет

свойство меняться. Подробнее остановимся на этих изменениях: при передаче новостей, кратких сообщений и обзоров журналист читает предварительно подготовленный текст на бумаге. Журналист не делает дополнительные пояснения по встречающимся в нем специальной лексике и терминам, но вносит дополнения в исходный текст, взятый из различных источников. То есть текст несколько упрощается, его приводят в соответствии с казахским миропониманием. Это можно назвать способом, применяемый для того, чтобы основная идея текста стала более понятной и полной. Передачи первого типа по видам жанра мы оценили как диалог с монологическими свойствами. Поскольку в такой коммуникации роль журналиста очевидна и конкретна, а слушатель остается лишь пассивным участником.

Ко второму типу относятся передачи, в которых помимо журналиста и слушателей участвует активный коммуникант – интервьюируемый участник. Такие передачи также можно подразделить на два типа: трехстороннее общение между приглашенным в студию гостем, журналистом и слушателями, которые могут задавать вопросы в прямом эфире. В данном жанре роль журналиста приобретает особые свойства. Во-первых, он может предварительно подробно изучить определенное политическое, социальное, культурное событие, явившееся темой для беседы, или проводимое мероприятие, и подготовить перечень вопросов по тем аспектам, которые на его взгляд являются наиболее важными. Таким образом журналист прилагает все усилия для подробного определения и анализа определенной проблемы в рамках выделенного на эфир времени. А слушатели, которые косвенно принимают участие в интервью, всегда находятся в мыслях журналиста. Основной целью журналиста является то, чтобы вопросы, задаваемые слушателями, были интересными и на них были представлены полноценные ответы. Дополнять и конкретизировать вопросы слушателей, которы звонят по телефону, указывает на роль **связующего** между личностью (интервьюируемый) и обществом. В таких случаях для того, чтобы каждый ответ и вывод интервьируемого были более конкретным и обобщенным, журналист должен мастерски использовать закрепляющие элементы (таким образом, тем не менее, то есть и т.д.).

Такое интервью условно можно разделить на три периода:

На начальном этапе журналист знакомит слушателей с гостем, рассказывает представителем какой сферы он является, зачем его пригласили, вместе с тем постоянно повторяет тему обсуждаемых вопросов. Например, *Итак, уважаемые радиослушатели! Напоминаем Вам, Сегодняшняя тема нашей передачи... если у вас имеются вопросы, которые волнуют вас по теме, вы можете связаться с нами по телефонам; гость нашей студии готов ответить на все ваши вопросы, ближайшие пятнадцать минут посвящаются вам* и др. Устойчивые обороты являются

эффективным средством, применяемым в целях установления и укрепления связи ведущего с аудиторией.

На втором этапе журналист ведет беседу по заранее подготовленному сценарию. Гостю задают вопросы в порядке очередности. После того, как будут получены ответы на основные вопросы, слово предоставляется слушателям, дозвонившимся в студию.

Третий заключительный этап является для журналиста самым ответственным этапом. Поскольку нужно подчеркнуть, что слушатели могли узнать за выделенное на эфир время (15-20 минут)? Смог ли журналист всесторонне раскрыть обсуждаемый вопрос? Какие вопросы остались без ответа или были обсуждены не на должном уровне? Подводятся итоги передачи.

На этом этапе журналист, используя такие обращения, как *«Уважаемые слушатели! Дорогие друзья!»*, привлекает все внимание к себе, подводит итоги встречи, в конце своей речи обязательно выражает слова бесконечной благодарности, желает гостю успехов и заканчивает передачу на ноте высокого пафоса.

Остановимся на проблеме облегчения или усложнения журналистской работы в связи с речевыми навыками и коммуникативной компетенцией интервьюируемого. По прослушанным материалам нескольких интервью в прямом эфире гостей, принимающих участие в передачах, можно разделить на три типа:

I. Интервьюируемый, обладающий **высокими** речевыми навыками и коммуникативной компетенцией. К этой группе относятся лица опытные, мудрые люди, заслуженные деятели, особенно лица, способные вести умные беседы в микрогруппах. Их можно оценивать как коммуникативные личности.

II. Ко второй группе относятся специалисты, обладающие высоким профессионализмом, но речевая подготовка их на **среднем** уровне.

III. К третьей группе относятся лица, имеющие прямое отношение к теме обсуждения, но с **низкой** речевой подготовкой.

Поскольку журналист является профессионалом и выполняет ведущую роль в интервью, должен уметь работать со всеми тремя группами коммуникантов на высшем уровне.

Лица, относящиеся к первой группе коммуникантов, облегчают журналисту работу, являются коммкникативной личностью, позволяющей отточить свое профессиональное мастерство. Работа со второй группой коммуникантов также является не очень тяжелой, однако для регулирования хода интервью, экономии эфирного времени журналисту приходится «вмешиваться в разговор» своими вопросами. В данном случае журналисту необходимо удерживать в равной степени манеру речи и этические требования. Самой сложной для журналиста является работа с третьей группой лиц. Одним из факторов, являющихся преградой для

успешной коммуникации, это речевая подготовка коммуниканта, то есть интервьюируемый может быть профессионалом в своей сфере деятельности, но не может дать полный обоснованный ответна поставленные вопросы журналиста. Здесь встречаются случаи, нарушающие несколько видов коммуникативного качества. Точнее говоря, чистота речи, пестрота, необоснованность высказываний и др. В таких случаях журналист должен поддержать коммуниканта, который не в состоянии выразить свою мысль, должен уметь прогнозировать его ответ, дополнять их. Тогда журналист будет выполнять двойную роль.

В заключение хочется отметить, что электронные СМИ являются средством, изображающим общественную жизнь, фрагмент реальной деятельности. Приближенность, соответствие данного фрагмента к реальной действительности зависит от многих факторов. Радиодискурс же можно считать ядром такой ответственной функции. Успешное либо неуспешное проведение массовой коммуникации напрямую зависит от профессионального мастерства и коммуникативных компетенций радиожурналиста, выполняющего в ней основную роль. А это, в первую очередь, проявляется в его речевых навыках.

Литература

1. Сенкевич, М.П. Культура радио и телевизионной речи. – М.: Высш.шк., 1997.
2. Солганик, Г.Я. К определению понятий «текст» и «медиатекст» // Вестн. Моск. университета. Сер.10. Журн. – 2005. – №2. – С. 7-15.
3. Славкин, В.В. Журналистский текст в динамическом аспекте // Вестн. Моск.университета. Сер.10. Журн. – 2005. – №2. – С.16-20.
4. Арутюнова, Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. – С. 136-137.

References

1. Senkevich, M.P. Kul'tura radio i televizionnoj rechi. – M.: Vyssh.shk., 1997.
2. Solganik, G.YA. K opredeleniyu ponyatij «tekst» i «mediatekst» // Vestn. Mosk. universiteta. Ser.10. ZHurn. – 2005. – №2. – S. 7-15.
3. Slavkin, V.V. ZHurnalistskij tekst v dinamicheskom aspekte // Vestn. Mosk.universiteta. Ser.10. ZHurn. – 2005. – №2. – S.16-20.
4. Arutyunova, N.D. Diskurs // Lingvisticheskij ehnciklopedicheskij slovar'. – M., 1990. – S. 136-137.

УДК 81

Е.С. Константинова, А.В. Раздуев
Пятигорск, Россия

ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛЕКСИЧЕСКОЙ И ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ СОЧЕТАЕМОСТИ[1]

Ye. S. Konstantinova, A. V. Razduev
Pyatigorsk, Russia

SOME BASIC CHARACTERISTICS OF LEXICAL AND TERMINOLOGICAL COLLOCATION*

[1] *Публикация выполнена в рамках проекта «Терминология нанотехнологий в дискурсивном аспекте: изучение сочетаемости терминов, их вариативности и уточнение принципов стандартизации» по гранту Президента РФ (ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет», проект № МК-1274.2017.6, науч. рук. – канд. филол. наук, доц. А. В. Раздуев).*

Аннотация. *В рамках статьи анализируются основные характеристики лексической и терминологической сочетаемости в бытовой и научно-технической сферах на примере общеупотребительных и терминологических словосочетаний русского языка. Рассматриваются различные типы сочетаемости общеупотребительных слов и терминов. Уделяется внимание вопросам синонимии, антонимии, полисемии и омонимии терминологических единиц, непосредственно влияющим на сочетаемость последних.*

Ключевые слова: *лексическая сочетаемость; терминологическая сочетаемость; семантика; стилистика; термин; лексема.*

Abstract. *The article analyzes some basic characteristics of lexical and terminological collocation in common and scientific-technical spheres drawing on the example of common lexis and terminology word-combinations in the Russian language. It considers different types of collocation of common words and terms, focuses attention on the issues of synonymy, antonymy, polysemy and homonymy of terminological units influencing on the collocation of the latter.*

Key words: *lexical collocation; terminological collocation; semantics; stylistics; terminological unit; lexeme.*

Сведения об авторах: *Константинова Екатерина Сергеевна, студент.*

Раздуев Алексей Валерьевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры западноевропейских языков и культур Института переводоведения и многоязычия.

Место работы: ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет».

About the authors: *Konstantinova Yekaterina Sergeyevna, student.*

Razduev Aleksey Valeryevich, PhD in Philology, Associate Professor of the West-European Languages and Cultures Chair of the Institute of Translation Studies and Multilingualism. Place of employment: Pyatigorsk State University.

Контактная информация: *357532, Ставропольский край, г. Пятигорск, пр. Калинина, д. 9. e-mail: arazduev@bk.ru.*

Слова в языке по-разному сочетаются между собой. *Лексическая сочетаемость* определяется семантикой и грамматическими свойствами слов, их жанрово-стилистическими особенностями, эмоционально-экспрессивной окраской. В частности, в рамках современного русского языка зачастую бывает трудно или практически невозможно объяснить, по какому принципу сочетаются друг с другом лексические единицы. Следует отметить тот факт, что многие сочетания общеупотребительных и специальных слов закреплены языковой традицией. При выборе слова в речи / на письме следует учитывать не только его лексическое значение, которое присуще ему в языке, но и сочетаемость – способность слова соединяться с другими словами на уровне словосочетаний и/или предложений [2, с. 37; 3]. Смысловые и жанрово-стилистические признаки слов определяют границы лексической сочетаемости. Нередко слова со сходным лексическим значением имеют разную лексическую сочетаемость, например: ***подлинный*** *патриот / образец / документ / потомок / прогресс / текст –* ***истинный*** *авторитет / адрес / друг / авторитет / азимут / вакуум / горизонт*.

Зачастую нарушение лексической сочетаемости связано с неправильным употреблением многозначных слов в контексте [см. 1]: ***глубокая*** *осень / ночь / старость;* ***глубокий*** *пруд / сон / кариес* (нельзя сказать: ***глубокое*** *лето / детство / утро;* ***глубокая*** *весна / юность;* ***глубокий*** *день / зуб* и т.д.)

Традиционно выделяются два вида лексической сочетаемости – свободная и несвободная / связная [4, с. 149]. Первым типом – свободной лексической сочетаемостью – обладают некоторые прилагательные (*хороший, плохой*), вспомогательные глаголы (*быть, стать*), служебные слова (предлоги, союзы). Второй тип сочетаемости предполагает соединение только определенных слов между собой (*во языцех + притча; стрекача + задать; правление(я) + бразды* и т.д.), сочетание одного слова с двумя-тремя синонимичными (для выражения одного и того же смысла: *закадычный + друг / приятель / товарищ; щекотливый(ое) + вопрос / положение*) и несинонимичными (для выражения разных смыслов: *азбучная истина / азбучная молитва; бить челом / бить баклуши* и т.д.) словами. Значительная часть лексики характеризуется определенным образом ограниченной сочетаемостью, которая подчинена действующим в языке лексико-стилистическим нормам [4, с. 150].

При построении словосочетаний отдельные слова как вербализаторы соединяемых понятий не должны противоречить друг другу по смыслу, например, нельзя сказать: *высоченный человечек.* Только в художественной литературе возможны оксюмороны – *грустный восторг* (Ю. В. Бондарев), *седая юность* (А. И. Герцен), *мертвые души* (Н. В. Гоголь), *радостная печаль* (В. Г. Короленко), *ненавидящая любовь* (М. А. Шолохов) и др.). Однако в то же самое время в языке закрепилось немало словосочетаний, которые являются неправильными с точки зрения логики (ложномотивирующими) [см. 7]: *паровое отопление, громоотвод*, *профилактика здоровья* (правильно: *водяное отопление, молниеотвод, профилактика болезней / сохранение здоровья*) и т.п. Подобные словосочетания употребляются в речи (реже – на письме) вследствие языковой привычки.

Ошибки лексической сочетаемости часто бывают вызваны *контаминацией* – наложением сходных словосочетаний [1, с. 176]. Например, словосочетание «*удовлетворять современным потребностям*» является своего рода блендом таких словосочетаний, как «*удовлетворять требованиям*» и «*отвечать современным потребностям*». Типичные случаи нарушения лексической сочетаемости, встречающиеся в бытовой и научно-технической сферах, включают такие словосочетания, как: *специальное внимание (особое внимание), удовлетворять требованиям (отвечать требованиям), применять высокие требования (предъявлять высокие требования), включить кнопку (нажать кнопку), сменить предохранитель (заменить предохранитель), разрыв шнура питания (обрыв шнура питания), пропадание фазы (обрыв фазы), установка кабеля / трубы / шланга (прокладка кабеля / трубы / шланга), компактный размер (небольшой размер), высокий срок службы (длительный срок службы), различные размеры (разные размеры), регулировать таймер (настроить таймер)* и т.д.

В синтаксическом плане сочетаемость слов обусловлена семантикой слов и их семантическими связями в условиях сильного (связные словосо-

четания) и слабого управления (несвязные словосочетания). Лексическая сочетаемость определяется синтаксическими характеристиками и связями слов и регулируется языковыми нормами [5, с. 83].

Следует отметить тот факт, что нормы сочетаемости слов не могут быть однозначно заданными, так как язык непрерывно развивается, происходит непрерывный процесс перераспределения связей между словами, изменение их семантики. С одной стороны, многое из того, что было общепринятым и правильным с точки зрения сочетаемости в языке и речи раньше, постепенно выходит из употребления, устаревает, а с другой стороны – появляются новые слова, которые расширяют границы лексической сочетаемости (*загуглить (информацию); запостить (фото); спамить (на почту); (выйти из) френдзона(ы); (показать) лайфхак; (сделать) селфи / ретвит / репост; запилить лук / пост* и т.д.).

Одним из частных видов лексической сочетаемости является *терминологическая сочетаемость* (сочетаемость терминов и терминоэлементов между собой). Под терминоэлементами нами понимаются не только однокомпонентные и однословные термины как часть многокомпонентных единиц, но и общеупотребительные слова, выступающие в качестве классифицирующих и основообразующих терминоэлементов). Считается, что терминология представляет собой отдельную лексическую систему, отличную от «общего языка», что терминологии не присущи антонимия, синонимия, полисемия, омонимия, эмоциональность и экспрессивность, что сочетаемость терминов определяется лишь логическими отношениями. Однако, это происходит лишь в теории. На практике все происходит по-другому. Терминологии, как и общеупотребительной лексике, характерны такие системные лексические отношения, как антонимия, синонимия, полисемия, омонимия, которые во многом определяют терминологическую сочетаемость.

Терминологии различных сфер характеризуются наличием антонимов, которых, в целом, не меньше, чем в рамках общеупотребительной лексики. Противопоставление понятий – ключевой элемент научного описания объектов. Являясь точками отсчета, противоположные понятия позволяют измерять явления, признаки, качества. Например, только на букву «*а»* методом сплошной выборки из словарей можно найти более сорока терминологических антонимов: *абсорбция – десорбция, автократия – демократия, автономия – гетерономия, адажио – аллегро, аксиома – теорема, актив – пассив, анализ – синтез, анаэроб – аэроб, анод – катод, антоним – синоним, апогей – перигей* и др.

Терминам также свойственна синонимия (*абсолютизм, монархия, самодержавие, автократия*), что также функционально оправдано. Синонимия терминов может быть обусловлена различием научных взглядов, концепций, подходов. Термины-синонимы могут быть использованы в научно-технических текстах с эвфемистической целью (*канцер – рак*), т.е. для стилистической нейтрализации. Развитие научных знаний в различных обла-

стях человеческой деятельности приводит к тому, что способ номинации посредством терминов все больше распространяется в языке, все чаще новый объект (явление, процесс) получает терминированное (точное и однозначное) обозначение, предполагающее соотнесенность этого объекта (явления, процесса) с другими (терминологическая системность). Этим объясняется все увеличивающееся количество терминологических единиц в литературном языке.

Терминам свойственна полисемия и омонимия. Для полисемии / межотраслевой омонимии терминов характерно расслоение значений в зависимости от употребления слова в разных отраслях знаний (ср. *меридиан* в географии и астрономии; *миметизм* в биологии и минералогии; *модуль* в технике, в математике, в строительном деле; *модальность* в логике и языкознании; *аберрация* в биологии, физике, астрономии и т.д.), что также влияет на терминологическую сочетаемость. Термины характеризуются наличием всех видов развития значений: расширение и специализация (сужение) значения, метафоризация (перенос значения по сходству), метонимизация (распространение с целого на часть, перенос значения по смежности), развитие значения вследствие изменения специального (научно-технического) понятия, реалии и т.д.

Терминам свойственны все типы сочетаемости и сочетаний: лексическая, аналитичная, идиоматичная, устойчивая, единичная и др. Сочетаемость терминов обусловлена не только логическими, но и материальными отношениями между соответствующими понятиями. Во многих случаях термины обладают единичной лексической сочетаемостью, то есть возможностью употребления классифицирующего терминоэлемента, несущего в себе признак специального понятия, с единственным основообразующим терминоэлементом (*бислойная липидная* ***мембрана***; ***крейзинг*** *полимеров*). Идиоматичные термины характеризуются несовпадением номинального и реального значения (*голубой сдвиг; магический кластер; сверхпроводящий наносэндвич).* Аналитичные устойчивые сочетания базируются на связанности значения и целостности специального понятия (*квантовая химия; функциональный композит; оптический передатчик)*.

Наряду с общеупотребительными словосочетаниями, терминологические сочетания можно классифицировать по морфологическим (частеречным) свойствам главного слова – основообразующего терминоэлемента. Так, например, можно выделить *субстантивные терминологические словосочетания*, в которых имя существительное выступает как главное слово и может сочетаться 1) с именем существительным (***осаждение*** *(атомных) слоев,* ***аберрация*** *(оптических) систем*) (**Сущ.+Сущ.**); 2) с именем прилагательным (*полевой* ***транзистор****, асферическая* ***линза***) (**Прил.+Сущ.**); 3) с причастием (*амплифицированная* ***последовательность****; ионизированный газ*) (**Прич.+Сущ.**). В *адъективных терминологических словосочетаниях* в роли основообразующего терминоэлемента выступает причастие или имя

прилагательное, которое может употребляться в научно-технических текстах 1) с именем существительным без использования предлогов (*полученный методом (молекулярной дистилляции); обработанный наночастицами; труднодеформируемый сплав*) (**Прич./Прил.+Сущ. в косв. падеже**); 2) с именем существительным с участием предлога (*наноструктурированный в процессе диспергации*) (**Прич./Прил.+Предлог+Сущ. в косв. падеже**); 3) с наречием (*поверхностно активный*) (**Прич./Прил.+Нареч.**). Следует отметить тот факт, что адъективные словосочетания скорее характерны для общеупотребительного слоя лексики. *Глагольные терминологические словосочетания* предполагают, что основообразующий терминоэлемент-глагол может сочетаться с именем существительным как в предложной, так и в беспредложной формах (*туннелировать объект*, *синтезировать материал; наноструктурировать в (холодном) состоянии*) (**Гл.+Сущ. в косв. падеже; Гл.+Предлог+Сущ.**), а также с наречием (*быстро синтезировать*) (**Нареч.+Гл.**).

Терминологичность адъективных и глагольных словосочетаний определяется их понятийной, специальной (научно-профессиональной) соотнесенностью; их значение для терминологий различных сфер состоит, в первую очередь, в том, что различные части речи играют большую роль в терминообразовании, определяя синтаксическую структуру словосочетания, его лексико-грамматическую модель [6, с. 135].

Приведем статистику сочетаемости по предварительным данным, полученным в ходе анализа русскоязычного терминологического материала в научно-технической сфере (см. Диаграмму 1.).

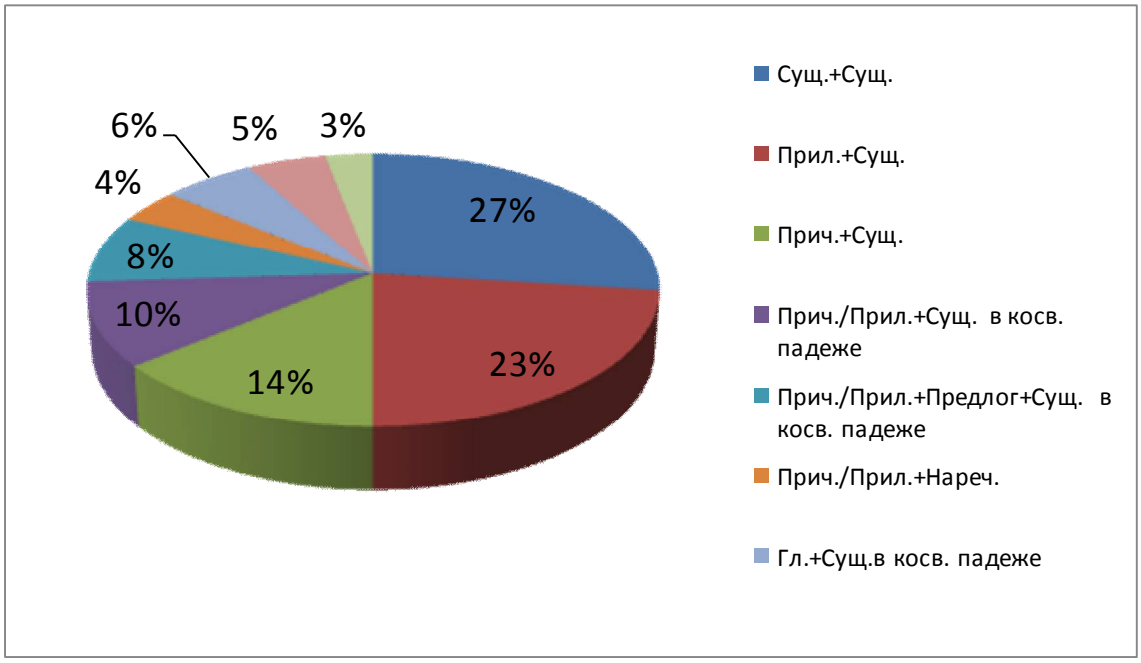

Диаграмма 1. Процентное соотношение субстантивных, адъективных и глагольных терминологических словосочетаний

Как видно из диаграммы, превалируют субстантивные терминологические словосочетания (около 64%), далее идут адъективные словосочетания (около 22%), меньше всего глагольных терминологических словосочетаний (около 14%). В частности, это может быть объяснено преобладанием имен существительных в научно-технической терминологии в целом, а также их способностью активно сочетаться как между собой, так и с другими частями речи.

Таким образом, мы приходим к выводу о том, что слова в современном русском языке характеризуются разной лексической сочетаемостью, обусловленной различными факторами: семантическими и грамматическими свойствами, жанрово-стилистическими особенностями, эмоционально-экспрессивной окраской и т.д. Различают два вида лексической сочетаемости – свободную и связную. Ошибки в лексической сочетаемости связаны с неправильным употреблением многозначных слов в контексте. Терминологическая сочетаемость является частным случаем лексической сочетаемости. В отличие от последней, терминологическая сочетаемость предполагает учет не только логических, но и материальных отношений между понятиями, а также способности термина вступать в синонимические, антонимические, омонимические и прочие парадигматические связи. Кроме того, в рамках синтаксического (и морфолого-синтаксического) терминообразования термин может определенным образом сочетаться с ограниченным числом терминоэлементов, выраженных именами существительными, именами прилагательными, причастиями и т.д., в том числе с участием предлогов.

Литература

1. Верещагина, И.М. Русский язык и культура речи: учебное пособие для студентов технических вузов / И.М. Верещагина. – Томск: Изд-во Том. гос. архит.-строит. ун-та, 2010. – 176 с.
2. Константинова, Л.А. Нормы русского литературного языка: учеб. пособие по культуре речи / Л.А. Константинова (ред.). – М.: Флинта; Наука, 2010. – 168 с.
3. Коссек, Н.В. К вопросу о лексической сочетаемости / Н.В. Коссек // Вопросы языкознания. – 1966. – № 1. – С. 97-101.
4. Котелова, Н.З. Значение слова и его сочетаемость (к формализации в языкознании) / Н.З. Котелова. – Л.: Наука, 1975. – 164 с.
5. Котцова, Е.Е. Лексическая семантика в системно-тематическом аспекте: учебное пособие / Е.Е. Котцова. – Архангельск: Поморский гос. университет, 2002. – 203 с.
6. Кустова, Г.И. Синтаксис современного русского языка: курс лекций / Г.И. Кустова. – М.: Флинта, 2013. – 294 с.
7. Лату, М.Н. Мотивация термина и дефиниция: система корреляций / М.Н. Лату // Scientific Review Proceedings of the International scientific conference. – М., 2015. – С. 280-287.

References

1. Vereshchagina, I.M. Russkiy yazyk i kul'tura rechi: uchebnoe posobie dlya studentov tekhnicheskikh vuzov / I.M. Vereshchagina. – Tomsk: Izd-vo Tom. gos. arkhit.-stroit. un-ta, 2010. – 176 s.

2. Konstantinova, L.A. Normy russkogo literaturnogo yazyka: ucheb. posobie po kul'ture rechi / L.A. Konstantinova (red.). – M.: Flinta; Nauka, 2010. – 168 s.
3. Kossek, N.V. K voprosu o leksicheskoy sochetaemosti / N.V. Kossek // Voprosy yazykoznaniya. – 1966. – № 1. – S. 97-101.
4. Kotelova, N.Z. Znachenie slova i ego sochetaemost' (k formalizatsii v yazykoznanii) / N.Z. Kotelova. – L.: Nauka, 1975. – 164 s.
5. Kottsova, E.E. Leksicheskaya semantika v sistemno-tematicheskom aspekte: uchebnoe posobie / E.E. Kottsova. – Arkhangel'sk: Pomorskiy gos. universitet, 2002. – 203 s.
6. Kustova, G.I. Sintaksis sovremennogo russkogo yazyka: kurs lektsiy / G.I. Kustova. – M.: Flinta, 2013. – 294 s.
7. Latu, M.N. Motivatsiya termina i definitsiya: sistema korrelyatsiy / M.N. Latu // Scientific Review Proceedings of the International scientific conference. – M., 2015. – S. 280-287.

УДК 371.3

К.Т. Кочкомбаева, Г.К. Бакашова
Бишкек, Кыргызстан

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИГРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА УРОКАХ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Аннотация. *В этой статье рассматривается проблема стимулирования мотивации учащихся к изучению иностранного языка с использованием игровых приемов обучения. Каждый преподаватель старается найти оптимальный способ повышение мотивации к изучению иностранного языка. Мотивация учащихся и их интерес являются основным фактором в изучении иностранного языка. Игровой метод имеет большой обучающий и психотерапевтический потенциал, так как игра создает умственное напряжение, без которого невозможен активный процесс обучения у школьников и студентов. Пересматривается использование традиционных путей и способов воздействия на учащихся с целью их ознакомления с культурой страны изучаемого языка, внедряются новые технологии, одной из которых является игровая технология.*

Игра определяет важные перестройки и формирование новых качеств личности; именно в игре обучающиеся усваивают нормы поведения, игра изменяет, учит, воспитывает.

Ключевые слова: *игровая деятельность, игровых технологий, мотивации, анализ, ролевая игра, актуальность, языковая деятельность, иностранный язык, социодрамы.*

K.T. Kochkobaeva, G.K. Bakashova
Kyrgyzstan, Bishkek

USING GAME TECHNOLOGY IN FOREIGN LANGUAGE LESSONS

Abstract*. In this article the problem of stimulation of motivation is examined students to the study of foreign language with the use of playing receptions of educating. Every teacher tries to find an optimal method increase of motivation to the study of foreign language. Motivation of students and their interest are a basic factor in the study of foreign language. A playing method has large teaching and psychotherapy potential, because a game creates an overpressure without that the active process of educating is impossible for schoolchildren and students. The use of traditional ways and affecting methods is looked over students with the purpose of their acquaintance with the culture of country of the studied language, new technologies are inculcated, one of that is playing technology.A game determines important alterations and forming of new internals of personality; exactly in a game the student master the codes of conduct, a game changes, teaches, brings up. Playing activity influences on development of thinking, imagination, attention, memory, all cognitive processes.*

Key words: *playing activity, playing technologies, motivation, analysis, role play, actuality, language activity, foreign language.*

***Сведения об авторах**: Кочкомбаева Калбубу Тавалдиевна, Бакашова Гульзада Кубатовна, Кыргызский государственный университет им. И. Арабаева кафедра немецкого языка преподаватели по немецкому языку.*

Место работы: КТУ Манас, Гуманитарный факультет.

Контактная информация: 722600 , г. Бишкек.

e-mail: gusia25@mail.ru, kalbubu87@mail.ru

***About the authors**: Koshkobaeva Kalbubu Tavaldievna, Bakashova Gulzada Kubatovna, Kyrgyz State University named after A.Sh. I. Arabaeva Department of German language teachers in German.*

***Place of employment**: KTU Manas, Faculty of Humanities..*

… в игре человек испытывает такое же наслаждение
от свободного обнаружения своих способностей,
какое художник испытывает во время творчества.
Ф. Шиллер

Целью нашей статьи является анализ проблемы развития игровых технологий, а также особенности их применения в практике обучения иностранному языку. Научные исследования последних лет убедительно свидетельствуют о значительном повышении интереса к изучению иностранных языков. В связи с этим важнейшим заданием преподавателя иностранного языка является повышение мотивации к его изучению. Также среди актуальных задач выделяется проблема усовершенствования учебно-воспитательной деятельности на уроках иностранного языка.

В последнее время преподавателями высших учебных заведений и учителями общеобразовательных школ пересматривается арсенал существующих методов и технологий влияния на мотивационную, эмоционально-волевую, интеллектуальную сферу обучающихся с целью введения в мир культуры и традиций страны изучаемого языка. Переосмысливаются пути и средства формирования всех видов языковой деятельности: чтения, говорения, аудирования, письма.

Активизации учебного процесса, стимулированию познавательной деятельности обучающихся способствует внедрение в процесс обучения, наряду с традиционными методиками, игровых технологий. Причина настолько повышенного сегодня интереса разного рода играм – это, в первую очередь, отход от традиционных форм и методов обучения. Следует также отметить, что при сохранении достаточно высокой мотивации возникает снижение познавательного интереса к изучению иностранного языка. Данное явление происходит в связи с тем, что учащиеся сталкиваются с некоторыми трудностями, которые кажутся им непреодолимыми. Игровая же деятельность, будучи одной из технологий, которые стимулируют учебно-познавательную деятельность, позволяет использовать все уровни усвоения знаний. Следовательно, не случаен интерес к использованию на уроках иностранного языка игровых технологии.

На ранних этапах развития общества понятия игры в том смысле, как оно существует сегодня, не существовало. Дети в то время быстро взросле-

ли, и «игрой» у них была бытовая деятельность, как у взрослых. Таким образом, они обучались всему, что умели делать взрослые люди. Такая ситуация была обусловлена простотой мира, науки, общества.

С развитием научно-технического прогресса появились сложные отношения между людьми, а, следовательно, возникла необходимость в серьёзном обучении и развитии детей. Теперь, чтобы адаптироваться в этом мире, дети должны освоить различные социальные роли. И на помощь им приходит игровая деятельность.

В общественной практике последних лет понятие игры по-новому осмысливается наукой. Игра распространяется на многие сферы жизни, трактуется как общенаучная категория. Игра рассматривается как освоение ребёнком мира теми средствами, которыми он владеет на данном уровне своего физического и интеллектуального развития. И в то же время как своеобразная репетиция трудовых процессов и общественных отношений.

В отличие от игр вообще, педагогическая игра имеет существенную особенность – чётко поставленную цель обучения с ориентацией на соответствующий педагогический результат.

Большую роль, на наш взгляд, в формировании лексического запаса и грамматических навыков обучающихся играют различные приёмы игровых технологий. Они повышают эмоциональный настрой учащихся, их межличностные отношения приобретают новую позитивную окраску. Проблемы стимулирования и мотивации к изучению иностранного языка с использованием занимательных материалов и игровых приемов обучения представлены в научных исследованиях многих отечественных ученых (Б.Г.Ананьєв, И.Л. Бим, Л.С.Выготский,С.Т.Занько, К.Д.Ушинский, Г.К.Селевко, С.С. Полат, А.М.Леонтьєв, С.Л.Рубинштейн, Д.Б.Эльконин). В практике преподавания иностранных языков используются многочисленные учебные пособия, методические разработки, материалы к проведению разнообразных игр с использованием материала иностранного языка. Однако, несмотря на то, что технология игрового обучения достаточно изучена, в практике школы он используется не достаточно активно. Вот почему проблема использования игровых технологий в практике обучения рассматривается нами как актуальная, требующая анализа.

В процессе обучения иностранному языку остаётся актуальным вопрос повышения уровня качества и эффективности обучения, а также ставится задача поиска средств поддержания интереса к изучаемому материалу и активизации их деятельности на протяжении всего занятия. Эффективным средством решения этой задачи являются дидактические игры. Среди дидактических игр на старшем этапе обучения особое место занимает ролевая игра. Проблема использования ролевых игр в методике обучения иностранным языкам не ново, однако остаётся актуальной и в наши дни. Несмотря на большое количество публикаций, посвящённых теории ролевого общения, многие вопросы этой сложной проблемы не получили ещё должного

обоснования и однозначного решения. Нет единства взглядов относительно термина «ролевая игра». Нет также единства классификации ролей, поразному определяется их место и назначение в учебном процессе, недостаточно разработана методика подготовки и проведения игр с учётом возраста и языковой подготовки обучающихся.

Организация ролевой игры особенно актуальна при работе с подростками. Подростки стремятся к общению, к «взрослости», а ролевая игра даёт им возможность выйти за рамки присущей им деятельности, расширить её.
Игра является мощным стимулом к овладению языком. Учебная игра воспитывает культуру общения и формирует умение работать в коллективе и с коллективом, а ее умелое использование на уроках вызывает у учащихся готовность и желание играть и общаться. Игра, как форма организации урока выполняет следующие задачи:
Тренирует обучающихся в выборе нужного речевого клише, сспособствует многократному повторению языковых единиц, ссоздаёт психологическую готовность к реальному речевому общению.

Игра посильна практически каждому. Случается, что слабый в языковой подготовке студент может стать первым в игре: сообразительность и находчивость здесь оказываются более важными, чем знания в предмете. Чувство равенства, атмосфера увлеченности и радости, ощущение посильности заданий – все это дает возможность студенту преодолеть стеснительность, мешающую свободно употреблять в речи слова чужого языка, снижает боязнь ошибок, и благотворно сказывается на результатах обучения.

Благодаря игре возрастает потребность в творческой деятельности, в поиске возможных путей и средств актуализации накопленных знаний, навыков и умений. Игра рождает непримиримость к шаблонам и стереотипам. Она развивает память и воображение, оказывает влияние на развитие эмоционально-волевой стороны личности, учит управлять своими эмоциями, организовывать свою деятельность. Игра способна изменить отношение студентов к тому или иному явлению, факту, проблеме. При использовании игровых методов обучения задача преподавателя состоит, прежде всего, в том, чтобы организовать познавательную деятельность обучающихся, в процессе которой развивались бы их способности. Как показывает опыт, использование игровых форм обучения делает учебно-воспитательный процесс более содержательным и более качественным, т.к.
1) Игра втягивает в активную познавательную деятельность каждого ученика в отдельности и всех вместе взятых, и тем самым является эффективным средством управления учебным процессом;
2) Обучение в игре осуществляется посредством собственной деятельности обучающихся, носящий характер особого вида практики, в процессе которой усваивается до 90% информации;
3) Игра – свободная деятельность, дающая возможность выбора, самовыражения, самоопределения, саморазвития;

4) Игра имеет определенный результат и стимулирует обучающихся к достижению цели;
5) Удовольствие, полученное от игры, создает комфортное состояние на уроках иностранного языка и усиливает желание изучать предмет;
6) В игре все равны. Она посильна практически каждому ученику. Чувство равенства, атмосфера увлеченности и радости, ощущение посильности заданий – все это дает возможность ученику преодолеть стеснительность и благотворно сказывается на результатах обучения.

Таким образом, учебная игра является одним из способов организации учебно-познавательной деятельности. Применение игр в обучении – не просто развлекательный прием или способ организации познавательного материала. Игра обладает огромным эвристическим и убеждающим потенциалом. Игровые технологии приобретают всё большую популярность в современном образовательном пространстве, в том числе в изучении иностранного языка в ВУЗах нашей страны.

В настоящее время в педагогике США и Англии разрабатываются социодрамы как ролевые игры, назначение которых научить студентов ориентироваться в жизненных ситуациях, помочь понимать мотивы и чувства других людей, сформировать опыт социально ориентированного поведения. В университетах, колледжах, школах бизнеса и крупных промышленных компаниях широко используется имитационно-игровой подход для моделирования различных сфер профессиональной деятельности.

В работах последних лет значительное внимание уделяется типам игр, условиям их проведения, приемам организации учебно-игровых взаимодействия. Вместе с тем, необходимо подчеркнуть, что развивающие, воспитывающие обучающие функции учебных игр в полной мере еще не выявлены, а сам игровой подход к обучению зачастую оправдывается практическим эффектом, а не завершенными дидактическими методологическими обоснованиями. Мы рассматриваем игру как ситуативно-вариативное упражнение, где создаётся возможность для многократного повторения речевого образца в условиях, максимально приближенных к реально-речевому общению с присущими ему признаками-эмоциональностью, целенаправленностью, речевого воздействия.

Литература

1. Аникеева, Н. П. Воспитание игрой / Н. П. Аникеева. – М.: Просвещение.
2. Алесина Е.В. Учебные игры на уроках английского языка // Иностранные языки в школе. – 1987, № 4.
3. Бачаров Л.Н. Игры на уроках английского языка на начальной и средней ступенях обучения // Ин.яз. в шк. – 1996, №3. – С. 66-68.
4. Выгодский, Л. С. Игра и ее роль в психическом развитии ребенка.
5. Гальскова, Н. Д., Гез, Н. И. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика / Н. Д. Гальскова, Н. И. Гез. – М.: Издательский центр «Академия», 2005.
6. Гладилина И.П. Некоторые приемы работы на уроках английского языка в начальной школе // Иностранные языки в школе. – 2003, № 3.

7. Денисова Л.Г. Использование игровых элементов на начальном этапе обучения английскому языку // Ин.яз. в шк. – год, №4. – С. 26-27.
8. Дворник М.В. Игра и игровая ситуация на начальном и среднем ступенях обучения // Иностранные языки в школе. – 1980, № 6.
9. Коптелова И.Е. Игры со словами // Иностранные языки в школе. – 2003, №1.
10. Паросова И.А. Игра на уроках немецкого языка // Иностранные языки в школе. – 2003, № 4.

References

1. Anikeeva, N. P. Vospitanie igroj / N. P. Anikeeva. – M.: Prosveshchenie.
2. Alesina E.V. Uchebnye igry na urokah anglijskogo yazyka // Inostrannye yazyki v shkole. – 1987, № 4.
3. Bacharov L.N. Igry na urokah anglijskogo yazyka na nachal'noj i srednej stupenyah obucheniya // In.yaz. v shk. – 1996, №3. – S. 66-68.
4. Vygodskij, L. S. Igra i ee rol' v psihicheskom razvitii rebenka.
5. Gal'skova, N. D., Gez, N. I. Teoriya obucheniya inostrannym yazykam. Lingvodidaktika i metodika / N. D. Gal'skova, N. I. Gez. – M.: Izdatel'skij centr «Akademiya», 2005.
6. Gladilina I.P. Nekotorye priemy raboty na urokah anglijskogo yazyka v nachal'noj shkole // Inostrannye yazyki v shkole. – 2003, № 3.
7. Denisova L.G. Ispol'zovanie igrovyh ehlementov na nachal'nom ehtape obucheniya anglijskomu yazyku // In.yaz. v shk. – god, №4. – S. 26-27.
8. Dvornik M.V. Igra i igrovaya situaciya na nachal'nom i srednem stupenyah obucheniya // Inostrannye yazyki v shkole. – 1980, № 6.
9. Koptelova I.E. Igry so slovami // Inostrannye yazyki v shkole. – 2003, №1.
10. Parosova I.A. Igra na urokah nemeckogo yazyka // Inostrannye yazyki v shkole. – 2003, № 4.

УДК 81’23

М.Ю. Криницкая
Владивосток, Россия

ДВУСТОРОННИЕ НОМИНАЦИИ В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

Аннотация. *В статье анализируется и сопоставляется употребление зооморфизмов и названий неодушевлённых предметов как вида двусторонних номинаций в русском и китайском языках в устной речи. Описываемые языковые единицы отображают визуальные и ментальные свойства людей, характеризуются определённой частотностью использования и национальной детерминированностью. Выполненное в сопоставительном аспекте исследование дополняет данные словарей русского языка и знакомит с национально-культурной спецификой двусторонних номинаций и фоновыми знаниями представителей Китая.*

Ключевые слова: *двусторонние номина-*

M.Yu. Krinitskaya
Vladivostok, Russia

DOUBLE-SIDED NAMING UNITS IN COMPARATIVE ASPECT (A CASE STUDY OF THE RUSSIAN AND CHINESE)

Abstract. *This article analyzes and compares use of zoomorphisms and inanimate objects names as type of double-sided naming units in the Russian and Chinese in oral speech. The described language units display visual and mental properties of people. The double-sided naming units are characterized by a certain rate of use and national determinancy. The executed in comparative aspect research supplements data of Russian dictionaries and acquaints with national and cultural specifics of the double-sided naming units and background knowledge of Chinese representatives.*

Key words: *double-sided naming units,*

ции, ассоциативный эксперимент, зооморфизмы, устная речь, национальная детерминированность, предикативно-характеризующее значение.

associative experiment, zoomorphisms, oral speech, national determinancy, the predicative characterizing meaning.

Сведения об авторе: *Криницкая Марина Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка*

Место работы: Владивостокский государственный университет экономики и сервиса (ВГУЭС).

About the author: *Krinitskaya Marina Yuryevna, Candidate of Philological Sciences, Docent of the Department of the Russian Language*

Place of employment: Vladivostok State University of Economics and Service (VSUES).

Контактная информация: *690014, ДФО, Приморский край, г. Владивосток, ул. Гоголя 41, ауд. 5516.*

e-mail: Marina.Krinitskaya@vvsu.ru

Общеизвестно, что человек и окружающее его общество являются продуктами продолжительного формирования и развития истории, они аккумулируют в себе совокупный опыт предшественников, а связующей частью между поколениями и хранилищем подобного коллективного опыта выступает национальный язык.

Многообразие лексических значений тех или иных слов весьма широко представлено в первую очередь в разговорной речи. Именно в разговорной речи, обладающей яркой выразительностью с сопутствующей ей эмоциональностью, при визуальной и ментальной характеристике личности употребляются эмоционально-экспрессивные имена существительные, обозначающие названия животных (зооморфизмы, зооименования и т.п.), а также лексемы, называющие окружающие нас в реальной действительности неодушевлённые предметы.

Вслед за Д.Б. Гудковым изучаемые языковые единицы относим к двусторонним именам или номинациям. К ним исследователь приписывает имена, способные в одних ситуациях выступать как общие, а в других – как индивидуальные [1, с. 74].

Подобные номинации, употреблённые в предикативно-характеризующем значении, придают устной речи особую яркость и красочность. Это достигается тем, что в основе их создания зачастую используется удачно подмеченное сравнение или метафора. Лексические значения подобных слов могут быть схожи в разных языках, а могут и различаться. Чтобы проанализировать, как используются двусторонние языковые единицы в устной коммуникации, был проведён направленный ассоциативный эксперимент, который позволил выявить, как реализуются компоненты языкового сознания носителей русского и китайского языков.

В рамках исследования были опрошены молодые носители языка, учащиеся Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (ВГУЭС). В опросе приняло участие 300 человек: 150 русских и 150

китайских студентов. В разработанных нами заранее анкетах опрашиваемым следовало закончить фразу и написать одно слово-реакцию на соответствующее слово-стимул: *«Если человека называют .... (корова, тряпка и т.д.), то он ... (какой?)»*.

Стоит отметить немаловажный факт: значения анализируемых в работе языковых единиц в определённой степени описаны в толковых словарях русского языка, в Русском семантическом словаре в разделе «Названия лиц», в Русском ассоциативном словаре, а также в некоторых других справочных изданиях (например, в лингвокультурологическом словаре «Русское культурное пространство»). Наша работа может послужить неким дополнением вышеуказанных словарей, так как в ней актуализируются не указанные в словарях значения двусторонних номинаций, зафиксированные молодыми носителями русского и китайского языков. А также данное исследование позволяет познакомиться с культурными представлениями, отражёнными в китайском языке.

В результате проведённого анкетирования выделяются три группы слов-стимулов, которые описывают характеристики человека и функционируют в устной речи носителей русского и китайского языков. При описании материала в некоторых случаях для объяснения визуальных и ментальных качеств человека, а также реалий китайской культуры привлекались объяснения респондентов.

К первой группе относятся двусторонние номинации, значения которых совпадают в обоих языках.

Словом ***Пчела*** (蜜蜂, mìfēng) в предикативно-характеризующем значении и русские, и китайцы называют трудолюбивого человека.

В большей или меньшей степени в сознании русского и китайца лексема ***Голубь*** (鸽子, gēzi) ассоциируется с мирным человеком.

Носители русского и китайского языков словом ***Лиса*** (狐狸, húli) называют хитрого человека, чаще всего женщину. В китайском языке есть выражения, в которых тем или иным образом говорится о «лисьей хитрости»: 狐假虎威 (hu jia hu wei) – пользоваться чужим авторитетом (дословно «лиса пользуется могуществом тигра») [3].

Змея (蛇, shé) – данная номинация ассоциируется со злым и коварным человеком в русском и китайском языке.

Двусторонним именованием ***Тигр*** (老虎, lǎohǔ) и русские, и китайцы называют свирепого, лютого, злого и грозного человека. Ср. в русском языке – *«Наброситься на кого-нибудь как* ***тигр*** (яростно)» [2]; «броситься на врага, как тигр» (象猛虎一样扑向敌人) [3].

С помощью двусторонней номинации ***Лев*** (狮子, shīzi) характеризуется сильный, властный и «лютый» человек. На формирование данного значения в китайском языке влияют религиозные представления. Как известно, лев в буддизме символизирует властность и грозность. До сих пор по обеим сто-

ронам у входа в буддийские храмы расположены каменные львы, символизирующие справедливость и власть.

Среди наименований неодушевленных предметов отмечается только одно совпадение: ***Бревно*** (木头, yuánmù). Таким двусторонним именем называют тупого, негибкого, неподвижного человека.

Ко второй группе примыкают слова, значения которых частично совпадают в русском и китайском языках.

Двусторонняя номинация ***Собака*** (狗, gǒu) ассоциируется у носителей обоих языков с «верным и преданным человеком». Хотя в русском языке отмечаются и другие значения: 1. «злой, грубый человек»; 2. «знаток, ловкий в каком-нибудь деле человек (прост.)» [2]. Таким образом, в данном случае необходимо подчеркнуть многозначность культурных коннотаций: в одном слове содержатся сразу две противоположные окраски (положительная и отрицательная).

Обозначая кого-либо словом ***Лебедь*** (天鹅, tiānér) носители русского и китайского языка полагают, что это красивый, прекрасный и изящный человек, хотя существуют и дополнительные значения – для русских – это «верный», а для китайцев – «высокомерный» человек.

Русские и китайцы ассоциируют лексему ***Воробей*** (麻雀, máquè) с человеком маленького роста. Однако китайцы дополнительно замечают, что так можно называть и шумного человека. В русском же языке так можно именовать опытного, бывалого человека: «*Старый или стреляный **воробей***» [2].

Русские респонденты отметили, что словом ***Волк*** (狼, láng) можно назвать злого (злостного, злобного), одинокого и голодного («*Голоден как **волк***» [2]) человека. Для китайцев – это в первую очередь злой человек, в анкетах отмечено: «зверский». Однако, в китайском словаре отмечено следующее сочетание: 狼吞虎咽 (lang tun hu yan) – жадно пожирать; жадно наброситься на еду; иметь волчий аппетит (дословно «глотать, как волк, пожирать, как тигр») [3].

Медведь (熊, xióng). Русские так говорят о неуклюжем, неповоротливом человеке, а также о сильном и свирепом. В сознании же носителя китайского языка эта двусторонняя номинация ассоциируется с крепким и ленивым человеком. Более того, так называют человека, который при ходьбе носки ног ставит вовнутрь. В китайском языке для подобного обозначения используется иероглиф“八” (bā), то есть данное явление ещё выражается и графически. Таким образом, для китайцев образ медведя всегда был связан с представлением о неуклюжести, тупости и грубости. Хорошо известная китайская поговорка «*Медведь кукурузу обрывает*» означает напрасный труд. Говорят, что когда медведь собирает кукурузу, он обрывает один початок и тут же роняет другой.

В Толковом словаре русского языка отмечено, что о человеке, склонному к подражанию другим, гримаснике, кривляке [2] говорят ***Обезьяна*** (猴子, hóuzi). Носители русского и китайского языка тоже ассоциируют данное двустороннее имя с таким человеком: весёлым, смешным, озорным, клоуном, непоседой. Однако китайские информанты выделяют и дополнительное значение: так можно говорить об умном человеке. Весьма часто в китайском языке один иероглиф может содержать несколько значений. Например, иероглиф «猴 (hou)» может обозначать 1) имя существительное «обезьяна» и 2) прилагательное «ловкий», «шустрый».

Двусторонней номинацией ***Бамбук*** (竹[子], zhúzi) можно называть тупого, глупого человека в русском и китайском языках. В китайском языке тоже есть такое значение; пословица *«У человека пустая голова»* это подтверждает. А также носители китайского языка считают, что это высокий худой человек или «несгибаемый» человек. При анализе данной лексемы стоит отметить и точку зрения китайского исследователя, лингвиста У Гохуа. Он полагает, что бамбук не является у русских, как у китайцев, «символом несгибаемости, стойкости характера» [4, с. 8].

Одуванчик (蒲公英, púgōngyīng) – русские респонденты считают, что таким двусторонним именем можно назвать «милого человека». Кроме того, «так можно сказать о человеке с причёской «афро». В Толковом словаре русского языка отмечено, что так говорят о тихом и слабом, обычно старом человеке: *«Старушка божий* ***одуванчик****»* [2]. Китайцы считают, что это свободный человек, а также человек, у которого «причёска как одуванчик». Таким образом, актуализируется молодыми носителями языка «индивидуально»-национальное значение слова, отображающего не ментальные черты человека (что, к примеру, отражается в толковых словарях русского языка), а его визуальные качества, в данном случае – наличие пышных волос на голове.

На слово-стимул ***Лампочка*** (电灯泡, diàndēngpào) от русских респондентов была получена реакция «лысый человек», а также «человек, имеющий странную форму головы». Китайцы же говорят: «У него голова как лампочка», то есть он лысый. Так говорят о причёске монахов, которые служат в монастырях. Это стандартное сравнение в китайском языке.

Словом ***Пень*** (树桩 shùzhuāng) носители русского и китайского языков именуют «глупого, тупого человека». В китайском языке обнаруживается дополнительный смысл: это и низкий, и толстый человек дополнительно.

Русские говорят ***Дуб*** (橡树, xiàngshù) о глупом и тупом человеке. Китайцы так называют неумного, а также и высокого и большого человека.

Словом ***Лапша*** (面条, miàntiáo) русские обозначают худую девушку, а также вялого, слабого человека. Для китайцев это худой, трусливый человек.

И, наконец в третью группу входят двусторонние номинации, смысл которых различается в русском и китайском языках.

Словом ***Корова*** (牛, niú) носители русского языка именуют «большого человека». Более того, этим двусторонним именем чаще всего называют толстую неуклюжую женщину. Китайцы же называют так «трудолюбивого и безропотного человека».

Двусторонним именем ***Свинья*** (猪, zhū) русские назовут того, кто поступает низко, подло, а также (грубо) о грязном человеке, неопрятном, неряшливом, неаккуратном: «*Ну и **свинья** же ты!*» [2]. Китайцы же отметили иные значения данного слова – это «ленивый, тупой, толстый и ненасытный человек». В китайском языке есть такое образное сочетание «懒猪» (lan zhu), дословно обозначающее «ленивая свинья», так говорят о толстяке или лентяе [2].

С помощью лексемы ***Курица*** (鸡, jī) русские называют «глупого, тупого и суетливого человека», чаще молодую глупую и безответственную женщину; в сознании же китайца – это «трудолюбивый и встающий рано человек».

Двусторонним именованием ***Мышь*** (鼠 shǔ) в русском языке называют тихого и незаметного человека (ср. «*как **мышь** сидит кто-нибудь*» – очень тихо себя ведёт [2]), а в китайском языке – хитрого, трусливого и ворующего.

Интересно рассмотреть и употребление названий неодушевлённых предметов в этой группе. Если русские студенты с помощью слова ***Башмак*** (鞋 xié) называют глупого, тупого человека, то китайские учащиеся ассоциируют это слово с «распущенной женщиной».

Словом ***Мешок*** (口袋, kǒudài) русские обозначают неповоротливого, неуклюжего человека. Китайцы так говорят о богатом человеке.

Носители русского языка двусторонним именем ***Свеча*** (蜡烛, làzhú) называют «яркого» человека. В китайском языке часто используется такое стандартное сравнение *«Учитель как **свеча**»,* а также так можно называть отзывчивого человека.

Номинация ***Заноза*** (刺 cì) с точки зрения носителя русского языка характеризует человека надоедливого и назойливого. Китайцы считают, что такой человек приносит боль, и является придирчивым.

Тряпкой (破布, pòbù) называют бесчувственного человека или того, кто не имеет своего мнения: *«Не мужчина, а **тряпка**»* (разг., пренебр.) [2]. Для китайцев – это бездарный человек или «дешёвая женщина».

Шляпа (礼帽, màozi) – русские говорят так о простом человеке (простаке). Для китайцев это человек, который имеет высокое положение в обществе. Но в китайском языке есть такое выражение *«зелёная шляпа»* –

«мужчина, которому изменяет жена или девушка. В русском языке такого мужчину называют «рогоносец».

Таким образом, результаты эксперимента позволили выделить три группы слов-стимулов, которые описывают характеристики человека и функционируют в устной речи носителей русского и китайского языков: 1) двусторонние номинации, значения которых совпадают в русском и китайском языках (11.5 %); 2) лексемы, значения которых частично оказываются одинаковыми в обоих языках (33.5 %); 3) двусторонние имена, смысл которых различается (55 %). В большем количестве случаев наблюдается различие в семантике изучаемых двусторонних номинаций. Полагаем, что данное явление связано в первую очередь с тем, что каждый язык обладает своеобразным способом восприятия и отражения мира, создавая свою языковую картину мира.

Как показало исследование, в некоторых случаях обнаруживаются весьма удивительные и непредсказуемые факты. К примеру, среди указанных в анкете двусторонних номинаций нами умышленно было включена лексема-числительное 250 (èr bǎi wǔ), так как в китайском языке, если читать в определённом смысле, она обозначает очень глупого человека, кроме этого, это бранное слово (отвечая на вопросы анкеты, китайские студенты смущались и стеснительно улыбались, когда писали реакцию на это слово-стимул). А также одним из популярных ответов явилось такое объяснение: «такой человек стоит слишком дёшево». Русские же студенты думают, что это толстый человек. Хотя в русском языке существует разговорное выражение, в котором используются числительные «два» и «пять», – «два по пять». Ср. «*Я в этом* ***два по пять***», то есть «я не опытный человек в этом деле».

Общеизвестно, в России и Китае имеется большая разница в истории стран, их культуре и соответственно в языке. Все эти факторы влияют на наше сознание, и данное отражение проявляется в нашей устной речи, то есть одни и те же понятия и характеристики предметов люди разных народов могут описывать по-разному, использовать различные слова и выражения. Важным оказывается и то, что при экстенсиональном и интенсиональном употреблении двусторонних имен их значения актуализируются, причем мифологическое значение оказывается национально обусловленным. Но иногда лексические значения этих слов могут совпадать. Это видно в нашем эксперименте.

Автор выражает огромную признательность студенту Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (ВГУЭС) Лю Юе за помощь в проведении ассоциативного эксперимента.

Литература

1. Гудков, Д.Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности / Д.Б. Гудков. – М.: МГУ, 1999. – 152 с.

2. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова; Российская Академия Наук. Институт русского языка; Российский фонд культуры. – М.: АЗЪ, 1993. [Электронный ресурс]. // URL: http://ozhegov.info/slovar/ (дата обращения: 07.02.2017).
3. Онлайн и офлайн версия Большого Китайско-Русского словаря: материалы для изучения китайского языка, китайско-русский переводчик. [Электронный ресурс]. // URL: http://bkrs.info/ (дата обращения: 07.02.2017).
4. У Гохуа Культурная лексикология / У Гохуа. – Харбин: Культура, 1996. – 330 с.

References

1. Gudkov, D.B. Pretsedentnoye imya i problemy pretsedentnosti / D.B. Gudkov. – M.: MGU, 1999. – 152 s.
2. Ozhegov, S.I. Tolkovyj slovar russkogo yazyka: 72500 slov i 7500 frazeologicheskih vyrazhenij / S.I. Ozhegov, N.U. Shvedova; Rossijskaya Akademiya Nauk. Institut russkogo yazyka; Rossijskiy fond kultury. – M.: Az, 1993. // URL: http://ozhegov.info/slovar/
3. Online i offline versiya Bolshogo Kitajsko-Russkogo slovarya: materialy dlya izucheniya kitajskogo yazyka, kitajsko-russkij perevodchik. // URL: http://bkrs.info/
4. U Gohua, Kulturnaya leksikologiya / U Gohua. – Harbin: Kultura, 1996. – 330 s.

УДК 81’42

Т.И. Попова
Санкт-Петербург, Россия

ПРИНЦИПЫ ОТБОРА И ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ ЖАНРОВ РЕЧИ В ПРЕПОДАВАНИИ РКИ[1]

Аннотация. *Предлагаются принципы отбора жанров речи в преподавании РКИ, среди которых – учёт социальных ролей, сфер общения, актуальных для изучающих РКИ на определенном уровне, а также характер общения. Предложены принципы лингводидактического описания речевого жанра: 1) фреймовый подход при составлении модели отражения ситуации действительности; 2) сценарный подход при моделировании речевого поведения; 3) вариативность языковых средств с учетом уровня формирования коммуникативной компетенции учащихся.*

Ключевые слова: *линводидактическое описание; речевые жанры; преподавание РКИ; принципы отбора; принципы описания*

Т.I. Popova
St.-Petersburg, Russia

PRINCIPLES OF SELECTION AND LINGUIISTIC AND DIDACTIC DESCRIPTION OF SPEECH GENRES IN TEACHING OF RUSSIAN AS FOREIGN LANGUAGE

Abstract. *The principles for the selection of genres of speech in teaching Russian as foreign language are presented, including taking into account such factories as: social roles, spheres of communication relevant to people studying the Russian at a certain level, as well as the nature of the communication. The following principles of descriptions of the speech genre are offered: 1) frame approach in constructing the model of the situation reflection; 2) scenario approach in modeling the speech behavior; 3) variability of language, taking into account the level of communicative competence of students.*

Key words: *linguistic and didactic description; speech genres; teaching Russian as foreign language; principles of selection; principles of description*

Сведения об авторе: *Попова Татьяна*

About the author: *Popova Tatiana Igo-*

[1] *Исследование ведется при поддержке фонда «Русский мир» в рамках выполнения проекта «Лингводидактическое описание компетенций в сфере русского языка как иностранного (уровень В2/ТРКИ-2)».*

Игоревна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания.

Место работы: Санкт-Петербургский государственный университет.

revna,
Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian as a foreign language and its teaching methods.

Place of employment: St. Petersburg State University.

Контактная информация: *199034, Санкт-Петербург Университетская наб., д.11. e-mail: t.popova@spbu.ru.*

Работа над созданием полноценного лингводидактического описания русского языка как иностранного для каждого уровня владения языком (от A1 до C2) требует решения многих теоретических проблем: на какой основе его строить; может ли это основание быть единым для всех уровней владения языком; как соединить в этом описании языковую и речевую системность.

Если при описании начальных уровней владения РКИ (A1, A2, B1) основной акцент делается в первую очередь на системе русского языка (лексика, морфология, синтаксис), то описание уровней «независимого пользователя» (B2, C1, C2) требует описания интегративного, исходящего из представления о речевой деятельности как главной задаче обучения, о тексте как единице порождения и восприятия речи. Цель такого описания — объективно и системно представить гипотетическую модель речевого поведения иностранца; охарактеризовать его коммуникативную способность с прагматической точки зрения через описание ее составляющих: лингвистической, речевой, дискурсивной, социокультурной и стратегической компетенций.

Создание гипотетической модели речевого поведения иностранца непростая задача. Единицей описания речевого поведения выступает речевой жанр, который понимается нами как социально закрепленный способ общения по поводу определенной предметной области в заданной ситуации общения. Необходимо определить принципы отбора речевых жанров. Главными из них являются: 1) учёт актуальных социальных ролей, в которых может выступать иностранец; 2) учёт сфер общения, актуальных для изучающих РКИ на определенном уровне, включая темы общения, а также 3) учёт характера общения (кооперативное/конфликтное, равностатусное/ разностатусное, официальное/неофициальное, статусно-ориентированное/ личностно- ориентированное).

Первой задачей, таким образом, при создании гипотетической модели речевого поведения иностранца является определение основных актуальных сфер коммуникации, тем и ситуаций общения, за которыми закрепляются определенные речевые жанры, характерные для разных видов речевой деятельности (рецептивных – чтение, аудирование; и продуктивных – говорение, письмо).

Вторая задача – выяснить, какие единицы речевой организации участвуют в воссоздании этой предметной области в текстах определенных речевых жанров и выявить основные способы их соединения и распределения в структуре речевого целого для каждого из уровней владения РКИ. Эта задача требует определения принципов лингводидактического описания речевого жанра.

Мы исходим из того, что в любом речевом жанре (монологическом и диалогическом) закреплены две предписывающие модели: 1) модель отражения ситуации действительности (референтный аспект жанра) и 2) модель поведения говорящих в ситуации общения (прагматический аспект жанра). Выбор и той, и другой модели напрямую связан с речевым поведением говорящего, так как именно от него зависит способ отражения референтной ситуации и сценарий речевого поведения. Таким образом основными принципами лингводидактического описания речевого жанра в преподавании РКИ можно считать: 1) фреймовый подход при составлении модели отражения ситуации действительности; 2) сценарный подход при моделировании речевого поведения.

Каждый речевой жанр обладает потенциальным набором фреймов и жанрово закрепленными способами активизации слотов фреймов, то есть жанровыми стратегиями и тактиками.

Динамическую структуру текста определенного жанра можно представить как набор *стратегических шагов*, связанных с выбором и способом вербализации элементов предметной ситуации (слотов фрейма) [см. сходную точку зрения: 2]. В диалогических речевых жанрах стратегический шаг вербализуется при помощи *минимальной диалогической единицы*, в монологических речевых жанрах – в рамках *композиционного элемента*. Выбор, последовательность введения и характер отношений стратегических шагов отражают стратегический замысел говорящего.

Стратегические шаги определяют выбор объекта изображения и модальный аспект его рассмотрения. В референтном плане речевого жанра содержатся два типа знаний, или два содержательных компонента: «1) пропозициональный, отражающий топику массива текстов определенной предметной области, то есть жанрово-ориентированный; 2) модальный, отражающий прагматический потенциал когнитивной системы» [1, с. 48]. Выбор и речевое оформление стратегического шага подчиняется, в первую очередь, установкам «о чем?» и «зачем?», которые, естественно, включают вопрос «кому?».

Тактики одновременно участвуют в вербализации и референтного, и прагматического планов речевого жанра. С одной стороны, они являются основным способом активизации всего стратегическо-

го шага, то есть напрямую связаны с вербализацией референтного плана речевого жанра; с другой стороны, выбор тактики осуществляется, в первую очередь, с учетом адресата, что делает ее и средством выражения прагматического плана речевого жанра.

Таким образом, лингводидактическое описание речевого жанра должно опираться на фреймовый подход, очерчивающий структуру предметной области, а также на сценарный подход, позволяющий моделировать речевой жанр в динамическом аспекте.

Третий принцип, на котором базируется лингводидактическое описание речевого жанра – это вариативность языковых средств, участвующих в реализации определенных типов текста (речевых жанров). Характер и набор этих языковых средств будет варьироваться от уровня к уровню и определять уровень коммуникативной компетенции иностранца, что должно быть зафиксировано в Кодификаторе – перечне речевых и языковых средств, характерных для того или иного типа текста (речевого жанра). Реализация третьего принципа позволит решить дидактическую задачу соединения уровней языковой и речевой системности в преподавании РКИ.

Представим реализацию такого подхода к лингводидактическому описанию речевых жанров на уровне В2.

Как показывает анализ Стандарта, программ обучения и учебников по ТРКИ-2 (В2), основу дискурсивной компетенции на этом уровне составляет умение порождать и понимать тексты, представляющие собой описание какого-либо социально значимого явления (например, описание таких явлений, как гражданский брак, интернет-общение и т.д.), описание положения дел в какой-либо области (например, в образовании, здравоохранении), а также выражение отношения к этому явлению/оценки положения дел. Эти типы текста мы назовем первичными, вслед за М.М. Бахтиным. Вторичными же текстами (речевым жанрами) будем считать речевую реализацию этих первичных текстов в составе более сложных речевых жанров в официальных и неофициальных ситуациях общения.

Тексты о явлениях и положении дел могут носить как монологический, так и диалогический характер и реализовываться в таких устных и письменных вторичных жанрах, как статья, социальный репортаж, интервью, ток-шоу, интеллектуальная беседа, расспрос специалиста, деловое письмо, запись в блоге и т.д. Данные речевые жанры являются основой обучения всем видам речевой деятельности на уровне В2.

Роль слушающего/читающего. Понимание данных типов текста в чтении и аудировании соответствует такой *социальной роли иностранца*, как *культурный человек*, обладающий аналитическими способностями, которые позволяют ему представить и оценить социальное явление/ положение дел в какой-либо сфере общества. Разновидности данного типа текста будут обу-

словлены сферой его функционирования: художественный текст, текст СМИ, интернет-текст; спектакль, фильм, ТВ-передача, текст массмедиа.

Роль говорящего. В говорении данный тип текста реализуется в таком диалогическом речевом жанре, как интервью, где говорящий может выполнять как роль интервьюера, так и роль интервьюируемого. При этом говорящий выступает в таких *социальных ролях*, как *эксперт* в какой-либо области (семейные отношения, экономическая и политическая ситуация и т.д.), *журналист*. Данные социальные роли являются профессиональными и осваиваются иностранцами в ходе получения профессионального образования. В неофициальной сфере общения данный тип текста может приобретать характер *праздноречевого интеллектуального жанра* в виде беседы *друзей*, обсуждающих какое-либо социальное явление (например, однополые браки) или положение в какой-либо области (например, плюсы и минусы работы в госучреждении). В такой интеллектуальной беседе говорящие реализуют целый комплекс речевых интенций, они в состоянии описать/ охарактеризовать положение дел в определенной сфер (здоровье общества, экология, состояние гражданского общества и т.д.); дать прогноз развитию ситуации в социальных сферах/ в политической сфере/ в научной сфере; дать социально-правовую оценку состоянию гражданского общества; политическим событиям в мире и в стране; деятельности партии и движения; высказать свою точку зрения по поводу прав и обязанностей гражданина; оценивать целесообразность, эффективность деятельности в области спорта, здравоохранения, охраны окружающей среды и т.д.; выражать интеллектуальное отношение (предпочтение, мнение, предположение, осведомленность) к будущему Интернет-общения; научным открытиям XXI века; выражать эмоциональную оценку (опасения/ надежду/ восхищение/разочарование) по поводу развития ситуации в области спорта, здравоохранения, охраны окружающей среды и т.д.

Описание явления или положения дел в монологических текстах реализуется в таких типах, как монолог-характеристика положения дел (в какой-то области), монолог-характеристика явления. Такой тип монолога характерен для официальной сферы общения, где говорящий может выполнять *роль подчиненного*, говорящего с начальником: *докладывать информацию* о положении дел, служащую основанием для принятия решения начальником.

В полуофициальной сфере общения описание положения дел находит реализацию в *диалогических информативных жанрах*, где говорящий может выполнять роль *клиента, покупателя, пациента* и т.д., запрашивающего у специалиста информацию о положении дел в области услуг (образовательных, медицинских и т.д.) с целью дальнейшего выбора наиболее предпочтительной услуги.

Роль пишущего. В письменной речи описание положения дел реализуется в следующих речевых жанрах: официальная сфера – отчет о положе-

нии дел, сопровождающийся графиками, схемами, таблицами (социальная роль – *подчиненный*); презентация об изменении положения дел за какой-то период (*служащий, специалист*); деловое письмо-предложение, характеризующее деятельность фирмы (*специалист*); рекламный проспект о деятельности фирмы *(специалист*); неофициальная сфера – письмо *друг*у, характеризующее положение дел; социокультурная сфера – запись в блоге, характеризующая положение дел (*блогер*); участие в форуме, темой которого является обсуждение положения дел в какой-либо области (*пользователь интернета*).

Для всех вариантов реализации текста-описания положения дел, в той или иной степени, будет характерно наличие следующих композиционно-содержательных блоков (для монологических текстов) / минимальных диалогических единств (для диалогических текстов): анализ положения дел (описание состояния) + оценка положения дел (динамика, прогноз развития). Факультативными композиционно-содержательными блоками могут выступать: объяснительный блок (причины сложившегося положения дел), повествовательный блок (история становления), инструктивный блок (пути выхода из сложившейся ситуации).

Вариативность данного типа текста (описание положения дел) в разных вторичных речевых жанрах обусловлена сферой общения (официальной, неофициальной, полуофициальной), социальной ролью: при чтении и аудировании – *культурный человек; специалист*, получающий информацию для принятия решения; *гражданин*, получающий информацию для формирования собственного отношения к положению дел; при говорении и письме – *человек, интересующийся и разбирающийся в социальных проблемах (друг, блогер, участник форума, пользователь соцсетей)*; *специалист (подчиненный*), *пользователь услуг* (клиент, покупатель, пациент и т.д.).

Жанровый подход к описанию модели речевого поведения иностранца на русском языке позволяет выделить базовые первичные типы текста, лежащие в основе многообразных вторичных речевых жанров, что обеспечивает системный подход к обучению видам речевой деятельности. Вариативность представления одной предметной области в разных жанрах общения, и, наоборот, разных предметных областей в сходных речевых жанрах, дает основание для разработки моделей различных жанров общения, служащих образцом для порождения устной и письменной речи, а также ориентиром для распознавания/идентификации различных устных и письменных текстов разных жанров общения.

Литература

1.Баранов, А. Г. Двукомпонентность когниотипа в жанровой специфичности/ А.Г. Баранов // Жанры речи. – Саратов: Колледж, 1999. – С. 48.

2.Борисова И.Н. Речевая практика в аспекте прагматической компетенции/ И.Н. Борисова// Экология языка и коммуникативная практика. – 2014. № 2. –С. 214–229.

References

1. Baranov. A. G. Dvukomponentnost kogniotipa v zhanrovoy spetsifichnosti / A.G. Baranov // Zhanry rechi. – Saratov: Kolledzh. 1999. – S. 48.
2. Borisova I.N. Rechevaya praktika v aspekte pragmaticheskoy kompetentsii / I.N. Borisova// Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika. – 2014. № 2. – S. 214–229.

УДК 81

Р.С. Рахметова
Алматы, Казахстан

РОЛЬ КОГНИТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация. *В статье анализируются мнения ученых о когнитивной лингвистике. Речь будет идти об ее применении при изучении синтаксиса в высших учебных заведениях.*

Ключевые слова: *образовательный процесс, познание, студент, индивидуальная личность, речевое общение, информация.*

Сведения об авторе: *Рахметова Райгуль Садуакасовна, доктор педагогических наук, доцент кафедры Казахского языка и литературы.*

Место работы: Казахский национальный педагогический университет им.Абая.

Контактная информация: *050014 г. Алматы, мкр/н Кулагер, д. 35, кв. 31.*
e-mail: raigul.67@mail.ru.

R.S. Rakhmetova
Almaty Kazakhstan

THE ROLE OF COGNITIVE RESEARCH IN EDUCATIONAL PROCESS

Abstract. *The article analyzes the opinions of scientists on cognitive linguistics. It will go about its application in the study of syntax in higher educational institutions.*

Key words: *educational process, knowledge, student, individual personality, speech communication, information, and others.*

About the author: *Rakhmetova Raigul Saduakasovna, Doctor of pedagogical sciences, associate professor of the Kazakh language and literature.*

Place of work: Abai Kazakh National Pedagogical University.

Contact information: *Almaty, 050014 mc/n Kulager,* bld. *35, apt. 31. e-mail: raigul.67@mail.ru.*

В современном образовательном процессе приоритетным является повышение образовательной деятельности на новый высший уровень, при котором особое внимание обращается на самопознание студента как личности, на развитие самосознания, на формирование его в качестве самостоятельной личности. Учитывая развитие общества и требования жизни, ведется работа по подготовке кадров, способных отвечать на социальные запросы времени. В подготовке качественных специалистов в руководство берутся результаты педагогической, психологической, лингвистической, методической наук и антропоцентрической науки, которая в последние годы разносторонне изучается. Поэтому определяется роль каждой дисциплины, изучаемой в высших учебных заведениях, а также среди них роль синтаксиса казахского языка в социальном развитии, особое значение уделяется их преподаванию в свете требований времени.

В связи с требованиями времени, эффективное использование новых инновационных направлений в педагогической деятельности способствует умению студентов применять полученные знания в общественной жизни. Закономерно то, чтобы воспитать разносторонне развитого будущего поколения, личности с широким кругозором, необходимо системное и качественное образование. Умение студента выбирать из большого потока информаций необходимую для себя, брать нужное тоже зависит от умения и опыта преподавателя. Преподаватель наряду с формированием познавательного мышления, личностных способностей, практических навыков, должен совершенствовать внутреннюю и внешнюю культуру обучающегося.

В настоящее время наряду со сближением научных областей, начали развиваться новые научные сферы. Приоритеты развития общества в соответствии с требованиями современной жизни и времени требуют определить значение языка в обществе, в науке, его роль в жизни человека, место, которое он занимает в культуре в новом аспекте, а также изучать познание, способности человека, сохраняющего этот язык и доводящего все это до сведения других, и его свойство применять язык. Разносторонне стали исследовать язык с антропоцентрической позиции. Язык широко рассматривается как средство социального общения между людьми. Связывая в социальном аспекте между собой человека и его языка, преимущественным стало определение языковой личности с помощью выявления социальной роли человека, его языка, специальности в этой роли, его принадлежности к определенной социальной группе, идеологической зависимости и др. При изучении языка особое внимание обращается уровню и характеру его применения, социально-психологическому значению. Ученые-методисты стали определять не только коммуникативную деятельность языка, но и особое внимание стали уделять его роли в формировании ребенка в качестве индивидуальной личности. По словам М.М. Бахтина: «Родной язык не принимается людьми, – в нем они впервые пробуждаются. Процесс усвоения родного языка ребенком есть процесс постепенного вхождения ребенка в речевое общение. По мере этого вхождения формируется и наполняется содержанием его сознание» [1, с. 5]. Следовательно, язык формирует развитие и познание ребенка. С помощью языка люди находят свое место в жизни, каждый реализует необходимые себе блага, социальное взаимоотношение служит языковой коммуникации. Поэтому становится актуальным изучение синтаксиса казахского языка в коммуникативно-познавательном аспекте. Формирование речевой способности студента непосредственно зависит от правильного его развития, от его места, который он занимает в жизни. Неправильное развитие речевой способности влияет не только на взаимоотношения с другими, но и на его психику, на его социальную роль. А синтаксис знакомит студентов с особенностями словосочетаний,

предложений и текстов, учит правильно их употреблять, тем самым предусматривает совершенствование их речевой способности. В методической науке все существующие новые направления образования направлены на развитие умения обучающегося принимать самостоятельные решения, вести творческую работу, поисковую деятельность. Все это в конечном счете предусматривает развитие личности. В традиционном обучении преподаватель работает очень много, а в современном обучении преподаватель только наблюдает, консультирует, направляет, а студент старается выполнить все действия самостоятельно. Это повышает активность обучающегося, учит его подбирать и выбирать необходимый материал для повышения своих знаний и умений. Ученые-методисты выражают мнение об эффективности познания и речевой коммуникации в развитии мышления, духовного мировоззрения студентов в образовательном процессе. В связи с этим для формирования личности студента много внимания уделяется развитию познавательных способностей, культуры речи студентов. Известно, что для реализации этих проблем, методическая наука руководствуется философией, лингвистикой, педагогикой, психологией и другими науками.

Изучение синтаксиса казахского языка в познавательно-коммуникативном аспекте – тоже требование жизни. В современной образовательной системе много говорят о познании, но проблема познания берет свое начала с тех далеких античных времен. Философы и педагоги тех времен для развития самостоятельного мышления, мировоззрения детей, особое внимание уделяли проблемам репродуктивных и эвристических методов. Например, Сократ, обращая внимание на управление познавательной активностью и любознательностиью детей, говорит о его важности при обучении детей. Он, наряду с управлением познавательной деятельностью детей в учебном процессе, с целью повышения познавательной активности одним из первых применил эвристические беседы. Совершенствование познания – дело не одного дня. Это вечная проблема. Изучение языка в познавательном аспекте дает большую возможность для формирования самостоятельного мышления студентов, для развития их умений вести самостоятельный поиск, умений находить пути решения проблем, и их результативности. Проблемы познания постоянно анализируются, обсуждаются в разных сферах жизни, о них пишут философы, психологи и педагоги. Познавательные процессы человечества нашли свое отражение и в мудрых изречениях казахского народа, в народных сказках, песнях, пословицах и поговорках. Наряду с этим этот вопрос постоянно велась и ведется в творческих трудах, научных исследованиях, педагогических трактатах классиков педагогики. Если познавательные способности определяются с помощью приема, усвоения, планирования, решения проблемы, а также умением думать, узнавать, воображать, находить, применять знания в нужном месте и др., то развитие

речи студентов связано с развитием их коммуникативной способности. Речевая личность студента определяется его коммуникативной способностью. При обсуждении речевой личности обучающегося, учитывается не только его вербальные и невербальные коммуникативные умения, но берутся во внимание и его социальный опыт, этические знания, познание и др. В языкознании многие исследования предусматривают изучение любых проблем с познавательной позиции. Это позволило решить обстоятельства, раньше остававшиеся вне поля зрения. Познавательная наука означает широкое понятие. Ее структура охватывает все сферы. В связи с этим появились новые направления (когнитивная психология, когнитивная лингвистика, др.). Широко распространилось изучение проблем культуры, философии и др. с познавательной точки зрения.

И.П. Меркулов познавательной науке дает такое определение: «комплекс наук, изучающих сознание и высшие мыслительные процессы на основе применения теоретико-информационных моделей» [2, с. 2]. Но в последние годы познавательные исследования расширили свою область, широко стали исследовать их в познавательном, когнитивном аспектах (мышление, прием, познание, пояснение, др.). Познавательные исследования охватывают несколько дисциплин. То есть познавательные исследования не ограничиваются рамками одной дисциплины. Они наряду с традиционными дисциплинами определяют и современные новые направления. Изучение синтаксиса в познавательном аспекте обеспечивает преемственность общественных и гуманитарных наук. Известно, что мнения Н. Хомского о генеративной лингвистике открыли путь для исследования лингивистической науки с новой точки зрения. Н.Хомский утверждает, что конкретная грамматика одного языка должна быть дополнена универсальной грамматикой. По мнению ученого, универсальная грамматика «вводит творческий аспект использования языка и выражает глубинные регулярности, которые, будучи универсальными, исключаются из самой конкретной грамматики. Поэтому вполне естественно, чтобы грамматики более или менее подробно обсуждали только исключения и нерегулярности. Лишь после дополнения универсальной грамматикой грамматика данного языка дает полные сведения о компетенции говоряще-го-слушающего» [3, с. 11].

Это стало актуальным и во многих исследованиях казахского языкознания. Э.Д. Сулейменова говорит, что казахстанская лингвистика направлена «на осмысленное понимание мотодологической и онтологической основ разных направлений», что в ней обращается внимание на проблемы «таких интегрированных областей как социальная лингвистика, этнолингвистика, теории присвоения имени, когнитивной линвистики, лингвосемиотики, лингивстической семантики, теории речевого акта и межкультурного общения» [4, с. 5]. Эти новые направления показывают, что они направлены на совершенствование языкознания.

Когнитивная лингвистика направлена на познание человека через язык и познание языка через человека. Широко распространен метод пояснения языковых фактов с разных сторон. Например, прагматическая лингвистика речевые факты связывают с социальной деятельностью человека, а когнитивная лингвистика рассматривает их, связывая когнитивные структуры и процессы с сознанием человека. В когнитивной лингвистике речевая деятельность рассматривается как пик человеческого сознания. Без познавательной способности человека невозможно увидеть его речевую деятельность. Поэтому познание и речевое общение живут в тесной взаимосвязи.

При рассмотрении проблемы изучения синтаксиса казахского языка в коммуникативно-познавательном аспекте, мы в первую очередь за основу берем «Пособие по родному языку» Ахмета Байтурсынова. Несмотря на то, что «Пособие по родному языку» является первым учебником, предназначенным начальной школе, то есть учащимся первых 4-5 лет обучения в школе, этот учебник является началом первого научного труда по казахскому языку, который проанализировал, систематизировал фонетическую и грамматическую структуру казахского языка [5, с. 21]. Ученый утверждает, что в труде «Пособие языка» встречаются слова прививать навыки, критиковать, что «чем торопиться давать много знаний как попало, лучше дать мало знаний, но конкретно и точно, чтобы они конкретно их усвоили», что «после ознакомления детей с правилами и принципами, надо, чтобы они могли найти в тексте слова и предложения, которые подходят данному правилу или принципу, научить детей различать эти образцы от других». По мнению ученого, «письменная речь лучше чем устная», нельзя «с далека разговаривать устно», «насколько нужно уметь говорить устно, письменная речь еще больше нужна», «при разговоре надо говорить системно». Надо «Уметь грамотно писать словесную систему: надо знать какое слово в каком месте изменяется, а также иметь навыки сочетать слова друг с другом и продолжать их связывать». Во многовековой народной жизни есть «традиционные пути, система, соответствие слов, употребляемых в привычной жизни, их установившаяся взаимосвязь». Языковед в процессе речи с помощью примеров доказательно показывает, что «первое лицо – это говорящий, второе лицо – слушатель, третье лицо выполняет роль постороннего». «Святой смысл речи – высказать свою мысль кому-то. Цель говорящего – полностью объяснить свою мысль. Для того, чтобы обяъснить свою мысль, необходимо подобрать нужные слова. Если он одно слово берет для определения мысли, второе слово употребляет для дополнения этой мысли, третье слово он использует для закрепления сказанного», вот таким образом он сортировал слова, и определил роль оптимального использования слов в речевой коммуникации [5, с. 274, 276].

Мысли ученого-языковеда являются основой изучения синтаксиса

казахского языка с коммуникативно-познавательной точки зрения. При усвоении языка с коммуникативно-познавательной позиции особое внимание уделяется линвистическому чутью носителя языка. Лингвистическое чутье (лингвистическая интуиция) – оценка лингвистических мыслей или природы линвистических мыслей и их взаимоотношений. Говорящие на одном языке люди это применяют постоянно, ни о чем не подозревая. Этому чутью входит оценка удачности составления предложения, если это так, то в чем причина этого. Например, некоторые предложения составляются неудачно, потому что неправильна сама синтаксическая структура, поэтому можем сказать, что все остальное бессмысленно. Лингвисты считают, что данную особенность необходимо отделить как грамматику и доказывать это. При употреблении языка в ежедневной жизни, люди не всегда руководствуются теорией. При некотором осмыслении предложений в речи, мы их употребляем, не оценивая их правильность-неправильность, их соответствие знакам препинания. Мы приостанавливаемся, заикаемся, повторяем, предупреждаем. Иногда мы неправильно понимаем смысл предложения, но стараемся их правильно употребить. Об этом Кудайберген Жубанов говорит так: «Говорить – это значит передача информации одним человеком другому. Информация, передаваемая говорящим слушателю, на него самого влияет по-разному. Если человек сообщает о смерти близкого друга или родственника, эта весть сама порождает печаль у говорящего. Если человек говорит о крупных достижениях близкого друга или родственника, он сам тоже веселится, радуется такому сообщению. Если он говорит о деле, которого он мог бы успешно выполнить в свое время, но упустил сейчас время, то говорящий сам, сообщая об этом, сожалеет, переживает и т.п. Говорящий, сообщая о чем-то, наряду с этим он во многом знает, как эта весть повлияет на него самого - это порадует или заставит жалеть, сочувствовать, каяться и т.п. Потому что говорящий не камень, а живой человек, у которого есть душа, чувства, сердце. Поэтому разные явления, происходящие в жизни, будут по-разному влиять на человека. Если какой-то вести он радуется, то другому сообщению он будет равнодушен. Правда, иногда говорящий не будет показывать влияние того, о чем он сам сообщает, он может это скрыть, или показывать обратное, вместо печали может показать радость, или может говорить в слезах, или же смеяться, хотя в душе и плачет и т.п. Ученый доказательно утверждает, что «чтобы существовал язык, обязательно должны быть время и место», что «язык не сущетвует только в какой-то ограниченной эпохе», что «он проходит разные времена и события», затем «собрав языковые факты одной эпохи», в итоге становится «грамматикой» [6, с. 29]. По мнению ученого, «грамматика, то есть смысл данного термина таков – это область науки, которая анализирует близкие и разные по значению слова, каждой группе дает определенную форму, определяет соответствующее место каждого

слова в предложении». Языковед доказывает, что «язык не нужен для одного человека, язык – явление, созданное для отдельного человека», что «у всех групп не один и тот же язык, что «в одном цеху люди могут говорить на разных языках», поэтому, то, «что они вместе работают, находятся вместе» недостаточно. Для объединения языка нужна не группа одного периода, а долгое совместное существование». Единство языка не связано с «единством предков» или «единством истории, единством наций народа», а «для того, чтобы люди говорили на одном языке, они тесно должны общаться между собой, вместе работать», – заключает он. Следовательно, по мнению ученого, только при наличии языкого общения может установиться языковое единство, только тогда реализуется усвоение языка. Познавательная структура знаний во многих случаях зависит от содержательной и формальной сторон коммуникативных единиц, необходимых для систематизации процесса речи. Условия составления речи, с одной стороны, стимулирует появление мышления, а с другой стороны, является отправной точкой данной мысли. Все это дает нам возможность сделать вывод, что языковое познание напрямую связана с коммуникацией и, наоборот, коммуникация прогнозирует сформированное языковое познание. Основная цель речевой коммуникации – обмен информацией. В связи с этим обучающийся вступает в коммуникацию, и совершает такие действия: эффективно принимает информацию, эффективно отправляет информацию; убеждая собеседника, путем возбуждения его к действию, доходит до намеченной цели; получает дополнительную информацию о собеседнике; знакомит себя с положительной точки зрения. Путем исполнения данных действий обучающийся расширяет свои познания. Эффективное получение информации в устной и письменной форме ведет к усвоению навыков чтения и слушания. Эффективная отправка информации (письменно и устно) напрямую связана с навыками написания писем и говорения. Достижение цели, убеждая собеседника, наряду со знанием основных риторических способов (письменно и устно) требует знания этики убеждения и нахождения основного повода речи. Докладчик для получения дополнительной информации должен понимать основы объективных закономерностей деятельности языка в обществе (для того, чтобы знать социальные условия человека, уровень его социально-культурного развития), уметь различать звуковой тембр собеседника (для того, чтобы знать его эмоционльное настроение), должен понимать содержание его мнений, смысл его слов. Для этого при изучении синтаксиса необходимо обратить внимание на наличие у собеседника способности возбудить позитивное отношение к себе, создать условия для усвоения основ культуры речи, норм языкознания.

Итак, изучение синтаксиса с коммуникативной точки зрения способствует оптимально применять речевые и синтаксические единицы во

взаимоотношении. Учит студентов точно высказывать свои взгляды, правильно строить взаимоотношения с другими студентами. В речевой деятельности создает оптимальные условия для применения теоретических материалов синтаксиса. Учебные материалы, дающие познавательную значимость обучения, дают возможность организовать обучение с позиции познания. Способствуют саморазвитию, повышению личностных способностей студентов. Учат распознавать, оценивать свои знания и умения. Реализуют взаимоотношения. С помощью анализа, контроля, обобщения позволяют расширять свои познавательные возможности. Реализация коммуникативно-познавательного обучения, создавая условия для правильной, системной организации учебной деятельности студента, повышает его активность. Учит применять языковые знания в разной ситуации.

Литература

1. Бахтин М.М. Собрание соч.: в 7 т. – М.: Русские словари, 1996. – Т. 5.
2. Меркулов И.П. Когнитивная наука // Новая философская энциклопедия: в 4 т. – М., 2001. – Т.2. – С. 2.
3. Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса. – М., 1972 – 259 с.
4. Сүлейменова Э.Д. Актуальные проблемы казахстанкой лингвистики: 1991–2001. – Алматы: Арыс, 2001. – 84 с.
5. Ахмет Байтурсынов. Тіл тағылымы. – Алматы: Ана тілі, 1992. – 448.
6. Жубанов К. Қазақ тілі жөніндегі зерттеулер. – Алматы, 2010.– 608.

References

1. Bakhtin M.M. Collection Vol.: 7 t. – M .: Russian dictionaries, 1996. – T. 5.
2. Merkulov I.P. Cognitive science // New Encyclopedia of Philosophy:. In 4 volumes. – M., 2001. – V.2. – S. 2.
3. Chomsky N. Aspects of the theory of syntax. – M., 1972. – S. 259.
4. Suleymenova E.D. Actual problems of Kazakh linguistics: 1991-2001. – Almaty: Arys, 2001. – S. 84.
5. Baitursynov Ahmet. Til tagylymy. – Almaty: Ana tili, 1992. – 448.
6. Zhubanov K. Kazakh tili zhonindegi zertteuler. – Almaty, 2010. – 608.

УДК 81

Серикказыкызы Акбота
Алматы, Казахстан

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АРМЯНО-КЫПЧАКСКОГО ПАМЯТНИКА «ТӨРЕ БІТІГІ»

Аннотация. *в данной статье рассматривается морфологические особенности «армяно-кыпчакского» памятника «Төре бітігі» известного среди тюркских письменных памятников средних веков дошедших до настоящего времени, памятник написан на кипчакском языке, армянской графикой в XVI – XVII веках, в современной тюркологии известны под общим названием «армяно-кыпчакские» памятники*

Армяно-кыпчакский памятник «Төре бітігі» – бесценное наследие, дающие возможности полу-

Serikkazykyzy Akbota
Almaty, Kazakhstan

MORPHOLOGICAL FEATURES THE ARMENIAN-KYPSHAK MONUMENTS "TORE BITIGI"

Abstract. *Armenian-kypshak book – precious legacy which gives us possibility to get information about the culture, history, language, lifestyle and religion of turkic nations.*

There is great task for our generation – research written monuments of turic nations which are not too far from contemporary kazkh language and find out relations between them. It is necessary to research armenian-

чить сведения об историй, о культуре, о языке, о житье-бытие и о религий тюрских народов. Для того, чтобы пополнить знание о законах развития современного казахского языка, нужно подробно исследовать язык армяно-кыпчакских письменных памятников и их относительность казахскому языку.

В языке рассматриваемого памятника существительные образуется от разных частей речи с помощью суффиксов и ясно замечается граница между корнем и суффиксов.

Ключевые слова: *армяно-кыпчакские, памятник «Төре бітігі», имя существительное, имя прилагательное, словообразующие суффиксы, ассимиляция.*

kypshak monuments' language for finding new information about origin, development and regularities of our kazakh language.

In language of the considered monument nouns it is formed from different parts of speech by means of suffixes and the border between a root and suffixes is clearly noticed.

Key words: *armenian-kypshak, armenian-kypshak monument "Tore-Bittik", noun, adjective, form suffixes, assimilation.*

Сведения об авторе: *Серикказыкызы Акбота, магистрантка Казахского Национального университета им. аль-Фараби, специальности «Лингвистика».*
e-mail: akonya_alakol_kz@mail.ru

About the author: *Serikkazykyzy Akbota, magistranrt of Kazakh National University named after al-Farabi.*

"Төре бітік" жазуы – қыпшақ-армян жазба ескерткіші. Ескерткіш төрелер (заңдар) жинағы мен іс жүргізу кодекстерінен құралған, 1519 – 1689 жылдар аралығында жазылған. Жинақтағы баптардың басым бөлігі армян заңдарына ұқсамайды, олардың бәрі дерлік қыпшақ өміріне байланысты жазылған, демек оларды қыпшақтардың өздері құрастырған. Ескерткіш жалпы 125 баптан, ал іс жүргізу кодексі 99 баптан тұрады, қыпшақ өмірінің құқықтық ерекшеліктеріне байланысты 25 жаңа бап енгізілген [1].

Қазақ елінің тарихы, ғылым-білімі тәуелсіздікке қол жеткізген сәттен бастап мәдени жазба мұраларды зерттеп, ұрпақтан-ұрпаққа жеткізумен толысып келеді. Еліміздің ел басқару, заң шығару істерін ертеден-ақ әділ жүргізуді маңызды деп білгенін тарихи құнды мұралардан байқаймыз. Бұған дәлелдің бірі – армян жазуымен жазылған орта ғасырлық қыпшақ ескерткіші − «Төре бітігі − Армяно-кыпчакский судебник 1519-1594» деген атпен белгілі.

«Төре бітігінің» транскрипциясын және орыс тіліне аударmасын жасап, ғылыми аппаратын дайындаған белгілі ғалым А.Н. Гаркавец, ал қазақ тіліне аударған академик Ғ. Сапарғалиев [2].

Аталмыш еңбектің жазылу тарихын және армян жазулы қыпшақ ескерткіші деп аталуын А.Н. Гаркавец былай түсіндіреді: Бұл заңды армяндар Польша королі Сигизмундқа бекіттіру үшін латын тілінде жазып тапсырады. Бірақ ол кезде латын тілін халық түсіне бермегендіктен, заңды 1523 жылы поляк және қыпшақ тілдеріне аударып табыс еткен. Кітап тілінде де "Tilinden ermeniniŋ latingä čıχargandır, latindän pol'skiygä, a pol'skidän bizim tilgä, χaysı ki bašlanıyır bu sözlär bïlä" деп жазылған. Дешті

Қыпшақ мемлекеті өзге елдерге үстемдік ете отырып, қыпшақ тілін ұлысаралық мемлекеттік тіл етіп бекіткен. Әрі көп ғасырлар бойы саудамен қатар халықтардың өзара мәдени алмасуына зор ықпал еткен Ұлы Жібек жолының қатынас аралық тілі болды [2].

Аталған ескерткіштің қазақ тілімен сабақтастығы барын байқау үшін кейбір тілдік ерекшеліктерге тоқталып өтейік. Ескерткіштегі сөздерді бірнеше бағытта талдауға болады. Лесикалық сипатына қарай бірінші бағыт а) қазірде де сол күйінде (тұлғалық, мағыналық) сақталған, қиындықсыз түсінуге болатын сөздерді табу, ә) екінші – қазіргі кезде мағынасы өзгерген, бірақ формасы (тұлғасы) таныс сөздер сөздер, үшінші – қазіргі қазақ тілінде жоқ, мағынасы да күңгірт, белгісіз және кірме сөздер. Сол сияқты қосымша морфемаларды қызметі мен тудыратын грамматикалық мағынасынақарай осыған ұқсас жолмен топтауға болады. Алдымен қосымша морфемалар сөз таптарын тудыруға қатысына қарай олар бірнеше топшаларға бөлініске түсірілді:

Зат есімнің жұрнақтары. «XI-XIY ғасырлар ескерткіштері тіліндегі сөздердің де өзіне тән тұлға-тұрпаттары болған. Осыған орай олар құрылысы жағынан әр түрлі келген, іштей түбір морфема және қосымша морфемалар болып екі жікке бөлінген. ... Ал қазіргі кезде біріккен сөз қатарында саналатын өзара кірігіп кеткен *ышқыр, қызғыш* сияқты сөздер құрама (тіркесті) түрінде *іч құр, қыз қуш* болып жеке жазу арқылы берілген. Бұған қарағанда біріккен сөздердің көбі ол заманда сөз тіркестері дәрежесінде, яғни құрама түрінде жұмсалған тәрізді» [3]. Ал қарастырып отырған ескерткіш тілінде зат есімдер әр түрлі сөз таптарынан сөз тудыратын жұрнақтар арқылы жасалған және жұрнақ пен түбірдің аражігі айқын білінеді. Мысалдар құрама немесе тіркес түрінде келген сөздерден бөлек.

1.Есімдерден зат есім тудыратын жұрнақтар.

– лых, – лік, – лик, – лух, – лүк, – лих, – лұх : *«оғланлых»* – балалық; *«нахыслых»* - мүгедектік; *«башлых»* – көсем; *«дұшманлых»* – дұшпандық, қастық, өшпенділік; *«инамлых»* – сенімділік; *«сатмахлых»* – сауда-саттық; *«таныхлых»* – куәлік; *«йарлылых»* – кедейшілік; *«йахшылых»* – жақсылық; *«бийиклик»* – артықтық; *«довләтсизлик»* – бақытсыздық; *«игилик»* – мүлік, байлық; *«беклик»* – өкілдік; *«арувлух»* – тазалық; *«бичәнлих»* – шабындық, шалғын; *«йүклүк»* – кепілдік; *«төзүлүк»* – төзім; *«пешекәрлик»* – кәсіпкерлік; *«көнүлүк»* – әділдік; *«тоғұрлұх»* – әділдік; йахшылық – жақсылық. Осы арада аталған қосымшалардың тек бұл ескерткіште ғана емес, басқа да көне, орта түркі ескерткіштерінде зат есім туыратын актив қосымша болғанын проф. М.Томановтың «Қазақ тілінің тарихи грамматикасы» т.б. еңбектерде көрсетілгенін айту керек. Қазіргі қазақ тілімен сабақтастықтың бары мысалдардан да анық байқалса, ескерткіш жазылғанға дейінгі ғасырлардағы жазба екерткіштер тіліндегі қазақ тілімен тарихи байланыс жайында: «YI-YIII ғғ. көне ескерткіштермен қазақ және

басқа туыстас түркі тілдерінің өзара жақындығы олардың тек лексика, дыбыстық жақтарынан ұқсас және көп жерде ортақ болуымен шектелмейді. Олар бір-біріне сай, дәлме-дәл болып келеді. Әсіресе, сөзге жаңа, не үстеме мағына беретін қосымшалардың көпшілігі күні бүгінге дейін ешбір өзгеріссіз сақталған. ... қазақ әдеби тілінің бүгінгі нормасына (кейбіреулерінің шамалы дыбыстық өзгеріске ұшырағаны бллмаса) дәл келетіндігі бірден көзге түседі. Мысалы. –лық,-ліг, –луқ, –лұқ қосымшасы абстракт мәнді зат есімдер мен сын есімдер жасайды. *Қағанлық (қағандық), атлыг (атты),күчлүг (күшті), құтлуг (құтты) т*.б.» – екенін зерттеушілер бұрыннан айтып келеді [3, 144]. Келтірілген мысалдар бұл байланыстың кейінгі ғасырларда да жойылмағанын көрсетеді.

Қыпшақ тілі аралас құрастырылатын еңбектің бірі «Ибн Муханна сөздігі» деген атпен белгілі «Китабу Хуллийат уль-инсан ва хулват уль-Лисан». Шамамен XIII ғасырдың аяғы мен XIV ғасырдың басында деп қаралады. Кітапта ***–лы//лу*** қосымшасы ***–луг*** түрінде де жарыса қолданылған: *ақ көзлү, алтунлуг, асығлыг* (пайдалы), *атлы, атлыг, бағлұг* (байлаулы), *біліглиг* (білгір, білімді) [4, с.11].

-лық\ -лік (-лыг, -ліг, -луг, -лүг): көне тұркі жазбалары тілінде заттың мекен-орындық тәнділігін білдіреді*:* *қабақлық* (қауақ егілген жер), *тарығлық* (егістік, тарығ-егіс), т. б. Қазіргі қазақ тілінде осы мағынасы кейбір сөздерде байқалады (*егістік, қауындық*). Дегенмен, нақ сол дәрежеде өнімде емес. Ал заттың арналған мақсатын (саласын) білдіру мәнінде (*түндік, тұздық, сулық*) қазіргі тілімізде кең қолданылуы осы орын-мекенге тәнділікті білдіру мәнінің негізінде қалыптасқан [7, с.129].

Абстракт зат есімдер жасаған: ачлық (аштық), ***-лыг*** аффиксі Орхон-Енисей жазбаларында (осы фонетикалық сипатында) сын есімдер жасаудың тәсілі болған. Алайда орта ғасырларда, тіпті, Қашқари сөздігінде де ***-лыг*** және ***–лық*** (ұяң және қатаң варинаттар) арасында мағыналық жіктеліс болғандығы байқалады. Қашқари сөздігінде қатаңға аяқталған вариант зат есім жасайтын қосымша да, ұяңға аяқталған варинат сын есім жасаған. Мысалы: *Усытған құйаш қапсады. Умунчлыг адаш йайсады* [7, с. 129].

- чы, - чи – шұ – чұ: *«кебитчи»* – дүкенші; *«мағазичи»* – омарташы, арашы; «темирчи» – темірші; *«хоншұ»* - көрші; *«ұрұшчы»* – ұрысушы; Аталған қосымша мамандық иесін, кәсіп иесін көрсетеді. Дәл осы қызметті YI-YIII ғғ. да атқарғаны жоғарыдағы ғылыми еңбекте [3, 144-б] атап өтіледі.
- ан, -ен: *«оғлан»* – он беске толмаған бала, балалық; Бұл қосымша YI-YIII ғғ.да кездеседі. Оғлан сөзінен бөлек *өрен* сөзінің құрамында бар [3, 144-б].
- чых: «оғланчых» – жас бала; Бұл қосымша туралы YI-YIII ғғ. ескерткіштерінің тілі талданған мақалада ештеңе айтылмаған.
- ұл – *«оғұл»* – ер бала, ұл; Қосымша ретінде YI-YIII ғғ.ескерткіштерінде көрсетілмеген.

2. Есімдерден сын есім жасайтын жұрнақтар:

- лы, - ли, -лұ: *«алғышлы»* – баталы; *«асламлы»* – пайдалы; *«баһалы»* - бағалы, қымбатты; *«белгили»* – белгілі, айқын; *«ұслұ»* – ақылды; YI-YIII ғғ. ескерткіштерінде зат есімдерден сын есім тудыратыны көрсетілген [3, 144-б].

- сыз, - сиз, - сүз, сұз : *«асламсыз»* – пайдасыз; *«довләтсиз»* – бақытсыз; *«ерксиз»* – еріксіз; *«тилсиз»* – тілсіз, сақау; *«белгисиз»* – белгісіз; *«көнүлүксүз»* – әділетсіз; *«орұнчсұз»* – парасыз; YI-YIII ғғ. ескерткіштерінде аталған қосымшаның соңғы екі варианты туралы ештеңе айтылмайды.

–сүз, -сұз қосымшалы сөздердің мағынасы да айқын емес, парасыз мағынасында жұмсалып тұрған орұнчсұз сөзі де түсініксіз, кірмелік табиғаты бары байқалады.

- сыз, (-сіз) Орхон Енисей жазбаларынан бастап, барлық белгілі ескерткіштер тілінде есім түбірден сын есім жасайтын өнімді қосымша: *білігсіз қаған* (білімсіз хан), *ідісіз* (иесіз), *ашсыз* (ассыз), *түтүнсіз* (түтінсіз), *башсыз* (бассыз) - МҚ: *айыпсыз* (айыпсыз), *аңсыз* (ойсыз, сезімсіз), *атасыз* (атасыз), *бұрынсыз* (мұрынсыз), *көрүксіз* (көріксіз) - КК. ***–сыз*** аффиксі өзінің шығу тегі жағынан ***–сар*** аффиксімен ұялас. *Р - з* сәйкестігі жалпы алтай тілдері арасында ғана емес, түркі тілдерінің өз арасында да бар. Көне түркі ескерткіштерінде кездеесетін ***–сыра*** (қағансыра, қансыз қалу) қосымшасы осы ұядан тараған. Н. Баскаков зерттеулеріне қарағанда, ***-сыз*** аффиксі құранды екі аффикстің біріккен түрі ***–сы*** және ***–з*** элементтеріне бөлінеді. ***–з*** болымсыздықты білдіретін арнаулы қосымша да, ***-сы*** актив субьектіні білдіретін арнаулы қосымша. Бұл *аласы, бересі* (бос бересім, алты аласым жоқ) сөздерінің құрамындағы ***–сы*** қосышасы мен этимологиялық жағынан бірдей болып келеді. Болымсыздық білдіретін ***-з*** қимыл атауын жасайтын қосымшаның ***(-сы)*** үстіне жалғанып, бірігіп бір ғана аффикс дәрежесіне жеткен [4, с.183].

Бұл қосымшамен негіздес аффикс ***–сыра*** аффиксі де құранды, үш түрлі элементтен құралға ***–сы-ра-а***. –сы аффиксі есімдерден етістік жасайтын қосымша. Бұл қосымша сусы, адамсы, білгішсі, ақылдымсы тәрізді сөздер құрамында ұшырасады. А ***–р*** элемені ***–сыр*** аффиксінің құрамындағы ***–р***-мен бірдей, яғни есімше жасаған аффикс [4, с.183].

Сонымен, түркі тіліндегі ***–сыра, -сіре*** аффикстері мен мен қазіргі тілдегі ***–сыз, -сіз*** сәйкестігі тек мағыналық жағынан ғана емес, тұлғалық жағынан да дәлеледі. Олай болса, қазақ тіліндегі –сыз көне түркілік –сыр аффиксінің көрінісі. Мағыналық жағынан кейбір мәнеріне қарамай, ұқсастығы айқын көрінеді: ***сусыра>сусыз, аңқаусыра>аңқау*** [7,70].

Аталған мысалдар талданып отырған ескерткіш тілінде белгілі дәрежеде үндестік заңы (асламсыз, довләтсиз, ерксиз, тилсиз, белгисиз) сақталғанын дәлелдейді. Дыбыс үндестігі туралы пікірлердің ішінде М.Томановтың: «Қазіргі тілдің фактілері сөздердің комплекске бірігуі, сондай-ақ бүкіл комплекстің тұтастығының белгісі – дауыстылар

гармониясы болды деген тұжырымды делелдемейді. Бүкіл сөз құрамының, дауыстылардың сапасы тұрғысынан бірдейліккке түсуі, екінші сөзбен айтқанда, сингармонизм жүйесіне бағынуы комплекстік тұтастық ретінде ыдырап, оның компоненттері дербестік дәрежеден айырылған кезеңде ғана мүмкін болады. Сондықтан түбірлердің комплекске бірігуі сингармонизмге негізделе алмайды» деуі үндестік заңының қалыптасуы туралы соны ойларға жетелейді. Ал ескерткіш тілі осы ыдырау кезеңі туралы мәліметтер жеткізеді деуге болады [4, с. 24]. Сондай-ақ, «В древнетюркский период существовало только три гласных фонем (а,у,ы). Слова с другими гласными относятся к более позднему периоду развития языка, т.е. к периоду фонетических изменений, займствований... Среднетюркский период характеризуется становлением гласных ү, е, і» [4, с. 121]. Түбір морфема мен қосымша морфема құрамында соңғы дауыстылардың кездесуі бұл пікірдің негізсіз еместігін байқатады. Орта түркілік ескерткіштерге тән ерекшеліктен армян-қыпшақ ескерткіштері де тысқары еместігін байқатады. Ғалым Б. Сағындықұлы, Ж. Аралбаевтың орта түркілік дәуірін алтай дәуіріне сай келеді деп санайтындығын айта отырып: «Аса ежелгі түркі дәуірінде у мен и дауыстылары қазіргідей ұу (үу), ый (ій) дыбыстарының комплексінен тұрмаған, таза қоспасыз айтылған» [6, с. 125] деген болжамын айтады. Талданып отырған ескерткіш, әрине, аса ежелгі дәуірге жатпайды, бірақ *йарғуны* сияқты сөздердің таза *у-мен* жазылуын жоққа шығаруға да болмайды. Аталған дыбыстың таза айтылуы «Төре бітігте»-де болғанын білдіретін сыңайлы.

Пайдаланылған әдебиеттер тізімі

1. Қазақстан энциклопедиясы, 8 том. – Алматы: Қазақ энциклопедиясының редакциясы, 1998 жыл. – 10 томдық.
2. Төре бітігі. Армяно-кыпчакский Судебник 1519-1594 гг. / Составители: А.Гаркавец, Г.Сапаргалиев, М. Капраль, М. Цимбал. – Алматы: Дешт-и- Кыпчак, Баур, 2003. – 792 б.
3. Қазақ әдеби тілінің тарихи көздері. – Алматы: Ғылым, 1989. – 253б.
4. Томанов М. Қазақ тілінің тарихи грамматикасы. – Алматы, 1988. – 264 б.
5. Аралбаев Ж.А. Вокализм казахского языка. (Очерки по экспериментальной фонетике и фонологии). – Алма-Ата, 1970. – 179 с.
6. Б.Сағындықұлы. Қазақ тілі лексикасы дамуының этимологиялық негіздері. – Алматы: Қазақ университеті, 2005. – 257б.
7. Томанов М. Түркі тілдерінің салыстырмалы грамматикасы. – Алматы: «Қазақ университеті», 1992. – 192 б.

УДК 81’22

В.В. Солейник
Владивосток, Россия

СОМАТИЧЕСКИЕФРАЗЕОЛОГИЗМЫ, ВЫРАЖАЮЩИЕ ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ СОСТОЯНИЯ ЧЕЛОВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

Аннотация. *В статье рассматрива-*

V.V. Soleinik
Vladivostok, Russia

SOMATIC PHRASEOLOGICAL UNITS EXPRESSING POSITIVE EMOTIONAL STATE (BASED ON RUSSIAN AND CHINESE LANGUAGE MATERIAL)

Abstract. *The article discusses Russian*

ются соматические фразеологизмы русского и китайского языков. На основе лексико-семантического анализа соматических фразеологизмов обоих языков приводится классификация в основу, которой положен интегральный признак – выражение положительных эмоциональных состояний человека. Статистический анализ компонентного состава соматических фразеологизмов русского и китайского языков позволяет увидеть качественный и количественный состав этих фразеологизмов.

Ключевые слова: *фразеология, соматические фразеологизмы, репрезентация эмоционального состояния, сопоставление фразеологических единиц, лингвокультурологические особеннности.*

and Chinese languages' somatic phraseological units. Qualification based on lexical semantics analysis of languages' somatic phraseological units is offered and reviewed. The integral sign put into basis of the qualification is the expression of positive emotional state. The statistical analysis of Russian and Chinese languages' somatic phraseological units' composition detects qualitative and quantitative composition of reviewed phraseological units.

Key words: *phraseology, somatic phraseological units, representation of emotional state, comparison of phraseological units, linguistic and cultural features.*

Сведения об авторе: *Солейник Виктория Валерьевна, ст. преподаватель кафедры русского языка. Место работы: Владивостокский государственный университет экономики и сервиса.*

About the author: *Soleinik Viktoriia Valerievna, teacher of department of the Russian Language.Place of employment: Vladivostok State University of Economics and Service.*

Контактная информация: *690014, ДФО, Приморский край, г. Владивосток, ул. Гоголя 41, ауд. 5516. e-mail: viktoria.soleynik@vvsu.ru*

Современная лингвистика немыслима без сопоставления изучаемых объектов. Как один из важных разделов языкознания, фразеология занимает значительное место в компаративистике и является объектом многочисленных разноаспектных исследований в русском и китайском языках. Но, несмотря на большое количество работ, посвященных описанию и сопоставлению фразеологического фонда русского и китайского языков, до сих пор отсутствуют разработки с наиболее конкретным и подробным описанием фразеологических единиц двух языков, что мешает более глубокому исследованию и тормозит создание современных учебников и словарей по фразеологии двух языков.

Актуальность работы объясняется необходимостью углубленного изучения фразеологических единиц русского и китайского языков для лучшего понимания языковых и культурных особенностей этих народов.

Предметом исследования являются соматические фразеологизмы русского и китайского языков, репрезентующие положительные эмоции.

Цель исследования состоит в выявлении общих черт и различий соматических фразеологизмов, репрезентующих положительные эмоции, в русском и китайском языках. Задачи работы: провести сопоставительный анализ соматических фразеологических единиц русского и китайского языков; рассмотреть семантические универсалии и национальную

специфику; выяснить причины сходств и различий соматических фразеологизмов двух разноструктурных языков.

Методами исследования**,** применяемыми в данной работе, являются сопоставительный и переводной**.** В рамках сопоставительного метода были использованы следующие приёмы: семантический анализ компонентного состава фразеологизмов; статистический и интроспективный анализ, используемый при описании национальной специфики фразеологических единиц данных языков. Переводной метод используется при переводе русских соматических фразеологизмов на китайский язык и наоборот.

Материалом исследования являются соматические фразеологизмы, репрезентующие положительные эмоции в русском и китайском языках, отобранные из фразеологических словарей русского и китайского языков методом сплошной выборки. В данной работе подверглись анализу разные разряды фразеологических единиц (идиомы, поговорки, пословицы, недоговорки-иносказания, фразеологические сочетания и др.). Китайские фразеологические единицы приводятся в работе написанные иероглифами и буквами латинского алфавита, в скобках дается их буквальный перевод и толкование.

В ходе нашего исследования мы отобрали методом сплошной выборки около 50 русских и 50 китайских фразеологизмов-соматизмов, репрезентующих положительные эмоции. Мы провели лексико-семантический анализ фразеологизмов-соматизмов и разделили их по значению на несколько групп. В основу классификации данного типа ФЕ положен интегральный признак – выражение положительных эмоциональных состояний человека. Во время анализа нами выделены следующие группы: первая группа – это выражение чувств, которые испытывает сам человек, которые подразделяются на эмоциональные состояния (радость, удивление, восхищение, любовь) и физические состояния (улыбка, смех и баловство). Вторая группа – это выражение эмоций, которые испытывает человек по отношению к другим людям, чувства-отношения, которые делятся на отношения к чертам характера, отношения к самому себе как к личности и отношения к другим людям (см. рис. 1).

Большая часть чувств-состояний первой группы представлена СФЕ, которые номинируют эти эмоциональные состояния:

Например, такое чувство, как *любовь,* имеет множество разновидностей: а) общечеловеческая любовь; б) родительская любовь; в) любовь между мужчиной и женщиной; г) дружеская любовь: русский язык: *любить всей душой/сердцем; души не чаять, носить на руках; горячее сердце; влюбиться по уши/без памяти; вскружить голову кому-то; жить душа в душу;* китайский язык: *举案齐眉(ju`anqimei) (букв. перевод – брови двух людей находятся на одной высоте); 白头偕老(baitouxielao) (букв. перевод – дожить до*

седых волос вместе); 心心相印 (xinxinxiangyin) (букв.перевод – два сердца в одном месте); 心有灵犀 (xinyoulingxi) (букв. перевод – два сердца – один смысл). [1, 2].

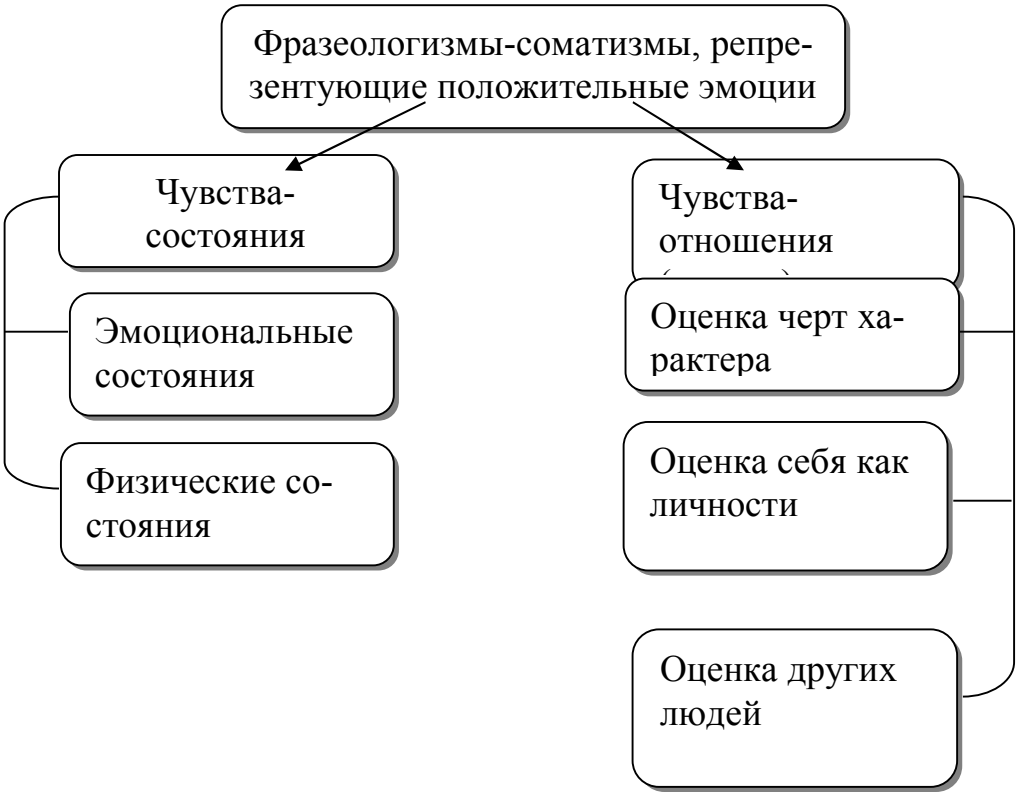

Рис. 1 Лексико-семантическая классификация фразеологизмов-соматизмов, репрезентующих положительные эмоции.

Чувство-состояние у*дивление* в русском языке представлено фразеологизмами-соматизмами: *ума не приложу (разг.); не верить своим ушам (разг.); не верить своим глазам (разг.); разводить руками (прост.); глаза на лоб полезли; делать большие глаза; разводить /всплеснуть руками; раскрыть рот; с разинутым ртом; с ума сойти;* в китайском языке: *目瞪口呆* (*mudengkoudai*) *(букв. перевод – глаза и рот широко открыты); 举首戴目(jushoudaimu) (букв. перевод – поднимать голову, чтобы лучше видеть); 翘首企足(qiaoshouqizu) (букв. перевод – задирать (поднимать) голову и ноги); 翘首引领 (qiaoshouyinling) (букв. перевод – задирать/поднимать голову и вытянуть шею); 引颈而望 (yinjingerwang) (букв. перевод – вытянуть, шею чтобы лучше видеть)* [1, 2].

Чувство-состояние *восхищение* в русском языке представлено фразеологизмом-соматизмом: *брать за душу;* а в китайском –

动人心弦*(dongrenxinxian)(букв. перевод – затронуть струны сердца (растрогать, взволновать)* [1, 2].

Радость, удовольствие, счастье в русском языке данные чувства-состояния представлены следующими фразеологизмами-соматизмами: *душа радуется; как маслом по сердцу; за милую душу; за уши не оттянешь; лететь как на крыльях; жмуриться как кот;* в китайском языке – *眉飞色舞 (meifeisewu) (букв. перевод – брови взлетают, мимика лица танцует);* *喜上眉梢(xishangmeishao)(букв. перевод – брови взлетают от радости);* *心花怒放(xinhuanufang)(букв. перевод – цветы в сердце расцветают);手舞足蹈(shouwuzudao)(букв .перевод – руки и ноги танцуют);* *眉开眼笑(meikaiyanxiao)(букв. перевод – глаза улыбаются, брови взлетают вверх)* [1, 2].

Эмоциональные состояния людей имеют не только вербальные средства выражения, но и невербальные. Например, проявление таких чувств, как *радость, удовольствие, счастье* сопровождается такое *улыбкой и смехом*, которые уже входят во вторую группу – физическое состояние. И в русском, и в китайском языках имеются такие фразеологизмы: *смешинка в рот попала; хвататься за животики; смеяться (посмеиваться) в бороду;* *笑逐颜开 (xiaozhuyankai) (букв. перевод – улыбка разгоняет густые облака);* *容光焕发 (rongguanghuanfa) (букв. перевод – сияющее лицо и развивающиеся волосы);* *扬眉吐气 (yangmeituqi) (букв. перевод – брови вверх, и выдыхает);* *酒酣耳热 (jiuhanerre) (букв. перевод – улыбнуться и уши становятся горячими).* [1, 2].

Состояние *радости, добродушия* нередко выражается такими невербальными средствами общения, как *объятия, рукопожатия*. К этой группе относятся фразеологизмы: *бросаться на шею; встречать с распростертыми объятьями; заключить в объятия;* *坚如磐石(jianrupanshi) (букв. перевод – каменное рукопожатие);* *形影不离 (xingyingbuli) (букв. перевод – тело и тень не могут быть отделены друг от друга)* [1, 2].

Радостному состоянию присуще еще одно физическое проявление этого чувства – это *баловство.* К этой группе относятся фразеологизмы-соматизмы – *ходить/стоять на голове;* *嬉笑怒骂 (xixiaonuma) (букв. перевод – баловать, резвиться, шалить)* [1, 2]. Для наглядности эта классификация представлена в виде схемы на рис. 2.

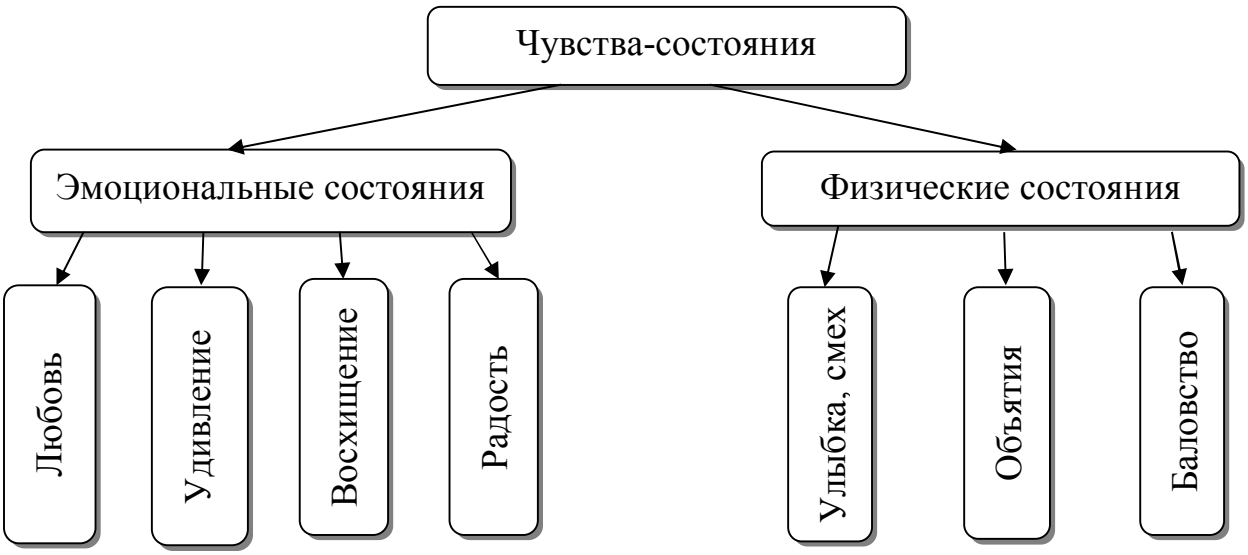

Рис. 2. Лексико-семантическая группа фразеологизмов-соматизмов, репрезетующая чувства-состояния.

Ко второй группе мы отнесли фразеологизмы-соматизмы, которые характеризуют и оценивают положительные качества человека, его отношение к своим и чужим действиям и поступкам. Первая подгруппа – это оценка черт характера человека.

СФЕ, характеризующие человека как добродушного: *добрая душа; душа-человек; золотое сердце; человек большого сердца; от чистого сердца; от всего сердца; от доброго сердца; от полноты сердца; с сердцем/с чистым сердцем; 心慈面软（xincimianruan） (букв. перевод – доброе сердце, мягкое лицо в значении «добросердечие»); 儿女心肠（ernuxinchang） (букв. перевод – сердце и кишки как у детей в значении «добродушный»)* [1, 2].

СФЕ, характеризующие человека как отзывчивого, чуткого: *принимать близко к сердцу;心有灵犀 (xinyoulingxi) (букв. перевод – два сердца – один смысл);动人心弦 (dongrenxinxian) (букв. перевод – затронуть струны сердца);悲天悯人(beitianminren) (букв. перевод – вызывать скорбь неба и жалость людей);雪中送炭(xuezhongsongtan) (букв. перевод – помощь человеку в беде)* [1, 2].

СФЕ, характеризующие человека как открытого, откровенного: *душа нараспашку; с открытой душой/сердцем; открытая натура; весь как на ладони; излить душу; облегчить душу/сердце; положа руку на сердце; 心口如一（xinkouruyi）(букв. перевод – что на сердце, то и на языке в значении «чистосердечный»); 赤胆忠心(chidanzhongxin）(букв. перевод – красный желчный пузырь и искреннее сердце в значении «беззаветная преданность»); 碧血丹心（bixuedanxin） (букв. перевод – зеленая кровь, красное сердце в значении «честность, верность»);*

赤心报国（chixinbaoguo）(букв. перевод – красное сердце посвящено Родине); 丹心如故 （danxinrugu）(букв. перевод – красное сердце в значении «преданный, искренний»); 开心见诚（kaixinjiancheng） (букв. перевод – всем сердцем относиться к другим; 心直口快（xinzhikoukuai）(букв. перевод – прямое сердце и быстрый рот в значении «что на сердце, то и на языке») [1, 2].

СФЕ, характеризующие человека как простого, наивного: *простая душа; наивный как ребёнок; 儿女心肠 (ernvxinchang) (букв. перевод – сердце и кишка детей в значении «наивный как ребёнок»); 心慈面软 (xincimianruan) (букв. перевод – доброе сердце, мягкое лицо в значении «добросердечие»)* [1, 2].

СФЕ, характеризующие человека как смелого, решительного: *пламенное сердце; бесстрашное сердце; поднимать голову; глазом не моргнуть; брать себя в руки; 咬牙向前（yaoyaxiangqian）(букв. перевод – скрежетать зубами и идти вперёд; 木人石心（murenshixin）(букв. перевод – человек как дерево, сердце, как камень в значении иметь крепкую волю); 动心忍性（dongxinrenxing） (букв. перевод – иметь такое сильное сердце/волю, что выдержать соблазн); 匪石之心（feishizhixin）(букв. перевод – мое сердце не камень, повернуть его нельзя в значении «верный, решительный человек»); 死心塌地 （sixintadi）(букв. перевод – быть решительным и бесповоротным).* [1, 2].

СФЕ, характеризующие человека как умного: *с головой; иметь голову на плечах; с царём в голове; голова варит; семи пядей во лбу; светлая голова; ясная голова; золотая голова; 口齿伶俐 （kouchilingli） (букв. перевод – находчивые зубы и бойкий рот русский эквивалент не лезть за словом в карман);心口一致 (xinkouyizhi) (букв. перевод – у кого рот и сердце выражают один смысл)* [1, 2].

Вторая подгруппа состоит из фразеологизмов-соматизмов, в которых отражается отношение человека к себе как к личности.

СФЕ, в которых отражено самоуважение*: высоко нести голову; 心口如一(xinkouruyi) (букв. перевод – что на сердце, то и на языке)* [1, 2].

СФЕ, в которых отражена самостоятельность: *жить своим умом; дойти своей головой; стоять на своих собственных ногах; 足智多谋 (zuzhiduomou) (букв.перевод – есть много идей в голове и изменить свое поведение на более благоразумное); 骨头硬 (gutouying) (букв. перевод – твёрдая кость в значении «твёрдый и волевой человек»)* [1, 2].

Третья подгруппа фразеологизмов-соматизмов имеет значение отношение к другим людям и поступкам, их оценка.

СФЕ, в которых отражено уважение, благодарность: *преклонять колено; склонить голову; 赤心报国 (chixinbaoguo) (букв. перевод – красное*

сердце посвящено родине); 丹心如故 (danxinrugu) (букв. перевод – красное сердце в значении «преданный, искренний») [1, 2]. Схематически эта классификация выглядит следующим образом (рис. 3):

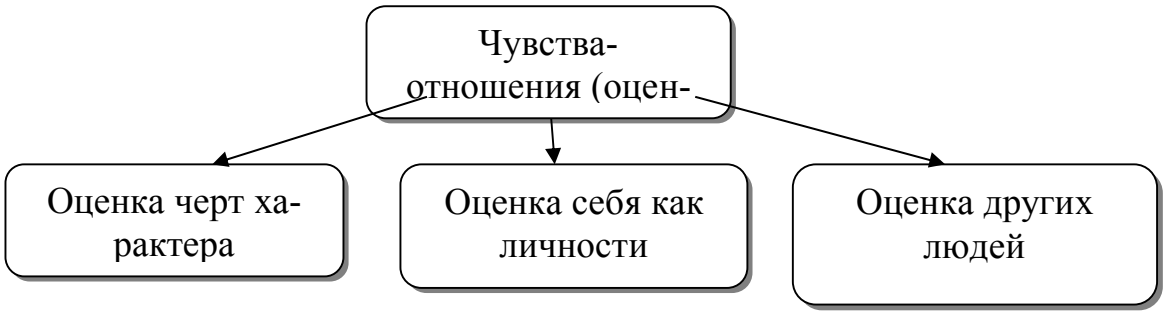

Рис. 3. Лексико-семантическая группа фразеологизмов-соматизмов, репрезетующих чувства-отношения.

Для выявления качественного и количественного состава соматических компонентов мы провели статистический анализ СФЕ и выявили, что в русском языке наибольшее число представляют фразеологизмы, имеющие в своем составе такие компоненты, как *сердце (13) и душа (12), голова (5),* в китайском языке – это так же, как и в русском – *сердце (13),* и еще компонент *бровь (5),* чего в русском языке не встречается совсем.

Для наглядности результаты анализа показаны на диаграмме «Соматические компоненты во фразеологизмах, репрезентующих положительные эмоции» (рис. 1).

Рис. 1. Соматические компоненты во фразеологизмах, репрезентующих положительные эмоции.

В результате данного исследования мы пришли к следующим выводам: семантический анализ фразеологических единиц с различными соматическими компонентами, репрезентующими положительные эмоции, позволил выделить две основные группы: это *чувства-состояния и чувства-отношения.* Группа *чувства-состояния* имеет в своем составе две подгруппы: *эмоциональные состояния*, представленные номинацией эмоций: *радость, удивление, восхищение и любовь*; вторая подгруппа тесно

связана с первой, фразеологизмы этой подгруппы дополняют первую, описывая те *физические состояния*, которые возникают при выражении эмоций и чувств первой подгруппы. Фактически фразеологизмы второй подгруппы описывают невербальные проявления некоторых эмоциональных состояний первой подгруппы. Подгруппа *физические состояния* включает следующие физические состояния людей: *улыбка и смех, объятия и рукопожатие, баловство.* Ко второй группе *чувства-отношения (оценка)* относятся три подгруппы – это *оценка черт характера человека, оценка себя как личности и оценка других людей.*

Различия в сопоставляемых языках были обнаружены с точки зрения мотивированности внутренней формы: для русского языка характерно совпадение понятий сердце и душа – это значит быть «вместилищем души, средоточием жизненной силы», и противопоставление сердца разуму. Для китайцев *心 (xin)/сердце* тоже является средоточием чувств и эмоций, нравственных переживаний, а также умственной деятельности. В китайском языке иероглиф*心 (xin)/сердце* обозначает также и душу, кроме того является частью иероглифов *ум心神 (xīnshén), мысль思想 (sīxiǎng), мыслить思想 (xiǎngdào), думать想到 (xiǎngdào)*. Поэтому в китайском языке наблюдается пересечение, а не противопоставление понятий *сердце и ум.*

Для китайского языка характерно использование во фразеологизмах, выражающих чувства и эмоции, лексем, обозначающих другие внутренние органы, например, *желчный пузырь, кишки,* что обусловлено национальными особенностями восприятия мира китайцами.

Литература:

1. Толковый словарь русского языка / под ред. Ожегова С.И., Шведовой Н.Ю. [Электронный ресурс] / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. Режим доступа: http://www.ozhegov.com/words/32218.shtml. (Дата обращения 02.02.2017)
2. Большой китайско-русский словарь Ошанина И.М. в формате StarDict [Электронный ресурс] / И.М. Ошанин. Режим доступа: https://bkrs.info/. (Дата обращения 02.02.2017)

References

1.Tolkoviiy slovar russkogo yazika / pod red. Ozhegova S.I. Shvedovoy N.U. [Elektroniy resurs] / S.I. Ozhegova, N.U. Shvedova. Rezhim dostupa: http://www.ozhegov.com/words/32218.shtml. (Data obracheniia 02.02.2017)
2. Bolshoy kitaysko-russkiy slovar Oshanina I.M. v formate StarDict [Elektroniy resurs] / I.M. Oshanina. Rezhim dostupa: https://bkrs.info/.

УДК 32.328

А.Т. Тургалеева
Астана, Казахстан

КАЗАХСКИЙ ЯЗЫК: ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА СЕМЬИ И МОТИВАЦИЯ

Аннотация. *После распада СССР Казахстан столкнулся не только с экономическими и соци-*

A.T. Turgaleyeva
Astana, Kazakhstan

KAZAKH LANGUAGE SHIFT: FAMILY LANGUAGE POLICY AND MOTIVATION

Abstract. *After the collapse of the USSR Kazakhstan was faced not only*

альными проблемами, но и вопросами принятия новой языковой политики. В данной статье я анализирую языковую политику семьи и мотивацию как основной побудитель использованию казахского языка. Главный вопрос заключается в том, какие механизмы мотивации может использовать семья для способствования распространения казахского языка в семье. Были проанализированы различные статьи по современной теории языковой политики семьи и стратегии мотивации детей.

Ключевые слова: *языковой сдвиг; утрата языка, языковая политика семьи; мотивация.*

with economical and social problems, but also issues of creation a new language policy. In this article I discuss family language policy and motivation toward Kazakh language use. The main question is how family can encourage children to speak Kazakh. I reviewed studies which present contemporary theory of family language policy and different motivation strategy.

Key words: *language shift; language lost, family language policy; motivation.*

Сведения об авторе: *Тургалеева Акмарал Тургайбековна, кандидат политических наук. Место работы: Назарбаев Университет.*

About the author: *Turgaleyeva Akmaral Turgaibekovna, candidate of political science. Place of employment: Nazarbaev University*

Контактная информация: *010000, Астана, ул. ,Жалын, д.1\1. akmaral.tt@mail.ru.*

The Republic of Kazakhstan is a young independent country. After the collapse of the USSR there was not only economical and social problem, but also language, cultural and education issues. Over seventy years the Soviet Union spread a policy of using only Russian and nowadays, revitalization of Kazakh is the crucial challenge both for the country and for the individual families. In 1991 Kazakh became the State language and from this period the intensive Kazakh language revitalization process was started. Kazakhs and different ethnicities which live in country try to shift to Kazakh language and most Central Asian researchers [18; 3; 13] named this process as “kazakhization”. Thus, in this paper, is very important to emphasize that to know Kazakh language is obligation for citizenship. This paper is guided by the following research question: How can parents encourage children to Kazakh language shift? What are the types of motivation that play crucial role in this process?

Definitions

The most famous definition of language shift was given by Fishman. Language shift is “changing patterns of language use”. Where patterns are language variety which people use to revitalize language [4, p. 247-248]. Language shift is the process when people in particular community try to speak another language or dominant language and next generation do not speak parent’s language (language lost). Conversely, language maintenance is when a language continues to be used by next generations despite the other languages which are speaking in this community.

Karan says about macro-social and micro-social view to language shift. Macro-social include industrialization, urbanization, migration and government policies [5] and micro-social are factors which are influenced to people motiva-

tions [5].This paper explore language shift from the micro-social view, where motivation and family language policy are the main reasons to language shift. People make everyday decision about language use; parents think how to encourage children to speak Kazakh.

Family language policy (FLP)

Historically, language policy research has focused on public or institutional context (school or organizations), however there are less attention on home or family content. Researchers [6; 2] offer to explore family language policy with connection with language practices, language acquisition or literacy development. According to Fishman, the family makes protective function from the outside pressures. Even if the role of urban family as a main socialization agent is decreased, it is "the most common and inescapable basis of mother tongue transmission, bonding, use and stabilization" [8, p. 163]. In other words family is main institute which teach, motivate, encourage language use in the community.

Kayam and Hirsch write that family language policy is a process where family members claim their authority of language practices at home [6]. Kendall A. King, Lyn Fogle and Aubrey Logan-Terry suggest that family language policy approaches should use in the investigation of home language maintenance and in the process of driving heritage language learners. They claim that family language policy is daily interaction between community members according to their beliefs and aims to shift language [7]. Traditionally, the theory of language policy was distributed into three subtopics: status planning (the functions of language), corpus planning (the forms of language), and acquisition planning (the teaching and learning of language) [7].They argue the same structure applies in the family language policy. For instance, parents make a decisions about "when to use" Kazakh or Russian with their children (status planning), "which variety" of Kazakh "literacy activities" (corpus planning), and "how and when to formally or informally instruct the language" (acquisition planning) [7, p.910].

Spolsky shows family language policy from different perspective. The first is language ideology which include beliefs and attitudes towards language use. The second is language management when family member makes a rule about appropriate language use. Finally, he defines language practices as a choice of words, sounds, grammar or language in every speech act. In family is a way of communication between parents and children [19]. Schiffman emphasizes the importance of beliefs that people have about language and it became the rote for their language policy [16]. Language beliefs are the assumption about value of language and its status in the community as well as attitudes of the culture which associated with this language. Thus, if parents have positive thoughts about the Kazakh language they will try to promote and motivate to learn it within their children.

Curdt-Christiansen explains language ideology is a brick to construct family language policy. She suggests to analyzing family language policy ideology from the two positions: language policy and home literacy. Where language poli-

cy is macro level and includes political ideology and economic involvement; micro level is home literacy environment, parents' education and language experience. She emphasizes that these factors are interdependent and can impact on individual belief system [2]. Kazakhstani parents can create Kazakh literacy environment, but they don't have enough Kazakh language experience due to the Soviet policy of Russification. Political factors include equal rights and capabilities to education, civil activity and participation. For example, some families see promotion of heritage language education as their human rights, others as a bound to participation in socio-political life. Economic factors are connection between language and opportunity to earn money or have higher salary. Next point is cultural factors which represent symbolic value of language. Social factors close connect with economic and there is providing access to social mobility. Parental expectations are beliefs and goals about their children's multilingual development and education. These expectations formed under the influence of parents' socio-cultural-historical backgrounds and their socialization experience, educational beliefs and feelings, and also miss opportunities [2]. Also, parents create literacy environment according their attitudes towards language use and there are the median and social aspects which impact on this process. King and Fogle indicates that parents language policy based on the own experience of language learning and bilingual practices. The paper shows that parents' experiences have wide impact on the language choices as well as on the pedagogical approaches to language learning. Authors write that other resources, such as media, play more supportive role in the decision of family language policy. Moreover, relatives and friends were often mentioned as "a negative point of comparison" and parents don't want to adopt their policy [7].

According to Shohamy Language policy is part of ideology and practice. Language ideology includes both explicit and implicit mechanisms which create and maintain both official policies and *de facto* ones (practices) [17]. Thus, implicit nature of language ideology is family beliefs and practices.

Canagarajan interviewed the Sri Lankan Tamil migrant families from U.S.A., U.K., and Canada where he shows, that there are three reason to maintain their native language: "geography" (the closeness to the homeland), "motivation" (positive language attitudes) and "size" (number of speakers in the community) [1]. In Kazakhstani context to shift the Kazakh language people could be influenced by two factors, motivation and size of community. Moreover, for Kazakhs who live in Kazakhstan the geographical factor should have significance value because they live in homeland. However, according to community reason, Smagulova claims that "the urban reality is not conducive to the acquisition of Kazakh by individuals, as there are no real forces that might motivate Kazakh reacquisition" [18, p.49). Thus, people from rural areas are more ready to shift Kazakh than urban people.

Motivation towards Kazakh learning

Most researchers of language motivation connect this theory with the second language acquisition or foreign language [12; 10; 14]. Here I will consider Kazakh as the second language for all nationalities residing in Kazakhstan. Gardner and Lambert divided motivation for integrative and instrumental types. Integrative motivation explains as aspiration to be the part of the particular language's community. Parents and children should have positive attitudes toward Kazakh community and its culture. Instrumental motivation is connected with educational, financial or professional advantages which can bring knowledge of language. According to Krashen, the purpose of learning language is based on practical value, and if the goal is achieved people lose their motivation to continue language acquisition [11].

Karan presents the Perceived Benefit Model of Language Shift, where he proposes that "language choice decisions (as well as language acquisition decisions) are influenced by a limited set of motivators" [5, p. 2]. He suggests 6 types of motivation:

Communicative Motivation – language need for communicative purpose;

Economic Motivations – it is based on the goal to achieve financial benefit through the language; *Social Identity Motivations* – This is similar to integrative type of motivation, where people try to collaborate with particular community or identify himself /herself with particular group;

Language Power and Prestige Motivations – this type of motivation can be combined with social identity motivation; however Karan believes that language itself has own power and prestige. *Nationalistic and Political Motivations* – this motivation is connected with perception about "good citizen";

Religious Motivations – This type of motivation is connected with ritual form of language. People are motivated by the ideas of providing the religious.

Additionally, researches propose other forms of motivation such as international posture, which includes "interest in foreign or international affairs, willingness to go overseas to study or work, readiness to interact with intercultural partners ... and a non-ethnocentric attitude toward different cultures" [20, p 57]. Also modern world provide new goal for language learning there are friendship, travel and knowledge orientations [9]. In Self-Determination Theory [9] authors defined different types of motivation which depend on the different reasons or goals. Ryan, & Deci discussed intrinsic and extrinsic motivations, where intrinsic is when people want to learn language because it is interesting and enjoyable and extrinsic motivation refer to learning in order to avoid punishment or to get profit [15].

Dornyei presents a model of self concept which was divided for Ideal L2 self and Ought-toL2 self. The first is "Ideal L2 Self" where students like to learn language because they have ideal perception about speaking L2. Second type the Ought-to L2 self connect with "attributes that one believes one ought to possess (i.e. various duties, obligations, or responsibilities) in order to avoid possible negative outcomes" [9, p.7]. Kormos, Kiddle, & Csizér claim that social envi-

ronment strongly influence to motivation [10]. Student's family and friends play an important role in attitudes formation which impact on learning activity. Authors discuss parental encouragement and their findings show that parents have limited affect on the Ideal L2 self, but they have influence on the construction of self-concept and beliefs. Results reveal that first year students more depend on parents' value system than second year because in that period students become more independently and their parents' views and encouragement have weaker effect on their self-concept. However, the paper demonstrates that parents encouragement is stronger for Chilean students in construction of the Ought-to L2 self. Thus, the findings present relationship between family language policy and student's motivation to learn second language.

Prasangani explored motivation to learn English among 29 Malay undergraduates in Malaysia, where he explains that Asian learners more sensitive towards others, for example mother's, father's, sibling's and friend's views and attitudes relate to their self construction [14]. However, Kazakhstani multiethnic society can have different view to others but majority of people have traditional sense and they more closely contact with their relatives in comparison with west culture. Therefore, Prasangani approach may be apply in Kazakhstani context and family language policy can show positive results towards Kazakh shift.

Conclusion

Kazakh language shift is a big challenge for many parents. For encouraging children they should establish language policy where motivation will be the main strategy, because motivation is a tool which makes this process easier for new generation. However, not all motivation models can be used in Kazakhstani context. The issue is differences between language goals in the shifting process, for native Kazakh FLP is maintain their native language, but for other nationalities is learning the dominant or the State language. According to this different policy parents should use different types of motivation. For example, integrative motivation is more appropriate for minorities because their aim is integration in the Kazakh dominant community. Karan's (2008) six types of motivation can be used by both groups except of *Religious Motivations*. Kazakh tradition Islam religion mostly provides in Arabic and less in Kazakh, thus *Religious Motivation* is worked towards classic Arabic. Also parents can't use international posture motivation in their policy, because Kazakh is not international language and don't have high popularity. One of the main characteristic of the motivation is intrinsic and extrinsic nature, which also present through family language policy. Parents may create a good atmosphere for Kazakh learning and children will increase their intrinsic motivation, but, of course, it is difficult to avoid extrinsic type because Kazakh is the State language and children have obligatory Kazakh language subject in school; and moreover, for Kazakhs is also obligation of maintain native language. Therefore parents should motivate and engage children to learn Kazakh through effective language policy.

References
1. Canagarajah A. S. Language shift and the family: Questions from the Sri Lankan Tamil diaspora1 //Journal of Sociolinguistics. – 2008. – Т. 12. – №. 2. – С. 143-176.
2. Curdt-Christiansen X. L. Invisible and visible language planning: Ideological factors in the family language policy of Chinese immigrant families in Quebec //Language Policy. – 2009. – Т. 8. – №. 4. – С. 351-375.
3. Fierman W. Language vitality and paths to revival: contrasting cases of Azerbaijani and Kazakh // International Journal of the Sociology of Language. – 2009. – №. 198. – С. 75-104.
4. Fishman J. A. Language in sociocultural change. – Stanford University Press, 1972. – Т. 6.
5. Karan M. E. The importance of motivations in language revitalization //2nd International Conference on Language Development, Language Revitalization, and Multilingual Education in Ethnolinguistic Communities. – 2008.
6. Kayam O., Hirsch T. Family Language Policy, Language Practice, Motivation, and Planning among Israeli Arab Students in Wingate Institute's Preparatory Program //International Journal of Education. – 2013. – Т. 5. – №. 2. – С. 144.
7. King K. A., Fogle L., Logan-Terry A. Family Language Policy. Language and Linguistics Compass, 2 (5), 907-922. – 2008.
8. Kopeliovich S. Family language policy: A case study of a Russian-Hebrew bilingual family: Toward a theoretical framework //Diaspora, Indigenous, and Minority Education. – 2010. – Т. 4. – №. 3. – С. 162-178.
9. Kormos J., Kiddle T. The role of socio-economic factors in motivation to learn English as a foreign language: The case of Chile //System. – 2013. – Т. 41. – №. 2. – С. 399-412.
10. Kormos J., Kiddle T., Csizér K. Systems of goals, attitudes, and self-related beliefs in second-language-learning motivation //Applied Linguistics. – 2011. – Т. 32. – №. 5. – С. 495-516.
11. Krashen S. D. Second language acquisition and second language learning. – Oxford University Press, 1981.
12. Lamb M. Integrative motivation in a globalizing world // System. – 2004. – Т. 32. – №. 1. – С. 3-19.
13. Matuszkiewicz R. The language issue in Kazakhstan-institutionalizing new ethnic relations after Independence // Economic and Environmental Studies. – 2010. Т. 10, №. 2. – С. 211-227.
14. Prasangani K. S. N. Asian Students' Social Goals in English Learning Motivation //Linguistics and Literature Studies. – 2014. – Т. 2. – №. 5. – С. 150-154.
15. Ryan R. M., Deci E. L. Intrinsic and extrinsic motivations: Classic definitions and new directions //Contemporary educational psychology. – 2000. – Т. 25. – №. 1. – С. 54-67.
16. Schiffman H. F. Linguistic culture and language policy. – Psychology Press, 1998.
17. Shohamy E. Language tests as language policy tools //Assessment in Education. – 2007. – Т. 14. – №. 1. – С. 117-130.
18. Smagulova, J. (2013). Multiplicities of language ideologies //Bulletin KazNU Filology series. – 2013. – 4 (144). – С.46-49.
19. Spolsky B. Language policy. – Cambridge University Press, 2004.
20. Yashima T. Willingness to communicate in a second language: The Japanese EFL context // The Modern Language Journal. – 2002. – Т. 86. – №. 1. – С. 54-66.

УДК.372.65 91 71

С.Д. Чаканова
Туркестан, Казахстан

МЕТОДИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ТЕХНОЛОГИИ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

Аннотация. *В настоящей статье рас-*

S.D. Chakanova
Turkestan, Kazakhstan

METHODICAL CHARACTERISTICS OF TEACHING RUSSIAN LANGUAGE TECHNOLOGIES AS A FOREIGN LANGUAGE

Abstract. *In this article, we consider the*

сматриваются вопросы как собственно методического содержания, так и психолого-педагогического при обучении иностранных студентов русскому языку.

questions of psychological - pedagogical and methodological content, while teaching Russian language to foreign students.

Ключевые слова: *психология; педагогика; коммуникация; мотивы; стимулы; профессиональные и познавательные потребности.*

Key words: *Psychology; Pedagogy; communication; Motives; Stimulus; Professional and Cognitive needs.*

Сведения об авторе: *Чаканова Салима Джалгасовна, кандидат педагогических наук, и.о. профессора.*

Место работы: Международный казахско-турецкий университет им. Х.А.Ясави.

About the author: *Chakanova Salima Djalgasovna, Candidate of pedagogical sciences, professorship.*

Place of employment: International Kazakh-Turkish University by H.A. Yasawi.

Контактная информация: *161200, Туркестан, ул. Курбан ата, 44.*
e-mail: selime24@mail.ru.

В современном научном методическом изыскании взаимосвязь между различными науками – необходимое условие создания эффективной системы обучения тому или иному аспекту языка. Для подобного исследования существенны связи с психологией и педагогикой.

Овладение языком, обучение общению предполагает не только формирование языковой, речевой, коммуникативной компетенции, но предусматривает организацию учебно-познавательной деятельности в мотивационно-эмоциональной сфере психики обучающихся, опору на все компоненты системы педагогического общения.

На современном этапе существенно изменилась методическая ориентация: реализация ведущего принципа русской лингводидактики – коммуникативность – требует как собственно методического содержания, так и психолого-педагогического. Ещё А.Н. Леонтьев утверждал в ряде работ, что личность всегда представляется в коммуникации, в мотивах и стимулах общения. С.Л. Рубинштейн также считал, что включение человека в контекст действительности осуществляется через свою мотивацию.

Известные педагоги Я.А. Коменский, И.Г. Песталоцци, К.Д. Ушинский, В.А. Сухомлинский придерживались следующей мысли: только при наличии у детей внутреннего побуждения к учению возможно получение положительных результатов в обучении. В педагогике под мотивацией подразумевается система целей, потребностей и мотивов, которые побуждают учащихся овладевать знаниями, сознательно относиться к учению, быть активным в учебной сфере общения.

Процесс формирования положительных мотивов учения происходит под влиянием социальных факторов (социальное окружение), личностных (жизненная позиция человека, стимулы изучения неродного языка), педагогических (учебный процесс, его содержание, характер познавательной деятельности обучающихся и др.). Результаты проведенного среди студентов–иностранцев Международного казахско-турецкого университета имени Х.А. Ясауи анкетирования, индивидуальных бесед с обучающимися показали,

что мотивация учебной деятельности обусловлена социально-познавательными интересами, т.е. ядро мотивации составляют профессиональные и познавательные потребности в знании языка. (82 информанта). Ниже предлагается образец комплексной анкеты.

А Н К Е Т А

1. Фамилия, имя, отчество _____
2. Возраст _____ лет
3. Образовательное учреждение в Турции, которое вы закончили _
4. С какой целью Вы изучаете русский язык?

а) получение высшего образования;
б) русский язык необходим в работе;
в) для общения в быту;
г) личная заинтересованность;
д) прочее: _____

5. Изучали ли Вы русский язык до приезда в Казахстан?

а) да б) нет

в) если "да", то в каком учебном заведении (выберите нужный вариант): второй язык в высшей школе, специальность, иностранный язык в вузе, подготовительные языковые курсы, прочее _____

6. Что было самым трудным в изучении русского языка?

а) грамматика б) лексика в) произношение г) написание д) речевое общение _____

7.Какие информационные средства Вы используете чаще всего в изучении русского языка?

а) телевизор б) радио в) интернет г) книги (запишите в порядке убывания)

1. _____ 2. _____ 3. _____ 4. _____

8.Что Вы читаете на русском языке, кроме учебных пособий?

1) газеты (в месяц сколько изданий? _____ изданий)
2) журналы (в месяц сколько изданий? _____ изданий)
3) книги (в месяц прочитываю _____ книг)
4) использую интернет (в месяц _____ часов)
5) Прочее _____

7. Сколько часов в день вы читаете на русском языке? _____ часов.

10.Сколько часов в день Вы разговариваете на русском языке?_____ часов.

1. Больше 10 минут
2. От 10 до 30 минут
3. От 30 минут до часа
4. От 1 часа до 3 часов
5. Больше 3 часов

11.Где чаще всего Вы говорите на русском языке (Выпишите в порядке убывания).

1. В вузе 2. В компании друзей 3. На работе 4. На базаре или в магазине 5. По телефону 6. В быту.

1. _____ 2. _____ 3. _____ 4. _____ 5. _____ 6. __

Так, анализ мотивов изучения русского языка иностранными учащимися свидетельствует о том, что более 75% выделили пункт а) получение высшего образования и пункт б) русский язык необходим в работе, остальные пункты составляют около 25%. Большинство студентов подготовительного отделения не изучали русский язык до приезда в Казахстан (более 97%). В процессе изучения русского языка иностранные учащиеся испытывали затруднение при вступлении в речевое общение (49%), усвоении лексических средств (37%), грамматических форм и конструкций (9%), произносительных норм (5%). В составе информационных средств чаще всего студенты-иностранцы обращаются к книгам-учебникам, учебным пособиям (72%), телевизору (14%), радио (11%), интернету (3%). Средний показатель времени, отводимого на чтение на русском языке, равен 1,5 часам; средний показатель времени общения на русском языке в день – 2 часа. В качестве типичных сфер речевого общения на русском языке информантами выделены вуз, быт. Данные анкетирования были учтены при разработке методических основ комуникативно-ориентированного обучения в лексике русского языка.

Для учебного процесса особо значимыми являются мотивы учения, отражающие направленность обучающего на различные стороны учебной деятельности. В составе мотивов учебной деятельности различаются познавательные, мотивы достижения и социальные. Познавательным мотивам свойственна направленность обучающегося на работу с изучаемым объектом. Стремление овладеть новыми знаниями относится к широким познавательным мотивам, стремление усвоить способы получения знаний и самостоятельно приобретать знания – к учебно-познавательным мотивам.

Следует отметить, что если формирование широких познавательных мотивов возможно за относительно короткий срок, то мотивы самообразования совершенствуются в процессе всей профессиональной деятельности. Появлению широких познавательных мотивов способствует применение в процессе обучения такого лексического материала, который соответствовал бы таким требованиям, как: коммуникативные потребности обучающихся в различных сферах речевого общения, наличие лексических единиц в учебных текстах для формирования коммуникативной компетенции, встречаемость лексики в реальных условиях учебной деятельности обучающихся.

Возникновение учебно-познавательных мотивов базируется на представлении и предъявлении студентам-иностранцам способов получения знаний при объяснении нового материала посредством эвристической беседы и организации овладения данных способов при выполнении упражнений

с помощью приемов анализа, сравнения, сопоставления, систематизации полученных знаний.

В составе мотивов достижения дифференцируются мотивы творческого и нетворческого достижения. Стремление достичь творческого успеха в науке является мотивом творческого достижения, который проявляется, прежде всего, у специалистов. К мотивам нетворческого достижения относятся стремление систематически выполнять домашние задания, получать отличные оценки, успешно сдавать зачеты, экзамены. Эти мотивы свойственны всем категориям учащихся.

Для формирования и развития творческих мотивов целесообразно применение заданий творческого и проблемного характера, а привитию мотивов нетворческого достижения способствует правильное осуществление учебных действий на основе системы конкретных ориентиров, применительно к лексическому аспекту, такими ориентирами могут быть речевые темы, словарь-минимум, набор этикетных формул речевого общения и т.п.

Психологами указывается, что преодолению трудностей учения помогают социальные мотивы, которые гораздо сложнее сформировать, чем познавательные. Действительно, мотив долга, ответственности, стремление стать квалифицированным специалистом и занять соответствующее место в обществе, заслужить авторитет и т.п. формируются вне учебного процесса и связаны с системой внеаудиторных мероприятий.

Для продуктивности учебной деятельности не является обязательным наличие всех перечисленных мотивов, чаще достаточно одного сильного мотива. Таким образом, характер учебной деятельности обусловлен её мотивами, тогда как характер тех или иных учебных действий определяется целью, направленной на достижение промежуточного или конечного результатов. В данном аспекте важно, чтобы каждое действие должно быть соотнесено не только с общей целью учебной деятельности, но и с будущей профессиональной деятельностью. Адекватное отражение комплекса целей в процессе продуктивного усвоения лексики является необходимой методической характеристикой технологии обучения русскому языку как иностранному. Применительно к лексическому аспекту в качестве промежуточной цели выступает освоение отдельных лексических единиц в рамках программных речевых тем. Учет цели учебной деятельности способствует активизации произвольного внимания обучающихся, играющего значимую роль при овладении новым лексико-грамматическим материалом.

В психологическом аспекте коммуникативно-ориентированное обучение русской лексике должно быть нацелено на выработку умения целеполагания, включающего целеобразование и целереализацию. Для этого целесообразно применять методические приемы, направленные на формирование способности к целеобразованию, на этапе объяснения. Так, вначале преподавателем производится демонстрация постановки промежуточной цели и обоснование её необходимости для достижения конечной цели; а

следующем этапе – выбор промежуточных целей и установление их последовательности. На всех стадиях учебно-познавательной деятельности обучающихся используются методические приемы, относящиеся к целереализации. Суть данных приемов состоит в том, что студенты-иностранцы имеют возможность определить, соответствуют ли их уровень языковой и речевой подготовки для достижения поставленной цели. В аспекте нашего исследования основными методическими приемами для развития умения целеполагания являются приемы проблемного обучения и активизация речемыслительной деятельности обучающихся. Именно познавательный интерес обеспечивает высокий уровень учебно-познавательной активности иностранных учащихся. Как известно, учебно-познавательный интерес проявляется не только по отношению к результатам, но и способам учения. В связи с этим значимость приобретает отбор учебного материала и способы его организации на начальном этапе обучения русскому языку как иностранному.

Усвоение и применение языковых единиц разных уровней, их адекватное восприятие и воспроизводство являются решающим звеном в овладении русским языком иностранными студентами.

Владение языком не сводится к овладению определенным объемом знаний о языке, а представляет собой овладение коммуникативной деятельностью на нем. Л.В. Щерба указывает, что речевая организация индивида:

а) не может равняться сумме речевого опыта;

б) может быть только психофизиологической;

в) является социальным продуктом вместе с обусловленной ею речевой деятельностью;

г) характеризует индивидуальное проявление языковой системы, выводимой из языкового материала;

д) складывается в результате речевой деятельности индивида.

Л.В.Щербой дифференцируется три аспекта языковых явлений: речевая деятельность (процессы говорения и понимания); языковая система (словари и грамматики языков); языковой материал. Им не противопоставляется речь и речевая деятельность, под речевой деятельностью подразумеваются процессы речи, говорения и слушания.

Кроме лингвистического уровня владения языком – словарем и грамматикой – нормативное использование языка предполагает и учет других аспектов: лингвокультурологический – учет этнокультурного материала; ситуативный – учет ситуации общения; социальный – отношения с собеседником. Таким образом, с точки зрения теории общения и речевой деятельности, психолингвистики и социолингвистики, лингвистики и теории коммуникации владение языком предусматривает наличие у индивида:

а) я з ы к о в о й компетенции, понимаемой как совокупность знаний о системе языка и умение пользоваться ими для целей коммуникации (Н.Хомский), как знание правил анализа и синтеза единиц языка;

б) р е ч е в о й компетенции, предполагающей освоение наряду с языковой компетенцией, закономерностей функционирования языковых форм в конкретных речевых ситуациях, использование их в различных видах и формах речевой деятельности;

в) к о м м у н и к а т и в н о й компетенции, понимаемой как способность к выбору и реализации программ речевого поведения в зависимости от способности человека ориентироваться в различных условиях языковой коммуникации.

Литература

1. Леонтьев, А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М.: ИЦ Академия, 1977. – 304 с.
2. Рубинштейн, С.Л. Человек и мир. – М.: Наука, 1997. – 191 с.
3. Архангельский, С.И. Учебный процесс в высшей школе, его закономерные основы и методы. – М.: Высшая школа, 1980. – 368 с.
4. Пассов, Е.И. Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению. – М.: Просвещение, 1991. – 223 с.
5. Чаканова, С.Д. Русский язык. Начальный курс для иностранных студентов. Туркестан: Туран, 2014. – 282 с.

References

1. Leontev, A.N. Deiatelnost. Soznanie. Lichnost. –M.: IS Academic, 1977. – 304 s.
2. Rubenchtein, S.L. Chelovek i mir. – M.: Nauka, 1997. – 191 s.
3. Arhangelsky, S.I. Uchebni process v vischi shkole, ego zakonomernie osnovi i metody. – M.: Vysshaia shkola, 1980. – 368s.
4. Passov, E.I. Kommunikativnyi metod obuchenie inoiazychnomu govoreniu. – M.: Prosveshenie, 1991. – 223s.
5. Chakanova, S.D. Ruskiy iazyk. Nachalnyi kurs dlia innostranih studentov. – Turkistan: Turan, 2014. – 282s.

.

Список основных научных трудов профессора Замиры Касымбековны Дербишевой

Монографии:

1. Теоретические основы контрастивной морфологии. Монография. Бишкек, 2000.8 п.л.
2. Функциональная грамматика русского и кыргызского языков. Монография. Изд-во КРСУ, Бишкек, 2003. 8 п.л.
3. Ключевые концепты кыргызской лингвокультуры. Монография, Бишкек, 2012. 7,5 п.л.
4. Кыргызский этнос в зеркале языка. Монография, Бишкек, 2012. 16, 5 п.л.
5. Лингвокультурные концепты в когнитивном восприятии. Монография LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG Heinrich-Böcking-Str. 6-8, 66121, Saarbrücken, Germany. 7п.л.
6. Жусуп Баласагын жана анын өлбөс-өчпөс эмгеги "Кутадгу Билиг", Бишкек, КТУ Манас, 2016 (коллективная монография).
7. Язык и этнос. Монография. Москва: ФЛИНТА: Наука, 2017. 8 п.л.

Учебники и учебные пособия

1. Программа по практическому курсу киргизского языка. (учебно-метод. пособие). Программа для изучающих киргизский язык. Фрунзе, 1989 . В соавторстве с Осмоналиевой Б.О.
2. Нация и национальные отношения в современный период. Учебно-методическое пособие для студентов КГУ, Фрунзе,1989. 3 п.л. (в соавторстве с Иваковым А., Пуховой М.).
3. Кыргызский язык для лиц, говорящих по-русски.Учебно-методическое пособие. Бишкек,1993. 6 п.л. В соавторстве с Джайнаковой Н.Т.
4. «Тил көпүрө». Учебник кыргызского языка для иностранцев // Изд-во КТУ «Манас», Бишкек, 2005, 10 п.л. Коллектив авторов.
5. «Тил көпүрө» (кыргызский язык как иностранный). Методическое пособие для преподавателей, Изд-во КТУ «Манас», Бишкек, 2005, 8 п.л. Коллектив авторов.
6. Кыргыз тилинин окуу китеби. Под редакцией Батманова И.А. и Актанова Т. Учебное пособие. Бишкек, 2007, 10 п.л. В соавторстве с Рудовым М.А.
7. Хрестоматия «Русское слово» для 1 класса кыргызской школы. Учебное пособие г. Бишкек -2010, 5п.л. В соавторстве с Нарозя А.Г.
8. Хрестоматия «Русское слово» для 2 класса кыргызской школы. Учебное пособие, г. Бишкек -2010, 5п.л. В соавторстве с Нарозя А.Г.
9. Хрестоматия для 3 класса кыргызской школы Учебное пособие. Бишкек, 2011. В соавторстве с Нарозя А.Г.
10. Хрестоматия для 4 класса кыргызской школы «Русское слово». Учебное пособие Бишкек, 2011. В соавторстве с Нарозя А.Г.
11. Сравнительная грамматика русского и турецкого языков. Учебник для вузов. Москва: ФЛИНТА: Наука, 2015.15 п.л.
12. Кыргыз жана түрк тилдеринин салыштырма морфологиясы Окуу китеби, БИШКЕК, КЫРГЫЗ –ТҮРК МАНАС УНИВЕРСИТЕТИ 2014, 16 б.т. В соавторстве с Бурул Сагынбаевой.

Словари

1. Русско-турецкий и турецко-русский словарь. – Бишкек: Изд-во «Avrasya Ltd. Şirketi, 2005. 10 п.л. Коллектив авторов.

2. Академический Русско-Кыргызский словарь. В в 4 томах. Изд-во НАН КР, Институт языка и литературы, 2012 180 п.л. Ответств. редактор Дербишева З.К.
3. Вселенная Чингиза Айтматова. Собрание авторских изречений. Изд-во «Бийиктик Плюс» 2012, 15 п.л.
4. Айтматовдун асыл ойлору. Сборник изречений. Бишкек, 2016, (в соавторстве с Кеңешем Жусуповым). 256 стр.

Авторефераты и диссертации:

1. Дербишева З.К. Сопоставительный анализ словообразовательных типов чешских и русских глаголов с приставкой «za-/за-». АКД. Москва, 1981.
2. Дербишева З.К. Сопоставительный анализ словообразовательных типов чешских и русских глаголов с приставкой «za-/за-». дис. … канд. филол. наук. Москва, 1981. – 168 с.
3. Дербишева З.К. Теоретические основы сопоставительной грамматики русского и кыргызского языков. Автореферат дисс. на соиск. ученой степени доктора филол. наук, Бишкек, 2001.
4. Дербишева З.К. Теоретические основы сопоставительной грамматики русского и кыргызского языков. Дисс. на соиск. ученой степени доктора филол. наук, Бишкек, 2001.

Статьи в зарубежных изданиях

1. Некоторые аспекты изучения способов глагольного действия в русском и чешском языках. (статья). Депонирована в ИНИОН АН СССР №2896 от 22.12.78.
2. О двух словообразовательных типах глаголов в русском и чешском языках. (статья). Депонирована в ИНИОН АН СССР № 2895 от 22.12.78
3. Грамматика языка и национальный менталитет (тезисы). //II Международный Конгресс исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность», г. Москва 18-21 марта 2004.
4. Лингвокультурологический аспект рунических памятников (тезисы). // XXXVII Международный конгресс востоковедов "ICANAS-37", г. Москва, 16-21 августа 2004.
5. Языковое сознание через призму грамматики. Статья. Вестник Казахского нац. уни-та им. Аль-Фараби. Серия филологическая №3 2005, Алматы.
6. Русистика в Кыргызстане. //Международная конференция «Русистика в условиях глобализации». 2006, Пекин.
7. Язык как самоорганизующаяся и саморазвивающаяся система. Статья. CHINA, Hangzhou, Zhejiang University, Institute of Foreign Languages, 2007.
8. Научное изучение русского языка в Кыргызстане. Труды и материалы III Международного конгресса исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность», 20–23 марта 2007, Москва.
9. Русский язык в Кыргызстане. Статья. Вестник МАПРЯЛ. №53, Москва, 2007.
10. Теоретические основы контрастивно-типологического описания морфологического яруса. Тезисы Материалы Международной конференции "Русский язык и литература в международном образовательном пространстве: современное состояние и перспективы", 7 – 9 мая 2007 Гранадский университет (Испания).
11. Преподавание современного русского языка в Кыргызстане. Аналитическая статья.
12. Функционирование и преподавание современного русского языка в странах СНГ.
13. Санкт-Петербург 2007.

14. Роль перевода в укреплении статуса национального языка.// Международная научно-методическая конференция “Русский язык и культура в зеркале перевода», Греция, г. Салоники, Халкидики 14-18 мая 2008 г.
15. «Содержание и организация подготовки переводчиков в КТУ «Манас». Статья. Материалы VI Межд. научно-практич. конференции «Металингвистическая составляющая инновационных образовательных программ подготовки переводчиков», 8-10 октября 2008, Москва.
16. Научно-методические основы учебника по русскому языку для сельских регионов Кыргызстана. Статья в Материалах I Международной научно-методической конференции «Состояние и перспективы методики преподавания русского языка и лит-ры» в рамках II Ассамблеи Русского мира, г. Москва, 2008.1п.л.
17. Проекция опыта становления славянских языков на формирование тюркских литературных языков. Статья в Материалах Международного научного Симпозиума «Славянские языки и литературы в современном мире», 24-26 марта 2009 г., г. Москва.
18. Лингвокультурные аспекты восприятия русского слова. Доклад на III Ассамблее Русского Мира, 3.11.2009, Москва.
19. Языковой кризис. Доклад на Международной научно-практической конференции «Русский язык в многополярном мире: новые лингвистические парадигмы диалога культур», посвященная 50-летию образования РУДН, 2009, Москва.
20. Этноязыковое своеобразие концепта «Движение» в русском, английском и киргизском языках. «Русский язык за рубежом» (научный журнал).№ 4 / 2009.0,5 п.л.
21. Русский язык как язык-энергоноситель. Доклад. II Международный конгресс «Русский язык как язык межкультурного и делового сотрудничества в полилингвальном контексте Евразии», октябрь 2009, г. Астана.
22. Языковая политика и языковая ситуация в Кыргызстане. Статья. Russian Language Journal, Vol.59, 2009, Washington 0,5 п.л.
23. Коммуникативный и когнитивный потенциал языков Кыргызстана. Статья в Материалах Международной конференции «Язык и общество в современной России и в других странах» РАН , июнь 2010, Москва.
24. Функционально-семантическое поле как основа сопоставления разносистемных языков. Тезисы доклада на II Международной конференции «Русский язык и литература в международном образовательном пространстве: современное состояние и перспективы», 2010, Гранада, Испания.
25. Состояние и проблемы двуязычного образования в Кыргызстане. Материалы Международной научной конференции «Двуязычное образование: теория и практика. 26–28 апреля 2011, Хельсинки, Финляндия.
26. Концепт времени в славянском и тюркском языковом восприятии. Статья в сборнике научных трудов Rossica Olomucensia в Чехии; сентябрь 2011г.
27. Концептуальная система лингвосоциума Кыргызстана. Статья в Материалах II Международной конференции в России в г. Омске, июль 2011.
28. О стандартности форм когнитивного мышления. Статья в материалах конференция РАН и РУДН «Жизнь языка в культуре и социуме», г. Москва, 20-22 апреля 2012.
29. THE PHILOSOPHY OF KYRGYZ PEOPLE THROUGH THE PRISM OF THE LANGUAGE. Статья Journals of International Scientific Publications «Language, Individual & Society» Volume 6 2012 Part 2 , 1п.л., 2012.
30. Векторы языкового развития в Кыргызстане. Доклад на Международной конференция по естественному билингвизму, Австрия, г. Раттен, июль 2012.
31. Ментальная вселенная Ч.Айтматова. Доклад Международная конференция «Чингиз Айтматов и диалог культур», Санкт-Петербург, 2012, ноябрь.

32. Русский язык в языковой палитре Кыргызстана. Доклад на Международном форуме «Русский язык между Европой и Азией». Россия, г. Пермь, 30-31 мая 2013.
33. «TYPES AND CHARACTER OF BILINGUALISM IN KYRGYZSTAN», статья International Conference and 7th International Scientific and Practical Seminar "Multilingualism and Intercultural Communication: Challenges of the XXI Century" (Prague, 11–13 October 2013).
34. Prof. Dr. Zamira Derbisheva and Dr. Charles F. Carlson. Gender Expressions in Kyrgyz Speech» 56th ANNUAL MEETING of the PIAC (PERMANENT INTERNATIONAL ALTAISTIC CONFERENCE) The Kocaeli University Women's Studies Centre July 7 - 12, 2013.
35. Ментальные формулы в формировании языковой личности Ч.Айтматова. ВЕСТНИК Российского университета дружбы народов (Серия Теория языка. Семантика. Семиотика) № 1, 2014. 0,5 п.л.
36. Когнитивно-семантический анализ концепта «Враг» в киргизском эпосе «Манас». Статья в Материалах XIV Международной научной конференции «Новые парадигмы и новые решения в когнитивной лингвистике». Россия, Казахстан, Кыргызстан 2014.
37. Оценка и взгляд кыргызской общественности на идею экономического пояса Великого шелкового пути. Доклад на международном форуме женщин в Пекине, 2014.
38. Типологический аспект флективной и агглютинативной морфологии. Доклад РАН: Международная конференция "Язык. Общество. История науки". Москва. 2015.
39. Лингвокультурный потенциал концепта «Слово» в кыргызском языке**.** Статья
40. в Международном сборнике научных трудов «Новые парадигмы и новые решения в когнитивной лингвистике», СПб, 2015.
41. О лингвокультурном своеобразии языкового сознания. Статья в сборнике
42. Научных докладов высшей школы «Филологические науки», вып.6, ноябрь, 2015, Москва.
43. Коммуникативное пространство русского языка в Кыргызстане. Доклад
44. Международная конференция «Сохранение, поддержка и продвижение русской культуры языка за рубежом». Минск, 12-16 ноября 2015 г.
45. Билингвальное и полилингвальное образование в контексте языковой ситуации в Кыргызстане. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Вопросы образования: Языки и специальность, 2016, № 5. Тематический выпуск: Современные тенденции билингвального образования.
46. В соавторстве с Г.Алтынбековой. The concept as a means of representation of ethnocultural mentality Springer Science+Business Media, 2016.
47. Жусуп Баласагындын «Кутадгу билим» поэмасындагы жогорку баалуулуктар доклад.TÜRK DÜNYA GÖRÜŞÜNÜN ŞÂH ESERİ: KUTADGU BİLİG (Yûsuf Has Hâcib'in Doğumunun 1000. Yılı Hatırasına) Uluslararası Sempozyumu, Istanbul, 2016.
48. Ментальный образ любви в кыргызском миропонимании. Статья в сб.: «Лингвокультура и концептуальное пространство языка» Сб.ст. вып. 10, СПб, 2016.
49. Правовой статус русского языка в Кыргызстане и языковая реальность. Статья «Русский язык как фактор культурно-образовательной интеграции общества». Сб.ст. Вып. 11, СПб., 2016.
50. Менталитет народа через призму национального языка. Статья GLOBAL INTERNATIONAL SCIENTIFIC ANALYTICAL PROJECT, London, 2016.
51. Этноментальная специфика концептуализации доклад в материалах международной научно-практической конференции «Современные проблемы тюркологии: язык – литература-культура», Москва, РУДН, 2016.
52. Грамматические единицы в типологическом освещении статья Проблемы общей и востоковедной лингвистики. Труды научной конференции. Институт востоковедения РАН, том 2, Москва, 2016.

53. «The Role of Kyrgyz Traditional Beliefs» статья Proceedings of the Ist international conferenceon the role of religions in the Turkic culture. Budapest, 2016 (page 286-298). В соавторстве с Charles F. Carlson.

Научные статьи в кыргызстанских изданиях

1. К исследованию типологии временных систем русского и киргизского языков. (статья). Сборник «Русское слово в языковой жизни Киргизии». Фрунзе,1984.
2. Опыт сопоставительного анализа словообразовательной семантики глаголов в русском и чешском языках. Сборник «Исследования словообразования и лексики русского языка». Фрунзе, 1985.
3. Функционально-семантическое поле как исходная база сопоставления русского и киргизского языков (статья) в журнале "Русский язык и литература в киргизской школе»,1987 № 3.
4. Функционально-семантическое поле залоговости в русском и киргизском языках. (статья). В сборнике «Сопоставительно-типологические исследования русского и киргизского языков». Фрунзе,1988.
5. Функционально-семантическое поле персональности в русском и киргизском языках (статья). В сборнике «Сопоставительно-типологические исследования руссского и киргизского языков». Фрунзе, 1990.
6.Сборник научных трудов «Русский язык: единицы разных уровней и функционирования». Бишкек,1991.
7. Типы согласовательных классов имен существительных в русском языке и изучение категории рода в национальной аудитории (статья). Лингвистические проблемы преподавания русского языка как неродного Сборник научных трудов. Бишкек, 1993.
8. Функционально-семантическое поле как основа сопоставления (статья). Вестник КГНУ. Серия филологические науки. Выпуск 2, Бишкек, 1994.
9. Статус слова в агглютинативных языках (статья.) Вестник КГНУ. Филологические науки. Выпуск 2, Бишкек,1996.
10. Функционально-семантическое поле аспектуальности в русском и киргизском языках (статья). Вестник КГНУ. Серия филологические науки, вып.2, Бишкек,1996.
11. Функционально-семантическое поле количественности в русском и киргизском языках (статья). В журнале «Русский язык в школах Кыргызстана» 1998, №3.
12. Типологическая характеристика категории залога (статья). Русский язык в Кыргызстане. Сборник научных трудов. Выпуск 1, 1998.
13. Грамматическая категория в агглютинативных и флективных языках (статья). Русский язык в Кыргызстане. Сборник научных трудов. Выпуск 1, Бишкек,1998.
14. Понятие формы слова в языках разных типов.(статья) . В журнале «Социальные и гуманитарные науки»,1998, №1.
15. Морфология и тип языка (статья). В журнале «Социальные и гуманитарные науки».1998, №1.
16. Типологическая характеристика категории вида (статья). Вестник КГНУ.Серия филологические науки. Выпуск 2. Бишкек,1998.
17. Функционально-семантическое поле детерминативности в русском и киргизском языках (статья). Вестник КГНУ. Филологические науки. Выпуск 2. Бишкек,1998.
18. Specific features of Kyrgyz morphology. (статья) Tne Nature of University Education and Research: Conferense proceedings (May 30, 1999).- Bishkek: American University in Kyrgyzstan, 1999.-212
19. К типологии функционально-семантических полей (статья). В сборнике «Русский язык в Кыргызстане». Выпуск 2. Бишкек, 2000.

20. Функционально-семантическое поле компаративности в русском и киргизском языках (статья). В сборнике «Русский язык в Кыргызстане» Выпуск 2. Бишкек, 2000. В соавторстве с Мамытовой Э.Дж.
21. К вопросу о функциональном сопоставлении языков (статья). Вестник КГНУ. Серия 6. Наука и образование. Труды ИИМОП. Вып.2: Бишкек, 2000.
22. Сущность грамматического значения в агглютинативных и флективных языках (статья). Вестник КГНУ. Серия 1, вып. 3. Гуманитарные науки. Бишкек, 2001.
23. Типологический взгляд на категорию падежа (статья). Вестник КГНУ. Серия 1, вып.3. Гуманитарные науки. Бишкек. 2001.
24. Имя прилагательное в контрастивном аспекте (статья).Сборник научных трудов «Русский язык в Кыргызстане», вып. 3, Бишкек, 2002.
25. Основные проблемы контрастивной лингвистики (статья). Материалы международной конференции «Русский язык в Кыргызстане», Бишкек, 2003.
26. Уровневая иерархия субъектного выражения (статья). Материалы международной конференции «Русский язык в Кыргызстане», Бишкек, 2003.
27. Түрк жана кыргыз тилдериндеги роддук белгилери (статья). Sosyal Bilimleri Dergisi, №5, изд-во КТУ «Манас», 2003. В соавторстве с Сагынбаевой Б.
28. Роль контрастивной лингвистики в преподавании языков (статья). Второй иностранный язык: Современные технологии обучения. Материалы межвузовской научно-методической конференции, 2003.
29. Кыргыз тили жана кыргыз мамлекетүүлүгү (статья). Академик Б.М. Юнусалиев жана кыргыз филологиясы. Илимий макалалар жыйнагы. Бишкек, 2003.
30. Тил үйрөтүү методика маселелери (статья). "Эл агартуу" журнал №3-4, 20031п.л.
31. Кыргыз-Түрк "Манас" университетинин тил үйрөтүү технологиясы. (статья). Коомдук-илимий журналы, № 8, 2003. 1п.л
32. Русский язык сегодня: состояние и проблемы (статья). Материалы региональной научно-практической конференции «Культура русской речи в Кыргызстане». Бишкек, 2003.
33. Английские заимствования в русской речи кыргызстанцев (статья). Материалы региональной научно-практической конференции "Культура русской речи в Кыргызстане, Бишкек, 2003. В соавторстве с А. Чокубаевой.
34. Сөз түркүмдөр бөлүштүрүү маселеси. Вестник Баткенского уни-та. Баткен, 2003.

35. Преподавание русского языка как иностранного в КТУ "Манас". Журнал "Русский язык и литература в школах Кыргызстана" №3, 2003
36. Национальный менталитет и его отражение в языке (статья). Материалы конференции «Концепции развития языковой ситуации в Кыргызстане", Бишкек, КРСУ, 2004
.
37. Трактовка грамматических проблем в турецкой лингвистике (статья). Коомдук-илимий журналы, № 11, 2004.
38. Турк цивилизациясын байыркы турк тили аркылуу изилдөө (статья). Сборник научных трудов КТУ «Манас» «Турк цивилизациясы жана мамлекеттик салты», Бишкек, 2004.
39. Языковая модель мира древних тюрков (статья). Материалы II международного конгресса по тюркской цивилизации, Бишкек, 2004.
40. К проблеме языковой концептуализации мира (на материале сопоставления русских и киргизских концептов) (статья). Материалы международного конгресса «Русский язык в сообществе стран СНГ», Бишкек, 2004.

41. Түрк жана кыргыз тилдериндеги таандык категориясы (статья). Вестник Кыргызского государственного педагогического университета. Серия 3, выпуск 2, Бишкек, 2004.
42. Түрк жана кыргыз тилиндеги сан категориясы.(статья). Вестник Кыргызского государственного педагогического университета, Серия 3, выпуск 2, Бишкек, 2004.
43. К вопросу о типологии грамматических форм в тюркских языках (статья). Вестник Кыргызского нац-го уни-та им. Ж.Баласагына, серия 1, выпуск 3, 2005.
44. Проекция опыта становления славянских языков на формирование госязыка КР. //Международная научная конференция «Культура в языке и лит-ре». 23-24 мая 2008. Бишкек.
45. Кыргыз тилин өнүктүрүү боюнча жаңы концепция. Статья материалы Мамлекеттик тил маселелерине арналган илимий-практикалык конференция. КУУ, 2008
46. Языковой портрет кыргыза в сравнительном аспекте. Статья. Материалы Международного семинара-совещания «Проблемы межкультурной коммуникации и билингвизма». ЦОНИК, КРСУ июль 2008, Бишкек. 47. “Проблема языка в науке и образовании». Статья в Материалах Международного научного симпозиума «Русский язык – язык мировой науки и высшего образования». 25-27 мая, 2010 г. Бишкек.
48. Ментальная вселенная Чингиза Айтматова (статья). Международный форум «Чингиз Айтматов и его Иссык-Кульский форум: диалог культур и сближение цивилизаций». Бишкек, Чолпон-Ата. 13-17ноября 2013.
49. Новая языковая политика в Кыргызстане – это реакция на вызов времени. Доклад. A KEY-YEAR ALSO IN CENTRAL ASIA?19-20 September 2014, Bishkek, Kyrgyzstan. 1989.
50. Ключевые концепты в кыргызской лингвокультуре. Доклад на Международной конференции по межкультурной коммуникации. КНУ им. Ж. Баласагына, 18 апреля 2014г.
51. Концепт добра и зла в творчестве Ч. Айтматова. Доклад на Международной конференции «Роль Ч. Айтматова в диалоге культур «Восток-Запад», Восточный университет им Махмуда Кашгари, Бишкек, апрель 2015.
52. Принципы и задачи когнитивной и концептуальной лингвистики. Межвузовская научно-практическая конференция «Развитие когнитивной лингвистики в образовательном пространстве Кыргызстана», 20.05. 2016, Бишкек.
53. Афористичность поэмы поэмы Жусупа Баласагына «Кутадгу Билиг» статья “Жусуп Баласагын жана анын өлбөс-өчпөс эмгеги “Кутадгу Билиг”, Бишкек, КТУ Манас, 2016.
54. Тил системасындагы түрк менталитетинин чагылдырылышы. Доклад Байыркы турк жазма эстеликтери жана аларды изилдөөдөгү актуалдуу маселелер темадагы конгресс, Бишкек, 25.05.2016.
55. «Кыргыз тилинин өнүгүү саясаты» доклад Эне тил Эл аралык күнүнө карата «Мамлекеттик тилдин учурдагы абалы жана көйгөйлөрү» Республикалык илимий-практикалык конференция.19.02. 2013.
56. Статус русского языка как официального: состояние и проблемы. Доклад на Международной научно-практической конференции в КРСУ им. Б.Н. Ельцина «Функционирование русского языка в контексте взаимодействия с киргизским языком и культурой». 22.02. 2013.
57. Язык. Культура. Менталитет. КНУ им. Ж. Баласагына Межвузовская научно-практическая конференция «Теория и практика межкультурной коммуникации в Кыргызстане» 23.04 2013.
58. Кыргыз тилинин бүгүнкү абалы статья//Кыргыз тилин окутуунун жаңыча усулыкмалары, Бишкек -2006.

59. Региональный портрет русского языка в Кыргызстане//Центральноазиатский форум русского языка, Бишкек, 2006.
60. «Глобализация и перспективы развития тюркских языков». III Конгресс тюркоязычных социологов " Глобализация и тюркский мир» 21-24 сентября 2010 г., Кыргызско-Турецкий Университет «Манас», Бишкек, Кыргызстан.
61. Языковая палитра современного Кыргызстана. Доклад на Международной конференции «Славяно-тюрко-германские культурно-языковые связи» КРСУ, сентябрь 2012г. Бишкек.

Научные доклады на конгрессах и конференциях в Кыргызстане

1. Изучение темы «Категория вида и способы глагольного действия» в киргизской аудитории. Тезисы доклада на Всесоюзной научной конференции в г. Фрунзе,1978.
2. К вопросу о категории вида в тюркских языках.Тезисы доклада на Конференции молодых ученых Киргизии.1981.
3. Принципы сравнительного описания глагольной лексики в русском и чешском языках. Тезисы доклада на Республиканской научно-практической конференции в г. Фрунзе.1983.
4. Мировоззренческий аспект выбора единицы типологического сопоставления языков.Тезисы доклада на Республиканской научно-методической конференции. Фрунзе,1987.
5. Совершенствование методики преподавания славянских языков на факультете русской филологии. Тезисы доклада на Республиканской научно-практической конференции КГУ. Фрунзе,1988.
6. О выборе типологического сопоставления русского и киргизского языков.Тезисы доклада в сб. Тюркология-88.Фрунзе,1988.
7. Организация самостоятельной работы в рамках дисциплин по славянской филологии. Тезисы доклада на Республиканской научно-методической конференции ФПИ. Фрунзе,1989.
8. Сопоставительная типология как важнейший фактор эффективного обучения языкам. Тезисы доклада на научно-теоретической конференции «Проблемы и перспективы повышения эффективности использования научного потенциала высшей школы в Киргизии».-Фрунзе,1989.
9.Функциональное сопоставление на службе коммуникативному обучению языку.Тезисы доклада на межвузовской конференции «Актуальные проблемы национально -русского двуязычия в условиях педвузов Казахстана».Алма-Ата,1989.
10.Теоретические основы русско-киргизского двуязычия.Тезисы доклада на Всесоюзной научной конференции «Национальные языки в советском обществе и проблема двуязычия». Москва,1989.
11. Единицы типологического сопоставления русского и киргизского языков. Материалы 5-й Всесоюзной тюркологической конференции (тезисы). Фрунзе,1988.
12. Принципы построения курса «Сопоставительная типология русского и киргизского языков». Тезисы доклада на Республиканской научно-методической конференции, г. Ош,1990.
13. Преподавание киргизского языка на функциональной основе. Тезисы доклада на Республиканской научно-практической конференции. Бишкек,1991. В соавторстве с Абдиевой Г.Р.
14.Функционально-семантическое поле модальности в русском и киргизском языках.Тезисы доклада на Всесоюзной научно-методической конференции. Фрунзе, 1991.

15.Категория акционсарта в русском и киргизском языках. Тезисы доклада международной конференции. Бишкек,1992.
16.Функционально-семантическое поле аспектуальности в славянских и тюркских языках. Тезисы докладов научной конференции на факультете русской филологии КГУ, Бишкек,1992.
17. Проблема акционсарта в контрастивном аспекте. Тезисы докладов научной конференции к 60-летию КГУ. ч.1.,1993.
18. Структура поля начинательности. Тезисы докладов международной конференции «Уровни языка и типологические приемы их описания». Бишкек,1993.
19. Опыт использования ТСО в преподавании славянских языков на факультете русской филологии. Тезисы докладов Республиканской научно-методической конференции. Фрунзе,1999.
20. Языковая концептуализация категорий пространства и времени у тюркских народов//Тезисы III Международный конгресс по тюркской цивилизации, Бишкек, 28-31 мая 2007.
21. Проблемы языка образования в поликультурном обществе. Тезисы Республиканской конференция «Образование и наука в современном университете», АУЦА, 13 марта 2008, Бишкек.
22. Язык науки и образования в контексте формирования функциональных стилей. Тезисы Международный форум «Диалог языков и культур» МГЛУ, Иссык-Куль, «Аврора», 10-14 июня 2008г.
23. К проблеме описания языкового образа человека. Тезисы Международной конференции «Межкультурная научная коммуникация: Проблемы и перспективы», сентябрь 2007г., Иссык-Куль.
24. Кыргызский язык как предмет изучения и как средство обучения. Доклад на Круглом столе «Государственный язык. Проблемы и их решение», Институт общей политики Кыргызстана; май 2012, Бишкек.
25. «Язык и менталитет» (доклад). Международный конгресс ПЭН-клуба. Бишкек, 2014.

Содержание

Слова о юбиляре (М.В. Пименова) …… 4
Замира Касымбековна Дербишева (Н.А. Ахметова) …….. 6

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

Ахметжанова З.К., Мирзоева Л.Ю.	О концепции ревитализации языка и культуры ……..	8
Бокошов Ж.	Онтологические проблемы концептуальной реконструкции знания ……	15
Воркачёв С.Г.	Интеллект в игровой гамме дискурса (на материале афористики) ……..	22
Жаналина Л.К.	Функциональная грамматика: точки пересечения с когнитивной лингвистикой ……...	31
Камалова А.А.	О наивной эпистемологии (на материале русских пословиц) ……	37
Карасик В.И.	Иллюзия как основа театрального дискурса ……	43
Момынова Б.К., Анесова У.Г.	Семантика и символический смысл проксемических подходов к казахскому языку ……..	56
Пименова М.В.	Лебедь: слово & символ ……..	62

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Алаева С.А.	Концепт *бийлик//власть* через призму кыргызского языка …….	71
Бейшенова Ж.А.	Анализ концепта «УСПЕХ» среди студентов кыргызов ..	81
Жоламанова Е.И.	Эмоциональные концепты в ранних повестях Ч. Айтматова ……	87
Кадыркулова У.К.	Оценочная характеристика концепта «ТРУД» в пословицах и поговорках в русском и кыргызском языках ……	94
Кулалиева К.О.	Концепт “НАРОД” в эпосе “Манас” …….	98
Кыдыралиева Д.М.	Способы перевода эмоционально окрашенной лексики концепта «СОГУШ» («война») ……..	107
Ма Сянфэй	Представления носителей русского языка о снеге: устойчивое и индивидуальное …….....	113
Сагынбаева Б.С.	Концепт “ЖАКШЫЛЫК” (ДОБРО) в кыргызском мировоззрении	119
Темирова Ж.Г.	Роль художественного концепта в процессе формирования национальной картины мира (на материале творчества Роллана Сейсенбаева) …….	127
Толокова Э.Т.	Некоторые особенности фреймовых и сценарных слотов кыргызского языка (на примере обычаев и обрядов кыргызского народа) ……	135
Хусаинова Г.Р.	Концепт “счастье” в языковой картине мира башкир (на материале народной волшебной сказки) ……	143
Чонмурунова Н.Ж.	Концептосфера языковой картины мира Ч.Т. Айтматова	147

Чыманова Ж.Ж. Фрейм «речь» в английском и кыргызском языках ……. 155

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Зулпукаров К. З. Заметки по ностратике и этимологии названия невестки в ностратических языках …… 162
Касиева А.А., Джумалиева Г.К. Лингвокультурный скрипт «похищение невесты» на материале фильма «БОЗ САЛКЫН» …… 166
Керимжан кызы Камила Фразеологизмы немецкого, кыргызского и русского языков ……. 176
Косымова Г.С. Теория единства языков и Кудайберген Жубанов …… 180
Кулалиева Ж.А. Концепт в современной лингвокультурологии …… 185
Мамбаева С.К. Ценность семьи и родового клана у кыргызов и у американских индейских племен …… 193
Мусабаева Р.Ш. Островное двуязычие, его социокультурные рамки и понятие интерференции в языке …… 201
Назарьян Р.Г. Среднеазиатская лексика в русской речи жителей Самарканда …… 207
Нарынбаева Б.Б. Символы во фразеологических единицах французского языка ……. 212
Рахманова Н.М., Таласпаева Ж.С., Сабиева Е.В. Отражение идейно-эстетических и мифологических ценностей в топонимах Северного Казахстана …….. 218
Сыдыкова Ч.Т. Гендерные стереотипы в киргизской лингвокультуре (на материале повестей Чингиза Айтматова) ……. 223
Шалабай Б.Ш. Некоторые черты казахского менталитета в языковом воплощении …… 230

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА

Абдуманапова З.З. Языковая картина мира как совокупность представлений о действительности носителя языка через интернет и образовательные ресурсы …….. 237
Джатоту Н. Категория одушевленности и неодушевленности имени существительного в русском языке …….. 241
Жунисова М.А. Историческая периодизация казахского языка …… 246
Гнездечко О.Н. Психолингвистическое измерение современных англоязычных лимериков ……. 254
Мусабаева Р.Ш. К истории немцев Кыргызстана ……. 263
Оразгалиева Г.Ш. Языковая картина мира (на примере некоторых казахских и русских зоонимов) …… 267
Рахимбаева А.Т. Смысловой оттенок сравнения (эпитета) –дай, –дей имен существительных …….. 274
Таласпаева Ж.С., Кадыров Ж.Т., Олькова И.А. Пропозиция как когнитивная модель семантической структуры эмоционально-оценочных предикатов …….. 280
Тулеева Ч.С. К вопросу языкового выражения эмоций как отражения национального менталитета (на материале междометий) 286

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

Найманова Ч.К., Тынчтыкбекова А.Т.	Персуазивная роль дейксиса (на примере инаугурационной речи 45 президента США Дональда Дж. Трампа) …	293
Мехта Анджу	Несколько слов о публичных выступлениях политических лидеров	298

ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКАЯ КАРТИНА МИРА

Беликова Л.Г., Ерофеева И.Н.	Особенности русского речевого поведения в конфликтном диалоге (на материале современной художественной прозы) …….	304
Кадыров Ж.Т., Какимова М.Е., Таласпаева Ж.С.	Когнитивный подход в изучении имён собственных на материале художественных произведений ……..	310
Народя А.Г.	Поэтика заглавий в драматургических произведениях Мара Байджиева ……...	316
Оданова С.А.	Изучение проблемы языковой личности в антропоцентрических исследованиях	327
Селиверстова Е.И	Молоко и мёд: жизнь и судьба героев Марины Степновой сквозь призму съедобного ……...	334
Трушев А.К. Кабышев Б. Б. Карипжанова Г.Т. Жумадилова Ш.Т.	Литературный язык поэтов XV-XVII веков	344

ДИСКУРСИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Кадырбекова П.К.	Речевой акт «SICH ENTSCHULDIGEN/КЕЧИРИМ СУРОО” в немецком и кыргызском языках ……..	350
Калиева К.А.	Визуальная поэзия: перевод произведения «Лебедь и тень» Джона Холландера …….	356
Найманова Ч.К.	К вопросу о когнитивном подходе к исследованию дискурса ……..	363
Титаренко Т.В.	Этногерменевтика и этнориторика: подходы к изучению немецкой речевой коммуникации …….	370
Хлыпенко Г.Н.	Александр Никитенко как поэт-палиндромист ……	373
Шамбеталиева Х.М.	Памфлет как вид сатирического жанра публицистики (на примере газеты «МК-Кыргызстан» и веб-сайта akipress.org) ……..	382

ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Буряченко Т.Н.	Роль языка и ментальности в обучении русскому языку как неродному ……	390
Герфанова Э.Ф.	Лингвокультурологический подход в обучении иностранному языку ……..	396

Ерназарова З.Ш.	Национальные лингвокультурные концепты и проблемы обучения казахскому языку ……..	402
Есенова К.У.	Личность журналиста на казахском радио	408
Константинова Е.С., Раздуев А.В.	Основные характеристики лексической и терминологической сочетаемости ……..	416
Кочкомбаева К.Т. Бакашова Г.К.	Использование игровых технологий на уроках иностранного языка	423
Криницкая М.Ю.	Двусторонние номинации в сопоставительном аспекте (на материале русского и китайского языков) …….	428
Попова Т.И.	Принципы отбора и лингводидактического описания жанров речи в преподавании РКИ ……..	435
Рахметова Р.С.	Роль когнитивных исследований в образовательном процессе ……..	441
Серикказыкызы Акбота	Морфологические особенности армяно-кыпчакского памятника «ТӨРЕ БІТІГІ» …….	448
Солейник В.В.	Соматические фразеологизмы, выражающие положительные эмоциональные состояния человека (на материале русского и китайского языков) ……..	453
Тургалеева А.Т.	Казахский язык: языковая политика семьи и мотивация …	461
Чаканова С.Д.	Методическая характеристика технологии обучения русскому языку как иностранному …….	467
	Список трудов профессора Замиры Касымбековны Дербишевой	474
	Содержание …….	483

Книжные новинки, изданные под ред. проф. М.Влад. Пименовой:

1. Вестник Кемеровского государственного университета. Серия Филология / Науч. ред. М.В. Пименова. – Кемерово, 2002. – Вып. 4 (12).
2. Концепт. Образ. Понятие. Символ: коллективная монография: к 70-летию проф. В.В. Колесова / Отв. ред. М.В. Пименова. – Кемерово: ИПК «Графика», 2003. – 276 с.

Серия «Этногерменевтика и этнориторика»:

1) Этногерменевтика: грамматические и семантические проблемы / отв. ред. Е.А. Пименов, Х. Бартель. – Кемерово: Кузбассвузиздат; Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 1998. (Серия «Этногерменевтика и этнориторика». Вып. 1).
2) Этногерменевтика и языковая картина мира: тезисы докладов I междунар. конф. (Кемерово, 27-28 июня 1998 г.). – Кемерово: КемГУ, 1998. (Серия «Этногерменевтика и этнориторика». Вып. 2).
3) Этногерменевтика: фрагменты языковой картины мира / отв. ред. Е.А. Пименов, М.В. Пименова. – Кемерово: Кузбассвуиздат; Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 1999. (Серия «Этногерменевтика и этнориторика». Вып. 3).
4) Этногерменевтика: некоторые подходы к проблеме / отв. ред. М.В. Пименова, Е.А. Пименов. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1999. (Серия «Этногерменевтика и этнориторика». Вып. 4).
5) Пименова М.В. Этногерменевтика языковой наивной картины внутреннего мира: монография. – Кемерово: Кузбассвуиздат; Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 1999. (Серия «Этногерменевтика и и этнориторика». Вып. 5).
6) Sprechen und Handeln in Kulturen/ Hrsg. H.Barthel. – Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 2001. (Reihe «Ethnohermeneutik und Ethnorhetorik». Bd. 6).
7) Mentalität. Konzept. Gender / Hrsg. von E.A.Pimenov, M.V.Pimenova. Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 2000.350 S. (Reihe «Ethnohermeneutik und Ethnorhetorik». Bd. 7).
8) Sprache. Kultur. Mensch. Ethnie / Hrsg. von M.V. Pimenova. – Landau: Verlag Empiriche Pädagogik, 2002. – 336 S. (Reihe «Ethnohermeneutik und Ethnorhetorik». Bd. 8).
9) Mentalität und Mentales / Hrsg. von E.A. Pimenov, M.V. Pimenova. – Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 2003. 250 S. (Reihe «Ethnohermeneutik und Ethnorhetorik». Bd. 9).
10) Ethnohermeneutik und Antropologie / Hrsg. von E.A. Pimenov, M.V. Pimenova. Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 2004. 644 S. (Reihe «Ethnohermeneutik und Ethnorhetorik». Bd. 10).
11) Welt in der Sprache / Hrsg. von E.A. Pimenov, M.V. Pimenova. – Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 2005. – 540 S. (Reihe «Ethnohermeneutik und Ethnorhetorik». Bd. 11).

Серия «Филологический сборник»:

1) Филологический сборник / отв. ред. Е.А. Пименов, М.В. Пименова. Кемерово: КемГУ, 2000. 103 с.
2) Филологический сборник / отв. ред. М.В. Пименова. – Кемерово: Комплекс «Графика», 2002. – Вып. 2. 236 с.
3) Язык. Культура. Человек. Этнос / отв. ред. М.В. Пименова. – Кемерово: Комплекс «Графика». – 204 с. (Серия «Филологический сборник. Выпуск 3).
4) Человек и его язык / отв. ред. Е.А. Пименов, М.В. Пименова. – Кемерово: Комплекс «Графика», 2003. 211 с. (Серия «Филологический сборник». Вып. 4).
5) Язык. История. Культура: сборник научных трудов, посвящённый 50-летию Кемеровского государственного университета и 25-летнему юбилею кафедры исторического языкознания и славянских языков КемГУ / отв. ред. М.В. Пименова. – Кемерово: Комплекс «Графика», 2003. 299 с. (Серия «Филологический сборник. Вып. 5).
6) Мир и язык / отв. ред. Е.А. Пименов, М.В. Пименова. – Кемерово: Комплекс «Графика», 2005. 213 с. (Серия «Филологический сборник». Вып. 6).
7) Грамматика. Семантика. Концептология / отв. ред. Е.А. Пименов, М.В. Пименова. Кемерово: Графика, 2005. 242 с. (Серия «Филологический сборник». Вып. 7).
8) Изменяющаяся Россия: Новые парадигмы и новые решения в лингвистике: материалы I Международной научной конференции (Кемерово, 29-31 августа 2006 г.): в 4-х частях / отв. ред. Е.А. Пименов, М.В. Пименова. – Кемерово, 2006. (Серия «Филологический сборник». Вып. 8).
9) Концептосфера и языковая картина мира / отв. ред. М.В. Пименова. – Кемерово: КемГУ, 2006. 303 с. (Серия «Филологический сборник». Вып. 9).
10) Политика в зеркале языка и культуры: сборник научных статей, посвященный 60-летнему юбилею проф. А.П. Чудинова; отв. ред. М.В. Пименова. – Москва: ИЯ РАН, 2010. 573 с. (Серия «Филологический сборник». Вып. 10).
11) Концептуальные и семантико-грамматические исследования: памяти проф. Евгения Александровича Пименова: сборник научных статей; отв. ред. М.В. Пименова. – Москва: ИЯ РАН, 2011. – 828 с. (Серия «Филологический сборник». Вып. 11).

12) Язык и культура; отв. соред. Б.К. Момынова, М.В. Пименова. – Алматы-Кемерово-Витебск-Донецк: КазНУ, КемГУ, ВГУ, ДонНУ, 2013. – 424 с. (Серия «Филологический сборник». Вып. 12).
13) Новые парадигмы в когнитивной лингвистике; отв. соред. Б.К. Момынова, М.В. Пименова. – Алматы – Кемерово – Витебск – Бишкек: КГУ, КазНУ, КемГУ, ВГУ, 2014. – 688 с. (Серия «Филологический сборник». Вып. 13).
14) Вопросы лингвистики начала XXI века; отв. соред. Г.Ш. Оразгалиева, М.В. Пименова. – Караганда: Болашак-Боспа, 2016. – 259 с. (Серия «Филологический сборник». Вып. 14).
15) Когнитивная лингвистика и концептуальные исследования; отв. соред. Б.К. Момынова, М.В. Пименова. – Талдыкорган – Санкт-Петербург – Кемерово: ЖГУ, КемГУ, 2015. – 130 с. (Серия «Филологический сборник». Вып. 19).

Серия «Концептуальные исследования»:
1. Язык. Этнос. Картина мира: сборник научных трудов / отв. ред. М.В. Пименова. – Кемерово: Графика. 186 с. (Серия «Концептуальные исследования. Вып.1).
2. Мир человека и мир языка: коллективная монография / отв. ред. М.В. Пименова. – Кемерово: Графика. 373 с. (Серия «Концептуальные исследования. Вып. 2).
3. Пименова М.В. *Душа* и *дух*: способы концептуализации: монография. – Кемерово: Комплекс «Графика». 386с. (Серия «Концептуальные исследования. Вып. 3).
4. Попова З.Д., Стернин И.А., Карасик В.И., Кретов А.А., Борискина О.О., Пименов Е.А., Пименова М.В. Введение в когнитивную лингвистику: учебное пособие / отв. ред. М.В. Пименова. – Кемерово: ИПК «Графика», 2004. 210 с. (Серия «Концептуальные исследования. Вып. 4).
5. Пименова М.В., Кондратьева О.Н. Введение в концептуальные исследования: учебное пособие. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2006. 150 с. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 5).
6. Концептуальные сферы «мир» и «человек»: коллективная монография, 2005. – Кемерово: Комплекс «Графика». 313 с. (Серия «Концептуальные исследования. Вып. 6).
7. Ментальность и язык: коллективная монография. – Кемерово, 2006. 256 с. (Серия «Концептуальные исследования. Вып. 7).
8. Новое в когнитивной лингвистике: материалы I Международной научной конференции (Кемерово, 29-31 августа 2006 г.) / отв. ред. М.В. Пименова. – Кемерово, 2006. 1002 с. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 8).
9. Пименова М.В. Концепт *сердце*: образ, понятие, символ: монография. Кемерово, 2007. 500 с. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 9).
10. Труды по когнитивной лингвистике: к 30-летию кафедры общего языкознания и славянских языков КемГУ / отв. ред. М.В. Пименова. – Кемерово: КемГУ, 2008. 719 с. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 10).
11. Изменяющаяся Россия и славянский мир: новое в концептуальных исследованиях: сборник статей / отв. ред. М.В. Пименова. – Севастополь: Рибэст, 2009. – 808 с. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 11).
12. Концептуальні дослідження в сучасній лінгвістиці: збірник статей / відп. ред. М.В. Пименова. – Санкт-Петербург-Горлівка: Видавництво ГДПІІМ, 2010. – 558 с. (Серія «Концептуальні дослідження». Вип. 12).
13. Человек и его язык: памяти проф. Е.А. Пименова / отв. ред. М.В. Пименова. – Москва: ИЯ РАН, 2011. – 676 с. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 13).
14. Колесов В.В., Пименова М.В. Языковые особенности русской ментальности: учебное пособие; отв. ред. М.В. Пименова. – Кемерово: КемГУ, 2011. – 136 с. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 14).
15. Когнитивная лингвистика: новые парадигмы и новые решения: сборник статей / отв. ред. М.В. Пименова. – Москва: ИЯ РАН, 2011. – 704 с. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 15).
16. Колесов В.В, Пименова М.В. Концептология: учебное пособие; отв. ред. М.В. Пименова. – Кемерово: КемГУ, 2013. – 248 с. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 16).
17. Когнитивная лингвистика и концептуальные исследования: сборник научных статей; отв. ред. М.В. Пименова. – Кемерово, 2012. – 602 с. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 17).
18. Стереотипы лингвокультуры: коллективная монография; отв. ред. М.В. Пименова. – Киев: Издательский дом Д. Бураго, 2013. – 112 с. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 18).
19. Колесов В.В., Пименова М.В., Теркулов В.И. Гедонизм как явление русской лингвокультуры (на примере концепта *удовольствие*): коллективная монография. – Киев: Издательский Дом Д. Бураго, 2012. – 208 с. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 19).
20. Новое в когнитивной лингвистике XXI века: сборник научных статей / отв. ред. М.В. Пименова. – Киев: Издательский дом Д. Бураго, 2013. – 488 с. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 20).
21. Когнитивная лингвистика XXI века: сборник научных статей / отв. ред. М.В. Пименова. – Бишкек-Волгоград-Екатеринбург-Санкт-Петербург, 2015. – 314 с. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 21).

Серия «Славянский мир»:
1. Ментальность и изменяющийся мир: коллективная монография: к 75-летию проф. В.В. Колесова / отв. ред. М.В. Пименова. – Севастополь: Рибэст, 2009. – 504 с. (Серия «Славянский мир». Вып. 1).
2. Изменяющийся славянский мир: новое в лингвистике: сборник статей / отв. ред. М.В. Пименова. Севастополь: Рибэст, 2009. – 663 с. (Серия «Славянский мир». Вып. 2).
3. Ментальность народа и его язык: сборник статей / отв. ред. М.В. Пименова. – Севастополь: Рибэст, 2009. – 498 с. (Серия «Славянский мир». Вып. 3).
4. Новое в славянской филологии: сборник статей / отв. ред. М.В. Пименова. – Севастополь: Рибэст, 2009. – 560 с. (Серия «Славянский мир». Вып. 4).
5. Язык и ментальность: сборник статей; отв. ред. М.В. Пименова. – СПб.: СПбГУ, 2010. – 696 с. (Серия «Славянский мир». Вып. 5).
6. Современные подходы к исследованию ментальности: сборник статей; отв. ред. М.Вл. Пименова. – Санкт-Петербург: СПбГУ, 2011. – 639 с. (Серия «Славянский мир». Вып. 6).
7. Пименова М.В. Языковая картина мира: учебное пособие. – Кемерово: КемГУ, 2011. – 105 с. (Серия «Славянский мир». Вып. 7).
8. Пименова М.В. Русская сказка: учебное пособие. – Киев: Издательский дом Дмитрия Бураго, 2012. – 68 с. (Серия «Славянский мир». Вып. 8).

Серия «Концептуальный и лингвальный миры»:
1. Образ России в зеркале языка: сборник научных статей; отв. соред. М.Влад. Пименова, В.И. Теркулов. – Москва: Флинта; Наука, 2010. – 740 с. (Серия «Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 1).
2. Человек. Язык. Культура: сборник научных статей, посвященных 60-летнему юбилею проф. В.И. Карасика: в 2-х ч.; отв. соред. В.В. Колесов, М.Влад. Пименова, В.И. Теркулов. – Киев: Издательский дом Д. Бураго, 2013. – Изд. 2. – Часть 1. – 872 с. Часть 2. – 560 с. (Серия «Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 2).
3. Лингвистика XXI века: сборник научных статей: к 65-летнему юбилею В.А. Масловой; соред. В.В. Колесов, М.В. Пименова, В.И. Теркулов. – М.: Флинта, Наука, 2014. – 880 с.
4. Человек и его мир в зеркале языка: к 75-летнему юбилею В.А. Виноградова: коллективная монография / Отв. соред. В.В. Колесов, М.В. Пименова, В.И. Теркулов. – Киев: Издательский дом Д. Бураго, 2014. – 128 с. (Серия «Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 3).
5. Современная лингвистика и исследования ментальности в XXI веке: коллективная монография: к 80-летнему юбилею профессора В.В. Колесова; отв. соред. М.В. Пименова, В.И. Теркулов. – Киев: Издательский Дом Д. Бураго, 2014. – 376 с. (Серия «Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 5).
6. Пименова М.В. Этногерменевтика русской сказки: монография. – Санкт-Петербург: ВИ ЖДВ и ВОСО, 2014. – 256 с. (Серия «Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 6).
7. Лингвистика начала XXI века: к 50-летнему юбилею проф. В.И. Теркулова: коллективная монография / В.А. Виноградов, С.Г. Воркачев, В.И. Карасик, В.В. Колесов, В.А. Маслова, М.В. Пименова, В.И. Теркулов / Отв. ред. М.В. Пименова. – Санкт-Петербург: ВИ ЖДВ и ВОСО, 2014. – 224 с. (Серия «Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 7).
8. Мир языковых форм: сборник научных статей: к 95-летию проф. Г.П. Цыганенко / Отв. ред. В.В. Колесов, М.В. Пименова, В.И. Теркулов. – Санкт-Петербург: ВИ ЖДВ и ВОСО, 2015. – 277 с. (Серия «Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 8).
9. Маслова В.А., Пименова М.В. Коды культуры в пространстве языка. – Санкт-Петербург, 2015. – 152 с. (Серия «Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 9).
10. Лингвокультура и концептуальное пространство языка; отв. соред. О.Н. Морозова, М.В. Пименова. – СПб.: СПбГЭУ, 2016. – 554 с. (Серия «Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 10).
11. Русский язык как фактор культурно-образовательной интеграции общества / отв. соред. О.Н. Морозова, М.В. Пименова. – Санкт-Петербург: СПбГЭУ, 2016. – 535 с. (Серия «Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 11).
12. Язык, культура, этнос: сб. науч. статей, посвященный 65-летнему юбилею проф. Замиры Касымбековны Дербишевой / отв. соред. О.Н. Морозова, М.В. Пименова. – Бишкек – Санкт-Петербург: СПбГЭУ, 2017. – 490 с. (Серия «Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 12).

Серия «Поликультурное пространство языка в Казахстане»:
1. Мир языка: сборник научных статей; отв. соред. Г.Н. Кенжебалина, М.В. Пименова. – Павлодар-Кемерово-Витебск: Кереку, 2012. – 297 с. (Серия «Поликультурное пространство языка в Казахстане». Вып. 1).
2. Концепт и дискурс: коллективная монография; отв. соред. Г.Н. Кенжебалина, М.В. Пименова. – Павлодар-Кемерово-Киев-Витебск: Кереку, 2012. – 178 с. (Серия «Поликультурное пространство языка в Казахстане». Вып. 2).

3. Язык как реальность событий: сборник научных статей; отв. соред. Г.Н. Кенжебалина, М.В. Пименова, В.И. Теркулов. – Павлодар-Кемерово-Донецк: Кереку, 2013. – 316 с. (Серия «Поликультурное пространство языка в Казахстане». Вып. 2).
4. Человек. Язык. Культура: коллективная монография; отв. соред. Г.Н. Кенжебалина, М.В. Пименова. – Павлодар-Кемерово-Донецк: Кереку, 2013. – 149 с. (Серия «Поликультурное пространство языка в Казахстане». Вып. 4).
5. Поликультурное пространство языка на постсоветском про-странстве: коллективная монография / отв. соредакторы Ж. Ж. Капенова, М. В. Пименова. – Санкт-Петербург: СПбГЭУ, 2016. – 256 с. (Серия «Поликультурное пространство языка в Казахстане». Вып. 5).
6. Пименова М.В., Капенова Ж.Ж. Концептуальные исследования в современной лингвистике (на примере ландшафтных концептов): монография. – Санкт-Петербург: СПбГЭУ, 2016. – 152 с. (Серия «Поликультурное пространство языка в Казахстане». Вып. 6).

Журнал «Новые парадигмы и новые решения в современной лингвистике»:
1. Новые парадигмы и новые решения в современной лингвистике; гл. ред. М.В. Пименова. – Кемерово, 2013. – Вып. 1. – 128 с.
2. Новые парадигмы и новые решения в современной лингвистике; гл. ред. М.В. Пименова. – Кемерово, 2013. – Вып. 2. – 144 с.
3. Новые парадигмы и новые решения в современной лингвистике; гл. ред. М.В. Пименова. – Кемерово, 2013. – Вып. 3. – 124 с.
4. Новые парадигмы и новые решения в современной лингвистике; гл. ред. М.В. Пименова. – Кемерово, 2014. – Вып. 4. – 82 с.
5. Новые парадигмы и новые решения в современной лингвистике; гл. ред. М.В. Пименова. – Санкт-Петербург, 2015. – Вып. 5. – 100 с.
6. Новые парадигмы и новые решения в современной лингвистике; гл. ред. М.В. Пименова. – Санкт-Петербург, 2015. – Вып. 6. – 128 с.

E-mail: MVPimenova@yandex.ru

Научное издание

Серия «Концептуальный и лингвальный миры»

Выпуск 12

Язык, культура, этнос

Сборник статей

Оригинал-макет: М.В. Пименова
Технический редактор: М.В. Пименова

Подписано к печати 12.04.2017 г. Формат 1/16.
Бумага офсетная. Гарнитура типа Times. Печать офсетная.
Усл.печ.л. 30,6. Тираж 100 экз. Заказ № ___.